У4 2/1
т.29

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XXIX.

ОДЕССА.
„Славянская“ типографія Е. Хрисогелосъ, улица Кондратенко, домъ № 8.
1911.

У 4 2/1

СОБРАНІЕ КНИГЪ
№ IV/938.
Л. М. САВЕЛОВА

К 6 2/68
13/73

ЗАПИСКИ

Bibl. Bobrinskoï.
Division № VIII 6
№ du volume 12993
Armoire

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XXIX.

ОДЕССА.
„Славянская“ типографія Е. Хрисогелосъ, улица Кондратенко, домъ № 8.
1911.

Печатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-президентъ **А. Л. Бертье-Делагардъ.**
Секретарь проф. **М. Г. Попруженко.**

274699

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изслѣдованія. Стр.

1) Записки по исторіи Сѣверо-восточнаго побережья Чернаго моря. Сочи. Д. чл. *П. П. Короленко*. . . . . 1— 20

2) Нѣсколько античныхъ бронзъ изъ коллекціи Одесскаго музея. Поч. чл. *Э. Р. фонъ-Штернъ*. . . . . 21— 44

3) Слово о полку Игоревѣ. Источники и миѳологія Слова. Его научное и воспитательное значеніе. Д. чл. *А. В. Лонгиновъ* . . . . . 45—116

4) О монетахъ властителей Боспора Киммерійскаго, опредѣляемыхъ монограммами. Поч. чл. *А. Л. Бертье-Делагардъ* . 117—232

5) Основные моменты въ исторіи критско-микенскаго искусства. Д. чл. *Е. Г. Кагаровъ* . . . . . 233—255

II. Матеріалы.

1) Изъ матеріаловъ для исторіи Одесскихъ просвѣтительныхъ учрежденій. Публичная библіотека. Д. чл. *М. Г. Попруженко* . . . . . 1— 58

2) Изъ матеріаловъ для исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Южной Россіи. Чл.-сотр. *А. Ф. Флоровскій* . . . . . 59— 81

3) Изъ матеріаловъ для исторіи армянъ на югѣ Россіи. *Л. М. Меликсетъ-Бековъ*. . . . . 82— 93

III. Протоколы.

Доклады: 1) Д. чл. *Ю. Ю. Марти*—„Три христіанскихъ надгробія, пріобрѣтенныя для Мелекъ-Чесменскаго кургана въ 1908 и 1909 г.“. *(Засѣд. 399)*. . . . . 4— 11

2) Д. чл. *М. Г. Попруженко* — „Памяти вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Н. И. Пирогова“. *(Засѣд. 404)*. . . . . 38— 45

Стр.

Доклады: 3) Д. чл. прот. *С. Петровскаго*—„Н И. Пироговъ въ Севастополѣ“ *(Засѣд. 404)* . . . 46— 75

4) Д. чл. *Б. В. Варнеке*—„По поводу древнегреческой вазы изъ собранія Императорскаго Эрмитажа. *(Засѣд. 404)*. . . . . 76— 83

5) Д. чл. *М. Г. Попруженко* — „Посвященное въ 1806 г. Одессѣ стихотвореніе“. *(Засѣд. 405)*. . . . . 86— 87

6) Д. чл. *Ю. Ю. Марти*—„Надгробная эпитафія Музы, жены Полистрата“. *(Засѣд. 405)* . . 88— 93

7) Д. чл. *М. Г. Попруженко*—„Изъ матеріаловъ по исторіи благоустройства Одессы“. *(Засѣд. 406)* . . . . . 97—102

8) Чл.-сотр. *А. И. Селенгинскаго*—„О поѣздкѣ въ с. Надушиту Сорокскаго у., Бессарабской губ.“. *(Засѣд. 411)* . . . . . 122—124

Записки по исторіи Сѣверо-восточнаго побережья Чернаго моря.

СОЧИ.

Посадъ Сочи расположенъ на сѣверовосточномъ берегу Чернаго моря, при устьѣ рѣки Сочи, впадающей въ Черное море. Въ топографической таблицѣ Восточнаго берега Чернаго моря, по периплу Безыменнаго и по компасовымъ картамъ, въ сравненіи съ нынѣшними, рѣка Сочи именуется «*Соча-пста*». Есть еще другая р. Соча-Быхтъ, и иначе называется но италіанскимъ картамъ XIV и XV ст. Costo, gusto, Chasto[1]) но нынѣшняя Хоста отстоитъ отъ Сочи на востокъ въ 22 верстахъ, а Соча-Быхтъ по письменнымъ источникамъ и устнымъ разсказамъ указываютъ гораздо ближе въ ту-же сторону, всего верстахъ въ 3-хъ отъ Сочи-Псты[2]). Р. Соча-Пста находится въ предѣлахъ древней Джигетіи, извѣстной въ исторіи еще до Р. Х. такъ какъ въ I в. Апостолы проповѣдывали уже джигетамъ св. Евангеліе Господа нашего Іисуса Христа. Но съ I до XIX ст. въ исторіи Соча-Пста для насъ пустыя страницы.

Мы имѣемъ только нѣкоторыя общія свѣдѣнія о сѣверовосточномъ побережіи Чернаго моря. Греки первые изъ европейцевъ, проплывши по слѣдамъ аргонавтовъ, слѣдовавшихъ послѣ паденія Трои съ Язономъ въ пламенную Колхиду, за золотымъ руномъ, баснословнаго барана, завели колоніи на этомъ побережіи въ земляхъ туземныхъ племенъ Колхиды.

Колоніи эти вмѣстѣ съ туземцами вошли въ составъ Понтійскаго царства, но въ I ст. до Р. Х. Митридатъ, царь понтійскій, потерялъ свое господство надъ Колхидой, разбитый римскимъ полководцемъ Помпеемъ на восточныхъ берегахъ Чернаго моря и преслѣдуемый римскими легіонами онъ бѣжалъ изъ Малой Азіи, берегомъ этого моря, въ свою резиденцію на Босфоръ Кеммерійскій.

Съ этого времени начинается римское владычество въ этомъ краѣ, ему покорились и царь Колховъ и всѣ другіе властители народовъ, жившихъ на сѣверовосточныхъ берегахъ Чернаго моря.

По раздѣленіи Имперіи на Римскую и Византійскую, этотъ край сталъ подвластнымъ византійскимъ Императорамъ, изъ которыхъ

---

[1]) Таблица помѣщена въ IX т. Зап. Одес. Общ. Истор. и Древностей.

[2]) Указанія свѣдущихъ мѣстныхъ жителей и по другимъ документамъ.

Юстиніаномъ введена между народами западнаго Кавказа христіанская религія, и начали строиться храмы, остатки которыхъ видимы и до сихъ поръ на Черноморскомъ побережіи. Въ періодъ этого времени до распространенія, послѣ паденія Византіи,—турецкаго владычества, въ этомъ краѣ была смѣна разныхъ народностей. Здѣсь боролись за обладаніе сѣверовосточнымъ Черноморскимъ побережьемъ: Греки, Римляне, Византійцы, Персы, Грузины, Абхазы, Генуэзцы и Турки. Всѣ эти народы враждовали между собой въ теченіе долгихъ вѣковъ и за обладаніе страной и за возстановленіе религіи. Строились и разрушались города, воздвигались крѣпости и храмы,—живописныя развалины которыхъ и теперь еще видны по Черноморскому побережью, на земляхъ азіатскихъ народовъ. Но къ глубокому сожалѣнію, нельзя сказать того о цивилизованномъ народѣ Русскаго государства, содѣйствующемъ своими руками стихійнымъ силамъ природы къ скорѣйшему разрушенію памятниковъ древности.

Послѣ окончанія съ турками войны въ 1829 году по Адріанопольскому договору Россіи досталось сѣверовосточное побережье Чернаго моря, съ землями жившихъ тамъ народовъ, называвшихся черкесами, разныхъ племенъ. Въ числѣ этихъ племенъ были разныя группы горцевъ, принадлежавшихъ къ народу древней Джигетіи.

Джигеты, разбившись на племена, удержали за собою древнее свое имя только на небольшомъ пространствѣ земли на берегу моря отъ Гагръ до окрестностей Сочи, всѣ прочія племена, имѣвшія частныя названія по урочищамъ, обыкновенно были извѣстны подъ именемъ Убыховъ.

Принявъ отъ турокъ новую границу на сѣверовосточномъ побережьи Чернаго моря, русское правительство желало мирнымъ путемъ присоединить къ Россіи уступленныя султаномъ земли черкескихъ народовъ, но послѣдніе и слушать объ этомъ не хотѣли.

Они не вѣрили, чтобы ихъ падишахъ, котораго они боготворили, какъ главу мусульманъ, отдалъ вольный черкесскій народъ невѣрнымъ русскимъ гяурамъ. Послѣ этого начались посланія изъ горъ депутацій въ Константинополь за справками о дѣйствительности существованія Адріанопольскаго трактата, который предъявляло имъ русское начальство. Горцы обращались къ турецкому двору съ тѣмъ, что если на самомъ дѣлѣ султанъ при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ рѣшилъ отдать черкесовъ во власть русскимъ, то чтобы онъ взялъ ихъ обратно въ свое вѣдѣніе и защитилъ ихъ отъ посягательства русскихъ на ихъ земли, свободу и вольность, которыми они пользовались съ незапамятныхъ временъ и которыхъ они ни за какія обѣщанныя блага не уступятъ русскимъ.

Я не вхожу въ подробныя объясненія всѣхъ историческихъ событій того времени, такъ какъ они принадлежатъ особой исторіи Черноморскаго побережья Русской имперіи, а скажу только, что русскій Государь, не желая насилія надъ новыми своими подданными,

пожелавшими покориться Россіи, ограничился въ первые годы господства въ семъ краѣ тѣмъ, что распорядился заслонить имъ своими судами морскіе берега для свободнаго сношенія ихъ съ турками, въ торговлѣ рабами и доставленіи горцамъ запасовъ для военныхъ дѣйствій противъ русскихъ. Само турецкое правительство хотя оффиціально и не принимало прошеній и протестовъ черкесовъ, но въ тайнѣ имъ симпатизировало и не мѣшало частнымъ лицамъ доставлять на черкесскіе берега оружіе и военные припасы для борьбы съ русскими.

Такъ какъ черкесскіе народы не желали покориться Россіи, а крейсировавшія на ихъ берегахъ русскія суда не достигали намѣченной цѣли, то для усиленія русской власти предположено было построить на сѣверовосточномъ черноморскомъ побережьи крѣпости, которыя способствовали-бы съ одной стороны сближенію русскихъ съ черкесами и расположенію ихъ къ покорности русскому царю, а съ другой—служили-бы морскими станціями для нашихъ судовъ, крейсировавшихъ у этихъ береговъ для задержанія контрабандныхъ турецкихъ судовъ съ грузомъ военныхъ запасовъ и на обратномъ пути съ живымъ товаромъ, доставлявшимся черкесами на турецкіе рынки для гаремовъ вельможъ и самого султана.

Съ этой цѣлью съ 1837 года началась постройка укрѣпленій по этому побережью, разомъ съ двухъ сторонъ. Съ сѣверной стороны строилъ генералъ Вельяминовъ, а съ восточной стороны генералъ Симборскій. Послѣдній успѣлъ построить въ этомъ году одну только крѣпость на мысѣ Адлерѣ, названную по Высочайшему повелѣнію Константиновскимъ укрѣпленіемъ, переименованнымъ впослѣдствіи въ укрѣпленіе Св. Духа. По окончаніи работъ Симборскій, оставивъ въ укрѣпленіи гарнизонъ, съ остальными войсками осмотрѣвъ береговую мѣстность, возвратился въ Абхазію [1]).

На другой годъ Симборскій, сформировавъ въ Сухумѣ отрядъ войскъ, прибылъ моремъ къ устьямъ р. Сочи. Горцы всѣми силами старались не допустить нашъ отрядъ на берегъ, но, не смотря на жестокое ихъ сопротивленіе, Симборскій 13-го апрѣля высадилъ десантъ и занялъ гору съ лѣвой стороны широкаго устья этой рѣки. Это мѣсто, собственно говоря,—была не гора, а возвышенное на берегу моря плато, поднявшееся съ ущелья рѣки, окаймленное съ другихъ сторонъ глубокими оврагами, отъ которыхъ на сѣверо-восточную сторону возвышается гора; но по современнымъ письменнымъ документамъ и занятая Симборскимъ мѣстность называется горою. На этой прибрежной высотѣ произошло съ черкесами жестокое сраженіе, черкесы опрокинули передовыя колонны, отряда внизъ, нанесли жестокое пораженіе и отняли одну пушку, защемившуюся между деревьями;

[1]) Кавказскій сборникъ, т. VIII, Тифлисъ, 1884, стр. 126—130.

при чемъ находившійся при орудіи офицеръ Зміевъ изрубленъ въ куски. Подоспѣвшій секурсъ далъ возможность Симборскому вновь занять эту гору, но орудіе осталось въ рукахъ горцевъ. Часа черезъ три ожесточеннаго боя, наши войска вполнѣ овладѣли Сочинской горой, на берегу моря, предназначенной для постройки укрѣпленія. Тамъ Симборскій расположился лагеремъ.

За это короткое время у насъ выбыло изъ строя убитыми 1 офицеръ и 30 нижнихъ чиновъ, ранеными 5 офицеровъ и 172 нижнихъ чиновъ.

Дорого досталось намъ мѣсто Сочи, но и у горцевъ были большія потери [1]).

На другой день горцы не переставали нападать на наши прикрытія и во время расчистки мѣста подъ крѣпость переранили много нижнихъ чиновъ. Убыль людей изъ отряда продолжалась и далѣе въ общемъ-же числѣ потеря насчитывается убитыми и ранеными въ 262 человѣка [2]).

На мѣстѣ занятомъ русскимъ отрядомъ на горѣ и далѣе по ущелью р. Сочи было большое селеніе горцевъ, называвшееся *Соча*. Это селеніе вело значительный торгъ съ турками своими произведеніями и живымъ товаромъ, обычнымъ у черкесовъ на побережьѣ.

Тамъ жили Убыхи, занявшіе у Джигетовъ сказанную прибрежную часть. Селеніе это частью было занято нашими войсками, изъ котораго жители вышли въ горы [3]).

Чтобы обезпечить нѣкоторое спокойствіе отряду, Симборскій рѣшился завести переговоры съ владѣльцемъ Сочинскаго селенія, *Аубла Ахметомъ*, чрезъ явившагося въ лагерь за тѣлами убитыхъ горцевъ князя *Берзека*, и чрезъ него отправилъ къ горцамъ возваніе, въ которомъ выставивъ русскаго царя защитникомъ ихъ отъ враждебныхъ азіатскихъ племенъ и обманщиковъ англичанъ, разсѣивающихъ между ними ложныя обѣщанія турецкой защиты и вражду къ русскимъ; объяснялъ значеніе Адріанопольскаго договора, какъ подтвержденіе древнихъ правъ и вольностей черкесовъ, подъ покровительствомъ русскаго Государя. Далѣе Симборскій писалъ: Добровольное признаніе горцами надъ собой власти этого Монарха умножить ихъ благосостояніе; свободная торговля ихъ съ Россіей мѣстными товарами и вступленіе ихъ въ русскую службу откроютъ для нихъ поприще къ пріобрѣтенію богатства, почестей и славу.

Высказавъ все это Симборскій заявилъ, что войска по повелѣнію Государя прибыли на берега Чернаго моря для занятія новой границы,

---

[1]) Тамъ-же, стр. 168—169.

[2]) Акты Кавказск. Археограф. Коммисіи, т. IX, № 354. Журналъ военныхъ дѣйствій Симборскаго съ 13 по 18 число апрѣля 1838 года.

[3]) Тамъ-жс, стр. 167.

и самъ онъ назначенъ начальникомъ этого народа. По этому онъ требуетъ исполненія слѣдующихъ условій:

„1) Прекратить всѣ враждебныя противъ насъ дѣйствія.

2) Выдать аманатовъ по назначенію русскаго начальства...

3) Выдать всѣхъ нашихъ бѣглыхъ и плѣнныхъ.

4) Не принимать непокорныхъ на жительства въ свои аулы...

5) Лошадей, скота и барановъ, принадлежащихъ непокорнымъ жителямъ, въ свои стада не принимать...

6) Отвѣтствовать за пропускъ черезъ ваши земли хищниковъ, учинившихъ злодѣянія въ нашихъ границахъ.

7) Повиноваться постановленному отъ нашего правительства начальнику и

8) Ежегодно при наступленіи новаго года перемѣнять выданныя имъ охранные листы. Не исполнившіе-же сего будутъ сочтены непокорными и потому не должны ждать пощады отъ войскъ нашихъ“. На это возваніе горцы прислали отвѣтъ: Англичане имъ не враги, и, если они занимаются въ ихъ краѣ торговлей, то ихъ товары лучше русскихъ. Словомъ объ отдачѣ ихъ земли по Адріанопольскому миру Россіи они не вѣрятъ, а они съ незапамятныхъ временъ ничьими рабами не были и входить въ дѣла русскихъ не находятъ нужнымъ и не желаютъ, вѣрятъ словамъ находящихся у нихъ англичанамъ, что оттоманская Порта съ русскими по сему вопросу не вмѣшивалась. Рѣшительный отвѣтъ ихъ таковъ:

„Оставьте крѣпости, находящіеся въ Черкесской землѣ, перейдите за Кубань, и мы туда ходить не станемъ.

Тогда, если захотите, то будемъ жить съ вами въ дружбѣ. Въ письмѣ вашемъ вы просили выдачи отъ насъ аманатовъ и хотите поставить начальника надъ нами; Вы писали къ намъ довольно надменное и заносчивое письмо. Кто надъ нами начальникъ и кто можетъ давать намъ приказаніе?! Тѣмъ-ли вы взгордились, что овладѣли на берегу моря клочкомъ земли!“ При этомъ горцы заявили, что они болѣе писать не будутъ, и чтобы русскіе къ нимъ не писали, а иначе они посланнаго убьютъ, а письмо не читая разорвутъ[1]). Послѣ этого генералъ Симборскій прекратилъ дипломатическіе переговоры съ черкесами и старался разными путями склонить на свою сторону названнаго выше Аубла-Ахмета и пользовавшагося большою популярностью у горцевъ Хаджи-Берзека, но эти народные представители, несмотря на всѣ увѣщанія и обѣщанія Симборскаго, не поддавались.

Горцы все болѣе и болѣе ожесточались противъ русскихъ и 24-го апрѣля взяли было штурмомъ занятую нами Сочинскую при-

[1]) Изъ бумагъ генерала Раппиля, бывшаго начальницкомъ черноморской кордонной линіи.

брежную гору, но вскорѣ нашими войсками были сбиты и отрядъ удержался на прежней позиціи[1]).

Доставившая въ Сочи войска эскадра подъ начальствомъ контръ-адмирала Артюкова все время стояла у береговъ, но 30-го—31-го мая произошелъ большой штурмъ, и сильной бурей были выброшены два военныя суда, 60 пушечный фрегатъ „Варна“ и 24 пушечный корветъ „Мессемврія“, первый между устьями р. Сочи и возводимымъ укрѣпленіемъ, а послѣдній около двухъ верстъ далѣе отъ Сочи къ югу за мысомъ называемымъ Соча-Быхтъ, тогда-же было выброшено на берегъ и шесть купеческихъ судовъ, доставившихъ строительные матеріалы для укрѣпленія и разные запасы для отряда. Люди съ купеческихъ судовъ по мѣрѣ ихъ выбрасыванія на берегъ спасались особо наряженною командою. Для спасенія фрегата „Варна“, находившагося подъ командою лейтенанта Скоробогатова, Симборскій послалъ маіора Разанулова съ тремя ротами солдатъ подъ прикрытіемъ баталіона Эриванскаго карабинернаго полка. Эта колонна успѣшно дѣйствовала, и люди спасены; но спасать корветъ „Мессемврію“, выброшенный въ удаленіи отъ лагеря среди темной и бурной ночи, представлялось гораздо труднѣе; затрудненіе это увеличивалось еще болѣе тѣмъ, что къ тому мѣсту нельзя было послать колонну берегомъ; бушевавшія морскія волны захлестывали этотъ путь, а нагорнымъ берегомъ при темнотѣ чрезъ лѣсъ и крутые овраги, усѣянные толпами горцевъ, старавшихся завладѣть нашими выброшенными судами, было крайне опасно,—безъ явной гибели спасательныхъ войскъ. Въ три часа ночи когда морской прибой немного утихъ Симборскій отрядилъ маіора Антонова съ частью войскъ къ мѣсту крушенія „Мессемвріи“, приказавъ ему оставить тамъ на опушкѣ лѣса у возвышавшагося берега, часть людей, а съ остальнымъ отрядомъ около 1,000 человѣкъ пробираться берегомъ къ мѣсту крушенія „Мессемвріи“.

Не взирая на затруднительный и опасный путь, заливаемый волнами, войска къ разсвѣту достигли корвета, командиръ котораго капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, угрожаемый гибелью судна и людей среди разъярившихся морскихъ волнъ, приступилъ уже къ спасенію экипажа. Первые выскочившіе на берегъ матросы успѣли добѣжать къ подходившимъ войскамъ, но за ними 10 человѣкъ, захваченые черкесами. Храбрые милиціонеры князя Багратіона Мухранскаго успѣли отбить четырехъ человѣкъ, а остальные попали въ плѣнъ.

Охвативъ цѣпью мѣсто прибитаго къ берегу корвета, Антоновъ занялся спасеніемъ экипажа подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, но положеніе спасаемыхъ и спасителей становилось крайне опаснымъ. Къ 9 часамъ утра въ безпрерывномъ сраженіи съ горцами солдаты разстрѣляли патроны, оставалось въ запасѣ небольшое количество,

---

[1]) Кавказскій сборникъ, т. VIII, стр. 171.

посланные изъ лагеря патронные ящики хлынувшею морскою волною замочило и чуть не потянуло ихъ вмѣстѣ съ людьми въ морскія пучины. Тогда Антоновъ рѣшилъ отступить и пробиться по отлогому берегу сквозь густые ряды черкесовъ на возвышенность,—тѣмъ болѣе онъ считалъ это и необходимымъ, и возможнымъ, что весь экипажъ корвета былъ уже спасенъ. На выручку Антонова Симборскій послалъ подкрѣпленія. Приказавъ войскамъ стянуться къ кручѣ берега, Симборскій открылъ по наступавшимъ толпамъ горцевъ пальбу изъ легкихъ и горныхъ орудій; очистивъ артиллерійскимъ огнемъ впереди пространство съ боку отступившихъ войскъ Симборскій далъ имъ возможность прибыть въ лагеръ.

Въ эту ночь потеря людей была слѣдующая, кромѣ попавшихъ въ плѣнъ, убитыхъ офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 47, раненыхъ офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 137, утонуло въ морѣ снесенныхъ волной офицеровъ 2, рядовыхъ 8, ушиблено бревнами офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 10, а всего выбыло изъ строя офицеровъ 9, нижнихъ чиновъ 202 человѣка.

Эта злополучная ночь, кромѣ потери большаго числа людей, причинила еще большіе убытки для нашихъ войскъ, много погибло въ морѣ на наемныхъ разбитыхъ судахъ строительнаго матеріала: лѣса, желѣзныхъ частей и прочихъ припасовъ, доставленныхъ изъ Ростова-на-Дону для строенія крѣпости; сѣно привезенное для лошадей отряда большей частью было уже выгружено на берегъ, но сильной волной снесло въ море,—куда заброшена и часть порціоннаго скота [1]).

При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ прибылъ въ сочинскій отрядъ командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса Головинъ, котораго горцы привѣтствовали выстрѣлали изъ ружей и фалконета, изъ котораго постоянно бросали ядра въ лагерь. Такой салютъ не понравился Головину, и онъ приказалъ во чтобы ни стало отнять у черкесовъ фалкотонетъ. Но приказать было легко, да исполнить это трудно, а нужно было исполнить. Для этого былъ назначенъ подполковникъ Радкевичъ. Выждавъ ту минуту, когда горцы произвели выстрѣлы, Радкевичъ стремительно бросился на нихъ съ приготовленною колонною черезъ лѣсистый оврагъ, но едва только приблизился къ непріятельскимъ постамъ послѣдніе еще дали залпъ и поспѣшно отступили въ лѣсъ. Радкевичъ погнался вслѣдъ, и, не смотря на жестокую ихъ стрѣльбу, вырывавшую у насъ бѣжавшихъ впередъ солдатъ, все-таки настигъ ихъ на разстояніи версты отъ лагеря и отбилъ у горцевъ злополучный фалконетъ. Съ этимъ трофеемъ Радкевичъ, преслѣдуемый горцами, возвратился въ лагерь, потерявъ при этотъ 9 челов. нижнихъ чиновъ убитыми, 1 штабъ и 3 оберъ-офицеровъ и 34 чел. нижнихъ чиновъ ранеными [2]).

[1]) Тамъ-же, стр. 172—175. Рапортъ генерала Симборскаго корпусному командиру Головину 2 іюля 1838 года, № 27, съ вѣдомостями о потеряхъ людей и имущества.

[2]) Тамъ-же стр. 176—177.

Дорого стоилъ отбитый у горцевъ фалконетъ, послужившій трофеемъ сочинскому отряду. Побѣда незначительная, а потеря большая; пріобрѣтенный кусокъ желѣза не могъ вознаградить загубленную жизнь десятковъ людей, у которыхъ быть можетъ остались въ домахъ вдовы и сироты безъ надежды на возвращеніе своего кормильца. Да! Не даромъ говорятъ, что солдатъ пушечное мясо. Но долгъ службы заставляетъ его жертвовать своей жизнью. Такова ужъ судьба всякаго военнаго солдата и генерала безъ различія въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Заложенный генераломъ Головинымъ на прибрежной возвышенности фортъ и названный «Александрія», въ память заложенія его въ высокоторжественный день тезоименитства Государыни императрицы, къ концу іюля былъ уже постройкою оконченъ. Головинъ послѣ закладки уѣхалъ въ Тифлисъ, а Симборскій снялъ отрядъ на суда и отправился въ Абхазію,—оставивъ въ этомъ укрѣпленіи гарнизонъ изъ одной роты солдатъ [1]).

Изъ имѣющихся оффиціальныхъ данныхъ знаемъ, что фортъ «Александрія» строился по примѣру полевыхъ укрѣпленій изъ земли, привознаго дерева, кольевъ и хвороста добытыхъ на мѣстѣ, изъ разчищенныхъ зарослей да и время для постройки было короткое. Такая спѣшная постройка была настолько непрочна, что на другой годъ въ апрѣлѣ Раевскій осматривалъ всѣ укрѣпленія на береговой линіи нашелъ ихъ въ плохомъ состояніи; выстроенный всего мѣсяцевъ восемь назадъ фортъ «Александрія» нашелъ уже въ полуразрушенномъ состояніи: въ одномъ мѣстѣ, прилегающемъ къ глубокой рытвинѣ (съ восточной стороны) брустверъ обрушился на протяженіи 12-ти сажень, а въ двухъ другихъ мѣстахъ обвалилась одежда внутренней крѣпости сажень на шесть. На большой части укрѣпленія не было ни бойницъ, ни туровъ [2]).

Черкесы прошлой осенью и наступившей весной постоянно тревожили крѣпостной гарнизонъ, не давая людямъ ни днемъ, ни ночью покоя. Пользуясь сѣверовосточной горой, господствовавшей надъ крѣпостью на дальній ружейный выстрѣлъ, они постоянно пускали пули въ крѣпость, но къ счастью людей никого не убили; этому, вѣроятно, способствовали высокія каменныя стѣны, очевидно древней постройки. Напротивъ, внѣ крѣпости въ прикрытіи пастбищъ при происходившихъ перестрѣлкахъ съ горцами гарнизонъ постоянно терялъ людей [3]). Угнетенный тоской и унынiемъ при постоянномъ страхѣ вторженія въ слабое укрѣпленіе непріятеля, гарнизонъ форта «Александріи» страдалъ отъ болѣзней. По описанію Раевскаго, въ гарнизонѣ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 177.

[2]) Обезрѣніе Черноморской береговой линіи представленное военному министру при рапортѣ 26 апрѣля 1839 года, № 9. Кубан. воин. архивъ, опись черномор. береговой линіи. Дѣло 1839 г., № 47.

[3]) Тамъ-же.

при среднемъ числѣ около 400 человѣкъ, заболѣло въ одинъ мѣсяцъ до 100 чел., изъ нихъ умерло 5 чел. Это на побережьѣ можно было считать благопріятнымъ условіемъ, происходившимъ отъ возвышенности положенія крѣпости, напротивъ, въ другихъ укрѣпленіяхъ умирало больше людей.

Въ результѣ осмотра этого унрѣпленія генералъ Раевскій считалъ полезнымъ выстроить на вершинѣ сѣверовосточной горы, гдѣ собирались черкесы для стрѣльбы въ фортъ, отдѣльный блакгаузъ, который предоставилъ-бы въ наше распоряженіе окрестную мѣстность между той горой, фортомъ и р. Сочей.

Самый фортъ, по случаю соименнаго названія «Александрійской» крѣпости въ другомъ мѣстѣ, переименовать *Навагинскимъ*, на что по докладу военнаго министра и послѣдовало Высочайшее соизволеніе [1]).

Страхъ гарнизона Навагинскаго форта не былъ напраснымъ. Съ 27 по 28 число сентября того-же 1339 года въ темную $\frac{5}{8}$ ночь черкесы, собравшись въ большихъ силахъ въ $4^1/_2$ часа по полуночи подкрались съ трехъ сторонъ къ гласису форта, имѣя съ собой болѣе 30-ти лѣстницъ и длинные крючья или багры. Два часовыхъ замѣтили тогда, когда они взбирались на гласись и дали выстрѣлы. По этому сигналу часовыхъ черкесы съ крикомъ и пальбою бросились на стѣны, взлѣзая на нихъ по лѣстницамъ и хватаясь за туры крючьями. Въ это время гарнизонъ сталъ уже подъ ружье и кинулся къ валу, прежде, чѣмъ укрѣпленіе было занято, но, не зная настоящаго мѣста атаки, люди раздѣлились по всѣмъ фасамъ и потому по своей малочисленности не могли удержать штурмующихъ. Между тѣмъ, воинскій начальникъ маіоръ Посипкинъ сталъ съ резервомъ, собраннымъ близъ бастіона на сочинскомъ фронтѣ (къ сторонѣ р. Сочи), а поручикъ Яковлевъ съ другою горстью людей двинулся на другую сторону, на встрѣчу непріятеля, ворвавшагося уже въ укрѣпленіе со стороны воротъ, устроенныхъ противъ рѣки Сочи, на спускѣ. Оба эти храбрые офицеры были изрублены черкесами на мѣстѣ, но защитники отъ этого не остановились и близъ гауптвахты столь дружно встрѣтили главную толпу горцевъ въ штыки, что мгновенно ее опрокинули, положивши нѣсколько человѣкъ на мѣстѣ; прочіе офицеры съ солдатами удерживали непріятеля на Константиновскомъ фронтѣ (обрывъ въ турецкую балку) и сражались съ прорвавшимися внутрь укрѣпленія непріятелями. Здѣсь сражались уже остатки гарнизона не только здоровые, но даже и больные съ своимъ лекаремъ Тяжеловымъ и провіантскимъ чиновникомъ Татариновымъ, Дружнымъ натискомъ удалось опрокинуть черкесовъ въ оврагъ. Непріятель понесъ большія потери и отступилъ. На разсвѣтѣ укрѣпленіе было очищено отъ непріятеля, оставившаго на мѣстѣ 17 убитыхъ и 2 ра-

[1]) Тамъ-же.

неныхъ. Съ нашей стороны убито офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 4, раненыхъ офицеровъ 3 и нижнихъ чиновъ 17 человѣкъ [1]).

Нужно думать, что спасеніе гарнизона было не мужество его защитниковъ, опрокинувшихъ черкесовъ, а малое число штурмующихъ, успѣвшихъ кое-какъ перелѣзть черезъ каменную стѣну, куда была направлена масса горцевъ. При штурмѣ сказано выше, что горцы взлѣзая на стѣну, цѣплялись за нее желѣзными крючьями, значитъ у нихъ штурмовыя лѣсницы оказались короткими и, если посредствомъ багровъ удалось кое-какимъ отчаяннымъ смѣльчакамъ вскочить въ крѣпость то все-таки отъ этого неудачный штурмъ замедлился и далъ возможность гарнизону оправиться отъ сна и выставить въ ту сторону достатачно силъ для отраженія тѣхъ непріятелей, которые перебрались черезъ стѣну въ крѣпость. Такимъ образомъ, планъ черкесовъ взять внезапно фортъ среди ночи, съ соннымъ гарнизономъ, не удался, и, такъ-какъ первая атака тѣхъ не многихъ, которые успѣли перелѣзть черезъ стѣны была отбита, то не допускать другихъ горцевъ черезъ стѣны для бодрствовавшихъ солдатъ было уже второстепеннымъ трудомъ защиты; и вниманіе защитниковъ было уже направлено на Константиновскій фронтъ, какъ болѣе слабый пунктъ, куда горцамъ удалось ворваться черезъ ровъ и земляной валъ, зашищенный вмѣсто стѣны кольями и хворостомъ. И это не было единственнымъ явленіемъ.

Всѣ укрѣпленія на Черноморскомъ побережьи строились на скоро и при затруднительной доставкѣ моремъ строительныхъ матеріаловъ не могли считаться прочными; нѣкоторыя изъ нихъ вскорѣ послѣ ихъ постройки на другой уже годъ, какъ и самый Александрійскій фортъ, требовали значительныхъ исправленій, такъ какъ въ одну осень и зиму крѣпостныя верки совсѣмъ обрушивались [2]). Были случаи, что коменданты находились въ критическомъ положеніи и входили въ соглашеніе съ сосѣдними черкесами, страдавшими отъ голода и за кусокъ хлѣба вымѣнивали у нихъ вязанки хвороста для починки развалившагося своего укрѣпленія [3]).

Къ этому нужно еще прибавить, что укрѣпленія эти помимо плохого своего устройства были снабжены еще малочисленными гарнизонами, находившимися какъ бы въ тюремномъ заключеніи, при постоянной блокадѣ непріятеля, лишавшаго людей свободнаго выхода за ворота крѣпости, кромѣ морского берега, къ которому подходили наши крейсирующіе суда только въ то время, когда дозволяла морская погода.

Все это черкесы знали и въ злополучный 1840 годъ взяли нѣсколько укрѣпленій, бывшихъ на сѣверовосточныхъ берегахъ Чернаго

---

[1]) Акты Кавказск. Археографическ. Коммисіи, т. IX, № 408.
[2]) Кавказскій Сборникъ, т. 11, Тифлисъ, 1877 г., стр. 6, 9—10.
[3]) Кавказскій Сборникъ, т. XVII, Тифлисъ, 1896 г., стр. 228—229.

моря. Несчастные защитники павшихъ крѣпостей частью были вырѣзаны и уведены въ плѣнъ, а крѣпостное имущество разграблено.

Отъ этого погрома уцѣлѣлъ Навагинскій фортъ, который послѣ неудачнаго приступа въ 1839 году черкесы не рѣшались уже штурмовать.

Ужасную потерю на береговой линіи приписывали недостаточному вниманію начальника этой линіи, генерала Раевскаго. Конечно, нужно-же было найти виновное лицо и взвалить на него вину за жестокія потери людей и казеннаго имущества, но онъ былъ не виновенъ. Раевскій еще до рокового года дѣлалъ представленія по начальству о переустройствѣ нашихъ укрѣпленій на берегахъ Чернаго моря привезенными болѣе прочными матеріалами, усилить въ нихъ гарнизоны, увеличить береговой флотъ для безпрепятственной доставки въ укрѣпленія разныхъ припасовъ; относительно болѣзненности и смертности, Раевскій былъ того мнѣнія, что то и другое происходило помимо климатическихъ условій еще и отъ непомѣрныхъ трудовъ людей, постоянно занятыхъ починкою ветхихъ крѣпостныхъ сооруженій и замкнутой жизни въ крѣпостяхъ; кромѣ всего этого, считалъ необходимымъ допустить въ крѣпость женскій полъ, солдатокъ, полезныхъ во многихъ отношеніяхъ для развлеченій солдатъ, особенно молодыхъ лѣтъ [1]).

Взявъ болѣе слабыя береговыя укрѣпленія, черкесы не думали оставить въ покоѣ Навагинскій фортъ; взять его приступомъ послѣ первой неудачи они не рѣшались и думали одолѣть его другимъ способомъ. Такъ какъ постройки, проектируемаго Раевскимъ на сѣверо-восточной горѣ блокгауза, еще не производилась, то черкесы въ слѣдующемъ году рѣшили воспользоваться этой мѣстностью и устроили тамъ батарею, съ которой открыли кононаду по форту, намѣреваясь сначала разбить его, а потомъ уже покончить и съ гарнизономъ.

Приводя задуманный планъ въ исполненіе, горцы 28-го іюля, собравшись въ большомъ числѣ, открыли кононаду по Навагинскому форту изъ 4 орудій, на другой день также продолжали стрѣльбу изъ пушекъ; прицѣлы ихъ хотя и не всегда были удачны и гранаты большой частью пролетали мимо крѣпости, но одна граната ударила и разорвалась у зарядныхъ ящиковъ крѣпостной артиллеріи, находившейся въ переднемъ блокгаузѣ, изъ котораго, отъ взрыва, слетѣлъ верхъ, а отъ другой гранаты загорѣлись покрытые рогожами провіантскіе склады.

Этотъ опасный пожаръ, вспыхнувшій вблизи порохового погреба, былъ потушенъ. Черкескія ядра и гранаты, пробивая насквозь крѣпостныя зданія, сильно вредили гарнизону. 30-го числа нашими выстрѣлами изъ орудій черкескія амбразуры были сильно повреждены,

---

[1]) См. мою статью «Закубанскій край», журналъ Военный Сборникъ, 1896 г., № 8 стр. 377—378.

и пушечный огонь со стороны непріятелей сталъ затихать, а наконецъ и совсѣмъ замолкъ. Съ 30 по 31 число гарнизонъ ожидалъ штурма со стороны черкесъ, но его не было. Горцы бросили осаду, увезли пушки и разошлись по домамъ.

Причиной этому можно думать было прибывшее моремъ подкрѣпленіе Навагинскому форту, о которомъ горцы узнали, а иначе фортъ-бы погибъ [1]).

Въ концѣ 1841 года, генералъ Раевскій былъ уволенъ. На его мѣсто былъ назначенъ начальникомъ Черноморской береговой линіи генералъ Анрепъ. Этотъ генералъ былъ того мнѣнія, что спокойствіе на этомъ побережьѣ не установится до тѣхъ поръ, пока убыхи не будутъ приведены къ покорности Россіи силою оружія, для чего необходимо дать имъ на первый разъ чувствительный урокъ [2]).

Насколько мнѣніе этого генерала было основательно, трудно сказать. Убыхи, какъ и прочіе горцы, не имѣли центральнаго управленія, на которое можно-бы имѣть давленіе русской власти силою оружія. Этотъ народъ былъ вольный, и покуда они жили на своей землѣ, можно было считать ихъ врагами Россіи. Покорить одно племя и оставить другія во враждебныхъ отношеніяхъ, при тогдашнемъ положеніи, нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, едва-ли принесло-бы нашему правительству пользу; опытъ и въ то уже время доказывалъ, что черкесы, при видѣ опасности со стороны нашихъ войскъ, мирились съ русскими, но едва эта опасность миновала, они по прежнему становились враждебны. Особенно мѣтко охарактеризовали ихъ черноморскіе казаки, они говорили, что *черкесъ въ день мирный, а въ ночи дурный*.

Репрессіи съ нашей стороны въ землѣ горцевъ, сопровождавшіяся разореніями этихъ храбрыхъ сыновъ горъ Кавказа, тогда не достигали цѣли: разореніе и сжиганіе ихъ ауловъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ плетеныхъ сакель, приносили имъ убытокъ, но не могли заставить цѣлое племя смириться передъ грознымъ русскимъ оружіемъ. Русскій мечъ и огонь не укрощалъ, а еще больше озлоблялъ дикаго горца противъ русскихъ.

Не смотря на все это, 23 апрѣля 1842 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о движеніи нашихъ военныхъ силъ противъ убыховъ..." дабы рѣшительнымъ покореніемъ этого враждебнаго племени уничтожить главное основаніе непріятельскихъ дѣйствій".

Убыхи, узнавъ о намѣреніи русскихъ вторгнуться въ ихъ земли, стали приготовляться къ оборонѣ посредствомъ заваловъ дорогъ камнями и лѣсомъ и начали стягивать своихъ воиновъ. Прежде всего они стали удалять изъ ауловъ свои семейства и имущество въ дальнія горы, портили дороги, по которымъ ожидали прохода русскихъ, и къ

---

[1]) Акты Кавк. Археограф. Ком., т. IX, № 437.
[2]) Кавказскій сборникъ, т. XIV, Тифлисъ 1890 г. № 304.

октябрю въ долинѣ Мзымты собралось ихъ между Адлеромъ и Сочи до 5.000 человѣкъ.

5-го октября начался походъ. Генералъ Анрепъ высадилъ десантъ у возстановленнаго укрѣпленія Головинскаго, нашелъ верстахъ въ восьми отъ моря только три пустыхъ аула, въ которыхъ нѣсколько сакель сжегъ.

7-го числа Анрепъ, на пароходѣ обозрѣвъ берега Сочи, двинулъ туда на другой день весь свой отрядъ, направляясь къ Адлеру. За рѣчкой Хостой встрѣтили завалы горцевъ. Тогда часть войска, обошедъ горами завалы, направилась въ обходъ непріятельской позиціи.

Убыхи встрѣтили русскихъ грудью, и, хотя завалы были взяты, но наши потери были весьма чувствительны: офицеровъ убито 2, ранено 3, нижнихъ чиновъ и милиціонеровъ убито 24, и ранено 58. Хаджи Берзекъ руководилъ дѣйствіями убыховъ и съ большимъ упорствомъ защищалъ каждый шагъ своей земли.

Утомленный отрядъ заночевалъ на Хостѣ, а на другой день двинулся впередъ. Для поддержки отряда моремъ слѣдовала эскадра контръ-адмирала Станюковича и разбивала ядрами изъ орудій береговые завалы горцевъ. Этотъ день обошелся дороже предшествовавшаго, дружныя атаки убыховъ и завалы встрѣчавшіеся по пути изъ наваленныхъ громадныхъ деревьевъ и набросанныхъ камней сильно препятствовали движенію нашихъ войскъ, изъ которыхъ выбыло изъ строя убитыми и ранеными 164 человѣка, въ томъ числѣ 5 офицеровъ.

Какъ ни были храбры убыхи, какъ они ни защищались одушевляемые своимъ предводителемъ Берзекомъ, но на третій день кровопролитнаго боя должны были податься назадъ и уступить поле сраженія русскимъ. Когда Берзекъ увидѣлъ, что убыхи поражаемые русскими начали отступать и перестали слушаться его для новыхъ атакъ, то остановившись произнесъ: „Если такъ. теперь дерись, кто хочетъ, я уѣду домой!“ И, дѣйствительно, бросивъ поле сраженія уѣхалъ. Послѣ этого энергія убыховъ пала, и отрядъ потерявъ еще одного офицера и нѣсколько нижнихъ чиновъ, сталъ лагеремъ въ долинѣ Сочи. Потери убыховъ въ эти три дня со словъ шапсуги опредѣлили до 1.700 чел. но ихъ никто не считалъ. Убыхи, собравшись въ большихъ силахъ, окружили лагерь и не открывая огня начали совѣщаться о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, для чего пригласили къ себѣ нѣсколько человѣкъ абадзеховъ. Убыхи просили помощи у абадзеховъ и шапсуговъ противъ русскихъ, но тѣ отказали и уѣхали съ собранія. Наконецъ, Анрепъ, видя колебаніе убыховъ, самъ открылъ съ ними переговоры. Убыхи приняли предложеніе и начали подъѣзжать къ нашимъ аванпостамъ для объявленія своихъ условій: они предлагали въ теченіе года не тревожить ихъ, а въ это время они склонятъ свой народъ къ покорности русскимъ, противъ которыхъ въ этотъ срокъ они не будутъ предпринимать враждебныхъ дѣйствій.

Хотя такое предложеніе убыховъ не достигало желанной цѣли, но Анрепъ рѣшился его принять въ виду того, что, имѣя въ отрядѣ всего только до 2.500 челов. пѣхоты, не рѣшался съ такой незначительной силой предпринять экспедицію въ дальнія горы, для покоренія всего этого племени.

Прекративъ военныя дѣйствія, Анрепъ 15 числа заложилъ на сѣверо-восточной горѣ проектированный еще Раевскимъ блокгаузъ, отъ котораго провели глубокую траншею до самой крѣпости.

Послѣ замиренія убыхи, уже обезоруженые, пасли свой скотъ въ долинахъ Сочи подъ самыми стѣнами блокгауза, однако при постройкѣ его, все-таки убили одного и ранили четырехъ нашихъ солдатъ [1]).

При такомъ мирномъ отношеніи убыховъ къ русскимъ гарнизонъ Навагинскаго форта не могъ быть совершенно спокойнымъ, хотя устроеннымъ на сѣверовосточной горѣ блокгаузомъ былъ защищенъ съ той стороны, которою горцы болѣе всего пользовались, при направленіи своихъ выстрѣловъ въ крѣпость. Правда горцы болѣе съ горы уже не нападали, но за то, пользуясь пересѣченной мѣстностью, не разъ подкрадывались подъ крѣпость, сторожили выходъ изъ нея людей и нападали на нихъ не безъ урона съ нашей стороны. Въ 1845 году въ одной краткой но жаркой схваткѣ, подъ стѣнами крѣпости, 25 ноября, былъ убитъ нашъ 1 офицеръ, 4 солдата, да нѣсколько человѣкъ ранено [2]).

Но этого мало, въ 1847 году горцы задумали было предпринять осаду Навагинскаго форта, разбивъ его предварительно пушечными выстрѣлами. Для этого они начали свои приготовленія въ ближайшемъ Сочинскомъ аулѣ. Первымъ дѣломъ они оправили 18 фунтовую коронаду, доставшуюся имъ изъ одного выброшеннаго въ 1838 году на берегъ нашего судна. Объ этомъ узналъ, съ помощью лазутчиковъ, Навагинскій воинскій начальникъ капитанъ Кириловъ. Предпріятіе горцевъ представлялось очень опаснымъ. Горцы выстрѣлами коронады и другихъ орудій могли сбить блокгаузъ, утвердиться на той горѣ и успѣшно бомбардировать укрѣпленіе. Нужно было во чтобы ни стало предупредить задуманное ихъ намѣреніе и вначалѣ отнять у нихъ коронаду, чтобы на первыхъ порахъ уничтожить дальнѣйшія ихъ надежды на успѣхъ завладѣть укрѣпленіемъ посредствомъ пушечнаго огня. Но какъ было взять это орудіе, скрываемое горцами до времени въ самыхъ ихъ жилищахъ? Брать силою оружія аулъ, въ которомъ находилась коронада, не представлялось возможности по двумъ причинамъ: выдѣлить достаточную для этого изъ укрѣпленія колонну и тѣмъ ослабить гарнизонъ было рисковано и опасно; да еще и успѣхъ на удачную экспедицію былъ-бы гадатель-

[1]) Тамъ-же, стр. 205, 315, 327, 329, 330, 331.
[2]) Кавказскій сборникъ, т. V. Тифлисъ 1880, стр. 251—253.

ный, во-вторыхъ такимъ открытымъ враждебнымъ дѣйствіемъ нарушались-бы мирныя отношенія съ горцами, установленныя съ ними генераломъ Анрепомъ,—нарушить которыя капитанъ Кириловъ не имѣлъ даже права. Тогда онъ прибѣгъ къ другому способу. Когда черезъ лазутчиковъ дознано было настоящее мѣсто нахожденія коронады, тогда Кириловъ вызвавъ охотниковъ, предложилъ имъ выкрасть у горцевъ это опасное орудіе. По этому предложенію вызвались многіе испытать это опасное, но заманчивое предпріятіе: 10 унтеръ-офицеровъ и 70 рядовыхъ секретно составили охотничью команду, подъ начальствомъ отважныхъ прапорщиковъ Фаршилевича и Бряхова, къ нимъ присоединились еще морякъ лейтенантъ Бѣловецъ, корнетъ Асланъ-бей Хесихи, прапорщикъ Чаравіани и три вольнопромышленника, изъ имеретинъ. Въ одну темную ночь скрытыми путями охотничья команда пробралась въ ближайшій черкескій аулъ, черезъ плетни, гдѣ находилась коронада, тихо взяла это орудіе, находившееся, безъ караула и доставила его въ укрѣпленіе.

За этотъ отважный и неустрашимый подвигъ доблестныхъ охотниковъ корпусный командиръ князь Воронцовъ приказомъ по корпусу 31 іюля 1847 года изъявилъ удальцамъ благодарность [1]).

Такъ проходили дни и годы существованія Навагинскаго форта на морокомъ берегу, при устьи р. Сочи. Черкесы болѣе открыто не нападали на это укрѣпленіе, но гарнизонъ постоянно былъ въ напряженномъ состояніи, такъ какъ при мирномъ положеніи горцевъ никто не могъ помѣшать шальнымъ черкесамъ вырвать нѣсколько человѣкъ изъ прикрытія нашихъ колоннъ, выходившихъ изъ крѣпости для пастьбы скота, рубки дровъ и другихъ надобностей.

Въ 1853 году горцы начали уже избѣгать мирныхъ сношеній съ русскими. Между ними пронесся слухъ, что турецкій султанъ намѣренъ начать съ Россіей войну для освобожденія черкесскихъ народовъ отъ притѣсненія русскихъ; болѣе всего старался волновать горцевъ противъ русскихъ, находившихся среди нихъ въ закубанскомъ краѣ Магометъ-Аминъ. Слухъ этотъ отчасти оправдался; Турція объявила Россіи войну, и 21 октября 1853 года послѣдовалъ объ этомъ Высочайшій манифестъ. Бывшій тогда начальникомъ Черноморской береговой линіи генералъ Серебряковъ ходатайствовалъ у главнокомандующаго Кавказскою арміею объ усиленіи этой линіи батареями на сторону моря и флотомъ береговой обороны. По этому ходатайству Воронцовъ назначилъ въ распоряженіе Серебрякова пять военныхъ пароходовъ, но когда въ слѣдующемъ году вышелъ въ Черное море сильный англо-французскій флотъ, то князь Меньшиковъ, по Высочайшему повелѣнію, сообщилъ Серебрякову, чтобы онъ распорядился о снятіи нашихъ укрѣпленій съ береговой линіи, при чемъ велѣлъ

[1]) Кавказск. Археограф. коммисіи, т. X, № 610.

людей забрать на суда и перевезти съ болѣе цѣннымъ казеннымъ имуществомъ въ назначенные пункты, орудія заклепать, а остальное все испортить и взорвать [1]).

Серебряковъ, исполняя эти распоряженія, снялъ въ числѣ прочихъ и Навагинскій гарнизонъ съ полевыми пушками и нѣкоторымъ болѣе цѣннымъ имуществомъ и отправилъ все это въ Поти; провіантскіе и другіе припасы, которые не были взяты на суда, уничтожилъ; самое-же укрѣпленіе, не теряя дорогого времени на взрывы, предоставилъ всеразрушающему времени, да и разрушать современныя крѣпостныя постройки было нечего: рвы и земляные валы сами собой разрушались, колья и хворостъ, которыми укрѣпляли фортъ, гнили, а казармы, построенныя изъ сырого не жженаго кирпича, безъ присмотра и поддержки ремонтомъ, разваливались и оставались только въ цѣлости одни древнія сооруженія, охранявшія во многихъ случаяхъ, *Сочинскій* (по прежнему Александрійскій, по послѣднему Навагинскій) фортъ. Сторожилы, зашедшіе на Сочи, (послѣ Крымской войны) застали еще на мѣстѣ бывшаго укрѣпленія съ нѣкоторыхъ сторонъ толстыя, четвертей въ пять и вышиной около двухъ сажень стѣны, построенныя изъ крѣпкаго бѣлаго обдѣланнаго въ брусья камня, кладеннаго на крѣпкомъ растворѣ цемента, валявшіяся испорченныя орудія, съ кучами артиллерійскихъ снарядовъ, забранныя впослѣдствіи, съ разрѣшенія начальства, какимъ-то евреемъ.

Нѣкоторые говорятъ, что стѣны тѣ строились нашими инженерами во время возведенія Александрійскаго форта, или послѣ достраивались для лучшаго его укрѣпленія, что камень, доставлялся на судахъ изъ Керчи. Не имѣя данныхъ, я не берусь оспаривать, но по многимъ соображеніямъ съ такими предположеніями не согласенъ.

Выше уже сказано, что для постройки крѣпости были доставлены изъ Ростова, на наемныхъ судахъ въ Сочи доски, бревна и прочіе нужные для этой постройки матеріалы: для деревянной и кузнечной работы были свои мастера, а для земляныхъ сооруженій въ отрядѣ были саперы. О каменныхъ-же сооруженіяхъ въ фортѣ Александрія нигдѣ въ документахъ и помину нѣтъ, а если-бы что и было выстроено изъ камня, то уже ни въ какомъ случаѣ не стѣны, окружавшія фортъ въ два, а можетъ и болѣе рядовъ, да на ихъ сооруженіе потребовалось-бы времени не мѣсяцы, а годы. Кромѣ этого, инженерамъ не было надобности дѣлать въ этихъ стѣнахъ съ наружной стороны арки и подъ ними большія отверстія для проходовъ подъ землю, слѣды которыхъ и теперь еще видны; другое дѣло, если-бы эти отверстія въ подземные ходы были съ внутренней стороны

---

[1]) См. мою статью «*Закубанскій край*», журналъ «*Военный Сборникъ*», 1893 г., № 7, стр. 390—391.—Кубанскій Войсковой Архивъ, Опись Черноморорск. береговой линіи 1839 г., № 2052.

стѣнъ, то можно было-бы подумать, что эти искусственныя сооруженія могли служить укрытіемъ какихъ-нибудь горючихъ, взрывчатыхъ веществъ, въ предохраненіе отъ бомбардированія крѣпости непріятельскими гранатами, но съ наружной стороны, гдѣ черкесы въ темныя и бурныя ночи могли подкрадываться подъ самыя крѣпостныя стѣны эти загадочныя отверстія не только были безполезны, но еще и опасны, такъ какъ посредствомъ ихъ непріятель могъ свободно взорвать на воздухъ самую крѣпость. Этого мало. Старожилъ Тар.....й разсказывалъ, что онъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, прибывши въ Сочи около 1870 г. засталъ въ развалившейся крѣпости круглое въ срединѣ стѣнъ каменное зданіе, съ обвалившимся верхомъ, сажня въ два въ діаметрѣ, похожее по стилю строенія на храмы древнихъ церквей, имѣющихся во многихъ мѣстахъ Черноморскаго побережья, и за стѣной въ сторонѣ р. Сочи громадную въ три яруса каменную башню, съ отверстіями для бойницъ во всѣхъ трехъ этажахъ.

Эти древнія зданія, какихъ много на Кавказѣ, совсѣмъ уже не относятся къ постройкамъ нашихъ инженеровъ и строителей укрѣпленій на Черноморскомъ побережьѣ.

Время пощадило эти древнія сооруженія, но не пощадили ихъ люди. Всѣ каменныя стѣны, храмъ и башня были разобраны и изъ нихъ выстроена церковь, красующаяся и теперь въ Сочи, съ золотымъ верхомъ; выстроенный-же русскими въ 1842 году на сѣверо-восточной горѣ каменный блакгаузъ разобранъ и изъ него построенъ Сочинскій маякъ

Быть можетъ этотъ блакгаузъ строился инженернымъ вѣдомствомъ и изъ камня доставленнаго на судахъ изъ Керчи, потому что послѣ взятія черкесами въ 1840 году нѣкоторыхъ укрѣпленій на побережьѣ, Кавказское начальство озаботилось исправленіемъ болѣе прочно въ этомъ краѣ крѣпостей и усиленіемъ ихъ гарнизоновъ.

Слѣдя за событіями времени, невольно находятъ смутныя мысли: до чего древніе народы, жившіе на Черноморскомъ побережьѣ, прочно возводили разныя сооруженія, вѣками державшіяся, и до чего русскіе плохо строили свои, не вѣками, а годами, однимъ временемъ, разрушавшіяся.

Изъ сказанныхъ сочинскихъ древностей уцѣлѣли только до настоящаго времени при землѣ признаки былыхъ каменныхъ стѣнъ, съ разныхъ сторонъ, то въ одинъ, то въ два ряда съ небольшими между ними промежутками; вокругъ бывшаго укрѣпленія и отверстія со стороны р. Сочи, подъ арками, за которыми, какъ говорятъ, былъ еще глубокій ровъ, въ виду чего стѣна съ той стороны при заваленномъ рвѣ осталась открытою еще болѣе саженя вышины, со выросшими въ камняхъ деревьями, показующими ея древность.

Въ сказанныя отверстія и теперь еще можетъ пролѣзть человѣкъ, Тар...й говоритъ, что такое-же самое отверстіе было еще на его памяти со стороны моря, онъ, будучи мальчикомъ, пряталъ туда съ товари

щами бутылки съ напитками попечителя сочинскаго населенія, Козлова для охлажденія, но теперь въ томъ мѣстѣ арка попорчена обвалами, а въ другомъ мѣстѣ есть еще каменное отверстіе, которое видно каждому желающему, служащее повидимому для притока воздуха въ подземный ходъ.

Съ какою цѣлью строились отверстія въ аркахъ стѣнъ неизвѣстно, но въ народѣ держится слухъ, что то были входы въ подземныя галлереи, сооруженныя древними обытателями этого края, и кто знаетъ,—быть можетъ и теперь еще, при трудахъ археологовъ, открылись-бы подъ землей съ видимыхъ входовъ какія-нибудь сокровища и остатки, пролющіе свѣтъ на жизнь людей этого городища. А что это было древнее городище тому нѣтъ сомнѣнія еще и потому, что за стѣнами бывшаго русскаго укрѣпленія на востокѣ замѣтны еще и теперь во многихъ мѣстахъ бывшіе рвы и валы древнихъ сооруженій.

Оставимъ археологамъ изслѣдовать это городище и его строителей: были-ли это до историческіе еще жители колхиды, или, извѣстные древнимъ писателямъ выходцы изъ древней Эллады, Геніохи, или завоеватели первыхъ вѣковъ, Римляне, или, наконецъ, позднѣйшіе Генуэзцы, образовавшіе на Черноморскомъ побережьѣ свои колоніи, и перейдемъ къ продолженію дальнѣйшей исторіи Сочи.

Послѣ Крымской войны, когда на Черноморскомъ побережьѣ русскія укрѣпленія были сняты, правительство наше рѣшило покорить окончательно горскія племена западнаго Кавказа, изгнать его жителей за море въ турецкіе предѣлы и заселить всѣ Черноморскіе земли русскимъ народомъ. Такой грандіозный проектъ представилъ Государю главнокомандующій на Кавказѣ князь Барятинскій, а исполнителемъ его послѣ Высочайшаго утвержденія, былъ графъ Евдокимовъ.

Отряды русскихъ войскъ начали тѣснить горцевъ со стороны Кубани къ морю и вслѣдъ за ними на очищенныхъ земляхъ устраивать казачьи поселенія, а за недостатками ихъ заселять и другими переселенцами изъ Россіи. Съ года въ годъ военныя дѣйствія продолжались съ успѣхомъ, черкесы, съ ожесточеніемъ боровшіеся съ русскими за свою землю и вольность, ослабѣвали, и тѣ, которые, обезсиливая въ борьбѣ, признавали надъ собою власть Россіи, оставались на мѣстѣ жительства, среди русскихъ поселеній, а тѣ, которые не признавали русскаго подданства, выселялись въ Турцію.

Подъ конецъ военныхъ дѣйствій въ Закубанскомъ краѣ была собрана часть войскъ, изъ которыхъ въ 1863 году сформированъ *Даховскій* отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Геймана для дѣйствій противъ горцевъ на южномъ склонѣ Кавказскаго хребта.

Съ наступленіемъ зимы отрядъ по данному направленію перевалилъ черезъ горы. Походъ этотъ чрезвычайно былъ трудный; войска, утопая по пути въ снѣгахъ, нерѣдко при сильной вьюгѣ и непогодѣ располагались для ночлеговъ на равнинахъ, покрытыхъ глубоко снѣжнымъ ковромъ. Но закаленные въ бояхъ кавказскіе воины всѣ не-

взгоды переносили съ ангельскимъ терпѣніемъ. Они видѣли впереди обѣтованную землю для мирныхъ трудовъ и отдыха отъ долговременныхъ военныхъ дѣйствій.

Они шли на Черноморское побережье, гдѣ вѣчная весна оживляла и человѣка, и природу во всей ея красѣ. Прибывъ на берега Чернаго моря, Гейманъ направилъ свои военныя силы противъ непокорныхъ горцевъ, занимавшихъ земли отъ Мзымты до Шахэ. Разнесшаяся между горцами вѣсть о пораженіи Гейманомъ убыховъ у развалинъ древняго монастыря (см. карту Черноморской губерніи на Учъ-дере, развалины церкви) и каштановаго лѣса навела на туземное населеніе большой страхъ. Нѣкоторые убыхи, жившіе по рѣкѣ Сочи, получили откуда-то свѣдѣніе, что ихъ оставятъ на мѣстѣ, но въ то-же время боялись, что если они будутъ далѣе противиться русскимъ, то ихъ тогда, одолѣвши, не пустятъ въ Турцію и по этому рѣшились волей неволей смириться передъ грознымъ русскимъ генераломъ. — Въ виду этого большая ихъ часть готова была выходить на берегъ моря для выѣзда въ Турцію, но нѣкоторые опасались притѣсненій своей молодежи; для обезпеченія уходившихъ Гейманъ считалъ самымъ важнымъ условіемъ дозволеніе уходившимъ горцамъ останавливаться таборами при постахъ занятой имъ кордонной линіи, по побережью въ бывшихъ нашихъ укрѣпленіяхъ.

Джигеты первые, видя нашу готовность выпустить ихъ заграницу, прислали къ Гейману своихъ депутатовъ съ изъявленіемъ своей покорности, и начали готовиться къ выселенію въ Турцію, прочія ихъ племена: убыхи, шехувцы и другія тоже не противились и покорились своей участи. Цѣлые транспорты черкесовъ тянулись съ своимъ багажемъ изъ горъ на берега моря. Нашъ офицеръ Салтанъ разсказываетъ, что по пути къ морю иногда раздавался шальной выстрѣлъ черкеса. остававшагося еще въ горахъ отъ уходившихъ на берегъ моря его соотечественниковъ. Но это быть можетъ была остальная пуля горца, пропѣвшая лебединную пѣсню изстрадавшемуся отъ холода и голода кавказскому аборигену. На такіе выстрѣлы солдаты уже не обращали вниманія.

На бивуакахъ къ нашимъ войскамъ подходили выселявшіеся за море черкесы и за безцѣнокъ продавали свое имущество, котораго не могли взять съ собой на суда въ Турцію и которое они нерѣдко бросали даромъ, его подбирали наши солдаты на походѣ. Интересный эпизодъ сообщаетъ названный Салтанъ, какъ къ нему въ лагерь, находившійся въ ущельѣ р. Шахэ, прибылъ сынъ одного почетнаго, горца,—еще мальчикъ, на видъ не болѣе 15 лѣтъ, изъ знатной фамиліи Берзека, и предложилъ купить у него прекраснѣйшую лошадь, всего за 30 руб. Лошадь эта, лазившая своими некованными копытами вверхъ и внизъ, какъ кошка, по страшнымъ крутизнамъ горныхъ трущобъ, въ нѣсколько разъ стоила больше, но у этого офицера было въ карманѣ всего только 28 руб., которыя онъ и предложилъ юному про-

давцу за добраго его коня. Но этотъ юнакъ залился горькими слезами и началъ высказывать всѣ бѣдствія, претерпѣваемыя горцами отъ русскихъ; онъ говорилъ, что послѣдніе поступили съ ними *безбожно*, лишивъ ихъ всего и заставивъ скитаться на чужбинѣ, и когда, горцы продаютъ все за безцѣнокъ, то русскіе еще и торгуются. Видя слезы и упреки Берзека, Салтанъ занялъ у одного офицера 2 рубля и вмѣстѣ съ своими деньгами отдалъ Берзеку 30 руб., а коня взялъ, которымъ и остался вполнѣ доволенъ.

Чудная роскошная природа Черноморскаго побережья чаровала наши войска, они переходя съ одного мѣста на другое, въ поискахъ оставшихся еще на мѣстахъ жительства черкесовъ, встрѣчали среди зимы цвѣтущіе рододендроны. Для этихъ поисковъ отправлялись въ горы только отдѣльныя команды солдатъ съ занятыхъ постовъ, главныя-же силы Гейманъ сосредоточилъ въ устьяхъ Сочи, гдѣ подъ бывшимъ укрѣпленіемъ Навагинскимъ расположилъ свой отрядъ 25-го марта 1864 года.—Здѣсь былъ его главный постъ, названный Даховскимъ; здѣсь-же были заготовлены склады провіанта для людей, и другіе военные запасы, помѣщенные въ оставшихся еще уцѣлѣвшихъ постройкахъ Навагинскаго форта, а въ каменной трехъ-ярусной башнѣ, которая ещё тогда стояла, по словамъ сочинскаго старожила Тар..., была устроена кухня.

1-го апрѣля прибылъ въ Сочи на пароходѣ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Сдѣлавъ смотръ войскамъ Даховскаго отряда въ стѣнахъ развалинъ укрѣпленія, Его Высочество раздавалъ, представленнымъ лично графомъ Евдокимовымъ, награды отличившимся военнымъ чинамъ, и на другой день отбылъ обратно на пароходъ [1]).

Этотъ день, т. е. 1-го апрѣля 1864 года, весьма знаменательный для Сочи. Этимъ днемъ закончилась долголѣтняя общая война русскихъ на Западномъ Кавказѣ и въ частности на южномъ склонѣ кавказскаго хребта. Всѣ земли этого края поступили въ русское владѣніе, и началось заселеніе ихъ русскимъ народомъ; заселенъ былъ и чудный по природѣ и климату уголокъ, въ которомъ раскинулся „Сочинскій посадъ“.

П. П. Короленко.

---

[1]) Кавказскій Сборникъ, т. V, Тифлисъ/ 1880, статья Салтана, записка о военныхъ дѣйствіяхъ Даховскаго отряда, представленная генераломъ Гейманомъ графу Евдокимову 4-го апрѣля 1864 года.

Нѣсколько античныхъ бронзъ изъ коллекціи Одесскаго музея.

I.

Между тѣмъ, какъ раскопки въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря въ изобиліи доставляли намъ выдающіеся образцы античнаго художественнаго ремесла въ области керамики, коропластики и золотыхъ дѣлъ мастерства, находка античныхъ бронзъ соотвѣтствующаго достоинства принадлежитъ у насъ къ рѣдкостямъ.

Конечно, бронзовыя издѣлія и сосуды, начиная съ наконечниковъ стрѣлъ и фибулъ и кончая большими котлами, часто попадаются при раскопкахъ на югѣ Россіи и встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ нашихъ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ; однако между этими предметами ежедневнаго обихода, между этими кольцами, серьгами, браслетами, зеркалами и различными инструментами, даже между бронзовыми статуэтками или изображеніями животныхъ мало такихъ, которые приковывали-бы къ себѣ вниманіе современнаго изслѣдователя античнаго мира своимъ художественнымъ исполненіемъ или какой-нибудь археологическою особенностью.

Этой сравнительной рѣдкостью интересныхъ бронзъ въ нашемъ археологическомъ матеріалѣ объясняется и тотъ фактъ, что въ послѣднемъ десятилѣтіи при всей отзывчивости нашихъ археологовъ ко всестороннему изученію всѣхъ проявленій античнаго художественнаго ремесла и культурной жизни въ греческихъ черноморскихъ колоніяхъ, появилось весьма мало изслѣдованій, спеціально посвященныхъ античнымъ бронзамъ. Кромѣ каталога собранія Б. И. и Е. Н. Ханенки (первые выпуски), капитальной работы С. А. Жебелева и В. К. Мальмберга „Три архаическихъ бронзы изъ Херсонской губерніи“ (Матеріалы по археологіи Россіи № 32, 1907) и моей статьи „Ein Broncegefäss in Büstenform (Jahreshefte des östreich. arch. Institutes, VII 1904, тоже самое: „Бронзовый сосудъ въ формѣ бюста“. Записки Имп. Од. Общ. Истор. и Древн. XXVI), я не могъ-бы назвать относящихся къ этой области публикацій.

Но все-таки, хотя и сравнительно въ немногочисленныхъ экземплярахъ, хорошія по своей работѣ или важныя по своимъ сюже-

тамъ бронзы имѣются изъ раскопокъ на югѣ Россіи въ нашихъ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ, и, очень можетъ быть, въ большемъ количествѣ, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Это послѣднее, на первый взглядъ рискованное предположеніе основывается на томъ, что особыя качества нашей почвы способствуютъ сильному окисленію античной бронзы. Весьма рѣдки тѣ случаи, когда при раскопкахъ попадаются бронзы, покрытыя той благородной патиной, которая такъ высоко цѣнится всѣми собирателями древностей и любителями старины.

Обыкновенно находимая у насъ бронза разъѣдена, въ дырахъ, съ сильной, ядовито-зеленой накипью, которая толстымъ слоемъ и цѣлыми гнѣздами, на подобіе ракушекъ, покрываетъ весь предметъ или сосудъ. При такомъ состояніи бронзы очень часто отказываются отъ основательной чистки бронзоваго сосуда или предмета, считая ее при хрупкости матеріала рискованной и полагая, какъ говорится, что овчинка выдѣлки не стоитъ.

Но что это мнѣніе можетъ быть ошибочнымъ, въ этомъ я недавно убѣдился по опыту. Весною этого года торговецъ древностями Шапиро изъ Николаева принесъ мнѣ въ музей большихъ размѣровъ бронзовую гидрію и глиняную стройную амфору мѣстной работы со слѣдами чешуйчатаго орнамента, исполненнаго акварельными красками. Оба предмета, относящіеся по стилю работы къ III вѣку до Р. Х., найдены были вмѣстѣ въ одной ольвійской могилѣ. Гидрія имѣла очень плачевный видъ: отъ напора земли она была приплюснута и придавлена, отдѣльно сработанная и припаянная ножка сдвинулась съ мѣста и пристала съ боку, и здѣсь соединилась съ сосудомъ крѣпкимъ наростомъ, а весь сосудъ и его ручки покрыты были такимъ толстымъ слоемъ накипи, что не видно было ни малѣйшаго слѣда какого-нибудь орнамента или узора, и что нельзя было и догадаться о какомъ-нибудь достоинствѣ работы. Казалось, напротивъ, что эта гидрія довольно грубое и небрежное издѣліе, а ея жалкое состояніе служило причиною, что торговецъ продалъ музею оба названныхъ сосуда вмѣстѣ за 80 рублей. Я распорядился, чтобы почистили гидрію: подъ моимъ наблюденіемъ и непосредственнымъ руководствомъ, старшій смотритель музея работалъ напряженно въ продолженіе мѣсяца, и въ результатѣ оказалось, что гидрія сработана изъ тонкой позолоченной бронзы и что всѣ три ручки представляютъ собою выдающіеся образцы эллинистической торевтики. Въ настоящемъ ея видѣ эта богатая гидрія является однимъ изъ лучшихъ украшеній богатаго Одесскаго музея, и продавшій ее торговецъ, увидѣвъ ее въ теперешнемъ состояніи, предложилъ 500 рублей лишь-бы получить ее обратно. Этотъ неожиданно благопріятный результатъ тщательной чистки вновь пріобрѣтенной гидріи заставилъ меня пересмотрѣть и снова изслѣдовать весь инвентарь бронзовыхъ сосудовъ и издѣлій Одесскаго музея, и распорядиться о новомъ очищеніи тѣхъ изъ нихъ, которые по разнымъ признакамъ того стоили. И вотъ, въ концѣ-концовъ, оказалось,

что рядъ этихъ сосудовъ, до сихъ поръ покрытыхъ темно-зеленой окисью, сработанъ изъ дорогой позолоченной бронзы, и что особенно на ручкахъ ихъ, какъ и на другихъ бронзовыхъ издѣліяхъ, выступили любопытныя детали орнаментовки, которыхъ подъ покровомъ накипи до сихъ поръ нельзя было точно разглядѣть и установить.

Я счелъ небезполезнымъ изложить подробнѣе указанный здѣсь фактъ;—можетъ быть, онъ заставитъ хранителей другихъ музеевъ и владѣльцевъ частныхъ коллекцій обратить особенное вниманіе на собранныя у нихъ бронзы и снова изслѣдовать, не представляютъ ли онѣ бо́льшій художественный интересъ, чѣмъ это можетъ казаться при той неблагородной патинѣ, которая покрываетъ наши античныя бронзы и которая должна быть удалена во имя научной потребности.

Для меня установленіе изложеннаго здѣсь факта послужило толчкомъ для обнародыванія нѣсколькихъ античныхъ бронзъ изъ коллекціи Одесскаго музея: одна изъ нихъ давно уже намѣчена была къ изданію, которое, однако, все откладывалось изъ-за болѣе спѣшныхъ работъ, остальныя стали достойными публикаціи лишь послѣ описаннаго здѣсь радикальнаго очищенія.

Въ виду дороговизны изготовленія у насъ красочныхъ таблицъ, только одинъ сосудъ изображенъ на прилагаемыхъ таблицахъ въ его натуральномъ цвѣтѣ; надѣюсь, что по этому образцу можно получить представленіе о видѣ остальныхъ сосудовъ и издѣлій, которые изображены посредствомъ простыхъ цинкографій. Но раньше чѣмъ приступить, послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, къ рѣшенію поставленной мнѣ здѣсь задачи—къ краткому описанію издаваемыхъ бронзъ, которое въ виду прилагаемыхъ таблицъ можетъ ограничиться самыми необходимыми указаніями, я считаю цѣлесообразнымъ, какъ для болѣе удобной ориентировки читателей «Записокъ», такъ и во избѣжаніе повтореній при описаніи отдѣльныхъ номеровъ, предпослать трактовкѣ отдѣльныхъ бронзъ нѣсколько общихъ разсужденій и свѣдѣній объ этой отрасли античнаго художественнаго ремесла и ея развитіи.

II.

Тотъ важный шагъ впередъ въ исторіи культуры человѣчества, который состоялъ въ примѣненіи металловъ, на первомъ мѣстѣ мѣди, для приготовленія оружій, сосудовъ и разныхъ предметовъ ежедневнаго обихода и предметовъ для украшенія вмѣсто употребляемаго для тѣхъ же цѣлей раньше каменнаго матеріала, совершенъ былъ, насколько мы знаемъ, впервые въ древнемъ Египтѣ. Раскопки послѣдняго десятилѣтія въ Абидѣ, Негадэ и т. д., которыя насъ въ первый разъ познакомили съ египетской культурою каменнаго вѣка, наглядно показываютъ, какъ въ пятомъ тысячелѣтіи до Р. Х. рядомъ съ весьма совершенными въ техническомъ отношеніи каменнымъ оружіемъ, блюдами,

мисками и т. д. начинаютъ попадаться первыя довольно примитивныя издѣлія изъ мѣди, и какъ потомъ эти мѣдныя орудія, ножи, наконечники стрѣлъ и разная утварь постепенно вытѣсняютъ прежнія работы изъ камня. Но очень рано уже убѣдились, что эта чистая мѣдь, которая легко поддается плавленію и обработкѣ молоткомъ, для разныхъ практическихъ цѣлей, какъ-то для приготовленія оружія и разныхъ рабочихъ инструментовъ, является слишкомъ мягкой, и потому додумались затвердить ее примѣсью олова. Эта лигатура, которая представляетъ, кромѣ бо́льшей твердости, еще ту выгоду, что ее легче можно расплавлять и подвергать полировкѣ, называется, какъ извѣстно, бронзою. Мы встрѣчаемся съ ней въ Египтѣ, не только, какъ прежде полагали, со времени V и VI династіи, а съ самаго начала Древняго Царства [1]). Также на Востокѣ, въ Синеарѣ (Вавилоніи и Ассиріи), бронза очень рано распространяется; раскопки въ Телло́ обнаружили въ самыхъ низшихъ слояхъ среди предметовъ примитивной сумерской культуры конца четвертаго тысячелѣтія до Р. Х. присутствіе бронзы [2]); ко времени царя Гудеи относится находка бронзовой головы козы въ Фарѣ [3]).

Не иначе дѣло обстоитъ въ культурныхъ центрахъ бассейна Эгейскаго моря. Шлиманнъ еще полагалъ, что металлическія издѣлія, найденныя въ Троѣ въ такъ называемомъ второмъ городѣ, состоятъ изъ чистой мѣди, но химическіе анализы этихъ предметовъ, публикованные у Гетце [4]), показываютъ, что у нихъ есть отъ 8 — 11% примѣси олова. И какъ въ Троѣ, такъ и на островахъ Эгейскаго моря, на Кипрѣ, стоящемъ въ тѣсной культурной связи съ Троею, на Мелосѣ, Самосѣ и другихъ найдены въ самыхъ глубокихъ культурныхъ наслоеніяхъ бронзовые кинжалы, топоры и т. д.; на Критѣ, въ слоѣ, относящемся къ началу третьяго тысячелѣтія, въ Палэокастро обнаружены отливальныя формы для бронзы [5]), и критскія глиняныя вазы стиля „Kamares“, изготовленіе которыхъ датируется началомъ второго тысячелѣтія, ясно показываютъ своими формами и характерными особенностями, что онѣ являются подражаніями металлическихъ (бронзовыхъ) образцовъ.

Наконецъ, на греческомъ материкѣ, въ шахтовыхъ могилахъ въ микенскомъ дворцѣ и другихъ центрахъ микенской культуры найдены въ изобиліи изящныя бронзовыя издѣлія, которыя показываютъ,

---

[1]) Срв. De Morgan: Recherches sur les origines de l'Egypte II, 1897, Ed. Meyer: Geschichte des Altertums², I, 2, 225A. 1909.

[2]) Срв. Ed. Meyer: Summerier und Akkader, Berlin 1906.

[3]) Hilprecht: Ausgrabungen im Beltempel zu Nippur, 1893; и замѣчанія Ed. Meyer'a: Summerier und Akkader стр. 6, прим. 3.

[4]) Goetze: Troja und Ilion, стр. 366.

[5]) Срв. Xanthudides: Ἐφ ἀρχ. 1900, стр. 25. Karo: Archiv für Religionswissenschaft VII, стр. 145 слѣд.

на какой высотѣ расцвѣта стояла уже съ пятнадцатаго вѣка до Р. Х. эта отрасль художественнаго ремесла. Поэтому, хотя и въ Гомеровскихъ эпопеяхъ нигдѣ не упоминается объ изготовленіи бронзоваго сплава, и хотя болѣе поздняя греческая традиція приписываетъ изобрѣтеніе отливки бронзы двумъ самосскимъ художникамъ Ройку и Θеодору, жившимъ въ началѣ VI столѣтія до Р. Х, мы несомнѣнно должны, въ виду до сихъ поръ изложеннаго, подъ словомъ „χαλκός“ у Гомера подразумѣвать бронзу, а не чистую мѣдь, какъ на этомъ настаивали прежніе ученые. Молчаніе Гомера объ изготовленіи лигатуры объясняется тѣмъ, что бронза въ то время получалась въ готовыхъ слиткахъ изъ Кипра и отъ финикійцевъ, у которыхъ эта промышленность особенно процвѣтала, и традиція о самосскихъ художникахъ и ихъ изобрѣтеніи заключаетъ въ себѣ, конечно, только отзвукъ того факта, что ими была на Самосѣ впервые введена или усовершенствована та техника сплавленія бронзы, которая уже издавна извѣстна была въ Египтѣ и на Востокѣ.

Вопросъ, правда, откуда добывали египтяне, сумеры, ассирійцы и народы, заселяющіе бассейнъ Эгейскаго моря необходимое для сплавленія бронзы олово, является довольно темнымъ. О доставленіи этого металла изъ извѣстныхъ намъ оловяныхъ рудниковъ въ теперешней Португаліи, Англіи или Индіи, конечно, въ тѣ отдаленныя времена и думать нельзя; знаменитый скандинавскій ученый Монтеліусъ[1]), однако, справедливо указываетъ на то, что и въ Кастамуни въ Пафлагоніи, на Балканскомъ полуостровѣ, въ Тосканѣ и т. д. встрѣчаются оловяноносныя жилы, такъ что доставленіе олова, хотя и съ преодолѣніемъ извѣстныхъ трудностей, и тогда уже всетаки не лежало внѣ предѣловъ возможнаго. Раннее существованіе бронзы н. п. въ Египтѣ только доказываетъ, какъ рано мы должны датировать начало торговыхъ сношеній этой страны не только съ ближайшими сосѣдями, но и съ болѣе отдаленными областями.

Съ бассейна Эгейскаго моря бронза и искусство ея обработки распространяется приблизительно съ средины второго тысячелѣтія на западъ—въ Италію—и на сѣверъ по Европѣ. Считаю это положеніе, которое защищается такими учеными, какъ Монтеліусомъ[2]) и Софусомъ Мюллеромъ[3]), по стилистическимъ особенностямъ находимыхъ въ сѣверной Европѣ бронзъ, въ общемъ неоспоримымъ. Этимъ, конечно, не исключается, что мѣстами наблюдается обратное движеніе культурныхъ волнъ; такъ н. п. по изслѣдованіямъ Г. Шмидта[4]) и М.

[1]) Montelius: Chronologie der ältesten Broncezeit, стр. 200, 210.

[2]) Montelius: Chronologie der ältesten Broncezeit, Archiv für Anthropologie XXV, XXVI; его же: Die ältesten Kulturperioden im Orient und Europa. 1903.

[3]) Sophus Müller: Urgeschichte Europas; deutsch von Jirisczek 1905.

[4]) Hubert Schmidt: Troja-Mykenae-Ungarn, Zeitschrift für Ethnologie 1904, стр. 608 слѣд.

Муха [1]) не можетъ быть подвержено сомнѣнію, что издревле одинъ изъ центровъ особенно развитаго производства бронзовыхъ издѣлій съ своеобразной техникой и орнаментовкой существовалъ въ теперешней Венгріи, который съ своей стороны повліялъ еще на троянскую культуру. Но подобный частный, притомъ исторически не трудно объяснимый случай не можетъ поколебать вѣрность того, массами данныхъ подтвержденнаго факта, что знакомство съ бронзой и съ ея обработкой распространялось постепенно съ бассейна Эгейскаго моря къ остальнымъ европейскимъ народамъ, и что этимъ замѣтно обусловливаются и техника, и стиль бронзовыхъ издѣлій на первоначальной стадіи ихъ развитія въ различныхъ областяхъ.

Съ бассейна Эгейскаго моря искусство художественной обработки бронзы попало и въ Этрурію. Здѣсь по мѣстнымъ условіямъ—по изобилію мѣди и близости оловяныхъ рудниковъ—это художественное ремесло нашло себѣ благодатную почву и широкое распространеніе; въ этрусскихъ могилахъ очень часто находятся весьма тонкой работы бронзовыя ситулы, кувшины, гравированныя зеркала и т. д., между тѣмъ какъ на почвѣ самой Греціи и греческой Малой Азіи хорошія, художественныя издѣлія изъ бронзы попадаются сравнительно рѣдко. Это наблюденіе вмѣстѣ съ традиціей о томъ, что въ классическую эпоху въ Аѳинахъ высоко цѣнили этрусскія бронзы, дало многимъ ученымъ поводъ къ превратному заключенію, что этрусское производство является чѣмъ-то совершенно самостоятельнымъ, а изъ сравненія стиля этрусскихъ бронзъ съ стилемъ бронзовыхъ издѣлій, находимыхъ на почвѣ Греціи и даже въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря [2]), дошли до вывода, что мы въ этихъ издѣліяхъ должны усматривать предметы этрусскаго экспорта. Но совершенно правильно въ противоположность къ этому широко распространенному взгляду уже Фуртвенглеръ [3]) подчеркнулъ, что стилистическое сходство этрусскихъ бронзъ съ находимыми на почвѣ Греціи объясняется первоначальной зависимостью этрусскихъ мастеровъ отъ іоническихъ образцовъ и переселеніемъ въ VI вѣкѣ до Р. Х. іоническихъ литейщиковъ въ Этрурію. Я даже убѣжденъ, что многія такъ называемыя этрусскія бронзы въ инвентаряхъ европейскихъ музеевъ слѣдуетъ прямо таки считать іоническими.

Что-же касается спеціально находокъ бронзовыхъ предметовъ на нашемъ югѣ Россіи, то іоническое происхожденіе наиболѣе важныхъ архаическихъ бронзъ вполнѣ доказано въ вышеназванной работѣ С. Жебелева и М. Мальмберга [4]).

---

[1]) M. Much: Die Heimat der Indogermanen². стр. 71 слѣд.

[2]) Срв. разсужденія Подшивалова въ Трудахъ VI. Археол. Съѣзда по поводу бронзовой ручки изъ Миртоношскаго кургана.

[3]) A. Furtwängler: Beschreibung der Glyptothek König Ludwigs I. zu München, № 68.

[4]) Срв. выше стр. 1.

Изъ классическаго періода греческаго искусства и художественной промышленности мало-мальски интересныхъ бронзъ въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Понта, насколько я знаю, почти не найдено; объясняется это тѣмъ, что въ этотъ періодъ преобладаетъ вліяніе Аѳинъ и аттической промышленности на черноморскихъ рынкахъ, и знаменитыя аѳинскія росписныя глиняныя вазы и произведенія аттическихъ коропластовъ настолько въ модѣ, что спросъ относительно художественныхъ издѣлій въ бронзѣ является весьма незначительнымъ.

Съ паденіемъ Аѳинъ и аттическаго гончарнаго производства мѣняется вкусъ и въ этомъ отношеніи; какъ въ самой Греціи фабрикація даже глиняныхъ вазъ подпадаетъ подъ вліяніе торевтики и ясно подражаетъ техникѣ и стилю металлическихъ образцовъ, такъ и въ черноморскихъ колоніяхъ въ эллинистическій періодъ начинаютъ снова чаще появляться издѣлія этого новомоднаго художественнаго ремесла, ярко отражающаго на себѣ вкусъ и направленіе эллинистическаго искусства. Живыя торговыя сношенія, которыя въ то время установились между нашими колоніями и центрами тогдашней культуры,—Александріи и столицами эллинистическихъ государствъ въ Малой Азіи—способствовали, конечно, привозу этихъ продуктовъ эллинистическаго художественнаго ремесла.

Итакъ, находимыя въ черноморскихъ колоніяхъ бронзы имѣютъ въ архаическій періодъ печать іоническаго искусства, тѣ немногіе экземпляры, которые можно датировать классическимъ временемъ, по всей вѣроятности происходятъ съ греческаго материка, а бронзы болѣе позднія явно обнаруживаютъ всѣ особенности эллинистическаго или римскаго искусства—бронзы, которыхъ можно было-бы по стилю и характеру назвать этрусскими, среди добытаго у насъ матеріала мнѣ неизвѣстны. Само собою разумѣется, что и въ черноморскихъ колоніяхъ существовали мастерскія для обработки бронзы. Правильность этого утвержденія, помимо вытекающихъ изъ самаго существа дѣла соображеній, доказывается находкой остатковъ такой мастерской на Тиллигульскомъ лиманѣ, съ формами для отливки кельтъ, серповъ, съ массой готовыхъ экземпляровъ этихъ орудій и съ кучками бронзоваго сплава. Всѣ эти предметы, которые хранятся въ Одесскомъ музеѣ, ясно доказываютъ, что мѣстное производство обслуживало мѣстный рынокъ и удовлетворяло потребностямъ въ бронзовомъ оружіи, инструментахъ и предметахъ ежедневнаго обихода. Можно и предполагать, что большіе котлы, которые такъ часто попадаются въ скиѳскихъ курганахъ, и другіе простые сосуды изготовлялись на мѣстныхъ литейныхъ заводахъ.

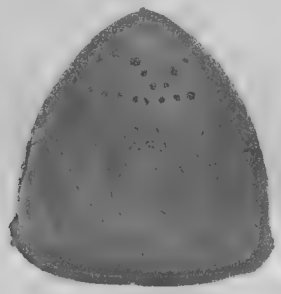
Что-же касается болѣе тонкихъ и изящныхъ издѣлій, которыя потребовали ловкой руки искуснаго гравера, то вопросъ о мѣстѣ ихъ изготовленія долженъ остаться открытымъ. Если вспомнить, что лучшіе продукты гончарнаго промысла, находимые въ черноморскихъ

колоніяхъ, не сработаны на мѣстѣ, а представляютъ собою предметъ импорта, то по этой аналогіи вся вѣроятность за то, что и болѣе тонкія бронзы привозились изъ центровъ художественной промышленности греческаго міра въ эти отдаленные форпосты античной культуры.

III.

Среди публикуемыхъ здѣсь бронзъ большинство принадлежитъ, какъ это послѣ изложеннаго естественно ожидать, эллинистическому и римскому періодамъ. Лишь немногія относятся къ болѣе древнему времени; въ ихъ числѣ первое мѣсто занимаетъ:

1) Изображенный при семъ въ натуральную величину предметъ



№ а.

(клише № а). Найденъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Ольвіи, по заявленію продавца вмѣстѣ съ чернофигурной вазою. Назначеніе этого яйцеобразнаго предмета не вполнѣ ясно: первоначально, конечно, является предположеніе, что это сито для процѣживанія разныхъ жидкостей, и что придѣланная къ основанію его ручка отломалась; но во-первыхъ, нигдѣ нѣтъ слѣда припайки или приклепки этой необходимой при такомъ предположеніи ручки, а во-вторыхъ, этому предположенію противорѣчитъ расположеніе фигурнаго украшенія предмета: еслибъ это было сито, направляемое при употребленіи естественно острымъ концомъ внизъ, то слѣдовало-бы ожидать, чтобъ фигуры на фризѣ поставлены были головами по направленію къ основанію и ногами къ острію конуса. При настоящемъ ихъ расположеніи остается лишь думать, что нашъ предметъ представляетъ собою крышку какого-нибудь сосуда, который на подобіе теперешнихъ солянокъ, сахарницъ и т. д. служилъ для сохраненія составовъ въ видѣ порошка, высыпаемаго изъ дырочекъ въ верхней части крышки. Фальцъ, образованный двойной полосою бронзовой бляхи вокругъ основанія нашего предмета, также говоритъ за то, что послѣдній предназначенъ былъ быть посаженнымъ въ видѣ крышки на соотвѣтствующій сосудикъ.

Между тѣмъ какъ верхняя, заостренная часть крышки усѣяна маленькими, правильно расположенными дырочками, нижняя часть ея украшена рельефнымъ фризомъ: два раза попарно изображены сфинксъ и грифонъ, гербообразно поставленные другъ противъ друга. Мы на этомъ фризѣ имѣемъ пріемъ ковки (Treibarbeit) [1]): и притомъ не ковки надъ готовой формой-моделью; а отъ руки при помощи молотка и другихъ инструментовъ (Punzen) съ задней стороны бронзовой бляшки выбиты контуры рельефнаго изображенія, а потомъ уже съ лицевой стороны посредствомъ рѣзца и вышеуказанныхъ спеціальныхъ инструментовъ (Punzen) приданы этому изображенію необходимыя детали.

Этотъ техническій пріемъ въ древности развитъ былъ съ ранняго періода до удивительнаго совершенства; въ данномъ случаѣ довольно плоскій рельефъ представляетъ собой еще какъ бы начальную ступень этого развитія, хотя рѣзьба сдѣлана уже очень тщательно.

Изображенный сюжетъ и гербообразная группировка сфинкса и грифона ясно свидѣтельствуютъ о вліяніи восточныхъ образцовъ на композицію греческаго художника; повидимому, мы имѣемъ здѣсь передъ собою произведеніе іоническаго мастера. Черезъ посредство іоническаго искусства эти типы потомъ уже проникли въ мастерскія на греческомъ материкѣ; какъ излюблены были н. п. изображенія бронзовыхъ грифоновъ для самыхъ различныхъ цѣлей и въ самомъ различномъ выполненіи, объ этомъ свидѣтельствуютъ хоть находки въ Олимпіи [2]) и инвентари современныхъ музеевъ [3]).

Наша маленькая бронза такимъ образомъ по сюжету рельефнаго украшенія держится вполнѣ въ рамкахъ обычныхъ, въ восточно-греческомъ художественномъ ремеслѣ, традицій [4]), но съ точки зрѣнія культурной исторіи является не лишнимъ подчеркнуть, что художественный вкусъ грековъ заставилъ ихъ снабдить даже такой мелкій предметъ ежедневнаго употребленія искусно выполненнымъ украшеніемъ, и что на подобныя работы существовалъ спросъ въ отдаленныхъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря.

---

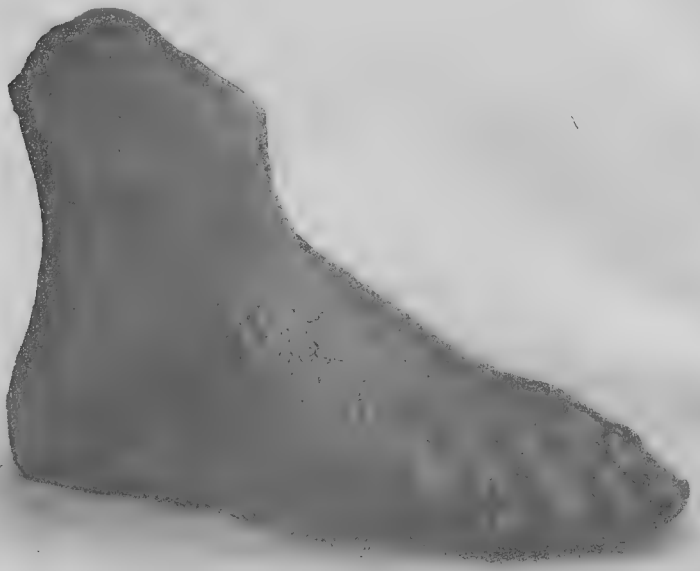
[1]) Срв. подробности о техническихъ пріемахъ при торевтикѣ у Saglio и Daremberg'a: Dictionaire des Antiquités I, стр. 778 s. v. Caelatura.

[2]) Срв. A. Furtwängler: Die Broncen von Olympia, 1890, таб. XLV, XLVI (№ 795) и XLII и текстъ стр. 11—121, 121—123; № 792—803, 813, 815, 816; Furtwängler ихъ правильно относитъ къ работамъ въ „восточно-греческомъ стилѣ".

[3]) Срв. для примѣра von Sacken: Antike Broncen des Wiener Hofmuseums 1871, табл. LII, 2 LIV, 2; de Ridder: Catalogue des Bronces, trouves sur l'Acropole d'Athènes 1896, № 431—440; относительно сфинксовъ у него же, № 441—444.

[4]) О типѣ сфинкса съ лучеобразнымъ вѣнкомъ на головѣ (Strahlenkranz) срв. Jahn: Archeol. Beiträge стр. 112, таб. VI, Welcker: Alte Denkmäler III, стр. 72, таб. XI.

2) Къ классической эпохѣ греческаго искусства, къ IV вѣку до Р. Х., можно отнести изображенную здѣсь въ натуральную величину (клише № 6) бронзовую ножку.



№ 6.

Ножка эта (инвентарный каталогъ V/1084) найдена уже давно въ Ольвіи и принадлежала къ коллекціи предводителя дворянства Херсонской губерніи, шталмейстера Н. Н. Куриса; его вдова Л. Н. Курисъ подарила, въ числѣ многихъ цѣнныхъ древностей, и эту ножку Одесскому музею. О тонкости работы приложенное клише даетъ только слабое представленіе; каждый, кто видѣлъ оригиналъ, поневолѣ высказывалъ свое живое сожалѣніе о томъ, что принадлежащая къ этой художественно формированной ножкѣ статуэтка не сохранилась. Если вспомнить, какъ много мы имѣемъ отдѣльныхъ бронзовыхъ ножекъ [1]) безъ соотвѣтствующихъ статуэтокъ, то мы и не можемъ утѣшаться надеждой, что при дальнѣйшихъ раскопкахъ въ Ольвіи остальныя части этого высоко-художественнаго произведенія могутъ быть обна-

[1]) Срв. A. Furtwängler: Die Broncen von Olympia, таб. III, таб. IV. 10, 11, 13; таб. VIII, 64, 65, 66; текстъ стр. 11, 13 (гдѣ и перечислены найденныя ножки, не изображенныя на таблицахъ) и стр. 22 и 23; Carapanos: Dodone et ses ruines (1878) табл. LX и т. д.; de Ridder: Catalogue des bronces etc. № 667—689.

ружены. Съ грустью лишь слѣдуетъ констатировать, что культурное развитіе человѣчества двигается по волнообразной линіи, и что и въ Ольвіи насталъ періодъ, когда подобныя творенія художниковъ цѣнились лишь съ точки зрѣнія матеріала, годнаго для чеканки монетъ или изготовленія стрѣлъ и другихъ предметовъ ежедневной необходимости.

И, такимъ образомъ, отъ всей статуэтки въ треть приблизительно человѣческаго роста осталась одна ножка, свидѣтельствующая своей превосходной передачей всей системы костей и жилъ о высокихъ художественныхъ качествахъ потерянной навсегда фигуры.

3) Остальныя здѣсь публикуемыя бронзы носятъ на себѣ явный Таб. I, 1. отпечатокъ искусства эллинистическаго и римскаго періодовъ. Среди нихъ укажемъ на первомъ мѣстѣ на кувшинъ, изображенный на таб I, 1. Кувшинъ этотъ найденъ въ 1901 г. въ Ольвіи, пріобрѣтенъ вице-президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ (за 100 р.) и подаренъ имъ Одесскому музею (инвентарный каталогъ № V/1052). Кувшинъ, рѣдкой для нашихъ бронзъ сохранности, имѣетъ высоту въ 21 см. Весь сосудъ покрытъ былъ толстымъ слоемъ зеленой накипи; видна была только бородатая голова подъ ручкой. Только послѣ тщательной чистки кувшина, осенью 1910 г., выяснились всѣ детали гравировки ручки и то обстоятельство, что сосудъ сработанъ изъ позолоченной бронзы.

Кувшинъ поражаетъ стройностью и элегантностью своей формы и равномѣрностью своихъ пропорцій. На продолговато-кругломъ туловищѣ поднимается не слишкомъ тонкое горло, начало котораго обозначено двумя горизонтальными линіями, глубоко проведенными рѣзцомъ вокругъ всего сосуда; горло кончается довольно широкой губою, утолщенный край которой отмѣченъ также врѣзанной линіею; подставкою для кувшина служитъ отдѣльно сработанное кольцо. Подъ ручкой припаяна отдѣльно литая бородатая голова, которая послѣ отливки ещё тщательно цезилирована. Этотъ пріемъ украшенія кувшиновъ головою такъ называемаго „индійскаго Діониса“ былъ впослѣдствіи примѣненъ и керамистами. Въ Одесскомъ музеѣ хранится ручка отъ глинянаго кувшина; въ нижней ея части сохранилась часть самаго сосуда съ великолѣпно отлѣпленной рельефной головою этого бога [1]).

Надъ головой поднимается ручка сосуда, на тщательную отдѣлку и гравировку которой художникъ обратилъ особенное вниманіе и стараніе. Внизу ручка развѣтвляется на двѣ части, которымъ придана форма распускающейся цвѣточной чашечки, изъ которой выростаетъ нѣжный листикъ. Въ срединѣ ручки мы имѣемъ стилизованную головку стрекозы, которая свои рожки далеко вытягиваетъ впередъ; они должны служить опорою для большого пальца

[1]) Срв. Музей Имп. Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, вып. I. Терракоты, таб. XVII, 3.

руки при подниманіи сосуда. Тамъ, гдѣ ручка припаяна къ горлу и съ обѣихъ сторонъ обхватывается часть его края, она имѣетъ форму птичьихъ головъ съ длинными клювами—эти головы утокъ или лебедей тщательно гравированы.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что мастеръ далъ волю своей живой фантазіи при композиціи этой ручки — фантазіи въ духѣ и вкусѣ эллинистическаго періода. Но рука объ руку съ этой фантазіею идетъ весьма солидное техническое умѣнье: какъ превосходно обозначено немногими лишь штрихами туловище стрекозы, какъ хорошо переданы перья на птичьихъ головкахъ, какъ изящно сдѣлана цвѣточная чашечка, какъ типична является голова бога съ широко открытыми глазами и ртомъ. Изъ множества извѣстныхъ мнѣ красивыхъ ручекъ на греческихъ античныхъ бронзовыхъ сосудахъ я положительно не знаю ни одной, которая могла-бы по оригинальности замысла и тщательности отдѣлки быть поставленной въ параллель съ нашей: ближе всего, пожалуй, къ ней подходитъ одна ручка въ Вѣнскомъ музеѣ [1]) и одна ручка изъ Олимпіи [2]); но первая грубѣе въ выполненіи, а вторая, относящаяся еще къ V вѣку до Р. Х., бѣднѣе въ смыслѣ концепціи.

Таб. II. 2 и 3. 4) Объ изображенной на таб. II, 2 и 3 гидріи уже выше была рѣчь. Она найдена въ 1910 году въ Ольвіи вмѣстѣ съ высокой глиняной амфорою мѣстнаго производства, украшенной чешуйчатымъ узоромъ въ акварельныхъ краскахъ; оба сосуда пріобрѣтены мною для Одесскаго музея за 80 р. Гидрія (инвентарный каталогъ V/1591) имѣетъ въ высоту 44 см. при окружности въ 100 см. Послѣ вышеописанной продолжительной чистки, оказалось, что она сработана изъ позолоченной бронзы. Низкая ножка гидріи, въ видѣ кольца, украшеннаго извѣстнымъ орнаментомъ изъ „овъ“ (Eierstockornament) отдѣльно отлита въ формѣ и затѣмъ припаяна къ сосуду. На ней поднимается большой, все расширяющійся къ верху корпусъ гидріи. Плоскія, едва закругленныя плечи примыкаютъ почти подъ прямымъ угломъ къ корпусу сосуда. На нихъ выступаетъ широкое горло, расчлененное однимъ, рельефно выработаннымъ изъ бронзовой бляхи обручемъ, въ горизонтальномъ направленіи обтягивающемъ горло. Заканчивается горло широко выступающимъ краемъ, ниспадающая часть котораго также расчленена, какъ горло, двумя горизонтально проведенными, рельефно выступающими обручами. Какъ всякая гидрія, и нашъ экземпляръ имѣетъ три ручки. Двѣ боковыхъ, горизонтальныхъ, и одну вертикально поставленную. Эти ручки отличаются богатой и очень тщательной гравировкой. Тамъ, гдѣ онѣ прилегаютъ къ корпусу сосуда, имъ приданъ видъ пальметтовыхъ листьевъ—очень, впрочемъ, распространенный пріемъ въ гре-

---

[1]) Срв. v. Sacken: Antike Broncen des Wiener Hofmuseum, таб. XLVI, 8.

[2]) Срв. A. Furtwängler: Die Broncen von Olympia, LIII, 887.

ческой торевтикѣ [1]); эти ручки приклепаны бронзовыми гвоздями къ корпусу сосуда и къ краю горла: но для того, чтобы выступающія головки гвоздей не являлись бы чѣмъ то немотивированнымъ и портящимъ общее впечатлѣніе, онѣ мастеромъ искусно введены и заключены въ общую систему декораціи; при переходѣ отъ широкихъ листьевъ къ стеблю ручки и также наверху при перекладинѣ ручки у края сосуда мы имѣемъ цѣлые браслеты изъ такихъ выступающихъ головокъ или шляпокъ гвоздей, такъ что получается впечатлѣніе, что и дѣйствительные гвозди являются составнымъ элементомъ украшенія; эта цѣльность и однородность декораціоннаго мотива увеличивается еще тѣмъ, что и на верхней части ручки и на выступѣ, служащемъ для подпора большого пальца при подниманіи сосуда, выгравированы пальметты.

Какъ видно изъ текста [2]) изданія олимпійскихъ бронзъ, Фуртвенглеръ, судивъ по найденнымъ ручкамъ,—цѣлыхъ гидрій въ Олимпіи не оказалось—склоненъ былъ датировать эти объемистыя гидріи съ плоскими плечами и широкимъ горломъ очень раннимъ періодомъ.

Однако, какъ нѣкоторыя особенности вертикальной ручки—н.п. верхній выступъ, подпорка для большого пальца,—такъ особенно то обстоятельство, что наша гидрія найдена вмѣстѣ съ амфорой, которая не можетъ относиться по стилю и техникѣ къ болѣе раннему времени, чѣмъ къ началу III вѣка до Р. Х., заставляютъ меня датировать издаваемую гидрію приблизительно концомъ IV вѣка. Если наблюденія Фуртвенглера правильны, то слѣдуетъ констатировать, что форма этихъ объемистыхъ гидрій, приспособленная къ потребностямъ практической жизни, очень долго держалась въ употребленіи и что только детали украшеній видоизмѣнялись согласно модѣ и стилю времени. Мы имѣемъ и въ области керамическаго производства неоднократно случай наблюдать поразительный консерватизмъ въ сохраненіи формъ сосудовъ.

5) Изображенный на таб. III, 4 и 5 предметъ является крайне Таб. III, 4 и 5.
любопытнымъ и занимательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это — круглый, плоскій, немного выпуклый дискъ съ длинной, тяжелой ручкой. О назначеніи этого предмета можно высказать только предположенія; изъ формы предмета ясно, что это не зеркало, какъ думалъ продавецъ, и какъ многіе за нимъ повторяли: выпуклость гладкой стороны диска конечно исключаетъ это опредѣленіе. Я считалъ бы этотъ предметъ курильницей; слѣды обжиганія на краяхъ немногихъ дырочекъ говорятъ какъ бы въ пользу этого предположенія—также и толстая

---

[1]) Срв. A. Furtwängler: Die Broncen von Olympia, таб. LIII, 887; LIV. 901. 902. LV 919. 925. Текстъ, стр. 143, № 894—896; 897—902; Carapanos: Dodone et ses ruines. табл. XLV; de Ridder: Catalogue des bronecs, стр. 77, фиг. 50; стр. 64, № 190. 191. 192, 195. 196.

[2]) A. Furtwängler: Die Broncen von Olympia; Text, стр. 143—145.

бронза диска и толстая, тяжелая ручка, которая вслѣдствіе этого не легко поддалась согрѣванію. При священнодѣйствіяхъ и жертвоприношеніяхъ въ храмѣ Аполлона — всѣ эмблемы указываютъ, что этотъ предметъ имѣетъ близкое отношеніе къ нему и его культу возможно было совершать подкуриванія на этомъ изящномъ дискѣ. Ради краткости я поэтому, въ дальнѣйшемъ, издаваемый здѣсь предметъ обозначу курильницей, вполнѣ, конечно, сознавая гипотетичность этого обозначенія.

Эта курильница найдена въ Ольвіи въ 1901 году. Она пріобрѣтена была вице-президентомъ Общества А. А. Бертье-Делагардомъ за 360 р., и, по обыкновенію, имъ пожертвована Одесскому музею. Такъ какъ курильница найдена въ томъ же году, какъ изданный на таб. I кувшинъ, и оба предмета относятся по стилю работы къ одному и тому же періоду времени, то весьма вѣроятно, что они и вмѣстѣ принадлежали къ инвентарю одной могилы—я сказалъ бы могилы жреца Аполлона[1]). Курильница (инвентарный каталогъ V/1085) имѣетъ вмѣстѣ съ ручкой высоту въ 40 см., безъ ручки 22 см.

Бронза позолочена: мѣстами позолота имѣетъ неровную поверхность, какъ будто она расплылась подъ вліяніемъ огня; и это наблюденіе говоритъ въ пользу высказаннаго выше предположенія о назначеніи предмета. Очень тяжелая и массивная ручка отлита въ формѣ и затѣмъ обработана мѣстами рѣзцомъ. Она представляетъ собою голову и шею грифона, посвященнаго Аполлону животнаго-чудовища. Чешуи змѣиной шеи на верхней сторонѣ ея стилизованы въ пальмовую вѣтку. Эта ручка крѣпко приклепана къ бронзовому диску, богато украшенному рельефными изображеніями. Технически мы здѣсь знакомимся съ другимъ способомъ работы, какъ при № 2. Не путемъ ковки отъ руки съ задней стороны, или ковки надъ формою-моделью, какъ при № 9, выработанъ рельефъ, а исключительно при помощи рѣзьбы и гравировки. Рисунокъ былъ предварительно нанесенъ на плоскость бронзы, а затѣмъ фондъ былъ углубленъ и пластами удаленъ посредствомъ рѣзца, пока фигуры не выступили рельефно. Послѣ этого они подверглись тщательной гравировкѣ. Работа исполнена до того тонко, съ такимъ художественнымъ умѣньемъ и съ такимъ вкусомъ, что эта курильница, щедрое пожертвованіе постояннаго радѣтеля нашего музея А. А. Бертье-Делагарда, по справедливости можетъ считаться однимъ изъ главныхъ украшеній нашей богатой коллекціи мѣстныхъ древностей.

Но обратимся къ болѣе детальному разсмотрѣнію этихъ удивительно тонкихъ рельефныхъ изображеній на курильницѣ. Центръ украшеній занимаетъ голова и бюстъ бога-Солнца; голова покоится на солнечномъ дискѣ; ее окружаетъ нимбъ изъ семи лу-

[1]) Latyschev: J. o. s. P. E. I, 106.

чей. Едва-ли можно сомнѣваться, что мастеръ-художникъ, работавшій въ одномъ изъ центровъ эллинистическихъ государствъ, хотѣлъ изобразить бога Геліоса. Правда, его нѣкогда очень распространенный культъ [1]) впослѣдствіи все болѣе и болѣе вытѣсняется культомъ олимпійскихъ божествъ и оставался въ особенномъ почетѣ лишь въ Коринѳѣ и на островѣ Родосѣ, но тѣмъ не менѣе вѣрность этого опредѣленія подтверждается какъ сходствомъ головы, поставленной en face и его характернаго нимба съ концепціями головы Геліоса на родосскихъ монетахъ [2]) и на извѣстной метопѣ изъ Иліона [3]), найденной Шлиманномъ въ 1872 году, такъ и окружающими голову бога изображеніями, которыя въ связи съ Геліосомъ встрѣчаются также на мозаикѣ изъ Сентина [4]). Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что прическа бога весьма напоминаетъ прическу Аполлона Бельведерскаго и что хламида также переброшена черезъ лѣвое плечо и застегнута на правомъ точно такой-же характерной, кругообразной фибулой (Scheibenfibel), какъ при указанной статуѣ Аполлона. Едва-ли это совпаденіе случайное: очень можетъ быть, что нашъ мастеръ-художникъ при концепціи головы и бюста бога-Солнца находился подъ впечатлѣніемъ извѣстной статуи Леохара [5]), тѣмъ болѣе, что и Аполлонъ является богомъ-Свѣта и Солнца, культъ котораго былъ гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ культъ Геліоса. Ничего удивительнаго нѣтъ въ томъ, что въ фантазіи художника представленія объ этихъ божествахъ слились въ одно. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ не исключена выше указанная возможность, что въ Ольвіи употребляли эту курильницу съ изображеніемъ Геліоса при священнодѣйствіяхъ въ храмѣ Аполлона, такъ какъ тамъ, насколько намъ извѣстно, спеціальнаго культа Геліоса не существовало, между тѣмъ какъ Аполлонъ пользовался особымъ почитаніемъ.

Изящно и тщательно исполненный бюстъ бога-Солнца окружаетъ лента съ рельефными изображеніями всѣхъ знаковъ зодіака. На первомъ мѣстѣ, надъ головой бога, помѣщенъ Овенъ, а затѣмъ слѣва на право слѣдуютъ Телецъ, Близнецы, Ракъ, Левъ, Дѣва, Вѣсы, Скорпіонъ, Стрѣлецъ, Козерогъ, Водолей и замыкается кругъ изображеніемъ Рыбъ. Въ противоположность къ мюнхенской мозаикѣ изъ Сентина [6])

---

[1]) Welcker: Griechische Götterlehre, I, стр. 407 слѣд.

[2]) Срв. Head-Svoronos, πίναξ κέ. 9.

[3]) Срв. изображеніе у Baumeister'a: Denkmäler, I, стр. 634. фиг. 710.

[4]) Срв. Archeol. Zeitung, томъ 35, 1877, таб. 3; о немъ рѣчь будетъ впереди; отмѣчу, кстати, что цитата у Baumeister'a s. v. Helios: Archeol. Zeitung, 1876, таб. 13 ошибочна.

[5]) Если это наблюденіе вѣрно, то нельзя согласиться съ предположеніемъ Фуртвенглера (Denkmäler der griech. und röm. Sculptur, стр. 74), правда, и безъ того мало обоснованнымъ, что хламида на ватиканской статуѣ Аполлона Бельведерскаго есть только прибавленіе римскаго кописта и что бронзовый оригиналъ Леохара ея не имѣлъ.

[6]) R. Engelmann: Das Mosaik von Sentinum, Arch. Zeitung, 1877, стр. 9, таб. 3.

мы здѣсь видимъ правильное размѣщеніе зодіакальныхъ знаковъ, соотвѣтствующее извѣстному двустишію римскаго поэта Авсонія:

«Sunt Aries, Taurus, Gemini, Cancer, Leo, Virgo
Libraque, Scorpius, Arcitenus, Caper, Amphora, Pisces».

Вопроса о происхожденіи этихъ знаковъ зодіака и ихъ значенія я здѣсь касаться не стану: послѣ открытія въ храмѣ богини Хаторъ въ Дендерѣ французской экспедиціею во время Наполеона двухъ изображеній зодіака, одного на потолкѣ вестибюля (Pronaos), а другого на потолкѣ комнаты второго этажа,—при чемъ обнаружилось, что эти греческіе зодіакальные знаки соединены были съ египетскими изображеніями и обозначеніями звѣздъ—этотъ вопросъ, какъ извѣстно, вызвалъ живой интересъ и обширную литературу; съ тѣхъ поръ, однако, какъ Шамполліонъ [1]) доказалъ, что этотъ древній храмъ совершенно перестроенъ былъ Птолемеемъ XIII и знаменитой Клеопатрой, первоначально господствовавшее послѣ открытія храма мнѣніе объ египетскомъ происхожденіи этихъ зодіакальныхъ знаковъ по справедливости было оставлено [2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ и рушились всѣ тѣ довольно смѣлыя предположенія, которыя высказаны были относительно значенія и смысла отдѣльныхъ фигуръ зодіака. Этотъ вопросъ, повторяю, насъ здѣсь не касается, меня исключительно интересуетъ художественное исполненіе фигуръ зодіака на нашей курильницѣ. И съ этой точки зрѣнія нашъ рельефъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Если сравнить изображенія зодіакальныхъ знаковъ на курильницѣ съ зодіакомъ на потолкѣ дендерскаго храма [3]), или съ фигурами на мозаикѣ изъ Сентина, съ тратой большихъ средствъ доставленной въ Мюнхенъ [4]), или съ рисункомъ одного изъ новыхъ художниковъ, Гоманна [5]), то преимущество концепціи и исполненія нашего мастера-художника бросается ярко въ глаза. Если уже оставить въ сторонѣ довольно неуклюжія фигуры мюнхенской мозаики, то и художникъ, расписавшій потолокъ дендерскаго храма и нюренбергскій живописецъ Гоманнъ далеко не достигаютъ въ своихъ изображеніяхъ той живости движенія въ концепціи животныхъ и той изящности въ композиціи человѣческихъ фигуръ, какъ нашъ мастеръ, не смотря на то, что послѣдній долженъ былъ работать не кистью, а рѣзцомъ.

Особенно въ мотивахъ драпировки вуалей при фигурахъ Близнецовъ и Дѣвы, въ передачѣ нистекающей воды при фигурѣ Водолея,

---

[1]) M. Champollion-Figeac, Egypte ancienne, 1847, стр. 106b—111a.

[2]) Срв. Dümichen: Baugeschichte des Denderatempels, 1877. Mariette: Denderah, description générale du grand temple de cette ville 1880. Flinders Petrie: Denderah. 1900.

[3]) Живопись на потолкѣ комнаты второго этажа была въ 1820 году вырѣзана и хранится въ Парижѣ.

[4]) Срв. вышеприведенную статью Engelmann'a въ Archeol. Zeitung 1877, стр. 9 слѣд.

[5]) Въ роскошномъ изданіи I. Doppelmaier'a: Atlas Novus Coelestis, 1742, таб. 2 и 3.

въ своеобразной, различающейся отъ обычной, концепціи Вѣсовъ нашъ художникъ далъ волю своему стремленію и дарованію къ живописному эффекту, столь характерному для этого изнѣженнаго періода греческаго искусства. Можно, конечно, предпочесть строгость стиля классическаго времени, но нельзя отказать нашему мастеру-художнику въ виртуозномъ владѣніи всѣми пріемами и средствами искусства своего времени, и поэтому нашъ скромный предметъ художественнаго ремесла отнынѣ займетъ почетное мѣсто среди произведеній, особенно характерныхъ для художественнаго вкуса и художественныхъ взглядовъ и интенцій періода эллинизма.

6) На таб. IV, 6 изображенъ весьма хорошей сохранности брон- Таб. IV, 6.
зовый кувшинъ съ ручкой. Найденъ онъ въ Ольвіи въ 1900 году и пріобрѣтенъ мною за 20 руб. для Одесскаго музея (инвентарный каталогъ V/1086). Высота кувшина 13,5 см. Покрытъ онъ былъ, какъ и другія бронзы, довольно толстымъ слоемъ ярко-зеленой, зернистой накипи. Послѣ удаленія этого слоя и тщательной чистки лѣтомъ 1910 г. оказалось, что весь кувшинъ позолоченъ; сосудъ этотъ снизу расширяется до средины, и затѣмъ постепенно суживается и заканчивается безъ отдѣльнаго горла горизонтальнымъ, не особенно широкимъ краемъ. Корпусъ сосуда безъ всякихъ украшеній—болѣе богато отдѣлана лишь ручка. Поднорѣ для большого пальца придана форма виноградного листа; усики отъ него выгравированы внизъ по внѣшней сторонѣ ручки; тамъ, гдѣ высоко надъ сосудомъ поднимающаяся ручка прилегаетъ къ краю кувшина, она кончается двумя птичьими головами, довольно бѣгло сработанными. По тонкости отдѣлки и гравировки этотъ кувшинъ несомнѣнно уступаетъ изданному на таб. I, 1. Но какъ довольно типичный предметъ римскаго художественнаго ремесла я его считаю заслуживающимъ публикаціи.

7) На той-же таблицѣ IV, 7 изображенъ бронзовый треножникъ. Таб. IV, 7.
Онъ найденъ въ Ольвіи въ 1910 г. и пріобрѣтенъ мною за 15 руб. для Одесскаго музея (инвентарный каталогъ V/1614). Высота его 15 см. Треножникъ отлитъ въ формѣ изъ очень свѣтлой, съ значительной примѣсью олова, бронзы, имѣющей послѣ чистки свѣтло-золотистый оттѣнокъ. Швы спайки двухъ половинокъ еще видны. Вообще сосудъ послѣ отливки не подвергся отдѣлкѣ; даже львиныя лапы ножекъ не обработаны рѣзцомъ, между тѣмъ какъ, судя по многочисленнымъ находкамъ въ Греціи, на ихъ отдѣлку обращалось особенное вниманіе [1]). Причина, почему я, несмотря на отсутствіе всякой художественной обработки и тщательности въ исполненіи, присоединилъ этотъ сосудъ къ числу здѣсь публикуемыхъ, заключается, во первыхъ, въ томъ, что это, насколько я знаю, первый бронзовый треножникъ, который най-

[1]) Срв. Furtwängler: Die Broncen von Olympia, таб. XLVIII, 813, 813a; текстъ стр. 136—128. Carapanos: Dodone et ses ruines, таб. XXIII; de Ridder: Catalogue des bronces etc. 55—108, стр. 29—37.

денъ въ черноморскихъ колоніяхъ, во вторыхъ, въ томъ, что онъ въ противоположность къ до сихъ поръ трактованнымъ сосудамъ, отлитъ въ формѣ, причемъ съ ясностью можно на немъ прослѣдить всѣ техническіе пріемы при подобномъ способѣ работы, и, въ третьихъ, въ томъ, что сплавъ бронзы рѣзко отличается по своему составу отъ обычно употребляемаго.

8) Къ этимъ сосудамъ присоединяется еще одна бронзовая кастрюлька, довольно изящной формы, съ длинной, горизонтальной ручкою. Она, къ сожалѣнію, не изображена на таблицахъ, хотя представляетъ бо́льшій интересъ, чѣмъ предыдущіе номера. Это непріятное обстоятельство объясняется тѣмъ, что только послѣ изготовленія таблицъ и послѣ отдачи въ печать моей статьи, установлено было мною, что и этотъ сосудъ позолоченъ и украшенъ узоромъ, и что важнѣе всего—снабженъ штемпелемъ съ именемъ фабриканта. Я этотъ сосудъ весьма часто держалъ въ рукахъ, тщательно его осматривалъ и всегда выносилъ впечатлѣніе и убѣжденіе, что онъ сдѣланъ изъ красной мѣди; поэтому я его и не включилъ въ число издаваемыхъ здѣсь бронзъ. Совершенно случайно я его, на дняхъ, снова взялъ въ руки и при очень хорошемъ освѣщеніи замѣтилъ на верхнемъ краю слѣды рѣзьбы. Это дало мнѣ поводъ подвергнуть кастрюльку выше описанному тщательному процессу очищенія: оказалось, что не только мое наблюденіе относительно рѣзьбы оправдалось, но что весь сосудъ снаружи и внутри былъ позолоченъ, и что на ручкѣ имѣется штемпель фабриканта, отъ котораго и слѣда не видно было подъ слоемъ красноватой ржавчины. Мое первоначальное заблужденіе вызвано было тѣмъ, что сосудъ поступилъ въ музей, какъ теперь оказывается, въ полуочищенномъ видѣ безъ обычной зеленой накипи: слой красноватой ржавчины, который находился подъ этой накипью, и прежнимъ владѣльцемъ сосуда, и затѣмъ и мною ошибочно принятъ былъ за натуральный цвѣтъ бронзы, что тѣмъ легче могло случиться, такъ какъ послѣ первой чистки неизвѣстнымъ мнѣ составомъ, зеленая накипь больше не выступала и красноватая ржавчина приняла довольно блестящій видъ, который совершенно не измѣнялся въ теченіи времени. Я такъ подробно распространился объ этомъ случаѣ, потому что онъ наглядно показываетъ, какъ осмотрительно надо относиться къ нашимъ бронзамъ; я убѣжденъ, что въ нашихъ музеяхъ и частныхъ коллекціяхъ найдется еще не мало такихъ, которыя подъ своей шероховатой и неприглядной поверхностью сохранили пріятные и любопытные сюрпризы для своихъ владѣльцевъ.

Бронза, о которой здѣсь идетъ рѣчь, и о формѣ которой можно себѣ составить хоть общее впечатлѣніе по прилагаемому клише (№ в), поступила въ 1907 году въ Одесскій музей (инвентарный каталогъ V/1087). Сосудъ былъ купленъ у торговца древностями Ш. Гохмана за 25 руб., который въ свою очередь пріобрѣлъ его изъ коллекціи

Е. А. Шуманскаго. Найденъ онъ въ Ольвіи. Высота кастрюльки 8 см., ея діаметръ на верху 17 см., длина широкой ручки—14 см.

№ в.

Плотное донышко сосуда состоитъ на внѣшней сторонѣ изъ ряда концентрическихъ, рельефно выступающихъ обручей; въ центрѣ заклепанъ болтъ, оканчивающійся съ обѣихъ сторонъ высокой шляпкой; какъ внутри, такъ и снаружи подъ шляпками положены отдѣльно сработанныя пластинки—должно быть, чтобы придать донышку особенную крѣпость. Обручи же внизу дна, должно быть, имѣли тоже практическую цѣль: мы ихъ встрѣчаемъ и при кувшинѣ подъ № 6; повидимому, эта довольно хлопотливая работа при ковкѣ сосуда продѣлана была не въ видахъ украшенія сосудовъ—при употребленіи ихъ это мѣсто скрыто для глаза и поэтому такая мысль, на которую изящность работы могла бы навести, едва ли допустима — а въ цѣляхъ придать сосудамъ бо́льшую устойчивость; при гладкомъ донышкѣ сосудъ, конечно, легче можетъ скользить, чѣмъ если его основаніе состоитъ изъ мелкихъ рельефныхъ обручей. Въ данномъ случаѣ можно, кромѣ того, допустить, что эта конструкція плотнаго донышка должна была защищать при варкѣ содержимое въ кастрюлькѣ отъ возможности пригорать.

На этомъ крѣпкомъ основаніи поднимается въ изящномъ изгибѣ плоскій, невысокій сосудъ; на верхнемъ краѣ между двумя тонкими линіями имѣется гравированное украшеніе, состоящее изъ довольно бѣгло врѣзанныхъ пальметтовыхъ листьевъ, промежутки между которыми наполнены изображеніемъ цвѣтковъ или ягодъ. На самомъ верху край перегнутъ, такъ что имѣетъ двойную толщину; на этомъ самомъ верху прикована длинная, горизонтальная ручка, широкая и плоская, которая кончается округленіемъ, въ серединѣ просверленнымъ, такъ что всю кастрюльку возможно было повѣсить на гвоздѣ. Ручка окаймлена по бокамъ врѣзанными линіями; округленію приданъ видъ пуговки. На этой ручкѣ, въ округленіи, имѣется штемпель фабриканта: ALBINUS. F. Совершенно ясно читаются двѣ первыя буквы AL третья внизу немного стерта, такъ что на первый взглядъ читается какъ P; но при тщательномъ разсмотрѣніи черезъ лупу замѣтны

слѣды нижняго округленія буквы B; I и S вполнѣ ясны; N и U опять стерты, но все таки отчетливо еще различаются. Такимъ образомъ въ вѣрности чтенія имени Albinus не сомнѣваюсь; слѣдующая буква F; есть ли она сокращеніе слова filius, или имѣетъ ли она другое значеніе, рѣшить не берусь. Весьма важно, что штемпель даетъ возможность отнести этотъ сосудъ безъ колебаній къ римскому времени; совершенно аналогичная работа донышка при кувшинѣ № 6 позволяетъ отнести и послѣдній къ тому же періоду.

9) Если публикованные подъ №№ 6—8 сосуды возбуждаютъ интересъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія техники работы, то изображенныя на прилагаемомъ клише (№ г) львиныя маски приковываютъ къ себѣ вниманіе не только техническими пріемами ихъ изготовленія, но и художественностью ихъ концепціи.

№ г.

Эти маски—три большихъ и три меньшихъ—найдены зимою 1910 года въ одной могилѣ недалеко отъ Керчи вмѣстѣ съ одной довольно изящной бронзовой лампочкой эллинистическаго типа. По словамъ продавца эти маски были прибиты къ доскамъ гроба; но эти доски совершенно перетлѣли; были еще фрагменты другихъ такихъ масокъ; но онъ взялъ только цѣлыя. Маски эти были мною пріобрѣтены за 165 руб. для Одесскаго музея (инвентарный каталогъ V/1629 — 1634).

Высота большихъ масокъ 22 см.; ихъ поперечникъ 20 см.; меньшихъ—15 см. и 13 см. Сработаны маски посредствомъ ковки, но не отъ руки, а ковки надъ готовой формою-моделью. Мы имѣемъ такимъ образомъ въ этихъ маскахъ образецъ еще различнаго, отъ уже разсмотрѣнныхъ нами, способа обработки бронзы. Техника ковки бронзовой бляхи надъ моделью была усвоена древними, также, какъ техника ковки отъ руки, до такого совершенства, что имъ удалось вытянуть бронзовую бляху до тонкости бумажнаго листа, безъ того, чтобы эта бляха прорвалась или лопнула. И въ данномъ случаѣ бляха на носахъ львиныхъ мордъ до того тонко вытянута, что прямо удивительно, какъ она уцѣлѣла. Объ основательной чисткѣ этихъ хрупкихъ масокъ конечно рѣчи не могло быть. Эти маски львовъ любопытны, однако, не только съ точки зрѣнія техники работы; и художественная концепція ихъ небезынтересна: меньшія, правда, вполнѣ стилизованы; за то большимъ маскамъ удачнымъ утолщеніемъ стянутыхъ, повисшихъ бровей, характерной формовкой и постановкой глазъ и гравированныхъ и наполненныхъ

пастою зрачковъ, вѣрной передачей раздутыхъ ноздрей весьма ловко приданъ видъ разъяренности и свирѣпости, такъ что концепція этихъ масокъ по выразительности и жизненности не уступаетъ лучшимъ образцамъ львиныхъ головъ въ античномъ искусствѣ.

Ихъ сохранилось такъ много, какъ наслѣдство изъ древняго міра, что указывать на отдѣльные экземпляры является почти лишнимъ [1]). Замѣчу только, что типы нашихъ масокъ носятъ на себѣ ясный отпечатокъ восточно-греческаго стиля и могутъ быть поставлены въ параллель съ наилучшими твореніями восточнаго искусства. Извѣстно, что это восточное вліяніе особенно сильно сказывалось, какъ нѣкогда въ древне-іоническомъ искусствѣ, такъ и въ періодъ эллинизма, когда всѣ культурныя тенденціи, всѣ художественныя направленія собрались какъ-бы въ одномъ фокусѣ, который, подвергавши ихъ своеобразному процессу сліянія, отражалъ въ новомъ видѣ полученное отовсюда историческое наслѣдство.

Что изображенія львовъ и львиныхъ масокъ (протоменовъ) служили въ античномъ мірѣ и спеціально и въ эллинистическій періодъ украшеніями саркофаговъ, общеизвѣстно: укажу для примѣра на знаменитый, такъ называемый, саркофагъ Александра Великаго въ Константинополѣ и, спеціально для нашихъ черноморскихъ колоній, на довольно многочисленныя львиныя маски изъ гипса, экземпляры которыхъ хранятся и въ коллекціяхъ Одесскаго музея [2]). Новостью для насъ является то, что эти протомены изготовлялись для колоній на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря не только изъ гипса или глины, но изъ дорогой бронзы—это подробность, не лишенная интереса въ бытовомъ отношеніи.

10) Къ изданію трактованныхъ до сихъ поръ греческихъ и римскихъ Таб. V, 8.
бронзъ присоединяю, въ заключеніе, обнародываніе одного оригинальнаго скиѳскаго сосуда, который, поскольку я знаю, является пока единственнымъ въ своемъ родѣ. Найденъ этотъ сосудъ (инвентарный каталогъ V/1042) при хищническихъ раскопкахъ кургана въ долинѣ рѣки Калміуса въ 1896 году. Вмѣстѣ съ нимъ изъ той же могилы доставлены были: 1 плоскій бронзовый наконечникъ отъ дротика, 1 бронзовая ручка отъ кувшина, изящной греческой работы; ручка кончается внизу гравированной пальметтой, имѣетъ въ верхней части подпорку для большого пальца и покрыта чудной свѣтлой патиною; 1 привѣска въ видѣ бубенчика, 1 бронзовая пластинка, съ изгибомъ въ срединѣ—въ видѣ щита, 1, внутри полая, хорошей работы бронзовая головка барана, (инвентарный каталогъ V/333—349), 8 золотыхъ розетокъ съ гнѣздами для вставки гранатъ, три золотыхъ трубочки

[1]) Срв. фигурки львовъ изъ бронзы у de Ridder'a: Catalogue des bronces № 464—474 и совершенно аналогичныя маски (Löwenprotomen) у Furtwängler'a: Die Broncen von Olympia, таб. XLVI, 499 и 808 и текстъ стр. 121.

[2]) Краткій Указатель музея, залъ 1, шкапъ 21.

съ такими же гнѣздами (камни вездѣ выпали) и одна такая же трубка, кончающаяся бараньей головой (инвентарный каталогъ V[a]/98—110), четыре большія каменныя бусы и четыре полукруглыя бусы или пуговицы изъ ахата съ плоскимъ основаніемъ, съ двумя на крестъ просверленными отверстіями для нанизыванія: очевидно эти пуговки придѣланы были къ уздѣ, именно, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ перекрещиваются поперечные налобный и носовый ремни, съ ремнемъ, держащимъ удила и идущимъ вверхъ по челюстямъ за уши лошади (χορυφαία)[1]). Какъ это обыкновенно бываетъ при хищническихъ раскопкахъ, къ сожалѣнію, нельзя было добыть болѣе подробныхъ свѣдѣній относительно кургана и его содержанія. Перечисленные предметы были доставлены въ Одесскій музей; переговоры съ продавцемъ, который затребовалъ сначала бѣшеныя деньги, длились очень долго; въ концѣ концовъ всѣ вещи пріобрѣтены были мною для музея за 500 руб. Изъ инвентаря гробницы возможно вывести кое-какія заключенія относительно времени погребенія и національности покойнаго. Бронзовая ручка и бронзовая баранья голова носятъ на себѣ всѣ признаки хорошей греческой работы не позже III/II вѣка до Р. Х.; бубенчикъ—чисто скиѳскаго типа и аналогичные экземпляры массами встрѣчаются въ курганахъ Кіевской губерніи [2]); золотыя вещи со вставленными гранатами—украшенія ремня, на которомъ висѣло оружіе, или пояса—характерны для мѣстнаго производства, съ первыхъ вѣковъ до Р. Х. [3]), наконецъ, просверленныя каменныя пуговки для украшенія узды, обычный придатокъ скиѳскихъ могилъ разныхъ періодовъ.

Похороненъ былъ, такимъ образомъ, въ курганѣ долины рѣки Калміуса несомнѣнно скиѳъ, вѣроятно вмѣстѣ съ лошадью, но скиѳъ грецизированный или, по крайней мѣрѣ, умѣющій цѣнить хорошія издѣлія греческаго художественнаго ремесла, о чемъ свидѣтельствуетъ присутствіе въ могилѣ уцѣлѣвшей ручки отъ истлѣвшаго бронзоваго кувшина и, также изящной бронзовой бараньей головы, служившей, по вѣроятности, рукояткой кинжала, ножа или другого подобнаго предмета. Время похоронъ точно опредѣлить нельзя: по указаннымъ датамъ, я склоненъ ихъ отнести еще въ періодъ до Р. Х.

Эти предварительныя замѣчанія и разсужденія казались мнѣ необходимыми, чтобы ближе подойти къ пониманію того сосуда, который насъ интересуетъ здѣсь на первомъ мѣстѣ.

Сосудъ этотъ имѣетъ высоту въ 26 см., съ фигурной крышкою 32 см. На высокой, полой внутри, ножкѣ укрѣпленъ круглый, шарообразный сосудъ; ручку его составляетъ придѣланный сзади, очень

[1]) Срв. мою статью: Содержаніе гробницы, раскопанной въ 1896 году въ Керчи, Записки Общества XXI, 1898 стр. 10, таб. Б. 4.

[2]) Срв. Собраніе Б. М. и Б. Н. Хапенки, выпускъ II, таб. XI и XII.

[3]) Срв. мою статью: Къ вопросу о происхожденіи «готскаго стиля» предметовъ ювелирнаго искусства. Записки Общества, XX, стр. 15

примитивной концепціи, олень; насколько я знаю, такихъ изображеній оленей найдено очень много въ скиѳскихъ курганахъ, или въ видѣ отдѣльныхъ фигурокъ или на „значкахъ начальника“ [1]) или на золотыхъ пластинкахъ [2]). По обоимъ бокамъ на верхнемъ краѣ сосуда укрѣплены птицы, держащія въ своихъ когтяхъ рыбы; по аналогіи извѣстныхъ эмблемъ ольвійскихъ монетъ, мы, конечно, въ этихъ птицахъ съ распростертыми крыльями должны усмотрѣть—орловъ, а въ рыбахъ—дельфиновъ.

Носокъ сосуда состоитъ изъ шеи и головы коровы или быка съ высокими рогами, длинными ушами, большими глазами и открытымъ ртомъ; въ противоположность къ фигурамъ оленя и птицъ надо замѣтить, что концепція и моделировка этой головы довольно удачна. Внутри сосуда, при началѣ носка имѣется сито, совершенно, какъ въ нашихъ чайникахъ; это указываетъ, что въ сосудѣ приготовлялась настойка, и что гуща не должна была проходить черезъ носокъ. Закрывается сосудъ подвижной на шарнирѣ, крышкой; шарниръ этотъ самой простой конструкціи; придѣланная къ крышкѣ плоская бронзовая пластинка проходитъ, какъ перекладина, черезъ двѣ вертикально на сосудѣ стоящія палочки; всѣ три онѣ на концѣ просверлены, и черезъ эти дырочки продѣтъ былъ штифтикъ, теперь потерянный, который, такимъ образомъ, составлялъ соединеніе между сосудомъ и крышкой[3]). На крышкѣ, въ видѣ пуговки для поднманія ея, мы имѣемъ изображенія двухъ человѣческихъ фигуръ; концепція ихъ очень груба и довольно одинакова; объ фигуры имѣютъ на темени круглыя шапки на лицѣ выступаетъ длинный, орлиный носъ, между тѣмъ, какъ ротъ и глаза едва обозначены; объ опредѣленномъ типѣ, при такой примитивности работы, не можетъ быть и рѣчи; различіе между этими двумя фигурами состоитъ въ томъ, что одна изъ нихъ стоитъ на лѣвомъ колѣнѣ; правая нога при этомъ поставлена въ соотвѣтствующемъ изгибѣ впередъ; въ правой рукѣ она держитъ чашу, которую протягиваетъ другой фигурѣ, сидящей съ перекрещенными ногами и опирающейся при этомъ на обѣ руки, ощущенныя по бедрамъ. Значеніе этой сценки, при отсутствіи болѣе детальнаго исполненія фигуръ, угадать нельзя.

---

[1]) Срв. Собраніе Б. М. и В. Н. Ханенки, выпускъ II, таб. XI; такихъ значковъ имѣется и цѣлая серія въ Одесскомъ музеѣ (инвентарный каталогъ V/1733—1739).

[2]) Срв. Собраніе Б. М. и В. Н. Ханенко, выпускъ II, табл. XXIV, 416; табл. XXIV, 437—440; ихъ очень много найдено и въ Керчи и на Кавказѣ; срв. Отчеты Им. Археол. Коммиссіи (passim).

[3]) На изображеніи видна сплетенная проволока, которая протянута отъ птицы до сидящей на крышѣ фигуры. Я долженъ извиниться, что забылъ ее снять при фотографированіи сосуда. Въ виду того, что штифтикъ потерянъ и дырочка въ перекладинѣ проломана, надо было прикрѣпить крышку къ сосуду: при наклонности нѣкоторыхъ посѣтителей музея брать съ собою на память все, что не очень крѣпко прикрѣплено, принятая мѣра предосторожности является, къ сожалѣнію, не лишней.

Этотъ „скиѳскій чайникъ“—если такъ можно обозначить нашъ сосудъ—такимъ образомъ, не лишенъ археологическаго и бытового интереса. Онъ является типичнымъ выразителемъ и показателемъ той смѣшанной, полугреческой и полуварварской культуры, которая господствовала въ сферѣ вліянія черноморскихъ греческихъ колоній. Изящность формы сосуда и удачная концепція его носка свидѣтельствуютъ о вліяніи греческаго художественнаго ремесла на нашего мастера; дикія украшенія сосуда и ихъ грубое исполненіе обнаруживаютъ, съ другой стороны, его варварскій вкусъ или его готовность подчиняться вкусу той публики, среди которой онъ разсчитывалъ сбыть свой фабрикатъ. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что мы этотъ сосудъ должны признать мѣстной работою. Воспроизведеніе орловъ на дельфинахъ, этой излюбленной эмблемы ольвійскихъ монетъ, какъ-бы подсказываетъ предположеніе, что сосудъ изготовленъ въ Ольвіи, или близко отъ нея. Съ технической стороны работа безупречна: сосудъ не отлитъ въ формѣ, а откованъ молоткомъ, и всѣ фигурки присоединены къ сосуду не посредствомъ спайки, а ковки горячаго металла. Такимъ образомъ, этотъ скиѳскій сосудъ позволяетъ намъ, хоть отчасти, заглянуть въ мало еще освѣщенную область античной культурной жизни въ отдаленныхъ форпостахъ античнаго міра въ періодъ около Р. Х.—въ область мѣстной торевтики и вкуса тогдашняго главнаго населенія нашего юга Россіи.

На этомъ я пока заканчиваю свою публикацію античныхъ бронзъ изъ собранія Одесскаго музея. Надѣюсь, что мое описаніе и, еще въ большей мѣрѣ, приложенныя таблицы убѣдятъ читателя въ томъ, что въ нашемъ собраніи хранятся предметы, которые заслуживаютъ всесторонняго изученія, какъ съ художественной точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія исторіи культуры. Если мнѣ удалось заинтересовать читателей «Записокъ» затронутымъ здѣсь вопросомъ, то, думаю, представится мнѣ возможность въ ближайшемъ будущемъ обратить ихъ вниманіе на наше собраніе бронзовыхъ статуэтокъ. Ихъ публикація, давно уже намѣченная, но все еще откладываемая за неимѣніемъ свободнаго времени, полнѣе и яснѣе освѣтитъ, чѣмъ это возможно было выяснить въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ, ходъ развитія занимающей насъ здѣсь отрасли художественной промышленности, и въ тѣсной связи съ этимъ, и культурной жизни въ греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря.

Э. фонъ-Штернъ.

1.

2.

3.

Таблица III

4. 5.

Литографія М. Пиковскаго, Одесса

6.

7.

фотография М. Пильявского. Одесса

8

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Источники и мивологія Слова. — Его научное и воспитательное значеніе.

Слово о полку Игоревѣ по своимъ выдающимся достоинствамъ превосходитъ всѣ произведенія древне-русской литературы. Ни одно изъ нихъ не породило такое громадное количество изслѣдованій, какое расплодилось и продолжаетъ плодиться съ цѣлью установить правильное чтеніе Слова, раздѣлить его на стихи и разоблачить скрытыя въ немъ тайны. Никому, однако, не удалось вполнѣ преодолѣть препятствія, встрѣчающіяся на пути кропотливыхъ изысканій, выяснить удовлетворительно его источники, складъ, содержаніе его сплошного текста, вошедшаго въ открытый А. И. Мусинъ-Пушкинымъ Сборникъ библіотеки Спасо-Ярославскаго монастыря. „Вѣрное и окончательное объясненіе хотя-бы одного труднаго мѣста Слова", писалъ Лавровскій въ 1870 г., „составило-бы большую заслугу" (Ж. М. Нар. Пр. за тотъ годъ, № 10). Заканчивая обзоръ литературы Слова о полку Игоревѣ ссылкой на мое Историческое изслѣдованіе Слова, Е. Пѣтуховъ, въ ожиданіи важныхъ находокъ, не сомнѣвается, что и „въ дальнѣйшемъ этотъ выдающійся памятникъ не останется въ сторонѣ отъ новыхъ попытокъ его объясненія и изученія" (Русск. литер., древн. пер., изд 1911 г., стр. 97). Главной причиной неудачи считаю убѣжденіе большинства ученыхъ, что Слово дошло до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ сочинено, но испорченнымъ, съ сокращеніями и передѣлками: что первые издатели Слова не умѣли правильно его прочесть и, въ передачѣ, извратили многія его выраженія. Мнѣніе это ошибочно даже по отношенію къ наличности *пропусковъ* текстуальныхъ. Замѣчу, однако, что повѣствованіе о походѣ Игоря соединено было, кажется, съ повѣствовательною пѣснью о походахъ давнихъ князей, до насъ не дошедшею и служившею введеніемъ къ разсказу о походѣ Игоря, связанному съ дѣяніями Владиміра Мономаха. Это обнаруживается первыми-же стихами и нѣсколькими изъ послѣдующихъ стиховъ Слова:

Не лѣпо ли ны *бяшетъ*, братіе,
Начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій
О пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича?...
Начати же ся тъй пѣсни
По былинамъ *сего времени*...

Почнемъ же, братіе, повѣсть *сію*
Отъ стараго Владиміра
До нынѣшняго Игоря...

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ,
А *потомъ* молодымъ пѣти (пѣснь)...

Думаю, что двѣ пѣсни, одна о походахъ многихъ старыхъ князей, другая—о походѣ Игоря, нѣкогда распѣвались въ полномъ ихъ объемѣ, послѣдовательно и совмѣстно, въ Кіевѣ, при великокняжескомъ дворѣ. Съ теченіемъ времени, еще при жизни Игоря Святославича († 1202 г.), повѣствованіе собственно о его походѣ, задѣвающее эпоху Владиміра Мономаха, съ былиной о Всеславѣ Полоцкомъ, выдѣлилось, въ Сѣверскомъ и Галицкомъ княжествахъ, изъ пѣсеннаго свода, подобнаго лѣтописному своду Сильвестра, безъ существеннаго редакціоннаго измѣненія, отъ подробнаго повѣствованія о другихъ старыхъ князьяхъ и пѣлось отдѣльно. Текстъ Слова собственно о походѣ Игоревомъ, являющійся самъ по себѣ, несомнѣнно, цѣльнымъ и стройнымъ, безъ пропусковъ и перепутанности стиховъ, какъ это признавалъ еще П. Сахаровъ (Сказ. русск. нар. 1841 г., т. I, стр. 55), очень мало поврежденъ переписчиками и съ точностью переданъ первыми издателями. Мусинъ-Пушкинъ не понималъ нѣкоторыхъ выраженій Слова, но, инстинктивно сознавая его важность, воспроизвелъ текстъ, съ постороннею помощью свѣдущихъ въ палеографіи Малиновскаго и Бентынъ-Каменскаго, такъ, что печатный оттискъ 1800 г., если и изгладилъ кое-гдѣ надстрочные знаки, то все-таки позволяетъ буквально возстановить относящійся, по авторитетному заключенію Карамзина, къ концу XV вѣка оригиналъ съ его лексическими особенностями: „Ярославъ, живая струны, рѣтко, оттвори, въпумѣ, втроскоташа, воззни, оужинѣ, головы, Всеволодѣ, славѣ, мужаимѣся, Даждбогъ и Дажьбогъ, жля, своя хоти, не было-нъ, Ростислава, Путивлу городу". Оказывается, что прибѣгавшіе безпрестанно къ прихотливымъ и легкомысленнымъ поправкамъ ученые, не овладѣвъ вполнѣ пѣсенными тонкостями Слова, (опущеніе иногда глагольныхъ окончаній и т. под.), не доискавшись его источниковъ и не собравъ достаточное количество научныхъ справокъ, сами не сумѣли утилизировать изданіе Мусинъ-Пушкина, долженствующее замѣнить сгорѣвшую въ 1812 г. подлинную рукопись, и затемнили текстъ не подлежащимъ, а иногда и нелѣпымъ его чтеніемъ. Ясную рѣчь Игоря Святославича къ брату Всеволоду Трубчевскому, гдѣ „Всеволодъ"—русск. форма зват. пад., какъ и въ воззваніи: „Инъгварь и Всеволодъ!"..., вложили въ уста Всеволода Святославича, Курскомъ никогда не владѣвшаго, а потому и не говорившаго о *своихъ курянахъ* (См. мое Историч. изслѣдов. Слова, стр. 176—185), смѣшали два стиха, далѣе мною приведенные, о вторженіи половцевъ въ русскіе предѣлы „на седьмомъ Трояновомъ вѣкѣ" съ былиною о Всеславѣ Полоцкомъ, начинающуюся бросаніемъ жребія

о любой дѣвицѣ—Кіевѣ, превратили распущенныхъ лебедей (съ распущенными крыльями) въ распуженныхъ, Карну и Жлю (Желю) въ половецкихъ хановъ, деремелу (гл. дремати) въ несуществовавшее племя такого названія, русскаго Трояна—или въ Бояна, или въ Краяна, или въ императора Траяна, русскихъ дѣвицъ—въ поющія копья, кагана—въ пѣвца. Шишковъ умудрился „хоботы“ замѣнить чоботами, а Келтуялъ въ своей хорошей Исторіи древне-русской литературы слѣдующей фантасмагоріей пересказываетъ сонъ вел. князя Святослава: „Я видѣлъ, что *бѣжала дебрь Кисаню* и что я не могу *сдвинуть ее обратно* къ синему морю“... Многому-ли могъ научить даже Н. Тихонравовъ, если рѣшился объявить столь употребительное „подобію“ явной опиской, „свычая“ объяснилъ въ своемъ Словарѣ „вдовствомъ“, „текотъ“ лятла (клювомъ объ дерево) крикомъ, „трѣснути“ (ударить)—глаголомъ звучать, „боронь“ (оборона)—передовымъ отрядомъ (Слово о п. Игоревѣ для *учащихся*)? Не говорю уже о такихъ изданіяхъ, какъ И. Глазунова, подъ редакціей А. Чудинова, гдѣ „сулица“ значитъ остріе копья, „лозіе“—тростникъ, „шерешпиры“—порода рыбъ, и т. под. Аляповатыми передѣлками Слова и П. Владиміровъ умалилъ достоинство своего капитальнаго труда (Древн. русск. литерат. Кіевск. пер., стр. 301, 304, 345, 350, 354 и др.). Возьмемъ теперь изданіе нашей *Академіи Наукъ* Ѳ. Коршъ безцеремонно подставляетъ „рысью“ вмѣсто „мыслію“,—„ратнымъ“ вм. „раны“,—„отъяла“ вм. „спала“,—„Всеволодъ“ вм. „Всеволожь“—„издалечя“ вм. „давечя“,—„съ Трикусы“ вм. „стрикусы“,—„не быть“ вм. „не мыслію“, и т. д. (Слово о п. Игоревѣ. Изд. Отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ, 1909 г.). Источники Слова донынѣ остаются почти нераскрытыми, а потому въ наукѣ водворились весьма смутныя понятія о постороннихъ вліяніяхъ на творчество его автора.

Въ мой анализъ Слова о полку Игоревѣ вовсе не входитъ намѣреніе умалить заслуги лицъ, спеціально и серіозно занимавшихся этимъ произведеніемъ. Наоборотъ, я высоко цѣню ихъ труды, во всякомъ случаѣ облегчающіе его изученіе. Надѣюсь, и мнѣ не поставятъ въ вину усвоеніе, въ предпринятомъ мною новомъ изданіи Слова, самостоятельной точки зрѣнія на источники Слова, его загадочную терминологію, миѳологическую стихію и смыслъ тѣхъ его выраженій, которые историкомъ Соловьевымъ, Буслаевымъ, Максимовичемъ, кн. Вяземскимъ, Барсовымъ, Потебней, О. и В. Миллерами, Тихонравовымъ, Ждановымъ, Прозоровскимъ, Огоновскимъ, Петрушевичемъ, Владиміровымъ и многими другими слишкомъ поспѣшно признаны искаженными по небрежности переписчиковъ и оплошности первыхъ издателей, или-же, какъ то утверждалъ Стоюнинъ, *по невѣжеству* самого автора повѣсти.

Отдавая Слову о полку Игоревѣ преимущество предъ всѣми остальными произведеніями древне-русской литературы, разумѣю,

кромѣ художественныхъ качествъ, указанныхъ лучшими его характеристиками, его роль *научную* и *воспитательную*.

Случайная находка Слова *обогатила отечественную науку*. Ему отводится почетное мѣсто въ обзорахъ русской словесности, въ исторіи русскаго государства, русской церкви и въ ученыхъ монографіяхъ. Къ счастью, открытъ Мусинъ-Пушкинымъ неизсякаемый родникъ, изъ котораго почерпается обильный и разнообразный научный матеріалъ вплоть до восьмидесятыхъ годовъ XII столѣтія, начиная съ княжескихъ усобицъ, происходившихъ при Ярославѣ I, возобновившихся при сыновьяхъ его Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ и прогрессивно затѣмъ возраставшихъ. „Историкъ русской жизни и быта, государственности и культуры“, справедливо говоритъ Е. Пѣтуховъ, „можетъ почерпнуть изъ Слова богатый матеріалъ, благодаря реализму этого произведенія, разнообразію наблюдательности его автора, глубинѣ и ясности его поэтичнаго міросозерцанія“ (Русск. литер. Древн. періодъ, 108). Слово облегчаетъ пониманіе жизни, духа, обычаевъ, нравовъ и вѣрованій русскаго народа, продолжавшаго въ наибольшей степени тяготѣть къ матери городовъ русскихъ, средѣ Русской земли—Кіеву.

А въстона бо, братіе, *Кіевъ* тугою,
А Черниговъ напастьми...
Печаль жирна тече *средь земли Рускыи*...

Еще Святославъ Игоревичъ молвилъ: „не любо ми есть *въ Кіевѣ* быти... ...*то есть среда* земли моей“ (Подробн. въ моемъ соч. „Мирн. догов. русскихъ съ греками, заключ. въ X в., стр. 8 и слѣд.). Слово, написанное стихами, приспособленными къ пѣнію, служитъ художественною иллюстраціею сухой, за небольшими изъятіями, монашеской Повѣсти временныхъ лѣтъ, но содержитъ въ себѣ не мало опущенныхъ лѣтописью фактическихъ данныхъ. Пѣсенный разсказъ о походѣ Игоря ярко обрисовываетъ семейный, хозяйственный, военно-дружинный, правовой и религіозный бытъ русичей, отчасти-же дополняетъ лѣтопись любопытными чертами, касающимися и личностей князей удѣльнаго періода, и цѣлыхъ княжествъ — Кіевскаго, Черниговско-Тмутороканскаго, Переяславскаго, Сѣверскаго, Полоцкаго, Городенскаго, Волынскаго, Суздальскаго и Галицкаго. Во всѣхъ поименованныхъ княжествахъ издавна слагались служившіе автору Слова подспорьемъ при его составленіи пѣсни „вѣтіями“, прославлявшими боевые подвиги, величая „крѣпко мужествовавшихъ въ брани“ (Кириллъ Туровскій и лѣтоп. подъ 1103, 1111, 1152, 1176, 1186 г.). Польскій историкъ Длугошъ приводитъ, по-латыни, отрывокъ русской дружинной пѣсни въ честь Мстислава Мстиславича Удалого, сочиненной незадолго до появленія на историческомъ горизонтѣ „словутнаго пѣвца Митуси“, пострадавшаго за свое безпристрастіе (Ипат. 1241 г.). Русичи превозносили въ ней до небесъ могучаго *сокола*, великаго и доблестнаго своего господина, поправшаго враговъ, предвкушавшихъ

побѣду въ надеждѣ его одолѣть. (Hist. pol., подъ 1209 г.). Исконная связь Кіевской и Галицкой Руси, прочно установившаяся еще при Ярославѣ I, поддерживается въ Словѣ горами Угорскими и рѣкой Дунаемъ, на которомъ Кій построилъ г. Кіевецъ и до котораго „суды рядилъ“ отворявшій Кіеву ворота Ярославъ Владимірковичъ Галицкій, тесть Игоря Святославича. Изображенные въ Словѣ: посѣвъ и ростъ княжескихъ усобицъ—*„сами на себѣ* крамолу коваху“, взиманіе половцами дани съ русичей „по бѣлѣ отъ двора“, наклоненіе древа къ землѣ „стугою“ (сокрушеніемъ), отрицательное уподобленіе въ изображеніи Бояновой игры на гусляхъ, бросаютъ свѣтъ и на подкладку лѣтописныхъ преданій, отличающихся народно-поэтическимъ стилемъ. Таковы преданія о племенныхъ раздорахъ—„быша въ нихъ усобицѣ,—воевати почаша *сами на ся*“,—поведшихъ къ призванію заморскихъ варяговъ, о взиманіи ими съ покоренныхъ племенъ, въ томъ числѣ *сѣверянъ*, дани „по бѣлѣ отъ дыма“ (двора), о величаніи деревлянскихъ пословъ, при сокрушеніи („сустугахъ“) кіевлянъ отъ убійства Игоря Рюриковича: („намъ невольно, князь нашъ убіенъ“), о томъ, почему словене, отплывшіе изъ Византіи на паволочитыхъ парусахъ, подшучивали, что имъ „не даны суть прѣ паволочитыя“, т. е. не дались паруса, „имемся своимъ толстиномъ“ (отрицательное уподобленіе), объ обогащеніи русичей „всякимъ греческимъ узорочьемъ“ (907 г.), и т. под. Въ преданіяхъ этихъ слышится отголосокъ давнѣйшихъ дружинныхъ пѣсенъ, которыми воспользовался начальный лѣтописецъ, точно также какъ и въ разновременныхъ причитаніяхъ Ольги, князей и дружины: „уже мнѣ мужа своего не крѣсити..., уже мнѣ сихъ не крѣсити“..., уже намъ не воскресить брата своего..., Сего намъ уже не крѣсити“ (Ипат. лѣтоп. подъ 945, 1015, 1048 г.). Въ Словѣ подобный-же припѣвъ:

А Игорева храбраго плъку не крѣсити!

Повидимому, знаменитые походы русичей на грековъ воспѣвались и на пирахъ при Владимірѣ св.: „Добрыня струну натягивалъ (одну) отъ Кіева, другую—*отъ Царяграда*... Онъ выигрывалъ наигрыши... что изъ Кіева и *до Царяграда*“.—Таковы варіанты въ былинахъ о Добрынѣ Никитичѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Ставрѣ и Садкѣ (Кирша Даниловъ, Рыбниковъ, Гильфердингъ и др.).

Хронологія Слова, несмотря на большое количество накопленныхъ и разбросанныхъ въ немъ происшествій, крайне упрощена. Въ сжатомъ обзорѣ выдающихся событій, охваченныхъ, по выраженію Е. Барсова, „творческимъ геніемъ автора“, а также въ прочувствованномъ разсказѣ обстоятельствъ, предшествовавшихъ походу на половцевъ въ 1185 г. Игоря Святославича Новгородъ-Сѣверскаго съ братомъ Всеволодомъ Трубчевскимъ, сыномъ Владиміромъ Путивльскимъ и племянникомъ Святославомъ Ольговичемъ Рыльскимъ, и его сопровождавшихъ, выдѣляются два, свиваемыхъ анонимнымъ авторомъ

Слова поэтическою пеленою обширныхъ періода княжескихъ усобицъ въ теченіе около 160 лѣтъ, *старое* и *новое* („сіе“) время. Старое время, восходящее къ первой половинѣ XI столѣтія (борьба Ярослава I съ братомъ Мстиславомъ Тмутороканскимъ и племянникомъ Брячиславомъ Изяславичемъ Полоцкимъ въ 1021—1026 г.) и слѣдовавшія по смерти Ярослава I событія, частью воспѣты Велесовымъ внукомъ Бояномъ. Былины „сего“ времени имѣютъ предметомъ происшествія позднѣйшія, включая совершившіяся при сынѣ Всеволодовомъ—старомъ Владимірѣ (Мономахѣ), нѣкогда „каждое утро закладывавшемъ уши въ Черниговѣ“ наподобіе глухого аспида, дабы не слышать звона оружія двоюроднаго его брата Олега Святославовича (Слово, Соф. лѣт., т. IV, 8, и Псалтырь), при попыткѣ Олега отвоевать свою отчину Черниговъ, назначенный, съ Тмутороканью, Ярославомъ I въ удѣлъ сыну Святославу, возвращенный Олегу впослѣдствіи Мономахомъ (1094 г.) и окончательно закрѣпленный за Олегомъ на Любечскомъ съѣздѣ князей (1097 г.). Въ поступательномъ движеніи обида, поднявшаяся въ силахъ Трояновыхъ около половины XI столѣтія, завершила губительное шествіе свое у р. Каялы. Новыя былины обнимаютъ и пору усобицъ между Ольговичами и „Владиміричами“ по смерти Мономаха (1125 г.) почти до конца XII столѣтія, преимущественно изъ-за обладанія Кіевскою и Черниговскою волостями. Посѣтивъ „дѣвою“ (въ дѣвствѣ) Русскую землю, она оперилась, упрочилась и освирѣпѣла благодаря измѣнническому союзу Олега Святославича съ половцами. Отъ княжескихъ усобицъ, продолжавшихся и разроставшихся по его смерти († 1115 г.), Русь постепенно утрачивала способность отбивать нападенія литовцевъ изъ сосѣдней съ Полоцкою областью сѣверо-западной окраины и выдерживать безпрерывные со всѣхъ сторонъ набѣги половцевъ изъ занятыхъ ими Корсуня (Тв. лѣтоп. 177), южнаго Приднѣпровья и Придонской области. Днѣпръ словутичъ, сдавленный кочевниками, пробилъ каменныя горы

Сквозѣ землю Половецкую...

Такъ сбывалось предостереженіе проницательнаго Владиміра Мономаха, когда онъ узналъ объ ослѣпленіи Василька Ростиславича въ 1097 г.“: больше зло вьстанеть въ насъ и начнеть братъ брата заколати, и погыбнеть земля Русьская“. „Пользуясь тѣмъ, что „князи не въ любви живутъ“, радуясь ихъ „свадѣ“, половцы грабили Подунайскіе города вмѣстѣ съ Иваномъ Берладникомъ, затѣмъ заняли торговые пути Греческій, Соляной и Залозный (Ипат. 171, 203, 206, 209, 341, 360, Лавр. 245, 287—290 и слѣд.).

О, стонати Руской земли,
Помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей!

Только чрезъ 10 лѣтъ послѣ вторичнаго безуспѣшнаго похода Игоря братьею въ 1191 г., Ростиславъ Рюриковичъ очисти лъ (?)

половцевъ окрестности Днѣпра, возвратившись „съ честью и славою великою“ (Ипат., 452 и 456). Новое время обрывается на моментѣ прибытія въ Кіевъ „нехвальнымъ путемъ“, чрезъ г. Донецъ, и освободившагося изъ половецкаго плѣна Игоря Святославича, посѣщенія имъ храма Богородицы Пирогощей и сняряженія князей на поганыхъ

За раны Игоревы, буего Святъславлича...

Сходство старой и новой поры, по гибельнымъ результатамъ княжескихъ усобицъ, помогло автору Слова завязать эпическимъ узломъ, объединить давнопрошедшія событія съ событіями, примыкающими къ походу 1185 г., провести въ историко-миѳологическомъ освѣщеніи поэтическую аналогію между прежними бѣдствіями, причиненными Трояну, и позднѣйшими—потомку Трояна Игорю Святославичу княжескими раздорами, открывшими кочевникамъ ворота въ Русскую землю. Походъ Игоря къ Тмутороканю вызываетъ у автора Слова воспоминаніе и о *давномъ* звонѣ, раздававшемся изъ Тмуторокани при Ярославѣ I. Оттуда-же совершалъ походы Олегъ Святославичъ, вступая „въ златъ стремень“. Преемственность событій не строго соблюдена въ Словѣ, но ихъ не трудно привести въ систематическій порядокъ при помощи лѣтописей. Центральное мѣсто на обширной аренѣ княжескихъ усобицъ отведено крамоламъ при Олегѣ Святославичѣ, продолжавшимся около 35 лѣтъ:

Тогда, при Олзѣ *Гориславличи*
Сѣяшется и растяшеть усобицами...

Добавивъ къ отчеству Олега „Святославличъ“ народное прозвище „Гориславличъ“ (выраж. „при Гориславличи“—правильная церковнослав. форма), авторъ Слова подводитъ насъ къ легендѣ о присвоеніи прозванія „Горислава“ дочери убитаго Владиміромъ святымъ Полоцкаго князя Рогволода Рогнѣды, матери Ярослава I, Мстислава Тмутороканскаго и Изяслава, предка Всеслава Полоцкаго (Лавр. и Радзив. лѣтоп., подъ 980 и 1128 г.). Добавленіе къ имени, данному при крещеніи, особаго прозвища часто практиковалось въ древней Руси, напр. дочь Рюрика Ростиславича Ефимью прозвали Измарагдомъ (Ипат. 474).

Свивая событія XI и XII в., Слово сохранило отголоски весьма древнихъ преданій о разныхъ племенахъ и лицахъ: а) о *гуннахъ*—хиновѣ („Cinowe“ въ рочникѣ Мѣховскаго монастыря, подъ 1300 г.), которые почитались плодомъ связи адскихъ духовъ со скиѳскими вѣдьмами и къ которымъ Слово пріобщаетъ родственныхъ имъ половцевъ, носившихъ „шеломы *аварскіе*“, б) о Черноморскихъ *готахъ*, поселившихся на югѣ въ III в., порабощенныхъ въ XI в. половцами и лелѣявшихъ месть половецкаго князя „Шароканя“ стараго за пораженіе его Владиміромъ Мономахомъ въ 1107 г., в) о царѣ славянскаго племени *антовъ* Боусѣ (Booz), разбитомъ въ IV стол. наслѣдникомъ

Эрманариха, правителемъ остроготовъ Винитаромъ (Іорнандъ), и г) о *венедахъ*, подъ именемъ коихъ извѣстны были у иноземныхъ писателей многія славянскія племена. Потомки венедовъ „*венедичи*“ восхваляли Святослава Кіевскаго. Авторъ Слова устами этого князя превозноситъ *прадѣдную* славу Черниговскихъ былей, и т. под.

Упомянутыя преданія донеслись къ автору Слова чрезъ посредство, вѣроятно, дружинныхъ глашатаевъ прославленныхъ походовъ X столѣтія русичей на грековъ, по обычаю распѣвать похвальныя пѣсни предъ князьями (Поуч. преп. Ѳеодосія, Иларіонъ и лѣтописи). Тогда греки трубами пускали *на морѣ* съ кораблей живой огонь—„живые шереширы“ (сѣро-ширы, ср. „шизымъ“ вм. сизымъ), т. е. снаряды съ примѣсью сѣры („шера“ у Даніила паломника и въ зап.-русск. актахъ, Вил. Ком., т. XXI, № 475 и др.), какими въ 1184 г., пуская въ дѣло съ Волжскими болгарами Глѣбовичей Рязанскихъ или *Резанскихъ* Романа, Игоря, Всеволода и Владиміра (Лавр., Радзив.), Всеволодъ Суздальскій могъ стрѣлять *по-сушѣ* лучше „треклятаго Кончака“, стрѣлявшаго въ русичей „живымъ огнемъ“ изъ самопаловъ (Ипат.). Выраженію „по-сушѣ“ приданъ аллегорическій смыслъ, на основѣ Гедеонова пророчества объ обновленіи водою. Въ сушѣ подразумѣвается *невѣрный, некрещенный* народъ. На гумнѣ положили руно, покрывшееся росою, а по всей землѣ была суша. „Се же прообрази водою, яко иностранніи и *невѣрніи бѣша суша*, а жидовѣ руно, послѣди-же на странахъ роса, еже есть св. крещеніе, а на жидовѣхъ *суша*“ (ср. Никон., т. IX, 51).—„Вѣра, какъ роса, по всей землѣ простреся“ (Мус.-Пушк. Сб., изд. Вс. Срезневск., 41). Аллегорія эта соединяется у автора Слова съ замысловатою, хотя нѣсколько глухою, игрою словъ. Если-бы Всеволодъ Суздальскій стрѣлялъ Глѣбовичами *Резанскими*, то плѣнный половчанинъ продавался-бы дешево—„*по резанѣ*“. Послѣ неудачнаго нападенія Андрея Георгіевича Боголюбскаго на Новгородскія владѣнія въ 1170 г., тамъ продавали плѣнныхъ суздальцевъ не многимъ дороже, именно *по двѣ ногаты* (Тв. лѣтоп. т. XV, 247). Подобная-же игра словъ кроется въ Бояновой припѣвкѣ былины о Всеславѣ Полоцкомъ. Второй ея стихъ:

Ни хитру, ни горазду,
Ни (съ) *птичу* горазду,
Суда Божіа не минути...

вызываетъ представленіе о рѣкѣ *Птичъ*, на которой расположены были Дудутки, нынѣ Дудичи, откуда Всеславъ Полоцкій скакнулъ къ р. Немигѣ (притокъ Свислочи), въ Минскѣ, гдѣ еще въ 1622 г. упоминается „Немиза“ и улица „Немизская“ (Собр. грам. город. Минской губ.). Корень названія „Минскъ“ или „Минескъ“ тожественъ съ корнемъ глагола послѣдняго стиха припѣвки, приведенной съ небольшимъ сокращеніемъ также Даніиломъ Заточникомъ. Явная игра словъ заключается, по созвучію, и въ „*каялѣ*“—окаянномъ мѣстѣ (ср. рѣка

Каяла), въ „Угорскихъ иноходцахъ“ (см. мое примѣч. къ перев.), и въ выраженіяхъ „рози нося, по лозію ползоша“. Таковы-же въ разсказѣ Святослава Кіевскаго о своемъ зловѣщемъ снѣ и объясненіи его дружинниками-боярами „темя“ „тьма“, „Босуви“ и „Боусово“, „лоно“ и „полонила“, „одѣвахъ“ и „дѣвы“, въ Плачѣ Ярославны „лучю“ (лучъ) и „лучи“ (луки, ср. „разлучиста“), и въ былинѣ о гибели брата Мономахова Ростислава, оплаканнаго въ Кіевѣ его матерью. Когда р. *Стугна* поглотила *„уношу“*, то *„уныша* цвѣты жалобою, а древо *стугою* къ земли приклонило“ (гл. стужати). Таковы-же „паперси“, занявшіе мѣсто языческихъ амулетовъ,—наперсные кресты, тѣльники (Воскрес., т. VIII, 113), которые на себѣ носили русичи (Лавр. 371, мое Истор. изслѣд. Слова, стр. 73, 74). Поелику „крестомъ побѣжаеми бываютъ силы бѣсовьскыя“, то въ 1125 г. Ярополкъ побѣдилъ половцевъ силою честнаго креста. Избавилъ отъ враговъ ангелъ Господенъ, какъ случилось при нападеніи на Іерусалимъ, при Іезекіилѣ, Ассирійскаго царя Сенахирима (Лавр. 74, 281, 457). Разсказъ о походѣ Мономаха съ Святополкомъ на половцевъ въ 1111 г. лѣтописецъ снабжаетъ поясненіемъ о служебныхъ духахъ—поборникахъ, помогающихъ въ браняхъ ангелахъ, посылаемыхъ Богомъ „въ помощь русьскимъ княземъ на поганыя“ (Ипат. 191). „Ихъ-же и поборникы и сборникы, яко-же *нынѣ слышалъ еси Данила,* како вводи архангела Михаила *персемь* въ часъ прогнѣванья *нашея ради свободы*“ (Ипат. 195). Перси—грудь: „Удавиша и (Василька) рамяно, яко *персемъ* троскотати“ (Ипат. 170). Приведенный-же разсказъ касается плѣненія жидовъ *персами,* что и послужило, вѣроятно, литературнымъ сплавомъ паперсей—изъ *персей* и *персовъ*. Какъ въ нашихъ лѣтописяхъ, такъ и во многихъ произведеніяхъ, напр. Повѣсти объ Александрѣ Невскомъ, паперси Слова называются оружіемъ крестнымъ, въ Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ—„твердымъ доспѣхомъ“. Тѣ-же лѣтописи прибѣгаютъ часто къ игрѣ словами. Таковы: искусственное сочетаніе *малаго* количества Ольгиной дружины съ именемъ деревлянскаго князя *Мала,* или-же въ притчѣ: „Пищанцы Волчья хвоста (имя воеводы) „бѣгаютъ“, предсказаніе волхвовъ „на *пять* лѣтъ Днѣпру потещи *вспять*“ (Лавр. 53, 54, 82), и т. д.

Что касается филологической стороны Слова, то въ пестрой его оболочкѣ, наряду съ заимствованіями изъ языковъ греческаго, турецкаго, арабскаго („чага“), и даже норманскаго („стрикусы“, лѣтописные „пороки“, ср. англ.-сакс. strik, лат. stringere), удержался отпечатокъ: во 1-хъ, гармоническаго сочетанія книжной рѣчи съ простонародною, древне-русскихъ полногласныхъ формъ съ хорошо выдержанными церковно-славянскими формами, напр. „соловію“ и „славію“ (ср.: „О, славію пѣснивый“ въ Службѣ Константину Философу, изд. И. Срезневскимъ, Малоизв. Пам.), преобладающими, но не нарушающими равновѣсія этихъ двухъ элементовъ, при обычномъ иногда опущеніи предлоговъ (въ, къ, съ, у, при), съ гаплографическими сокра-

щеніями, напр.: „стрежаше его (го)големъ“,—„не было-нъ обидѣ порождено“ вм. не было оно,—„то-же“ вм. то́(о)же, во 2-хъ, различныхъ мѣстныхъ говоровъ, въ зависимости отъ привитія къ Слову, самимъ авторомъ, діалектическихъ особенностей областныхъ былинъ, причитаній и припѣвовъ славныхъ или похвальныхъ, обрядовыхъ, русальныхъ и похоронныхъ пѣсенъ, отчасти-же, быть можетъ, отъ наслоеній, занесенныхъ въ него переписчиками. Сличеніе съ народными пѣснями (м. проч. по Сб. Донскихъ пѣсенъ, изд. Савельевымъ) и архивными актами значительно помогаетъ пониманію языка Слова. Такъ, „кнѣсъ“, скрѣплявшій доски на крышѣ Святославова терема и будто внезапно исчезнувшій:

Уже дьски безъ *кнѣса* въ моемъ теремѣ златоврьсѣмъ -

есть то-же, что *князь*. Въ одной пѣснѣ, записанной Демьяновичемъ въ Кобринскомъ уѣздѣ на Волыни (Сб. духовн. стиховъ), призывается св. Богородица:

„Ступы до насъ, Марія, зъ великого *князя*“...

Въ старинныхъ памятникахъ—обычная форма „кнѣзь“ или „кнезь“ (князь) и „кнегини“ (княгиня). Слѣдовательно „кнѣсъ“ есть такъ наз. теперь *князекъ* или матица.

Если мы постараемся уловить въ Словѣ, дошедшемъ къ намъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, въ редакціи великорусской (Житецкій и др.), признаки нарѣчія чисто малорусскаго, то совершенно понятными станутъ стихи о превратности временъ:

На-ниче ся годины обратиша.
Се: „у Римъ!“ кричатъ подъ саблями половецкыми,
А Володимиръ—подъ ранами...

Возгласъ: „у Римъ!“ значитъ: (спѣшите на помощь) въ *Римъ!* Такъ нерѣдко выражается и западно-русскій лѣтописецъ: „у свояси, у Смолинскъ, у Кіевѣ, у Черниговѣ“ (Ипат. 168, 324, 327). Когда половцы, разгромивъ ополченіе Игоря, взяли въ Переяславскомъ округѣ г. Римъ или Римовъ, около „*Римьского* болота“, за которымъ, съ помощью Божьей, Мономахъ разбилъ половцевъ, (Поуч.), то князь Владиміръ Глѣбовичъ, братъ жены буй-тура Всеволода, дочери Глѣба Юрьевича, (посаженъ отцомъ въ Переяславлѣ 1169 г., женатъ на дочери Ярослава Всеволодовича, умеръ въ 1187 г., Лавр. 337—339, Ипат. 415, 439), тяжко раненный тремя стрѣлами при мужественной оборонѣ своего города, послалъ великому князю Святославу Кіевскому, Рюрику и Давиду Ростиславичамъ сказать: „се половци у мене, а *помозите* мнѣ!“ (Ипат. 436). Отъ Ольговичей Владиміру Глѣбовичу нельзя было ожидать помощи, ибо въ 1183 г., разгнѣвавшись на Игоря за то, что въ походѣ на половцевъ воспрепятствовалъ ему ѣхать впереди со своими полками, онъ разорилъ и разграбилъ Сѣ-

верскіе города (Ипат. 425). Непосредственно предъ тѣмъ пѣвецъ горько сѣтуетъ на безпомощность въ критическую минуту:

Нъ се зло, княже ми (мой),—непособіе!..

(Ср. „не бысть *пособіе* Божіе псковичамъ". Псков. лѣтоп., 274).

Слово привлекаетъ къ себѣ неусыпное вниманіе историковъ-археологовъ и лингвистовъ. При изученіи его историкъ не можетъ обойтись безъ филологіи, а филологъ не можетъ обойтись безъ знаній историко-археологическихъ. Историкъ, пренебрегающій филологіей, рискуетъ попасть въ просакъ, въ какомъ очутился Д. Иловайскій, переведшій выраженіе Ипатской лѣтописи подъ 1170 г.—„не *лапь* ти велита брата крестъ цѣловати" такъ: „не *лапоть* велятъ тебѣ цѣловать братья"... (Ист. Рос., т. I, 756). Наоборотъ, филологъ, недостаточно свѣдущій въ лѣтописяхъ, неизбѣжно, при толкованіи Слова, будетъ впадать въ грубые промахи. Ограничусь нѣсколькими примѣрами.

1. Великій князь Кіевскій Святославъ, узнавъ о пораженіи русскихъ на р. Каялѣ, воскликнулъ:

О, моя сыновчя!
Игорю и Всеволоде!

Изслѣдователи относятъ восклицаніе великаго князя исключительно къ Игорю и Всеволоду Святославичамъ, тогда какъ оно относится къ *четыремъ* главнымъ участникамъ похода. Племянниками (сыновцами) приходились Святославу Всеволодовичу Владиміръ Игоревичъ (13 л.) и Святославъ Ольговичъ (18 л.); первый двоюроднымъ, второй троюроднымъ, а Игорь и буй-туръ Всеволодъ были его двоюродные *братья*, хотя всѣ они почитали великаго князя своимъ отцомъ „въ отца мѣсто", а онъ называлъ ихъ своими „сынами". Богъ указывалъ Игорю путь къ *отчему* златому столу (Лавр. 378, Ипат. 418 и Слово). Великій князь Вячеславъ говорилъ Изяславу: „ты же мой *сынъ*, ты же мой *братъ*"; Юрій говорилъ князю Ростиславу: „ты ми еси свой братъ и сынъ". (Ипат. 290, 328). Глагольныя формы двойств. числа вездѣ, за исключеніемъ стиха:

Игорь и Всеволодъ уже лжу *убуди* (вм. убудиста),

строго соблюдены Словомъ: „есвѣ, разлучиста, рекоста (братъ брату), слетѣста, померкоста, погасоста, поволокоста, погрузиста, преторгоста, вступита, рострѣляевѣ, опутаевѣ". Въ золотой рѣчи Святослава только первый стихъ имѣетъ двойств. число:

Рано еста начала
Половецкую землю мечами цвѣлить...

Онъ и относится къ Игорю и Всеволоду, иниціаторамъ похода на половцевъ, вдвоемъ пробудившимъ, по заявленію автора Слова, лжи-

вую тварь („лжу“)—половцевъ, постоянно нарушавшихъ клятву мирныхъ договоровъ съ русскими: „роту взимаюче, всегда переступаюче“ (Лѣтоп. подъ 1095 и 1103 г., Ипат. 360 и 368), причемъ авторъ Слова основывался на изреченіи мудраго Соломона: „со *лживымъ* миромъ живуще, велью пакость землямъ творять“ (ср. Лавр. 384). Въ остальныхъ стихахъ золотой рѣчи Святослава: „одолѣсте проліясте, сотвористе, рекосте“ (ср. „расхытисте, скочисте, начясте“), — множеств. число (см. разсказъ Ипат. лѣтоп. 435).—Прототипомъ золотой рѣчи Святослава послужило предсмертное проклятіе престарѣлымъ Іаковомъ сыновей своихъ Симеона и Леви, нарушившихъ миръ съ хевитами и навлекшими за то ихъ месть на израильтянъ (кн. Бытія, гл. 49). Кончается этотъ монологъ, изложенный въ древне-еврейскомъ текстѣ стихами, безпощаднымъ приговоромъ со стороны Іакова о разлученіи непокорныхъ сыновей и разсѣяніи ихъ силъ. Подобная-же участь постигла Игоря и Всеволода:

Ту ся брата разлучиста...

2. Въ толкованіи боярами Святославова сна не содержится ни малѣйшаго слѣда *пардусовъ*. Съ пардусомъ сравнивали Святослава стараго: „легко ходя акы пардусъ“. Романъ Мстиславичъ „сердитъ бѣ яко и *рысь*“. Князья русскіе одаряли другъ друга пардусами въ знакъ взаимной пріязни. Половцы, превращаемые авторомъ Слова въ *птицъ*, не могли составлять *гнѣздо пардусовъ*, да и грамматически „пардуже“ нельзя произвести отъ „пардусъ“, къ какимъ бы уловкамъ ни прибѣгали. По моему дѣленію Мусинъ-Пушкинскаго текста, бояре говорили Святославу:

На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла:
По Руской земли простроша половци, аки пар(ъ).
Дуже гнѣздо и въ морѣ *погрузиста*,
И великое буйство *подасть* хинови...

Дюжее, соколиное гнѣздо Олегово (ср. „Всеволодъ — Большое гнѣздо“ и гнѣздо шестикрыльцевъ Мстиславичей):

Дремлетъ въ полѣ Олгово хороброе гнѣздо...
О, далече зайде соколъ...

погрузили въ морѣ *два сокола* („погрузиста“ — двойств. число), слетѣвшіе съ отчаго златого престола Съ ними находился „соколичъ“ Владиміръ Игоревичъ, оставшійся въ плѣну у половцевъ, когда Игорь полетѣлъ *соколомъ* на родину:

А мы *соколича* розстрѣляевѣ...

Про вел. князя Святослава говорится:

Колй *соколъ* въ мытехъ бываетъ,
Высоко птицъ взбиваетъ,
Не *дасть гнѣзда своего* въ обиду...

Покрывшая свѣтъ *тьма* великую смѣлость *подаетъ* хиновѣ-половцамъ (ср. „подаста руку межю собою“, въ Лавр. 65). Форма „подасть“ не подлежитъ измѣненію въ *подаста*, вопреки А. Петрушевичу, что было-бы двойств. число. Частица *и* („въ морѣ погрузиста“) есть мѣстоимѣніе двойств. числа, *средняго* рода, ибо предъ тѣмъ соколы уподобляются авторомъ *двумъ померкшимъ солнцамъ*. Распространеніе половцевъ по землѣ, какъ разстилается по ней паръ, соотвѣтствуетъ прирожденной способности птицъ *парить* и положенію Русской земли, очутившейся подъ *паромъ*, перениной, (ср. земля сѣялась *по пару*, въ А. В. Ком., т. XXI) изъ-за поганыхъ половцевъ, т. е. запущенной, оскудѣвшей (лѣтоп. подъ 1092—1093 и 1906 г.), пахавшейся лишь конскими копытами, засѣянной костьми да стрѣлами, дававшей обильный урожай кручины. Владиміръ Глѣбовичъ сѣтовалъ, что его волость „*пуста* отъ половецъ“ (Лавр. 375). Въ позднѣйшей народной пѣснѣ читаемъ, по Сб. Рыбникова:

„Отъ того отъ *пару* татарскаго
Разгорѣлось сердце богатырское...

3. Въ Мусинъ-Пушкинскомъ текстѣ наблюдается взаимная смѣна сложныхъ звуковъ *ч* и *ц*, наичаще замѣчаемая у новгородскихъ и западно-русскихъ писцовъ, еще ожидающая научнаго объясненія: „русичи и русици, галичь и галиць (Галичкы), вѣчи и вѣци, соколича и сокольца, чепы и цепы, птичь и птиць (птицю), лучи (лукы) и луци (ср. луцежь), внуче и внуци“. Форма „сыновчя“ образовалась изъ „сыновечь“ вм. болѣе употребительной „сыновець“. Въ 1155 г. „сыновца“ Ростислава Мстиславича Смоленскаго *Мстиславъ* и *Ярославъ* сидѣли въ Луцкѣ (Ипат. 332). „Наниче“ (наизнанку, навыворотъ, вверхъ дномъ) и „чили“ Слова часто замѣняются формами „нанице“ и „цили“. Въ Ипатскомъ спискѣ Галицко-Волынской лѣтописи „рѣць“, въ Хлѣбниковскомъ спискѣ той же лѣтописи „рѣчь“ (ст. 371, изд. 2). Въ первомъ спискѣ имя половецкаго князя „Кончакъ“ и „Концакъ“ (стр. 421, 434). Въ древнѣйшемъ Синодальномъ спискѣ Русской Правды „задница“ и „задница“ (наслѣдство). Въ духовной Климента XII в. „жеребечь“ и „жеребець“. Въ Мусинъ-Пушкинскомъ Сборникѣ XV в. изд. В. Срезневскимъ, „конець“ и „кончю“ (стр. 38). Въ Лавр. подъ 882 „Любець“, въ Радз. и др., какъ и въ догов. русскихъ съ греками и подъ 1154 г. „Любечь“. Въ Ипатск. сп. Галицко-Волынской лѣтописи: „перебѣже Днѣпръ ниже Любца“, въ Хлѣбниковск. сп. той-же лѣтописи „ниже Любча“ (стр. 327). Встрѣчается безчисленное множество такихъ формъ, какъ „нѣчии, чѣлъ (цѣлъ), человать, личе, солнче (Лавр. 227), пятничя, черкы (церковь), сочькой, улича, сиче, свинечь, отечь, черниговчи, новгородечь, новгородьчкой, суздалечь, суздалчи, нѣмечь, нѣмечкій, Дунаечь, Дунайчи, дѣчькый, оурочи, творечь, истьчь, писечь, купечь, старечь, дитинечь, игречь, мертвечь“ (Ипат.,

стр. 224—518, Собр. лѣтоп., т. IV, стр. 139—143 и др. памятн. духовн. и свѣтск. литер.). Потому-то надо читать:

Помняшеть *боречь* пръвыхъ временъ усобицѣ...,

а не раздѣльно „бо *речь*",—какъ нельзя читать „бо соуви" (Босоуви), въ переводѣ П. Владимірова—сивые (Др.-русск. литер. 334):

Галицы свою *рѣчь* говоряхуть...

Хотя форма „борець, борьцъ" преобладаетъ въ древней письменности, (напр. Тв. лѣтоп. 469), однако, членъ Ратиборовой чади или молодой дружины—„Рати-*боречь*" (Ипат. 159 и мн. др. сп., въ Лавр. „Ратиборичъ"). Предлагаемое мною чтеніе отводитъ Бояну роль типичнаго представителя пѣвцовъ-гусляровъ изъ среды дружинныхъ *борцовъ*. Онъ помнилъ возникшія между Ярославомъ I и Мстиславомъ Владиміровичами усобицы (ср. лѣтописн. выраж.: „быша въ нихъ *усобицѣ*"), частью по разсказамъ боевыхъ своихъ товарищей, частью по непосредственному наблюденію войнъ стараго времени. Содержаніе Бояновыхъ пѣсенъ составляли походы, перечисленные въ началѣ Слова, въ томъ числѣ походъ Всеволода Ярославича на Романа Святославича Краснаго къ Переяславлю въ 1079 г., а также предпринимавшіеся, при возобновленіи и развитіи усобицъ во второй половинѣ того столѣтія, походы *на Олега Святославича* къ Чернигову, Стародубу, Мурому, Ростову, Суздалю (1078—1096 г.).

Рекъ Боянъ и *ходы* на *Святъславля*, т. е. Олега, сына Святотослава Ярославича. „Бѣже Олегъ *Святъславль* Тмутороканю отъ Всеволода (Лавр. 193, ср. Ипат. 29, 139, 167, 579, Воскр., т. VIII, 331 и др.). *Ходъ*—ничто иное, какъ походъ (ср. „*ходъ*" Игоря Рюриковича на грековъ въ Воскрес. лѣтоп., т. VII, 273, 278). На былевомъ и лѣтописномъ языкахъ „ходить" значитъ совершать походъ: „Святославъ *ходя*, возъ по собѣ не возяше" (964 г.). Мономахъ въ Поученіи говоритъ: „*Ходихомъ* со отцемъ и со Изяславомъ битъся (къ)Чернигову съ Борисомъ и побѣдихомъ Бориса и Олга". Если имя Боянъ передѣлано авторомъ Слова изъ имени Янъ, то Боянъ могъ быть тѣмъ „смышленымъ дружинникомъ—*борцомъ*, который, вмѣстѣ съ благоразумными своими товарищами, при переправѣ Святополка Изяславича, Владиміра и Ростислава Всеволодовичей въ бродъ чрезъ р. Стугну, 16 мая 1093 г., совѣтовалъ, для избѣжанія бѣды, немедленно заключить съ половцами перемиріе. Судя по выдержкамъ въ Словѣ изъ Бояновыхъ стиховъ:

Комони ржутъ за Сулою,
Звенитъ слава въ Кыевѣ!...

сходныхъ съ выраженіемъ пророка Іереміи о царѣ Вавилонскомъ Новуходоносорѣ „отъ рзанія конь его потрясеся земля" (ср. Соф. лѣт., т. VI, 91), тотъ-же Боянъ воспѣлъ славный походъ 1107 г. Владиміра

Мономаха, Святополка и Олега, съ четырьмя подручными князьями, на половцевъ за Сулу, по смерти, въ Печерскомъ монастырѣ, 90-лѣтняго старца Яна (1106 г.), сообщившаго лѣтописцу „многа словеса“. Въ томъ-же году Святополкъ посылалъ Яна воевать съ половцами (Лавр. 270, Радз. 172). Еще въ 1071 г. Янъ Вышатичъ собиралъ для Святослава дань на Бѣломъ озерѣ. Вопросъ о томъ—былъ-ли Боянъ однимъ изъ этихъ Яновъ, остается открытымъ, какъ и вопросъ о загадочной личности „*Славяты*“ (подъ 1095 г.).

4. Форма „бѣша“ (дебрь Кисаню) большинство изслѣдователей производитъ, явно неправильно, отъ гл. *быти*. „Бѣша“ есть дѣепричастіе (русское) гл. *бѣснти* (ср. въ Словѣ: „рища, скача, меча“), какъ основательно заключилъ Миклошичъ, а за нимъ кн. Вяземскій, Безсоновъ и др. Форму эту нельзя произвести отъ гл. „быти“ безъ передѣлки стиха.—Лѣтописецъ отмѣтилъ „*бѣсовское* пропырство“ половцевъ, предсказавъ имъ „на томъ свѣтѣ муку съ дьяволомъ“ (Лавр. 179, 225). Въ 1155 г. „половцы начаша черезъ рѣку аки *бѣсы*.... плыти“ (Лавр., Ипат.). Въ 1092 г. полочанамъ чудилось, что по ночамъ на улицахъ рыскали *бѣсы*. Видѣніе это предвѣщало „велікую рать отъ *половцевъ*“ (Ипат. 151). Самъ авторъ Слова называетъ половцевъ дѣтьми бѣсовыми:

Дѣти *бѣсовы* кликомъ поля прегородиша...
Передъ тѣмъ:
Рускыя плъкы *отступиша*...

Послѣдній стихъ многіе считаютъ испорченнымъ, замѣняя „отступиша“ глаголомъ „*оступиша*“, какъ въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ на половцевъ 1111 г., игнорируя, что гл. „отступити“ означаетъ иногда состояніе изступленія. Въ Поуч. митроп. Ѳотія (около 1400 г.) читаемъ: „Роди діаволъ *болѣзнь отступленіа, помраченія* своего“... Лѣтописецъ говоритъ: „Богъ бо егда хочетъ показнити человѣка, отъиметъ у него умъ“ (Ипат. 377). Ясно, что авторъ Слова подчеркиваетъ не обратное движеніе русскихъ полковъ (они прегородили поля червленымъ щитами), но приведеніе ихъ половцами въ *изступленіе*.—„Бѣшеніе“ или „бѣсованіе“ половецкое унаслѣдовали татары (Ипат. 103, 200). Очень вѣроятно, что *Bessi* Птоломея (Geogr. III, с. 5), Симона Кезы и др. писателей—славянское прозвище кочевниковъ. Овидій Назонъ въ своемъ „Плачѣ“ сообщаетъ, что когда онъ, будучи сосланъ, проживалъ въ г. Томи, на устьяхъ Дуная, то его окружили варвары *Бессы* („Bessi“) и Геты. Отъ бессовъ произошло названіе „бессерменъ“, позднѣе бусурманъ (Собр. лѣтоп., т. IV, 72).

5. Филологи, безъ строгаго соображенія лѣтописныхъ данныхъ, считаютъ *кощея* рабомъ или работникомъ (И. Срезневскій, Меліоранскій, Владиміровъ и др.); но чьимъ рабомъ могъ быть могущественный, *независимый* вел. князь половецкій Кончакъ, которому подчинялись „Гза или Коза Бурнатовичъ, Токсобичъ, Колобичъ, Етебичъ и

Тертьробичъ“ (Ипат. 432), въ образѣ Дива повелительно созывавшій несь народъ Половецкій и *правившій* слѣдъ своему подручнику Гзѣ?

Стрѣляй, господине, Кончака, поганого *кощея*...

Никоновская лѣтопись назвала улановыхъ дѣтей крымцевъ „*кощаками*“ (1551 г.). Кощей = кошчей имѣетъ корнемъ *кошъ*,—тоже, что кочевище, напр. „*кочевище* царя Тохтамыша“ (Соф. 2 лѣтоп., стр. 125). „*Половци* оставили *кошъ* свои“ (Воскрес. лѣтоп., т. VII, 52, 82). Однажды Волынскій лѣтописецъ назвалъ половчина кочевымъ—„*кочь* половцинъ“ (Ипат., стр. 543). Въ 1169 г. „*кощьи* Гаврилковъ Ославичъ“ далъ вѣсть половцамъ, что идутъ на нихъ князья русскіе. Кощеи съ сѣдельниками образовали у русскихъ князей летучіе отряды: „пусти *сѣдельникы* свои и *кощьѣ*“ (Ипат. 369—370, 376) Въ 1172 г. *половцы*, помогавшіе князю Глѣбу, бились вмѣстѣ съ *сѣдельниками*. Про семь зацустѣлыхъ городовъ Черниговскихъ сказано, что въ нихъ обитаютъ „псареве и половци“ (Ипат. подъ 1159 г.). Эти кощеи служили русскимъ князьямъ, какъ и „Черниговскіе *были*“, войдя въ общій контингентъ черныхъ клобуковъ, состоявшихъ изъ берендѣевъ, (съ Бастѣевою чадью), торковъ, печенѣговъ, ковуевъ, турпѣевъ и половцевъ *русскихъ*, т. е. подчиненныхъ русскимъ князьямъ и называемыхъ такъ лѣтописцемъ въ отличіе отъ половцевъ *дикихъ*, т. е. свободныхъ, независимыхъ, къ которымъ принадлежалъ Кончакъ съ родомъ своимъ (Ипат. 375). Кощей обратился въ коча или кочевника по тому-же закону словообразованія, по какому церковно-славянская форма *нощь* обратилась въ русскую форму *ночь*. Въ Словѣ, гдѣ встрѣчаются обѣ эти формы, половцы изображены и „*толковинами*“— толкунами, бродягами. Наброженное мѣсто — „*толковище*“ (А. Вил. Кол., т. XXVII, № 126) Толока—пастбище скота на выгонныхъ и паровыхъ пустошахъ. Лѣтописные толковины—тиверцы или тавры, „любившіе *кочевать*“. (Скимнъ Хіосскій), позднѣе именуются *бродниками*. Толковинъ есть синонимъ кощея.

Скромный авторъ повѣсти убѣжденъ, что никто лучше Бояна не „ущекоталъ-бы“ полки Игоревы, но самъ воспѣлъ ихъ такъ, что на читателя Слово производитъ неизгладимое впечатлѣніе, восхищая столько-же изяществомъ его отдѣлки, сколько благородными порывами патріотическаго чувства сочинителя. Порывы эти, вытекающіе изъ самыхъ искреннихъ и возвышенныхъ побужденій, клонятся къ обезпеченію его родинѣ торжества добра надъ зломъ, правды надъ беззаконіемъ и свѣта надъ тьмою, къ оборонѣ Руси отъ обиды внѣшней и внутренней, пробудившей памятныя Бояну и лѣтописцу обильныя времена усобицъ и парализовавшей ихъ патріотическую доблесть:

Убуди жирня времена усобиц(ъ),
А княземъ—на поганыя погыбе...

Вмѣстѣ съ тѣмъ порывы эти направлены къ огражденію, посредствомъ объединенія разрозненныхъ воинскихъ силъ, политической независимости Руси, къ ободренію русскихъ удѣльныхъ князей на борьбу съ многочисленнымъ и дерзкимъ врагомъ, къ отвращенію ихъ, въ интересахъ государственныхъ, отъ самовольныхъ, позорныхъ поступковъ, идущихъ въ разрѣзъ съ волею великокняжескою. Корыстныя побужденія крамольныхъ князей, („се мое, а то—мое-же"), забвеніе долга, повели къ пренебреженію и поруганію ими дѣдной славы, расхищенію волостей и разносу грозныхъ нѣкогда Мономаховыхъ стяговъ, очистившему поганымъ дорогу къ завоеваніямъ русскихъ городовъ и поселеній. Тема объ усобицахъ разработана въ Словѣ по Исаиному пророчеству, съ подражаніемъ ему примѣнительно къ текущимъ событіямъ и условіямъ русскаго быта. Напр. предвѣщаніе, что „ратаи ваши *не воспоютъ* на нивѣ", отозвалось въ стихѣ:

Рѣтко ратаевѣ кикахуть...

Половецкое опустошительное нашествіе на Русь прекратило веселыя пѣсни („веселіе пониче") какъ русскихъ горожанъ, такъ и пахарей, принимавшихся за обработку своихъ нивъ уже рѣдко и не иначе какъ со слезными вздохами.—Глаголъ кикать, кыкать („кычетъ") замѣненъ въ моемъ переводѣ равнозначущимъ простонароднымъ „хныкать".—Пророкъ характеризуетъ воинственное настроеніе и вооруженіе народа Ассирійскаго выраженіями: „Стрѣлы его изощрены, *луки у него напряжены*"; въ Словѣ Игорь то-же самое говоритъ про своихъ курянъ:

Луци у нихъ напряжени,
Тули отворени, сабли изъострени...

Разсужденія автора Слова объ усобицахъ проникнуты теплой вѣрой въ справедливость Божьяго суда и скорбнымъ тономъ *покаянія*. Онъ громко звучитъ, между прочимъ, въ стихахъ, поминающихъ погребеніе, въ іюлѣ 1096 г., (по языческому обряду), тестя Святополкова, половецкаго князя Тугоркана, павшаго мертвымъ около Переяславля, въ битвѣ съ Святополкомъ Изяславичемъ и Владиміромъ Мономахомъ, и отвезеннаго, по повелѣнію зятя, къ Кіеву съ такой-же окаянной плахи—*каялы* (Нѣжатина Нива), на какой палъ убитый въ борьбѣ съ Изяславомъ и Всеволодомъ Ярославичами и Владиміромъ Мономахомъ хвастливый сторонникъ Олега Святославича, молодой князь Борисъ Вячеславичъ (1078 г.). Въ стихѣ моего чтенія, относящемся къ буйтуру Всеволоду:

Кая раны, дорога братія,...
Какъ и въ стихѣ: *Каютъ* князя Игоря...,

глаголъ каяти употребленъ въ смыслѣ *сожалѣнія*. Одинаковый смыслъ онъ имѣетъ и въ Поученіи Мономаха: „Како стати предъ страшнымъ

Судьею, *каянья* и смѣренья не приимшимъ межю собою?" и въ письмѣ Мономаха къ Олегу: „*Оли* (лишь) то буду грѣхъ створилъ, иже на тя шедъ къ Чернигову поганыхъ дѣля, ли того *ся каю*". Ср. стихъ:

Не такъ *оли* рѣка Стугна...

Благочестивое настроеніе повѣствователя, по правиламъ: „возносяйся смирится, а смиряйся вознесется... Господь гордымъ противится, а смиреннымъ дастъ благодать", навѣяно покорностью Богу, карающему не преклоняющихся предъ Его промысломъ: „*Жестокъ* еси и шия желѣзна твоя... не обратистеся ко мнѣ"... (Лавр. 366 и др.), и забывающихъ завѣтъ Творца: „не ожесточите сердецъ вашихъ" (Псалтырь), нарушенный Игоремъ и Всеволодомъ Святославичами, за что въ золотой рѣчи журилъ ихъ вел. кн. Святославъ. Настроеніе это внушено также сознаніемъ неизбѣжности бѣдствій, испытанныхъ Русью на сѣверѣ отъ литовцевъ, на югѣ отъ половцевъ, въ возмездіе за строптивость, высокомѣріе, алчность, братоубійственную вражду крамольныхъ князей. И тѣ, и другіе иноплеменники опустошали ее нерѣдко въ союзѣ съ мятежными русскими князьями по почину Олега Святославича. Вслѣдъ за поточеніемъ Мстиславомъ великимъ Полоцкихъ князей съ женами и дѣтьми въ Царьградъ (1129 г.) и похода его на Литву южнорусскія области подверглись еще большему разоренію половцами, которыхъ наводили Ольговичи. Въ 1138 г. „больми почаша воевати Олговичи и приведоша половець множество"... (Лавр. 290). Городенскій князь Изяславъ Васильковичъ, притрепанный литовскими мечами, одиноко

Изрони жемчужну душу чресъ злато ожереліе...,

а рѣка половецкая Каяла поглотила храбрыя дружины Игоря, пересѣвшаго тамъ

Изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощіево...

Руководимый своею пылкою „хотію" и внушеніемъ сердца, „скованнаго въ *жестоцемъ* харалузѣ", Игорь не обратился за разрѣшеніемъ къ великому князю Святославу, произнеся съ братомъ Всеволодомъ: „мужаемъся сами"—самонадѣянную похвальбу, всегда навлекавшую гнѣвъ Божій и неоднократно приводимую лѣтописцами подъ 1068, 1178, 1185) и въ Златоструѣ: „не обратистеся ко мнѣ, но рѣсте мужаемъся", несмотря на предостереженіе отъ солнечнаго затменія, отъ угрожавшаго имъ погруженія во мракъ: „солнце праведнымъ дастъ свѣтъ, а грѣшнымъ—опаленіе и омраченіе... Господь простре руку свою на воздаяніе осквернившимъ завѣтъ Его, паде огнь на нихъ и не видѣша солнца" (кн. Нееміи, гл. 9, Псалтырь, пророч. Еноха, златое Слово Святослава).

Такой-же взглядъ бросаетъ и авторъ поученія „О казняхъ Божіихъ", и лѣтописецъ на постигшія Русскую землю невзгоды отъ вы-

шедшихъ изъ пустыни Етривской, загнанныхъ Гедеономъ поганыхъ, пущенныхъ на казнь христіанамъ половцевъ, „окаянныхъ агарянъ измаильтянъ“, потомковъ Агари и Измаила, отъ котораго произошли „Срацини“, прозвавшіе себя „Саракинами“. „Богъ наведе на ны поганыя, насъ казня и обращая ны къ *покаянію*, да быхомъ ея востягнули отъ злыхъ дѣлъ“ (Лавр. 163—165, 379, 384, Ипат. 163, 226, 437, 441, 449, 470, 480), заставляя покаяться. Богъ казнить рабы своя *напастьми* различными, огнемъ и водою, и ратью, и иными различными казньми. Хрестьянину бо многыми напастьми внити въ царство небесное“. Взирая на людскія беззаконія, Богъ потрясаетъ землю и посылаетъ разныя бѣдствія (Псалтырь).—„Побѣжени быша наши гнѣвомъ Божіимъ... нашихъ не бысть кто и вѣсть принесъ а за наше *согрѣшенье*“ (Лавр. 378). *Каясь* въ своихъ заблужденіяхъ, Игорь самого себя укорялъ:—(„вижю отмѣстье отъ Господа Бога моего... ото всего обнажихся и связня преда мя Господь“ (Ипат. 434, ср. 174). Наступившія позднѣе тревожныя событія, какъ нашествіе татаръ и т. под., равно приписывались, согласно общему религіозному міросозерцанію той эпохи, прегрѣшеніямъ и нежеланію *покаяться* (Серапіонъ). Пораженіе Игорева ополченія угрожало повтореніемъ ужасныхъ бѣдъ, постигшихъ Русь въ 1096 г. и выразившихся, между прочимъ, въ святотатственномъ сожиганіи половцами церквей, разграбленіи, поруганіи и осквернении монастырскихъ обителей, гдѣ „имя Божіе *славится*, сими же погаными *хулится*“ (Ипат. 328, 414 и др.).—„Се уже не хотяще терпимъ все съ *нужею*, понеже *не волею*“... (Лавр. 373), въ издѣвательствѣ надъ христіанами, убійствѣ и плѣненіи даже иноковъ, продававшихся потомъ евреямъ въ Корсуни (Лѣтопись и Патер. Печ.: житіе Евстратія),—

... Часто врани граяхуть,
Трупія себѣ дѣлячи...
Уже снесеся *хула на хвалу*,
Уже тресну *нужда на волю*...

„Лѣтописецъ съ своей стороны порицаетъ обычай половцевъ кровь проливати, ядуще мерьтвечину“... Когда половцы доходили до Смоленска, Курска, Владиміра-Клязменскаго и иныхъ русскихъ городовъ, то уничтожали святыни и предавали огню все попадавшееся имъ по пути (Лавр. 326, 338, 364 и др.).—Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ „неслыханной“ затѣмъ битвы Каяльской, повергшей въ отчаяніе Посемье и всю Черниговскую область, пѣвецъ страстно домогается, дабы русскіе князья, прекративъ взаимные раздоры изъ-за пустяковъ, вооружились на поганыхъ и попытались совокупными силами водрузить побѣдную хоругвь надъ вратами адовыми, откуда обрушивались на русскія владѣнія несмѣтныя полчища бѣсовыхъ исчадій, подвергавшихъ его отечество неслыханнымъ истязаніямъ. Онъ питаетъ надежду, что Русь, терзаемую Дивомъ, который, подобно

тому, какъ „сверженный дьяволъ спаде съ небесъ съ чиномъ своимъ“, бросился съ вершины древа на землю, покрывшуюся непроницаемымъ мракомъ, снова, по милости Всевышняго, освѣтитъ и согрѣетъ затмившееся солнце, „для всѣхъ теплое и красное“, но Божьимъ попущеніемъ простершее палящій свой лучъ на Игоревыхъ воиновъ. Пѣвецъ, а съ нимъ и дружинники, жаждутъ, чтобы разсѣялись нависшія надъ Русскою землею черныя тучи съ трепещущими въ нихъ молніями, засіяло солнце, замолкли кровожадные звѣри и птицы, перестали стрекотать назойливыя сороки, чтобы прекратились рыданія русская народа, и оцѣпенѣвшіе отъ унынія соловьи—дружинные пѣвцы снова принялись веселыми пѣснями возвѣщать свѣтъ и князьямъ славу. „Пророкъ глаголаше: преложю праздникы ваша въ плачь и пѣсни ваша въ рыданье... Вечѣръ водворится плачь, а заутра—радость,... сѣющіе слезами радостію пожнутъ“ (Лавр. 440, Псалтырь). Осуществленіе упованій автора Слова совпало съ возвращеніемъ изъ половецкаго плѣна князя Игоря, безпрепятственно бѣжавшаго благодаря милосердію Всемогущаго, указавшаго ему путь на *сѣверъ* съ береговъ р. Тора:

Прысну море (къ) *полунощи*,
Идуть сморци мьглами ...
Игореви князю Богъ путь кажетъ
Изъ земли Половецкой на землю Рускую ...,

благодаря пособничеству половчанина Лавра (Влура) и тому, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, что половецкая стража напилась кумысомъ. Въ Словѣ:

Стукну земля, въ(с)шумѣ трава,
Вежи ся половецкіи *подвизашася* ...

Землетрясеніе („стукну земля“) объясняли двояко. По народному повѣрью, оно предвѣщало кровопролитіе и мятежъ, по толкованію же игуменовъ, въ немъ проявлялась Божья сила, за грѣхи наши, „дабы мы *покинули злой путь*“ (Ипат. 463). Авторъ Слова придаетъ землетрясенію второе значеніе, ибо самъ „Богъ указывалъ Игорю путь“ ... Здѣсь пѣвецъ очень близко придержался Псалтыри, гдѣ сказано: „*подвигошася* яко пьяныи“. По псалмопѣвцу, вражій путь сдѣлался „*ползкимъ*“ (Псалтырь). Въ Словѣ:

По лозію *ползоша* толко ...

Нельзя согласиться съ тѣмъ, что „для опредѣленія литературной формаціи нашего памятника не сберегло никакого антецедента“ (А. Пыпинъ: Нач. русск. литер., Вѣстн. Евр., дек. 1893 г.). Лучшіе цвѣты поэзіи набраны русскимъ пѣснотворцемъ XII вѣка изъ псалмовъ Давидовой школы, которыми восторгались князья и ихъ окружающіе, нерѣдко, какъ Владиміръ Мономахъ и Владиміръ Василько-

вичъ Волынскій, загадывая по Псалтыри грядущее и „принимая покаянье Давидово“, а монахи „шопотомъ прогоняли бѣсовское уныніе, гнѣздясь подобно ласточкамъ на горныхъ вершинахъ“. Эти засошіе цвѣты авторъ Слова освѣжилъ своимъ вдохновеніемъ, оросилъ жемчужной слезой туземныхъ пѣсенъ, пересадилъ на русскую почву, и отъ нихъ пахнуло благоуханьемъ. Былина о бояринѣ Ставрѣ (Сб. Кирши Данилова) свидѣтельствуетъ, что въ русскій народный эпосъ издревле проникли псаломные мотивы. Играя въ гусли на пиру у св. Владиміра, Ставръ Годиновичъ

Сыгрышъ сыгралъ Царягряда,
Танцы навелъ *Іерусалима*,
Величалъ князя со княгинею,
Сверхъ того *игралъ еврейскій стихъ*.

Въ лѣтописныхъ разсказахъ, основанныхъ на извлеченіяхъ изъ пѣсенныхъ былинъ, также явственно подражаніе Псалтыри. На предложеніе своего соотечественника Сырчана возвратиться въ Русь вытѣсненый Мономахомъ изъ ея предѣловъ предводитель половцевъ Отрокъ отвѣтилъ: „да луче есть на свое землѣ костью лечи, нели на чюже славну быти“ (Ипат. 480). Это—почти буквальная передача вопля дщерей Вавилонскихъ. Потому естественно усмотрѣнное Е. Барсовымъ сходство Слова съ повѣстью Іосифа Флавія о полоненіи Іерусалима.— Настроеніе пѣвца до нѣкоторой степени могло обусловливаться попытками сарацынъ завладѣть Іерусалимомъ, отнятымъ у крестоносцевъ осенью 1187 г. (Ипат. 441). Въ связи съ этими событіями упоминается въ Словѣ участіе умершаго въ томъ году Ярослава Галицкаго въ борьбѣ съ иноземными салтанами:

Стрѣляеши *салтановъ* за землями...

Какъ въ псалмахъ, такъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ, непрерывною чредою проходитъ борьба между противоположными началами—завѣтами истиннаго Бога и козпями посѣявшаго плевелы „Дивія“—діавола (Матѳ. гл. 13), между свѣтомъ и тьмою, въ которой „ходятъ бѣсы“ (Лавр. 191), между добромъ и зломъ, между правдой и беззаконіемъ, между райскимъ блаженствомъ и адскими муками, между радостью и печалью. Все во власти Того, кто „разверзе камень въ пустыни и повелѣ водамъ течи посреде горъ“ (ср. обращеніе Ярославны къ Днѣпру Словутичу), кто *отмѣриваетъ* каждому по заслугамъ: „въ ню же мѣру мѣрите“. (Матѳ. гл. 7). Когда Игорь, пользовавшійся услугами попа со службой, какъ сообщаетъ лѣтописецъ, поля *мѣрилъ*, при всенощномъ *бдѣніи*, Богъ ему помогъ ... Давно уже подмѣчали аналогію между выспренностью пророка Давида и вѣщаго Бояна, какъ и между смерчами, служившими Игорю путеводнымъ компасомъ, и столпами, водившими Моисея въ пустынѣ (кн. Вяземскій). По выраженію лѣтописца, „пѣснословецъ богоотецъ Давыдъ, веселия испол-

нися, *скакаше*, играя предъ скрыжалями завѣта Господня въ Іерусалимѣ" (Ипат. 441), а смышленый Боянъ *скакалъ* соловьемъ—славіемъ по мысленному древу и возлагалъ вѣщіе свои персты на живыя струны гуслей, (самогудящія гуселушки народныхъ пѣсенъ), какъ ударялъ въ нихъ Давидъ *прозорливыми* перстами, когда славословилъ Бога. Къ такому уподобленію авторъ Слова переходитъ послѣ отрицанія имъ ходячаго сравненія Бояновыхъ твореній съ лебедиными пѣснями въ честь ловившихъ ихъ соколовъ (ср. Никон. лѣтоп. о соколиныхъ ловищахъ подъ 1284 г.). Созданное фантазіей пѣвца колоссальное древо (ср. Кн. Бытія) своими вѣтвями осѣняетъ весь *строй* Руси, впитывая въ себя соки миѳическаго родословія. Когда древо роняетъ листья, то уронъ знаменуетъ отпаденіе во власть половцевъ цѣлыхъ русскихъ городовъ:

А *древо* не бологомъ *листвіе срони*,
По Рси и по Сули *гради подѣлиша* . . .

Я уже обращалъ вниманіе на два мѣста въ лѣтописяхъ, гдѣ воинскій строй называется древомъ: „можете ли *древо* поддрьжати сулицами и на *сию рать* дерьзнути?" . . . *Древо* же вышибе копье изъ руку его", когда ятвяги напали на полки Даніила Романовича (Ипат. 502 и 540). Древо Слова *мысленное* обнимаетъ и *небо*, и *землю*. Оно по отношенію къ небу и землѣ есть понятіе родовое. Небо и земля входятъ въ составъ этого древа. Различіе упомянутаго древа отъ древа обыкновеннаго обличается стихомъ:

Одѣвавшу его теплыми мглами
Подъ сѣнію *зелена древа*.

Пойду гораздо далѣе комментаторовъ. Псалмопѣвецъ Давидъ сѣтуетъ, что когда палъ Іерусалимъ, то „трупіи рабовъ Божіихъ", истекшихъ кровію, „сдѣлались пищей птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ" (Второзак., гл. 28). Это выраженіе, употребленное также пророкомъ Іоиломъ и въ гл. 17 Кн. Царствъ, повторяемое часто церковными ораторами (Серапіонъ и др.) и нашими лѣтописцами (подъ 1202, 1216, 1247, 1382 и т. д.), авторъ Слова примѣняетъ къ битвѣ Изяслава Васильковича съ литовцами:

Дружину твою, княже,
Птиць крылы пріодѣ,
А звѣри кровь полизаша . . .

Мое чтеніе Святославова разсказа о сновидѣніи:

Одѣвахъ *темя*, рече, чрьною паполомою . . .

оправдывается 73-й псалмомъ, гдѣ сокрушеніемъ поражается самое *темя* закоснѣлыхъ въ беззаконіяхъ. Въ той-же Псалтыри нахожу я ключъ къ разгадкѣ значенія дебри Кисановой (Псал. 83). У границъ

Галилеи расположена знаменитая Израэльская долина потока *Кисона*, впадающаго въ Средиземное море, въ которой потерпѣлъ воспѣтое пророчицей Деворой страшное пораженіе отъ израильтянъ полководецъ Хананейскаго царя Іоавима Сисара, пѣшимъ тщетно искавшій спасенія въ бѣгствѣ. Эта долина перенесена подъ видомъ взбаламученной бѣсами *дебри Кисановой*, т. е. долины р. Кисона, въ которой были потоплены идольскіе жрецы по приказанію пророка Иліи (3 Кн. Царствъ, гл. 18), въ разсказъ сокрушеннаго горемъ Святослава о видѣнномъ имъ снѣ (см. Псалтырь, перев. Мандельштама). Въ пѣснѣ Деворы, сохранившейся во всей своей неприкосновенности (Ренанъ, Ист. Изр. нар., т. II, гл. 3), трогателенъ плачъ Сисаровой матери. Она недоумѣвала,—почему ея милый сынъ не возвращается съ конницей и колесницами. Въ утѣшеніе свое она причитаетъ: „Должно быть онъ медлитъ потому, что воины его дѣлятъ межъ собою дѣвицъ непріятельскихъ, или собираютъ добычу изъ дорогихъ разноцвѣтныхъ одеждъ, снятыхъ съ плѣнниковъ“... Въ Словѣ:

Помчаша красныя дѣвкы половецкыя,
А съ ними злато, и паволокы,
И драгыя оксамиты...

Умоляя Бога истребить всѣхъ враговъ народа Израильскаго, какъ истребилъ воинство Іоавима на р. *Кисонъ*, псалмопѣвецъ Давидъ добавляетъ: „тако пожеѣши я *бурею* Твоею и *вихремъ* Твоимъ“, что повторено почти дословно пророкомъ Іереміей (гл. 23, пс. 19) и лѣтописцемъ (Лавр. 225). Перегласованіе Кисона въ Кисань если сдѣлано авторомъ умышленно, то, вѣроятно, съ цѣлью намекнуть на долину слезъ или „юдоль плача“ (Псалт., пс. 84), ибо въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ, напр. сербскомъ, съ глаголомъ „кисать“, какъ и съ русскимъ простонароднымъ „киснуть“, соединено понятіе о плачѣ. Смыслъ стиховъ:

Рѣкы мутно текутъ,
Пѡроси поля прикрываютъ...,

предпосланныхъ стиху о приближеніи русскихъ полковъ къ р. Каялѣ, раскрывается при помощи псалтырной метафоры: „положилъ еси рѣки въ пустыню“, и Моисеева заклинанія: „Сущій обратитъ *дождь* твоей земли въ *прахъ и пыль*“ (Второз., перев. Вадима). Опустошеніе припѣшенныхъ саблями половецкими соколовъ Игоря и Всеволода—„самаю *опустоша*“ разъясняется ссылкою псалмопѣвца въ Псалтыри на „*опустошеніе* Іакова и мѣста его“ (ср. Паралипоменонъ, гл. 17). *Затвореніе* рѣкой Стугной, „при *темномъ* берегѣ“, юнаго князя Ростислава напоминаетъ *затвореніе* Іосифа *въ темницѣ*, о чемъ упоминаетъ и Изборникъ Святослава. Припѣшенные саблями поганыхъ соколы Игорь и Всеволодъ очутились въ такихъ-же тискахъ, въ какихъ очутился Самсонъ, преданный иноплеменникамъ коварной Далилой (ср.

Соф. II, 5).—Несомнѣнно, пѣвецъ пользовался славянскимъ переводомъ Псалтыри, сдѣланнымъ въ 898 г. Константиномъ и Меѳодіемъ (Лавр. 26). Заключительное восклицаніе Слова:

Княземъ слава!
А дружинѣ—аминь!

невозможно понять безъ соображенія съ заключительными стихами 106 псалма: „благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ вѣка и до вѣка! А весь народъ да скажетъ: аминь!“ Обычай хорового подтвержденія завелся и въ греческой церкви. По свидѣтельству лѣтописца, при заложеніи Царьграда царь Константинъ предалъ городъ пресвятой Богородицѣ Одигитріи, сирѣчь наставницы, и прославилъ ее, а „вси людіе рекоша: аминь!“ (Воскр., т. VIII, 127). Въ Супрасльской, мартовской Четіи-Минеи сказано: „Ему-же слава во вѣки, аминь! Множеству-же братья отвѣштавшимъ: аминь!“ (стр. 68). Дружинный обычай приговаривать „аминь“ въ одобреніе княжескихъ мнѣній или предложеній удостовѣряется лѣтописью. По совѣщаніи Владиміра Мономаха и Святополка съ дружиной рекоша вся дружина: „право, воистину тако есть!“ (Ипат. 191). Разбросанные въ Словѣ осколки богословскихъ изреченій являлись популярными средствами удовлетворенія вкуса не только“ преизлиха насытившихся сладости книжной“, но и меньшей братіи его автора, впрочемъ, еще далеко не отрѣшившейся отъ языческаго культа. Ветхозавѣтными поэтическими фигурами пользовались и позднѣйшіе книжники, напр. въ Пов. объ Александрѣ Невскомъ, въ описаніи битвы Ивана Васильевича съ новгородцами при Шелонѣ (Соф. II, стр. 15), и т. д.

Къ распространеннымъ въ Руси предразсудкамъ просвѣщенный пѣснотворецъ XII вѣка относится болѣе или менѣе объективно, примѣшивая къ своему повѣствованію библейскія краски. Снисходя къ наивному двоевѣрію чернаго люда, пристрастившагося къ скоморошескимъ игрищамъ, допускавшаго, что „церковь низвержена златымъ Волосомъ съ неба и тѣмъ-же утверженa“ (Ипат. 129—130, 479), принимавшаго волхвованіе за чистую монету, увлекаясь пѣсенными традиціями съ языческой закваской, авторъ Слова, при свиваніи старой и новой славъ, повѣствованіе отъ Владиміра Мономаха до Игоря Святославича переплетаетъ паволокою преданій и образовъ, извлеченныхъ съ одной стороны изъ дружинныхъ разсказовъ, а съ другой—изъ Книгъ Бытія, Второзаконія, псалмовъ Давидовыхъ, разныхъ пророчествъ, Новаго Завѣта и твореній св. отцовъ. Вотъ, напримѣръ, въ какой переработкѣ внесено въ величаніе Игоремъ рѣки Донца реченіе: „положилъ ему облакъ *во одѣяніе, мглою* же повихъ ё“... (Кн. Іова, гл. 38, 8):

Одѣвавшу его теплыми мъглами..

Реченію пророка Іезекіиля: „тако глаголетъ Господь... *развѣю* вся останкы ваша во вся вѣтры“ соотвѣтствуетъ укоръ Ярославной вѣтра-вѣтрилы:

О, вѣтре-вѣтрило,
Чему, господине, насильно вѣеши...
Чему, господине, мое веселіе по ковылію *развѣя?*

Выраженіе: „силы небесныя *трепещутъ* со страхомъ“, внесенное въ Измарагдъ, (Изд. Яковлева, 94), приспособляется авторомъ Слова къ молніеноснымъ тучамъ:

А въ нихъ *трепещуть* синіи млъніи.

Пѣвецъ нашъ уподобляетъ кровавую сѣчу тѳ жатвѣ, согласно съ свангельской притчей о сѣятелѣ: „жатва коньчаніе вѣку жизни есть“ (Матѳ., гл. 13), тѳ пиру, какъ у византійскихъ риторовъ (Н. Акоминатъ и др.), на основѣ свангельскаго-же свидѣтельства о посѣщеніи Іисусомъ Христомъ брачнаго пира въ Канѣ Галилейской. „*Канина* паполома“, на которую, по Божьему суду, похвальба привела Бориса Вячеславича, есть символическое воспроизведеніе попойки на брачномъ пиру въ „Кана Галилеи“, бывшемъ „на третій день“..., во время которой Спаситель явилъ славу свою, чудомъ претворилъ воду въ вино, когда его не хватило для собравшихся гостей: „не доставъшоу вину“, тѣмъ склонивъ увѣровать въ Себя своихъ учениковъ (Іоанна, гл. 2, ср. притчи Іисуса о *брачномъ пирѣ* царя, съ возлежащими гостями). Дьякъ Александръ, ходившій въ концѣ XIV в. съ куплею въ Царьградъ, видѣлъ въ алтарѣ Понтократорскаго монастыря корчагу, „чтѳ воду въ вино претворилъ Спасъ въ Канехъ Галилейскихъ“ (Лѣтоп., т. IV, 358). Сама Каяльская битва Игоря съ половцами, пропитавшая почву потоками крови и затянувшаяся до полудня „третьяго дни“, изображена пѣвцомъ въ видѣ попойки на свадебномъ пиру, съ угощеніемъ сватовъ, окончившемся за недостаткомъ вина, выпитаго въ огромномъ количествѣ, до мертвецкаго опьяненія русичей:

Третьяго дни, къ полудню,
Падоша стязи Игоревы...
Ту крованаго *вина не доста*,
Ту *пиръ* докончаша храбріи русичи,
Сваты попоиша, а сами полегоша...

Битва нерѣдко длилась три дня (Ипат. подъ 1116, 1142, 1151 г. и др.). Пировой разгулъ съ питьемъ вина, изъ „заздравныхъ чашъ“, на который столь падки всегда были русичи: „на Руси есть веселіе питье“..., говорилъ поощрявшій пировыя собранія Владиміръ св. (Нач. лѣтоп. и былины той эпохи), рисуетъ и разсказъ вел. князя Святослава о своемъ тревожномъ снѣ. Ему черпали синее *вино* (ср. синія молніи,

синее море), съ трудомъ (боевымъ) смѣшанное.—Кстати сопоставлю предшедшій стихъ—

Орли клектомъ на *кости* звѣри зовутъ...

съ евангеліемъ: „гдѣ *трупи*, ту и *орли*“ (Матѳ., гл. 24, ср. Ипат. 532). Стихъ, обращенный къ Всеволоду Суздальскому,

Аже бы ты былъ...

взятъ изъ гл. XI еванг. Іоанна, гдѣ эта фраза встрѣчается два раза подрядъ. И Марія, и Марфа, сёстры Лазаря, поочереди, но одинаково говорили Іисусу: „*аште бы съде былъ*, не бы братъ мой оумрѣлъ“ ...*аще бы былъ съде*, не бы мой братъ оумрѣлъ“...

Чѣмъ долѣе мы останавливаемся на подробностяхъ Слова, чѣмъ болѣе вникаемъ въ его роскошную поэтическую обстановку, символику и эпитетологію, тѣмъ болѣе насъ плѣняютъ его красоты. Онѣ находятся во всѣхъ частяхъ повѣствованія, но особенно привлекательны въ изображеніи измѣнчивыхъ явленій природы, въ ссылкахъ на Бояна, въ рѣчахъ вел. князя Святослава, съ едва уловимыми переходами къ разсказу автора, самого Игоря, въ бесѣдѣ его съ р. Донцомъ, въ описаніи Каяльской битвы, въ причитаніяхъ русскихъ женъ и Игоревой супруги Ефросиньи.—Остановимся на Плачѣ Ярославны, мечтавшей утереть кровавыя раны своей лады омоченнымъ въ рѣкѣ Каялѣ бобровымъ рукавомъ:

Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
Утру князю кровавыя его раны...

Ея слезы сливаются гимнографическими струями со слезами пресвятой Богородицы, покровительницы Кіева, Новгорода Великаго, Владиміра Клязменскаго, Смоленска и иныхъ русскихъ городовъ. П. Владиміровъ открылъ въ одномъ Словѣ Кирилла Туровскаго параллель между народнымъ плачемъ по мертвыхъ и плачемъ Богоматери: „радости и веселія лишена быхъ... слышите, небеса и море съ землею, внушайте моихъ слезъ рыданіе“... По народному повѣрью, отъ слезъ Богородицы, примѣшанныхъ, по моему мнѣнію, къ плачу Ярославны, зарождалась плакунъ-трава (Стихъ о Голуб. кн.), тожественная съ ковыліемъ, по которому вѣтеръ-вѣтрило развѣялъ ея веселье.—Лѣтописецъ южно-русскій приписываетъ чудесное пораженіе половцевъ Михалкомъ Георгіевичемъ въ 1172 г. Богородицѣ Десятинной (Ипат. 381). Лѣтописецъ Новгородскій (подъ 1173 г.) восхваляетъ пораженіе суздальцевъ новгородцами и повѣствуетъ о чудесномъ спасеніи Новгорода Богородицей. Иконы ея въ трехъ церквахъ источали слезы. Молитвами ея „пусти Господь .гнѣвъ свой на вся полки рускія и покры ихъ тма“, какъ случилось при Фараонѣ, когда Богъ въ лицѣ Моисея провелъ жидовъ чрезъ Чермное море, а Фараона погрузилъ“. Иные лѣтописцы полагаютъ, что Богъ наказалъ и смирилъ новгород-

цевъ за клятвопреступленіе, а Богородица вымолила имъ у Бога прощеніе (Ипат 383). Господь чрезъ ея честную ризу подавалъ „варваровъ низложеніе и бѣдъ отгнаніе". Оказанное Богородицею покровительство побудило Игоря поспѣшить въ одинъ изъ храмовъ ея имени немедленно по прибытіи въ Кіевъ. Паломники давали обѣты утереться нетлѣнною ризою Богоматери. Въ былинѣ „Сорокъ каликъ со каликою", сообщенной Киршей Даниловымъ, Касьянъ Михайловичъ кладетъ заповѣдь:

Идти будетъ ко городу Іерусалиму...
Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
Нетлѣнной *ризой утеретися*"...

Авторъ Слова помѣщаетъ Ярославну, въ образѣ зегзицы-кукушки (символъ тоски), на заборѣ городской *стѣны*, а Богородица слываетъ „необоримою церкви *стѣною*", въ духовныхъ же былинахъ—просто стѣною, т. е. оградой, защитницей отъ бѣдъ:

„Не душа то красная дѣвица гуляла по *стѣнѣ*,
Ходила то мать пресвята Богородица,
А плакала *стѣна* и мать городовая"... (Был. о нашествіи Батыя).

Козацкія думы именуютъ Богородицу Маріей Богуславкой, избавляющей козаковъ отъ турецкой неволи (Костомаровъ, Кулишъ). Бобровый рукавъ одежды Ярославны обладалъ магическими свойствами, отчасти аналогичными съ чудотворной силой ризы Богородицы Влахернской при омоченіи въ рѣкѣ. Когда „святой Богородицы *ризу*, съ пѣсньми изнесше, *въ рѣку омочиша*", поднялась буря и разбила русскія лодьи Аскольда и Дира (Нач. лѣтоп. подъ 865—866 г., ср. Георгія Амартола). Дьякъ Александръ, путешествовавшій въ Царьградъ, писалъ: „Нѣкогда бысть иконобореніе въ Цариградѣ, прійдоша и по-суху, и по-морю; Сергій же патріархъ *омочи* въ морѣ *ризу* святой Богородицы, и море вскипѣ, и ратніи побѣгоша (ср. Фотія). Въ честь ризы Богородицы Влахернской воздвигались у насъ храмы, напр. Кловскій, близъ Кіева (1112 г.), игуменомъ Печерскимъ Стефаномъ, Владимірскій—Андреемъ Георгіевичемъ (рукоп. Сб. Одесск. Общ. Ист. и Др.). Будучи обрѣтена въ Іерусалимѣ и положена Львомъ Великимъ въ предѣлѣ Влахернскаго храма (у Золотого Рога), сооруженнаго въ полов. V в. императрицей Пульхеріей, супругой Маркіана, она хранилась въ ковчегѣ и считалась спасительнымъ талисманомъ Царьграда, какъ значится въ типикѣ церкви св. Софіи. На нее по пятницамъ исходилъ св. Духъ. Такимъ образомъ, глубокая и изящная лирика въ Плачѣ Ярославны пропитана не только народно-поэтическими мотивами, но и религіознымъ элементомъ христіанскаго почитанія.

Смягчая свое повѣствованіе, сообразно съ воспѣваемыми событіями, элементомъ гимнографическимъ, авторъ сохранилъ величавую простоту народнаго пѣсеннаго склада, отличительное свойство котораго

обусловливается, между прочимъ, тавтологіей, отрицательными уподобленіями, вставкой объяснительнаго союза *а*, какъ въ стихахъ моего чтенія:

Сынъ Всеволожь *а* Владиміръ...
Вступита, господина, въ злат(ъ) *а* стремень...
Пѣснотворц(ъ) *а* старого времени...

и возвратными припѣвами (драупы скандинавскихъ сагъ, Kehrreimen у нѣмцевъ). Въ Словѣ припѣвы повторяются или безъ измѣненія, или, чаще, съ варіантами. Припѣвъ:

Дѣвицы поютъ на Дунаи,

повторяясь, подвергся сокращенію:

„...Поютъ на Дунаи.

Здѣсь подъ „Дунаи" можно разумѣть и Донъ, какъ въ лѣтописи, напр., „ѣхали половци на Дунаи" (Ипат. стр. 453). Въ народныхъ пѣсняхъ имя Дуная переносится на Донъ и Днѣпръ (Рыбниковъ, I, 463; II 50, 130). По удостовѣренію Іорнанда, туземцы называли Днѣпръ Дунаемъ. Припѣвъ:

О, Руская земле, уже *за шеломянемъ* еси!

повторяется въ отрицательномъ смыслѣ, смѣняя прямое значеніе шеломяни — возвышенности (Ипат. 301, 304, 429, Рыбниковъ, I, 103) на переносное, соотвѣтствующее „възвышенью", за которое Богъ покаралъ ослѣпленіемъ Василька Ростиславича, увлекавшагося славой (Лавр.):

О, Руская земле, уже *не шеломянемъ* еси!

Много слѣдовъ повторенія стиховъ сохранила лѣтопись. Самый ранній изъ нихъ — подъ 882 г.: „похорони вои въ лодьяхъ... и похорони воя своя"... При осадѣ печенѣгами Бѣлгорода въ 977: и бысть гладъ великъ въ городѣ... и бысть гладъ великъ"... Подобныя же повторенія — подъ 1151, 1172 — 1173 г. и на стр. Ипатск. лѣтоп. 301, 310 384, 490, 496, 512 — 513, 530 и 548. Впрочемъ, изрѣдка повтореніе зависитъ отъ того, что лѣтописецъ извлекалъ свѣдѣнія о событіяхъ изъ *разныхъ* временниковъ. Таково двукратное упоминаніе о смерти Олега Святославича въ Никон. лѣтоп. подъ 1115 и 1116 г. Въ качествѣ пѣсеннаго матеріала исключительный интересъ представляетъ подробное описаніе битвы 1151 г. между князьями, съ участіемъ черныхъ клобуковъ и половцевъ: „Свитающю же *пятку*, исполцивъ Изяславъ вои"... Затѣмъ излагается ходъ битвы въ теченіе всего этого дня. Далѣе лѣтописецъ снова обращается къ той же пятничной битвѣ: „Утрии же день, *въ пятницю*, яко зорѣ начаша ся заимати"... Здѣсь же встрѣчаются выраженія: „проидоша валъ на *чистое поле* ...поиде Гюрги *за шоломя* съ полкы своими". Всѣ обстоятельства, касающіяся

битвы, занесены лѣтописцемъ въ той безпорядочной группировкѣ, въ какой онѣ воспѣвались, когда Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ... „съ честью и *похвалою великою* поидоша къ Киеву“ (Ипат. 301 — 305).

Къ живому народному языку принадлежитъ форма *„давечя“*, (измѣняется часто, по недоразумѣнію, въ *далече*, соотвѣтствуетъ церковно-славянск. *„давъ“*), найденная мною въ одномъ юридическомъ актѣ XVI в. (Сб. палеографич. снимк. Виленск. Ком., стр. 27), и „долгоночь“, въ Воскресенск. лѣтописи: Михаилъ Александровичъ Тверской „преставися *длъго-ночи*, въ куроглашеніе“, (П. Соб. Лѣт. т. VIII, 74). Долго-ночь значитъ поздняя, глубокая ночь, какъ „долго-вечеръ“ (Соф. 2, 204) — поздній вечеръ.

Недаромъ пѣснь о походѣ Игоря Святославича очаровывала убѣжавшаго отъ тлѣна своими безсмертными произведеніями А. С. Пушкина. Прочитавъ „Руслана и Людмилу“, всякій согласится со мною, что поэма эта, какъ и нѣкоторыя иныя его стихотворенія (напр., Воспомин. въ Царск. селѣ), написана подъ обаяніемъ Слова. Пушкинъ геніально переплавлялъ въ горнилѣ своего творчества разсыпанные въ Словѣ самородные кристаллы древне-русской поэзіи: „никѣмъ *незнаемый* Фарлафъ, — мечъ *звенитъ*, — глазами страшный призракъ *мѣрилъ*, — *дремлетъ* поле боевое, — *ширяяся* крылами, — шумъ на стогнахъ *возстаетъ*“, и т. д. Порицавшій произвольныя передѣлки Слова, А. С. Пушкинъ присущимъ ему тонкимъ поэтическимъ чутьемъ угадалъ, что надлежитъ читать, какъ напечатано Мусинъ-Пушкинымъ:

Свистъ звѣринъ *въста*... зби...

т. е. свистъ звѣрскій (Дива въ образѣ змія) *поднялся*, (ихъ, половцевъ) сплотилъ (ср. лѣтоп. подъ 1097 г.: „сбиша... сбиваетъ“; въ Словѣ: Высоко птицъ възбиваетъ), а „змій страшенъ свистаніемъ своимъ“ (Даніилъ Заточникъ). Кто не узнаетъ чрезвычайно стойко, до самозабвенія, не щадя живота, оборонявшаго истомленные русскіе полки въ Каяльской битвѣ съ половцами Игорева брата, яраго тура Всеволода, шеломъ котораго блисталъ подобно шелому героя Ахиллеса въ бою, предшедствовавшемъ паденію Фригійской Трои (Гомеръ), сличивъ съ описаніемъ той битвы стихи въ п. „Русланъ и Людмила“:

Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ!...

Въ Словѣ:— Камо туръ поскочяше,
Своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
Тамо лежатъ поганыя головы половецкыя!

Пушкинъ, уподобившій поэта, согласно съ авторомъ Слова, *орлу* (Стихотв. „Поэтъ“), лирическое настроеніе, внушенное божественнымъ

глаголомъ чрезъ шестикрылаго серафима (ср. „шестокрыльцы“ въ Словѣ), очертилъ выраженіями, взятыми изъ пѣсни о походѣ Игоря:

Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ *шумъ* и *звонъ* (Стихотв. „Пророкъ“).
Въ Словѣ:—Что *ми шумить*, что *ми звенить*...

Подрожаніе автору Слова обличаютъ и другія стихотворенія Пушкина, напр., Лицейская годовщина:

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...
Въ Словѣ:— А древо не бологомъ листвіе срони...

Подобное же сближеніе со Словомъ вызываетъ „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“:

Уже не ступитъ нога въ твое позлащенное стремя.

Въ Словѣ:—Вступаетъ въ златъ стремень ..
Вступита, господина, въ злат(ъ) а стремень..

„Народная *тропа* въ стихотв. „Памятникъ“ ведетъ свое происхожденіе отъ *тропы* Трояновой, и т. д.

Отражая въ своемъ безсмертномъ твореніи блестящія сокровища священныхъ книгъ. витая, подобно Бояну, потомку Велеса (Юла у Балт. рутеновъ, по хрон. Еббо), плодовитою мыслью подъ облаками, авторъ Слова увлекается византійскимъ риторическимъ обычаемъ окружать человѣческое естество царей божественнымъ ореоломъ, съ уподобленіемъ ихъ солнцу (Никифоръ Врієннскій,кн. VI, и др.) и взираетъ сквозь призму народныхъ понятій на прославленныхъ „старыхъ“ князей русскихъ, какъ на земныхъ боговъ, одаренныхъ солнечными качествами. Онъ присваиваетъ этимъ князьямъ національныя героическія имена Дажьбога, Трояна и Хорса (Лѣтоп., Слово христолюбца и ревнит. по правой вѣрѣ, Хожденіе Богородицы по мукамъ). Князья герои, со второстепенною „княжьею“, шестикрыльцами (серафимами), представители свѣтозарнаго міра, удѣла праведниковъ (Притчи Соломона, гл. IV), противополагаются имъ представителю темнаго, преисподняго царства, удѣла нечестивыхъ, Сатанаилу, старѣйшинѣ бѣсовъ Антихристу, иначе Диву-*Босу* (псал. 118 Толков. Псалтыри XI в., гдѣ Босомъ зовется діаволъ, и Лавр. 187). Дивъ, унаслѣдовавшій пернатый обликъ отъ Симаргла, персидской миѳической птицы (Петрушевичъ), воплощается въ Тмутороканскомъ болванѣ, верховномъ половецкомъ властителѣ Кончакѣ, повелѣвавшемъ послушными ему крылатыми бѣсовыми дѣтьми, „нечестивыми и окаянными“ половцами (Ипат. 470). Первое столкновеніе Игоря Святославича съ Кончакомъ произошло въ 1174 г., когда Игорь съ своими дружинами разбилъ отряды Кончака близъ р. Ворсклы, при г. Лтавѣ, и отнялъ у нихъ плѣнниковъ руссихъ, захваченныхъ у Серебрянаго и Боруча (Ипат. 387). По причудливой символикѣ Слова, половцы превращаются

то въ терзающихъ трупы черныхъ вороновъ, то въ лебедей, состязающихся съ соколами, князьями русскими. Дружины русичей, лакомыя до поживы въ омутѣ междоусобныхъ ратей, объединяются въ стада галицъ,—пѣсенный пріемъ, несомнѣнно занесенный изъ Галиціи (древній гербъ ея—галка), откуда отряды Карпатскихъ *татранъ* перебрались въ Черниговское княжество. Отмѣчу стихи, въ которыхъ половцы, съ ихъ бѣсовскими замашками, перерождаются въ птицъ:

Нощь, стонущи ему грозою, *птичь* убуди...
Уже бе бѣды его (Дивъ) пасетъ *птиць*...
О, далече зайде соколъ, *птиць* бья,—къ морю!..
Почнутъ наю *птици* бити...

Иногда птицы въ Словѣ означаютъ враговъ вообще, преимущественно половцевъ:

Коли соколъ въ мытехъ бываетъ,
Высоко *птицъ* възбиваетъ...
Хотя *птицю*, въ буйствѣ, одолѣти...

Однажды подъ птицами разумѣются враждовавшіе съ Русью литовцы:

Дружину твою, княже, *птиць* крылы пріодѣ...

Имя Дажьбога или Даждьбога (Подага у Гельмольда, Дажба-богъ въ Радзив., онъ-же „*Солнце*-царь“ въ Ипатск. лѣтоп.) наиболѣе приличествуетъ стяжавшему себѣ восторженныя похвалы по заслугамъ, побѣдителю многихъ племенъ—радимичей, вятичей, ятвяговъ, болгаръ, козаръ, печенѣговъ и проч., „божественному, щедрому на дары, славному кагану, красившему столъ земли Русской, просіявшему яко солнце, красному солнцу (Кіевскихъ былинъ), древу самаго рая, единодержцу“ Владиміру святому. (мон. Іаковъ, Проложн. Сказ., Иларіонъ, Никон. т. IX, 70, Мус.-Пушк. Сб. XV в., 63). Нельзя одобрить мнѣніе, считающее Дажьбогомъ Ярослава I-го, не носящаго миѳическаго наименованія въ Словѣ:

...Та преди пѣсь пояше
Старому *Ярославу*, храброму Мстиславу...

То, (о)же звонъ слыша давный
Великый (князь) *Ярославъ*...

Минула лѣта *Ярославля*...
Расшибе славу *Ярославу*...

Если героическое родословіе вести отъ Ярослава I, то пришлось-бы, вопреки содержанію Слова, отрѣзать отъ родословнаго корня, т. е. Дажьбога, всю отрасль прямыхъ его потомковъ,—князей Полоцкихъ, начиная съ рожденнаго отъ дочери Рогволода Рогнѣды-

Гориславы Изяслава Владиміровича, дѣда Всеслава Брячиславича, прокняжившаго лишь семь мѣсяцевъ въ Кіевѣ:

Дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго...

Между тѣмъ, Слово ставитъ на одинъ національный уровень „жизнь, пажить, достояніе“ (ср. Псалтырь) Дажьбожьяго внука—Трояна, предка Игорева, и „жизнь“ Всеслава. При дѣдѣ Игоря Олегѣ Святославичѣ, онъ-же Гориславичъ,

Погибашетъ *жизнь Даждьбожа внука*...

и Сула перестала течь серебрянными струями къ г. Переяславлю. Крамольные потомки Всеслава Брячиславича въ свою очередь, заодно съ единомышленными князьями, расхищавшими волости, наводили поганыхъ литовцевъ

На землю Рускую, на *жизнь Всеславлю*...,

вслѣдствіе чего посреди Русской земли разлилась „жирная печаль“, а Двина грязнымъ болотомъ потекла къ полочанамъ. Жизнь Троянова—земля Южно-русская, и жизнь Всеславова — собственно Полоцкая область, составляютъ въ глазахъ автора Слова нераздѣльныя части Русскаго государства, порученныя Владиміромъ святымъ въ управленіе своимъ сыновьямъ.

Первообразъ *Трояна* кроется: 1) въ *тріединствѣ божества*, признававшемся всѣми религіями древнихъ народовъ во всѣхъ періодахъ человѣческой цивилизаціи (Н. Троицкій); 2) въ *трехбратномъ родѣ*, у русскихъ такъ же, какъ у поляковъ, чеховъ, сербовъ и болгаръ (Ербенъ, Забѣлинъ, Буслаевъ, Костомаровъ, Петрушевичъ и мн. др.), въ преданіяхъ о *трехъ*, рожденныхъ въ окрестностяхъ Днѣпра сыновьяхъ Дѣвы-Діаны и Геркулеса, изъ коихъ младшій прослылъ Скиѳомъ (Геродотъ), о прибывшихъ изъ-за моря трехъ варяжскихъ князьяхъ Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ (по Синопсису—*„трие братія*, князіе варязстіи“), и объ устроителяхъ Кіева Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ: „была суть *три братія*“... (Нач. лѣтоп.). Почитаніе Трояна при Владимірѣ св., „иже крестилъ всю землю Русскую“, явствуетъ, между прочимъ, изъ помѣщеннаго въ лѣтописи подъ 988 г. наставленія Владиміру греческаго духовенства (Исповѣд. вѣры). Въ этомъ Исповѣданіи духовенство утверждало, что существуетъ не *три бога*, а единъ Богъ, „понеже едино Божество въ трехъ лицахъ“ (Лавр. 110). Имя Трояна попадается также въ скандинавскихъ сагахъ, выдающихъ его за покорителя нѣсколькихъ сѣверныхъ народовъ (Эдда). Напоминаютъ Трояна и тянущіеся отъ предмѣстьевъ Кіева, разбросанные на огромномъ пространствѣ Трояновы, иначе Зміевы, валы, которые В. Антоновичъ связывалъ съ показаніемъ Бруно о сооруженіи валовъ въ Кіевской области для защиты отъ кочевниковъ Владиміромъ св. Одна часть ихъ при впаденіи р. Стугны въ Днѣпръ и р. Рута въ Рось, упо-

минаемая лѣтописью подъ 1223 г., получила огульное названіе Половецкаго вала. Кольцо тѣхъ валовъ расширялось потомками Владиміра св., быть можетъ, совокупными стараніями Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей, съ цѣлью затруднить кочевникамъ доступъ въ Русскую землю, и примкнуло къ цѣпи валовъ, возведенныхъ на западъ отъ устьевъ Днѣстра якобы римскимъ императоромъ Траяномъ, завоевателемъ Дакіи, или же Атанарихомъ (Амміанъ Марцеллинъ). Наукѣ предстоитъ еще рѣшеніе вопроса: почему арабскій географъ Едризи на картѣ, имъ начертанной и изданной Лелевелемъ въ средневѣковомъ атласѣ, по древнѣйшимъ Оксфордскому и Парижскому спискамъ, помѣстилъ между Дономъ („Русская рѣка“) и Днѣпромъ („Данаприсъ“), выше Половецкой земли („Куманія“), *Трою*, изъ какихъ источниковъ Михаилъ Литвинъ (XVI в.) извлекъ свѣдѣнія о *русской Троѣ*, и какое отношеніе она имѣетъ къ землѣ Трояновой?—Довольно близко подошелъ къ вѣкамъ Трояновымъ Н. Шляковъ. По его опредѣленію они настали непосредственно послѣ лѣтъ Ярославовыхъ (Троянъ въ Словѣ. Нов. Сб. статей по славяно-вѣд.), но сдѣлалъ изъ этого положенія неудачные выводы. Слово прямо подводитъ насъ къ вѣкамъ Трояновымъ ссылкой на экспедиціи изъ Тмуторокани Олега Святославича, при которомъ погибало достояніе Трояна отъ вступленія на его землю Олега съ половцами. Наиболѣе надежнымъ средствомъ разсѣять туманъ, окутывающій эпоху, стезю и достояніе Дажьбожьяго внука Трояна, прародителя Игоря, я признаю пріуроченіе Словомъ перваго удара, нанесеннаго Руси половецкимъ насиліемъ, къ седьмому Троянову вѣку:

Которое-бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи
На седьмомъ вѣцѣ Трояни?!

Седьмой Трояновъ вѣкъ совпадаетъ съ отмѣченнымъ лѣтописью чрезвычайно крупнымъ, предзнаменованнымъ затменіемъ солнца, фактомъ перваго нападенія половцевъ на Русскую землю подъ предводительствомъ князя ихъ Сокала, съ первымъ обрушившимся на нее отъ половцевъ *зломъ* вслѣдствіе пораженія ими Всеволода Ярославича 2 февраля 1061 года (6569 г.), какъ-разъ *на седьмомъ году* княженія въ южной Руси *внуковъ* Владиміра св.—*трехъ братьевъ Ярославичей*: Изяслава въ Кіевѣ, Святослава въ Черниговѣ и Всеволода въ Переяславлѣ, считая седьмой годъ съ 20 февраля 1054 г., дня смерти Ярослава 1-го. Въ ихъ-то соединенныхъ ратныхъ „силахъ“, не устоявшихъ противъ силы половецкой (ср. Лавр. 321), и поднялась обида, такъ какъ въ 1068 г. половцы разбили дружины всѣхъ трехъ Ярославичей:

Въстала обида *въ силахъ* Дажьбожа *внука*...

Внуку придается здѣсь тѣсный смыслъ, въ нѣкоторыхъ же стихахъ —широкій смыслъ *потомка*. Седьмой Трояновъ вѣкъ совпадаетъ и

съ седьмымъ тысячелѣтіемъ, въ теченіе котораго, по Откровенію Меѳодія Патарскаго, изъ пустыни Етривской выйдутъ измаильтяне, какъ руководствующійся этимъ извѣстіемъ лѣтописецъ нашъ называетъ половцевъ. По объясненію Іоанна Дамаскина (О правой вѣрѣ, кн. 2, см. Откров. Меѳодія Патарскаго, въ излѣдов. В. Истрина), вѣкъ означаетъ „и жизнь человѣка, и тысячелѣтіе, и всю настоящую жизнь, и всю жизнь будущую". Первое значеніе вѣковъ—въ стихѣ:

Вѣци человѣкомъ скратишась...

Въ нѣкоторыхъ Сборникахъ, напр. Измарагдѣ, говорится, что люди *седьмого отъ Адама вѣка* отличались особою порочностью, вели самоистребительныя войны, и т. под. Долго, въ теченіе 19 лѣтъ, царило между тремя Ярославичами почти полное согласіе. По смерти отца они собирались для пересмотра карательныхъ законовъ: „Совокупишась *Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ* и отложиша оубиение за голову" (Русская Правда). Въ 1059 г. *Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ* освободили несчастнаго дядю своего Судислава изъ заточенія въ Псковскомъ подземельѣ, гдѣ онъ томился 24 года, будучи посаженъ туда братомъ Ярославомъ (Радзив., стр. 105 и 115 и др. лѣтоп.). Въ 1060 г. они *трое*, при помощи Всеслава Полоцкаго, уничтожили безпокоившихъ Русь кочевыхъ торковъ. 3 марта 1067 г., послѣ того, какъ Всеславъ возмечталъ подчинить себѣ всю Русь и приступилъ къ приведенію своего замысла въ исполненіе, „Ярославичи *трие—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ*, совокупивше вои, идоша на Всеслава къ р. Немизѣ"... Этому эпизоду Трояновыхъ вѣковъ Слово посвятило много стиховъ. 10-го Іюня того же года *три* Ярославичи клялись Всеславу не причинять ему вреда, но нарушили потомъ клятвенное обѣщаніе, схватили его у Смоленска, привезли къ Кіеву и посадили въ порубъ, откуда онъ выскочилъ („искочи") къ золотому престолу (1068 г.). Побѣда, одержанная Святославомъ надъ половцами 1 Ноября 1068 г. при р. Снови, ободрила князей, впавшихъ въ уныніе отъ нанесеннаго имъ пораженія, когда *Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ* выставили противъ половцевъ соединенныя дружины на р. Алтѣ, близъ Переяславля. Въ 1072 г. *втроемъ* собирались они для перенесенія изъ Вышгорода мощей Бориса и Глѣба, питая взаимно „любовь великую". Только въ 1073 г. дьяволъ поселилъ между ними вражду, начало которой положено Святославомъ, предкомъ Игоря Святославича, любителемъ „гуслинныхъ гласовъ" (Лавр. и Ипат. лѣтоп.), подстрекательствомъ Всеволода къ изгнанію Изяслава, въ нарушеніе отцовской заповѣди. „Бысть смятеніе нѣкако .. *въ трехъ князехъ*, братіи сущимъ по плоти" (Житіе Ѳеодосія). Неудивительно, что былевой эпосъ слилъ *трехъ* солнечныхъ князей въ тріединое миѳическое божество *Трояна*, прославлявшагося одновременно съ прославленіемъ св. Троицы. Въ круговую *тропу*, проторенную „въ тѣхъ ратяхъ и ополченіяхъ", Трояномъ, т. е. тремя братьями Ярославичами, и рыскалъ вѣщій Боянъ „чрезъ поля на горы" (Кіевскія),

воспѣвая походы, по свидѣтельству автора Слова. Земная Троянова тропа параллельна свѣтлой *стезѣ* Господней, *слѣду* небеснаго Владыки (Іоанна гл. 8, Псалтырь, Ипат. 479), *вѣчному пути*, вводящему въ царство Господа (Послан. митр. Никифора къ Мономаху). Обыкновенно князья русскіе совершали походы на половцевъ съ тѣмъ, чтобы отыскать „отець своихъ и дѣдъ своихъ *пути*“ (Ипат. 368). Несомнѣнно, Троянъ, по трехличнымъ божественнымъ свойствамъ, не уступаетъ и *тресвѣтлому* солнцу въ Плачѣ Ярославны:

Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!..

и *трехлицему* Триглаву, божеству Балтійскихъ славянъ (Гельмольдъ, Оттонъ Бамбергскій, Адамъ Бременскій, Пулкава), языческому подобію святой живоначальной и нераздѣльной Троицы. Соотвѣтственно народному почитанію Трояна, свѣтиламъ *троичнымъ*, побѣждавшимъ злыхъ духовъ, разгонявшимъ бѣсовскую тьму въ Печерскомъ монастырѣ, приравнивались также пріобрѣвшіе громкую извѣстность преподобные Антоній, Ѳеодосій и Никонъ (Патер. Печер.—Житіе Никона † 1088). Въ Поученіи упомянутаго Ѳеодосія сопоставляется слава монашеская со славою воина, „забывающаго и жену, и дѣтей, и имѣніе, и самую голову свою“, какъ все это забылъ въ Каяльской битвѣ Буйтуръ Всеволодъ.

Перехожу къ Хорсу. Въ обстоятельной рецензіи на мое „Историч. изслѣдов. Слова“ (Отчетъ о 10-мъ присужд. Пушк. премій за 1894 г.) П. Владиміровъ отожествилъ „старого Владиміра“ съ Владиміромъ святымъ и утверждалъ, что стихи:

Того,—старого Владимира
Нельзѣ бѣ *пригвоздити къ горамъ* Кыевскимъ.
Сего бо нынѣ сташа стязи...

разумѣютъ двухъ одноименныхъ князей, первый стихъ — Владиміра святого, третій стихъ—Владиміра Мономаха. Рецензентъ, мнѣ кажется, впалъ въ заблужденіе. Оба стиха разумѣютъ одного и того-же Владиміра Всеволодовича Мономаха, но въ различныхъ образахъ. Это пріемъ героическій, подобно раздвоенію тѣла Всеславова на княжеское и волчье. Въ первомъ стихѣ я вижу косвенное указаніе на богоравную *солнечную природу* Владиміра Мономаха, присущую *великому Хорсу*, которому Всеславъ Полоцкій, слышавшій въ Кіевѣ звонъ колоколовъ, когда „тому“ (великому Хорсу) звонили „заутреннюю въ Полоцкѣ „рано“, предъ восходомъ солнца, такъ какъ заутренняя пѣлась при самомъ восходѣ солнца (Воскрес., т. VIII, стр. 112), и смѣнявшій съ наступленіемъ темноты тѣло человѣческое на звѣриное, ночью волкомъ перерыскалъ путь (см. предъидущіе стихи), коная жребій о любой ему дѣвицѣ—Кіевѣ:

Връже Всеславъ жребій о дѣвицю собѣ любу.
Тъй клюками подпръся о кон(ъ),
И искочи къ граду Кыеву...

Намѣреваясь, въ волчьей шкурѣ, одолѣть Хорса, согласно народному повѣрью о схваткѣ со скачущимъ по небу солнцемъ, которое волкъ пожиралъ (Буслаевъ: Вліян. христ. на слав. яз., Лавр. 160, Ипат. 203), послѣ того какъ разбилъ славу Ярославу осадой, сожженіемъ и разграбленіемъ Новгорода въ 1067 г., Всеславъ, изгнанный изъ Полоцка Изяславомъ Ярославичемъ, могъ перерыскать путь лишь своему *великому* солнцеобразному сопернику, какимъ и былъ неутомимый Мономахъ (единобоецъ). Послѣдній повѣдалъ въ Поученіи „свой *трудъ*—како *пути* дѣялъ...; а всѣхъ путий 83 великихъ", озаряя лучами Русскую землю, наравнѣ съ Владиміромъ святымъ,—„*акы солнце* луча пущая" (Ипат., 208, и Послан. къ нему митроп. Никиф.). Соревнованіе происходило на раздольномъ поприщѣ военномъ. Чуткому Всеславу, благодаря вѣщей душѣ, удалось ускользнуть отъ преслѣдованія его Мономахомъ („гонихомъ и не постигохомъ", сказано въ Поуч.), какъ удалось Ярославу Галицкому „заступить *путь*" королю Угорскому Белѣ III-му (Слово). Нельзя игнорировать непреложныя свидѣтельства лѣтописца и самого Мономаха о продолжительной и упорной борьбѣ его съ увертливымъ Всеславомъ и *погоней* за нимъ „*путемъ*" къ Смоленску, Дрютску, Лукомлю, Логожску, съ ея малоуспѣшными результатами. Быстрота походовъ и неустанная энергія Мономаха въ ратномъ дѣлѣ превосходно обрисованы приведенными выше стихами. Въ нихъ заутренній звонъ колоколовъ Полоцкаго соборнаго храма св. Софіи долженъ относиться къ семидесятымъ годамъ XI столѣтія, въ теченіе которыхъ Мономахъ двукратно подступалъ къ Полоцку, о чемъ упоминаютъ Данилевичъ въ Исторіи Полоцкой земли и др. историки.—Коль скоро почитаніе языческаго Триглава—Трояна мирилось у славянъ съ чисто христіанскимъ ученіемъ о св. Троицѣ, какъ это удостовѣряется хроникою Давида Хитрея и договорами X в. русскихъ съ греками, хотя въ нихъ Троянъ отсутствуетъ, то и почитаніе Хорса встарину народными массами уживалось съ ученіемъ о „Христѣ-солнцѣ", *трисіятельномъ*, *трисолнечномъ*, „яко солнцю—свѣтъ" сошедшемъ на землю, Господѣ, свѣтильникѣ солнечномъ міра, солнцѣ правды, источникѣ свѣта, благодати и истины, радости и веселья (Кириллъ Туровскій, службн. тропари, Псал. 89, о Христѣ и Адамѣ въ Мус.-Пушк. Сб. 43, Соф., т. VI, 221, Воскрес., т. VII, 214, Іоанна, гл. I, и т. д.) Въ одномъ „похвальномъ Словѣ" держава самовластнаго князя Рюрика Ростиславича „къ Богу изваянная", сближается со славой Творца, возвѣщаемой *свѣтлостью солнца*, растеніемъ луны и украшеніемъ звѣздъ (Ипат. 478). Представленіе о тресвѣтломъ солнцѣ, какъ о благотворной стихіи, господствующей надъ вселенной, составляя зерно языческаго культа, выростившее могущественнаго земного свѣтильника, государя-кагана, осталось незыблемымъ при насажденіи въ Руси христіанской вѣры. Появленіе на небѣ *трехъ* солнечныхъ свѣтилъ было знаменіемъ заурядным. Въ 1104 г. „стояше *солнце* въ крузѣ..., а внѣ круга, оба-полы (съ обѣ-

ихъ сторонъ) *два солнца*". Въ 1141 г., при положеніи во гробъ князя Андрея Владиміровича Переяславскаго „быша *три солнца* съяюче межи собою" (Ипат. 221). Предъ смертью Казиміра Ягеллона 1492 г. *три солнца* показались на югѣ (Кромеръ, кн. 29). Хорсъ нигдѣ, кромѣ Слова, не возводится на степень великаго, но, по свидѣтельству польскаго историка Длугоша о прославленіи Мстислава Мстиславича Удалого, его называли въ похвальной пѣснѣ *великимъ свѣтиломъ* (Hist. Pol., VI). Эпитетъ „великій", примѣненный къ Хорсу, совмѣщаетъ въ себѣ признаки и *великокняжеской* власти (въ Словѣ—„*великій* Ярославъ, *великій* Святославъ"), и самоотверженныхъ, великихъ подвиговъ сдерживавшаго княжескія крамолы, стяжавшаго себѣ своими побѣдными стягами неувядаемую славу, „*страдальца* за Русскую землю"—Мономаха, избавившаго ее отъ окончательнаго порабощенія половцами (см. предостереженіе князей въ 1097 г. митрополитомъ Николой). Вдумавшись въ традиціонное книжное реченіе, вспоминающее *тресолнечнаго* Господа, „иже своею волею *пригвоздися* на крестѣ, *пострадавъ ради нашего спасенія*, — страсть пріятъ насъ ради, да ны избавить отъ непріязни" (ср. Лавр. 379), мы угадаемъ смыслъ второго стиха. Невольно закрадется подозрѣніе, что горы Кіевскія, на одной изъ которыхъ апостолъ Андрей водрузилъ *крестъ* (Нач. лѣтоп.) и къ которымъ нельзя было *пригвоздить* Мономаха, уподобляются *горѣ Голговѣ*, въ концѣ XII в. привлекавшей къ себѣ вниманіе всего христіанскаго міра (крестов. походы), и что стихъ этотъ сочиненъ подъ вліяніемъ тропарей, посвященныхъ распятію Христову. Припомнимъ, что и паломники наши, въ-родѣ игумена Даніила, ставили у гроба Господня „кандило отъ всея Русскія земли". Подозрѣніе мое тѣмъ болѣе основательно, что въ описаніи Каяльской битвы и въ другихъ отдѣлахъ Слова явственно обнаруживаются фактическіе моменты, пріуроченные къ распятію Христа и его кончины: „въ пятокъ, къ полудню", землетрясеніе, распространеніе тьмы по всей землѣ, и т. д.—Самую-же былину о Всеславѣ авторъ Слова приводитъ съ тѣми легендарными атрибутами, какими надѣлила ее народная фантазія Полоцкой области (Лѣтоп. подъ 1092 г.), придерживаясь отчасти псалмопѣвца: „судиши, Боже, *людемъ* правотою"...

Всеславъ князь *людемъ* судяше...

Къ сонму языческихъ божествъ авторъ Слова присоединяетъ римскую богиню *Карну*, обокъ съ *Желей*. Карна помѣщена въ „Фастахъ" подъ 1-мъ числомъ іюньскихъ календъ („праздникъ *Карны*, Юноны, Марса, Непогоды"), съ обширнымъ объясненіемъ того самаго Овидія Назона, у коего авторъ Слова заимствовалъ модель ложа вел. князя Святослава. Царь Сна возлежалъ, въ истомѣ, на кровати *чернаго* дерева, Святославъ же лежалъ на кровати *тисовой*. У Овидія тисъ—символъ смерти, ибо *тисовая* аллея ведетъ въ могильные чертоги (Met., IV). Тисовый цвѣтъ (коричневый—въ переводѣ Виленск.

Арх. Ком.) нерѣдко попадается въ актахъ Зап. Россіи, а въ лѣтописи Суздальской редакціи мы читаемъ, что Игоревы полки были *„притиснуты* къ водѣ“, какъ Фараонъ *„притисну* жидовъ къ морю“ (Тв. лѣтоп. 90, ср. Лавр. 368, Ипат. 369). Имя „Карна (Carna)“ высѣчено на многихъ, обнаруженныхъ орхеологическими раскопками въ Италіи мраморныхъ доскахъ съ славяно-пелазгійскими надгробными эпитафіями (Врем. Моск. Общ. Ист. и Др , кн. 23). Такъ какъ Павзаній удостовѣряетъ (Соч , III, 15), что западная оконечность Греціи *Карна* или Акарнанія (по греческ. произнош.), есть *Крайна*, то полагаю, что въ Словѣ „Карна“, которую филологи основательно сближаютъ съ гл. *карити* (по мертвыхъ), олицетворяетъ *Украйну*, „много постонавшую“ и по случаю смерти Владиміра Глѣбовича Переяславскаго въ 1187 г. (Ипат. 439). Выводъ мой, независимо отъ обычнаго различія въ написаніи географическихъ именъ, напр. „Смоленьскъ“ и „Смолнескъ“ (Ипат. 292), Ладога и Aldigöburg или Aldenburg, славянск. Старгородъ (Гельмольдъ), и отъ подобнаго же измѣненія Словомъ собств. имени Лавра во Влура, - -

О, Влуръ свисну за рѣкою!..
Тогда Влуръ влъкомъ потече...

подтверждается стихами, указывающими раіоны, удрученые тоскою вслѣдствіе гибели Игорева ополченія,—княжества Кіевское, Черниговское, Переяславское и Новгородъ-Сѣверское. Олицетворенная Жля (желя), скакавшая по Русской землѣ и метавшая смагу въ пламенномъ рогѣ, очень похожа на Геллу (Helle), скакавшую на златорунномъ овнѣ въ Колхиду отъ своей жестокой мачехи и потонувшую въ Дарданелльскомъ проливѣ, прослывшемъ Геллеспонтомъ (Овидій). Нѣмецкая миѳологія принимаетъ Геллу за *богиню смерти*. „Желя“ считалась языческимъ обычаемъ: *„желя поганская“* (Ипат.), „по мертвыхъ *желѣютъ*“ (Измарагдъ). Владиміръ Мономахъ въ письмѣ къ Олегу выразился про свою овдовѣвшую сноху: „да сядетъ акы горлица на сусѣ древѣ *желѣючи*“. Въ образѣ скачущей Жли, въ плачѣ русскихъ женъ по погибшимъ мужьямъ можно подмѣтить черты практиковавшагося *сѣверянами* поминальнаго обряда тризны, позднѣйшіе остатки котораго порицаетъ Стоглавъ. Метаніе жара-смаги въ пламенномъ рогѣ не лишено связи съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на очевидцевъ затменіемъ солнца 1 Мая 1185 г.: „Изъ *рогъ* его яко угль *жаровъ* исхожаніе“ (Лавр. 376), или „яко огнь *жарящь* „исхожаше“ (Нов. IV, 16). Кромѣ того, повидимому, въ стихѣ о вступленіи Олега, въ дѣвственномъ обликѣ обиды (*дѣвою*) на Троянову землю мелькаетъ тѣнь Дѣвы (славянск. Девана, греч. Дѣва-Артемида). По Геродоту (кн. IV), кровожадные тавры приносили въ жертву ей потерпѣвшихъ кораблекрушеніе путниковъ. Божественной Дѣвѣ сооруженъ былъ храмъ близъ Корсуня (Херсонеса), на морскомъ берегу. Впрочемъ, стихъ

Вступил(ъ) *дѣвою* на землю Трояню...

означаетъ, что обида была тогда дѣвственною, еще не размахнувшеюся лебедиными крылами.—Къ названнымъ мною божествамъ примыкаютъ въ Словѣ: Стрибогъ, прародитель вѣтровъ, замѣненный позднѣе св. Духомъ (Голуб. кн.), Ярило или Яровитъ (Ярый-Туръ), соотвѣтствующій Марсу (Житіе Оттона Бамбергскаго), Лада или Ладо (Мѣховита, Кромеръ, Густынская лѣтоп., хорватскія и наши хороводныя пѣсни), греческая Лада, мать Лели и Полели, Кастора и Поллукса, по Густынской лѣтоп.—„божество женитвы и всякаго веселья“, въ народныхъ пѣсняхъ иногда Ладушка. По разсказу нашего лѣтописца, волхвы входили въ общеніе съ *пятью* богами (Ипат. 123).

При наступленіи третьяго дня Каяльской битвы и распространеніи мрака по Русской землѣ, съ погашеніемъ *четырехъ* солнечныхъ свѣтилъ,—участниковъ похода на половцевъ, тьмою поволоклись и молодые мѣсяцы, не участвовавшіе въ походѣ малолѣтніе сыновья Игоря Святославича: *Олегъ*—Цавелъ, 10 л. (род. 1175 г.), и *Святославъ*—Андреянъ, 8 л. (род. 1177 г., помолвл. въ 1187 съ дочерью Рюрика Ростисл Ярославой):

Кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ,
Черныя тучя съ моря идутъ,
Хотятъ прикрыти *четыре солнца*...

Темно бо бѣ въ третій день,—
Два солнца помѣркоста,
Оба багряная стълпа погасоста,
И съ нимъ — молодая мѣсяца
Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста...

Багряные столпы знаменуютъ ангельскій видъ (Лавр. 273). Въ столпы превращаются два второстепенныя солнца, спутники двухъ главныхъ солнцъ Игоря и Всеволода—Владиміръ Игоревичъ и Олегъ Святославичъ. Однажды на небѣ показались три солнца съ тремя *столпами* до земли (Ипат. 221). Молодые мѣсяцы, Олегъ и Святославъ, поволоклись тьмою не *съ ними*, а *„съ нимъ“, третьимъ днемъ* битвы. Какъ въ Словѣ, такъ и по разсказу лѣтописцевъ, на небѣ появлялись иногда четыре солнца. Въ 1203 г. „бяху *три солнца* на небѣ, на востоцѣ, а *четвертое* на западѣ“ (Тв. 293). *Четыре* солнца показались на небѣ въ 1277 г. (Никон. и Воскр.).

И такъ, солнечная стихія, концентрируясь въ Дажьбогѣ, Троянѣ и Хорсѣ, покрывающихъ собою личности выдающихся старыхъ князей, и распадаясь смотря по обстоятельствамъ, проникла въ натуру князей новой эпохи.—Солнечную природу „свѣтлыхъ“ князей можно наблюдать не только по былинамъ, похвальнымъ Словамъ, какъ напр. въ честь князей Бориса и Глѣба, „свѣтилъ присно сияющихъ“ (Юльск. Минея XII в.), но и по дипломатическимъ актамъ (Догов. X в. русск.

съ грек.), и по обычному уподобленію рожденія князей солнечному восходу (Ипат. 386), а кончины ихъ солнечному закату. Супруга Дмитрія Іоанновича надъ гробомъ его причитала: „*солнце* мое, рано заходиши... Народъ глаголаше: царь умре, *солнце* помрачается“... (Соф., т. VI, 108, 109, Воскрес., т. VIII, 58). Въ Сказаніи о Давидѣ Святославичѣ, внукѣ Ярослава I, и приведенныхъ мною въ Историч. изслѣд. Слова случаяхъ смерть князей поставляется въ непосредственную зависимость отъ затменій, когда солнце погибало „яко же въ распятіи Христовѣ“... Въ 1091 г., незадолго до смерти Рюрика Ростиславича (1092 г.) „солнце погибе, мало его оста, яко мѣсяцъ бысть“... Въ 1113 г. „бысть знаменье въ солнцѣ, проявляше Святополчю смерть“. Въ 1115 г. „погибе солнце... бысть яко мѣсяць... Въ се же лѣто преставися Олегъ Святославичъ“. Въ 1124 г. солнце затмилось при кончинѣ Василька и Володаря Ростиславичей, и т. д.

Авторъ Слова склоненъ одарять сверхъестественными свойствами и современныхъ ему князей. На грознаго Святослава Кіевскаго, который „изсушилъ потоки и болота“, а Кобяка исторгъ „яко вихрь“ изъ Лукоморскихъ трущобъ, онъ переноситъ Давидово обращеніе къ Богу: „Ты исторгъ еси источники и потоки, Ты изсушилъ еси рѣки“... (Псалтырь). Богъ же изсушилъ Іорданъ при переходѣ чрезъ него израильтянъ (Кн. Іисуса Навина).—Такъ устанавливается родство вел. князя Святослава съ производителемъ вѣтровъ Стрибогомъ. Ярославу Осмомыслу, иначе Осмородному (Изборн. Святосл. 1073 г.), отожествленному въ Словѣ съ *Октавіаномъ* Августомъ, „громовержцемъ“ у Горація, какъ въ повѣсти объ Александрѣ Невскомъ послѣдній отожествляется съ Веспасіаномъ, „иже бѣ плѣнилъ всю землю Іудейскую“ (Воскрес., т. VII, 146), онъ придаетъ богатырскую мощь, свойственную не то Перуну, не то Юпитеру и подражателю его Салмонею (Овидій), низвергать громады чрезъ облака, какъ Господь, помогая израильтянамъ въ борьбѣ съ царями Аморрейскими, низвергалъ на бѣжавшихъ враговъ каменныя глыбы съ небесъ (Кн. Іисуса Навина, гл. 10), и источать грозы по землямъ... Побѣдителю Волжскихъ болгаръ Всеволоду Суздальскому приписывается богатырская способность „раскропить Волгу веслами и вычерпать Донъ шеломами“...

Едва-ли справедливо упрекаютъ пастырей церкви въ интригахъ, направленныхъ къ изъятію изъ обращенія размножившихся списковъ Слова, переполненнаго символическими примѣтами волхвованія или лжепророчества, къ которымъ причислялись вороногай, куроликъ, сонъ страшенъ, ржаніе коня, шумъ травы, стрекотаніе сорокъ, текотъ дятла, вой волка, полазъ, наузы, и т. под. (ср. Второзак., гл. 18, Стоглавъ и др. пам.). Вѣдь оно чтитъ христіанскія святыни, благоговѣетъ предъ Божьимъ судомъ, беретъ за масштабъ нравственной оцѣнки дѣяній евангельскія истины, признаетъ за наперсными крестами — духовными мечами-напорзями, какъ лѣтописецъ, Четіи-Меніи и иные

памятники церковной письменности, чудесное качество невидимо сокрушать языческія полчища, въ томъ числѣ поганыхъ половцевъ, повергая ихъ въ дремоту. Остатки языческаго культа авторъ Слова заковалъ въ драгоцѣнную христіанскую оболочку, нисколько не нарушая основныхъ христіанскихъ догматовъ. „Это“, по словамъ Е. Пѣтухова, „было то своеобразное двоевѣріе, которое у однихъ выражалось въ одновременномъ поклоненіи иконамъ и какимъ-нибудь явленіямъ природы, а у другихъ, людей болѣе образованныхъ и книжныхъ, входило лишь въ сферу ихъ поэтическихъ вкусовъ и умственныхъ настроеній“ (Русск. литер. Древн. пер., 105).—Обожаніе свѣтлыхъ князей не шло въ разрѣзъ со взглядами греческаго духовенства, признававшаго, что царь властью сана равенъ Богу—„яко Богъ“ (Лавр. подъ 1175 г.). Духовенство само, для привлеченія своей паствы къ церкви, дѣлавшее уступки безвреднымъ обрядамъ языческаго происхожденія, не противорѣчившимъ каноническимъ правиламъ, не могло питать ненависти къ произведенію, хотя не входившему въ кругъ такъ наз. „благохвальныхъ пѣсенъ“, но направленному ко благу Руси и проникнутому благочестивымъ настроеніемъ. Оно могло лишь пренебрегать имъ и, какъ нынѣ историкъ церкви Голубинскій, не понявшій Слова, считать его автора посредственнымъ поэтомъ, (Ист. Русск. цер., т. I, пер. 1), а потому и воздерживаться отъ его переписки. Усердное прославленіе Словомъ Ольговичей не возмущало ли скорѣе Мономаховичей? Не они ли, Мономаховичи, повинны въ воздвигнутомъ гоненіи, если умѣстно говорить о немъ по отношенію къ Слову? Когда вел. князь Романъ Мстиславичъ, въ разгарѣ вражды съ Ольговичами, провѣдалъ о замыслѣ Игоревичей завладѣть Галичемъ, то изгналъ изъ Кіева ихъ „кормиличича“ (воспитателя), боярина Володислава, „невѣры (недовѣрія) ради“, ибо приверженная Игоревичамъ партія прославляла („славяху“) Игоревичей по почину Володислава. Гордый кормиличичъ переселился въ Галичъ и тамъ на свою бѣду произвольно вокняжился (Ипат. 481, 484, 487—489). Игоревичи возбудили такое противъ себя озлобленіе, что галичане повѣсили ихъ „яко злодѣевъ“, съ женами и дѣтьми, за убійство 500 бояръ, за что Всеволодъ Святославичъ Чермный изгналъ изъ Руси причастныхъ къ дикой расправѣ князей. Впрочемъ, предполагаемое уничтоженіе списковъ Слова о полку Игоревѣ не могло быть желательно во всѣхъ русскихъ областяхъ. Иначе не находили бы себѣ объясненія: нѣкоторое подражаніе ему въ Словѣ о погибели Русской земли (XIII в.), выписка изъ Слова о п. Игоревѣ (объ усобицахъ), сдѣланная въ 1307 г. игуменомъ Зосимой, почти буквальное воспроизведеніе очень многихъ его стиховъ въ „Задонщинѣ“ конца XIV в., написанной рязанцемъ Софоніемъ, (Тв. лѣтоп. 440), почему и называется въ древнѣйшемъ спискѣ XV в. „Повѣданіе Софоніи“, и позднѣйшія заимствованія изъ Слова, напр. въ лѣтописномъ повѣствованіи о битвѣ 1514 г. подъ Оршей московскаго войска съ литвою.

Слово о полку Игоревѣ, появившееся въ 1185—1186 г., составлено дружинникомъ, опытнымъ въ свиваніи славъ, многосвѣдущимъ, проницательнымъ, остроумнымъ, знакомымъ основательно съ славяно-русскою и греко-римскою письменностью, свѣтскою и духовною литературою, легендарно-апокрифическими источниками, древнѣйшими историческими повѣстями и сказаніями, богослужебными книгами, церковнымъ и народнымъ пѣснопѣніемъ. Продолжая донынѣ „жечь сердца людей“ и занимать ученыхъ, русскихъ и иностранныхъ (Рудольфъ Абихтъ и др.), оно весьма важно и по его *воспитательному* значенію. Авторъ, мысленно или въ дѣйствительности, сопровождая своего героя Игоря въ походѣ къ Тмуторокани, предпринятомъ не только „за землю Русскую“, но и съ тою цѣлью, чтобы, по примѣру Мономаха, „испить шеломомъ Дону“, неудовольствовался стенаніями по поводу потопленія „Ольгова хоробраго гнѣзда“, оплакиваніемъ утраченной Поросскими и Посульскими городами свободы, выпавшихъ на долю Руси лишеній и мукъ вслѣдствіе водворившихся въ ней чудовищныхъ неурядицъ. Изъ горячей преданности къ родинѣ, для отклоненія угрожавшей ей опасности разложенія, онъ своею вдохновенною повѣстью выдвигаетъ, въ назиданіе современникамъ, идею *единодержавія*, опирающагося на силы и разумъ всего русскаго народа. Ради этой идеи, завѣщанной ему предшественникомъ и учителемъ его Бояномъ въ той же неприкосновенности, въ какой завѣщалъ ее своимъ сыновьямъ Ярославъ „старый“, пѣвецъ смѣло бросаетъ укоры виновникамъ крамолъ, призывая доблестныхъ князей русскихъ къ защитѣ отчаго златого престола и земли Русской, не безъ ироническої лести ихъ самолюбію, съ прямымъ обвиненіемъ Рюрика и Давида Ростиславичей въ недостаткѣ энергіи и солидарности и въ разобщеніи доставшихся имъ по наслѣдству отъ Мономаха воинскихъ стяговъ:

Нъ *рози нося*, имъ, хоботы пашутъ копіа...,

т. е. когда ихъ разностятъ, имъ хвосты (чолковые) хлещутъ копья (непріятельскія). Порицая въ особенности крамольныхъ потомковъ Всеслава Полоцкаго, пѣвецъ въ пламенномъ воззваніи къ князьямъ не обошелъ самого Игоря, виновника потери Русью многихъ городовъ, такъ какъ солнечный свѣтъ потерпѣлъ ущербъ:

Нъ уже, *княже Игорю*,
Утрпѣ солнцю-свѣтъ...

Донъ *ти, княже*, кличетъ
И зоветъ князи на побѣду...

отплатить за пораженіе и кровавыя раны Игоревы дружнымъ натискомъ на половцевъ. Лѣтопись сообщаетъ о нѣсколькихъ послѣдующихъ походахъ къ Дону, въ которыхъ Игорь принималъ участіе (см. подъ

1191 г.). Провозглашаемый Словомъ, созрѣвшій въ сознаніи лучшихъ людей „стараго времени“ принципъ территоріальной сплоченности Русскаго государства, подъ властью великаго князя, содержится въ аллегорическомъ двустишіи Бояна, выражающемъ вожделѣніе—„хоть“ Ярославова сына Всеволода („Ярославля“), свѣтлаго Олегова государя („Олгова коганя“), послѣ того какъ Олегъ Святославичъ, тяготясь строгимъ за нимъ надзоромъ Всеволода Ярославича, бѣжалъ отъ него изъ Чернигова въ Тмуторокань, 10 апрѣля 1078 г., вслѣдъ за Борисомъ Вячеславичемъ, удалившимся туда къ воспѣтому Бояномъ Красному Роману Святославичу. Двинувшись изъ Тмуторокани съ половцами и Борисомъ Вячеславичемъ къ Чернигову, онъ нанесъ пораженіе Всеволоду Ярославичу при Сожицѣ 25 августа. Опечаленнаго Всеволода утѣшалъ Изяславъ Ярославовичъ, положившій за брата свой животъ на Нѣжатиной Нивѣ 3 октября того же года. Двустишіе, сочиненное не ранѣе 1078 года, въ концѣ котораго Всеволодъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ († 1093 г.), примѣнено авторомъ Слова къ разлукѣ Сѣверскаго княжества съ его главой, честолюбивымъ вождемъ, который позволилъ себѣ выступить изъ покорности великому князю Кіевскому и за то попалъ въ „желѣзныя путы“:

...Тяжко ти, головы, кромѣ плечю,
Зло ти, тѣлу, кромѣ головы,
— Русской земли безъ Игоря!

Авторъ Слова хорошо зналъ, что Русское государство создано народомъ и князьями, расширялось и укрѣплялось ихъ совокупными трудами. Оно отожествляется имъ съ человѣческимъ организмомъ. Безъ твердой поддержки всего коренного населенія верховная власть „*главы земли*—князя“ (Лавр. 361) не отвѣчаетъ своему призванію, а внѣ единодержавія русскому народу такъ же плохо, какъ человѣческому тѣлу, лишенному головы. Подобное сравненіе нѣкогда сдѣлалъ преторъ Эней Сильвій, порицая республику: „это тѣло безъ головы“. (Мураторій). А. Петрушевичъ замѣтилъ, что авторъ Слова порицаетъ удѣльную систему, обращавшую Русь въ федеративное государство изъ самостоятельныхъ княжествъ, связанныхъ господствомъ одного рода, вѣрою, языкомъ и національностью (Слово о полку Игоревѣ, стр. 29). Практическое осуществленіе ослабленной междоусобіями идеи единовластія вскорѣ наступило съ небывалымъ дотолѣ торжествомъ, благодаря Ярославу Осмомыслу, „удержавшему Галицкую землю *единою своею головою*“, (Ипат. 442). Подъ 1201 годомъ лѣтописецъ двукратно титулуетъ великаго князя Романа Мстиславича Волынскаго *самодержцемъ всей Русской земли*, ея царемъ (Ипат. стр. 179 и 536). Папа, „слышавъ, иже Романъ *всю Русь подъ себѣ приведе*, сла къ нему свой посолъ... обѣщавая ему королемъ въ Руси учинити“ (Радз. подъ 1205 г.). Такимъ образомъ, авторъ Слова сказы-

вается и геніальнымъ поэтомъ, и надежнымъ *наставникомъ*. У него можно съ успѣхомъ поучиться честному, неуклонному исполненію гражданскаго долга, уваженію чужихъ, не насиліемъ, захватомъ, или обманомъ, но наслѣдіемъ, надѣленіемъ, или наградой пріобрѣтенныхъ правъ, и умѣнью подавлять эгоистическія стремленія до самопожертвованія ради общаго блага. Нельзя также не признать достойнымъ усвоенія его трезвый взглядъ на устройство Русскаго государства.

Слово о полку Игоревѣ, для всесторонняго его разъясненія, требуетъ еще продолжительныхъ экскурсовъ филологическихъ и историко-археологическихъ. Однако, и при достигнутыхъ нами результатахъ, если отрѣшиться отъ несчастной привычки разрушать и перекраивать Мусинъ-Пушкинскій текстъ, воспитательное значеніе Слова, *въ цѣломъ его объемѣ*, не подлежитъ сомнѣнію. Передѣлки и сокращеніе Мусинъ-Пушкинскаго текста искалѣчиваютъ Слово и упраздняютъ истинный смыслъ подлинныхъ его стиховъ. Густой слой метафорическихъ и гиперболическихъ декорацій, покрывающій сцену земледѣльческихъ работъ, свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ, по исконнымъ дружиннымъ преданіямъ о подвигахъ воинскихъ, обоготвореніе излюбленныхъ князей по началамъ славяно-русской миѳологіи, космогоническая борьба свѣтлыхъ и темныхъ силъ, элементъ теологическій, не мѣшаютъ потоку историческихъ событій на всемъ протяженіи Слова протекать, хотя и извилисто, по естественному руслу. Въ прерывающихъ повѣствованіе воспоминаніяхъ Слово проводитъ здравыя сужденія, заключая въ себѣ поучительныя положенія нравственнаго и правового характера, пропитанныя библейскимъ духомъ покорности волѣ Божьей и любовью къ родинѣ. Призывая своихъ согражданъ и князей къ взаимной поддержкѣ и къ самоотверженной защитѣ Русской земли, Слово пробуждаетъ патріотическія чувства, придаетъ сердцу и уму національный закалъ. Изящное по внѣшности, богатое по содержанію, искусное по сжатой группировкѣ фактовъ, исходящее отъ геніальнаго книжника, чуткаго къ обидѣ своего отечества, повѣствованіе объ Игоревомъ походѣ наводитъ читателя на плодотворныя мысли. Оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушаетъ непреодолимое желаніе постигнуть всѣ тонкости замышленія и образный языкъ автора, а затѣмъ—доискаться пружинъ, двигавшихъ судьбами русскаго народа, вліявшихъ на самобытный укладъ его понятій и вѣрованій, разглядѣть поэтическую параллель между участью народовъ израильскаго въ ветхозавѣтное время и русскаго въ XI — XII в., прослѣдить по лѣтописнымъ хартіямъ процессъ зарожденія и постепеннаго развитія Русскаго государства, измѣненіе его раздвигавшихся границъ, причины, задерживавшія его преуспѣяніе, столкновеніе русичей съ сосѣдними народами цивилизованными и кочевыми варварами... Затѣйливое сочетаніе въ Словѣ дѣйствительности съ миѳомъ и загадочная его символика вызываютъ интересные, не легко разрѣшимые вопросы. Что, напримѣръ,

знаменуетъ плескъ лебедиными крылами въ Азовскомъ лукоморьѣ посѣтившей Троянову землю обиды?

Въсплескала лебедиными крылы
На синемъ морѣ, у Дону плещучи...

Лебедь почиталась у насъ символомъ не одного пѣнія, но и брачнаго союза, какъ свидѣтельствуютъ народная поэзія и Котошихинъ. Когда на свадебномъ пиру приносили къ столу „третью яству — *лебедя*", то тѣмъ самымъ подавался новобрачнымъ знакъ удаляться въ опочивальню (О Россіи въ царств. Алексѣя Мих., кн. 1). Брачное веселье сопровождалось подблюдными и величальными пѣснями" съ *плесканіемъ* въ честь божества Ладо (Правила Іоанна митр., Кромеръ, Густынская и Псковск. лѣтоп., Измарагдъ, изд. Яковлева, 63, 64), по обычаю, на которомъ останавливаются изслѣдователи народнаго быта, въ томъ числѣ Фаминцынъ (Скоморохи на Руси). Стоглавый соборъ 1551 г., постановилъ отлучать отъ церкви христіанъ, придерживавшихся еретическихъ обычаевъ „плесканія" и др. Приведенные стихи наглядно рисуютъ слишкомъ тѣсное, предательское сближеніе Олега Святославича, во второй половинѣ XI в., съ половецкими ордами. Предавшись или приложившись къ половцамъ (Поуч. Мономаха), наводя ихъ неоднократно на Русскую землю, онъ употреблялъ ихъ орудіемъ разрушенія и уничтоженія преградъ, препятствовавшихъ возстановленію его правъ на Черниговское княжество. Еще болѣе озлобило Олега Святославича заточеніе его на о. Родосъ въ 1079 г., гдѣ онъ прожилъ два года (Лавр. и Даніилъ паломн.). Возрастанію обиды соотвѣтствуетъ возрастаніе посѣянныхъ Олегомъ усобицъ. Въ Словѣ половецкія колымаги—„вежи" также уподобляются лебедямъ, бѣгущимъ съ распущенными крыльями:

Побѣгоша къ Дону Великому...
Рци — лебеди роспущени...

И такъ, въ составъ Слова о полку Игоревѣ, первоначально, кажется, соединеннаго съ пѣснью о походахъ многихъ давнихъ князей, но впослѣдствіи обособившагося изъ пѣсеннаго свода, вошли отрывки старыхъ, возникшихъ въ XI столѣтіи, и вновь назрѣвшія до исхода XII столѣтія, относящіяся къ наступленію Игоря Святославича на половецкую землю былины. Въ нихъ сочетаются и сливаются языческіе и христіанскіе мотивы. Всѣ онѣ, будучи продуктомъ національнаго самосознанія, проникнуты одною творческою мыслью и тяготѣютъ къ гнойной язвѣ, которую причинили Русской землѣ княжескіе раздоры, обезсиливавшіе ее и облегчавшіе литовскія и половецкія опустошительныя вторженія въ ея предѣлы. Наиболѣе талантливымъ и свѣдущимъ представителемъ русскаго героическаго эпоса, съ первой

половины XI в. по крайней мѣрѣ до второго десятилѣтія XII столѣтія, слылъ высокопарный и вѣщій пѣснотворецъ Боянъ, соловей стараго времени (какъ Еврипидъ прозвалъ Гомера). Связующимъ звѣномъ стараго и новаго времени является свѣтлая личность Владиміра Мономаха. Кое-какія пѣсни по новымъ былинамъ, примыкающимъ къ походу Игоря, принадлежатъ, вѣроятно, иниціативѣ мѣстныхъ дружинныхъ пѣснотворцовъ, въ княжествахъ, подвластныхъ вел. князю Кіевскому и скрѣпленныхъ политическими узами съ Новгородъ-Сѣверскимъ княжествомъ. О дружинныхъ пѣсняхъ мы можемъ судить по занесеннымъ въ лѣтописи краткимъ изъ нихъ извлеченіямъ и вошедшимъ въ Слово Бояновымъ стихамъ. Авторъ Слова, исполненный духа Давидовыхъ псалмовъ и евангельской проповѣди, извѣдавшій книжную премудрость, народныя преданія, вѣрованія и поэзію, пользуясь готовыми образцами славныхъ дружинныхъ, церковныхъ и обрядовыхъ пѣсенъ и агіографической литературой, обобщилъ славяно-русскимъ языкомъ отчасти старый и цѣликомъ новый пѣсенный матеріалъ, вызванный къ жизни походомъ Игоря Святославича, съ оригинальными своими добавленіями, и сомкнулъ все это въ героическую поэму, настроивъ свои гусли на элегическій тонъ. Онъ развернулъ въ орошенныхъ слезами, иногда смѣшанными съ шуткой, и освѣщенныхъ лучами тресвѣтлаго солнца чудныхъ картинахъ судьбу сѣверной и южной Руси съ начала XI почти до исхода XII столѣтій. Онъ согрѣлъ свою правдивую повѣсть огнемъ патріотизма, вложилъ въ нее христіанскую мораль и приспособилъ къ ней лучшія традиціи языческаго культа. Онъ задушевными стихами поддержалъ завѣтную, взлелѣянную Бояномъ идею нераздѣльности Русскаго государства подъ охраной единодержавія и смѣло призвалъ кого слѣдовало къ неусыпному блюденію народнаго блага и златого Ярославова престола, соединивъ въ мысленномъ древѣ землю Русскую съ небеснымъ сводомъ, какъ божественный храмъ вѣнчается куполомъ. Солнечныя свойства Дажьбога, Трояна и Хорса онъ воплотилъ въ достопамятныхъ русскихъ князьяхъ, перваго во Владимірѣ Святославичѣ, второго въ личностяхъ трехъ братьевъ, Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичей, а послѣдняго въ великомъ страдальцѣ за Русскую землю Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ, параллельно выдвинувъ русскихъ-же боговъ Велеса, Стрибога и классическихъ богинь Карну, Геллу и Ладу. По наслѣдству доля солнечныхъ свойствъ досталась доблестному герою Игорю Святославичу, кровному (чрезъ Святослава Ярославича) потомку Дажьбожьяго внука Трояна, и участвовавшимъ въ походѣ 1185 г. князьямъ. Авторъ Слова могъ-бы съ полнымъ правомъ примѣнить къ себѣ сказанное Даніиломъ заточникомъ, проливавшимъ „тучи художества на землю“, о „*славѣ своей* въ Псалтыри и гусляхъ“

Изъ всего сказаннаго мною вытекаетъ, что Слово о полку Игоревѣ, которымъ мы гордимся, какъ величайшимъ памятникомъ древнерусскаго эпоса, достойно, благодаря своему литературному, научному

и воспитательному значенію, вящшаго изученія, самаго кропотливаго и настойчиваго обслѣдованія деталей, по всестороннемъ соображеніи его съ источниками, безъ уклоненія отъ Мусинъ-Пушкинскаго текста, и болѣе искуснаго и согласнаго съ нимъ перевода, чѣмъ въ многочисленныхъ комментаріяхъ, характеристикахъ, прозаическихъ и стихотворныхъ изложеніяхъ и переложеніяхъ. Ни одно изъ этихъ изложеній и переложеній, не исключая лучшихъ изъ нихъ, напр. Тихонравова, Огоновскаго, Гербеля и Майкова, нельзя признать передающимъ удовлетворительно *все* содержаніе памятника. Само собою разумѣется, что такія изданія, какъ выпущенныя подъ редакціей Чудинова, Никольскаго и Григорьева, не могутъ принести желаемой пользы. Составители-же учебниковъ др. русской литературы обыкновенно въ краткихъ замѣткахъ о Словѣ повторяютъ ошибки лицъ, спеціально его изучавшихъ, но превратно его толковавшихъ. Таково, напр., сужденіе М. Павловича, будто-бы „авторъ Слова слишкомъ мало проникся христіанскими понятіями“ (Учебн. ист. др.-русск. литер.). Нельзя сказать того-же о такомъ научномъ обзорѣ др.-русской литературы, какъ сдѣланный проф. Е. Пѣтуховымъ, проводящимъ правильный взглядъ на творчество автора повѣсти (Русск. литер., стр. 104, 105 и др.).

Предлагаемый мною переводъ Слова, съ необходимыми примѣчаніями, дополняющими мои предварительныя объясненія, я посильно старался обработать столь тщательно, чтобы онъ устранялъ обманчивое представленіе читателя о смыслѣ тѣхъ или иныхъ стиховъ подлинника, переданнаго мною безъ нарушенія его оригинальнаго склада, съ удержаніемъ притомъ, гдѣ позволялъ современный языкъ, его грамматическихъ и вездѣ—его стилистическихъ формъ. Припѣвы Слова мною наглядно оттѣнены. По моему переводу легко упорядочить печатный Мусинъ-Пушкинскій текстъ. Разлагая переводный текстъ на стихи, соразмѣрно музыкально-ритмической природѣ пѣсни, я позаботился о томъ, чтобы переводъ, соотвѣтствуя, насколько возможно, подлиннику, не вызывалъ какихъ-либо сомнѣній. Для образчика приведу, по своему дѣленію Мусинъ-Пушкинскаго текста, донынѣ никѣмъ правильно не прочитанные стихи, которые считаютъ совершенно испорченными, въ дѣйствительности-же неповрежденные и довольно понятные:

Рекъ Боянъ
И ходы на Святъславля...,
Ярославля, Ольгова коганя, хот(ь),
И—„тяжко ти, головы, кромѣ плечю,
Зло ти, тѣлу, кромѣ головы“...

Нѣкоторые древне-русскіе термины и выраженія, слишкомъ туго поддающіеся точному переводу, я помѣстилъ рядомъ съ переводными.

Пробѣлы, обусловливающіеся лаконизмомъ рѣчи, свойственнымъ пѣсенному творчеству, мною осторожно заполнены пояснительными вставками въ скобкахъ. Для бо́льшаго удобства чтенія я разбилъ Слово на 14 отдѣловъ, добавивъ два отдѣла къ принятому, по совѣту Сахарова, дѣленію на 12 отдѣловъ, несовсѣмъ-то кстати названныхъ у Гербеля *пѣснями*.

Несмотря на то, что мое Историческое изслѣдованіе Слова удостоилось, въ 1894 г., почетнаго отзыва Академіи Наукъ, я и послѣ того продолжалъ свои изысканія, по окончаніи которыхъ мнѣ пришлось нѣсколько измѣнить свои первоначальные выводы. Новый переводъ Слова согласованъ съ этими измѣненіями.

Дѣйств. чл. **А. Лонгиновъ.**

СЛОВО

объ ополченіи Игоревомъ, Игоря, сына Святославова, внука Олегова.

I.

Не хорошо ли намъ было, братія,
Начать старыми словесами повѣстей про (боевые) труды (1)
(Повѣсть) объ ополченіи Игоревомъ,
Игоря Святославича?

Начаться же той пѣснѣ по былинамъ сего времени,
А не по замышленію Боянову!

Боянъ вѣдь вѣщій
Если кому хотѣлъ пѣснь творить,
То растѣчался мыслію по древу:
Сѣрымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.

Помнилъ борецъ прежнихъ временъ усобицы.
Тогда пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей;
Который (соколъ) достигалъ (лебеди),
Та впередъ пѣснь пѣла:
Старому Ярославу, храброму Мстиславу,
Который зарѣзалъ Редедю предъ полками касожскими,
Красному Роману Святославичу...

Боянъ же, братія,
Не десять соколовъ на стадо лебедей пускалъ,
Но свои вѣщіе персты на живыя струны возлагалъ,
Онѣ же сами князьямъ славу рокотали...

Почнемъ же, братія,
Повѣсть сію отъ стараго Владиміра
До нынѣшняго Игоря,
Который затянулъ (2) умъ твердостію своею
И поощрилъ сердце свое мужествомъ,
Исполнившись ратнаго духа,
Навелъ свои храбрые полки
На землю Половецкую
За землю Русскую.

II.

Тогда Игорь воззрѣлъ на свѣтлое солнце
И увидѣлъ отъ него тьмою
Всѣхъ своихъ воиновъ прикрытыми.
И сказалъ Игорь дружинѣ своей:
„Братія и дружина!
Лучше-жъ бы порублену быть,
Неже-ль полонену быть;
Такъ возсядемъ, братія,
На своихъ борзыхъ коней;
Да (свершится),—позримъ синяго Дона!“

Опалила (3) князю умъ за вожделѣніемъ (4) и жалость,
(Оттого что) ему знаменіе (путь) заступило
Испробовать Дона великаго.
„Хочу вѣдь (непремѣнно)“, сказалъ,
„Копье преломить въ концѣ Поля половецкаго
(Вмѣстѣ) съ вами, русичи,
Хочу голову свою преложить,
А-либо испить шеломомъ Дона!“

О, Боянъ, соловей стараго времени!
Ка-бы ты сіи полки улоскоталъ,
Скача, славій, по мысленному древу,—
Летая умомъ подъ облаками,
Свивая славы по обѣ стороны сего времени,
Рыща въ тропу Троянову, чрезъ поля на горы!

Пѣть было пѣснь Игорю, того потомку:
„Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія!..“

Или (иначе) запѣть было,
Вѣщій Боянъ, Велесовъ потомокъ:
„Кони ржутъ за Сулою,
Звенитъ слава въ Кіевѣ?!.“
Трубы трубятъ въ Новгородѣ (Сѣверскомъ),
Стоятъ стяги въ Путивлѣ...

Игорь ждетъ милаго брата Всеволода...
И сказалъ ему: „Буй-туръ Всеволодъ!
Одинъ братъ, одинъ свѣтъ-свѣтлый ты Игорю;
Оба мы—Святославичи;
Сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней,
А мои-те готовы, осѣдланы у Курска напередъ;
А мои-те куряне—свѣдущіе товарищи-кмети:
Подъ трубами повиты,
Подъ шеломами взлелѣяны,

Съ конца копья вскормлены,
Пути имъ вѣдомы, овраги имъ знаемы,
Луки у нихъ напряжены,
Колчаны отворены, сабли выострены;
Сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ,
Ищучи себѣ чести, а князю славы".

Тогда вступилъ Игорь князь въ златой стремень
И поѣхалъ по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заступало,
Ночь, стонущи ему грозою, птицъ пробудила;
Свистъ звѣрскій поднялся, (ихъ) сплотилъ;
Дивъ кличетъ вверху древа,
Велитъ послушаться народу-землѣ незнаемому:
Волгѣ, и Поморію, и Посулію,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебѣ, Тмутороканскій болванъ! (5).

А половцы неуготованными дорогами
Побѣжали къ Дону великому.
Скрипятъ-кричатъ телѣги въ полуночи,
Молъ—лебеди, распустившія крылья.

Игорь къ Дону воиновъ ведетъ.
Уже вѣдь (вкушеніемъ) бѣды его (Дивъ) пасетъ птицъ.
Подобно волки грозу снаряжаютъ (6) по оврагамъ;
Орлы, клектомъ, на кости звѣрей зовутъ,
Лисицы брешутъ на червленые щиты...
О, Русскій народъ-земля,
Уже за возвышеніемъ ты!

Глубокая ночь помрачается...
Заря свѣтъ запалила. Мгла поля покрыла.
Лоскотъ соловьиный уснулъ, говоръ галицъ пробудился...
Русичи великія поля червленными щитами перегородили,
Ищучи себѣ чести, а князю славы.

III.

Съизрана въ пятокъ (7) помяли-потоптали (русичи)
Поганые полки половецкіе
И, разсыпавшись стрѣлами по-полю,
Помчали красныхъ дѣвокъ половецкихъ,
А съ ними и злато, и паволоки,
И дорогіе оксамиты.

Мѣшками (8), и епанчами, и кожухами,
Начали мосты мостить

По болотамъ и топкимъ мѣстамъ,
—И всякими прелестями половецкими...

Червленый стягъ, бѣлая хоругвь,
Червленая чолка, серебряный стержень
(Достались) храброму Святославичу!

Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо;
Далече залетѣло!
Не было оно (на жертву) обидѣ порождено,
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебѣ (на жертву), черный воронъ, поганый половчанинъ!

Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
Кончакъ ему слѣдъ направляетъ къ Дону великому.

Другого дни, весьма рано,
Кровавыя зори свѣтъ возвѣщаютъ;
Черныя тучи съ моря идутъ,
—Хотятъ прикрыть четыре солнца,
А въ нихъ трепещутъ синія молніи.
Быть грому великому,
Идти дождю стрѣлами съ Дона великаго.
Тутъ копьямъ преламаться,
Тутъ саблямъ покрошиться о шеломы половецкіе,
На рѣкѣ на Каялѣ, у Дона великаго!

О, Русскій народъ-земля,
Уже не возвышаешься ты!

Вотъ вѣтры, Стрибожьи внуки,
Вѣютъ съ моря стрѣлами
На храбрые полки Игоревы.
Земля грохочетъ, рѣки мутно текутъ,
Прахъ и пыль поля прикрываютъ;—
Стяги глаголютъ: половцы идутъ
Отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ сторонъ;
Русскіе полки пришли въ изступленіе.

Дѣти бѣсовы кликомъ поля перегородили,
А храбрые русичи (поля) преградили червленными щитами.

Ярый-туръ Всеволодъ!
Стоѣкъ (ты) на оборонѣ:
Прыщешь на (вражьихъ) воиновъ стрѣлами,
Гремишь о шеломы мечами булатными...

Куда туръ (ни) поскакалъ,
Своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая,
Тамъ лежатъ поганыя головы половецкія.

Расщепаны саблями калеными
Шеломы аварскіе чрезъ тебя,
Ярый туръ Всеволодъ!

(Столь увлекся онъ),
Кàя раны, дорогая братія,
Забывъ (нещадно) честь и жизнь,
И городъ Черниговъ, отчій златой престолъ,
И своей милой вожделѣнной,
Красавицы Глѣбовны звычай и обычай!

IV.

Были годы-вѣкà Трояновы;
— Миновали лѣтà Ярославовы;
Были ополченія Олеговы,
Олега Святославича.
Тотъ вѣдь Олегъ мечомъ крамолу ковалъ
И стрѣлы по землѣ сѣялъ...
(Какъ) ступаетъ (бывало) въ златой стремень
Въ городѣ Тмуторокани,
То,—если звонъ слышалъ давній
(Князь) великій Ярославъ,—
Сынъ Всеволодовъ знать Владиміръ (отъ звона)
По всѣмъ утрàмъ уши закладывалъ въ Черниговѣ...

Бориса-же Вячеславича
Слава на судъ (Божій) привела и на Кàнину,
—Зеленую полость (9) постлала (ему)
За обиду Олегову,—
Храбраго и молодого князя.

Съ той-же кàялы Святополкъ
Повелѣлъ (свезти) тестя-отца своего,
Между Угорскими иноходцами, (10)
Къ святой Софіи, къ Кіеву...

Тогда, при Олегѣ Гориславичѣ,
Сѣялось и выростало усобицами,
Погибала пажить Даждьбожьяго внука (Трояна);
Въ княжьихъ крамолахъ
Вѣкà человѣческіе сократились...

Тогда по Русской землѣ
Рѣдко пахари хныкали,
Но часто вороны каркали,
Трупы себѣ дѣлячи,
А галицы свою рѣчь говорили:—
„Хотятъ полетѣть на съѣстную поживу“.

V.

То было въ тѣ рати и въ тѣ ополченія,
А сякòй рати не слыхано:
Съизрана до вечера, съ вечера до свѣта,
Летятъ стрѣлы каленыя,
Гремятъ сабли о шеломы,
Трещатъ копья булатныя,
Въ Полѣ незнàемомъ,
Среди земли Половецкой.

Черная почва подъ копытами
Костьми была посѣяна, а кровію полита;
Кручиной взошли (онѣ) по Русской землѣ...
Что̀ мнѣ шумитъ, что̀ мнѣ звенитъ
Давеча рано предъ зорями?..
Игорь полки заворачиваетъ...
Жаль вѣдь сму милаго брата Всеволода!

Бились день, бились другой (день),
Третьяго дни къ полудню
Пали стяги Игоревы.
Тутъ два брата разлучились
На берегу быстрой Каялы;
Тутъ кроваваго вина не достало,
Тутъ пиръ докончили храбрые русичи,
Сватовъ (11) попоили, а сами полегли
За землю Русскую.
Никнетъ трава отъ жалостей,
А древо отъ кручины къ землѣ преклонилось.

VI.

Уже вѣдь, братія, не веселая пора поднялась:
Уже пустыня (воинскую) силу прикрыла.

Возстала обида въ силахъ Даждьбожьяго внука.

— Вступилъ (Олегъ) въ (ея) дѣвствѣ
На землю Троянову;—
Заплескала лебедиными крылами,
На синемъ морѣ, у Дона плещучи...
Пробудились обильныя времена усобицъ,
А князей (побужденіе возстать) на поганыхъ погибло.

Сказывали вѣдь братъ брату:
„Сіе—мое, а то̀—мое-же“,
И начали князья из-за малаго—

„Сіе есть великое (нарушеніе)“, молвить,
А сами на себя крамолу ковать...
А поганые со всѣхъ сторонъ
Приходили (съ) побѣдами на землю Русскую...

О, далече зашелъ соколъ, птицъ бья,—къ морю!
Ахъ, Игорева храбраго ополченія не воскресить!

По немъ завопила (Украинская) Карна,
И (отчаянная) Желя поскакала по Русской землѣ,
Жаръ-смагу мыкаючи въ пламенномъ рогѣ (12).

Жены русскія всплакнули, такъ сказывая:
„Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
Ни мыслію вымыслить,
Ни думою выдумать, ни очами выглядѣть,
А злата и серебра (13) ни мало того не потрепàть!“

Такъ опять застоналъ вѣдь, братія,
Кіевъ отъ кручины,
А Черниговъ отъ напастей;
Тоска разлилась по Русской землѣ;
Печаль обильная течетъ средь земли Русской!..
Знать князья сами на себя (14) крамолу ковали,
А поганые сами (по себѣ),
Съ побѣдами нарыщучи на Русскую землю,
Взимали дань по бѣлкѣ отъ двора...

Тѣ вѣдь два храбрые Святославичи,
Игорь и Всеволодъ, уже лживую тварь пробудили,
Которую-то было усыпилъ отецъ изъ Святославъ,
(Князь) грозный, великій Кіевскій.

(Точно) грозою (онъ) было въ трепетъ (ее) привелъ
Своими сильными полками и булатными мечами...
Наступилъ на землю Половецкую,
Притопталъ холмы и овраги,
Взмутилъ рѣки и озера,
Изсушилъ потоки и болота,
А поганаго Кобяка изъ луки-моря.
Отъ желѣзныхъ, великихъ полковъ половецкихъ,
Какъ вихрь, исторгнулъ...
И упалъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ,
Въ гридницѣ Святославовой!

Тутъ нѣмцы и венедцы (15),
Тутъ греки и мараване,
Поютъ славу Святославову,
Каютъ князя Игоря,

Потому что погрузилъ обиліе-жиръ
Во днѣ Каялы, рѣки половецкой,
—Русскаго злата насыпавшаго.
Тутъ Игорь князь высадился
Изъ сѣдла златого знать въ сѣдло кочевниково.
Уныли вѣдь городовъ (стѣнные) заборы,
А веселіе поникло.

VII.

Такъ (недаромъ) Святославъ смутный сонъ видѣлъ
Въ Кіевѣ на горахъ.
„Сею ночью съ вечера
Одѣвалъ я темя“, сказалъ (онъ),
„Черною полостію на кровати тисовой;
Черпали мнѣ синее вино,
Съ (боевымъ) трудомъ смѣшанное;
Сыпали мнѣ пустыми колчанами поганыхъ толкуновъ
Великій жемчугъ на лоно...
И тѣшатъ-нѣжатъ меня...
Уже доски (очутились) безъ князька
Въ моемъ теремѣ златоверхомъ...

Всю ночь съ вечера
Бѣсовы вороны каркали
У Плѣсенска на болони, (16)
Бѣша дебрь Кисанову...
И (будто) не пошлю (полки) къ синему морю“...

И сказали бояре князю:
„Уже, князь, кручина умъ полонила;
Вотъ вѣдь—два сокола слетѣли
Съ отчаго престола златого
Добывать города Тмутороканя,
А-либо испить шеломомъ Дона.
Уже соколамъ крыльца подсѣкли-припѣшили
Саблями поганыхъ,
А самихъ, опустошивъ,
(Увязали) въ путы желѣзныя...

Темно вѣдь было въ третій день:
Два солнца померкли,
Оба багряные столпы погасли,
И съ нимъ (третьимъ днемъ) молодые мѣсяцы,
Олегъ и Святославъ, тьмою поволоклись...

На рѣкѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла;
По Русской землѣ простерлись половцы, какъ паръ...

— Дюжее (17) гнѣздо они (два сокола) въ морѣ погрузили,—
И великую смѣлость (она) подаетъ хиновѣ.
Уже снеслась хула на хвалу,
Уже грянуло принужденіе на свободу,
Уже бросился Дивъ на землю...

Вотъ вѣдь—готскія красныя дѣвы
Запѣли на берегу синяго моря,
Звоня русскимъ златомъ;
Поютъ (онѣ) время Бусово,
Лелѣютъ месть Шароканеву...
А мы уже, дружинники, жаждемъ веселія!"

VIII.

Тогда великій (князь) Святославъ
Выронилъ златое слово,
(Со) слезами смѣшанное, и сказалъ:
„О, мои племянники!
(О) Игорь и Всеволодъ!
Рано стало быть начали вы
Половецкую землю мечами тревожить,
А себѣ славы искать.

Но (вообще вы) не честно одолѣли,
Не честно вѣдь кровь поганую пролили.
Ваши храбрыя сердца
Въ упорномъ булатѣ скованы,
А въ отвагѣ закалены;
Сіе (не на позоръ) ли сотворили вы
Моей серебряной сѣдинѣ?!

Ахъ, уже не вижу волости сильнаго, и богатаго,
И многовойнаго брата моего Ярослава,
Съ Черниговскими обывателями-былями:
Съ могутами, и съ татранами,
И съ шельбирами, и съ топчаками,
И съ ревугами, и съ ольберами...
Тѣ вѣдь безъ щитовъ, съ засапожными ножами,
Кликомъ (вражьи) полки побѣждаютъ,
Звоня въ прадѣдную славу.

Но сказали вы: мужаемся сами,
Переднюю славу сами похитимъ,
А (на) заднюю (славу) сами подѣлимся!"

А-ль диво, братія,
Старому помолодиться?

Коли соколъ (вылазитъ) въ мытяхъ бываетъ,
(То) высоко птицъ взбиваетъ,
Не даетъ гнѣзда своего въ обиду.

Но вотъ что плохо, князь мой,—(18) безпомощность;
Наизнанку годы оборотились;
Вотъ: „(скорѣе) въ Римъ!“
Кричатъ подъ саблями половецкими,
А Владиміръ (кричитъ) подъ ранами...
Горе и тоска сыну Глѣбову!

IX.

Великій князь (Суздальскій) Всеволодъ!
Не мыслію (подобаетъ) тебѣ прелетѣть издалеча
Отчій златой престолъ поблюсти.
Ты вѣдь можешь Волгу веслами раскропить,
А Донъ шеломами вылить.
Ка-бы ты былъ (здѣсь),
То была-бы невольница по ногатѣ,
А кочевникъ (былъ-бы) по рѣзану.

Ты вѣдь можешь по-сушѣ
Живыми сѣроширами стрѣлять,—
Удалыми сынами Глѣбовыми!

Ты, отважный Рюрикъ, и (ты отважный) Давидъ!
Не у васъ-ли (съ) злаченными шеломами
По крови плавали?
Не у васъ-ли храбрые дружинники
Рычатъ, какъ туры, раненные саблями каленными,
На Полѣ незнаемомъ?
Вступите, господа, въ златой знать стремень
За обиду сего времени,
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Отважнаго Святославича!

Галицкій Осмомыслъ Ярославъ!
Высоко сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ;
Подпеpъ горы Угорскія своими желѣзными полками,
Заступивъ королю (Белѣ) путь,
Затворилъ къ Дунаю ворота,
Меча (громадныя) тяжести чрезъ облака,
Суды отправляя-рядя до Дуная.

Грозы твои по землямъ разражаются-текутъ;
Отворяешь Кіеву ворота;

Стрѣляешь съ отчаго златого престола
Салтановъ за землями...
Стрѣляй, господинъ, Кончака,
Поганаго кочевника,
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Отважнаго Святославича!

А ты, отважный Романъ, и (ты отважный) Мстиславъ?! (19).
Храбрая мысль носитъ (сущій въ) васъ (20) умъ на дѣло.
Высоко плаваешь, (порываясь) на дѣло, въ отвагѣ,
Какъ соколъ (плаваетъ), на вѣтрахъ ширяясь,
Хотя птицу, въ смѣлости, одолѣть.

Существуютъ вѣдь у васъ желѣзные наперсники-папорзи
Подъ шеломами латинскими;
Тѣми грянулъ (Русскій) народъ-земля,
И многія страны: хинова (21), литва, ятвяги,
— Дремлюга (22) и половцы,—
Сулицы свои повергли, а головы свои наклонили
Подъ тѣ мечи булатные.
Но уже (свершилось), князь Игорь!
Потерпѣлъ (ущербъ) солнечный свѣтъ,
А древо не съ добра листву сронило:
По Роси и по Сулѣ (половцы) города подѣлили...
Ахъ, Игорева храбраго ополченія не воскресить!

Донъ къ тебѣ, князь, вопіетъ
И зоветъ князей на побѣду.
Ольговичи, храбрые князья, подоспѣли на брань...

Ингварь и Всеволодъ,
И всѣ три (брата) Мстиславичи! (23)
Не худого гнѣзда шестикрыльцы,
Не побѣдными жребіями себѣ волости расхитили!
Для чего ваши златые шеломы,
И сулицы ляшскія, и щиты?
Загородите Полю ворота
Своими острыми стрѣлами
За землю Русскую,
За раны Игоревы,
Отважнаго Святославича!

X.

Уже вѣдь Сула не течетъ серебряными струями
Къ городу Переяславлю,
И Двина болотомъ течетъ

(Къ) онымъ грознымъ полочанамъ
Подъ кликомъ поганыхъ...

Единый же Изяславъ, сынъ Васильковъ,
Позвонилъ своими острыми мечами
О шеломы литовскіе...
Пришлепалъ славу дѣду своему Всеславу,
А самъ, (лежа) подъ червленными щитами
На кровавой травѣ;
Пришлепанный литовскими мечами,
Онъ съ вожделѣнною (славою)
На (смертную) кровать, и сказалъ:
„Дружину твою, князь,
Птицъ крылья пріодѣли,
А звѣри кровь полизали!“...

Не было тутъ брата—Брячислава,
Ни другого (брата)—Всеволода;
Единый же выронилъ жемчужную душу
Изъ храбраго тѣла чрезъ златое ожереліе...
Уныли (пѣсенные) голоса, поникло веселіе;
Трубы трубятъ Городенскія... (24)

Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы! (25)
Уже (довольно), понизьте стяги свои,
Вонзите (въ ножны) свои мечи поврежденные,
Уже вѣдь вы скакнули изъ дѣдной славы!
Вы вѣдь своими крамолами
Начали наводить поганыхъ
На землю Русскую,
На пажить Всеславову...

Какое вѣдь было насиліе
Отъ народа-земли Половецкаго
На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ?!

XI.

Бросилъ Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любую.
Тотъ кривулями-клюками подперся о конъ (26),
И выскочилъ къ городу Кіеву,
И доткнулся стержнемъ (хоругви)
Златого престола Кіевскаго...

Скакнулъ отъ нихъ (кіевлянъ) лютымъ звѣремъ
Въ полуночи изъ Бѣлгорода,
Повисъ въ синемъ туманѣ...

Утромъ-же вдолбилъ колотыри-стрикусы,
Отворилъ ворота Новгороду (Великому),
Разшибъ славу Ярославу...

Скакнулъ волкомъ до Немиги съ Дудутокъ...
На Немигѣ снопы стелютъ мертвецами,
Молотятъ цѣпами булатными,
На току (гумнѣ) животъ кладутъ,
Вѣютъ душу отъ тѣла.
Немиги кровавые берега
Не добромъ были посѣяны,
(Были) посѣяны костьми русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людямъ судилъ,
Князьямъ города распредѣлялъ-рядилъ (27),
А самъ ночью волкомъ рыскалъ;
Изъ Кіева дорыскалъ до куръ (до) Тмутороканя;
Великому Хорсу волкомъ путь перерыскалъ...

Тому (Хорсу) въ Полоцкѣ позвонили
Заутренюю рано, у святой Софіи въ колоколѣ,
А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ...
Если и вѣщая душа (была) въ другомъ (его) тѣлѣ,
Но часто отъ бѣды страдала.

Тому (Всеславу) вѣщій Боянъ и впервые
Припѣвку смышленый изрекъ:
„Ни хитрому, ни гораздому,
Ни (съ) птицу гораздому,
Суда Божьяго не миновать“.

О, стонать Русскому народу-землѣ,
Помянувши прежнюю пору (усобицъ)
И прежнихъ (крамольныхъ) князей!

Того стараго Владиміра
Нельзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ...
Сего вѣдь нынѣ стали стяги
(Одни) Рюриковы, а другіе Давидовы;
Но, коль ихъ разносятъ, (28)
Имъ хвосты-чолки хлещутъ (вражьи) копья (29).
(Дѣвицы) поютъ на Дунаѣ.

XII.

Ярославнынъ голосъ слышится.
Кукушкой-зегзицей нивѣсть-рано (30) она хнычетъ:
„Полечу“, сказала, „кукушкой по Дунаю,
Омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ,

Утру князю кровавыя его раны
На упорномъ его тѣлѣ“!

Ярославна рано плачетъ
Въ Путивлѣ, на (стѣнномъ) заборѣ,
Такъ сказывая:

„О, вѣтеръ-вѣтрило!
Кчему, господинъ, насильно вѣешь?
Кчему мыкаешь хиновскія стрѣлки,
На своихъ безмятежныхъ крыльцахъ,
На моей лады воиновъ?
Мало-ли тебѣ было высей-горъ (31) подъ облаками вѣять,
Лелѣючи корабли на синемъ морѣ?
Кчему, господинъ, мое веселіе по ковылію развѣялъ?!“

Ярославна рано плачетъ
Въ Путивлѣ городѣ, на (стѣнномъ) заборѣ,
Такъ сказывая:

„О, Днѣпръ-словутичъ!
Ты пробилъ стало быть каменныя горы
Сквозь землю Половецкую,
Ты лелѣялъ стало быть на себѣ Святославовы насады
До ополченія Кобякова;
Взлелѣй, господинъ, мою ладу ко мнѣ,
Дабы я не слала къ нему слезъ на море рано!“

Ярославна рано плачетъ
Въ Путивлѣ, на (стѣнномъ) заборѣ,
Такъ сказывая:

„Свѣтлое и тресвѣтлое солнце!
Всѣмъ (людямъ) ты тепло̀ и красно̀;
Кчему, господинъ, простерло горячій свою лучъ
На (моей) лады воиновъ?
Въ полѣ безводномъ
Жаждой имъ луки сомкнуло-сопрягло,
Кручиной имъ колчаны заткнуло?!“

XIII.

Прыснуло море (къ) сѣверу-полуночи;
Идутъ смерчи туманами;
Игорю князю Богъ путь указываетъ
Изъ земли Половецкой на землю Русскую,
Къ отчему златому престолу.

Погасли вечернія зо́ри;
Игорь (будто) спитъ, Игорь бдитъ,
Игорь мыслію поля мѣритъ
Отъ великаго Дона до малаго Донца...

Конь (приведенъ) въ полуночи.
Чу, Влуръ свистнулъ за рѣкою!
Велитъ князю (условный) знакъ разумѣть:
Князю Игорю (исчезнуть) „не быть“ кликнулъ...

Стукнула земля, зашумѣла трава;
Колымаги половецкія заша́тались...
А Игорь князь поскакалъ
Горностаемъ къ тростнику
И бѣлымъ гоголемъ на воду...

Взбросился на борзаго коня,
И спрыгнулъ съ него босымъ волкомъ,
И погналъ къ лугу Донца;
И полетѣлъ соколомъ подъ туманами,
Избивая гусей и лебедей
(Къ) завтраку, и (къ) обѣду, и (къ) ужину.

Коли Игорь соколомъ полетѣлъ,
Тогда Влуръ волкомъ погналъ,
Труся собою студеную росу...
Перервали вѣдь (они глотки) своихъ борзыхъ коней.

Донецъ сказалъ: „Князь Игорь!
Не мало тебѣ величія,
А Кончаку неудовольствія,
А Русской землѣ веселія“.

Игорь сказалъ: „О, Донецъ!
Не мало тебѣ величія,
Лелѣявшему князя на волнахъ,
Стлавшему ему зеленую траву
На своихъ серебряныхъ берегахъ,
Одѣвавшему его теплыми туманами
Подъ сѣнію зеленаго древа.
Стерегъ (ты) его (го)големъ на водѣ,
Чайками на струяхъ,
(Утками) чернядьми на вѣтрахъ...

Не такъ даже (похвальна)“, сказалъ, „рѣка Стугна:
Худую струю имѣющая,
Пожравшая чужіе ручьи и струги,
Расширенная къ устью (32),

Юнцу (33) князю Ростиславу затворила Днѣпръ
(При'ея) темномъ берегѣ".

Плачется мать Ростиславова
По юношѣ князѣ Ростиславѣ...
Уныли-увяли цвѣты отъ жалобной грусти,
И древо кручиною-стугою къ землѣ преклонило.

XIV.

А-га, не сороки застрекотали!
На слѣду Игоревомъ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ...
Тогда вороны не каркали,
Галицы поумолкли,
Сороки не стрекотали,
По лозняку (ползкомъ) ползали только.
Дятлы тектомъ путь къ рѣкѣ указываютъ,
Соловьи веселыми пѣснями свѣтъ возвѣщаютъ.

Молвитъ Гза Кончаку:
„Если соколъ къ гнѣзду летитъ,
(Такъ мы) соколича разстрѣляемъ
Своими злаченными стрѣлами".

Сказалъ Кончакъ Гзѣ:
„Если соколъ къ гнѣзду летитъ,
Такъ мы соколка опутаемъ
Красною дѣвицею".

И сказалъ Гзакъ Кончаку:
„Если его опутаемъ красною дѣвицею,
— Ни будетъ намъ (пользы съ) соколка,
Ни (будетъ) намъ (пользы съ) красной дѣвицы,—
То почнутъ у насъ птицъ бить
Въ Полѣ половецкомъ".

Сказывалъ Боянъ
И походы на (сына) Святославова,
— Пѣснотворецъ знать стараго времени,—
Ярославова (сына), Олегова кагана вожделѣніе,
И (что) „тяжко тебѣ, головѣ, лишенной плечь,
Плохо тебѣ, тѣлу, лишенному головы"...

(Плохо) Русской землѣ безъ Игоря...
Солнце свѣтится на небеси,
Игорь князь (свѣтится) въ Русской землѣ!
Дѣвицы поютъ на Дунаѣ,
Вьются голоса чрезъ море до Кіева...

Игорь ѣдетъ по Боричеву (спуску)
Къ святой Богородицѣ Пирогощей...
Стрàны рады, города вèселы...

Пѣвши пѣснь (сперва) старымъ князьямъ,
А потомъ молодымъ (князьямъ надо) пѣть:
Слава Игорю,
Святославича (брату) буй-туру Всеволоду,
Владиміру Игоревичу!

Здравствуйте, князья и дружинники,
Вооружаясь за христіанъ на поганые полки!
Князьямъ слава!
А дружинѣ (надо пѣть):
Воистину (слава)!

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) „Трудныхъ повѣстій“. Хотя въ Словѣ родит. пад. иногда употребляется вмѣсто винит.: „сердца своего,... чти и живота“, но здѣсь, несомнѣнно,—род. пад. множ. числа. Ср.: „Почнемъ же, братіе, *повѣсть сію*“. Трудныя повѣсти имѣли предметомъ ратные—*боевые* труды. Въ сновидѣніи Святослава: „сіднее вино“ смѣшано было также съ ратнымъ или боевымъ „трудомъ“. Въ 1097 г. митрополитъ Николай уговаривалъ князей прекратить междоусобія, такъ предостерегая ихъ: „аще възмете рать можо собою, погании имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши *трудомъ* великимъ и храбрьствомъ, побарающе по Рускѣй земли“... (Лавр.).

(2) Есть гл. устягнути или востягнуть—воздержать, напр.: „устягивахуть отъ того,... устягоша“ (Ипат. 295). Въ Воскрес. лѣтоп.—„востязати“ (т. VIII, стр. 24), въ Измарагдѣ—„востязаніе“ (изд. Яковл. стр. 80). Основной гл.—стягнути, напр.: „стягнута (полкы) противу королеви“ (Ипат. 308). Ср. выраженіе: „крѣпостью препоясанъ“ (Ипат. 607).

(3) Палáти — пылать, напр.: „нача палати пламень“ (Лавр. 190). Палъ — пламя. Спалка — пылъ, вспыльчивость: „Князь Александръ Михаиловичъ бысть въ распаленіе ума (Тв. 418). Всполѣся, успалися кн. Иванъ Васильевичъ да въ той спалкѣ велѣлъ казнити... Огнемъ Божіа духа распалахуся“ (Псков. т. IV, 254, Соф. т. VI, 283, 355. Ипат. 390). — „Воспалился тутъ князь Московскій, князь Иванъ сударь Васильевичъ“ (Сб. Кирши Данилова: Былина о взятіи Казанск. царства). Запалити—зажечь. „Многи церкви запалиша огнемъ“ (Ипат. 155, Лавр. 361). Ср. въ Словѣ: „заря свѣтъ запала“, т. е. запалила, передъ стычкой русичей съ половцами, раннимъ утромъ. О западеніи зари здѣсь не можетъ быть рѣчи, ибо заря зажглась вслѣдъ за «долго-ночью». На другой день „кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ“. Въ обоихъ случаяхъ свѣтъ порождается зарею.

(4) „По хоти“ перевожу: за вожделѣнной (славой). Вел. кн. Святославъ упрекалъ родственниковъ, что они затѣяли походъ ради славы: „а себѣ славы искати“. Ср. въ рѣчи Игоря: „хочю... хочю же“. Изяславъ Васильковичъ притрепанъ былъ „съ хотию“ (вожделѣнною славою) на смертную кровать. Ср.: „хотя птицу одолѣти“. Игоря Святославича влекла къ Тмутороканю такая же непреодолимая „хоть“, какъ нѣкогда къ Царьграду—Игоря Рюриковича, „хотѣвшаго мстити собѣ“ за пораженіе его греками (944 г.). Въ 1111 г. „похотѣніе“ побудило Владиміра Мономаха двинуться на половцевъ (Воскрес. т. VII, 21). „Мстиславъ Ростиславичъ много молвяшеть, хотя на всѣ страны поганыя“. Даніилъ Романовичъ предпринялъ въ 1254 г. походъ на чеховъ... „славы хотя“ (Ипат. 413, 545) и т. д. Существ. „хоть“ Ольгова кагана—Всеволода Ярославича надо принять за единственное число. „Хоть“ Игорева брата Всеволода—вожделѣнная, желанная (супруга).

(5) Стихъ: И тебѣ, Тьмутороканьскый блъванъ...
предлагаю сопоставить съ стихами: Ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчине!..
Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея...

Поносительный терминъ „блъванъ“ встрѣчается въ былинахъ и о Ростовскомъ богатырѣ Алешѣ Поповичѣ, и о царѣ татарскомъ Калинѣ (Сб. Кирши Данилова). Въ первой про Тугарина Змѣевича, во второй про Калину царя, говорится:

Гой еси... сударь Владиміръ князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Что за дуракъ неотесаной?

Въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ два изъ этихъ стиховъ повторяются:

Что у тебя за болванъ сидитъ,
Что за дуракъ неотесаной?

О значеніи болвана, какъ кумира, истукана, хорошо извѣстно, напр.: „Владиміръ поставн болванъ на холмѣ“ (Ник. т. X, 40).

(6) Въ стихѣ: Подобію влъци грозу въсрожатъ по яругамъ...

гл. „въсрожатъ“ я перевелъ: „снаряжаютъ“, основываясь на актѣ 1635 г., помѣщенномъ въ Вил. Арх. Сб. т. I, № 103. Когда собралась копа „на опытъ и довѣдыванье о мужобойцы забитого тѣла, менечи Захара“, то земляннпъ Григорій Милашевичъ *„приспособивши* нѣсколько десятковъ людей *съ розньімъ оружьемъ*, маючи тежъ при собѣ нѣсколько сотъ человѣкъ подданныхъ пана своего съ разныхъ селъ, *зъ розньімъ оружьемъ*... на тую копу способеныхъ... съ помочниками своими... *срожечи се розньіми способы* на тую копу“. насильно схватилъ трехъ лицъ ни въ чемъ неповинныхъ и подвергъ ихъ жестокимъ мученіямъ. Въ приведенномъ актѣ гл. „срожиться“ не можетъ имѣть иного значенія, какъ *снаряжаться*. Сравненіе половцевъ съ волками сдѣлано и Мономахомъ въ Поученіи, при описаніи перехода его изъ Чернигова въ Переяславль... ‚облизахуся на насъ стояще *акы волци*“.

(7) И по лѣтописи первое столкновеніе русскихъ съ половцами произошло въ пятницу: —„пятку наставшу“. Битва Ярослава I съ Святополкомъ Окаяннымъ въ 1019 г. происходила также „въ пятокъ“. Въ 1096 г. „въ пятокъ“ половцы напали на Кіевъ. „Въ пятокъ поиде Олегъ исполчився къ г. Мурому (того-же г.). Битва Мономаха съ половцами въ 1111 г., при потокѣ Дегѣя, происходила „въ пятокъ“. Въ 1151 г. „свитающю пятку, исполцивъ Изяславъ вои“. Въ 1169 г. битва около Кіева относится къ пятницѣ: „бѣ же тогда пятокъ. Въ пятокъ же Богъ избавилъ Игоря отъ плѣна.

(8) П. Меліоранскій считаетъ „ортму“ покрышкой, попоной. На ново-татарскомъ яз. „ортү“ или „ортмэ“—дѣйствительно покрышка, но на древне-татарскомъ яз. это значитъ мѣшокъ, какъ сообщилъ мнѣ большой знатокъ восточныхъ языковъ, ученый карапмъ И. Казнсъ. Естественно, что русичи складывали половецкую рухлядь въ мѣшки.

(9) „Паполома есть ничто иное, какъ пологъ или полость: „Отпѣвши надгробная... осмоливши съ полстьми, повезоша“ (Воскрес. т. VIII, 111).

(10) Тугорканъ погребенъ внѣ г. Кіева, на перекресткѣ двухъ путей, „на могылѣ“ (Ипат. 162). Выраженіе „междю Угорьскыми иноходцы“ придумано для означенія этого распутья, между Угорскою горою, впервые упомянутою подъ 898 г., гдѣ погребенъ Аскольдъ (Лавр. 23), и Берестовымъ, загородной велико-княжеской резиденціей. Поблизости были Угорьскія ворота (Ипат. 296). Нельзя, конечно, отвергать и того, что Тугорканя повезли, помѣстивъ между двухъ коней, какъ везли въ Кіевъ убитаго въ 1086 г. Ярополка Изяславича, или же владыку Акакія—„промежь дву конь“ (Лѣтоп. т. VI, 33).

(11) Выраженіе „сватовъ попоиша“ нельзя разсматривать независимо отъ возникновенія, почти за 80 лѣтъ до Игорева похода 1185 г., брачныхъ связей русскихъ князей и княженъ съ князьями и княжнами половецкими. Въ 1147 г. родство Ольговичей съ половецкими князьями до такой степени усложнилось, что послѣдніе называются однажды „уями“ (дядьми по матери) Святослава Всеволодовича. Башкордъ названъ отчимомъ Святослава Владиміровича: „бѣ бо мати его бѣжала въ Половци и шла за нь“ (Ипат. 242—243, 343). Самъ участникъ злополучнаго похода, сынъ Игоря Владиміръ былъ еще до выступленія въ походъ помолвленъ съ дочерью Кончака и на ней женился вскорѣ по возвращеніи отца своего въ Русь. Этотъ Кончакъ, котораго Игорь Святославичъ въ 1174 г. побѣдилъ за Ворсклой, а въ 1180 г. бралъ уже въ качествѣ союзника, поручился на самомъ поприщѣ Каяльской битвы „за свата Игоря“ (ср. въ Словѣ разговоръ Кончака съ Гзою).

(12) „Смагу мычючи въ пламянѣ розѣ“ .. Рогъ имѣетъ двоякое значеніе: а, сосуда, изъ котораго пили медъ или вино (Псковск. лѣтоп. подъ 1473, Русская Правда и др. памяти.); б, окраины, напр. „рогъ дубравы“ (Вил. Арх. Сб., т. I, 119). „Пламенный рогъ“ на

поминаетъ „rogalis flamma“ (Овидій). Просвѣтитель нѣмцевъ Бонифацій (755 г.) приводитъ обычай славянскихъ женщинъ сожигать себя на кострѣ по смерти своихъ мужей: „mulier vero mortuo, se in rogum cremari praecipiet“. Объ этомъ обычаѣ руссовъ свидѣтельствуютъ Ибнъ-Фадланъ и императоръ Маврикій. Въ былинѣ о Потокѣ, при погребеніи его, вмѣстѣ съ нимъ зарывается въ землю живою его жена (Кирша Даниловъ).

(13) Русскія женщины носили на шеѣ золотыя и серебряныя ожерелья (Ибнъ-Фадланъ). Вел. князь Всеволодъ Суздальскій за дочерью Верхуславой назначилъ въ приданое много „злата и сребра“ (Ипат. 443).

(14) „Сами на себе“ повторено дважды въ Словѣ. Ср. „Ты лелѣялъ еси на себѣ“... Въ лѣтоп. подъ 862 г: ..., „вѣста родъ на родъ и быша в нихъ усобицѣ и воевати почаша сами на ся“.

(15) Нѣмцы противополагаются славянамъ-венедамъ. Смерть Владиміра Васильковича оплакивали „нѣмцы, сурожцы и новгородцы, и жидове плакахуся аки и во взятье Іерусалиму, егда ведяхуть я во полонъ Вавилоньскій“. (Ипат. 605). На Певтингеровыхъ картахъ „Venedi“ помѣщены на лѣвомъ берегу Дуная. По Іорнанду—„Vinidarum natio“. Онъ дѣлятъ венедовъ на три поколѣнія: „Veneti, Antes et Slavi“ (De reb get.. cap. 21). „Vendische Land“—въ хроникахъ и нѣмецкихъ юридическихъ сборникахъ. Венедами называетъ славянъ и св. Бонифацій (VIII в.). Въ XII стол. венедцами прослыло поколѣніе венедовъ, основавшихъ Венецію. Нѣмцы противопоставляются венедичамъ также во введеніи въ начальную лѣтопись. Извѣстіями о венедахъ переполнены историческіе памятники. О нихъ упоминается, между прочимъ, въ путешествіи Отара и Улфстейна (Ant. russes, t. II). Сводъ извѣстій о разселеніи венедовъ см. у Шафарика (Славянскія древности).

(16) Плѣсенскъ находился у Болони близъ Кіева (ср. нынѣшн. Оболонь). Лѣтопись упоминаетъ о Болони противъ Дорогожичей, гдѣ построена Святославомъ Всеволодовичемъ церковь св. Кирилла (Ипат. 372). На границѣ земли Кирилловскаго монастыря, въ окрестностяхъ рѣчекъ Сырца, Кудрявца и двухъ Почайнъ, близъ озера Ерданскаго, одинъ актъ 1529 упоминаетъ „*Чертову долину*“ (Арх. Ю. З. Рос. т. VI, ч. I, № 114), которую можно сопоставить съ дебрью Кисановою. Лѣтописный Плѣсенскъ, на восточной окраинѣ Галицкаго княжества, очевидно, не тотъ, гдѣ каркали зловѣщіе вороны. Подобныхъ названій селъ существовало нѣсколько, напр.: „продалъ Плѣснь, опрочь Плѣсенскаго села“, (Собр. Гос. Гр. и Догов. т. I, № 75).

(17) Форму „дуже“ ср. съ такими формами, какъ „княже“ (правды) въ Лавр. 209; въ Ипат. сп.: „княжѣе правдѣ“. Дужій, дужъ—могучій, мощный, сильный (И. Срезневскій: Словарь др.-русск. яз., 742, 844). Въ Русской Правдѣ: „Оже дѣти не дужи сами собою печаловати“... Въ актахъ: „Служити не дужъ“ (Ревизія пущъ, изд. Вил. Арх. Ком., 200). „Не дужи есмо ее (поруки) на собѣ носити“. (А. Грушевскій: Пинск. Полѣсье, прилож. № CVII).

(18) „Княже ми“... Обычная форма обращенія къ князю: „Княже мой“, или „господине мой, нашъ господине“, (напр. Лавр. 155, Ипат. 413, 479...). Въ Посланіи митрополита Никифора къ Мономаху выраженіе это повторено пять разъ.—„Мой“=„ми“. Въ одномъ лѣтописномъ спискѣ—„стрый мой“, въ другомъ—„стрый ми“. Ср. „сыновець ми“ (Ипат. 281, 612). „Отець ми умре“ (Лавр.). „Другъ ми“ (И. Срезневскій: Словарь, т. II, 128).

(19) „Васъ умъ“. Здѣсь опущенъ предлогъ *въ*. Выраженіе „въ васъ“, какъ и „въ насъ“, весьма обычно (Лавр. 157, Воскрес. т. VII, 303, Псковск. 255, Ипат. 171, Тверск. 366, и т. д.

(20) Этотъ Мстиславъ, участвовавшій въ походѣ на половцевъ 1183 г. съ братомъ Всеволодомъ, есть сынъ Романа, внукъ Ростислава Мстиславича, правнукъ Мстислава Владиміровича Великаго, племянникъ Рюрика-Василія и Давида Ростиславичей, внуковъ Мстислава Великаго.

(21) Гунны, невѣдомые до IV в. по удостовѣренію историка Зосимы, извѣстны Скандинавскимъ сагамъ подъ именемъ „Chuni, Hunos или Hin'ir“; у монголовъ „Hiun-nu“ (китайск. форма). По Менандру авары — народъ гуннскій. Въ актахъ IX в. Гуннская

страна — „Hunnia, quae et Avaria dicitur“ (Erben. Regest. dipl. I, 89). По Феофилакту часть Паннонскихъ аваровъ называлась „Hunni“. У Амміана гунны—„хіониты“. Птоломей помѣщаетъ „хуновъ“ между бастарнами и роксоланами (Волга, Донъ, Приднѣпровье). У Туроча мадьяры или гунны—„Hungari“, иногда „Cuni“, что соотвѣтствуетъ названію хунгуровъ или Хунугаровъ у Іорнанда. Въ нашихъ лѣтописяхъ половцы — куманы, какъ и у нѣкоторыхъ западныхъ хронистовъ; иногда— „Chumani“ (Annal. Millic. Pertz. IX, 640). Въ географическихъ замѣткахъ изъ книги Гаука Ерлендсона, на востокъ отъ Польши и Рейдготіи показана Гуннія (Ant. russes, t. II). Въ договорѣ 1689 г. Іоанна и Петра Алексѣевичей съ богдыханомъ китайскимъ Китай названъ Хинскимъ государствомъ (П. Соб Зак. т. III, № 1346).

(22) „Деремела“.—Одинъ изъ видовъ ловчихъ птицъ назывался „дремлюгой, дремлой“ (Литовск. Стат. 1529 г. розд. XII, арт. 12. Врем. Моск. Общ. Ист. и Др. кн. 18).

(23) Тремя Мстиславичами, вопреки мнѣнію многихъ изслѣдователей, считаю не сыновей Мстислава Изяславича (изъ нихъ о Романѣ говорится въ Словѣ ранѣе), а родныхъ братьевъ—Ингваря, Всеволода и Мстислава Нѣмого Пересопницкаго (въ 1208 г.), сыновей Ярослава Изяславича Луцкаго, правнука Мстислава Великаго (Ипат. 417, 426 485 и др., Лавр. 328). Ярославъ Изяславичъ Луцкій уже въ 1155 г. повелѣвалъ всею Волынскою землею (Ипат. 322), а въ 1174 г., послѣ похода на Ростиславичей „со всею Волынскою землею“, сѣлъ на великокняжескомъ столѣ въ Кіевѣ, но чрезъ годъ вынужденъ былъ уступить его Роману Ростиславичу. Приведя имена Ингваря, посаженнаго на Кіевскомъ столѣ въ 1202 г. (Лавр.), и Всеволода, сыновей Ярослава Изяславича, названныхъ лѣтописцемъ по отцу Ярославичами, пѣвецъ не оглашаетъ имени третьяго брата, меньшаго сына Ярослава Луцкаго — Мстислава, находившагося въ 1174 г. при матери, какъ еще очень юнаго (Ипат. 393, 417, 426). Иловайскій, какъ и Карамзинъ, и многіе другіе коментаторы, правильно признаютъ трехъ Мстиславичей сыновьями Ярослава Луцкаго, но ошибочно полагаетъ, что рядомъ съ Романомъ въ Словѣ поставленъ Мстиславъ Нѣмой (Ист. Рос. т. 2, 36).

Ингварь и Всеволодъ,
И *вси* три Мстиславичи,
Не худа гнѣзда шестокриляци...

Ср. „торки и печенѣги и *весь* черный клобукъ“. Остальные черные клобуки — ковуи, берендѣи и проч. (Ипат. 296, 365, 375).—Лѣтописецъ причисляетъ упомянутыхъ князей къ „братьѣ“ Рюрика Ростиславича, въ отличіе отъ „братьи“ Святослава Кіевскаго, т. е. Ольговичей. Мстиславъ Нѣмой участвовалъ въ Калкской битвѣ и стойко оборонялся отъ татаръ: „бѣ бо мужъ крѣпокъ, понеже ужика (родственникъ) сый Роману отъ племени Володимера“ (Лавр. 481). „Не худое“, славное и плодовитое гнѣздо, есть родъ умершаго въ 1132 г. Мстислава Великаго. Принадлежавшіе къ нему „шестокрыльцы“—серафимы Ингварь, Всеволодъ и Мстиславъ Ярославичи сопоставляются авторомъ Слова съ храбрымъ гнѣздомъ или родомъ Олеговымъ. „Три Мстиславичи“ выдѣляются пѣвцомъ въ особую группу изъ многихъ Мстиславичей, современныхъ ему потомковъ побѣдителя половцевъ и литвы, основателя Кіевскаго храма Богородицы Пирогощей, Мстислава Великаго, какъ пріобрѣвшіе волости не захватомъ, а по наслѣдственному праву, и находившіеся въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ ляхамъ, пользуясь ихъ вспомогательными дружинами, въ виду близкаго сосѣдства и брачныхъ связей между западно-русскими и польскими князьями (моего Ист. изсл. стр. 204):

Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте...
Коѣ ваши златыи шеломы
И сулицы ляцкіи, и щиты?...

Получили „власти“—волости (ср.: „А уже не вижду власти“) три брата Мстиславичи тѣмъ же способомъ, какимъ перешли власти и къ сыновьямъ Мстислава Изяславича, отданнымъ отцомъ предъ смертью († 1172 г.) въ опеку брату Ярославу, „яко же ему не

подозрѣти волости подъ дѣтми его", и къ Данiилу Романовичу отъ отца, ввѣрившаго, на случай смерти, свои владѣнiя избранному имъ опекуну — Мстиславу Нѣмому. Въ свою очередь Мстиславъ Нѣмой предъ кончиной далъ въ опекунское управленiе отчину свою Данiилу Романовичу, поручивъ ему и сына своего Ивана (Ипат. 382, 497, 501. Лавр. 481).

(24) Въ этомъ припѣвѣ разумѣется Городенъ Нѣманскiй (нынѣ Гродно), погорѣвшiй въ 1183 г. (Ипат. 428), достоянiе потомковъ внука Ярослава I Давида Игоревича. Ни въ Полоцкой области, ни въ Пинско-Туровскомъ полѣсьѣ, не существовало удѣла Городенскаго. У Давида Игоревича († 1112 г.) были сыновья Мстиславъ († 1116 г.) и Всеволодко († 1141 г.). Сыновья Всеволодка:—Борисъ, Глѣбъ и Мстиславъ Всѣхъ ихъ лѣтопись зоветъ Городенскими (Ипат. 204, 225, 365, 375 и др.). Происхожденiе Всеволодка отъ Давида Игоревича устанавливается Радзивиловскою лѣтописью (ср. Татищевъ, II, 263). Во второй полов. XII в. было одновременно нѣсколько Городенскихъ князей. Въ 1174 г. Андрей Суздальскiй собралъ огромное ополченiе въ сѣверной и восточной Руси на Кiевъ. Романъ Ростиславичъ, вынужденный Андреемъ Суздальскимъ, пустилъ въ подкрѣпленiе ополченiя сына своего съ смолнянами на братью—Рюрика, Давида и Мстислава. „Полотьскымъ княземъ поити повелѣ всимъ, и Туровьскымъ, и Пиньскимъ, и *Городеньскымъ*, для соединенiя съ Ольговичами, чтобы отнять Кiевъ у Ростиславичей, нарушившихъ его волю. Лѣтописецъ какъ-бы оправдываетъ Романа Ростиславича, сидѣвшаго нѣсколько ранѣе въ Кiевѣ по инiцiативѣ Андрея: „бяше бо (Романъ) тогда въ рукахъ его" (Андрея). Соединившись съ Ольговичами, пошли къ Кiеву (Ипат. 391). Разсказъ этотъ, темноватый по своимъ подробностямъ и возбудившiй оживленный споръ между Погодинымъ и Соловьевымъ, важенъ для насъ, ибо свидѣтельствуетъ, что Городенское княжество не сливалось съ Полоцкимъ, Туровскимъ и Пинскимъ, имѣя въ 1174 г. своихъ князей, независимыхъ отъ князей Полоцкихъ, Туровскихъ и Пинскихъ.—Вѣроятно, Городенскiя трубы призывали къ походу на литовцевъ послѣ угрожавшаго большою опасностью всему обширному Городенскому княжеству пораженiя Изяслава Васильковича. Удѣлъ его прилегалъ съ запада къ бассейну Двины, частью перешедшему уже тогда во власть литовцевъ, чему способствовала несчастная для Всеславичей битва 1107 г. съ Зимѣголой. Въ 1180 г. Полоцкiе князья принимаютъ сторону Святослава Кiевскаго въ войнѣ съ Всеволодомъ Суздальскимъ. „И придоша Полотьскии князи (миновавъ Дрютскъ) въ стретение, помагающе Святославу: Васильковича Брячьславъ изъ Витебска, братъ его Всеславъ съ полочаны, съ ними же бяхуть и либь и литва.., Андрей Володшичъ и сыновецъ его Изяславъ и Василько Бряцьславичь". (Ипат. 419). Изяславъ Васильковичъ Слова могъ быть братомъ упомянутаго Брячислава и Всеволода Витебскихъ (ср. Лавр. 355), изъ коихъ послѣдній названъ въ Ипатской лѣтописи Володшей (346). Данилевичъ считаетъ Изяслава Васильковича сыномъ Василька Святославича, внукомъ Всеслава Брячиславича (Ист. Полоцкой земли, стр. 130, прим. 164).

(25) Къ недостойному дѣдовской славы Ярославу пріобщаются всѣ потомки Всеславовы. Уже одно это побуждаетъ меня причислить его къ княземъ Полоцкимъ, связаннымъ близкими отношенiями съ Святославомъ Всеволодовичемъ, такъ какъ онъ былъ женатъ на дочери Василька Полоцкаго (1143 г.), и отвергнуть тожество этого Ярослава съ Ярославомъ Владiмiровичемъ, внукомъ Мстислава Великаго, сосѣдомъ Всеволода Суздальскаго (по лѣтописи, жена его, дочь Чешскаго Короля Шварна, была свестью Всеволода). Ярославу Владiмiровичу изслѣдователи вмѣняютъ способствовавшiя наведенiю на Русскую землю погаными (литовцевъ) крамолы, въ какихъ онъ никогда не былъ повиненъ. Напротивъ, онъ посадилъ сына своего въ Лукахъ защищать Новгородскую область отъ литвы (Тв. 288). Единственное неблагопрiятное для него извѣстiе заключается въ томъ, что въ 1184 или 1185 г. „онъ пакости творяше новгородцамъ", допускалъ будто-бы какiя-то злоупотребленiя въ качествѣ Новгородскаго князя, быть можетъ, стѣсняя ихъ вольности. Хотя новгородцы по обычаю своему изгнали Ярослава Владiмiровича, незадолго предъ тѣмъ, какъ онъ со смолнянами ходилъ усмирять Полоцкихъ князей (1186 г.), однако, въ 1188 г., сами-же сознавъ свой промахъ, снова призвали его на княженiе по изгнанiи Мстислава Давидовича. Въ 1196 г. новгородцы вторично вытѣснили Ярослава. Онъ удалился въ Новый Торгъ „и приша его новоторжцы съ челобитiемъ, и *жаляху по немъ*

новгородцы добри моди, а зліи радовахуся“ (Ник.). Лѣтописная біографія изображаетъ Ярослава доблестнымъ патріотомъ, пріобрѣвшимъ большое довѣріе верхнихъ земель. Въ 1191 г., будучи призванъ Полоцкими князьями и полочанами, онъ уговорился съ ними пойти на чудь, двинулся съ новгородцами и псковичами въ походъ и взялъ г. Юрьевъ. Полочане, кажется, съ нимъ не пошли и, въ 1199 г., сами уже нападали съ литовцами на Луки (Воскрес. т. VII, 97, 101 — 102. Новг., Тв., Радз. и др.). Княжившій въ Полоцкой области около 1185 г. Ярославъ и всѣ остальные потомки Всеслава Брячиславича, зараженные крамольнымъ духомъ сосланныхъ Мстиславомъ Великимъ въ Царьградъ Рогволодовичей (1129 г.), способствовали своими постоянными раздорами нападенію литовцевъ на Всеславову пажить и не шествовали по стопамъ сторонниковъ вел. князя Кіевскаго, князей Городенскихъ, Пинскихъ и Турово-Дубровицкихъ, въ борьбѣ съ половцами. Взаимная вражда Полоцкихъ князей, лишившая Изяслава Васильковича поддержки, нерѣдко и ранѣе приводила ихъ къ подчиненію Литвѣ. Въ 1159 г., когда они рѣшили примириться. Городецкій князь (Городокъ—на притокѣ Нѣмана Березинѣ) Володарь Глѣбовичъ креста не поцѣловалъ, ибо „ходяше подъ Литвою“... При помощи литовцевъ въ 1162 г. онъ отнялъ Полоцкъ у Рогволода Борисовича, а въ 1167 г.—у Володаря Васильковича.

(25) Всеславъ, скакавшій лютымъ звѣремъ, не могъ опираться клюками о коня („кони“ мѣстн. пад. отъ конь). Кони въ Словѣ—вездѣ „комони“. Конъ—начало (Черноризецъ Храбръ, Русская Правда и др. пам.). Ср.: искони, съ поконъ-вѣка (въ догов. русск. съ грек. „по закону и покону“) Всеславъ коналъ жребій о любой ему дѣвицѣ. Соотвѣтственно сему въ лѣтописи—„рать почалъ“. Слѣдуетъ читать:

Тъй клюками подпръся о кон(ъ)
И *искочи* къ граду Кыеву,
И дотчеся стружіемъ
Злата стола Кіевскаго...

Выскочилъ онъ изъ поруба-подземелья, куда былъ посаженъ Ярославичами. Въ „стружіи“ укладывается, кажется, и понятіе о заточеніи (ср. „стругъ“).

(27) Обыкновенно выраженіе „грады рядяше“ измѣняютъ въ „ряды рядяше“, тогда какъ рѣчь идетъ о раздачѣ городовъ: „Ярославъ наряди сыны, раздѣли грады“ (Лавр 157). „Роздаялъ Всеволодъ городы“ (Ипат. 167) и т. д.

(28) Ср.: розно (роздно, разно, раздно) носити, нести розно, поити розно (розно розшлися), ѣхать розно, *„розносити“*, напр.: „половци землю нашу несутъ розно, буря розноси хоромы, и товары, и клѣти“ (Лавр. 247, 461, Ипат. 224, 252, 260, 265, 283, 461, Псковск. 276 и др.). „Двѣ дуги рознь“ (Врем. М. Общ Ист. и Др., Кн. 18, стр. 38).

(29) Въ Задонщинѣ: „Пашутъ бо ся хорюгови; „изъ облаковъ пашуть синіе молніи“. Тюркск. „хойрукъ“—хвостъ. Въ Псковск. лѣтописи: „Яко змій образомъ... яко хоботъ-хвостъ сбираше“ (стр. 309, „Пахати“ въ переносномъ смыслѣ значитъ хлестать, какъ въ народныхъ пѣсняхъ. Въ былинѣ о женитьбѣ кн. Владиміра Дунай Ивановичъ вынулъ „калену стрѣлу“ и пустилъ ее:

Хлеснетъ онъ, Дунай, по сыру дубу,
А спѣла вѣдь тетивка у туга лука...

Въ былинѣ объ Алешѣ Поповичѣ сказано, что онъ „хлеснулъ“ Тугарина Змѣевича шелепугой по буйной головѣ (Кирша Даниловъ). Чтеніе „копіа поютъ“ опровергается тѣмъ, что въ въ Словѣ копья издаютъ не протяжные звуки, какъ тетива, но трещатъ отъ преломленія:

Трещатъ копія харалужныя...

Въ лѣтописи: „копіямъ изломившимся, яко отъ грома *тресновеніе* бысть“.

(30) Въ думѣ о трехъ братьяхъ Азовскихъ, изд. П. Кулишомъ (Истор. возсоед. Руси I, прилож.):

Барзо рано пораненьку
Не сива зозуля заковала..

(31) Выраженіе псалмопѣвца: „Возведохъ очи мои *въ горы*“ обнаруживаетъ неумѣстность поправки—„горѣ“ въ стихѣ Слова:

Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти...

Оно повторяется, между прочимъ, въ Monum. Serb., изд. Миклосичемъ (актъ 1348 г., стр. 137).

(32) Ср. въ Словѣ: „Путивлу городу“. Въ послѣсловіи Остромир. еванг.: „Изяславу князоу“. Въ лѣтописи: „посади Добрыну (Лавр. 908 г.); су (вм. сю) страну; дожду силну; Царугради; по мору; на милу (вм. милю); рану синую, землу; не блудеть (вм. блюдеть); Рурику; въ устьи Днѣпра (Ипат. 105, 165, 321, 480, 504, Тверск. 54, 148, 178, 199; Собр. Гос. Гр. и Догов. № 48; А. Вил. Ком. т. XXI, 341, т. XXXIII, 53), „Ku *usth* (вм. usciu) Niedzwiedziemu do *usth* malego Glubokiego potoku“... (A. Stadnicki: O vsiach Voloskich. 1840 г., стр. 30. Актъ XVI в.). Въ 1156 г. Юрій Владиміровичъ „заложи градъ Москву на *уст* ниже Неглинны, выше рѣкы Аузы“ (Тверск. 225). Издатели неправильно прочли „устниже“.

(33) Форма „уношъ“ донынѣ употребляется въ народныхъ пѣсняхъ, какъ это доказано Якушкинымъ. Въ одной изъ напечатанныхъ имъ пѣсенъ читаемъ:

Свѣтъ ты мой младой и юношъ,
Юношъ сынъ возлюбленный...

У Кирилла Туровскаго юноша—„унецъ“, т. е. юнецъ.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Форма воззни (стрикусы) образовалась, вѣроятно, отъ гл. възньзти — воткнуть. Нѣсколько примѣровъ употребл. ея, а также формъ: дѣвою—въ дѣвствѣ, и новелѣя—повелѣлъ. приведено въ Матеріалахъ для Словаря др.-русск. яз., собр. И. Срезневскимъ (т. I, стр. 367, 779 и т. II, стр. 995).

О монетахъ властителей Боспора Киммерійскаго опредѣляемыхъ монограммами.

На территоріи нѣкогда бывшаго боспорскаго царства, окрестъ нынѣшней Керчи и Тамани, находятъ особаго видъ монеты, давшія длинный рядъ различныхъ типовъ и сортовъ, но съ общимъ имъ всѣмъ признакомъ—они не имѣютъ опредѣленной подписи, а лишь только обозначеніе сокращеній именъ и титула или монограмму. Въ сокращеніяхъ можно съ увѣренностью догадываться, что дѣло идетъ о какихъ-то царяхъ; монограммы до сихъ поръ не прочтены; для краткости въ заглавіи, а часто и далѣе, подъ именемъ монограммъ понимаются также и сокращенія.

Кто-же и когда чеканилъ эти монеты? Вотъ вопросы въ отвѣтъ на которые имѣются лишь догадки, каковыхъ было высказано много, но нѣтъ безспорныхъ рѣшеній. Самые вопросы съ нумизматической точки зрѣнія, не столь пустячны какъ-то можетъ казаться, потому что отъ ихъ рѣшенія зависитъ объясненіе большого періода исторіи боспорскаго царства, около времени Р. Х., пониманіе его политической и экономической жизни тѣхъ временъ.

Однако, какъ не желательно рѣшеніе этихъ давно поставленныхъ вопросовъ, но только въ части это можетъ быть сдѣлано точно, въ остальномъ, все до сихъ поръ извѣстное, со свидѣтельствами древнихъ включительно, оказывается недостаточнымъ. Приходится ждать какой-либо счастливой находки, надписи или монеты, которыя дадутъ ключъ къ этимъ загадкамъ. До наступленія такой случайности можетъ пройти неопредѣленно долгое время, а пока, мнѣ кажется, что пересмотромъ и сопоставленіемъ имѣющихся данныхъ, съ нѣкоторымъ дополненіемъ новыми находками, можно увеличить вѣрную часть рѣшенія задачи, а сомнительную ввести въ болѣе тѣсныя рамки, въ которыхъ легче будетъ отыскать, думается въ недалекомъ будущемъ, окончательное рѣшеніе. Вновь привлечь вниманіе нашихъ нумизматовъ къ этой задачѣ и составляетъ цѣль настоящей статьи.

Конечно, нѣтъ надобности давать полное нумизматическое описаніе всѣхъ названныхъ монетъ, это давно и много разъ дѣлалось

почти для всѣхъ и повторяться совершенно излишне, будутъ лишь высказаны нѣкоторыя соображенія общаго свойства, могущія ближе выяснить время и принадлежность этой серіи монетъ. При этомъ представлю возможно болѣе рисунковъ монетъ, не въ смыслѣ чего-либо неизданнаго, кромѣ нѣкоторыхъ, а какъ подручную иллюстрацію текста, ибо разыскивать указываемое въ многочисленныхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ дѣло вовсе не занимательное. Изъ такого плана этой работы слѣдуетъ, что она предлагается лицамъ знакомымъ съ литературой этого вопроса во всѣхъ ея подробностяхъ.

Монеты о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь извѣстны и въ мѣди и въ золотѣ; ихъ главная и наиболѣе примѣчательная особенность есть, какъ уже сказано, отсутствіе полныхъ именъ въ подписяхъ и замѣна таковыхъ сокращеніями или монограммами. Если все это расположить въ нѣкоторомъ порядкѣ по времени чекана то монограммы представятся, исключая мелкіе варіанты, въ такихъ трехъ группахъ [1]):

Монеты первой группы извѣстны только въ мѣди и не имѣютъ обозначенія времени; вторая группа только въ золотѣ и вся съ точными годами понтійской эры; въ третьей группѣ есть и золото и мѣдь, при чемъ все золото также съ годами понтійской эры, а мѣдь вся безъ датъ, но съ указаніемъ цѣнности и, частью, съ полными надписями именъ, остальная съ сокращеніями. Въ дальнѣйшемъ, для краткости, называя группы буду подразумѣвать именно эти въ указанномъ порядкѣ. Изъ только что сказаннаго можно заключить, что трудность пріурочиванія этихъ монетъ уменьшается съ временемъ ихъ чекана, такъ что третья группа, самая поздняя, опредѣляется въ значительной мѣрѣ точно, и во времени, и въ принадлежности; вторая группа точна по одному времени; первая сомнительна во всемъ. Можетъ быть именно поэтому она и наиболѣе любопытна, ею и слѣдуетъ заняться въ особенности и прежде всего, при чемъ аналогіи съ третьей и второй группами не будутъ забыты.

На мѣдныхъ монетахъ первой группы сокращенія надписей, представляющіяся только въ видѣ или , конечно, должны

---

[1]) На Босфорѣ часто находятъ большія мѣдныя монеты (тетрахалки), съ головой Діониса и налучьемъ (*Бурачковъ*, *Общ. кат.*), XXIII, № 25 — 30); онѣ также опредѣляются лишь разными монограммами безъ какой-либо иной надписи, но эти монеты, времени Миерадата Евпатора, составляютъ особую серію городскихъ или земскихъ монетъ, а не царскихъ и здѣсь не разсматриваются.

[2]) Для упрощенія печатанія и большаго удобства сравненія монограммъ, всѣ указываемыя въ статьѣ сведены на одномъ V листѣ рисунковъ, подъ номерами, которыми онѣ и опредѣляются въ текстѣ. Здѣсь показанныя значатся въ этой таблицѣ подъ №№ 1 7, 31, 32, 24, 25, 8, 15, 18 и 16.

читаться, какъ ΒΑσιλεως Ε и ⋀, но ничего болѣе точнаго о подлинныхъ именахъ этихъ царей неизвѣстно. Знаютъ монеты этой группы давно, ихъ началъ указывать уже Сестини въ концѣ XVIII вѣка [1]); съ тѣхъ поръ число найденныхъ сортовъ очень возросло. Онѣ, всѣ или частью, описывались множество разъ, въ послѣднее время это сдѣлано наиболѣе полно и подробно г. Подшиваловымъ, для монетъ царя Ε [2]); позднѣе были найдены и описаны, А. В. Орѣшниковымъ и Х. Х. Гилемъ, еще двѣ [3]); они-же дали описаніе и монетъ царя ⋀ [4]).

Прежде, чѣмъ разсмотрѣть эту группу монетъ по ихъ спорному существу, не безполезно указать несомнѣнные выводы вытекающіе изъ ихъ внѣшняго разсмотрѣнія.

Всѣ эти монеты, вообще говоря, не изъ обыкновенныхъ и хотя нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются довольно часто, но большинство очень рѣдки, а иныя мы знаемъ едва-ли не въ единственныхъ экземплярахъ. Не смотря на такую рѣдкость нахожденія этихъ монетъ онѣ извѣстны въ двадцати различныхъ сортахъ (не считая пяти—шести мелкихъ варіантовъ и монетъ съ клеймами), для царя Ε и въ трехъ для царя ⋀.

Вся серія монетъ царя Ε представляетъ большое разнообразіе, во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая различія мѣръ, вѣсовъ и цвѣта металла, а слѣдовательно и его состава. Величина монетъ, ихъ діаметръ, измѣняется отъ 13 до 33 миллиметровъ (отъ $2^1/_2$ до $9^1/_2$ по скалѣ Міонне), а ихъ вѣсъ отъ 3,1 до 33,9 граммовъ; такъ какъ всѣ эти монеты мѣдныя, то ихъ вѣсъ приводится только какъ нѣкоторая характеристика ихъ разнообразія, къ тому-же взвѣшивались лишь экземпляры бывшіе у меня въ рукахъ, въ очень маломъ числѣ) [5]).

---

[1]) *Sestini, Lettere e dissertatione numismatiche etc*, 1789, t. I, 40, № 20.

[2]) *Подшиваловъ, Мон. царей Босфора Ким., Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Др.* т. XV; *Его-же, Monnaies der rois du Bosph. Cim.*, 1887; *Брачковъ, Общій кат. монетъ*, 225 — 228; *Кёне, Музей кн. Кочубея*, т. II, 42 — 60; *кн. Сибирскій, Воспорскія мон. припис. Евѳіоту, Зап. Русск. Арх. Общ.*, т. V; и еще много другихъ. менѣе полныхъ или болѣе устарѣлыхъ. Здѣсь на рис. 11 и 12 даны и описаны въ приложеніи только двѣ, самыя крупныя, на которыя приходится часто ссылаться.

[3]) *Орѣшниковъ, Матер. по древн. нумизм. черноморск. побережья*, 15 — 20; *Гиль, Новыя пріобрѣт. моего собранія*, № 59, т. V, *Зап. Р. Арх. Общ.* (сохранность лиц. стор. нехороша, это голова Персея; она же опис. и г. Подшиваловымъ, безъ рис., подъ № 2, а).

[4]) Главная литература: *Podschivalow, Beschr. d. unedirt. Münz*, 13, № 39; *Oreschnikow, Zur Münzk. d. Cim. Bosph.*, 11 — 12; *Giel, Kleine Beiträge*, 27, t. V, № 10 — 11; *Sallet, Zeitschrift f. Numismat.*, XI, 349; *Брачковъ, Общ. кат. мон.*, 230, № 46; *Орѣшниковъ, Кат. собр. гр. Уварова*, 76; *Его-же, Мат. по др. нумизм. черн. побер.*, 15 — 20; *Его-же, Une nouvelle variété monogr.* ΒΑΥ, *Ann. de num.*, 1887, *Mai*, 274 — 276; *Гиль, Новыя пріобрѣт.*, № 68, *Зап. Р. Арх. Общ.*, т. V. Здѣсь даны на рис. и описаны въ приложеніи, подъ № 17, 18 и 19.

[5]) Самая легкая типа № 13, опис. г. Подшивалова (*Мон. цар. Босф.*, экз. муз. Одесск. Общ.); самая тяжелая типа описаннаго г. Орѣшниковымъ (*Матер. нум. черн. пр.* 19); здѣсь подъ № 12 (мой экз.).

На монетахъ царя Ε изображены: на лиц. сторонѣ Аполлонъ, Артемида, Аскленій (или Зевсъ-Аммонъ), Аѳина, Гермесъ, Гераклъ, Геліосъ (возможный портретъ царя), Деметра, Діонисъ, Дельфинъ, Зевсъ, Левъ, Персей, Посейдонъ, Сараписъ; на оборотѣ Бычья голова, Вѣтвь съ вѣнкомъ, Герма, Дельфинъ, Змѣя, Змѣя съ лотусомъ (Агаѳодемонъ), Кадуцей, Киста, Лошадиная голова, Орелъ, Палица, Полумѣсяцъ съ Солнцемъ (звѣздой), Рогъ изобилія, Собака, Треножникъ; тутъ-же у всѣхъ сокращенія, нѣсколько разнообразныя по начертанію, но одинаковыя по существу (л. V, № 1—3). У нѣкоторыхъ нѣтъ на оборотѣ изображенія, а только одно сокращеніе, во все поле монеты.

На нѣсколькихъ типахъ, кромѣ сокращенія царскаго имени, встрѣчаются, также на оборотѣ, и диференты, одиночныя буквы, извѣстныя отъ Α до Ζ включительно всѣ; Η и Θ не извѣстны; вѣроятно есть Ι [1]).

Изрѣдка на этихъ монетахъ попадаются и клейма, по одному и даже по два: Дельфинъ. (битый разъ или два раза), Цвѣтокъ, Полумѣсяцъ со звѣздой, Козерогъ и тоже сокращеніе ΒΑΕ, но битое послѣ чекана, въ клеймѣ.

Въ начертаніи буквъ видимъ Α и Ⱥ, почти одинаково часто, даже на точно одинаковыхъ во всемъ прочемъ варіантахъ; въ одиночныхъ буквахъ всегда Ⱬ.

На монетахъ царя ⋀ изображены на лиц. сторонѣ Арей, Асклепій, Геліосъ, (возможный портретъ царя); на оборотѣ—Змѣя, Полумѣсяцъ съ Солнцемъ (звѣздой), Трофей изъ оружія и при всѣхъ сокращеніе также одинаковое по существу, но разнообразное по начертанію ΒΑ⋀, $\frac{\text{ΒΑ}}{⋀}$ [2]). Также на оборотѣ, но уже у всѣхъ, извѣстны диференты, буквы Δ, Ⱬ и Ι. Клеймъ не попадалось. Въ начертаніи буквъ, которыхъ, впрочемъ, очень мало, есть только одна особенность, а именно буква Ⱬ, такого-же вида, какъ и на монетахъ царя Ε. Вообще

---

[1]) А. В. Орѣшниковъ, впервые описывая послѣднюю монету этой группы по экземпляру очень плохой сохранности, видитъ на ней и букву Ι; на моихъ двухъ экземплярахъ той же монеты, также плоховатыхъ (рис. 12 съ лучшей), этой буквы не примѣтно, если не счесть за таковую черту сбоку налучья, поставленную въ иномъ направленіи, чѣмъ прочія буквы, что едва ли допустимо. Впрочемъ, совершенно возможно встрѣтить точно одинаковыя съ буквой и безъ нея, хотя это и ненаблюдалось.

Были описаны еще двѣ монеты съ совсѣмъ иными буквами, но ихъ подлинность подверглась сомнѣнію, а потому, не вводя ихъ въ группу скажу о нихъ подробнѣе далѣе.

[2]) Въ начертаніи ⋀ иногда видѣли монограмму, состоящую изъ Μ и Ι (Салетъ) или изъ Μ и Υ (Гиль). Быть можетъ это и вѣроятно, но разнообразнѣйшее начертаніе буквы Μ вообще, позволяетъ, мнѣ кажется, видѣть и здѣсь лишь одну эту букву. Впрочемъ, это не существенно для дальнѣйшаго.

говоря, эта часть группы гораздо меньше первой, и числомъ типовъ и количествомъ извѣстныхъ экземпляровъ.

Этихъ краткихъ свѣдѣній достаточно для общихъ соображеній, а за бо́льшими подробностями слѣдуетъ обращаться къ вышеупомянутымъ спеціальнымъ источникамъ.

Какъ можно видѣть изъ сказаннаго, рядъ монетъ большой, разнообразный и любопытный, что и побуждало очень многихъ изслѣдовать ихъ и тщиться разгадать время чекана и принадлежность. Въ виду постояннаго нахожденія этихъ монетъ въ предѣлахъ боспорскаго царства и совершеннаго отсутствія ихъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, даже въ самой Таврідѣ (кромѣ, быть можетъ, чрезвычайныхъ исключеній мнѣ, однако, неизвѣстныхъ), можно утверждать положительно, что всѣ онѣ чеканились единственно на Боспорѣ и только для него; въ этомъ согласны всѣ, за то въ дальнѣйшемъ единомыслія не много [1]). Излишне подробно повторять всѣ сдѣланныя предположенія, о принадлежности разсматриваемыхъ монетъ, можно замѣтить только, что въ общемъ, какъ и слѣдовало ожидать, они состояли въ указаніи такихъ царей на Боспорѣ, имена которыхъ начинались-бы съ буквъ Ε или Ϻ. Разумѣется, могли искать и искали только между тѣми именами, о которыхъ сохранились какія-либо извѣстія древнихъ или ихъ памятники. Для царя Ε указывались имена Евмела I, II и III, Евбіота, Евпатора боспорскаго, но во всемъ этомъ, кромѣ буквы Ε, собственно говоря, не было никакого основанія, такъ что и сами авторы этихъ предположеній слабо вѣрили своимъ догадкамъ, а здѣсь уже и вовсе нѣтъ никакого повода на нихъ останавливаться. Пріурочить эти монеты не только къ миѳическимъ Евмелу II и III и Евбіоту, но и къ дѣйствительно существовавшимъ Евмелу I или Евпатору, явно невозможно [2]).

Много заманчивѣе предположеніе высказанное А. В. Орѣшниковымъ, отнесшимъ монеты съ ΒΑΕ Миѳрадату VI Понтійскому, занявшему боспорскій престолъ въ 92 году до Р. Х. и чеканившему тамъ

---

[1]) Бурачковъ (*Общ. кат. мон.*, 19 и 224, 225), указывалъ, что эти монеты находятъ въ окрестностяхъ Керчи, но чеканены онѣ на азіатской сторонѣ Боспора, не знаю уже почему. Гиль (*Восп. мон. съ моногр.*, 106) говорилъ, что ихъ находятъ лишь вблизи Боспора, какъ его увѣрилъ въ томъ Люценко. Сколько мнѣ удавалось видѣть и слышать, эти монеты находятъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Керчи; ихъ никогда и ни откуда не привозятъ, какъ, впрочемъ, и всякія другія боспорскія монеты, кромѣ позднихъ царскихъ; но и ихъ нахожденіе внѣ Боспора составляетъ большую рѣдкость; въ Херсонесѣ, по словамъ покойнаго Костюшки, за многіе годы очень большихъ раскопокъ, не было найдено ни одной изъ разсматриваемыхъ сортовъ.

[2]) Первые защитники этихъ мнѣній: Сестини и Міонне — Евпаторъ; Стемповскій и Сестини — Евмелъ II или III; Спасскій — Евмелъ I; Кёне — Евбіотъ; кн. Сибирскій и многіе другіе — неизвѣстный, но II в. до Р. Х.

монеты подъ однимъ своимъ прозваніемъ Евпатора, безъ имени [1]). Эта мысль очень соблазнительна и такъ хорошо обставлена и развита, что была принята такими знатоками и учеными, какъ Саллетъ и Имгофъ-Блюмеръ [2]). Однако, согласиться съ нею не легко, не смотря на большой авторитетъ ея защитниковъ; причины сомнѣнія изложены далѣе, при разсмотрѣніи этого вопроса вообще.

Въ царѣ ⋀ думали видѣть того-же Миѳрадата VI, его сына Махара, Миѳрадата Пергамскаго, Миѳрадата Боспорскаго. Все что будетъ сказано о трудности пріуроченія монетъ царя Ε къ Миѳрадату VI подходитъ къ такому-же предположенію и въ серіи царя ⋀; допустить существованіе монеты Махара, едва-ли возможно, даже и помимо всѣхъ причинъ приводимыхъ для времени Миѳрадата VI; мало вѣроятно, чтобы Миѳрадатъ Пергамскій, успѣлъ чеканить что-либо на Боспорѣ. Если чеканъ монеты вообще на Боспорѣ всѣми этими лицами очень сомнителенъ, то чеканъ мѣдной, какова вся эта серія и вовсе невозможенъ. Миѳрадатъ II Боспорскій чеканилъ монету совершенно иного стиля и на иномъ правѣ, какъ о томъ будетъ сказано далѣе.

Въ вопросахъ, нумизматики, подобныхъ настоящему, когда приходится опредѣлять время неизвѣстныхъ монетъ, всего естественнѣе обратить вниманіе на ихъ стиль. Этотъ способъ, понятный, а часто даже и единственно возможный, къ несчастью, слишкомъ субъективенъ и требуетъ отъ читателя безусловной вѣры въ слово говорящаго, а не убѣжденія въ правотѣ и ясности приводимыхъ имъ доказаттльствъ; къ тому-же, съ этимъ способомъ, получались большія недоразумѣнія. Не могу не вспомнить по этому поводу о Кёне въ свое время крупнѣйшемъ авторитетѣ въ вопросахъ нумизматики, особенно Херсонеса-Таврическаго. О стилѣ монетъ онъ говорилъ очень часто, съ совершенною увѣренностью, но привелось и ему отнести къ третьему вѣку до Р. Х. ту самую монету, на которой несомнѣнный, имъ не узнанный, годъ опредѣляетъ точное время чекана во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Случалось ему ошибаться цѣлыми вѣками, но это уже какъ-бы обычное дѣло. Приписавъ всю серію монетъ царя Ε миѳическому Евбіоту, онъ ихъ отнесъ къ 170 г. до Р. Х. и не задумался причислить къ тому-же времени, именно по стилю, монеты царя Ρ, которыя со-

---

[1]) *Oreschnikov, Zur münzk. d. Cim. Bosp.*, 13—15; *Его же, Боспъ. Киммер. въ эпоху Спартокидовъ*, 29—32, *Моск.*, 1884 г. Г. Рейнакъ въ *Trois Royaumes de l'Asie Mineure*, 201—204, не соглашался съ этимъ мнѣніемъ, полагая что эти монеты должны быть позже времени Миѳрадата; возраженіе А. В. Ор. помѣщено въ *Annales de la soc. de Numism.*, *1889*, *A propos d'une nouv. déterm. des mon. au monogramme* ΒΑΕ. Мнѣніе Рейнака, очень кратко высказанное, основано на несоотвѣтствіи стиля этихъ монетъ эпохѣ Миѳрадата.

[2]) *Sallet*, *Zeitschr. für Numism.*, XI, 340. *Imhoof-Blumer*, *Porträtköpfe auf ant. Münzen*, 34, 36.

вершенно точно помѣщаются въ началѣ I в. по Р. Х., что, впрочемъ, не мѣшаетъ имъ и дѣйствительно быть очень близкими къ монетамъ царя Ε, какъ увидимъ далѣе, недоразумѣніе-же получилось отъ того, что эти послѣднія ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть столь давними, какъ то думалъ Кёне. Все это показываетъ трудность полагаться на стиль монетъ, даже знатокамъ этого дѣла.

Теперь наши представленія о стилѣ не тѣ и ошибки могутъ встрѣтиться гораздо рѣже, главнымъ образомъ потому что всѣ стали осторожнѣе и не рѣшаются только по одному стилю монетъ опредѣлять ихъ время въ слишкомъ узкихъ предѣлахъ. Что серіи выше указанныхъ монетъ царей Ε и ϒ, разсматриваемыя въ отношеніи стиля, не могутъ принадлежать концу IV вѣка до Р. Х., когда царствовалъ Евмелъ I (309—303), ни ко времени Евпатора Боспорскаго (155—175, по Р. Х.), это очевидно, но къ концу царствованія Миѳрадата VI онѣ могутъ быть относимы, хотя, судя по одному стилю, ихъ можно счесть и болѣе поздними. Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ, стиль монетъ не даетъ твердаго рѣшенія тѣмъ болѣе, что опредѣленія по этимъ признакамъ часто бываютъ не самостоятельны, а находятся подъ вліяніемъ совсѣмъ постороннихъ соображеній, хотя указываютъ лишь на стиль. Съ трудомъ, но все-же допустимо для Миѳрадата VI и употребленіе въ сокращеніи начальной буквы не имени его, а прозванія, такъ какъ намъ извѣстны и золото и серебро несомнѣнно ему принадлежащія, но на которыхъ имѣется только прозваніе безъ имени[1]). Этими двумя возможностями для гипотезы принадлежности нашихъ монетъ Миѳрадату VI—нѣкоторымъ соотвѣтствіемъ стиля и начальной буквы имени,—едва-ли можно удовольствоваться, когда найдется не мало соображеній говорящихъ противъ.

Миѳрадатъ VI Евпаторъ чеканилъ во вторую половину своего царствованія, огромное количество монеты; его статеры и тетрадрахмы, особенно послѣднія, извѣстны въ большомъ числѣ варіантовъ, по годамъ и мѣсяцамъ. Чеканилось все это въ разныхъ мѣстахъ, но не только никогда не чеканилось на Боспорѣ или для Боспора, но кажется не было даже случая, чтобы тамъ или хотя-бы во всей Таврідѣ, когда-либо былъ несомнѣнно найденъ хотя единый экземпляръ этихъ истинныхъ монетъ Миѳрадата. Мелкое серебро, дидрахмы и драхмы въ монетныхъ рядахъ Миѳрадата составляютъ величайшую рѣдкость, онѣ извѣстны чекана только одного года. *Мѣдной* монеты Миѳрадатъ не чеканилъ *вовсе, никогда и нигдѣ*.

Этотъ несомнѣнный и логичный порядокъ его монетнаго дѣла подтверждается всѣми нумизматическими фактами и удостовѣряется не только отрицательной стороной вопроса, но и положительной: во

---

[1]) *Reinach, Trois royaumes de l'Asie Mineure*, 188—190; *Подшиваловъ, Монеты цар. Босф. киммер.*, 24—25; *Гиль, Опис. мон. пост. въ мое собр.*, 10; *Babelon et Reinach, Rec. génér. des monnaies grecques d'Asie Mineure*, 13, 14, 15, № 9, 10, 14.

всѣхъ родовыхъ владѣніяхъ Миѳрадата мелкое серебро, ранѣе столь обильно чеканенное нѣкоторыми городами, исчезаетъ, очевидно подъ вліяніемъ царя и замѣщается обильными и разнообразными выпусками городской-же мѣди. Чеканъ этой мѣди оставался правомъ городовъ, даже самыхъ незначительныхъ, и этимъ правомъ пользовались такіе города, у которыхъ ни до того, ни послѣ монета не извѣстна. Можно полагать отсюда, что великій царь, изъ видовъ политическихъ или просто изъ пренебреженія, не удостоивалъ мѣдь чеканомъ на ней своего имени. Города-же его царства не только чеканили много мѣдной монеты, но и подъ вліяніемъ царя, надо думать, чеканили ее, большею частью тождественныхъ типовъ; такой родъ, какъ-бы монетнаго соглашенія, извѣстенъ почти у всѣхъ городовъ Понта и Пафлагоніи, въ то время. Такъ поступали: Амасія, Амастрія, Амисъ, Авонотихъ, Газіура, Дія, Кавира, Комана, Лаодикея, Пимолиса, Синопа, Тавлара, Фарнакія, Хава́кта; въ будущемъ, вѣроятно, найдутся указанія еще и другихъ городовъ. Монетными типами оказываются: на лиц. стор.—Амазонка, Аполлопъ, Арей, Артемида, Аѳина, Діонисъ, Эгида, Зевсъ, Ника, Миѳра, Пантера, Персей; на оборотѣ—Гарпе, Киста, Колчанъ, Мечъ, Ника, Орелъ, Пегасъ, Персей, Рогъ изобилія, Треножникъ, Ѳирсъ [1]). На большинствѣ этихъ монетъ, кромѣ имени города, сполна написаннаго на оборотѣ, тамъ-же имѣются монограммы, часто по нѣсколько, всего вѣроятнѣе обозначающія имена монетныхъ чиновниковъ [2]). Этотъ признакъ особенно примѣтенъ и характеренъ, потому что монограммы бываютъ одинаковыя въ разныхъ городахъ и еще чаще на разныхъ типахъ одного и того-же города; отдѣльныя буквы въ полѣ монетъ, подобно какъ на разсматриваемыхъ монетахъ E и M имѣются только въ видѣ исключенія, всего на нѣкоторыхъ экземплярахъ одного города (Синопы) и одного типа, гдѣ онѣ означаютъ несомнѣнно годъ понтійской (виѳинской) эры.

Такъ было въ исконныхъ владѣніяхъ Миѳрадата но что-же было въ тоже время на Боспорѣ?—да совершенно тоже самое, какъ и слѣдовало ожидать: точно также мелкое серебро, особыхъ типовъ, чеканится городами въ началѣ; также великій царь неудостоивалъ мѣдь своимъ чеканомъ; точно также это дѣлали города, по старинѣ, съ царскаго разрѣшенія или съ его молчаливаго согласія, и не только Пантикапей, Фанагорія и Горгиппія, т. е. города боспорскаго царства, но и Херсонесъ; также замѣчается своеобразность въ тождествен-

---

[1]) Было бы слишкомъ долго въ точности указывать всѣ эти монеты, да и излишне; онѣ очень извѣстны, а подробности о нихъ можно найти, кромѣ указанныхъ выше въ спеціальныхъ сочиненіяхъ—Міонне, каталог. Британскаго музея, Имгофъ-Блюмера, Бабелона и Рейнака, и друг. Довольно хорошее ихъ собраніе, значительной полноты, можно видѣть въ музеѣ Имп. Одесскаго Общ. Ист. и Др.

[2]) *Reinach, Trois r.*, 76—83, 130, 170; о монограммахъ въ сосѣднихъ странахъ, Виѳиніи и Каппадокіи.

ности типовъ въ разныхъ городахъ; точно также употребительны монограммы, и не по одной, кромѣ полнаго имени города; смыслъ монограммъ тотъ самый, т. е. въ нихъ заключаются, надо думать, имена монетныхъ чиновниковъ; эти монограммы также бываютъ одинаковы на разныхъ типахъ и не рѣдко въ разныхъ городахъ; отдѣльныхъ буквъ въ полѣ также не имѣется вовсе. Монограммы здѣсь тѣмъ болѣе замѣтный признакъ, что до времени Миѳрадата онѣ почти не употребительны на Боспорѣ. Однимъ словомъ, въ Тавридѣ оказываются точно такія-же отношенія царской власти къ чекану монеты, съ тѣми-же послѣдствіями, какъ и въ родовыхъ владѣніяхъ Миѳрадата, что можно было-бы утверждать и a priori [1]).

---

[1]) Городскихъ монетъ времени Миѳрадата много въ Тавридѣ; укажу вкратцѣ нѣкоторыя, только по „*Об. кат.*“ Бурачкова: Пантикапей №№ 55, 56, 81, 119—132, 136—137, 145—150, 168—170, 178—180, 185—189; Фанагорія—№ 12; 14—15, 20—24; неизвѣстное мѣсто ,табл. XXIII, № 25—30, вѣроятно обще-земскія деньги, именно ихъ и можно было бы считать монетами битыми чиновниками Миѳрада Евпатора, если уже необходимо видѣть на Боспорѣ монету общаго значенія; Горгиппія № 2, 5—6; Херсонесъ—№ 7—14, 119.

Монограммы, какъ этихъ боспорскихъ монетъ, такъ и тѣхъ, о которыхъ прійдется говорить далѣе, представляютъ не малый интересъ, чѣмъ и побуждали многихъ стараться ихъ прочесть; при этомъ высказано много знанія и остроумія, но результаты получились сомнительные. Нѣтъ прямой необходимости для разсматриваемаго вопроса, заниматься разгадываніемъ этихъ древнихъ вензелей, но все же позволю себѣ сказать, что къ этому дѣлу, насколько мнѣ кажется, надо приступать просто. Монограммы были на монетахъ сокращеніемъ имени, но не головоломными загадками; онѣ писались, конечно, такъ, чтобы всякій знавшій политическихъ дѣятелей своей страны могъ читать въ монограммѣ полное имя, да и любой грамотный не менѣе просто и легко читалъ ея буквы, если даже и не узналъ цѣлаго имени; это мнѣ кажется естественной и логической необходимостью, исключенія изъ которой могутъ попадаться крайне рѣдко и то только потому, что рѣзчикъ монограммы былъ неумѣлый, а не изъ желанія сдѣлать изъ монограммы тайну, загадку. По этому всякую монограмму и слѣдуетъ читать просто, прямо и очевидно, а не вертѣть ее во всѣ стороны и не дробить на мелкія части. Подобное замѣчаніе о чтеніи монограммъ было у насъ сдѣлано еще Кёллеромъ (*Serapis*, II, 223), но не привилось и въ монограммахъ часто видятъ родъ тѣхъ загадочныхъ картинокъ, въ которыхъ долго вертя ихъ во всѣ стороны и наконецъ, перевернувъ вверхъ ногами, особенно привычные къ этому занятію, находятъ искомое въ самомъ невѣроятномъ мѣстѣ. Если такъ поступать съ древними монограммами, то не трудно въ нихъ прочесть все что будетъ угодно. Любопытный образчикъ такого чтенія можно видѣть въ трудѣ одного нумизмата (давно покойнаго), который въ самой несомнѣнной, очевидной монограммѣ, заключавшей въ себѣ только три первыя буквы имени Романа, умудрился прочесть полное имя города Херсона и, конечно, такимъ путемъ могъ бы вычитать любое иное. Въ нѣкоторое извиненіе нумизмата прибавлю, съ его словъ, что и самъ онъ смотрѣлъ на свою попытку, какъ на шутку (сомнительнаго, однако, достоинства), сдѣланную для того, чтобы возбудить любопытство высокопоставленной особы (императрицы Маріи Александровны), которой онъ подносилъ и монету и брошюру, при посѣщеніи ею Херсонеса. (*Vacquier, Méd. de St. Vladimir*). До чего можетъ дойти мысль, при вольномъ обращеніи съ монограммами, видно изъ нѣсколькихъ страницъ написанныхъ нумизматомъ, кн. Сибирскимъ (*Безъименные тетрахалки, З. Од. Общ. Ист. и Др.*, X, 36—43), гдѣ въ монограммахъ боспорскихъ монетъ (*Бур. Общ. кат., табл.* XXIII, 25—30), авторъ вычиты-

И вотъ, такое стройное единообразіе монетнаго права всего царствованія Миѳрадата, во всѣхъ его владѣніяхъ, азіатскихъ и европейскихъ, будто-бы нарушается; предполагается, что нѣкоторое короткое время, около 92 года по Р. Х., чеканятъ на Боспорѣ царскую монету, но не золотую или серебряную, а только мѣдную, т. е. такую, какой у этого царя не было нигдѣ. Стиль этой монеты не тотъ; типы лишь частью подобны азіатскимъ (изъ 31 только 10), есть такіе, что неизвѣстны ни въ Понтѣ, ни въ Боспорѣ; весьма характерный признакъ— монограммы чиновниковъ, отсутствуютъ; имѣются тогда не бывалыя въ Понтѣ отдѣльныя буквы, диференты въ полѣ монетъ; наконецъ, самое имя великаго, мѣры себѣ незнавшаго царя является въ сокра-

---

ваетъ имена: Агриппы, Фарнака, Дарія, Арзака, Асандра, Динамія и еще многое иное. Въ разсматриваемой здѣсь же, ниже, монограммѣ (№ 28), онъ видѣлъ: во первыхъ, указаніе римскаго тріумвирата. затѣмъ въ ней же, сокращеніе словъ Φ(αρνάκου) Μ(εγάλου) Τοῦ Μ(ιθραδάτου) Ε(ὐπάτορος) Δ(ιονισίου) и наконецъ, сверхъ того, полный титулъ или прозвище Фарнака — ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΣ. Все это, по словамъ автора, усматривается въ монограммѣ безъ какой-либо натяжки.

На тѣхъ монетахъ городахъ Боспора, о которыхъ упомянуто выше, временъ Миѳрадата, особенно извѣстны три монограммы № 24, 28 и 30, л. V. Разгадываніе ихъ приводило къ самымъ разнообразнымъ рѣшеніямъ, а такъ какъ эти монограммы имѣютъ нѣкоторое отношеніе къ настоящему вопросу, то для уясненія высказаннаго выше о разгадываніи монограммъ и для толкованій въ дальнѣйшемъ укажу, что, по моему, видно на этихъ монограммахъ съ опредѣленной ясностью. Въ первой основная буква Н и кромѣ того можно найти Δ, Μ, Τ и Ρ ни больше, ни меньше; изъ этихъ буквъ можетъ получиться напр. — ΔΗΜΗΤΡ, но никакъ нельзя здѣсь прочесть, какъ думали, имя Миѳрадата. Къ тому же, допустивъ въ этой монограммѣ чтеніе имени Миѳрадата, подразумѣвая царя, мы этимъ самымъ отвергаемъ всѣ соображенія приведенныя въ защиту пріурочиванія этому царю монетъ съ сокращеніемъ ΒΑΕ. Впрочемъ, на одной монетѣ Горгиппіи, превосходной сохранности, та же монограмма (№ 28) упрощается, имѣя видъ какъ № 29, а это даетъ поводъ думать, что буква Δ въ ней не существенна и слѣдовательно предлагаемое выше чтеніе тоже сомнительно; однако, возможна и недодѣлка монограммы, на этихъ экземплярахъ монеты.

Монограмма № 28 часто сопровождается другой—№ 30, гдѣ всего три буквы, вполнѣ очевидныхъ —Μ, Τ и Ε; въ ней тоже узнавали имя Миѳрадата — Евпатора. Однородность предположеній въ двухъ столь различныхъ монограммахъ, помѣщающихся на одной и той же монетѣ, взаимно исключая другъ друга, тѣмъ самымъ показываютъ, что тутъ не можетъ быть рѣчи о царѣ. Наконецъ напомню, что монограмма подобная первой извѣстна и на монетахъ другихъ странъ, напр. на тетрадрахмахъ 88 года. Никомеда II, царя виѳинскаго, на которыхъ титулъ и имя царя прописаны вполнѣ (*Reinach, Trois royaumes, etc.* 127; *W. Wroth, Cat. ot greck Coins, Pontus, etc.*, 213, № 10), или на знаменитомъ золотомъ медальонѣ въ двадцать статеровъ, (да и на другихъ) Евкратида бактрійскаго (*Lenormaut, Monnaies et médailles*, 37), 200 — 150 года, а также его преемниковъ Анталкида, Діомеда, Менандра и другихъ (*Gardner Catalogue of indian coins*, 14, 16, 25, 26, 31, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 55, 56, 66).

Третья монограмма особенно извѣстна въ Херсонесѣ и часто встрѣчается на монетахъ разныхъ странъ и временъ, даже на тетрадрахмахъ Миѳрадата VI и на только что указанной мѣди нѣкоторыхъ городовъ его азіатскихъ владѣній — Амиса, Фарнакіи, Тавлары, Синопы. На ней, съ не меньшею очевидностью, усматриваются только три буквы Π, Α и Ρ ни больше, ни меньше. Получить отсюда должное имя или даже составить

щенномъ, какомъ-то прикровенномъ видѣ. Все это оказывается только на Боспорѣ и ни мало не касается Херсонеса, въ которомъ никогда, ни одной монеты царей Ε и ⋀ не находили, хотя этотъ городъ тоже въ Таврида и тоже подчинялся Миѳрадату. Такимъ образомъ, право городовъ чеканить монету, право которымъ они такъ дорожили и которому Миѳрадатъ, видимо, не придавалъ большаго значенія, пока оно касалось мелкаго серебра и мѣди, этимъ самымъ, неизвѣстно за что отмѣняется, а это тѣмъ менѣе вѣроятно, что предполагается во время наибольшаго разцвѣта силъ Миѳрадата и усиленнаго его старанія явиться спасителемъ и благодѣтелемъ греческихъ городовъ, въ каковомъ качествѣ онъ, добровольно признанный, занималъ Тавриду съ Боспоромъ. Извѣстно, что Миѳрадатъ дорожилъ городами Тавриды, на столько, что даже дань съ очень богатого Боспора взималъ небольшую, а съ Херсонеса, повидимому, и вовсе ничего не требовалъ, кромѣ военной помощи, да и то временной и чуть ли даже не добровольной, во всякомъ случаѣ сохранивъ ему полную автономію, очевидную по писфизму Діофанта [1]). Бурачковъ предположилъ, что разсматриваемую здѣсь мѣдь первой группы Миѳрадатъ чеканилъ для найма войскъ [2]); надо думать, однако, что на мѣдную монету, рѣдкую, зна-

---

буквы въ томъ порядкѣ, какъ то думалъ рѣзчикъ монограммы едва-ли удастся, по большому разнообразію рѣшеній не только возможныхъ, но и отвѣчающихъ дѣйствительно бывшимъ. Тотъ-же кн. Сибирскій (*ор. с.* 74, *примѣч.*) думалъ въ этой монограммѣ прочесть имена Перисада и Аспурга, написанныхъ вмѣстѣ. Имя Аспурга усматривали здѣсь многіе, но мнѣ кажется такое чтеніе невозможнымъ, (о томъ же далѣе). Хотѣли въ этой монограммѣ читать не собственное имя, но и въ такомъ случаѣ буквы слова должны быть указанныя выше, а не какія либо иныя. Въ то же время, эта же монограмма, извѣстна на Боспорѣ и въ болѣе простомъ начертаніи, а именно безъ буквы Ρ, подобно № 25, 26. Чтобы все сказанное не казалось ни чѣмъ не обоснованнымъ, субъективнымъ воззрѣніемъ прибавлю, что на точно одинаковыхъ монетахъ обыкновенно стоятъ сразу № 28 и 30 или одна монограмма № 24, а есть и такая монета Горгиппіи, на которой выбиты вмѣстѣ монограммы № 28 и 24, такъ что на ней приходится сразу читать и Миѳрадата и Аспурга, что уже и физически невозможно; а по словамъ кн. Сибирскаго столько именъ, прозваній и титуловъ, что не скоро ихъ и вспомнишь. (Фототипіи оборота монетъ Горгиппіи на л. I, рис. 4—5; съ тѣми же монограммами, но на разныхъ во всемъ прочемъ схожихъ экземплярахъ, см. у *Giel*, *Kleine Beiträge*, т. V, № 2, 12—14). Недавняя находка двухъ херсонесскихъ монетъ, удостовѣрила, что монограммы № 23, 24 или 27 въ Херсонесѣ должны читаться, какъ ΠΑΡΘένος. Само собою разумѣется, что это разрѣшеніе старой загадки, получалось только для Херсонеса, а въ иныхъ мѣстахъ таже монограмма, надо думать, читается иначе, такъ какъ ея буквы могутъ служить для очень многихъ именъ и словъ.

[1]) *Страбонъ*, VII, 4. § 6. Серебра двѣсти талантовъ (всего 276 тыс. р. по старому серебру; въ старомъ серебряномъ рублѣ 4 з. 21 д. = 18 гр.; драхма Миѳрадата 4,14 гр. значитъ $18 : 4{,}14 = 100 : x$ и драхма $= \frac{4{,}14.100}{18} = 23$ копейк., а талантъ 6.000.23=1380 р.) и сто восемьдесятъ тысячъ медимновъ хлѣба (около 45 тысячъ четвертей, по современной стоимости приблизительно, около 500 тысячъ рублей), можно считать для боспорскаго царства малозначащей величиной.

[2]) *Бурачковъ*, *Общій кат. монетъ*, 225

читъ едва-ли чеканенную въ большихъ количествахъ, и къ тому-же исключительно мѣстнаго значенія ни въ какое время, ни какого войска ни нанять, ни содержать нельзя было, такъ что это предположеніе, ничѣмъ не доказываемое, не вѣроятно [1]).

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что во все царствованіе Миѳрадата, вездѣ въ его владѣніяхъ въ отношеніи права и порядка монетнаго чекана, оказывается вполнѣ логичное и однообразное положеніе вещей, въ которомъ серіи монетъ царей Ε и ⋀ не находятъ себѣ мѣста всѣмъ своимъ существомъ. Частности этихъ монетъ тоже не благопріятны этой гипотезѣ; ихъ и разсмотримъ.

На нѣкоторыхъ изъ монетъ царя Ε, какъ уже было говорено, имѣются въ полѣ оборота отдѣльно стоящія буквы, диференты, отъ Α до Ζ (или до Ι); эти буквы, большинствомъ изслѣдователей признаются счетомъ годовъ царствованія и на этомъ основаніи дѣлаются разные выводы въ томъ смыслѣ, что вся эта серія могла принадлежать только относительно долго царствовавшему государю, не менѣе, судя по буквамъ, десяти лѣтъ; такого царя и находятъ въ Миѳрадатѣ VI (I на Боспорѣ) Евпаторѣ. Но кого-же найти въ серіи монетъ царя ⋀, у котораго извѣстно хотя и мало сортовъ монетъ, всего три, но всѣ съ буквами, а межъ ними несомнѣнная цифра—десять. Въ этой серіи букву Δ совсѣмъ еще не пробовали объяснять [2]), а буквы Ϛ и Ι толкуются иначе, чѣмъ на серіи царя Ε, именно, какъ знаки цѣнности монетъ, счетъ [3]). Однако, такое объясненіе совершенно иного рода въ тождественномъ дѣлѣ, многими не признается, да и не считается возможнымъ потому что на Боспорѣ не было монетнаго счета въ десять единицъ. Дѣйствительно, тамъ цѣнность на мѣдныхъ монетахъ обыкновенно выражалась цифрой 48 [ΜΗ], рѣже цифрой 24 [ΚΔ]; но такія обозначенія появились позже, впервые на мѣди Нерона, при Котисѣ I, т. е. около 60-го года; ранѣе-же, при царяхъ чеканив-

---

[1]) Это указалъ Гиль (*О босф. мон съ моногр., Тр. VI Арх. съѣзда*, т. II, 106), Сдѣлавъ столь мѣткое замѣченіе авторъ, нѣсколько далѣе (стр. 110) не усомнился признать возможнымъ чеканъ вышеуказанной мѣди съ моногр. на Боспорѣ, для уплаты дани уже самому Миѳрадату. Въ его обширныхъ газофилакіяхъ, набитыхъ драгоцѣнностями, едва ли нашлось бы мѣсто для мѣди, даже допуская, что великій царь удовольствовался тѣмъ, что и солдата не удовлетворяло, да и согласился принять денежные знаки условной цѣнности, не выше трети настоящей. Годовая дань, двѣсти талантовъ, хотя и не велика, но въ мѣдной монетѣ условной цѣнности выражается двѣнадцатью милліонами шестьюстами тысячъ штукъ самыхъ крупныхъ мѣдныхъ монетъ (тетрахалковъ), а такое количество не то что въ годъ, а вѣроятно и въ десять лѣтъ не смогли бы начеканить на Боспорѣ. Получая ежегодно такую уйму мѣди, царю пришлось бы только любоваться ею, ибо нигдѣ, кромѣ Боспора, она хода не имѣла, такъ какъ нигдѣ болѣе ее не встрѣчаютъ.

[2]) Орѣшниковъ, *Каталогъ собранія графа Уварова*, 76; *Oreschnikow, Une monnaie au monogr.*, 275.

[3]) Гиль, *Новыя пріобрѣтенія моего собранія, отд. отт.*, 13.

шихъ третью группу разсматриваемыхъ монетъ, Р(искупоридѣ), Миѳрадатѣ II и томъ-же К(отисѣ I), мы видимъ меньшую цифру 12 [IB] и даже, хотя и рѣдко, встрѣчаются монеты съ буквами Δ, Ϛ и H[1]). Отсюда казалась-бы возможной и цифра I, но если всѣ эти цѣнности даны въ доляхъ римскихъ асовъ, то десяти тамъ быть не можетъ, такъ какъ въ асѣ дѣленія кратны отъ 12. Однако, можно полагать, что на монетахъ царей E и ⋀ цѣнность обозначалось не долями аса, а халками почему и I не исключается[2]). Объясненіе одиночныхъ буквъ цѣнностью монетъ для царя ⋀ допущено только потому что года царствованія примѣнялись еще труднѣе въ этомъ случаѣ. Правда, изъ-за этого обстоятельства предлагали и эту серію отнести тому-же Евпатору, но уже чеканившему подъ именемъ Миѳрадата. Не буду останавливаться на этомъ предположеніи въ виду явной невозможности хотя и сходныя, но всѣ-же различныя серіи монетъ приписывать одному и тому-же лицу. А. В. Орѣшниковъ указалъ иной выходъ въ возможности счета десятаго года въ царствованіи Миѳрадата II, какъ то мы въ правѣ заключить изъ событій его правленія[3]). Это послѣднее соображеніе совершенно правильно, но этотъ царь чеканилъ свою вполнѣ царскую монету, съ перваго-же года, мѣдную и даже золотую, съ полными надписями имени и титула, и въ потаенной монетѣ, подобной нами разсматриваемой, не нуждался въ особенности въ возможный десятый, послѣдній годъ своего царствованія, когда офиціально признанымъ царемъ уже около пяти лѣтъ былъ Котисъ I, а Миѳрадатъ II скитаясь велъ открытую войну съ Римлянами. Еще труднѣе объяснить будетъ то, что въ такомъ случаѣ прійдется явно близко схожія серіи монетъ царей E и ⋀, разъединить почти полутора вѣками времени; одну считать битой при Миѳрадатѣ Евпаторѣ въ самомъ началѣ I вѣка до Р. Х., а другую при Миѳрадатѣ II въ половинѣ I вѣка по Р. Х.

Итакъ, въ виду указанной разности объясненій буквъ въ явно однородныхъ и близкихъ по времени серіяхъ монетъ слѣдуетъ думать, что годы царствованія не будутъ настоящимъ истолкованіемъ этихъ буквъ и на монетахъ царя E, такъ какъ въ этихъ обѣихъ серіяхъ онѣ должны имѣть одинаковое значеніе.

---

[1]) Изъ этихъ послѣднихъ извѣстны: по одной съ BAM, съ BAP и съ BP, двѣ съ BAK и одна Агриппи-Кесарея; *Бурачковъ*, *Общ. кат.*, л. XXIV, 27, л. XXVII, 105, 106 и 113, л. XXIII; (безъ сомнѣнія на № 106 не монограмма, а цифра—6, изображенная въ видѣ № 46; точно въ такомъ начертаніи она показана и на статерѣ 336 года Миѳрадата II, см. *Гиль*, *Опис. мон.* № 62); *Fröhner*, *Cat de méd. de M. Lemmé*, № 22). Всѣ эти монеты здѣсь на рис. 19, 30, 31.

[2]) О знакахъ цѣны на царскихъ боспорскихъ монетахъ, въ томъ числѣ и первой группы, подробное изслѣдованіе: *Дифференты на боспорскихъ, царскихъ монетахъ*, въ I т. *Нум. Сбор.*; для монетъ царей E и ⋀, стр. 23—25, отд. отт.

[3]) *Орѣшниковъ*, *Матер. по нумизм. черн.*, 17.

Есть и еще нѣсколько соображеній говорящихъ противъ возможности видѣть въ буквахъ монетъ царей Ε и ϒ года царствованій. Во-первыхъ не могу припомнить, чтобы кто-либо во время Миѳрадата, у насъ или въ близко сосѣднихъ странахъ, обозначалъ таковыя на мѣдныхъ царскихъ монетахъ; всѣхъ менѣе это могъ сдѣлать самъ Миѳрадатъ, явно считавшій мѣдь не достойной своего имени и, конечно, не могшій придать ей значеніе подобающее только золоту и большому серебру; да и на этихъ металлахъ, при немъ ставили, какъ извѣстно, годъ и даже мѣсяцъ понтійской (она-же виѳинская) эры, но не годъ его царствованія. И не только годы его царствованій, но и какіе-бы то ни было въ тѣхъ странахъ и временахъ, о которыхъ идетъ рѣчь, на мѣди, извѣстны всего лишь на двухъ монетахъ города Синопы, чеканенныхъ во время Миѳрадата, одного типа, имѣющихъ годовыя числа изображенныя также понтійскою эрой, какъ и на монетахъ царя (223 и 225, т. е. 75/74 и 73/72 до Р. Х.), а не годами царствованія Миѳрадата; какъ видимъ такого обозначенія не сдѣлалъ даже и родной Миѳрадату городъ[1]). На золотѣ этого царя, издавна, указываютъ какъ-бы исключеніе изъ правила для монетъ чеканенныхъ, повидимому въ Пергамѣ и отмѣченныхъ особой новой эрой—началомъ правленія Миѳрадата въ тѣхъ краяхъ, во время первой римской войны. На этихъ монетахъ извѣстны буквы Β, Γ и Δ, читаемыя какъ годы правленія, соотвѣтствующіе 88—86 до Р. Х. Предположеніе о чеканѣ такихъ статеровъ въ Пергамѣ основано на томъ, что одна изъ монограммъ, имѣющаяся на нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ, но не на всѣхъ, сходна съ выбитой на пергамскихъ кистофорахъ и можетъ читаться, какъ ΠΕΡγαμον, съ нѣкоторой натяжкой. Однако, другая монограмма на монетахъ того-же ряда, совершенно отлична и очевидно представляетъ сокращеніе имени лица, а не какого-либо города, какъ и всѣ вообще многочисленныя монограммы битыя на монетахъ этого царя или городовъ его времени и царства. Отсюда позволительно думать, что и монограмма подобная пергамской можетъ разрѣшаться также какимъ-либо личнымъ именемъ и что чеканъ въ Пергамѣ всего этого ряда все-же не вполнѣ доказанъ, а еще менѣе доказано значеніе численныхъ буквъ на немъ, какъ первыхъ лѣтъ новаго лѣтосчисленія[2]). Но даже, если-бы послѣднее и было

---

[1]) На монетѣ изображено: на лицѣ — голова Зевса, на оборотѣ — орелъ на молніи. *Reinach, Trois Royaumes de l'Asie Min.*, 201; *Babelon et Reinach, Recueil génér. des mon. grecques d'Asie Min.*, 195, № 60; *Reuilli, Voyage en Crim.*, 229; *Boutkowski, Diction. numism.*, 1746, № 2865, со ссылкой на *Rauch, Mitteil. d. Numism. Ges. in Berl.*, II *Heft. Berl.* 1850, 50. Бутковскій счелъ обозначенную на этой монетѣ эру за синопскую, а не понтійскую или виѳинскую, какъ то слѣдуетъ. Это монеты очень рѣдкія, но тотъ же сортъ монетъ чеканенъ въ изобиліи безъ годового числа.

[2]) Напр., точно такая монограмма имѣется на македонской тетрадрахмѣ времени Римлянъ (полов. II вѣка), никакого отношенія неимѣющей къ Пергаму (*Macdonald, Cat. of the Hunt. col.*, I, 354 № 5). У сирійскаго Антіоха I точно таже монограмма и г. Ва-

несомнѣнно, то покореніе всей Малой Азіи, къ какому обстоятельству относятъ начало этой новой эры, случай совсѣмъ чрезвычайный, ради котораго могли попробовать ввести не только эру, но и особый типъ оборота монеты новаго Діониса[1]). Впрочемъ, все сказанное вѣрно для времени Миѳрадата, но если монеты Ε и ⋀ отнести къ болѣе позднему времени, то обозначеніе на нихъ лѣтъ царствованія уже не будетъ безъ прецедентовъ и въ нашихъ краяхъ, но все-таки только на золотѣ (Асандръ).

Во-вторыхъ всякая царская монета, не то что городская, она непремѣнно должна имѣть значеніе для всего государства, независимо отъ мѣста чекана, а особенно идущая отъ имени такого царя, какъ Миѳрадатъ VI Евпаторъ. Значитъ едва-ли можно допустить, чтобы на такой общегосударственной монетѣ былъ не дѣйствительный, а какой-то условный годъ царствованія, сообразный лишь съ временемъ овладѣнія отдаленнымъ краемъ, при чемъ не сдѣлано никакого указанія на мѣсто чекана или особое назначеніе монеты и даже самъ царь указанъ потаенно. Предполагается, что окончательное присоединеніе

белонъ читаетъ ее, какъ сокращеніе имени города Птолемаиды, а возможно, что и Птолемея (*Babelon, Les rois de Syrie*, CLXXVIII, моногр. № 61 и частью 208, 252). Правильная монограмма Пергама такова, какъ на № 41, гдѣ и читаются ясно Π, Ε и Ρ; на золотѣ Миѳрадата монограммы имѣютъ видъ № 42 и хотя пергамская иногда бываетъ подобна и этой, но здѣсь возможно видѣть только Π и Ε, быть можетъ Τ, а верхнее колечко счесть за обычный знакъ лигатуры, но не за верхнюю часть буквы Ρ. Нѣкоторое сомнѣніе въ чтеніи этой монограммы, слѣдовательно возможно.

[1]) *Reinach, Trois royaumes de l'Asie Min.* 194 — 195; *Babelon et Reinach, Recueil etc.*, 13. На стр. 16, этого послѣдняго сочиненія описана еще новая серія монетъ Миѳрадата, изъ части пергамскимъ тетрадрахмъ, по г. Рейнаку, и нѣкоторыхъ ранѣе неизвѣстныхъ. Въ этой серіи также видятъ новое лѣтосчисленіе названное эллинскимъ, такъ какъ и пергамское (?) къ нимъ не подходитъ. Предполагается, что эти монеты чеканены въ Аѳинахъ, изображался на нихъ олень. Не слишкомъ ли много разныхъ новыхъ эръ для одного и того-же царствованія? У меня есть тетрадрахма этого послѣдняго типа, съ монограммой № 33 и двумя отдѣльными буквами въ полѣ оборота, вверху Α, внизу Δ. Въ серединѣ монограммы, сверху, отчетливое Ο, а не Ρ, да это вполнѣ ясно видно и на фототипіи (*pl.* II, № 12), авторовъ сочиненія; поэтому указанная монограмма ни коимъ образомъ не можетъ разрѣшаться въ имя Архелая (*Babelon et Reinach, op. c.* 16); въ ней очень ясно видны буквы Μ, Α, Ε и Ο, ничего болѣе, а изъ этого Архелая не сдѣлать. Что эту монограмму надо читать именно такими буквами, можно видѣть на почти точно такой, гдѣ лишь справа вмѣсто Ε сдѣлано Ρ и которая извѣстна въ Маронеѣ, гдѣ ея чтеніе, какъ имя самаго города, а стало быть съ указанными выше буквами, внѣ сомнѣнія (см. напр. *Macdonald, Cat. of gr. Coins in the Hunt. Collect.*, I, 382; *Poole, Cat. of greek coins, Thrace*, 130, 131).

На обѣихъ серіяхъ этихъ монетъ Миѳрадата, съ различными, будто бы, лѣтосчисленіями, пергамскимъ и эллинскимъ, имѣются и тождественныя монограммы какъ № 39, извѣстныя на многихъ понтійскихъ тетрадрахмахъ 219—225 годовъ (т. е. 73), того же царя. Явно и несомнѣнно, что это монограмма монетнаго чиновника понтійскаго царства, зачѣмъ бы ему быть и въ Пергамѣ и въ Аѳинахъ и къ тому же одновременно, такъ какъ по счету авторовъ въ этихъ обоихъ мѣстахъ биты монеты указываемыхъ двухъ особыхъ серій, съ такой монограммой въ 87—86 годахъ (*Babelon et Reinach, op. c.*, 13, 16—19).

Тавриды съ Боспоромъ сдѣлано Миѳрадатомъ въ 92 году до Р. Х., къ которому относятъ монеты царя Ε съ первымъ годомъ, но тогда шелъ двадцать девятый годъ царствованія Миѳрадата и не легко признать, что отъ имени царя осмѣлились сказать что-либо иное, вѣдь годы царствованія были, есть и будутъ своего рода славой и почетомъ, къ тому-же всѣ ихъ знали въ новыхъ владѣніяхъ, такъ-же какъ и въ старыхъ [1]).

---

[1]) Предположеніе этого года основано на времени появленія въ Понтѣ, на монетахъ Миѳрадата одного его прозванія, Евпаторъ, безъ имени.

Завладѣніе Боспора Миѳрадатомъ обыкновенно относятъ ко времени болѣе раннему, около 115—107 годовъ (напр. *Meyer*, *Gesch. d. Königr Pontos*, 91; *Reinach*, *Mithr. Eupator*, 67—70; *Latyschev*, *Inscr.* I, 180, II, XXIX; *Brandis*, *Bosporos*, 773, *Paulys*, *Real—Encycloped.*, V *Halbb.*) и мнѣ кажется, что послѣднее опредѣленіе вѣрнѣе. Позднѣйшіе годы предполагаются на основаніи такого пониманія надписи Діофанта, по которому три военныхъ похода отодвигаютъ далеко одинъ отъ другаго, помѣщая ихъ, между 112—79 годами, т. е. растягивая скиѳскія войны Миѳрадата на тридцать три года, (*Псифисмъ древн. гор. Херсонеса*, *З. Од. Общ. И. и Др.*, XII, 17, 19). Признавая такое толкованіе, прійдется и завладѣніе Боспоромъ отнести уже не къ 92, а даже къ 79 году. Мнѣ кажется невозможнымъ допустить, что Херсонесцы, только послѣ всѣхъ трехъ войнъ воздавшіе достойныя почести Діофанту, своему спасителю въ первой войнѣ, надумались это сдѣлать лишь по прошествіи тридцати трехъ лѣтъ, когда едва ли и Діофантъ былъ въ живыхъ, да и владычество Миѳрадата уже не могло казаться столь спасительнымъ и желательнымъ, какъ въ первые медовые годы, которыми благоухаетъ весь псифисмъ Діофанту, несомнѣнно писанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего происшедшаго. Въ декретѣ требуется *скорѣйшее* исполненіе назначенныхъ почестей и эта поспѣшность не имѣла бы никакого смысла, если награды давались послѣ долгихъ ожиданій и за заслуги оказанныя на много десятковъ лѣтъ ранѣе. Впрочемъ, въ 85 г. Діофантъ еще, быть можетъ, былъ въ живыхъ такъ какъ съ этимъ именемъ извѣстенъ одинъ изъ вождей Миѳрадата въ войнѣ съ римлянами во Фригіи. (*Reinach*, *op. c.*, 200). Послѣ 79 года, за пятнадцать лѣтъ до смерти Миѳрадата VI, въ Херсонесѣ скорѣе подготовляли возстаніе противъ царя, чѣмъ воздавали запоздалыя почести его полководцу. Настоящій вопросъ совершенно вѣрно рѣшенъ Фукаромъ (*Décret de la ville de Chersonenésos*, *Bulletin de correspond. Hellénique*, 1881, II, 81) и указанными выше авторами такъ что, какъ по высказанному, такъ и по инымъ еще причинамъ, которыя не мѣсто здѣсь излагать подробно, всѣ три похода шли быстро одинъ за другимъ, продолжаясь не долѣе трехъ-пяти лѣтъ подъ рядъ.

Съ покореніемъ Тавриды, особенно Херсонеса, ставили въ связь появленіе на монетахъ Миѳрадата одного его прозванія, Евпатора, безъ имени, и оленя, будто бы герба Херсонеса, вмѣсто бывшаго до того Пегаса. Конечно, мѣстные патріоты въ Херсонесѣ могли думать и даже писать, что *„Дѣва Херсонаситовъ вдохнула смѣлость и отвагу“* въ войско царя и что ея содѣйствію онъ обязанъ *„славой и достопамятной на всѣ времена побѣдой“*, но чтобы въ это вѣрилъ десятки лѣтъ самъ царь и его монетчики, чеканя монету въ совсѣмъ иномъ, родовомъ царствѣ, съ совершенно иными религіознымъ культами, не могу допустить тѣмъ болѣе, что эта побѣда была около 115—110 годовъ, а олень вмѣсто Пегаса окончательно появился въ Понтѣ, на монетахъ Миѳрадата, лишь въ половинѣ 86—85 года (*Reinach*, *Trois r.* 199; *Babelon et Reinach op. c.* 17), т. е. почти черезъ тридцать лѣтъ; не скоро, значитъ, вспомнилъ царь и Дѣву и побѣду. Временное появленіе оленя извѣстно на десять лѣтъ ранѣе, но оно объясняется гораздо проще. Я думаю, что все это есть дѣло обыкновенной монетной случайности, совершенно понятныхъ пробъ и колебаній первыхъ лѣтъ обширнаго, но еще не устано-

Въ третьихъ эти буквы стоятъ только на нѣкоторыхъ монетахъ царя Е, а не на всѣхъ. Девять видовъ имѣютъ буквы, а одиннадцать не имѣютъ, но никакой разницы по существу, между тѣми и другими нѣтъ; это обстоятельство хотя и не безпримѣрное, но все-же очень странное; если буквами обозначали года царствованія, то почему не дѣлали этого на всѣхъ? Типы монетъ съ буквами всего три раза повторяются

вившагося замысла чекана долгой серіи монетъ. Предшественники Мисрадата въ Понтѣ чеканили монету, сколько знаемъ, мало и рѣдко, онъ самъ въ первую половину своего царствованія ничего не чеканилъ. Но вотъ, черезъ двадцать пять лѣтъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, предпринимается царемъ самый правильный, усиленный и дѣятельный выпускъ монетъ, продолжавшійся затѣмъ безъ перерыва, до конца царствованія въ теченіе тридцати лѣтъ; совершенно естественно, при такихъ условіяхъ, найти разнообразіе въ такомъ обширномъ чеканѣ, особенно въ началѣ. Первая монета царя еще не имѣетъ обозначенія года, а типы ея хотя и обычные впредь, но безъ вѣнка вокругъ надписи, на оборотѣ. Правильный, датированный чеканъ монетъ Мисрадата извѣстенъ не ранѣе 202 п. э., (т. е. 96—95 до Р. Х.), когда онъ владѣлъ Тавридой уже добрый десятокъ лѣтъ, если небольше. Въ этотъ первый годъ чеканили главную монету, тетрадрахмы, съ Пегасомъ, а не съ олешемъ; тогда же попробовали бить и мелкую монету, драхмы. На драхмахъ трудно было помѣстить сполна длинные титулъ и прозваніе царя, почему и попробовали ограничиться однимъ прозваніемъ, (не помѣщеніе титула царя, вѣроятно, по недостатку мѣста на драхмахъ, предполагается и у Александра В., (*Müller, Numism. d'Alex.*, 19), а для болѣе понятнаго и желательнаго отличія мелкой монеты отъ крупной, какъ то обычно и дѣлалось, помѣстили на ней иной типъ—оленя. Значитъ олень не замѣнилъ Пегаса, а оба типа появились одновременно. Мелкое серебро, драхмы, извѣстныя одного 202 года, повидимому тогда же признали не достойными великаго царя (или невыгодными—что вѣрнѣе) и никогда болѣе ихъ не чеканили, но въ первомъ году далѣе извѣстнаго чекана (205, т. е. 93—92), совершенно тоже попробовали сдѣлать, въ смыслѣ изображенія и надписи, на первомъ золотомъ статерѣ, величина котораго почти одинакова съ драхмой и, вѣроятно, по той же причинѣ—малости мѣста; такой статеръ, величайшая рѣдкость, извѣстенъ въ собраніи Е. И. В. Вел. Кн. Александра Михаиловича (*Гиль, Опис. мон. пост. въ мое собр.*, № 55; *Babelon et Reinach, op. c.* 13, № 9). Затѣмъ, эта проба, повидимому, болѣе не повторяется и на золотѣ, на которомъ впредь ставили сполна имя и прозваніе, но олень на немъ остался. Отъ того же года извѣстна и дидрахма, единственная пока, очевидно битая тоже въ видѣ пробы, у нее на лицѣ стор. вокругъ точки, чего нѣтъ ни на одной монетѣ Мисрадата. Къ сожалѣнію, эта дидрахма сохранилась плоховато и монограммы чиновниковъ не разбираются (*Catalogue de la Collect. des méd. de M. L. Walcher de Molthein, Paris*, 1895, p. 144, № 1797). Въ томъ же 205 году, имѣя уже нѣсколько, по первымъ мѣсяцамъ года, тетрадрахмъ съ Пегасомъ, полными именемъ и и прозваніемъ, попробовали въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, чеканить точно такія же тетрадрахмы, съ тѣмъ же Пегасомъ, но съ однимъ прозваніемъ; такія тетрадрахмы извѣстны только этого года и очень рѣдки. Онѣ ясно показываютъ, что между помѣщеніемъ оленя и одного прозванія безъ имени нѣтъ никакой связи; дальше и этой монетной пробы болѣе не повторяютъ. Что все это были не что иное, какъ пробы не установившагося чекана видно по разнообразію всего, чрезвычайной рѣдкости нахожденія описанныхъ образцовъ, не повторенія ихъ впредь, а въ особенности изъ того, что монограмма имени чиновника, и на золотомъ статерѣ, и на тетрадрахмахъ битыхъ съ однимъ прозваніемъ, одна и таже, ясно показывая чью то единоличную, затѣмъ неодобренную и прекращенную монетную пробу чиновника, продолжавшуюся только три мѣсяца, а не царскій замыселъ на политико-религіозной подкладкѣ. Послѣ этихъ пробъ, Пегасъ, съ полнымъ именемъ и прозваніемъ царя, остался на обычныхъ и многочисленныхъ тетрадрахмахъ, а олень, съ такою

(Персей, Дельфинъ, и Левъ) на монетахъ безъ буквъ и то такъ, что вполнѣ одинаковыхъ монетъ не извѣстно, лиц. стор. или оборотъ различны. Г. Подшиваловъ, дѣлая тоже замѣчаніе, показалъ одинаковыми монеты съ годомъ и безъ года, подъ № 10 и 17, но это и дѣйствительно одинаковыя во всѣхъ отношеніяхъ, только описанная подъ № 10 плохо сохранилась и потому годъ на ней не примѣтенъ [1]). Кн. Сибирскій и Кёне указывали типъ Аѳины и головы Коня, какъ извѣстный съ буквой A и безъ нея [2]), но это недоразумѣніе и съ буквой такого типа я никогда не встрѣчалъ; тоже любезно подтверждаютъ А. К. Марковъ и О. Ф. Ретовскій, тщательно изслѣдовавшія всѣ собранія боспорскихъ монетъ.

Итакъ не представляется возможнымъ считать указаніемъ лѣтъ царствованія отдѣльныя буквы монетъ царей E и ⋀. Приходится видѣть въ нихъ совсѣмъ иное, несомнѣнно обозначеніе цѣнности, что и подтверждается разсмотрѣніемъ монетъ царя E съ буквами, причемъ

же полною надписью на болѣе рѣдкомъ золотѣ. Только съ конца 212 года (86—85 до Р. Х.) олень появился вновь и на большомъ серебрѣ, замѣнивъ Пегаса и окончательно увердившись на тетрадрахмахъ Миѳрадата. Причину этой перемѣны надо искать, быть можетъ, въ томъ, что серебро съ оленемъ, которое попробовали около того же времени, чеканить отдѣльною серіей безъ обозначенія года, (эллинское (?) лѣтоисчисленіе, какъ говорено выше) т. е. назначая его для обращенія не въ одномъ Понтѣ, имѣло большой успѣхъ, напоминая торговлѣ давно знакомаго ей оленя распространеннаго Эфесскаго серебра, тогда какъ серебро съ Пегасомъ было не народнымъ, а лишь семейнымъ воспоминаніемъ царскаго дома; коммерческое значеніе здѣсь превысило родовое, да именно перваго и искали въ такомъ изобильномъ чеканѣ монеты могущественнаго государя, жаждавшаго распространить свою власть далеко за родовыми предѣлами: величина, вѣсъ, общій видъ монеты, даже эра были заимствованы и подражали распространенной сосѣдской монетѣ. Подражаній видимо не боялись, лишь бы они были выгодны, поэтому и олень есть подражаніе въ общемъ смыслѣ, монетамъ Эфеса и напоминаетъ его Артемиду, а не Дѣву далекаго и весьма мало значившаго Херсонеса; въ этомъ нельзя не согласиться съ г. Рейнакомъ (*Trois Royaumes*, 190). Надо прибавить, что олень никогда не былъ, говоря по современному, гербомъ Херсонеса и даже до временъ Миѳрадата не извѣстенъ тамъ, какъ самостоятельный типъ; видимо не царь заимствовалъ его у спасеннаго имъ города, а случилось, какъ и слѣдовало ожидать, обратное: въ самомъ Херсонесѣ типъ оленя явился, на монетѣ во время и подъ какимъ то вліяніемъ Миѳрадата. Это доказывается почти одновременнымъ появленіемъ оленя въ видѣ самостоятельнаго типа на монетахъ Херсонеса и за тѣмъ всей Таврики, даже въ городахъ прямо враждебныхъ Херсонесу и никогда его типовъ не заимствовавшихъ—Пантикапеѣ, Фанагоріи, Горгиппіи. Всѣ они чеканили этотъ типъ подъ вліяніемъ монетъ великаго, побѣдоноснаго царя, что точно указывается и стилемъ монетъ и разными побочными обстоятельствами. (Описаніе этихъ монетъ см. *Бурачковъ, Общ. кат. мон.*, л. XIV, № 8—14, л. XXII, № 150, 169—170, л. XXIII, № 2, 20, 21; *Гиль, Новыя пріобрѣтенія моего собранія*, № II, 36, 49—51; *Его-же, Описанія монетъ*, № 49—50; о херсонесскомъ серебрѣ этого типа бо́льшія подробности въ статьѣ „*Нѣсколько нов. или малоизвѣстн. мон. Херс.*“ въ Зап. Общ. Од. Общ. Ист. и Древн., т. XXVI).

[1]) *Podschivalov, Mon. de Rois du Bosph*, 17, 18, и 20.

[2]) *Sibirsky, Cat. des méd. du Bosp.*, *t.* VII, № 11, 12; *Его-же, Восп. мон. Евѳіота*, 8, № 4; *Кёне, Муз. Коч.*, II, 52, № 11.

нельзя не замѣтить, что вмѣстѣ съ повышеніемъ цифрового значенія отдѣльныхъ буквъ, правильно увеличивается и дѣйствительный размѣръ монетъ, съ однимъ лишь исключеніемъ въ одномъ году. Все это для наглядности, можно изобразить въ такихъ рядахъ:

Числа	Величина въ мм.	Извѣстно типовъ:
1	13—15	1... Сарапись-Рогъ изоб.
2	16—17	1... Діонисъ-Киста.
3	18—21	1... Левъ-Вѣтвь.
4	20—21	1... Аполлонъ-Треножникъ.
5	23	1... Посейдонъ-Дельфинъ.
6	27	1... Зевсъ-Орелъ.
7	28	2... Гермесъ-Кадуцей.
	21—22	Персей-Герма.
10	33	1... Гераклъ-Палица.

Едва-ли возможно, видѣть здѣсь случайное совпаденіе; трудно думать, чтобы столь большое различіе величины монетъ и ихъ типовъ не имѣли никакого значенія. Если буквы обозначали года, то окажется, что въ теченіе цѣлаго года выпускали только одну и ту-же монету, мѣняя съ каждымъ годомъ ея типъ и величину, ежегодно увеличивая послѣднюю, а такое положеніе монетнаго дѣла совершенно невѣроятно. Хотя вѣсъ мѣдной монеты очень колеблется, но онъ могъ-бы еще рѣзче подчеркнуть увеличеніе монетъ съ каждымъ цифровымъ показателемъ. Къ сожалѣнію, вѣса этихъ монетъ не обозначены въ описаніяхъ, да и самихъ монетъ такъ мало, иногда уники, что средняго вывода нельзя сдѣлать. Вышеуказанные крайніе вѣса (стр. 5, отъ 3,1 гр. до 33,9 гр.), однако, хорошо соотвѣтствуютъ величинамъ діаметровъ и буквенныхъ показателей: наименьшій вдесятеро менѣе наибольшаго. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что эти вѣса согласованы съ вѣсомъ халка въ мѣдной монетѣ того времени, на Боспорѣ.

Мнѣ кажется, что всего сказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобы видѣть въ буквенныхъ показателяхъ знаки цѣнности, а не что-либо иное. Въ другомъ мѣстѣ вопросъ диферентовъ вообще, показателей цѣнности въ особенности, на мѣди Боспора, изложенъ подробно; тамъ выяснено, что у царей Ε и ⋀ цѣнность монеты опредѣлялась именно въ халкахъ [1]). Видя въ буквахъ знаки цѣнности мы тутъ-же получаемъ и объясненіе того, что не на всѣхъ монетахъ царя Ε имѣются эти обозначенія. Эти монеты, по времени, были на Боспорѣ первыми, на которыхъ стали обозначать цѣнность, ранѣе этого никогда

[1]) *Диференты на боспорскихъ царскихъ монетахъ, въ Нумизмат. сборникѣ*, т. I.

не дѣлали, а позже всегда. Такимъ образомъ, въ этомъ смыслѣ, это были пробныя монеты; на ихъ первыхъ выпускахъ, всякаго достоинства, еще не видѣли надобности показывать цѣнность, на послѣдующихъ это уже дѣлали; можетъ быть потому, что перестали довольствоваться для опредѣленія цѣны одной разностью изображеній, а можетъ быть и потому, что измѣнили цѣнность при той-же видимой величинѣ. Для наглядности, не довольствовались буквеннымъ обозначеніемъ, но также давали и особыя изображенія для каждой цѣнности, почему мы и не находимъ, за рѣдкими исключеніями, и одинаковыхъ диферентовъ—буквъ съ различными изображеніями. Болѣе позднія монеты царя ⋀, какъ и всѣ безъ исключенія чеканенныя послѣ, непремѣнно имѣютъ знакъ цѣнности и безъ него не встрѣчаются. Въ этихъ монетахъ также видно полное соотвѣтствіе между величиной и обозначенными числами: монеты Δ, Ϛ и I имѣютъ діаметры въ 18, 19 и 24 мм.[1]).

Нѣкоторая неопредѣленность, колебанія, въ чеканѣ монетъ царя E выражаются не только въ сказанномъ; между ними кромѣ вышеуказанныхъ есть и нѣсколько, какъ-бы выходящихъ изъ ряда по разнымъ причинамъ. Напр. въ монетахъ съ числомъ Z замѣтна не только разность величинъ, а и другія особенности. На одной извѣстны надъ Z двѣ буквы IK, которыя не поддаются объясненію[2]). Затѣмъ въ 1882 г., была описана г. Подшиваловымъ еще одна монета, съ бородатой головой на лиц. сторонѣ (Зевсъ?) и двумя вѣтвями на оборотѣ, тамъ-же монограмма BAE и буква B; эта монета тогда-же была признана поддѣльной[3]). Однако, позже въ 1892 г., точно такая-же была вновь описана Бутковскимъ, какъ новость, но на ея оборотѣ показана не одна B, а BI и подъ ними O[4]). Не видѣвъ этихъ монетъ, не берусь высказаться о ихъ подлинности, но несомнѣнно, что на экземплярѣ г. Подшивалова были всѣ тѣ-же буквы, которыя показаны у Бутковскаго (это примѣтно и на фототипіи г. Подшивалова), но постерлись и что оба экземпляра, по сравненію рисунковъ, явно биты различными штампами. Все это не говоритъ за ихъ поддѣльность, да и Бутковскій, имѣвшій большой опытъ, признавалъ подлинность монеты безспорной.

Постепенно, новыя находки даютъ возможность образовать еще серію монетъ, находящуюся во всѣхъ отношеніяхъ, въ ближайшей связи съ монетами царя E и ⋀; пока въ ней только три сорта. Изъ нихъ первый былъ изданъ А. В. Орѣшниковымъ[5]); второй издается впервые; третій извѣстенъ давно и всегда помѣщался въ связи съ мо-

---

[1]) Рис. № 17, 18 и 19.

[2]) *Fröhner, Catal. de M. Lemmé,* № 188.

[3]) *Podschivalow, Beschreib. d. unedirt. Münz.*, 9; *Oreschnikow, Zur Münzkund. d' Cim. Bosph.*, 15; *Podschivalow, Mon. des rois du Bosph.*, 19.

[4]) *Boutkowski, Rec. special des grandes curiosités*, 1892, *Paris*, 28.

[5]) *Oreschnikow, Zur Münzk. d. Cim. Bosph.*, 21.

нетами царя Е[1]). Общее и замѣчательное въ этой серіи то, что здѣсь вовсе нѣтъ ни монограммъ, ни сокращеній, указывающихъ принадлежность монетъ, но на всѣхъ находятся числовыя буквы, пока извѣстны только А, В и Z. Хотя на этихъ монетахъ и нѣтъ имени, но ихъ стиль изображеній, мелкія подробности чекана, не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ принадлежности времени близкому къ монетамъ царя Е или даже одновременности чекана съ ними. Въ этой серіи находимъ еще доказательство невозможности видѣть счетъ лѣтъ царствованія въ диферентахъ-буквахъ этого времени, такъ какъ здѣсь онѣ ни къ какому имени не относятся. Величина и этихъ монетъ тоже находится въ соотвѣтствіи съ величиной ихъ буквенныхъ показателей. Изображенія на нихъ повторяютъ имѣющіяся на монетахъ царя Е—Сарапись, Персей и Гермесъ, на лиц. сторонахъ; Рогъ изобилія и Кадуцей на оборотныхъ[2]).

Теперь можно видѣть, что мѣдныя монеты времени царя Е чеканились въ трехъ видахъ: съ однимъ сокращеніемъ имени, съ сокращеніемъ имени и съ числомъ, съ однимъ числомъ.

Самые типы монетъ царя Е крайне разнообразны и вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени въ большинствѣ обыкновенны, что не говорятъ ничего опредѣленнаго: Зевсъ и Орелъ; Аѳина и голова Коня; Аполлонъ и Треножникъ; Артемида и Собака; Сарапись и Рогъ изобилія; Посейдонъ и Дельфинъ; Деметра и голова Быка; Асклепій и Змѣя; Гермесъ и Кадуцей; Гераклъ и Палица; Діонисъ и Киста. Князь Сибирскій полагалъ, что все это указываетъ на эпоху многосложнаго и смѣшаннаго поклоненія. Скорѣе это богопочитаніе на всѣ вкусы, свойственное времени большаго индеферентизма, но никакъ не Миѳрадату, со всѣми его суевѣріями, воспитанному въ масдеизмѣ, хотя и очень свободно относившемуся къ греческимъ вѣрованіямъ[3]). Въ его время на царскихъ монетахъ изображали властителей, тоже постоянно и неизмѣнно дѣлалъ и онъ самъ, только на этой, будто-бы его мѣди нѣтъ изображеній ни его самого, ни его типовъ. Впрочемъ, на одной изъ монетъ серіи царя Е узнаютъ его портретъ[4]) и нѣкоторое сходство дѣйствительно существуетъ, хотя очевидно, что и здѣсь изображали Геліоса, если-же богу и придали черты Миѳрадата, то это могло быть сдѣлано много позже его жизни, монетчикомъ желавшимъ польстить своему владыкѣ, какъ потомку великаго Ахеменида или мнившему себя таковымъ. Возможно, что тутъ повліялъ и

---

[1]) *Бурачковъ, Общій кат.*, № 26.

[2]) Эти монеты описаны нумизматически въ приложеніи и даны на рис. подъ № 20, 21 и 22.

[3]) *Reinach, Mithridate Eupatore*, 53.

[4]) Извѣстна, въ единственномъ экземплярѣ; изображалась много разъ; напр. *Подшиваловъ, ор. с*, табл. II, № 18; *кн. Сибирскій, Воспорск. мон. Евб.*, табл. I, № 4; *Giel. Kleine Beiträge*, т. V, № 9; здѣсь рис. 11, опис. въ прилож.

примѣръ тетрадрахмъ Одисса, на которыхъ Гераклу приданы черты, какъ будто-бы Миѳрадата VI; эти тетрадрахмы, вѣроятно чеканены при жизни царя, но были долго въ обращеніи и очень могли быть извѣстны полувѣкомъ и болѣе позже. Онѣ довольно рѣдки, а потому помѣщаю фототипію лиц. стор. двухъ изъ собранія Од. Общ. Ист. и Др.[1]). Впрочемъ, прототипъ болѣе вѣроятный монеты, съ изображеніемъ Полумѣсяца и Солнца можно указать другой, по времени гораздо ближе къ ней, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Изъ числа пятнадцати разныхъ типовъ лиц. стор. монетъ царя Ε только шесть одинаковы съ типами мѣдныхъ монетъ городовъ Понта (Зевсъ, Аѳина, Аполлонъ, Діонисъ, Персей, Артемида), о которыхъ говорено выше; однородныхъ изображеній оборота еще менѣе, четыре изъ пятнадцати (Орелъ, Треножникъ, Киста, Рогъ изобилія). Но и это сходное состоитъ изъ типовъ, можно сказать всеобщихъ, весьма часто чеканенныхъ; Зевсъ и Орелъ, Аполлонъ и Треножникъ. Діонисъ и Киста, Артемида, Аѳина. Одинаковыхъ, но не совсѣмъ обыкновенныхъ изображеній всего одно—Персей. Не повторяются именно тѣ типы, которые всего ближе могли-бы напоминать Миѳрадата VI, его дѣянія или страсти: Ника, Миѳра, Пантера, Колчанъ, Мечъ, Ѳирсъ, Пегасъ. На лиц. сторонѣ двухъ самыхъ крупныхъ и видныхъ монетъ, одна даже съ Полумѣсяцемъ и Солнцемъ (звѣздою) какъ-бы Ахеменидовъ, изображены типы Геліоса и Геракла, а они не только не имѣются у Миѳрадата, но и вообще въ Понтѣ крайне рѣдки и времени позднѣйшаго, о чемъ далѣе подробно.

Вообще, разнообразіе типовъ изумительное, но именно это и не свойственно Миѳрадату, у котораго мы видимъ постоянно и неизмѣнно одно и тоже: на всѣхъ его монетахъ въ теченіе около тридцати лѣтъ извѣстнаго чекана, на лицѣ обязательно изображеніе царя, а на оборотѣ Пегасъ или олень, все въ плющевомъ вѣнкѣ Діониса, а въ полѣ диференты—полумѣсяцъ съ солнцемъ, монограммы и годовыя числа; иного ничего не было. И вотъ именно этихъ постоянныхъ, излюбленныхъ Миѳрадатомъ типовъ и монограммъ нѣтъ въ группѣ царей Ε и ϒ (кромѣ Полумѣсяца, да и тотъ заимствованъ совсѣмъ инымъ путемъ, какъ покажу далѣе, при посредствѣ золотыхъ) хотя они и имѣются, какъ то и слѣдовало ожидать, на несомнѣнно современныхъ царю городскихъ монетахъ, и понтійскихъ, и боспорскихъ.

Въ типахъ разсматриваемой группы желали видѣть указанія на разныя событія изъ жизни Миѳрадата VI и, конечно, эти типы столь разнообразны, что ихъ можно, безъ особыхъ усилій приложить къ

---

[1]) Рис. 13 и 15; описаніе въ приложеніи. Между ними, рис. 14, для сравненія, помѣщено лицо тетрадрахмы Миѳрадата VI, битой Архелаемъ около 88 года, сходство не особенно велико ни съ тетрадрахмами Одисса, ни съ мон. царя Ε. Оно указано впервые Фридлендеромъ въ *Zetschrift für Numism.*, IV, 15; тоже подтверждено, безъ рис.: *Pick u. Regling, Die antik. Münz. Nord-Griech.*, B. I, № 2171—74.

чьей угодно жизни, если не близко присматриваться, но къ Миѳрадату VI, думаю, сдѣлать это всего труднѣе. Такъ, кн. Сибирскій, еще не помышлявшій о такомъ пріуроченіи этихъ монетъ, находилъ, что типы царя Ε указываютъ *„на царствованіе сильное, но скорѣе мирное, чѣмъ воинственное*[1])". Разумѣется, такое заключеніе не къ лицу великому воителю Миѳрадату и Бурачкову, желавшему подогнать все этому царю, пришлось увѣрять будто кн. Сибирскій находилъ эти монеты принадлежащими государю *„прославившему себя различными подвигами на сушѣ и на морѣ"*. Приписавъ кн. Сибирскому нѣчто прямо противоположное имъ сказанному, самъ Бурачковъ въ доказательство этой мысли могъ привести только общія фразы, указавъ всего два типа (Персей и Полумѣсяцъ), относящихся къ Миѳрадату, да и тѣ касаются родословія царя, а не его подвиговъ и потому скорѣе могутъ указывать на потомка Миѳрадата, хвалившагося больше происхожденіемъ, чѣмъ личными дѣлами[2]).

Также указывался какъ подходящій тому-же Миѳрадату и типъ Сераписа (Гадеса), культъ котораго былъ въ Синопѣ, родинѣ и отчинѣ царя; однако, надо замѣтить, что на монетахъ самой Синопы или сосѣднихъ городовъ, изображеніе Сераписа совершенно неизвѣстно въ эту пору, оно появляется не ранѣе довольно поздняго римскаго времени[3]). Далѣе показана связь боспорскихъ владыкъ съ Египтомъ и мнѣ кажется, что прямое заимствованіе оттуда типа Сераписа вѣроятнѣе. Кромѣ того, изъ всѣхъ остальныхъ типовъ, предположены лишь въ двухъ историческіе намеки (Асклепій и Посейдонъ), но несомнѣнность этого не утверждалась положительно[4]).

Все сказанное, мнѣ кажется, уже даетъ достаточное основаніе, чтобы не считать группу монетъ царей Ε и ⋀ принадлежащею Миѳрадату VI Евпатору; далѣе тому-же будутъ представлены и еще разные доводы. Теперь посмотримъ, что можно сказать для рѣшенія вопроса объ этихъ монетахъ въ положительную сторону.

Одолѣвъ Миѳрадата римляне, этимъ самымъ, подчинили себѣ Черное море, а съ нимъ и Боспоръ, на которомъ послѣ того хотя, повидимому, все шло по старому, но въ дѣйствительности новая мировая власть скоро и здѣсь привела къ тому, что цари на Боспорѣ только терпѣлись до времени, но лучшею своею политикой вынуждены были считать возможно мало замѣтное и скромное положеніе подручниковъ Рима; однако, произошло это не сразу.

---

[1]) *Сибирскій, Воспорск. мон. припис. Евѳ., Зап. Р. Арх. Общ*., т. V, 223.

[2]) *Бурачковъ, Общ. кат. мон.*, 225.

[3]) Въ Синопѣ при Маркѣ Аврелія, случайно, и чаще только при Каракаллѣ, Гетѣ и далѣе; также и въ сосѣднихъ городахъ—Амисѣ, Амастріи и проч, (*Babelon et Reinach, op. c.*, 202—205, 64, 139, 143, 147).

[4]) *Oreschnikow, Zur Milnz. d. Cim. Bosph.*, 15; *Его-же, Боспоръ киммер. въ эп. Спарт.*, 30.

Послѣ Миѳрадата, на Боспорѣ сначала въ монетномъ смыслѣ все остается по старому: города чеканятъ мѣдь, быть можетъ и мелкое серебро, лишь одно золото чеканитъ Фарнакъ, наслѣдникъ Миѳрадата на Боспорѣ, да и то чеканено въ теченіе только четырехъ лѣтъ (244—7), въ серединѣ его шестнадцатилѣтняго царствованія, по неизвѣстной, впрочемъ, причинѣ; мѣди не чеканитъ и онъ. Его преемникъ, долго царствовавшій Асандръ, оставляетъ все въ томъ-же положеніи, даже еще какъ-бы подчеркиваетъ для насъ сущность дѣла: случайно чеканитъ или, лучше сказать, перечеканиваетъ мѣдь, но дѣлаетъ это лишь пока носитъ титулъ архонта, да и то не прикрывается, а пишетъ на ней сполна — ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΑΣΑΝΔΡΟΥ. Лишь только онъ получилъ царскій титулъ, какъ тоже пересталъ удостоивать мѣдь своимъ чеканомъ, оставшись при одномъ золотѣ во все свое царствованіе. Это золото Асандръ чеканилъ въ большихъ количествахъ и безпрерывно; видъ его, также какъ и у золота Фарнака, совершенно самостоятельный: изображеніе царя на лицѣ, на оборотѣ Ника на носу корабля, съ полною подписью царскихъ имени и титула. Серебро Фарнака и Асандра не извѣстно, а римскіе денаріи того времени были на Боспорѣ еще мало въ ходу, рѣдко попадаясь въ находкахъ; трудно, впрочемъ, думать, что обходились вовсе безъ серебра, каковымъ служило изобильно битое городами при Миѳрадатѣ. Своей мѣди архонтъ Асандръ выбилъ огромное количество, такъ что ея находки и до сихъ поръ дѣло обыкновенное, но весь этотъ выпускъ сдѣланъ въ теченіе очень короткаго времени, до утвержденія за нимъ титула царя, значитъ не болѣе чѣмъ въ три—четыре года[1]). Вся эта мѣдь бита грубо, небрежно, видимо на скоро, въ единственномъ типѣ (въ сущности томъ-же, что и на золотѣ—голова Ники и носъ корабля,—конечно, въ память какой-то морской побѣды)[2]). Она чеканилась на чемъ попало, на большомъ и маломъ, на своемъ и чужомъ, но только на готовомъ, лишь-бы не дѣлать новыхъ монетныхъ кружковъ; видимо, очень торопились и поэтому все было сплошной перечеканкой; вполнѣ своего чекана мѣди не было и въ архонтство Асандра. Тутъ мы находимъ въ изобиліи перечеканки всякихъ монетъ городовъ Боспора и Понта, времени Миѳрадата, но никогда еще не находили перечеканки какой-бы то ни было монеты царей Ε и ⋀. Конечно, это указаніе отрицательное и какъ таковое оно имѣетъ лишь условное значеніе, но когда

---

[1]) *Sallet, De Asandro etc., 10; Его-же, Beitr. z. Gesch. d. Kön. d. Cim. Bosp.*, 8; *Latyschev, Inscript. ant.*, II, XXXVI; *Оржниковъ, Кат. гр. Увар.*, 65.

[2]) Точно такое изображеніе головы Ники бито на мѣди Дейотара, царя галатскаго (64—40 до Р. Х., *Wroth, Cat. of greek coins, Galatia*, 1) отсюда, быть можетъ, и заимствовалъ свой типъ Асандръ. Но еще вѣроятнѣе прямо съ римскихъ авреусовъ и мѣди, 46—45 годовъ (года начала правленія Асандра), съ именемъ Ю. Кесаря, гдѣ Побѣда изображена съ чертами Кальпурніи, (4-ой жены Ю. Кесаря) очень схоже и на мѣди Асандра (*Babelon, Mon. de la rep. Rom.*, I, 366, II, 15, 239).

перечеканокъ дѣлалось и извѣстно такъ много, когда имъ подвергалась вся мѣдь, не только своя близкая, но и далекая чужая, завезенная изъ Понта, то естественно думать, что нѣтъ перечеканокъ изъ разсматриваемыхъ серій только потому, что послѣднія еще не существовали до начала царствованія Асандра, а появились позже [1]) Прибавлю, что узурпатору Асандру, не только всего проще, но и всего необходимѣе было-бы перечеканить монеты, если онѣ были, того царя Ахеменида, мѣсто наслѣдниковъ котораго онъ занялъ и котораго потомки, вѣроятно, еще находились въ самой странѣ.

Сейчасъ послѣ Асандра извѣстенъ золотой его жены Динаміи; онъ 221 года п. э. (17—16 до Р. Х.), съ изображеніемъ царицы и полной подписью ея имени и титула, на оборотѣ Полумѣсяцъ съ Солнцемъ (звѣздой), во все поле монеты [2]). Это послѣднее изображеніе совершенно такое-же, какъ и на монетахъ царей Ε и ⋀ (рис. 11 и 17); его считаютъ, какъ-бы возобновленіемъ Динаміею родового знака, герба Ахеменидовъ, понятнаго на монетѣ внучки Миѳрадата Евпатора, но такое толкованіе этого монетнаго типа, мнѣ не кажется вѣроятнымъ. Конечно, Полумѣсяцъ со Звѣздой извѣстенъ почти на всѣхъ монетахъ понтійскихъ царей, начиная съ Миѳрадата III (220—185), но тамъ онъ изображается всегда въ полѣ монетъ, въ видѣ мелкаго добавочнаго знака, а не главнаго и единственнаго изображенія во все поле оборота монеты, какъ на статерѣ Динаміи. Почему появился на царскихъ понтійскихъ монетахъ такой добавочный знакъ неизвѣстно опредѣленно, но видѣть въ этомъ родовой гербъ Ахеменидовъ, едва-ли есть основаніе. Гораздо вѣроятнѣе, что это знакъ распространеннаго въ Каппадокіи почитанія Солнца и Луны; или указаніе на обладаніе понтійскими царями знаменитыхъ святилищъ въ Команѣ или Амеріи близъ Кавиры, Мэна Фарнака [3]). Совершенно такой-же добавочный въ полѣ знакъ извѣстенъ и на нѣкоторыхъ монетахъ чеканенныхъ городами, на Боспорѣ (Пантикапей, Горгиппія) или въ Понтѣ (Амисъ), и хотя эти монеты времени Миѳрадата, но тогда разныхъ типовъ чеканено много, а полумѣсяцъ на Боспорѣ имѣется только при изображеніи Мэна или Аттиса [4]); во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого основанія на этихъ городскихъ монетахъ видѣть гербъ Ахеменидовъ. На монетахъ перваго понтійскаго царя Миѳрадата I этого знака еще не

---

[1]) Въ городахъ Боспора чужая монета, даже сосѣднихъ тоже Боспорскихъ городовъ, тѣмъ болѣе далекихъ, не была въ обращеніи и встрѣчается рѣдко; самъ Асандръ въ Понтѣ не правилъ и не могъ тамъ перечеканивать монету. Очень много, конечно, понтійской мѣди занесли съ собой войска Миѳрадата и Фарнака во время ихъ послѣднихъ отступленій, черезъ Кавказъ или море въ Пантикапей, что и послужило источникомъ для перечеканокъ Асандра.

[2]) *Орѣшниковъ*, *Кат. гр. Уварова*, 68, № 481.

[3]) *Eckhel*, *Doctrina nummorum*, II, 363—364; *Reinach*, *Mithrid. Eupat.*, 240—243; *Его-же*, *Trois royaumes*, 167, 170.

[4]) *Бурачковъ*, *ор. с.*, XXII, 179, XXIII, 6.

имѣется. Его нѣтъ и на золотѣ Фарнака боспорскаго, отца Динаміи, что и понятно, такъ какъ Фарнакъ, сидя на Боспорѣ, не владѣлъ указанными святилищами. Если Фарнакъ не считалъ надобнымъ и возможнымъ пользоваться этимъ знакомъ, то и подавно этого нельзя ожидать отъ его дочери Динаміи, которая родилась не въ Понтѣ, надо думать, никогда его не видѣла и по вѣрованіямъ была, безъ сомнѣнія, совершенной гречанкой. Я думаю, что Полумѣсяцъ съ Солнцемъ во все поле монеты, въ томъ видѣ, какъ то извѣстно на монетахъ Динаміи и царей Ε и ⋀ появился на Боспорѣ совсѣмъ инымъ путемъ, хотя въ основѣ своей и имѣетъ все тоже поклоненіе Солнцу и Лунѣ. На оборотѣ многихъ римскихъ монетъ часты изображенія полумѣсяца съ звѣздами, и не въ видѣ лишь мелкихъ добавочныхъ знаковъ, а именно во все поле монеты [1]). Распространенный и не рѣдкій денарій, битый Публ. Петрон. Турпиліаномъ въ 20 г. до Р. Х., имѣетъ оборотъ точь въ точь такой-же, какъ и на статерѣ царицы Динаміи 17-го года [2]). Заимствованіе монетчиковъ Динаміи явно и тѣмъ болѣе несомнѣнно, что римскій денарій битъ въ честь побѣдъ Августа надъ Парѳянами и вообще на востокѣ. Думаю, что Динамія била свои золотые именно въ тѣхъ-же видахъ почтенія къ Августу, какъ и вырѣзывала славословіе ему-же на надписяхъ, а вовсе не въ память мелкаго знака, употреблявшагося на монетахъ ея предковъ въ далекой и ей невѣдомой странѣ. Далѣе мы увидимъ, что и сама монетная система у Динаміи, также, какъ и во вторую половину правленія Асандра, строго римская, а не унаслѣдованная отъ Ахеменидовъ.

Этотъ статеръ Динаміи и былъ образцомъ для того-же изображенія Солнца и Луны на монетахъ царей Ε и ⋀, гдѣ все это также представлено во все поле, къ тому-же на этихъ монетахъ и на лиц. стор. изображенъ Геліосъ, также заимствованный, о чемъ скажу далѣе.

Тоже изображеніе Полумѣсяца съ Солнцемъ извѣстно и въ клеймахъ на монетахъ, куда оно могло попасть только съ монетъ Динаміи или царя Ε и имъ современно. Бито-же это клеймо на монетѣ царя Ε (коллекц. В. Кн. Алекс. Мих.) и на херсонесской монетѣ конца перваго вѣка до Р. Х.[3]). Замѣчательно, что въ полѣ оборота этой послѣдней монеты имѣется столь частая и распространенная на разныхъ типахъ монетъ Херсонеса, многообразно измѣнявшаяся въ подробностяхъ начертанія, монограмма (не въ клеймѣ) № 23. Она извѣстна въ Херсонесѣ около половины I в. до Р. Х. и идетъ во вторую половину II в. по Р. Х. Эта монограмма точь въ точь таже самая, какъ и та, о которой сказано выше въ примѣчаніи (стр. 12—13), помѣщенная на город-

---

[1]) *Babelon, Mon. de la republ. rom.*, I, 20, 356, II, 76, № 226 и 153.
[2]) *Babelon, op. c.*, II, 76 № 226, 293—294, 301, № 20.
[3]) *Бурачковъ, Общ. кат. мон.*, л. XVI, № 119.

скихъ монетахъ битыхъ въ Горгиппіи, ее-же видимъ на одномъ изъ боспорскихъ статеровъ (10 г. по Р. Х., рис. 46). Также уже говорено, что въ ней можно читать только три буквы П, А и Р.

Послѣ Динаміи, царствовавшіе на Боспорѣ Полемонъ I и Пиѳодорида чеканили монету (послѣдняя значнтельно позже) только въ Понтѣ, хотя и мало, но въ совершенномъ видѣ, съ полными царскими титулами и именами, въ одномъ серебрѣ; они также не чеканили мѣдь, очевидно предоставляя ее городамъ. На монетахъ всѣхъ преемниковъ Миѳрадата VI на Боспорѣ, до I-го в. по Р. Х., въ начертаніи буквъ, нѣтъ тѣхъ формъ А и Ϛ, которыя мы видимъ на монетахъ царя Е, что также даетъ намъ право считать эти послѣднія болѣе поздними.

Одна изъ монетъ Пиѳодориды, хотя и бита въ Понтѣ, но подъ тѣмъ-же вліяніемъ, что и замѣтное на Боспорѣ; на ней изображенъ на оборотѣ козерогъ, что заставляетъ вспомнить одну изъ монетъ царя Е, на которой видно тоже изображеніе въ клеймѣ [1]). Употребленіе этого типа многозначительно. Любимый Августомъ, какъ основа его гороскопа съ счастливымъ предзнаменованіемъ, онъ очень часто появляется на его монетахъ (начиная около 25 года до Р. Х.) [2]); подражая императору тоже дѣлали многіе въ томъ числѣ и Пиѳодорида. Такимъ образомъ, можно утверждать, что клеймо на монетѣ царя Е поставлено не ранѣе монетъ Пиѳодориды (приблизительно, около 25 г. по Р. Х.). Конечно, подъ клеймо могли попастся и очень старыя монеты, но это мало вѣроятно и вообще говоря, а тѣмъ болѣе въ то время на Боспорѣ, гдѣ было такъ много всякихъ перечеканокъ и бито огромное количество городской мѣди; въ такихъ условіяхъ трудно допустить, чтобы извѣстный сортъ мѣдной монеты былъ въ ходу болѣе полувѣка, почему и можно сказать, что клеймо могло быть поставлено, съ наибольшимъ вѣроятіемъ, на современной или близкой ему монетѣ.

Для опредѣленія времени чекана монетъ царя Е была-бы особенно важна монета Евсевіи каппадокійской (называвшейся ранѣе Мазакой), указанная А. В. Орѣшниковымъ [3]), такъ описанная у Міонне: лиц. стор.—голова Паллады, оборотъ—гора Аргей, на лицѣ выбито клеймо ΒΑΕ [4]). Изъ разсмотрѣнія этой монеты А. В. Орѣшниковъ заключалъ, что предположеніе Рейнака о времени переименованія Ма-

---

[1]) *Бурачк. Общ. кат.*, л. XXV, № 59; *Орѣшниковъ, Объ эрѣ Пиѳодориды.* Много другихъ.

[2]) Хотя Августъ родился въ сентябрѣ, подъ знакомъ вѣсовъ, но его гороскопъ былъ составленъ подъ знакомъ козерога; много писалось почему это произошло, но все еще не выяснено вполнѣ; всего вѣроятнѣе предположеніе, что гороскопъ составленъ по мѣсяцу зачатія (декабрь), а не рожденія. Объ этомъ подробно у А. В. Орѣшникова: *Пиѳодорида и ея родъ въ Извѣст. Таврич. Уч. Ком.*, № 34, стр. 9; также *Reinach, L'hist par les mon., Quelques ères Pontiques*, 144—145.

[3]) *Орѣшниковъ, Матер. для нумизм. черн. прибрежья*, 1899, стр. 19—20.

[4]) *Mionnet, Descript. des méd. ant., suppl.* VII, 659, № 2 и 3.

заки въ Евсевію (впослѣдствіи вновь переименованной въ Кесарею) при Аріараѳѣ V (163—130 до Р. Х.), т. е. ранѣе Миѳрадата Евпатора, подтверждается, если клеймо стоящее на монетѣ дѣйствительно Миѳрадата Евпатора, такъ какъ время его наложенія, въ такомъ случаѣ, будетъ около 90 г. до Р. Х. Такое заключеніе совершенно логично и точно, если принадлежность Миѳрадату клейма этой монеты можно доказать. Изъ послѣдующихъ работъ [1]) оказалось, однако, что хотя предположеніе о времени переименованія Мазаки въ Евсевію ранѣе Миѳрадата и вѣрно, но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно доказано, что монеты Евсевіи, вышеуказаннаго типа, биты между 36 и 25 годами, до Р. Х. и, слѣдовательно, стоящая на нихъ въ клеймѣ монограмма никоимъ образомъ не могла принадлежать Миѳрадату Евпатору, умершему въ 63 году. Такимъ образомъ, эта монета представила-бы рѣдкій памятникъ, дающій рѣшительное и безусловно точное доказательство совершенно иного, а именно полной невозможности приписывать Миѳрадату VI или кому-бы то ни было, монеты съ монограммой ΒΑΕ, ранѣе самаго конца I вѣка до Р. Х., если-бы сама монограмма этой монеты не возбуждала сомнѣнія. Міонне заимствовалъ свѣдѣніе объ этой монетѣ у Ш. Комба, изъ описанія коллекціи Гюнтера; онъ самъ ее не видѣлъ, но клеймо показалъ точно такое, какъ на монетахъ царя Ε. Въ новѣйшемъ-же изданіи собранія Гюнтера, гдѣ дана и фототипія этой монеты, клеймо видится инымъ, а именно какъ № 5. Совершенно такимъ-же его показываетъ и Имгофъ, описывая другой экземпляръ точно такой-же монеты, съ такимъ-же клеймомъ [2]). Слѣдующая у Міонне монета Евсевіи, того-же типа, взята имъ изъ описанія Сестини коллекцій гр. Вичай въ Гедерварѣ; на ней клеймо показано подобное первому, но въ видѣ № 4. Обширная коллекція гр. Вичай, много разъ описанная была распродана по частямъ [3]) и эта монета попала, кажется, въ Мюнхенъ, откуда она вновь описана Имгофомъ, при чемъ и ея монограмма показана тоже иною, чѣмъ у Міонне, подобная первой—рис. 6 [4]). Но эти обѣ монограммы едва-ли могутъ значить тоже, что и сокращенія царя Ε, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ ихъ никогда не встрѣчали на Боспорѣ. Какъ-бы то ни было, но клейма царей на Боспорѣ могли быть биты только тамъ-же, а заносъ туда далекихъ каппадокійскихъ монетъ можетъ казаться мало вѣроятнымъ. Однако, уже и войны Миѳрадата Евпатора, долгое время бывшаго хозяиномъ въ Каппадокіи, не менѣе чѣмъ на Боспорѣ, весьма

---

[1]) *Wroth*, *Cat. of the greek coins*, *Cappadocia*, *etc.* XXXIV, 45. Также указаніе Рейнака въ „*Trois royaumes*“, 67; *Imhoof-Blumer*, *Zur grichischen Münzkunde*, 1—15, а особенно 4, въ *Revue Suisse de numism.*, VIII.

[2]) *Macdonald*, *Cat. of greek coins in the Hunter collection*, II, 581, pl. XLII, f. 15; *Imhoof-Blumer*, *op. c.* 3, № 8 Taf. I, № 8.

[3]) Подробнѣе *Babelon*, *Traité des mon. grecques*, I, 196, 197, 209.

[4]) *Imhoof-Blumer*, *op. c.*, 3, № 9.

много должны были способствовать усиленію давнихъ связей между этими странами, сосѣдившихъ при посредствѣ Понта, тоже части Каппадокіи, служившаго ей выходомъ къ Черному морю и дѣлавшаго относительно близкой связь и съ Боспоромъ. Послѣ Миѳрадата эти связи не прекратились и вліяніе на Боспорѣ нѣкоторыхъ каппадокійскихъ порядковъ, вѣроятно, было гораздо глубже, чѣмъ то можетъ казаться; это вліяніе, даже на монетахъ, можно прослѣдить въ значительной степени [1]).

На разныхъ монетахъ времени каппадокійскаго царя Архелая, (36 д. Р. Х.—17 по Р. Х.), хотя и битыхъ городомъ Евсевіей-Кесареей, съ одною городскою надписью, безъ какого-либо указанія на царя, котораго мѣдныя монеты и тутъ вовсе неизвѣстны, находятся численныя буквы, точно объясняемыя, какъ годы царствованія Архелая, считая таковые отъ дѣйствительнаго начала царствованія, а не отъ какого-либо событія по среди его; и здѣсь также эти буквы видны не на всѣхъ монетахъ [2]). Всего извѣстно не много чиселъ (только 9 разныхъ), не нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это дѣйствительно обозначеніе лѣтъ царствованія, а не указаніе чего-либо иного, потому что тотъ-же обычай непрерывно сохранялся въ Евсевіи очень долго, еще и тогда, когда она, переименованная въ Кесарею чеканила, до послѣднихъ дней, монеты императорскаго времени: для каждаго императора начинался и счетъ лѣтъ его правленія. Отсюда и могли-бы заимствовать этотъ рѣдкій порядокъ на Боспоръ, если только допустить, невѣроятное по другимъ причинамъ, обозначеніе лѣтъ царствованія на монетахъ царей Ε и ϻ.

Пересматривая монеты Евсевіи-Кесареи и типы ею чеканенные, естественно было вспомнить и самую крупную, послѣдне описанную монету царя Ε (лиц. стор.—голова Геракла, оборотъ—палица впрямь съ наброшенной на нее шкурой и колчаномъ сбоку, все въ вѣнкѣ) [3]). Типы оборота лиц. стор. этой монеты крайне рѣдки на монетахъ Понта и Боспора и ничѣмъ не связаны съ Ахеменидами. Монеты съ изображеніемъ Геракла въ Пантикапеѣ неизвѣстны, кромѣ одной съ такимъ-же оборотомъ, по существу, какъ и выпеуказанная царская [4]);

[1]) Древнѣйшія связи этихъ странъ, указанны въ *Отн. стоим. монетн. мет.* 83—85 отд. отт.

[2]) *Mionnet, Descript. des méd.*, IV, 408, № 3, 5, 7; *suppl.* VII, 659, № 9, 660. № 10, 11, 12; *Wroth, Cat. of. gr. coins, Cappadocia*, 45, № 3, 46, № 8; *Imhoof-Blumer, Zur griech. Münz.*, 15.

[3]) *Оршниковъ, Матер. по нумизм. черн. прибр.*, 15 и далѣе. Въ приложеніи описаніе и рис. № 12, экземпляра лучшей сохранности.

[4]) *Бурачковъ, Общ. кат. мон.*, л. XXII. № 181. Ниже описаніе и рис. 2. Въ Понтѣ извѣстны весьма рѣдкія монеты Амиса, одна съ Геракломъ на оборотѣ (*Millingen, Rec. de quelqnes méd gr.*, 59) и другая, на которой лиц. стор. и оборотъ совершенно тѣже что и на только что указанной пантикапейской (*Babelon et Reinach, op. c.* 56, № 40, pl. VII, f. 32). Въ Пафлагоніи, въ Амастріи, также извѣстна точно такая, неизданная,

иныя монеты этого города, на которыхъ думали видѣть Геракла совсѣмъ не то значатъ и приписаны ему лишь по неясности указывавшихся экземпляровъ [1]). Откуда-же взялся этотъ столь необычайный и случайный для Понта и Боспора типъ? Рѣшая такой вопросъ невольно приходишь къ странамъ сосѣднимъ съ Каппадокіей или къ ней самой, помимо всякихъ постороннихъ соображеній. Имѣется въ виду, конечно, не изображеніе самого Геракла, что слишкомъ обыкновенно и не можетъ указывать на заимствованіе, а характерный и гораздо болѣе рѣдкій оборотъ нашей монеты. Мы видимъ палицу впрямь, съ наброшенной шкурой, все въ вѣнкѣ, на кистофорахъ: въ Нисѣ, Сардахъ, Траллахъ, Лаодикеи, Пергамѣ, Ефесѣ, около конца II и начала I вѣка [2]). Въ томъ-же видѣ и какъ подражаніе, изображеніе атрибутовъ Геракла находимъ въ Алиндѣ карійской, битое до начала императорскихъ временъ включительно [3]). Подражая Алиндѣ въ тѣхъ-же мѣстахъ чеканены многочисленныя консульскія монеты Кв. Сицинія и К. Копонія, около 49 года до Р. Х., съ тѣмъ-же оборотомъ [4]). Въ Тарсѣ подобныя нашимъ монеты (безъ шкуры льва) извѣстны въ концѣ I в. до Р. Х. и въ началѣ императорскаго времени. Въ Елеусѣ-Севастѣ киликійской, при

ел описаніе и рис. № 6. Эти монеты Понта относятъ къ царствованію Миерадата VI, но онѣ значительно позже даже конца его правленія. Описываемая здѣсь монета Амастріи (рис. 6) имѣетъ монограмму совершенно такую же, какъ и на монетахъ того же города, съ типомъ Зевса и орла на молніи, значитъ и одновременна съ ней. Монеты-же типа Зевса, хотя обыкновенно и считаютъ времени Миерадата, но это справедливо только для одной ихъ части, для крупныхъ вѣсящихъ около 20 гр. Всѣ онѣ (извѣстны: Амиса, Амастріи, Газіуры, Кавиры, Пимолисы, Синопы, Тавлары), не только крупны, но и не имѣютъ монограммъ (иногда, не у всѣхъ, есть совсѣмъ иныя, на нѣкоторыхъ этого типа Амиса и Тавлары). Но есть и другой отдѣлъ монетъ того же типа, значительно меньшихъ (вѣсъ около 8 гр.). Всѣ онѣ отличны отъ первыхъ (извѣстны: Авонотиха, Амасіи, Амиса, Амастріи. Діи, Фарнакіи, Синопы), своимъ стилемъ, худшей работой и монограммами у всѣхъ. Имгофъ считаетъ ихъ частью конца миерадатовскаго времени, частью слѣдующаго за нимъ (Imhoof-Blumer, Griech. Münz., 562). На рис. 3 можно видѣть монету этого типа Амастріи, на которой та же монограмма, что и на типѣ Геракла; стиль обѣихъ монетъ тождественъ и если ихъ сравнить съ изображеніемъ рис. 1, крупнаго типа орла съ молніей, то, думаю, можно согласиться съ тѣмъ, что малыя монеты биты позднѣе, не ранѣе второй половины или даже конца I вѣка до Р. Х.

[1]) *Бурачковъ, Общ. кат., стр.* 163; *Кёне, Муз. Коч.*, 1, № 137, стр. 378. Поразительно малое значеніе типа Геракла въ нумизматикѣ Боспора (кромѣ Синдовъ и единственной Феодосіи, еще не изданной) приведено кн. Сибирскимъ. (*Cat. des méd. du Bosph, Cim.*, I, CXXIII, и 148, pl. V, fig. 133). Это совсѣмъ неожиданное обстоятельство осталось, какъ бы не замѣченнымъ, даже тѣми кто усиленно указывалъ на выдающееся значеніе Геракла для боспорскихъ царей. Царская монета Левкона, III в. до Р. Х., съ изображеніемъ Геракла одинока, даже между царскими.

[2]) *Head, Cat., of the gr. coins, Lydia etc.*, 170, № 3, 236, № 3, 238, № 10—21, 328, № 20: *Cat. de Moltheim*, 220, № 2705; *Babelon, Inventaire de la collect. Waddihgt.*, № 6963—4, 6978, 6985—6, 6991—5, 7024. *Head, Cat. of the gr. c.. Phrygia*, 281, № 14.

[3]) *Head, Cat. of the gr. coins, Caria etc*, XXX, 10, № 1—9, 13: *Cat. de Moltheim*, 190, № 2365, pl. XVIII; *Babelon, op. c.* № 2126—9.

[4]) *Babelon, Mon. de la republ. Rom.*, I, 381, II, 458—9.

Архелаѣ, устраивавшемъ тамъ свою столицу, (кон. I в. до Р. Х.) чеканены монеты съ подобнымъ-же оборотомъ [1]). Въ самой Евсевіи, тогда-же бита монета съ тѣмъ-же оборотомъ [2]). Во Фригіи тоже, у Аббаитовъ [3]). Одну палицу Геракла встрѣчаемъ на монетахъ многихъ городовъ тѣхъ странъ. Болѣе позднихъ, чѣмъ конецъ I в. до Р. Х. не указываю. Если вспомнить, что Архелай перемѣнилъ обычные монетные типы своихъ предмѣстниковъ каппадокійскихъ царей, замѣнивъ ихъ повсюду атрибутами Геракла [4]) и что близко послѣ того на Боспорѣ появилась царица Пиѳодорида, бывшая родомъ по отцу изъ Нисы и Траллъ, то позволительно утверждать, что разсматриваемый типъ монеты царя Ε заимствованъ изъ тѣхъ-же мѣстъ и не ранѣе конца I в. до Р. Х. Почти такой-же оборотъ монеты повторилъ на Боспорѣ, значительно позже, около 40—45 г. по Р. Х., Миѳрадатъ II, чѣмъ тоже указывается позднее появленіе этого типа на Боспорѣ и нѣкоторая возможность связи этого потомка Ахеменидовъ съ царями Ε и ϒ [5]). Въ видѣ подражанія тотъ-же типъ явился и на указанныхъ монетахъ Амиса и Амастріи и, наконецъ, еще позже этихъ послѣднихъ, на единственной напоминающей Геракла маленькой монеткѣ Пантикапея. Это едва-ли было подражаніемъ рѣдчайшимъ монетамъ Амиса и Амастріи, такъ какъ Пантикапей весьма слабо слѣдовалъ даже за самыми распространенными типами Понта миѳрадатовскаго времени. Городъ никогда не дававшій ничего напоминающаго Геракла на своихъ монетахъ, вѣроятно, сдѣлалъ это изъ особыхъ видовъ угожденія чужимъ вкусамъ и, повидимому, нѣсколько ранѣе царя Ε.

Изъ тѣхъ-же мѣстъ заимствованъ царями Ε и ϒ не только типъ Геракла, но и Геліоса, до мелкихъ подробностей включительно. И этотъ типъ также до ихъ времени совершенно не былъ извѣстенъ ни въ Понтѣ, ни на Боспорѣ. Самая идея изобразить Геліоса съ волосами въ видѣ лучей, какъ на монетахъ царя Ε или въ лучезарномъ вѣнцѣ, какъ у царя ϒ, (рис. 11 и 17), не впрямъ и не одну голову, какъ обычно, а въ профиль и почти бюстомъ, прямо заимствована съ монетъ Родоса, столь извѣстныхъ и распространенныхъ въ сосѣднихъ странахъ, а значитъ и въ Каппадокіи. На Родосѣ уже съ половины II в. до Р. Х. именно такъ, въ профиль и вправо, стали представлять Геліоса, до тѣхъ поръ всегда изображаемаго впрямъ. Съ половины-же I в. до Р. Х. и въ особенности въ императорское время, Геліосъ на

[1]) *Hill, Cat. of the coins of Lycaonia etc.*, LXIX, 183, № 126, 184, № 132—6; *Cat. de Molth.*, 212, № 2621—2; *Imhoof-Bl., Zur. gr. Münz*, 29, № 15; *Babelon, op. c.*, № 4623—7.

[2]) *Mionnet, op. c.*, IV, 407, № 2; *Cat. de Mol.*, 234. № 2838; *Imhoof-Blumer, op. c.*, 4, № 11, 2, № 5.

[3]) *Head, Cat. of the gr. c., Phrygia*, 2, № 8.

[4]) *Reinach, Trois Royaumes de l'Asie Min.*, 67—68.

[5]) *Бурачковъ, Общій каталогъ*, л. XXVI, № 89. 90, 91.

мѣдныхъ монетахъ Родоса, очень крупныхъ, изображается только въ профиль и нѣкоторыя изъ этихъ монетъ, по своимъ подробностямъ, можно сказать, являются прямымъ прототипомъ монетъ царей Ε и ϒ, почти точно имъ подобныхъ [1]). Одновременно съ родосскими, Геліосъ въ такомъ-же видѣ изображается на монетахъ Аристарха Колхидскаго, а вскорѣ послѣ того появляется и на монетахъ Горгиппіи, вблизи самого Боспора [2]). Заимствованіе царями Ε и ϒ и время этого ясны. Мѣстные монетчики царей Ε и ϒ можетъ быть только постарались придать Геліосу, какъ то было сдѣлано и на монетахъ Аристарха Колхидскаго, подобіе съ портретнымъ изображеніемъ своихъ владыкъ.

Типы Геліоса и въ особенности Полумѣсяца съ Солнцемъ, довольно употребительны въ сосѣднихъ Θракіи и отчасти въ Пафлагоніи, но все это было уже гораздо позже царей Ε и ϒ.

Теперь можно сказать, что если въ чеканѣ царями Ε и ϒ Полумѣсяца съ Солнцемъ (звѣздой) еще возможно допустить отдаленное указаніе на Ахеменидовъ, то въ изображеніи Геракла съ его атрибутами, можно усматривать, съ гораздо большимъ основаніемъ, связи этихъ царей съ Каппадокіей или близкими къ ней странами. Здѣсь понимается связь исключительно монетная, близкая и прямая, основанная на взаимныхъ торговыхъ сношеніяхъ, близости правленій или родствѣ правителей, а не та которую можно выискивать въ баснословныхъ преданіяхъ о божественномъ происхожденіи разныхъ владыкъ. Случайно и не на долго появившееся на Боспорѣ изображеніе Геракла, съ атрибутами въ явно заимствованномъ видѣ, затѣмъ исчезаетъ на полтора вѣка и вновь появляется, опять на короткое время, только съ Савромата II (174—210 по Р. Х.), но въ иномъ видѣ (подвиги Геракла) и подъ вліяніемъ совсѣмъ иныхъ соображеній и подражаній.

А. В. Орѣшниковъ указалъ и еще монету съ не малымъ значеніемъ для опредѣленія времени чекана монетъ царей Ε и ϒ [3]). Эта монета была описана Шодуаромъ, какъ принадлежащая Миѳрадату II и дѣйствительно, по этому описанію она во всемъ точно такая, какъ

---

[1]) *Cat. de Molthein*, 200—201, № 2492—5, 2510—4, *pl.* XIX; *Head, Cat. of the greek coins of Caria etc.*, 252—256, *pl.* XL; еще болѣе мѣдныя 258—260, *pl.* XL, *fig.* 17, 262, *pl.* XLI, *fig.* 5—6, 266, *pl.* XLII, *fig.* 9—12, 267—268 и въ особенности *pl.* XLIII, *fig.* 1—2. Подобнымъ же образомъ изображаемый Геліосъ, въ I в. до Р. Х., особенно въ его второй половинѣ, очень часто встрѣчается на римскихъ монетахъ, что вѣроятно и вліяло, косвенно черезъ Родосъ, а можетъ быть и прямо, на Боспоръ. См. *Babelon, Mon. de la Republ. Rom.*, I, 168, 188, 212, 218, 355, 372, 384, II, 71, 153, 520: *Antonia, Aquilia, Claudia, Coelia, Cordia, Iulia, Lucretia, Valeria.*

[2]) *Ретовскій, Драхма Аристарха, Тр. Моск. Нумизм. Общ.*, III *вып.*: I, 2: *Гиль, Новыя пріобр., табл.* V, № 51.

[3]) *Орѣшниковъ, Мат. по нумизм. Черноморск. прибр.*, 17; *Chaudoir. Correct. et addit. à l'ouvrage du ch. Sestini*, 1835, *Paris*, 70.

царя ⋀ съ | годомъ, съ тою разницею, что у нее на лицев. сторонѣ усматривается и полустертая надпись, въ которой Шодуаръ прочелъ имя императора Клавдія, узнавая его-же и въ изображеніи, представленномъ въ лучезарномъ вѣнцѣ. Подобную монету нельзя, конечно, приписать кому-либо иному кромѣ Миѳрадата II, современника Клавдія, а такое пріуроченіе, по всему намъ извѣстному, совершенно невѣроятно. Невозможно допустить, чтобы Миѳрадатъ II, чеканившій не только мѣдь, но даже и золото, съ перваго-же года своего правленія, съ своимъ полнымъ именемъ, а мѣдь и съ своимъ изображеніемъ, никогда не давая на ней изображеній римлянъ, помѣстилъ-бы на указываемой монетѣ изображеніе и имя Клавдія, а свое обозначилъ прикровенно, только монограммой; это вовсе не въ стилѣ ни его монетъ, ни его исторіи. Столь-же трудно мыслимо, что монетчики Миѳрадата II, чеканя новую монету, перемѣнили въ ней только черты лица, вмѣсто изображенія Геліоса давъ портретъ Клавдія, а все остальное оставили безъ измѣненія. На всѣхъ извѣстныхъ намъ экземплярахъ монетъ царя ⋀ изображеніе Геліоса никакого сходства съ Клавдіемъ не имѣетъ и, если придавать значеніе сходству, то приходится объяснять монету перечеканкой, какъ-то и сдѣлалъ А. В. Орѣшниковъ. Однако, о перечеканкѣ монеты Шодуаръ вовсе не упоминаетъ, да и перечеканки на Боспорѣ совершенно неизвѣстны во все императорское время, по крайней мѣрѣ я никогда, ни одной не видѣлъ. Допустивъ таковую въ настоящемъ случаѣ, трудность объясненія не уменьшится потому что Шодуаръ, повидимому, ясно читалъ имя и узналъ изображеніе Клавдія въ лучезарномъ вѣнцѣ, а послѣдняго ни на одной монетѣ, не только Клавдія, но и кого-бы то ни было, императора или мѣстнаго царя, мы совершенно не знаемъ на Боспорѣ, ни въ какую пору. Можно-бы думать, что Шодуаръ въ чемъ-либо ошибся, но это мало вѣроятно ибо его описаніе очень опредѣленно и просто, такъ что въ концѣ концовъ эта монета остается неприложимой загадкой [1]). Если позволительны догадки, то скорѣе всего, мнѣ кажется, можно думать, что къ этой монетѣ былъ примѣненъ очень распространенный способъ поддѣлки—осторожное и легкое выскабливаніе добавочныхъ надписей на поляхъ подлинной монеты: въ данномъ случаѣ на лиц. стор. монеты царя ⋀ (рис. 17) слегка вырѣзано и полустерто имя Клавдія. Всѣ эти затрудненія можно было-бы рѣшить увидѣвъ самую монету, но неизвѣстно гдѣ она находится и даже существуетъ-ли еще; коллекція Шодуара была распроданна по частямъ, кажется въ Парижѣ. Остается признать, что указаніе и этой монеты, къ сожалѣнію, неопредѣленно и даже сомнительно; оно все-же кло-

[1]) Монетъ съ именемъ и изображеніемъ Клавдія достаточно на Боспорѣ, но онѣ всѣ съ монограммой Котиса и одна съ моногр. Нерона, вполнѣ соотвѣтствуя тогдашнему монетному праву на Боспорѣ, какъ увидимъ далѣе; извѣстны мѣдныя—*Бурачковъ, Общ. хат.*, л. XXVII, № 107—110. и золотыя, здѣсь послѣднія даны на рис. № 72—76, 78—83.

нится къ сближенію монетъ царя Ϟ съ временами значительно болѣе поздними, чѣмъ время Миѳрадата Евпатора.

Вышеприведенныя соображенія: о чеканѣ мѣди Миѳрадатомъ VI и его городами, о томъ-же при всѣхъ его преемникахъ на Боспорѣ, о Полумѣсяцѣ съ Солнцемъ (звѣздой), о типѣ буквъ на монетахъ царей Ε и Ϟ, о заимствованіи ими типовъ Геракла и Гелiоса и времени этого, о клеймѣ царя Ε на монетѣ Евсевіи, да и вообще все выше сказанное, не будучи каждое отдѣльно взятое, чѣмъ-либо рѣшающимъ, все вмѣстѣ даетъ достаточное убѣжденіе въ чеканѣ разсматриваемой группы монетъ царей Ε и Ϟ позже Миѳрадата VI. Принявъ-же въ соображеніе, что послѣдованіе властителей, со смерти Миѳрадата VI вплоть до вѣроятной смерти Полемона I, около 9-го года до Р. Х., хорошо извѣстно и въ него никоимъ образомъ нельзя вставить царей Ε и Ϟ, прійдется признать, что и разсматриваемая группа монетъ не могла появиться ранѣе этого послѣдняго времени, т. е. самаго конца I в. до Р. Х.

Прежде чѣмъ пойдти далѣе, слѣдуетъ указать на серію монетъ битыхъ въ странѣ очень далекой отъ Боспора, почему онѣ и не вводились въ разсмотрѣніе ранѣе. Въ вышеописанныхъ монетахъ царей Ε и Ϟ всего болѣе обращали на себя вниманіе нѣкоторые типы, обыкновенно указываемые, какъ особенно свойственные Боспору или даже исключительно битые царившими въ немъ родами. Напр.—Полумѣсяцъ съ Солнцемъ (звѣздой), Палица Геракла съ наброшенной на нее шкурой льва, Козерогъ. Выше показано, что ничего исключительно боспорскаго эти типы не представляютъ и извѣстны во многихъ мѣстахъ, чему приводились примѣры, разумѣется изъ странъ близкихъ къ Боспору и поэтому самому доступныхъ для прямого заимствованія, но не лишне вспомнить, что тѣже самые типы встрѣчаются и въ такой далекой странѣ, какъ Мавританія. Тамъ мы находимъ не только показанные важнѣйшіе типы, но и другіе, изъ числа имѣющихся на монетахъ царя Ε, меньшаго значенія, какъ-то—Рогъ изобилія, Дельфинъ, Кадуцей, Орелъ на молніи, Левъ, Змѣя съ лотосомъ (Агаѳодемонъ), Вѣнокъ окружающій то или иное изображеніе. Все это встрѣчается на монетахъ царя Юбы II и его жены Клеопатры, а слѣдовательно чеканено между 25 г. до Р. Х. и 19 по Р. Х., т. е. при Октавіи-Августѣ. Къ тому-же здѣсь эти типы не случайно одиночные, а почти всѣ очень развиты и часто чеканены, во многихъ варіантахъ, особенно въ серебрѣ [1]). Юба II былъ взятъ мальчикомъ,

[1]) Типъ Полумѣсяца съ Солнцемъ объясняется здѣсь, какъ указаніе на прозвища Клеопатры-Селены и ея брата близнеца, Александра, данныя имъ еще ихъ отцомъ М. Антоніемъ (*Eckhel, Doctrina num.*, IV, 159). Послѣ указанныхъ выше сравненій кажется сомнительнымъ толкованіе въ столь тѣсныхъ рамкахъ. Всѣ эти мавританскія монеты хорошо описаны въ *Müller, Numismatique de l'ancienne Afrigue*, III, 103—107 и 125—135. Онѣ же описаны и къ нимъ сдѣланы прибавленія Бутковскимъ, *Diction. Numism.*, 206—230; конечно, есть и у Міонне. Такъ какъ указанія Бутковскаго сдѣлать всего проще и описанія тамъ всѣхъ полнѣе, то укажу и ихъ: № 478—9, 481, 485—6, 489, 493—9, 504, 514, 516, 520—3, 526, 530—2, 534—6, 538.

послѣ разгрома при Θапсѣ, въ 46 г., Нумидійскаго царства, Ю. Кесаремъ. Въ Римѣ его провели межъ плѣнными въ тріумфѣ, а затѣмъ онъ, какъ и многія дѣти царствующихъ домовъ, былъ старательно воспитанъ совершенно въ римскомъ духѣ. Изъ него вышелъ человѣкъ преданный римлянамъ, энциклопедистъ-литераторъ, усердно и много компилировавшій, ученѣйшій греческій историкъ, по словамъ Плутарха [1]), т. е. человѣкъ знакомый съ прошлымъ и современнымъ ему политическимъ и экономическимъ положеніемъ тогдашняго міра. Для него именно, съ 25 г. до Р. Х., Октавій-Августъ образовалъ Мавританское царство изъ частей его отцовскаго наслѣдія [2]). Царствовалъ онъ долго, но безцвѣтно, какъ и подобало римскому ставленнику и подручнику.

Клеопатра-Селена, его жена, родившаяся около 35 года, дочь М. Антонія тріумвира отъ нильской змѣи. Ребенкомъ ее несли въ тріумфѣ Октавіана, но послѣ того она жила и воспитывалась у соперницы своей матери, Октавіи, четвертой жены М. Антонія, сестры Октавія-Августа, покровительствовавшей дѣвочкѣ также, какъ и всѣмъ дѣтямъ М. Антонія. Октавія-же и выдала ее замужъ за Юбу II, около 20 г. до Р. Х. Такимъ образомъ были житейски устроены эти царскія дѣти-сироты.

Мы видимъ, что здѣсь, можно сказать почти въ точности, повторилось тоже, что было сдѣлано тѣмъ-же Августомъ на Боспорѣ, для Полемона I и Пиѳодориды (о нихъ подробности далѣе), которой Клеопатра-Селена приходилась теткой, хотя и была близко однихъ съ нею лѣтъ, можетъ быть годомъ—двумя старше. Отношенія между всѣми дѣйствующими лицами оказываются совершенно тѣже, съ тѣми-же послѣдствіями и происходили почти въ тоже время, но все-же нѣсколько ранѣе въ Мавританіи, чѣмъ на Боспорѣ. Очень вѣроятно, что оба эти семейства, хотя и далеко разбросанныя, знали одно о другомъ и были въ прямыхъ и постоянныхъ сношеніяхъ между собою. Сознаніе родства, а отсюда и взаимной связи Клеопатры-Селены съ ея племянницей Пиѳодоридой, можно видѣть и въ именахъ данныхъ послѣднею своей дочери. Ея первое имя—Антонія, дано въ честь ея бабки, дочери М. Антонія, жены Пиѳодора, по обычаю, но второе имя—Трифена, египетское и дано ради связи съ этой страной. По этому имени, употребительномъ въ семьѣ Лагидовъ, Антонію-Трифену даже считали дочерью Клеопатры-Селены [3]).

Если, кромѣ родства царствующихъ семей и однородности ихъ отношеній къ римлянамъ и своимъ царствамъ, мы обратимъ вниманіе на то, что какъ въ Мавританіи, такъ и на Боспорѣ, указываемые типы

---

[1]) *Plutach, Sertor.*, X, *Caes.*, LX.

[2]) *Моммсенъ, Римск. Ист.*, V, 353. 617; *Его-же, De titul. reg. Pith., Ephem. ep.*, I, 276; *Plutarch. Anton.*, XCV.

[3]) *Кёне, Музей Коч.*, II, 184.

монетъ не употребительны ранѣе (отецъ Юбы II чеканилъ совсѣмъ иные, повторенные также и Юбой II), но встрѣчаются позже въ обѣихъ странахъ (ихъ чеканилъ Птолемей сынъ Юбы II, убитый въ 40 г. по Р. Х., а на Боспорѣ, около того-же времени одинъ типъ, Миѳридатъ II), то во всемъ этомъ едва-ли можно будетъ видѣть простое, случайное сопоставленіе. Прійдется признать, что въ извѣстный историческій моментъ было нѣчто въ видѣ какихъ-то вѣяній или простой моды, наконецъ, вводившее эти изображенія, какъ монетные типы, во многихъ мѣстахъ, на крайнемъ сѣверо-востокѣ, также какъ и на дальнемъ юго-западѣ тогдашняго римско-греческаго міра; такая мода была наиболѣе развита именно въ концѣ I вѣка до Р. Х. и началѣ I в. по Р. Х. Отсюда-же заключаемъ, что столь широко распространенные типы не могли основываться единственно на мелкихъ, чисто родовыхъ или племенныхъ, счетахъ и преданіяхъ. Нельзя, конечно, изъ сказаннаго вывести заключеніе о простомъ заимствованіи монетныхъ типовъ, Боспоромъ у Мавританіи, но и одной случайностью въ объясненіе всего этого, по истинѣ, едва-ли можно удовольствоваться. Во всякомъ случаѣ и это указаніе даетъ основаніе считать монетные типы царей Ε и ⋀ чеканенными не ранѣе конца I в. до Р. Х.

Теперь перейду къ слѣдующимъ двумъ группамъ, въ которыхъ будутъ и длинныя серіи золотыхъ и довольно большее число сортовъ мѣди; для яснаго представленія всего этого необходимо обратить особое вниманіе на одно обстоятельство, обыкновенно упускаемое изъ вида или весьма различно и поверхностно указываемое, хотя и вообще говоря, а въ особенности для даннаго времени, оно имѣетъ исключительное, рѣшающее значеніе. Подразумѣваю необходимость точно опредѣлять какія именно стороны монеты должны считаться лицевой или оборотной. Обязательность правильно разобраться въ этомъ вполнѣ понятна, такъ какъ значеніе сторонъ монеты, ихъ относительная важность, а стало быть и помѣщенныхъ на нихъ изображеній, во всѣ времена были неодинаковы и въ особенности въ разсматриваемое, когда мѣстное право и значеніе туземныхъ властителей сталкивались съ установленіемъ чуждаго, но всемірно-распространяющагося владычества Римлянъ, ихъ права и могущества ихъ императоровъ, а на монетахъ помѣщались преимущественно портретныя изображенія[1]). Не точныя опредѣленія въ этомъ, какъ-бы мелочномъ вопросѣ, были причиной многихъ недоразумѣній, возникшихъ у нумизматовъ-изслѣдователей.

Уже и a priori можно сказать, что рѣшеніе вопросовъ о томъ чье или какое изображеніе должно быть на лицевой сторонѣ монеты, а какое на ея оборотѣ не можетъ быть дѣломъ случая или произвола

[1]) Относительное значеніе изображеній на лиц. стор. или оборотѣ монеты въ римскомъ пониманіи около этого времени см. *Mommsen-Blacas, Hist de la mon. rom.*, III, 3, *примѣч.* 1.

простого монетчика и поэтому самому оставаться неопредѣленнымъ и безпричинно мѣняющимся. Сама техника древней монеты, вообще говоря, даетъ возможность легко и просто рѣшать этотъ вопросъ, стоитъ лишь взять монету въ руки; но въ разсматриваемое время способъ чекана настолько сталъ плоскимъ, что на одномъ ощущеніи нельзя основываться, но можно обойтись и безъ этого способа. И дѣйствительно, если внимательно вглядѣться въ ряды всѣхъ царскихъ монетъ на Боспорѣ, то можно видѣть, что при чеканѣ ихъ всѣхъ съ безупречной и строго неизмѣнной точностью, во всѣ времена, держались однихъ и тѣхъ-же правилъ. А между тѣмъ описывая все это весьма часто нумизматы къ этой важной сторонѣ относились безразлично и разнообразно, даже такъ, что въ текстахъ указывали одно, а въ рисункахъ того-же другое. Напр., для разсматриваемыхъ группъ, у Кёне лицев. стор. описаны какъ оборотъ [1]); тоже сдѣлано значительно частью на рис. Бурачкова, а мѣстами и въ текстѣ; Міонне въ первыхъ описаніяхъ поступилъ также и только въ прибавленіи изложилъ дѣло правильно; тоже и у Ленормана. Послѣдній утверждаетъ, что изображеніе императора всегда первенствуетъ и опредѣляетъ лицев. сторону монеты на Боспорѣ, но это совершенно противорѣчитъ всей техникѣ боспорскаго чекана [2]). Того-же мнѣнія держался и Кёне удивляющійся тому, что на боспорскихъ золотыхъ монограммы ставятъ то на лиц. стор., то на оборотѣ и увѣряющій, для разсматриваемаго здѣсь золота, что лицев. стороной надо считать ту, на которой дано изображеніе царствующаго императора, а оборотомъ ту гдѣ изображенъ его предшественникъ [3]). Такимъ образомъ онъ даетъ не наблюденіе сдѣланнаго Боспорцами на монетѣ, а свое собственное правило, приводя его по поводу золота Котиса I и изображеній на немъ Клавдія и Агриппины, во время Нерона. Можетъ быть это правило и очень хорошо, но на монетахъ Боспорцы поступали совсѣмъ иначе; что они думали мы не знаемъ, но, по моему, разсуждали тоже не дурно: Клавдій, хотя и умершій, но отецъ усыновленнаго имъ Нерона и даже обоготворенъ послѣднимъ, хотя-бы и при посредствѣ грибовъ, а Агриппина „лучшая мать“, по словамъ самого Нерона вначалѣ его правленія; совершенно понятно и естественно что именно они изображены на лиц. сторонахъ, а самъ Неронъ на оборотной. Во всякомъ случаѣ, хорошо или нѣтъ такое разсужденіе, но на монетахъ поступлено именно такъ и намъ приходится лишь признавать существующее [4]). Подходя къ настоящему вопросу съ такой точки зрѣнія, ничего

[1]) *Кёне, Муз. Кочуб.*, II, 199—207 и другія.

[2]) *Lenormant, La mon. dans l'antiq.*, II, 435.

[3]) *Кёне, Муз. Коч.*, II, 226.

[4]) Такъ понимаютъ и современные ученые: *Wroth, Cat. of greek coins, Pontus*, 52; *Sallet, Zur Numism. der Könige v. Pontus, Zeitschr. für Numism.*, IV, 304—305; *Ортѣяковъ, Катал. собр. древн. гр. Уварова*, № 560; у всѣхъ совершенно вѣрныя обозначенія.

не узаконяя, а лишь наблюдая сдѣланное, можно установить такія непремѣнныя и непреложныя правила бывшія на Воспорѣ. На всѣхъ золотыхъ всегда, безъ исключенія, лиц сторона та, на которой имѣется одно изображеніе и ничего болѣе, оборотная та, на которой кромѣ изображенія имѣются монограммы или сокращенія и годовыя числа. Позднѣе, съ 377 года, на лиц. стор. изображается мѣстный властитель и тогда непремѣнно съ полною надписью вокругъ, титула и имени, а на оборотъ переходитъ изображеніе императора, но годовое число остается всегда и неизмѣнно на оборотѣ, чѣмъ таковой и указывается [1]). На мѣди совершенно тоже самое: на лиц. сторонѣ какое-либо изображеніе, часто съ подписью (для Римлянъ), позднѣе всегда, и только на оборотѣ сокращенія имени и числовые знаки. Нѣкоторыхъ исключеній изъ этого правила и то на мѣди такъ мало и они таковы, что служатъ лишь его утвержденіемъ. Можно указать только два: на одномъ сортѣ монеты Котиса I, съ изображеніемъ Клавдія, числовыя буквы перенесены на лиц. стор., но сокращеніе имени Котиса все таки на оборотѣ [2]); другое на монетѣ царя ᴧᴧ гдѣ сокращеніе его имени показано на лиц. сторонѣ, но численный знакъ все-же остался на оборотѣ (рис. 19). Разумѣется, гдѣ требовалось второе сокращеніе имени, для изображенія лицевой стороны, то оно тамъ и ставилось, а на оборотѣ оставалось свое, общаго значенія. Послѣ разсматриваемаго времени, т. е. 377 г. п. э., чеканъ мѣди поставленъ точно также, съ такою-же простотою, ясностью и очевидностью.

Теперь можно идти далѣе, указавъ соображенія относящіяся къ настоящему вопросу, вытекающія изъ разсмотрѣнія второй группы монетъ.

Весь чеканъ монеты на Боспорѣ во второй половинѣ I в. до Р. Х., происходилъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій только до тѣхъ поръ пока не препятствовали римляне, занятые рожденіемъ имперіи. Когда Октавіанъ сталъ Августомъ, то вскорѣ за тѣмъ установилъ особое право чекана монеты, одному себѣ присвоивъ чеканъ золота и серебра, что и въ Римѣ и въ подвластныхъ ему странахъ, а въ томъ числѣ и на Боспорѣ, перемѣнило монетные порядки. Обильные и частые выпуски золота при Асандрѣ заканчиваются послѣднимъ статеромъ Динаміи, битымъ послѣ смерти Асандра. Этотъ статеръ отъ 281-го года (17—16-го до Р. Х.), а исключительное право чекана золота предоставлено Октавію-Августу окончательно въ 16 году [3]), послѣ чего, по крайней мѣрѣ въ первое время, никто не посмѣлъ-бы нигдѣ, въ томъ счету и на Боспорѣ, бить золото и его дѣйствительно не видно

[1]) *Lenormant*, *La mon. dans l'ant.*, II, 200, 435; здѣсь указано авторомъ обратное, безъ какого либо основанія.

[2]) *Бурачковъ*, *Общ. кат.*, № 110.

[3]) *Lenormant*, *La monnaie dans l'antiquité*, II, 399 — 401; *Mommsen-Blacas*, *Hist de la mon. rom*, III, 6 - 7, 9, 482: *Hültsch*, *Griech. und röm. Metr.*, 304—305.

ни у Полемона I, ни у Пиѳодориды. Даже серебряная монета, не многимъ въ ту пору разрѣшаемая, и у этихъ властителей весьма рѣдка, да и та чеканена ими въ Понтѣ, а не на Боспорѣ, Полемономъ I ранѣе, а Пиѳодоридой много позднѣе, уже при Тиверіи; но и дозволенному серебру приходилось соперничать съ обильно распространенными римскими денаріями, а это оказывалось очень невыгоднымъ [1]). Царская мѣдь тоже неизвѣстна во все это время, быть можетъ, потому что недостаточно упрочившіеся на престолѣ Полемонъ I и Пиѳодорида, не рѣшались явно захватить чеканъ мѣди, что по праву старины принадлежало городамъ, хотя, вѣроятно, слѣдуя общему примѣру, всячески это право стѣсняли. Въ общемъ, о томъ что дѣлалось въ это время на Боспорѣ мы имѣемъ только намеки, а экономическое положеніе этихъ странъ почти вовсе неизвѣстно, но очевидно, что торговый балансъ продолжалъ быть въ пользу Боспора и золото туда притекало въ изобиліи [2]). При такомъ положеніи вещей прекращеніе выгоднаго и необходимаго чекана золотой монеты и стѣсненіе монетнаго дѣла вообще оказывалось экономически очень тяжелымъ, почему мѣстные владыки всячески старались обойти стѣснительный законъ, дѣлая это возможно болѣе незамѣтнымъ и менѣе раздражающимъ Римлянъ образомъ, которые и съ своей стороны смотрѣли на эти попытки сквозь пальцы и даже прямо имъ помогали. Подъ такимъ взаимодѣйствіемъ основного закона чекана монеты въ имперіи и экономической необходимости, образовалась та система, которая разсмотрится здѣсь нѣсколько подробнѣе, потому что въ ней находятъ себѣ мѣсто всѣ группы монетъ съ неизвѣстными или неполными именами, какъ царей Ε и ⋀, такъ и всѣхъ другихъ.

Время смерти Полемона I въ точности неизвѣстно, всего вѣроятнѣе, что это случилось около 289 г. понт. эры (9 до Р. Х.). Можетъ быть еще при немъ, а вѣрнѣе послѣ него, на Боспорѣ появилась вторая группа разсматриваемыхъ монетъ, чеканенная съ 289 по 311 п. э. (съ 9-го до Р. Х., по 14 по Р. Х.). На этомъ золотѣ, съ обѣихъ сторонъ имѣются только портретныя изображенія двухъ разныхъ лицъ, сокращенная надпись въ видѣ монограммы, да годъ понтійской эры, какъ бы для того поставленный, чтобы изъ куска золота приготовить историческій документъ, загадочный по своей принадлежности, но точный по времени. Чьи именно изображенія на этихъ золотыхъ до сихъ поръ неопредѣлено; одни считали, что это Римляне, другіе усматривали тутъ мѣстныхъ владыхъ или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Однако, типъ лицъ до такой степени очевидно и характерно римскій, что всякое иное предположеніе совсѣмъ не вѣроятно. Объ этомъ будетъ под-

[1]) Подробно о причинахъ невыгодности мѣстнаго чекана серебра см. „*Нѣсколько нов. мон. Херсонеса*“, отд. отт., 47—52.

[2]) О золотѣ на Боспорѣ подробно: *Относит. стоимость монетныхъ металловъ на Боспорѣ и Борисѳ.*

робнѣе сказано далѣе, пока-же довольно замѣтить, что портретность изображеній хотя и несомнѣнна, но не на столько удовлетворительна, чтобы можно было съ увѣренностью признать въ нихъ какое либо лицо тогдашняго офиціальнаго міра. Кто бы ни былъ изображенъ, для настоящаго изслѣдованія второстепенно, важно лишь то, что это Римляне и что; слѣдовательно, помѣщать свое изображеніе на монетѣ боспорскіе владыки въ то время не рѣшались или, вѣрнѣе: не имѣли права; такимъ образомъ однимъ изъ внѣшнихъ (далѣе увидимъ, что и изъ внутреннихъ) признаковъ, принадлежности этихъ монетъ не исключительно Римлянамъ служатъ обозначеніе года и неудопонятныя, неизвѣстно, что выражающія монограммы или сокращенія Δ̂, ΚΛΕ, ΛΡ и ΛΑ [1]). Эти монограммы повторяются послѣдовательно, въ указанномъ порядкѣ, въ теченіе разнаго времени каждая, а именно первая—16 лѣтъ, вторая—2, третья—3, четвертая—1 годъ. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ ихъ чтенія, хотя и многообразны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не вѣроятны. Въ этомъ смыслѣ съ несомнѣнностью можно замѣтить, во первыхъ, что онѣ не заключаютъ въ себѣ даже и сокращеннаго намека на царскій титулъ, а во вторыхъ, что онѣ разрѣшаются въ невѣдомыя намъ имена. Мѣдныхъ монетъ соотвѣтствующихъ золоту этой группы никѣмъ еще не указывалось, но невѣроятно, чтобы ихъ не было.

Обо всемъ этомъ также будетъ сказано подробнѣе ниже, а теперь перейду къ третьей группѣ, въ которой можно видѣть, что съ 311 г. п. э. (14 по Р. Х.), начала правленія Тиверія, оказываются золотые также имѣющіе съ обѣихъ сторонъ только портретныя изображенія, на оборотѣ года понтійской эры и сокращенія, но эти послѣднія уже не столь прикровенны, какъ во второй группѣ и заключаютъ въ себѣ не одно имя, но и титулъ; видимо боспорскіе владыки получили разрѣшеніе, а потому во всѣхъ сокращеніяхъ, съ разными начальными буквами имени, читаются на золотѣ и буквы ΒΑ, т. е. ΒΑ(σιλεως). Такимъ образомъ, въ этихъ сокращеніяхъ царскій титулъ выраженъ достаточно ясно и только имя царей почти скрыто. Всѣ изображенія и на этихъ золотыхъ также несомнѣнно и единственно Рямлянъ, кто именно будетъ указано далѣе, вмѣстѣ съ рѣшеніемъ того же для второй группы. Въ тоже время впервые, какъ

[1]) Въ монограммѣ Δ̂, внутри Δ, нѣкоторые нумизматы усматриваютъ точки и черточки, изъ которыхъ дѣлаютъ разныя буквы; осмотръ золотыхъ превосходной сохранности, убѣждаетъ въ томъ, что все это только случайный сдвигъ металла, подъ ударомъ штампа (напр. рис. № 35, 36, 37), а буквъ въ монограммѣ только двѣ Μ и Δ; вмѣсто Μ, случалось читали Κ, но и это неясность штампа, какъ на рис. № 41. Точно такая монограмма извѣстна на монетѣ ѳракійскаго династа Саратока, но такъ какъ онъ жилъ, приблизительно, около 400 г. до Р. Х., то здѣсь это ни въ какую помощь служить не можетъ, развѣ позволитъ замѣтить, что въ монограммѣ не заключается имя династа, выписанное полностью вслѣдъ за монограммой. Этотъ династъ извѣстенъ только по монетамъ.

думаютъ до сихъ поръ, соотвѣтственно золотымъ третьей группы появляется на Боспорѣ, послѣ долгаго перерыва, царская мѣдь и на ней, также какъ и на одновременномъ съ нею золотѣ, биты точно тѣже сокращанія. Какъ на золотыхъ, такъ и на мѣди извѣстныя въ этой третьей группѣ сокращенія идутъ послѣдовательно во времени въ видѣ ВАР, ВР, ВАК и ВАРН. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе особенности чекана, и золота и мѣди, по каждому сокращенію отдѣльно.

Съ ВАР золотые извѣстны съ 311 по 334 г. п. эры (14 — 37 по Р. Х.). Въ нихъ все совершенно нормально, какъ только что показано для третьей группы. Мѣдь съ такимъ сокращеніе тоже извѣстна[1]), при чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что оно относится къ тому же царю, что и золото, такъ какъ имѣющіяся на двухъ сортахъ этой мѣди изображенія Тиверія и Гая, съ подписями, по времени вполнѣ соотвѣтствуютъ годовымъ числамъ золота. Особенно примѣчательно въ этой мѣди различіе между монетой рис. 16 и остальными, рис. 23—29. На первой, большой рѣдкости, изображенъ Арей на лиц. сторонѣ и Трофей оружія на оборотѣ, съ сокращеніемъ имени и титула царя и съ числомъ цѣнности [Ϛ]. На остальныхъ, очень обыкновенныхъ, часто и обильно встрѣчающихся, на лиц. сторонѣ Тиверій и Калигула, съ подписями, а на оборотѣ, впервые появляется на боспорской монетѣ римскихъ временъ, изображеніе мѣстнаго властителя, безъ бороды, съ длинными волосами, въ діадемѣ; по сторонамъ въ полѣ оборота, сокращеніе титула и имени и знакъ цѣнности, но иной [ΙΒ]; объ этихъ монетахъ будетъ говорится и далѣе (мелкихъ варіантовъ этихъ монетъ очень много, не указываю ихъ; чуть иначе надпись, сокращенія иной формы, или нѣсколько иная портретность). Съ увѣренностью можно замѣтить, что первая монета, рис. 16, старше остальныхъ по ея рѣдкости и по отсутствію царскаго изображенія (или полной надписи), которая далѣе на всей мѣди уже встрѣчается всегда и непремѣнно. Она даже бита ранѣе правленія Тиверія ибо не имѣетъ его изображенія. Отсюда видно, что царь Р, первый получившій возможность написать на золотѣ сокращеніе своего титула и имени, первый же могъ дать, хотя только на мѣди, да и то лишь на оборотѣ свое изображеніе; за то эта мѣдь бита лишь въ двухъ номиналахъ, съ ничтожной цѣнностью, въ четверть и полъ аса или въ одинъ и два халка[2]), вѣроятно, именно потому ее чеканили много и часто. Первый сортъ мѣди этого царя (рис. 16) не только рѣдокъ, но и большого значенія для настоящаго изслѣдованія. Сравнивая его съ

[1]) Для мѣди: *Бурачковъ, Общ. кат.*, № 84—88: здѣсь рис. 19, 23—29; для золота здѣсь рис. 48—67.

[2]) Цѣнность этихъ мѣдныхъ боспорскихъ царскихъ монетъ, а также и другихъ, опредѣлен. въ статьѣ „*Дифференты и проч.* и *Нумизм. сборн. I том*ъ“. Тамъ на стр. 10, отд. отт., въ таблицѣ для Рискупорида I (царя Р) пропущенъ номиналъ въ ¼ аса, ½ халкъ, обознач. Ϛ; его должно прибавить.

монетами царей Ε и Ψ замѣчается ихъ совершенная одинаковость въ стилѣ и существѣ, а съ одной изъ монетъ царя Ψ (рис. 19) оказывается полное подобіе, почти тождество, во всѣхъ отношеніяхъ кромѣ начальной буквы имени. Приходится признать, что какъ эта монета такъ, слѣдовательно, и всѣ остальныя царя Ψ, биты въ ближайшемъ и прямомъ сосѣдствѣ по времени съ первой монетой царя Ρ, но ранѣе ее. Это заключеніе естественно распространяется и на группу монетъ царя Ε, которая бита непосредственно ранѣе монетъ царя Ψ. Но и помимо такого рѣшительнаго показанія этой монеты мы видимъ близкое сходство монетъ царя Ρ съ группой монетъ царей Ε и Ψ. Въ начертаніи буквъ одновременно употребляется Α и Α, а также извѣстны отдѣльныя буквы въ полѣ монетъ и между ними такая, какъ Ϛ. Если пересмотрѣть все чеканенное на Боспорѣ въ I вѣкѣ по Р. Х., то можно признать, что такое начертаніе буквъ, не говоря о другихъ признакахъ, ставитъ серіи царей Ε и Ψ рядомъ съ мѣдью царя писавшаго Ρ, какъ это угадывалъ еще Кёне, лишь ошибочно отнесшій эти послѣднія на два вѣка ранѣе Р. Х.[1]). Типы на остальныхъ монетахъ царя Ρ не тѣ, а цари Ε и Ψ еще не смѣли бить свое изображеніе, правда, что за то на мѣди царя Ρ, какъ бы для равновѣсія стали изображать Римлянъ, чего прежде не дѣлали[2]). Изображеній Августа ни на какой мѣди не имѣется на Боспорѣ, и этотъ многозначущій пропускъ не знаю, чѣмъ можно было бы объяснить и заполнить, если признавать, во все время, отъ Полемона I до Гая Калигулы, правленіе одного и того же властителя, а монеты царей Ε и Ψ отодвинуть къ Миѳрадату VI. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключить, что монеты этихъ царей, чеканъ которыхъ, какъ то вышеуказано (стр. 36, 38), могъ начаться, приблизительно, только послѣ Полемона I, т. е. въ концѣ I в. до Р. Х., прекратились передъ самымъ началомъ чекана первой несомнѣнной царской мѣди императорскаго времени на Боспорѣ. Стало быть мѣдь первой группы бита, приблизительно въ теченіе лѣтъ двадцати, въ самомъ концѣ I в. до Р. Х. и началѣ I в. по Р. Х. Отсюда слѣдуетъ, что столь много заботившая нумизматовъ мѣдь царей Ε и Ψ, близко предшествовавшая первой мѣди царя Ρ, въ точности соотвѣтствуетъ, по времени, золоту второй группы, которому одновременной мѣди не указывали, а понятно, что она должна была быть непремѣнно. Кто были эти цари не извѣстно и каково было ихъ отношеніе къ монетному праву не ясно; о томъ будетъ еще говорено далѣе, теперь же можно лишь замѣтить, что эти цари, и по именамъ, и по смыслу дѣла не имѣщіе ничего общаго съ золотомъ ихъ времени, не могли его чеканить. Они имѣли право лишь на чеканъ мѣди, да и то безъ своего изображенія, за то они

[1]) *Кёне, Музей кн. Кочубея*, II, 60.

[2]) *Бурачковъ, Общій Кат.*, XXVI, № 84—88; здѣсь рис. 23—29.

старались сдѣлать эту мѣдь какъ можно разнообразнѣе. Они били всякіе номиналы и доводили ихъ до десяти халковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, чеканя изображенія только боговъ, а не свое, эти цари могли не давать на мѣди изображеній римскаго Кесаря, а такъ какъ этотъ чеканъ былъ во время Августа, то этимъ и объясняется почему на Боспорѣ не находили мѣди съ изображеніемъ послѣдняго.

Точно вслѣдъ за золотыми царя Р биты, въ 334 и 335 г. п. э. (37—38 по Р. Х.), также во всѣхъ отношеніяхъ нормальные золотые (рис. 68, 69), какъ вышеописано для третьей группы, но съ сокращеніемъ титула и имени въ видѣ ВР. Этимъ золотымъ еще не найдено соотвѣтствующей мѣди, (имѣющаяся съ этой монограммой объясняется далѣе, стр. 48—49, она не этого властителя), вѣроятно по причинѣ краткости царствованія и слѣдовательно рѣдкости монеты она еще не найдена. Указываемое здѣсь сокращеніе титула и имени имѣетъ видъ почти монограммы, и его, почему-то признаютъ, какъ заключающее въ себѣ ВА и РН. Такое предположеніе, мнѣ кажется, основано единственно на предвзятой мысли о томъ, что это сокращеніе того-же царя, который ранѣе писалъ ВАР, и въ имени котораго хотѣли читать Рискупорида. Для того, чтобы такъ понимать описываемое сокращеніе приходится въ немъ начало титула читать слѣва на право, а начало имени справо на лѣво; кромѣ того въ немъ буква А, въ отмѣну всѣхъ прежнихъ и послѣдующихъ сокращеній, поставлена совсѣмъ иначе, не въ связи съ первой буквой, а какъ-бы вѣнчая всю монограмму. Въ видахъ всего этого думается, что это сокращеніе надобно понимать иначе. Въ немъ буква А, вѣроятно, входитъ и въ титулъ и въ имя, а буквы имени слѣдуетъ читать также слѣва на право, какъ и титула, тогда сокращеніе будетъ состоять изъ ВА для титула и изъ НР или НРА для имени. Далѣе говорится подробнѣе объ этой монограммѣ, стр. 48.

Въ 336 г. п. э. (39 по Р. Х.), боспорскимъ престоломъ овладѣлъ Миѳридатъ II, какъ-бы именно для того, чтобы выяснить намъ различіе правъ чекана монеты на Боспорѣ въ то время. Онъ захватилъ власть непосредственно послѣ лица писавшаго на золотыхъ ВР: по праву наслѣдства или, вѣрнѣе, силы, но не только безъ согласія на то Римлянъ, а въ противность ихъ приказу, которымъ царство, болѣе года ранѣе, въ концѣ 334 года (объ этомъ далѣе), утверждено, будто-бы тоже по праву наслѣдства, за Полемономъ II. Повидимому, Римляне не препятствовали такому своевольному замѣщенію престола, но почему они смолчали и для лица писавшаго ВР и для Миѳридата II, несмотря на то, что право на престолъ признавали за Полемономъ II, теперь неизвѣстно. Вѣроятно, имъ просто было не до Боспора во время сумасбродствъ Гая, послѣдовавшихъ какъ разъ въ это самое время, послѣ его болѣзни въ зиму 334 года (37 по Р. Х.). Клавдій, наслѣдовавшій Гаю, повидимому и ранѣе бывшій въ сношеніяхъ съ Миѳридатомъ (стр. 63) счелъ лучшимъ, признавъ совершив-

шееся, предать прошлое забвенію, поэтому онъ утвердилъ въ 41 году Боспоръ за Миѳридатомъ II, а Полемона II, видимо не безъ основанія притязавшаго на тотъ-же престолъ, утѣшилъ частью Киликіи [1]).

Миѳридатъ II держался самостоятельнымъ владыкой и внесъ въ боспорскій чеканъ монеты неслыханныя особенности, выдѣляющія совершенно его монету изъ разсматриваемыхъ группъ, но не виданнымъ ни до него, ни послѣ порядкамъ. Золотые онъ билъ совсѣмъ особаго вида, съ перваго-же года своего правленія; у нихъ на лиц. сторонѣ дано изображеніе Кесаря въ вѣнкѣ (впервые на Боспорѣ изображеніе императора съ такимъ украшеніемъ), но на оборотѣ крылатая Ника, съ полною надписью вокругъ, титула и имени царя, безъ сокращеній [2]). Одной этой, по тогдашнему времени неслыханно дерзкой, полной надписи на золотѣ—*царя Миѳридата*, вполнѣ достаточно, чтобы доказать его ясное, опредѣленное намѣреніе, выраженное съ перваго-же года царствованія, считать себя царемъ по праву, а не по пожалованію, что и подтвердилъ, какъ вступленіемъ на престолъ помимо Римлянъ, такъ и всѣмъ своимъ царствованіемъ, строптивый потомокъ великаго Ахемена. Однако, помѣстить свое изображеніе на золотѣ и онъ не рѣшился, слѣдовательно не порывалъ съ Римомъ окончательно и совершенно.

Мѣдь Миѳридата II уже вся исключительно его, царская, безъ малѣйшаго намека на Римлянъ; на ней его изображенія или его жены Гепепиры, къ тому-же на лицевыхъ сторонахъ и съ полными подписями титула и именъ [3]); на оборотѣ этихъ монетъ оружіе или голова Афродиты-Уранія (Астарты) и знакъ цѣнности [I B] [4]).

Золотые Миѳридата II извѣстны отъ 339 и 338 г. п. э. (39 и 41 по Р. Х.), т. е. послѣдній какъ разъ того года, въ которомъ онъ былъ признанъ царемъ Клавдіемъ. Очень важно было-бы знать чеканилъ-ли онъ такіе-же золотые послѣ своего признанія царемъ Римлянами;

[1]) *Діонъ Кассій*, LX, 8.

[2]) Золотые Миѳридата II, чрезвычайная рѣдкость, находятся въ собраніяхъ В. Кн. Александра Михаиловича и г. Терлецкаго. Описаны у Гиля: *Нов. пріоб.*, № 67 и *Опис. Нов. мон.*, № 62; здѣсь рис. № 70, 71. На золотыхъ имя этого царя пишется ΜΙΘΡΙ-ΔΑΤΟΥ, на мѣди ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ, такъ какъ всегда писалъ его предокъ, Миѳрадатъ VI Евпаторъ.

[3]) Гепепира его жена, а не мать, какъ думаютъ нѣкоторые нумизматы, потому что вмѣстѣ съ царемъ (есть и такія монеты) она изображается на оборотѣ монеты (съ подписью); какъ мать она, по боспорскому правилу, изображалась бы на лиц сторонѣ. *Врачковъ*, *Общ. кат.*, № 89—91, 93—94; эти монеты общеизвѣстны.

[4]) Такое изображеніе нумизматы называютъ различно: Астарта, Афродита-Уранія, Ливія наконецъ просто богиня или даже женщина въ калаѳосѣ; очевидно дѣло не достаточно ясно и слѣдовало-бы придержаться послѣдняго, общаго выраженія, но наиболѣе вѣроятнымъ мнѣ кажется Афродита-Уранія, Астарта тожь. Она извѣстна на многихъ монетахъ на Боспорѣ далѣе, позднѣе переходя въ сидящую фигуру и въ такомъ видѣ удерживаясь до самыхъ послѣднихъ временъ боспорскихъ монетъ.

вѣроятнѣе, что золотыхъ такого самостоятельнаго вида въ слѣдующіе годы не найдется, такъ какъ это едва-ли было-бы позволено Римлянами. Мѣдь Миѳридата II соотвѣтствуетъ годамъ чекана золотыхъ.

Идя далѣе можно видѣть, что ни историческихъ свидѣтельствъ, ни золотыхъ не сохранилось до 342 г, п. э. (45 по Р. Х.), когда появляется первый извѣстный намъ золотой, съ сокращеннымъ именемъ Котиса I, на которомъ въ точности повторяются всѣ особенности бывшіе на золотѣ до попытки Миѳридата II къ самостоятельности. Золотые Котиса I, съ небольшими перерывами, извѣстны до 357 г. п. э. (60 по Р. Х.) включительно; всѣ они точно согласны съ нормальными опредѣленіями третьей группы (стр. 42): превосходное золото, изображеніе только Римлянъ, съ обѣихъ сторонъ, годовые числа на оборотѣ и сокращеніе царскаго титула и имени Котиса, здѣсь читаемое несомнѣнно. Въ 359 г. извѣстны золотые во всемъ точно такіе-же, но на оборотѣ и монограмма не Котиса, а самого Нерона. Затѣмъ далѣе, въ теченіе пяти лѣтъ, до смерти Нерона и Котиса I, золотые неизвѣстны.

Мѣдь Котиса I представляетъ особый интересъ въ особенности потому, что ея правильное пониманіе имѣетъ большое значеніе для объясненія нѣсколькихъ сомнительныхъ сторонъ боспорской исторіи того времени. Въ этой мѣди четыре отдѣла: въ первомъ одна монета, общеизвѣстная, съ указаніемъ полной надписью, титула, имени и отчества Котиса I, но это сдѣлано не прямо, какъ указаніе чья монета, а только въ поясненіе принадлежности тутъ-же изображенныхъ знаковъ царскаго достоинства и оружія[1]); во второмъ чрѣзвычайно рѣдкія, но за то особенно важныя монеты, о нихъ сейчасъ будетъ сказано подробно; въ третьемъ мѣдь съ изображеніями однихъ Римлянъ—Клавдія, Агриппины, Нерона, Британника и Поппеи, но у всѣхъ на оборотѣ сокращеніе Котиса I; наконецъ въ четвертомъ отдѣлѣ исчезаетъ даже и намекъ на Котиса I, остается и на мѣди одинъ Неронъ, съ его изображеніемъ и полною подписью. По времени чекана эти отдѣлы, кромѣ перваго, соотвѣтствуютъ тому порядку, въ которомъ они здѣсь указаны. Монеты перваго, третьяго и четвертаго отдѣловъ не представляютъ особаго интереса и къ тому-же общеизвѣстны, подробнѣе о нихъ говорить нѣтъ надобности, но второй отдѣлъ таковъ, что въ немъ каждая монета имѣетъ особое значеніе; снимки съ нихъ подбирались, въ виду этого, возможно лучшіе.

На первой лиц. сторона представляетъ изображеніе царя, съ его сокращеніемъ, точно такимъ, какъ первое этой группы, т. е. ΒΑΡ; на оборотѣ изображеніе совсѣмъ другого, юнаго царя, съ сокращеніемъ ΒΑΚ и съ численной буквой Ϛ (рис, 30). Нѣтъ сомнѣнія, что первое сокращеніе обозначаетъ вышеуказаннаго царя Р, а второе Котиса I, ихъ-же и изображенія, а что Котисъ I сынъ Аспурга, т. е. царя Р

[1]) *Бурачковъ, Общій катал.*, № 121.

доказано давно и непреложно[1]). Теперь слѣдуетъ установить чья именно описываемая монета. Бурачковъ правильно указалъ, что здѣсь даны изображенія Аспурга на лиц. сторонѣ и Котиса на оборотѣ, но о сокращеніяхъ онъ умалчиваетъ и монету считаетъ чеканенной Аспургомъ, т. е. царемъ Р[2]). Здѣсь-же главное именно эти сокращенія, въ которыхъ заключаются не одни имена, но и титулы, оба царскіе. Нѣтъ ни малѣйшей возможности предположить въ ту пору совмѣстное царствованіе двоихъ, тѣмъ болѣе мальчика Котиса, сына Аспурга, съ его отцомъ, но дѣло станетъ яснымъ если обратить вниманіе на общія монетныя правила тѣхъ временъ; согласно съ ними, Котисъ I изображенъ на оборотѣ монеты, а царь Р на лиц. сторонѣ, какъ и подобало отцу царя, стало быть эта монета не царя Р, а Котиса I; въ ней онъ воздаетъ лишь честь умершему царю Р, котораго уже по одному этому должно считать отцомъ Котиса I. Далѣе мы увидимъ, что при смерти царя Р, Аспурга, его сыну Котису было всего восемь — десять лѣтъ и если-бы эта монета чеканилась царемъ Р, то Котисъ былъ-бы изображенъ мальчикомъ, чего нѣтъ на монетѣ, и ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы пользоваться титуломъ царя.

На второй монетѣ лиц. сторона даетъ чье-то изображеніе съ монограммой ВР, а на оборотѣ голова Афродиты-Уранiи, съ сокращеніемъ ВАК, (Котиса I) и численной буквой Δ. Эта монета чрезвычайной рѣдкости; гдѣ теперь находится ея первый изданный экземпляръ мнѣ неизвѣстно; приходится довольствоваться прилагаемымъ фотографическимъ снимкомъ съ рисунка впервые изданнаго Фрёнеромъ, а съ него повтореннаго Бурачковымъ[3]). Кромѣ того прилагаю, на рис. 31, фототипію съ моего, плохо сохранившагося экземпляра.

[1]) Напр. надписи, *Latyschev. Inscr.*, II, № 32, 37; *Бурачковъ, Общій кат.*, 238, 239, 245, хотя и несовсѣмъ ясно; *Его-же, Нжск. замѣч. о мед. Аспурга*, 7—9, что Рискупоридъ и Аспургъ одно лицо; точно, *Латышевъ, Ист. Босп. царства* въ Понтика, 106 (въ томъ, что Аспургъ и царь Р одно и тоже лицо); и многіе другіе.

[2]) *Бурачковъ, Общій Кат.*, 239, № 106.

[3]) *Fröhner, Cat. de Méd. de M-r Lemmé*, № 221; *Бурачковъ, Общій кат.*, 248—249, № 113.

Значенія монеты, и Фрёнеръ, и Бурачковъ, не выяснили и приняли лиц. сторону за оборотную, какъ и показали на этомъ рисункѣ. Главное въ ней сокращенія, оба съ царскими титулами, но двоецарствіе и здѣсь невозможно. Бурачковъ счелъ, что изображеніе на рис. оборотной стороны (въ текстѣ лицевой) Котиса I, не смотря на то, что рядомъ стоитъ монограмма ⊕P; почему это изображеніе не имѣетъ ни малѣйшаго подобія съ данными имъ-же изображеніями Котиса I (№№ 105 и 106, здѣсь 30 и 34) и почему сокращеніе имени Котиса I поставлено на другой сторонѣ, а не рядомъ съ его изображеніемъ, не объяснено. Фрёнеръ былъ близокъ къ должному пониманію; въ изображеніи обор. стороны (правильно—лицевой) онъ видѣлъ царицу, жену Котиса I, а въ монограммѣ подлѣ нея читалъ ея имя, какъ HP; онъ не зналъ или не обратилъ вниманія на то, что таже монограмма извѣстна и на золотыхъ. Можно съ точностью утверждать, что здѣсь на лиц. сторонѣ (на рисункѣ въ текстѣ—оборотная) мы видимъ изображеніе не только не Котиса, но и не мужчины даже, а женщины въ модной тогдашней прическѣ, которую можно видѣть на изображеніяхъ ея современницъ — Антоніи, Друзиллы, Мессалины и тутъ-же на Боспорѣ, у Агриппины и Поппеи [1]). Поставлено это изображеніе отнюдь не на оборотѣ, а на лицевой сторонѣ монеты, изъ чего прямо слѣдуетъ, что это лицо не жены, а матери Котиса I. Ея же времени и золотые съ монограммой ⊕P; въ 334—5 годахъ, когда они чеканены, Котисъ былъ 8—10 лѣтнимъ мальчикомъ и, конечно, не могъ быть женатымъ, во всякомъ случаѣ, его жену ни коимъ образомъ не могли поминать на чеканѣ золота, ставя на немъ ея монограмму.

Послѣ 359 года, въ теченіе пяти лѣтъ, золотые неизвѣстны. У Сестини есть указаніе золотого Котиса I, будто бы 362 года, но къ нему не дано описанія; гдѣ теперь этотъ золотой не знаю, а показанія Сестини не надежны [2]). Возможно, что въ концѣ правленія Нерона и Котиса I вовсе не чеканили золото на Боспорѣ, а лишь одну мѣдь четвертаго отдѣла, т. е. съ подписью одного Нерона.

Въ 365 г. п. э. (68 по Р. Х.) извѣстенъ золотой съ новымъ сокращеніемъ титула и имени въ видѣ ⊕AP, безъ сомнѣнія указывающимъ титулъ и имя царя Рискупорида (рис. 84); точно таковые же золотые извѣстны и далѣе, до 374 года включительно (рис. 85, 86). Первый изъ этихъ золотыхъ найденъ очень давно и описывался уже Сестини, Эккелемъ и многими другими. Нѣкоторая неясность рѣзьбы сокращенія перваго описываемаго экземпляра дала поводъ пріурочивать его Котису I, но затѣмъ были найдены экземпляры лучшей сохранности и теперь нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что это сокращеніе титула и

[1]) *Cohen, Déscr. des mon. rom., I éd.*, I, 136, 155, 170; *Бурачковъ, Общій кат.*, № 108—110, 111.

[2]) *Sestini, Classes generalis*, 62.

имени Рискупорида. Всѣ эти золотые совершенно нормальнаго типа третьей группы, какъ указывалось выше (стр. 42).

Извѣстна и мѣдная монета, соотвѣтственная этому золоту, имѣющая на лиц. сторонѣ изображеніе головы длинноволосаго царя Рискупорида, съ полною подписью титула и имени, а на оборотѣ голову Афродиты-Ураніи, съ такимъ же, какъ выше сокращеніемъ, ΒΑΡ и численными буквами ΚΔ; на другомъ сортѣ, почти во всемъ подобномъ этому, поставленъ лишь иной знакъ цѣнности—ΜΗ [1]). Первая монета извѣстна очень давно, она даже послужила предметомъ полемики Кёлера, съ ея издателемъ Рауль-Рошетомъ; позже ее вновь не разъ издавали, но самое важное въ ней осталось въ тѣни. Всѣ были согласны въ томъ, что это монета того царя Рискупорида, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь и что именно его изображеніе съ титуломъ и именемъ, помѣщено на лиц. сторонѣ монеты, но при этомъ не принимали во вниманіе того, что и на оборотѣ той же монеты показано сокращеніе имени и титула, того же, будто бы, царя. Дѣло ненадобное и потому самому не бывалое и не вѣроятное, чтобы сполна написанные титулъ и имя повторялись для того же лица, на той же монетѣ въ сокращеніи, въ монограммѣ, нельзя допустить это и здѣсь. Ясно, что и эта монета такого же смысла, какъ и вышеуказанныя (стр. 47—48), столь модныя въ ту пору на Боспорѣ; отсюда и простота ея объясненія. Монета дѣйствительно того самого Рискупорида, о которомъ здѣсь говорится и къ которому ее всѣ относили, но эта принадлежность монеты опредѣляется не подписью лиц. стороны, а сокращеніемъ на оборотѣ, стало быть на лиц. стор. изображенъ совсѣмъ другой Рискупоридъ, который могъ быть только отцомъ чеканившаго монету, такъ какъ ему отведена ея почетная сторона. Несомнѣнность этого опредѣленія явствуетъ не только изъ разсужденія и аналогіи съ предшествовашимъ чеканомъ, но и изъ нумизматическихъ фактовъ. Своего титула, имени и изображенія Рискупоридъ бившій эту монету еще неимѣлъ права давать на ней, но по примѣру изображеній умершихъ римскихъ императоровъ на золотыхъ, осмѣлился на лиц. сторонѣ мѣди представить своего отца, обозначивъ его полнымъ именемъ. Когда, около 377 года ему позволили чеканить свое изображеніе съ полной подписью, даже на золотѣ, то и на мѣди у него оказалась иная подпись, болѣе полная, напр. ΤΙΒΕΡΙΟΣ ΙΟΥΛΙΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ и совсѣмъ другой типъ его изображенія что видно изъ сравненія рис. № 32—33 этой мѣди, съ золотыми рис. 87—88 [2]). Итакъ, отецъ Рискупорида описываемой монеты также назывался Рискупоридомъ. Но какой же Рискупоридъ могъ быть этимъ отцомъ? Такое имя можно читать только у царя писавшаго сокра-

[1]) *Бурачковъ, Общій каталогъ*, 132; здѣсь описанія и рис. 32 и 33.
[2]) Его изображ. на мѣди *Бурачковъ, ор. с.*, № 128—131.

щенно ВАР · и носившаго также имя Аспурга, отца Котиса I. Отсюда заключаемъ, что царь Р долженъ называться, какъ то уже давно предполагалось, но безъ прямого доказательства, Рускупоридомъ I и что Рискупоридъ II, чеканившій разсматриваемую монету, родство котораго еще не опредѣлено, былъ его сыномъ и слѣдовательно братомъ Котиса I, конечно, младшимъ. Въ числѣ мѣдныхъ монетъ этого младшаго Рискупорида II, съ полными подписями есть одна, на которой изображены знаки царскаго достоинства на оборотѣ, а на лиц. сторонѣ сидящій царь, съ полною надписью имени и титула и монограммой № 43, въ которой видѣли годовое число или имя монетчика [1]). Эти предположенія невозможны, потому что никогда на Бѣспорѣ, на мѣди, не ставили ни именъ монетчиковъ, ни годовыхъ чиселъ; на золотѣ хотя и выбивали послѣднія но ставили ихъ всегда только на оборотѣ, а не на лиц. стор. Кн. Сибирскій и А. В. Орѣшниковъ, сопоставивъ эту монету съ подобной же Котиса I, на которой обозначено имя и отчество царя [ΤΟΥ ΑΣΠΟΥΡΓΟΥ], предположили, что и въ монограммѣ № 43 заключается тоже указаніе отчества Рискупорида [ΤΟυ Ασπουργου] [2]). Всѣмъ вышесказаннымъ эта догадка вполнѣ подтверждается, а все въ этой монетѣ является и съ своей стороны подтвержденіемъ сдѣланнаго выше опредѣленія; Рискупоридъ II оказывается несомнѣнно Аспурговичемъ, также какъ и Котисъ I. Оба брата имѣли право указать на монетахъ свое отчество и сдѣлали это. Такимъ образомъ, въ этихъ монетахъ и заключаются данныя, до сихъ поръ недостававшія, для утвержденія догадки Бурачкова о томъ, что Аспургъ носилъ имя Рискупорида [3]). При смерти Рискупорида I (въ 334 году), Котису I было около восьми—десяти лѣтъ, а будущему Рискупориду II еще менѣе, но при вступленіи послѣдняго на царство, въ 365 году, ему было уже около сорока лѣтъ чему и отвѣчаютъ его изображенія, пожилого, человѣка съ бородой, напр. рис. 87—88, тогда какъ его отецъ представленъ молодымъ и безбородымъ, на своихъ монетахъ (рис. 23—30) и на монетѣ Рискупорида II (рис. 33—34) одинаково [4]).

[1]) *Бурачковъ, Общ. Кат.*, № 121; *Кёне, Муз. Коч.*, II, 231.

[2]) *Кн. Сибирскій, Гипотеза о происх. Асандра*, З. О. О. X, 63; *Орѣшниковъ, Кат. собр. Уварова*, 91.

[3]) *Бурачковъ, Нѣск. замѣч. о мед. Аспурга*, 8—10.

[4]) В. В. Латышевъ только что напечаталъ комментаріи къ недавно найденной и имъ пополненной надписи Горгиппіи (*Изв. Имп. Арх. Ком.*, *вып.* 37, 70—73); изъ нихъ слѣдуетъ, что Рискупоридъ II (I автора) былъ сыномъ Котиса I, а не его братомъ, какъ доказывается здѣсь, выше и далѣе. Какой-либо ошибки въ своихъ опредѣленіяхъ не усматриваю и согласованія этихъ различныхъ утвержденій не умѣю придумать, но мнѣніе высокоуважаемаго автора столь значительно, что мнѣ слѣдовало-бы передѣлать давно написанную и набранную статью. Однако, я не рѣшился такъ поступить, потому что многообразныя нумизматическія данныя и историческія соображенія, столь логично, связно и однородно примѣняемыя, во все разсматриваемое время, останутся не только безъ объ-

Послѣдній золотой съ сокращеніемъ ΒΑΡ извѣстенъ отъ 374 года, а въ 377 г. п. э. (80 по Р. Х.) боспорское золото оказывается совершенно иного вида; у него на лиц. сторонѣ помѣщено изображеніе Рискупорида II, съ полной подписью титула и имени, а изображеніе римскаго императора переходитъ на оборотъ, гдѣ ставятся всегда годовыя числа; мѣдь и подавно дѣлается безусловно царской, безъ малѣйшаго упоминанія Римлянъ, на ней знаки цѣнности также и всегда только на оборотѣ, чѣмъ таковой и опредѣляется. Этотъ порядокъ чекана золота и мѣди сохраняется до конца боспорскаго царства неизмѣнно и по времени выходитъ изъ предѣловъ настоящаго разсмотрѣнія.

Къ сдѣланному описанію въ трехъ группахъ, раздѣльно въ каждой, существа монетнаго чекана на Боспорѣ, за время употребленія тамъ монограммъ и сокращеній вмѣсто полныхъ титуловъ и именъ, слѣдуетъ прибавить и нѣсколько замѣчаній общаго свойства, чтобы тѣснѣе связать эти монеты съ извѣстной намъ исторіей или выяснить нѣкоторыя событія послѣдней.

Прежде всего должно подробно разсмотрѣть отложенный выше (стр. 41, 42) общій вопросъ—чьи изображенія помѣщены на золотыхъ второй и третьей группъ, съ 289 по 377 г. п. э. (съ 9 до Р. Х., по 80 по Р. Х.). Рѣшеніе этого вопроса въ смыслѣ примѣнявшагося тогда монетнаго права весьма существенно и поэтому здѣсь будутъ представлены соображенія могущія въ достаточной степени подтвердить, что на золотыхъ изображены только Римляне и ни въ какомъ случаѣ не мѣстные властители. Выражавшихъ послѣднее мнѣніе много; однимъ изъ авторитетнѣйшихъ его защитниковъ былъ Ф. Ленорманъ, видѣвшій на оборотѣ, не нѣкоторыхъ только золотыхъ, а всѣхъ первой половины этого періода, однихъ мѣстныхъ владыкъ, различныхъ при точной одинаковости изображеній[1]). Достаточно перечесть указанныя страницы его сочиненія, чтобы видѣть до какой степени тамъ мало общаго съ тѣмъ, что мы теперь знаемъ о боспорскихъ монетахъ, а потому излишне указывать все ихъ несоотвѣтствіе; матеріалъ которымъ располагалъ этотъ знаменитый нумизматъ былъ еще слишкомъ малъ. Вѣроятно, слѣдуя этому ученому Бурачковъ, въ противность самой непререкаемой очевидности, утверждалъ, что на оборотѣ всѣхъ золотыхъ 280—335 годовъ (исключая 305—306) изображенія до такой степени схожи, что представляютъ одно и тоже лицо мѣстнаго властителя. Однако, послѣ такого рѣшительнаго опредѣленія, описывая эти самые золотые каждый въ отдѣльности, вмѣсто одного лица онъ

ясненій, но и въ явномъ противорѣчіи со смысломъ вещей. Быть можетъ, со временемъ, болѣе меня знающіе, найдутъ возможность соглашенія или обнаружатъ мои ошибки, а для облегченія этого не слѣдуетъ скрывать высказываемыя въ этой статьѣ соображенія. (Іюль, 1911 г.).

[1]) *Lenormant, La mon. dans l'antiq.*, II, 432—436.

указываетъ на ихъ оборотахъ Аспурга-Рискупорида, Тиверія, Калигулу и Германика [1]). Приведя мнѣніе двухъ авторовъ не буду множить дальнѣйшихъ ссылокъ, а попробую прямо разобраться въ этомъ дѣлѣ.

Уже нѣсколько разъ указано (стр. 41, 43, 45, 47, 49), что всѣ золотые второй и третьей группъ чеканены въ своемъ монетномъ существѣ точно одинаково, исключая двухъ Миѳридата II, поэтому можно видѣть, что монетное право, за весь этотъ періодъ, въ главныхъ чертахъ, оставалось неизмѣннымъ. Въ значеніи изображеній на золотыхъ позднѣйшей половины этого періода никто не сомнѣвался, отъ 342 до 377 г. всѣ видѣли исключительно Римлянъ, на обѣихъ сторонахъ, никто не усмотрѣлъ здѣсь мѣстныхъ царей, даже на золотыхъ Миѳридата II не его изображеніе. Но если на этихъ позднѣйшихъ золотыхъ мѣстные властители еще не смѣли чеканить свои изображенія, то рѣшительно недопустимо, чтобы они дерзнули это сдѣлать въ началѣ періода, когда законъ о чеканѣ золотой монеты былъ только что изданъ и строго соблюдался. Этого замѣчанія въ сущности было бы достаточно, для доказательства общей мысли— на золотыхъ изображенія Римлянъ, но желательно опредѣлить кто же именно изъ нихъ. Разсмотрѣніе этого вопроса покажетъ весьма любопытное и своеобразное, различное отношеніе боспорскихъ монетчиковъ къ портретнымъ изображеніямъ чуждыхъ имъ Римлянъ и своихъ владыкъ.

Для облегченія рѣшенія этого вопроса собраны и представляются здѣсь рисунки всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ золотыхъ, за все разсматриваемое время. Есть межъ ними и неизданные, еще болѣе изданныхъ въ видѣ рисунковъ отъ руки и слѣдовательно переиздать и ихъ механическимъ путемъ было необходимо; главное же въ томъ, что послѣдующія разужденія основаны на сравненіи изображеній, а потому надобно таковыя имѣть подъ рукою, рядомъ, а не ограничиваться ссылками на разнообразныя сочиненія, когда сравненія и ненаглядны и часто весьма затруднительны.

Такъ вотъ, просматривая всю серію, указываемыхъ золотыхъ, прежде всего замѣчается, что 311 г. п. э. дѣлитъ ее на двѣ рѣзко отличныя группы, тѣ самыя что разсмотрѣны выше и названы второй и третьей. До этого года на всѣхъ золотыхъ (рис. 35—47) изображены точно одни и тѣже два лица, одно на лиц. сторонѣ, другое на оборотѣ, съ ничтожными различіями; съ этого года оба эти изображенія исчезаютъ и замѣняются другими. Въ концѣ 310 года п. э. умеръ Августъ (19-го августа, 14 г. по Р. Х., 767-го Рима) и одного этого замѣчанія довольно если вдуматься въ него, чтобы видѣть во всѣхъ

[1]) *Бурачковъ*, *Общ. кат.*, сравн. примѣч. стр. 241, съ описан. № 62—83.

изображеніяхъ на золотыхъ однихъ Римлянъ. Смотря ближе можно видѣть, что всѣ изображенія не только этой группы, но и слѣдующей, представляютъ безбородыя лица, коротко остриженныя и простоволосыя головы; все это настолько характерно римское, что къ нимъ всего естественнѣе было подыскивать и соотвѣтственныя имена, сравнивая съ римскими монетами и памятниками. Вотъ тутъ то и обнаруживается шатаніе нумизматовъ: тамъ гдѣ одинъ видѣлъ Юлія Кесаря, другому казался Августъ или Агриппа; гдѣ указывали Августа, тамъ иной изслѣдователь усматривалъ Тиверія или Калигулу; въ рѣзко различныхъ изображеніяхъ признавали одно и тоже лицо; а охотники до нахожденія мѣстныхъ владыкъ свободно пріурочивали ихъ къ любому изображенію. Всего удивительнѣе здѣсь то, что каждое изъ сдѣланныхъ опредѣленій, по первому взгляду, небезосновательно, и такая странность находитъ себѣ объясненіе въ изученіи самихъ золотыхъ, которое приводитъ къ очевидному выводу такого рода: какъ монета эти золотые очень хороши, но изображенія на нихъ сдѣланы небрежно, безъ замѣтнаго желанія получить истинное сходство. Отсюда приходится думать, что эти изображенія пріурочивались, разными авторами, поименно, не по признаку яснаго сходства, а по инымъ, постороннимъ соображеніямъ. Въ дальнѣйшемъ будутъ представлены доказательства того, что на Боспорѣ въ это время, остановившись на условномъ сходствѣ Римлянъ, наскоро схваченномъ, стремились лишь сохранить однообразіе, пока было надобно, даже и тогда, когда знали о несходствѣ и умѣли воспроизвести похожимъ изображаемое лицо, особенно своихъ властителей. Да подобное отношеніе къ этому дѣлу было тогда не на одномъ Воспорѣ, но и въ сосѣднихъ странахъ. По связи со всею сущностью настоящаго вопроса пришлось заняться попутно монетами прикосновенныхъ сюда лицъ, между прочими Пиѳодориды, Трифены и Полемона II. Это монеты серебряныя значитъ работаны не столь тщательно, какъ золотыя, къ тому же онѣ и нѣсколько позже чеканены, чѣмъ большинство разсматриваемыхъ золотыхъ, но все же такъ къ нимъ близки, что могутъ служить примѣромъ и указаніемъ. Многіе вопросы возбуждаемые монетами Пиѳодориды, Трифены и Полемона II, не смотря на многочисленныя о нихъ изслѣдованія, все еще не рѣшены и главная тому причина лежитъ именно въ поискахъ нумизматами портретнаго сходства тамъ гдѣ его необходимости во время чекана самой монеты вовсе не признавали. Въ большія подробности здѣсь не мѣсто вдаваться, но въ поясненіе этой мысли стоитъ лишь пересмотрѣть серію монетъ Полемона II [1]), чтобы замѣтить разнообразіе его изображеній на разныхъ монетахъ. Часто сходства между изображеніями нѣтъ никакого и, судя съ портретной точки зрѣнія, можно сказать, что на монетахъ представлены различныя

[1]) Напр. *Babelon et Reinach, Rec. des mon. d'Asie Min.*, pl. III.

лица. И однако на всѣхъ читается — ΒΑCΙΛЄΩC ΠΟΛЄΜΩΝΟC [1]). Есть монета того же Полемона II, считающаяся третьяго года его правленія, на которой онъ изображенъ младенцемъ, а такъ какъ значеніемъ сходства изображеній очень увлекались то, судя по этой монетѣ, такой крупный нумизматъ, какъ Ваддингтонъ, еще не знавшій точнаго происхожденія Полемона II, признавалъ его мальчикомъ, не болѣе пятнадцати лѣтъ и потому угадывалъ что онъ не сынъ, а внукъ Полемона I. Даже Райе и Тома, уже дающіе его точное происхожденіе забываютъ это свое указаніе и все по той же монетѣ называютъ Полемона II, во время чекана ея, двѣнадцати-четырнадцати лѣтнимъ мальчикомъ [2]). Но въ третій годъ его царствованія (39—40 по Р. Х.) ему не могло быть менѣе двадцати пяти лѣтъ, такъ какъ онъ не могъ родиться позже 14-го года, а вѣроятнѣе, что родился около 12-го по Р. Х. Всего любопытнѣе въ этихъ опредѣленіяхъ возраста по изображенію то, что и сама монета безъ сомнѣнія не третьяго года царствованія, а вѣроятно двадцать третьяго, когда Полемону II было около пятидесяти лѣтъ [3]).

Одновременно съ монетами Полемона II, вмѣстѣ или отдѣльно, чеканены изображенія его матери Антоніи-Трифены и Агриппины, но и до сихъ поръ спорно, которыя изъ нихъ Трифены или Агриппины [4]); мнѣ думается, что изображеній послѣдней вовсе не было на монетахъ Полемона II, такъ какъ всѣ ей приписываемыя представляютъ женщину въ діадемѣ, чего для Агриппины нигдѣ не дѣлали, а Трифенѣ это свойственно [5]). Какъ-бы то ни было, это хорошій образчикъ неопредѣленности сужденій по сходству изображеній.

Мѣстные боспорскіе примѣры еще любопытнѣе; напр., мы имѣемъ мѣдныя монеты съ надписями, значитъ безспорныя, съ изображеніемъ Тиверія, на рис. 23 и 26; сравнивъ видимъ, что тутъ не имѣется подобія ни съ Тиверіемъ, ни одной монеты съ другой ей одновременной; совершенно тоже можно сказать и объ изображеніяхъ Калигулы на рис. 28 и 29, съ тою лишь разницей, что изображеніе на первомъ очень похоже на Калигулу,

Дальше будутъ указаны и еще многіе подобные-же примѣры, но кажется достаточно и приведенныхъ для поясненія мысли, въ дан-

---

[1]) О томъ, что изображенія Полемона II представляютъ какъ бы различныхъ лицъ, до такой степени они не сходны между собой, указывалось уже очень давно; см. *Hauteroche. Mém. Sur une méd. de Polemon* I, 13 (1826 годъ).

[2]) *Waddington, Sur la chronol. des rois du Pont, Rev. Num.* 1866, 425, 429; *Rayet et Thomas, Milet et le golphe Latmique*, 97—98.

[3]) О монетѣ третьяго года см. *Babelon et Reinach, Rec. gén. des mon. gr.*, 25; *Reinach, Quelques ères Pont.*, 145—6.

[4]) *Babelon et Reinach, Réc. gén.*, 23.

[5]) Таково, оказывается и мнѣніе г. Имгофа-Блюмера (*Zeitschr. f. Num.*, XX, 268); хотя его и не призналъ г. Рейнахъ (*Quelques ères pont*, 146)

номъ вопросѣ руководящей: въ тѣ времена, на Боспорѣ, о сходствѣ изображеній римскихъ кесарей мало заботились, не придавали ему значенія, такъ какъ по многимъ другимъ монетнымъ памятникамъ видно, что умѣли его достигать, когда того хотѣли. При такомъ положеніи вещей будетъ очень сомнительнымъ дѣломъ давать изображеніямъ имена по ихъ портретному сходству, вообще говоря, не примѣнявшемуся и не имѣющемуся. Однако, рѣшеніе настоящаго вопроса не вовсе безнадежно и эти имена на золотѣ оказывается возможнымъ указать не по сходству, а по инымъ, болѣе твердымъ признакамъ, главнымъ образомъ стараясь отыскать кого усматривали сами Боспорцы въ своихъ условныхъ изображеніяхъ.

Портретныя изображенія, какъ уже говорено, совершенно одинаковы на всѣхъ золотыхъ всей второй группы, отъ начала до конца (кромѣ индивидуальности каждаго штампа), до 311 г. п. э. (14-го по Р. Х.); всѣ они показаны на рис. 35—47 и подробно описаны въ приложеніи. Эти золотые служатъ хорошимъ показателемъ вліянія предвзятыхъ идей на авторовъ нумизматовъ. Что изображенія на всѣхъ точно одинаковы (ничтожное различіе можно усмотрѣть лишь на лиц. сторонѣ золотого 294 года, рис. 37) можно ясно видѣть и, однако, Ленорманъ опредѣлилъ здѣсь изображенія двухъ мѣстныхъ царей, на оборотѣ 289, 304, 305 и 306 годовъ (рис. 35, 43, 44 и 45), а Бурачковъ на оборотѣ 289, 302, 304 и 307 годовъ (рис. 35, 37, 40, 42, 43 и 46) видѣлъ мѣстнаго властителя, на оборотѣ-же 305 и 306 (рис. 44 и 45) Тиверія, будущаго императора, съ которымъ тутъ нѣтъ вовсе и малаго сходства. Послѣдній золотой, 310 года (рис. 47), не былъ извѣстенъ обоимъ авторамъ [1]).

На лиц. сторонѣ этихъ золотыхъ всѣ авторы видятъ Августа, но и съ нимъ сходство не велико, даже сомнительное [2]). Скорѣе тутъ по сходству можно-бы усмотрѣть Юлія Кесаря, чѣмъ Августа, столь извѣстное изображеніе котораго мы видимъ на многочисленныхъ монетахъ, римскихъ и греческихъ. Но счесть что эти простоволосыя изо-

[1]) *Lenormant, La mon. dans l'ant.*, 432—433; *Бурачковъ, Общій Кат.*, л. XXVI, № 60.

[2]) До чего явно, что говоря о примѣченномъ сходствѣ въ дѣйствительности невольно, конечно, увлекаются совсѣмъ иными соображеніями, укажу еще характерный образчикъ. Сабатье, знатокъ въ особенности римскихъ монетъ, описывая какъ новость одинъ изъ золотыхъ этой группы (*Méd. ant.*, *Mem. de la soc. Arch.*, V, 152, *Зап. Арх. Общества*, IV, 115), по ошибкѣ, прочелъ на немъ годъ какъ KT (этого года золотой тогда вовсе не былъ извѣстенъ и только въ прошломъ году найденъ впервые, наход. въ собраніи г. Терлецкаго въ Керчи). Этотъ годъ падаетъ на правленіе Тиверія, а потому именно его изображеніе и призналъ тутъ Сабатье (а на оборотѣ Рискупорида), хотя подобія съ Тиверіемъ никакого. Прочти онъ на золотомъ, какъ и слѣдуетъ годъ ET, (этотъ самый экземпляръ правильно описалъ А. В. Орѣшниковъ, *Кат. Уварова*, 86, № 536), то навѣрное назвалъ бы здѣсь вмѣстѣ со всѣми Августа, съ которымъ все же есть нѣкоторое сходство, какъ и можно видѣть на рис. 44, гдѣ представленъ мой экз. того же года, или у А. В. Орѣшникова.

браженія даютъ Юлія Кесаря не приходится по многимъ соображеніямъ, хотя-бы потому что онъ всегда бываетъ представленъ съ вѣнкомъ на головѣ, безъ котораго почти неизвѣстенъ на греческихъ монетахъ, особенно на столь позднихъ. Остается видѣть здѣсь Августа; его здѣсь всѣ и находили, конечно, не по сходству, а по инымъ соображеніямъ, совершенно правильнымъ. Кого могли осмѣлиться изобразить на главномъ мѣстѣ, на лиц. сторонѣ золотого въ то время? Конечно, никого иного кромѣ Августа, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но правильность такого опредѣленія основана вовсе не на сходствѣ. Что тутъ изображенъ дѣйствительно Августъ доказывается не только нашими соображеніями, но и гораздо болѣе существеннымъ—мнѣніемъ самихъ Боспорцевъ; на золотѣ 311 г. п. э. (14 по Р. Х.) сохранено тоже изображеніе на оборотѣ, что и на предшествовавшихъ золотыхъ, но на лиц. сторонѣ дано совсѣмъ иное и даже повернутое въ другую сторону (рис. 48). Первый издатель этого золотого и тутъ видѣлъ на лиц. сторонѣ голову Августа[1]), но это изображеніе не имѣетъ подобія ни съ настоящимъ изображеніемъ Августа, ни съ условными его изображеніями на всѣхъ боспорскихъ золотыхъ, битыхъ ранѣе точно одинаково въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ и даже еще въ предшествовавшемъ 310 году (13 по Р. Х., рис. 47). Очевидно, что здѣсь дѣло не въ простомъ сходствѣ. Типъ Августа, разъ условно принятый на Боспорѣ не мѣняли въ теченіе многихъ лѣтъ, пока былъ живъ Августъ; съ этимъ типомъ свыклось населеніе и условно знало чье изображеніе помѣщено на золотѣ. Затѣмъ, если это изображеніе перемѣнили именно въ годъ смерти Августа, то, конечно, потому что послѣ его смерти оказалось необходимымъ замѣнить его портретъ другимъ, безъ сомнѣнія изображеніемъ новаго императора, т. е. Тиверія. Лица послѣдняго, по незнанію или торопливости, не сумѣли сдѣлать сходнымъ и потому сдѣлали только инымъ, а для большаго отличія повернули голову въ другую сторону (вправо, что уже сохранялось неизмѣнно для изображеній императоровъ, до конца чекана боспорскаго царства). Оборотъ этого на спѣхъ дѣланнаго золотого, по тѣмъ-же причинамъ и особенно по неумѣнію примѣниться къ новымъ политическимъ видамъ Рима, былъ оставленъ безъ перемѣны, до времени, ибо это было изображеніе давно исчезнувшаго прошлаго дѣятеля, ставшее почти гіератическимъ, какъ увидимъ далѣе. Это все доказываетъ, что и по мнѣнію Боспорцевъ, а оно имѣетъ рѣшающее значеніе, на лицѣ всѣхъ золотыхъ второй группы изображенъ Августъ, съ тѣмъ условнымъ сходствомъ, которое, признавъ достаточнымъ, выдержали неизмѣнно пока былъ живъ Августъ.

Точно одинаковое изображеніе на оборотѣ золота этой второй группы всего болѣе давало поводовъ къ разнотолкамъ, между кото-

[1]) *Гиль, Новыя пріобрѣт.*, № 63 и 64.

рыми особенно изумительны видѣвшіе тутъ мѣстнаго властителя и, признавая, что онъ же владѣлъ позже, усматривающіе его же на оборотѣ золота третьей группы (321, 325, 328, 329, 334 335, годовъ, рис. 55, 58, 61, 62, 67, 69)[1]). Сравнивъ эти разнообразныя изображенія съ вышеуказанными второй группы легко видѣть, что они рѣзко различны, и если боспорскіе монетчики могли широко фантазировать изображая никогда ими невиданныхъ кесарей, то едва ли возможно допустить въ такой большой степени произволъ для портретовъ мѣстныхъ владыкъ, къ тому же еще на золотѣ. Дальше увидимъ, что въ тоже время на мѣди, а позже и на золотѣ, мѣстные властители изображались хорошо и близко-одинаково на разныхъ монетахъ, а стало быть схоже. Тамъ-же будетъ доказано, что оборотъ золотыхъ этой третьей группы представляетъ не одно лицо и не мѣстнаго властителя, но его нельзя видѣть и на оборотѣ разсматриваемой второй группы, какъ потому что лицо характерно римское, такъ и по неимѣнію основновного признака въ изображеніи боспорскаго царя, признака никогда и ни на какомъ металлѣ не отсутствующаго — діадемы на головѣ. Судя по третьей группѣ, приходится и на оборотѣ золотыхъ второй группы видѣть ближайшее къ Августу лицо, что и всего естественнѣе предполагать по самому существу права чекана монеты въ то время. Затрудненіе здѣсь въ томъ, что нельзя назвать никого близкаго къ Августу, какъ бы признаннаго его наслѣдника въ 289 г. п. э. (9 до Р. Х.), годъ перваго появленія этого изображенія. Наиболѣе близкіе къ Августу, Гай и Лукій Кесари, дѣти его дочери Юліи и Агриппы, усыновленные Августомъ въ 17 году до Р. Х., имѣвшіе въ началѣ чекана золотыхъ второй группы 11 и 9 лѣтъ отъ роду, слишкомъ молоды, чтобы признать кого либо изъ нихъ въ этихъ изображеніяхъ, да и умерли въ 2 и 4 годахъ по Р. Х., а точно тоже изображеніе чеканится и далѣе, до 311 г. п. э. (14 по Р. Х.). Тиверій только въ 4 году былъ усыновленъ Августомъ и значитъ тоже не могъ быть изображеннымъ на этихъ золотыхъ, съ 9 года до Р. Х. Мнѣ кажется, что при рѣшеніи этого вопроса затрудненіе самихъ монетчиковъ было не меньше нашего, въ особенности потому, что при неясности политическаго положенія вещей, выбрать одного изъ многихъ, могло имѣть значеніе оскорбленія остальныхъ. Мѣдныхъ монетъ, съ изображеніемъ Августа или его близкихъ, не чеканили на Боспорѣ и мы не можемъ этимъ путемъ, какъ то сдѣлано далѣе, составить себѣ мнѣніе, какъ вышли изъ этого недоразумѣнія, всего вѣроятнѣе, что придумали изобразить лицо имѣвшее соприкосновеніе съ Боспоромъ и значеніе для него, а вмѣстѣ съ тѣмъ близкое къ Августу, но уже не живущее. Такими лицами могли быть Юлій Кесарь или Агриппа. Если бы надумали изобразить перваго, то помѣ-

[1]) *Брачьковъ, Общій кат., 193 таблица.*

стили бы его обязательно на лиц. сторонѣ монеты, а не на оборотѣ ея, да и непремѣнно съ вѣнкомъ на головѣ. Приходится остановиться на Агриппѣ, котораго здѣсь указывали, и Саллетъ, и Гиль [1]). Агриппа кажется тѣмъ болѣе несомнѣннымъ, что благодаря ему Полемонъ I, а стало быть и Пиѳодорида съ дѣтьми, имѣвшіе близкую связь съ царями правившими на Боспорѣ во время чекана этого золота, получили власть на Боспорѣ. Агриппы уже не было въ живыхъ, когда начали чеканить золото второй группы (онъ умеръ въ 12 году до Р. Х.), что именно и требовалось, а на портретное сходство, какъ показано, нѣтъ надобности особенно опираться, хотя даже и оно имѣется съ Агриппой, въ довольно приличной степени; напр. съ изображеніемъ его на монетахъ битыхъ въ Синопѣ въ 26—27 году до Р. Х. [2]) или съ его бюстомъ [3]) и даже со всѣми римскими монетами, гдѣ онъ изображенъ и которыхъ много можно видѣть у Когена и Бабелона или Саллета [4]).

Третья группа послѣ смерти Августа началась чеканомъ золотого 311 года (14 по Р. Х., рис. 48). На лиц. сторонѣ золотыхъ этой группы неизбѣжно должно быть изображеніе Тиверія, при которомъ никто не осмѣлился бы на помѣщеніе чьего бы то ни было иного, но видимыя на этихъ монетахъ, до 321 г., рис. 48—54, мало сходны съ Тиверіемъ; однако, точно такія находятся на современной мѣди царя P, рис. 23—24, а такъ какъ на ней же есть и надпись Тиверія, то значитъ они признавались Боспорцами удовлетворительными, доказывая и намъ, что это Тиверій, а не кто иной.

Въ 321 году на золотѣ видно совсѣмъ иное изображеніе, которое съ незначительными измѣненіями, явно зависившими отъ индивидуальности рѣзчика, упрочивается въ 325 г. и удерживается до конца правленія Тиверія, т. е. 333 г. п. э. На подлиннаго Тиверія оно также мало похоже но, по смыслу закона чекана золота въ имперіи, на лицѣ золотыхъ могло быть только его изображеніе. А что и тутъ оно же можно убѣдиться изъ сравненія изображеній на этихъ золотыхъ (рис. 55—56) съ видимымъ на лиц. сторонѣ варіанта той же мѣди царя P (рис. 26), изображенія оказываются вполнѣ и точно сходными, но на мѣди есть и поясняющая надпись — ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ. Даже весьма вѣроятно, что эту мѣдь и золотые 325—335 годовъ рѣзалъ одинъ и тотъ же мастеръ, такъ они сходны. Если сравнить эти изображенія съ даннымъ на первыхъ золотыхъ 311—320 (рис. 48—54), то представятся совершенно различныя лица; вотъ до чего доходила свобода въ достиженіи сходства при чемъ можно утверждать, что раз-

---

[1]) *Гиль, Новыя пріобрѣт.*, 12, № 63; *Sallet, Beiträge z. Gesch. d. Kön. d. Cim. Bosp.*, 64, особенно примѣч. 114.

[2]) *Babelon et Reinach, Réc. gén. etc.*, 197, № 78—79.

[3]) *Baumeister, Denkmäler d. Klas. Alt.*, I, 27.

[4]) *Sallet, Münzen und Medaillen*, 68—69.

ность изображеній получалась просто отъ перемѣны мастеровъ рѣзчиковъ, различіе пошиба которыхъ такъ явно замѣтно, когда золотые сопоставлены рядомъ, какъ на вышеуказанныхъ рисункахъ.

Изображенія на оборотѣ золотыхъ этой третьей группы, съ наступленіемъ правленія Тиверія, тоже приходилось перемѣнить, но что именно было сдѣлано не такъ легко добраться. По смыслу порядка наслѣдія, надо бы видѣть вначалѣ изображеніе Германика (до 19 года, 316 п. э.), затѣмъ Нерона и Друза, сыновей Германика (до 33 г., 330 п. э.) и только съ 33 года можно видѣть Гая Калигулу [1]). Но, повидимому, на Боспорѣ дѣло понимали не такъ, ближе зная чувства Тиверія. На первомъ золотомъ битомъ при Тиверіи, 311 г., (рис. 48), оборотъ остался тотъ же, что былъ и при Августѣ, надо думать по неизвѣстности политическаго положенія вещей или недостатку времени для перемѣны. Слѣдующаго года золотой, вѣроятно, уже былъ измѣненъ, но онъ до сихъ поръ еще неизвѣстенъ; въ 313 году на оборотѣ появляется совершенно новое, молодое лицо, удерживающееся до 321 года (24 по Р. Х., рис. 49—54); съ этого послѣдняго года изображеніе вновь мѣняется и затѣмъ остается тѣмъ-же далѣе, до самаго конца правленія Тиверія. Кто же изображенъ до 321 года? Всего вѣроятнѣе, что на Боспорѣ знали мало скрываемыя Тиверіемъ враждебныя чувства къ Германику и его потомству, а потому, безъ большого риска, изобразили Друза младшаго, не по усыновленію, а по крови сына Тиверія; это приходится допустить, хотя сходства съ нимъ въ изображеніяхъ оборота золотыхъ вовсе не замѣчается. Однако, если нѣтъ сходства съ дѣйствительнымъ лицомъ Друза младшаго (судя по его римскимъ монетамъ), то оно имѣется и очень большое, съ изображеніемъ даннымъ на лиц. сторонахъ тѣхъ же золотыхъ; тутъ почти тождественныя лица и именно потому можно думать, что на оборотѣ изображенъ Друзъ младшій. Представивъ условно схожимъ самого Тиверія (а благодаря мѣди царя Р это несомнѣнно), Боспорцы, пожелавъ изобразить его родного сына дали ему обликъ схожій съ отцемъ, нисколько не доискиваясь подлиннаго сходства съ Друзомъ младшимъ, умершимъ въ 320 г. (23 по Р. Х.); значитъ, если высказанныя соображенія вѣрны, то это послѣдній годъ съ изображеніемъ Друза, въ слѣдующемъ 321 г. должно быть уже иное, именно это и оказывается на только что найденномъ золотомъ этого года (сравн. рис. 54 съ 55).

Съ 321 г. (24 до Р. Х.) и до конца правленія Тиверія (37 г., 37 по Р. Х.) включительно, мы видимъ на оборотѣ золотыхъ изображеніе, правду сказать, сдѣланное очень грубо и ни на кого близко

[1]) Только въ 33 году Тиверій вызвалъ Калигулу на Капрею и далъ ему тогу (на 21-мъ году жизни), но никакихъ иныхъ отличій (*Свѣтоній, Г. Калигула*, X); однако, уже и въ 31 г. (*Діонъ Кассій*, LVIII, 8), Тиверій указалъ на Гая, какъ на своего преемника.

не похожее, но нѣтъ сомнѣнія, что и здѣсь Боспорцы хотѣли представить кого то схожаго съ изображеніемъ Тиверія на лиц. сторонѣ тѣхъ же золотыхъ; что таковыми они почитали сыновей Германика вообще, въ частности Гая Калигулу, хорошо видно изъ оборота мѣдной того же царя Р (рис. 29), гдѣ представлено точно такое же лицо, какъ и на оборотѣ золотого, но съ надписью ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ, хотя и не похожее на Гая [1]). Собственно Гая на золотѣ изображали не ранѣе 330 г., а до того, съ 321 г. его старшихъ братьевъ, дѣлая ихъ всѣхъ, какъ братьевъ, сыновей Германика, на одно лицо. Сравнивъ изображенія Тиверія и Калигулы на мѣди (рис. 26 и 29), съ лиц. стороной и оборотомъ на золотыхъ (рис. 58—66) ясно видно, что это тождественныя изображенія и одного рѣзчика работа. Вотъ еще хорошій образчикъ того, что Боспорцы не много гонялись за сходствомъ, а что они умѣли его достигнуть когда того хотѣли, видно изъ мѣдныхъ, опять того же сорта, но иной варіантъ, монетъ царя Р, на оборотѣ которыхъ, дано очень похожее изображеніе Калигулы, съ подписями (рис. 28), такъ, что сомнѣнія быть не можетъ. Описаніе всѣхъ этихъ монетъ дано въ приложеніи.

Въ 37 году, 333 п. э., умеръ Тиверій и можно бы ждать перемѣны лицъ на золотыхъ, но и въ этомъ, и въ слѣдующихъ, 333 и 335 г. остались точь въ точь тѣже изображенія лиц. стороны и оборота, рис. 67—69. Надо думать, Боспорцы сочли, что на ихъ золотѣ Гай уже изображается, кого же назвать вторымъ они, какъ и всѣ въ имперіи не имѣли представленія (назначенный наслѣдникомъ Тиверій, внукъ имп. Тиверія, былъ убитъ вскорѣ) и потому нашли, что всего лучше и безопаснѣе не дѣлать перемѣнъ, такъ и поступили. Кёне полагалъ, что при Гаѣ, придушившемъ Тиверія, не рѣшились бы чеканить на Боспорѣ его изображеніе, здѣсь видно, что такое предположеніе опровергается памятниками, да и понятно почему; Гай всенародно и торжественно оплакивая и погребая Тиверія, конечно, въ первое время не кричалъ громко о своемъ участіи въ его смерти и эту закулисную дворцовую исторію не многіе знали, а знавшіе молчали [2]) Точно въ такомъ же положеніи очутились Боспорцы и нѣсколько позже, послѣ смерти Клавдія въ 54 году, какъ показано далѣе. Вышли они изъ того затрудненіе совершенно тѣмъ же способомъ,

---

[1]) Эта мѣдь хотя и съ именемъ Гая, но чеканена гораздо ранѣе его правленія и современна разсматриваему золоту, что доказывается, какъ типомъ Гая, точно одинаковымъ съ типомъ на золотыхъ чеканенныхъ при Тиверіи, такъ и въ особенности отсутствіемъ вѣнка на головѣ Гая, который имѣется обязательно на той же мѣди у Тиверія (напр. срав. рис. 26 и 29) и безъ котораго въ эту пору уже не посмѣли бы представить императора. Также безъ вѣнка на Боспорѣ изображали, напр. Британника при Клавдіи или Тита при Веспасіанѣ; сами императоры увѣнчаны непремѣнно.

[2]) *Кёне, Музей Кочубея*, II, 206. Отношенія Гая къ памяти Тиверія хорошо показаны Діономъ (LIX, 4 и 16); Гай жестоко упрекаетъ сенатъ за непочтеніе къ памяти Тиверія прибавляя, что допустимое для него непозволительно другимъ.

какъ и при Гаѣ, что подтверждаетъ и сказанное выше. Такимъ образомъ и получился на Боспорѣ обычай, на золотѣ и мѣди, изображать на лиц. сторонахъ умершаго правителя — отца, а на оборотѣ того, при комъ чеканилась данная монета — сына.

Вышеуказанныя мѣдныя монеты царя Р, съ столь разнообразными изображеніями Тиверія и Калигулы на лиц. сторонахъ, даютъ на оборотахъ совершенно одинаковыя, а стало быть вѣрныя и портретно схожія изображенія этого царя, рис. 23—29. Онъ представленъ съ длинными волосами и въ діадемѣ, совершенно такъ, какъ и всѣ его ближайшіе и дальнѣйшіе преемники власти на Боспорѣ. Какъ все изображеніе вообще, такъ и черты его лица, не имѣютъ никакого, даже самаго отдаленнаго сходства, съ изображеніемъ Римлянъ на золотыхъ; увѣренія Сабатье, а за нимъ и Бурачкова, въ томъ, что этотъ царь изображался въ одномъ видѣ на золотыхъ и совершенно въ другомъ на мѣди, вовсе не надобны и по своей странности не кажутся даже возможными къ обсужденію [1]).

Послѣ 335 года (38 по Р. Х.), когда на золотыхъ мы видимъ еще Тиверія и Гая, въ слѣдующемъ, 336 (39—40 по Р. Х.) году, на лиц. сторонѣ золотого съ подписью Миѳридата II, также изображенъ императоръ, по времени вѣрно называемый Гаемъ, но если сравнить это изображеніе (рис. 70) съ многоразличными вышеуказанными, за подписью Гая на мѣди (рис. 27—29) или на оборотѣ золотыхъ (рис. 63—69), то приходится признать, что это изображенія совершенно иного человѣка. Непостижимо и невѣроятно, чтобы въ томъ-же мѣстѣ, изъ года въ годъ, могли давать нѣчто столь неподобное желая представить одно и тоже лицо. Затрудняюсь подобрать точное объясненіе такому совершенному произволу; возможно лишь представить нѣсколько гадательныхъ соображеній. Можно думать, что Миѳридатъ, владѣя не всѣмъ царствомъ на Боспорѣ, началъ чеканить монету не тамъ гдѣ это дѣлалось обычно, а въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, съ новыми монетчиками; однако, иныхъ монетъ этого времени неизвѣстно, а изображеніе Гая на этихъ, рѣзко не похожее на чеканенное прежде и лишь весьма мало подобное подлинному Гаю, оказывается изумительно, до полнаго тождества, сходнымъ съ изображеніями Клавдія, чеканенными на золотомъ того-же Миѳридата 338 года (рис. 71) и на золотыхъ битыхъ позже, при Котисѣ I (рис. 72—76, 78—83). Въ это-же послѣднее время все монетное дѣло стало опять вполнѣ нормальнымъ и въ существѣ точно подобнымъ съ бывшимъ ранѣе, значить нельзя счесть, что чеканъ перваго золотого при Миѳридатѣ былъ въ другомъ мѣстѣ. Такое совершенное отсутствіе на золотѣ Миѳридата II сходства съ мѣстными изображеніями Гая, даже сосѣдняго 335 года и полное подобіе съ послѣдующими изображеніями Клавдія въ такой мѣрѣ

[1]) *Sabatier, Souvenir de Kertsch*, 54—55; *Бурачковъ, Общій катал.*, 246.

поразительно, что для объясненія казалось возможнымъ искать нѣтъ ли ошибки въ опредѣленіи соотвѣтствія годовъ понт. эры годамъ Рима. Золотые Миѳридата II извѣстны 336 и 338 годовъ; у нихъ обоихъ лицевыя изображенія, какъ бы одного штампа, (рис. 70—71), но чеканъ послѣдняго возможенъ только въ правленіе Клавдія [1]), а если бы начало п. э. допустить годомъ позже (осень 458, а не 457 г. Рима), то и 336 годъ попалъ бы въ правленіе того же Клавдія и слѣдовательно на всѣхъ золотыхъ Миѳридата можно было бы видѣть именно изображеніе Клавдія, а не Калигулы. Однако, старательныя и всесторонніе повѣрки привели лишь къ увѣренности въ томъ, что старинное опредѣленіе начала понт. эры вѣрно и не можетъ быть измѣнено [2]). Выше говорено (стр. 45—46), какъ Миѳридатъ II, захвативъ престолъ помимо Гая и Римлянъ, уже и въ 334 г. назначившихъ на Боспоръ Полемона II, рѣзко особенно и самостоятельно чеканилъ монету. Отсюда можно думать, что Миѳридату не было никакого повода на своемъ золотѣ изображать Гая, явно ему враждебнаго, но и порывать рѣзко съ Римомъ ему также не казалось удобнымъ, потому онъ на золотѣ хотя и написалъ свое имя, но на его лиц. стор. изобразилъ дружественнаго ему Клавдія, слѣдующее за Гаемъ лицо въ Римѣ. Такое предположеніе можно было бы признать наиболѣе подходящимъ, если бы Клавдій не казался столь незамѣтнымъ и ничтожнымъ при Калигулѣ и если бы у него можно было тогда предположить склонность къ интригѣ и своей политикѣ. Утверждать послѣднее нѣтъ основаній, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что на Боспорѣ были какія то вліянія въ сторону Клавдія, ибо только такимъ способомъ можно объяснить почему Клавдій, устранивъ Полемона II, поспѣшилъ утвердить престолъ за самовольнымъ Миѳридатомъ лишь только получилъ право это сдѣлать; приходится допустить, что между Клавдіемъ и Миѳридатомъ были какія то сношенія ранѣе, что оправдываетъ сдѣланное предположеніе. Въ такомъ случаѣ и на всѣхъ золотыхъ Миѳридата II, даже и при Гаѣ, можно видѣть изображеніе Клавдія, что и устранитъ недоразумѣнія даннаго случая. Если не признать этого, то остается полагать, что въ 336 году, въ томъ же мѣстѣ чекана, къ дѣлу были привлечены иные монетчики, давшіе новый типъ императора нисколько не заботясь о его сходствѣ ни съ чеканомъ прошлаго года, ни съ дѣйствительностью; примѣняли этотъ типъ долгое время, не взирая на перемѣну императора, и для Гая и для Клавдія точно одинъ и тотъ же. Однимъ словомъ и здѣсь повторили тоже что показано выше, во время Тиверія.

---

[1]) Первый издатель золотыхъ Миѳридата II (*Гиль, Новыя пріобр.*, № 67), золотой 338 года правильно приравнявъ 41—42 году, вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ на немъ изображеніе Калигулы, но послѣдній убитъ 24-го января 41 года, а 338 г. п. э. начался съ осени 41 года, слѣдовательно на золотомъ этого года можетъ быть только Клавдій, а не Калигула.

[2]) *Eckhel, Doctrina numor. veter.*, II, 381—382.

Съ 342 года (45 по Р. Х.) идутъ золотые правленія Котиса I, на нихъ изображенія уже не даютъ повода къ разнотолкамъ. Здѣсь на лиц. сторонѣ, и при Клавдіи (рис. 72—76), и при Неронѣ (рис. 78—83), представленъ только Клавдій, за исключеніемъ 352 г. (55 по Р. Х.), первый правленія Нерона, когда на лиц. сторонѣ изображена Агриппина, рис. 77. На оборотѣ всѣхъ этихъ золотыхъ вначалѣ Британникъ (рис. 72—74), потомъ Неронъ (рис. 75—83); изображеніе послѣдняго опредѣляется даже и сокращеніемъ его титула и имени, рис. 83. Сходство у всѣхъ очень слабое, но имѣющагося достаточно, чтобы опредѣлить кто именно изображенъ, потому что историческое положеніе немногихъ стоящихъ во главѣ правленія лицъ ясно и опредѣленно. Агриппина и Неронъ даже вовсе не похожи на свои изображенія, видимыя на римскихъ монетахъ, но и тутъ соблюденъ боспорскій пріемъ: Неронъ сдѣланъ точно схожимъ съ своей матерью; сравните оборотъ рис. 75—77, съ лиц. стор. 77.

Послѣ Котиса I идутъ золотые съ ΔΑΡ; на первомъ извѣстномъ, 365 г. (64 по Р. Х.), сходство изображеній и даже простая умѣлость рѣзчика самые сомнительные и, вслѣдствіе запутанности общаго политическаго положенія съ частой смѣной императоровъ послѣ смерти Нерона, въ этихъ изображеніяхъ усматривали разныхъ лицъ, конечно, только Римлянъ. Если сравнить, однако, этотъ золотой (рис. 84) съ послѣдующими времени того же царя и вспомнить, что Рискупоридъ II считалъ себя обязаннымъ престоломъ Веспасіану[1]), то прійдется видѣть на лиц. сторонѣ изображеніе послѣдняго, а на оборотѣ Тита. По времени это вполнѣ подходяще, такъ какъ Веспасіанъ провозглашенъ императоромъ еще 1-го іюля 365 года и тутъ-же самъ сталъ чеканить золотые[2]), стало быть и примѣра и времени до конца года, было достаточно для чекана въ томъ же году золотого на Боспорѣ съ его изображеніемъ. Подобія съ Веспасіаномъ въ этомъ изображеніи весьма мало, а съ Титомъ даже и вовсе никакого, но этимъ на Боспорѣ ни сколько не стѣснялись. Далѣе, изображенія улучшаются (рис. 85) и въ 374 году (рис. 86) дано на лиц. стор., не только схожее, но и превосходно сдѣланное Веспасіана, очевидно, что дѣло попало въ руки рѣзчика-художника. Замѣчательно, однако и въ этомъ году повтореніе тѣхъ же боспорскихъ идей; на оборотѣ этого прекраснаго золота должно быть изображеніе Тита, но оказывается, что именно его на Боспорѣ не знали, а потому изобразили его старикомъ въ точности похожимъ на отца, даже съ вѣнкомъ на головѣ, такъ что на золотомъ виденъ, какъ бы дважды изображенный Веспасіанъ, и на лиц. сторонѣ и на оборотѣ (рис. 86). Этотъ примѣръ очень ясно и рѣзко подчеркиваетъ вышеприведенное въ томъ же смыслѣ.

---

[1]) *Латышевъ*, ПОНТІКА, 112.

[2]) *Тацитъ, Исторія*, II, LXXIX, LXXXII.

Выводъ изъ всего сказаннаго, по поводу изображеній на золотѣ второй и третьей группъ тотъ, что все это только Римляне—правящій кесарь и ближайшее къ нему лицо, или бывшій и правящій кесари. Близкаго сходства, а часто даже и далекаго не имѣется, потому что монетчики, работая въ мѣру своего искусства, вовсе не заботились о сходствѣ, а старались, да и то не всегда, лишь сохранять разъ признанное условно схожимъ изображеніе. Происходило это не отъ неумѣнія, ибо тѣже монетчики совсѣмъ иначе относились къ изображеніямъ своихъ царей того-же времени, и если обратить вниманіе на изображенія: Рискупорида I (рис. 23—29), царицы НР (рис. 31), Миѳридата II и Гепепиры [1]), Котиса I (рис. 30, 34), и Рискупорида II (рис. 87—88), то должно признать, что всѣ они представлены, каждый однообразно, хотя и на разныхъ монетахъ, всѣ съ очень характерными, индивидуальными чертами, а слѣдовательно со всѣми признаками сходства, даже и на мѣди; на золотѣ, кромѣ послѣдняго, ихъ изображеній вовсе не было и быть не могло.

Слѣдуетъ замѣтить, что послѣ того какъ боспорскіе цари получили право давать свое изображеніе на золотѣ и писать тамъ свое полное имя съ титуломъ, не только ихъ изображенія оказываются характерно схожими, но таковыми-же становятся, на долгое время, до совершеннаго паденія монетнаго дѣла на Боспорѣ, и изображенія кесарей, даваемыя на оборотѣ золота. Какъ будто на Боспорѣ умышленно не дѣлали схожими изображенія Римлянъ, пока не имѣли полныхъ правъ въ смыслѣ самостоятельности золотой монеты.

Нумизматы занимались не только изображеніями на вышеуказанныхъ золотыхъ, но также и представленными на нихъ сокращеніями и монограммами, стараясь ихъ разгадать и міуорочить. Сокращенія третьей группы, ВАК и ВАР читались хорошо, а сомнительныя межъ ними, ВАР и ВР, разъяснены выше, первое вполнѣ, второе отчасти, только начало имени. Для сокращеній и монограммъ первой и второй группъ сколько-нибудь вѣрныхъ чтеній и разъясненій не представлено, каждое изъ извѣстныхъ противорѣчитъ другимъ, поэтому нѣтъ надобности повторять все говоренное, однако, нельзя оставить безъ объясненій одного распространеннаго предположенія, а именно приписыванія всѣхъ монограммъ, чеканенныхъ на золотѣ всей второй и начала третьей группъ, одному и тому-же властителю на Боспорѣ. Въ существѣ своемъ это предположеніе состоитъ въ томъ, что съ 9 года до Р. Х., по 39 по Р. Х. (съ 289 по 336 п. э.), т. е. въ теченіе сорока семи лѣтъ, на Боспорѣ спокойно царствовалъ Аспургъ, сынъ Асандра и Динаміи; онъ-же чеканилъ золото и ставилъ на немъ разнообразныя монограммы. За это время на золотыхъ съ совершенною точностью

---

[1]) См. *Бурачковъ op. c.* рис. № 89—91, 93, 94; или *Cat. of greek. coin, Pontus*, XI, № 7—8

извѣстны шесть сокращеній и монограммъ , , , , и ; кромѣ того, сюда-же, съ большою вѣроятностью, относятся сокращенія и , по времени. Такая частая и совершенная смѣна однимъ и тѣмъ-же властителемъ знаковъ выражающихъ титулъ или имя, едва-ли можетъ быть допущена и даже понята; сколько знаю, подобное обстоятельство неслыханно въ нумизматикѣ, гдѣ всякое сокращеніе или монограмма, вызываютъ представленіе объ особомъ лицѣ. Если найдутся неизвѣстные мнѣ примѣры соотвѣтствія нѣсколькихъ знаковъ одному лицу, то все-же такіе случаи должны быть чрезвычайно рѣдки и навѣрно не будутъ включать въ одно пониманіе столь большое число знаковъ. Въ одной изъ этихъ монограммъ (третьей) читаютъ даже имя Аспурга, но и помимо невозможности найти въ ней буквы для прочтенія этого имени, о чемъ говорено выше (стр. 10—11), совсѣмъ невѣроятно, чтобы царь, будто-бы чеканившій сорокъ семь лѣтъ золотые съ разнообразными сокращеніями и монограммами, только въ одномъ двадцатомъ году (207 п. э.) своего царствованія надоумился изобразить свое имя и сдѣлалъ это съ помощью такой сомнительной и неудачной монограммы, которая въ тоже время въ разныхъ странахъ и у его сосѣдей (Херсонесъ) и даже у него подъ руками въ Пантикапеѣ, значила нѣчто весьма различное, но не его имя. Возможно было-бы допустить, что эти знаки лишь чеканены во время Аспурга, даютъ имена монетчиковъ и прямо къ нему не относятся, но и такое соображеніе никакъ не можетъ быть примѣнено къ части знаковъ съ прямымъ указаніемъ царскаго титула. Царь чеканившій на монетахъ (а это былъ Аспургъ) царствовалъ не менѣе, чѣмъ съ 311 п. э. (14 по Р. Х.) и очевидно, что о немъ Римляне были хорошо освѣдомлены, какъ-же могло случиться, что Гай отдалъ его престолъ въ 334 году (37—38) Полемону II, когда не только въ томъ-же году, но и въ слѣдующемъ, 335, извѣстны золотые съ монограммой , будто-бы того-же самаго фантазера царя (Аспурга), мѣнявшаго монограммы когда вздумается. Несомнѣнно, что объясненіе всему этому можетъ быть только одно и совсѣмъ иное: Гай зналъ въ 334 г., что давно ему извѣстнаго царя писавшаго нѣтъ въ живыхъ и что боспорскій престолъ свободенъ, почему и могъ его отдать своему товарищу дѣтства Полемону II, имѣвшему на него нѣкоторыя весьма, впрочемъ, отдаленныя права; однако, оказалось, что этотъ престолъ былъ въ тоже самое время на мѣстѣ занятъ кѣмъ-то писавшимъ , вѣроятно по праву наслѣдія и помимо Римлянъ; въ 336 году царемъ оказывается Миѳрадатъ II и также помимо Римлянъ (о времени пожалованія престола Полемону II будетъ далѣе упомянуто подробно, въ примѣч.). Отсюда слѣдуетъ, что Аспургу не можетъ принадлежать монограмма , какъ то доказано и выше (стр. 48).

Невѣроятность долгаго царствованія Аспурга—Рискупорида I можно усмотрѣть и инымъ путемъ. Его почитаютъ сыномъ Асандра и Динаміи, но Асандръ умеръ очень старымъ, девяноста трехъ лѣтъ;

на Динаміи онъ былъ женатъ, по всей вѣроятности, еще до смерти Фарнака и своего вступленія на боспорскій престолъ [1]); слѣдовательно можно полагать, что умирая въ 261 году п. э. (17 до Р. Х.), послѣ двадцатидевяти-лѣтняго царствованія, онъ могъ оставить сыновей отъ Динаміи, если они были, въ возрастѣ около двадцати пяти лѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ никакого основанія считать ихъ дѣтьми. Не только со стороны Асандра трудно видѣть въ концѣ его жизни малолѣтнихъ дѣтей, но это еще мудренѣе въ отношеніи Динаміи, которой было во время смерти Асандра около пятидесяти лѣтъ [2]). Значитъ Аспургу, если считать его сыномъ Асандра и Динаміи, въ 39 г. по Р. Х., 336 п. э., предполагаемомъ концѣ его сорокасемилѣтняго царствованія, должно было быть около восьмидесяти лѣтъ отъ роду. Такія долгія жизнь и царствованіе, да еще въ то смутное время, никѣмъ неотмѣченныя, не легко пріемлемы; къ тому-же имѣются и показанія, доставляемыя монетами, противорѣчащія столь долгой жизни Аспурга, оставшіяся не объясненными. На монетахъ (рис. 23—29) имѣющихъ на лиц. сторонѣ изображенія Тиверія и Калигулы, какъ наслѣдника, дано на оборотѣ безбородое, молодое, красивое изображеніе царя Аспурга-Рискупорида I, одинаковое на всѣхъ варіантахъ и потому заслуживающее полнаго вѣроятія, какъ говорено выше (стр. 63); во всякомъ случаѣ это не лицо старца, а несомнѣнно, что частью эти монеты чеканены въ концѣ царствованія Аспурга ибо Калигулѣ отводятъ почетное мѣсто. На мѣдной монетѣ битой при Котисѣ I, какъ воспоминаніе, тотъ-же царь Аспургъ-Рискупоридъ I представленъ

---

[1]) Аппіанъ оставилъ извѣстіе (*De Bel. Civ.* II, 91) о томъ, что Фарнакъ предлагалъ Ю. Кесарю свою дочь въ жены, передъ битвой при Зелѣ. Принято думать, что этой дочерью и была именно Динамія, но такая догадка необоснована точно, такъ какъ Аппіанъ не называетъ дочери по имени и у Фарнака могло быть ихъ нѣсколько. Дѣтей поименно у него знаютъ только троихъ Дарія, Арзака и Динамію, что невѣроятно мало для такихъ многоженныхъ и многодѣтныхъ семей, какъ-то было въ родѣ Фарнака. Бёкъ думалъ, что Асандръ еще ранѣе своего возстанія былъ зятемъ Фарнака, т. е. женатымъ на Динаміи и мнѣ кажется, что такое предположеніе наиболѣе вѣроятно, какъ въ смыслѣ довѣрія Фарнака, покинувшаго царства не на чужого человѣка, во время предпринятаго имъ многолѣтняго и труднаго отвоеванія Понта, такъ и въ смыслѣ успѣха возстанія Асандра, явившагося представителемъ Динаміи; да и выходъ замужъ Динаміи за Асандра, какъ то противоестественъ, если его допустить сейчасъ же вслѣдъ за гибелью Фарнака; замужество съ отцеубійцей не легко понимается. (*Boeckh, Corp. Inscr. Graec.*, II, 94; *Sallet, Beiträge Z. Gesch. u Numism. d. Cim. Bosp.*, 6, 66; *Voigtius, De Asandro*, 3—4).

[2]) Лонперье, первый описавшій статеръ Динаміи, предполагаетъ, что ей могло быть около одинадцати лѣтъ, когда ее предлагали Ю. Кесарю (*Méd. de Dynamis*, 4). Несмотря на всяческую свободу брачныхъ условій въ тѣ времена, особенно у Ахеменидовъ, все же какъ то претитъ думать, что такой дѣвочкой могли попробовать соблазнить пятидесятитрехлѣтняго, хотя и очень женолюбиваго Ю. Кесаря, а тѣмъ болѣе послѣ того выдать ее за шестидесятипятилѣтняго Асандра. Думается, что Динаміи въ пору этого брака было лѣтъ около двадцати, не менѣе. Что во время смерти Асандра она была уже старой женщиной хорошо видно и по изображенію на статерѣ 281 года (17 до Р. Х.), *Орешниковъ. Каталогъ Уварова*, л. 11, рис. 471.

хотя и съ маленькой бородой, но совсѣмъ не старымъ (рис. 30, выше стр. 47). Его-же безбородое изображеніе на монетѣ Рискупорида II (изъ первыхъ монетъ этого царя, рис. 32, 33, выше стр. 50), также молодое и весьма похожее на видимое на его собственныхъ монетахъ (рис. 23—29). Впрочемъ, какъ эта монета, такъ и битая при Котисѣ I (рис. 30) чеканены по воспоминанію, а не при жизни Аспурга-Рискупорида, поэтому искать въ нихъ большого сходства трудно, но монеты его самого (рис. 23—29) имѣютъ полную силу доказательства.

Съ другой стороны точно извѣстно, что и сыновья послѣ него остались дѣтьми; старшій Котисъ I, не болѣе лѣтъ десяти, какъ то извѣстно по свидѣтельству древнихъ [1]) и видно по прекраснымъ, юношескимъ его изображеніямъ на монетахъ (рис. 30, 34), битыхъ лѣтъ черезъ десять послѣ смерти его отца, Аспурга - Рискупорида I; младшій Рискупоридъ II, лѣтъ черезъ сорокъ пять послѣ смерти отца, около 80 г. по Р. Х., изображенъ пожилымъ человѣкомъ, лѣтъ пятидесяти, (рис. 87—88). Все это вполнѣ точно согласное между собою, никакъ не соотвѣтствуетъ старческому возрасту Аспурга.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что Аспургу-Рискупориду при смерти было не болѣе сорокапяти лѣтъ и что онъ, слѣдовательно, родился въ послѣднихъ годахъ I в. до Р. Х., не ранѣе, т. е. послѣ смерти Асандра, а потому никоимъ образомъ не можетъ быть его сыномъ и всѣ монограммы, кромѣ одной ВÂР, не могли при немъ чеканиться. Въ надписи онъ называется происходящимъ отъ Асандра и былъ, вѣроятно, его внукомъ или даже правнукомъ, но никакъ не сыномъ [2]). О томъ же далѣе.

Еще нѣсколько соображеній о вышеуказываемыхъ сокращеніяхъ именъ и титуловъ, о времени и поводахъ ихъ появленій и о нѣкоторыхъ историческихъ заключеніяхъ относящихся ко всѣму этому, не будутъ лишними, прежде указанія окончательнаго вывода.

Опредѣленіе принадлежности монетъ сокращеніями именъ и титуловъ или монограммами, столь долго державшееся на Боспорѣ, конечно, не было простой случайностью и этому были свои причины, указываемыя далѣе, но прежде желательно установить была ли сама эта идея придумана на мѣстѣ или откуда либо заимствована. Видя слабость въ нашихъ краяхъ художественной иниціативы, незначи-

[1]) *Latyschew, Inscript.*, II, XLI. Черезъ двѣнадцать лѣтъ по сметри Аспурга-Рискупорида I, Тацитъ (XII, 15), въ 49 г. по Р. Х., называетъ его сына Котиса I, „не свѣдущимъ по молодости", на основаній чего В. В. Латышевъ полагаетъ, что ему было тогда около двадцати лѣтъ, значитъ при смерти его отца Аспурга въ 37 году, ему было всего около восьми лѣтъ. Во всемъ разсказѣ Тацита объ этимъ событіяхъ есть много неяснаго и даже сомнительнаго, о чемъ ниже, но такое пониманіе его словъ о возрастѣ Котиса I подтверждается изображеніями на монетахъ.

[2]) *Латышевъ*, ΠΟΝΤΙΚΑ, 10; *Его-же, Inscript.* II, № 36.

тельность мѣстныхъ искусствъ и техники, естественно было предположить и въ настоящемъ вопросѣ заимствованіе; указывали даже и образцы его на монетахъ македонскихъ царей, но съ послѣднимъ врядъ-ли можно согласиться [1]). Если забираться далеко отъ Боспора, то сокращенія титула и имени можно найти уже на монетахъ царей Кипра въ началѣ IV вѣка или, еще болѣе сходныя съ разсматриваемыми, у сирійскихъ царей III—II в.в.: Антіоха, Селевка, Димитрія. У македонскихъ царей, начиная съ преемниковъ Александра В., извѣстны сокращенныя надписи на мѣдныхъ монетахъ, но эти цари одновременно съ мѣдью чеканили золото и серебро съ полными надписями, понятно, что въ такихъ условіяхъ, сокращенія только на одной мѣди являлись, какъ бы знакомъ пренебреженія къ ней, для всѣхъ понятнымъ. Иное дѣло на Боспорѣ въ разсматриваемую пору гдѣ, частью неизвѣстные и по имени, цари не чеканили подъ своимъ полнымъ именемъ ничего ни мѣди, ни серебра, ни золота. Затѣмъ, самыя македонскія сокращенія не совсѣмъ тоже значатъ, что и наши: у Александра В. и нѣкоторыхъ его преемниковъ нѣтъ даже и начальной буквы имени, а просто ΒΑ(σιλέως), всѣмъ и безъ того было извѣстно о какомъ царѣ идетъ дѣло; у Пирра (286—284), Антигона I Гоната (277—239), Димитрія II (239—229) и Персея (178—168) вмѣсто буквъ имени стоятъ монограммы № 34, 35, 36 и 37; [2]) только у Филиппа V (220—178), сокращенія въ родѣ боспорскихъ—ΒΑΦ| или даже ΒΑΦ. Если вспомнить, что Боспоръ съ далекой Македоніей, а тѣмъ болѣе съ Кипромъ или Сиріей, не находился въ близкихъ сношеніяхъ, то едва ли будетъ возможно допустить, чтобы на немъ явилась мысль подражать македонскимъ монетамъ, битымъ болѣе полутора вѣка тому назадъ, когда и въ самой Македоніи уже, конечно, не помнили давно исчезнувшихъ мелкихъ монетъ послѣднихъ царей; предположить, чтобы такимъ завалящимъ монетамъ вздумалъ подражать великій царь Миѳрадатъ, или даже кто бы то ни было во время правленія потомковъ его или Асандра, совсѣмъ невѣроятно.

Мнѣ кажется, что дѣло было не такъ. Идея сокращеннаго указанія на монетѣ имени и титула, не столь уже хитра, чтобы не могла быть придумана на мѣстѣ, а если и заимствована Боспоромъ, то это сдѣлано съ современныхъ монетъ, къ тому же изъ какой либо близкой страны, а таковою могла быть только Ѳракія, связи которой съ Боспоромъ не подлежатъ сомнѣнію [3]). Золота и серебра послѣдніе

---

[1]) *Кн. Сибирскій, Воспорск. мон. прин. Евѳіопу, 22.*

[2]) Вотъ образчики точно читаемыхъ монограммъ, по которымъ и видно, какъ онѣ составлялись. *Müller, Numism. d'Alex. le gr.*, 23—26; *Imhoof-Blumer, Porträtköpfe etc.* 14—15; *Mionnet, Descript. des méd.*, I, 580—590; *Его-же, Suppl.*, III, 246—259, 421.

[3]) Аминта, царь галатскій (36 — 25), бившій и серебро и мѣдь, также на мѣди писалъ, иногда, титулъ и имя въ видѣ монограммы, но сношенія съ нимъ Боспора менѣе вѣроятны, *(Wroth, Cat. of greek Coin, Galatia, 3).*

ѳракійскіе цари не чеканили, не имѣя на то права, но мѣдь ихъ извѣстна. На монетехъ Риметалка I (съ 11 до Р. Х., по 7 по Р. Х.) мы знаемъ не только сокращенный титулъ ВА, но даже и въ видѣ монограммы № 20, а самое имя царя въ видѣ № 21 [1]). На его-же монетахъ съ вполнѣ прописаннымъ именемъ мы знаемъ клейма № 22 и 19, обозначающія, безъ сомнѣнія, повтореніе его же имени и титула, совершенно также, какъ то дѣлаютъ, съ столь непонятнымъ для насъ значеніемъ, клейма царя Е [2]). У того же Риметалка есть изображеніе козерога, какъ въ клеймахъ серіи царя Е, а буква А также, какъ и у царя Е пишется безразлично и какъ А [3]). Сокращеніе № 8 или 9 писанное обратно, какъ № 10, что не рѣдкость и на мѣди боспорскаго Аспурга-Рискупорида I, имѣется на лиц. стор. монетъ Гераклеи понтійской, какъ знакъ ея почтенія, а можетъ быть и нѣкотораго временнаго подчиненія ѳракійскимъ царямъ, вѣроятно Риметалку I [4]); тоже извѣстно и на монетѣ Калхедона, гдѣ на лицѣ изображеніе царя съ полнымъ именемъ Риметалка и сокращеннымъ титуломъ; эта послѣдняя бита, надо думать, одновременно съ выше указанными Гераклеи [5]). Но всего болѣе значенія имѣетъ еще не изданная монета Котиса V и Рискупорида III ѳракійскихъ, на которой имѣется, кромѣ полныхъ титуловъ и именъ обоихъ царей, сокращеніе (не въ клеймѣ) на лицѣ, № 11, почти точно такое, какъ царя Е, лишь нѣсколько иного рисунка [6]). Появленіе такой монограммы во Ѳракіи неожиданно и трудно объяснимо; монограммы чиновниковъ на этихъ монетахъ не бывали; она не можетъ быть монограммой имени Рискупорида, которую не къ чему помѣщать, такъ какъ его имя дано полностью на оборотѣ, а отцемъ Котиса V былъ Риметалкъ, къ тому же Рискупоридъ III такъ никогда не писался (есть РАН), да и первая буква монограммы ясное В [7]). Однимъ словомъ, въ этой монограммѣ приходится видѣть имя царя Е, но объяснить какъ оно попало на ѳракійскую монету можно лишь въ видѣ простого предположенія.

---

[1]) *Mionnet, Descript. des méd., suppl.* II, 555, № 38—39; *Sallet. Beschr. d. ant. Münz.*, I, B. 333, № 40 — 41; *Boutkowski, Diction.*, № 1489 *bis*, 2134. Не указанныя наход. въ собр. Од. Общ. Ист. и Др.

[2]) *Poole, Cat. of greek coins, Thrace etc*, 208; *Mionnet, Descr. des méd.*, I, 448. № 145; *Cary, Hisi. des. rois de Thrace*, 67 — 68.

[3]) *Poole, Cat. of. greek coins, etc.*, 208; *Mionnet, Descr.*, I, 449, № 145—147; *Его-же, Suppl.*, II, 556, № 41, pl. VIII, № 8—9; *Sallet, Beschr.*, 332, № 36—37.

[4]) *Poole, Cat. of greek coins, Pontus etc.*, 20-; *Mionnet, Descr.*, II, 440, № 162; *Его-же, Suppl.*, V, 56, № 284—285. Эти рѣдкія монеты, изобр. на рис. 8 и 9 и опис. въ концѣ.

[5]) *Boutkowski, Dict. numism.*, 1221, № 2134—35.

[6]) Описаніе въ приложеніи, рис. № 10, съ объясненіемъ.

[7]) Извѣстно клеймо № 12, похожее на указываемую монограмму, но оно бито на монетѣ Римской колоніи Синопы гдѣ и всѣ легенды латинскія, а стало быть и въ клеймѣ всѣ буквы тоже. (*Babelon et Reinach, Rec. génér.*, 197, № 80; *Imhoof.-Blumer, Mon. grecques*, 231, № 15).

Рименалкъ I оракійскій былъ еще живъ въ 6 г. по Р. Х.[1]), но умеръ ранѣе Августа, отсюда его смертъ, преположительно, считаютъ между 7—12 годами; всего вѣроятнѣе первый[2]). Ему наслѣдовали сынъ Котисъ V, въ одной части Оракіи, и младшій братъ Рискупоридъ III въ другой части. Это раздѣленіе власти и мягкость характера Котиса, скоро послѣ смерти Августа, привели къ кровавой враждѣ дяди съ племянникомъ, убійству послѣдняго, ссылкѣ и казни дяди Римлянами. Разсматриваемая монета бита, очевидно, еще во дни согласія и дружбы между обоими царями, къ тому же изображеніемъ двухъ лицъ вмѣстѣ на своей лиц. сторонѣ она представляетъ прямое и близкое подражаніе наиболѣе обыкновеннымъ монетамъ Рименалка I; по всему этому ее можно отнести къ первымъ годамъ, 7—10, послѣ смерти послѣдняго. Нельзя ли предположить, что боспорскій царь Ε находился въ какой либо связи съ оракійскимъ царскимъ домомъ, т. е. съ Котисомъ V и Рискупоридомъ III и что ихъ монетчики, по этому случаю, желая выразить почтеніе, а можетъ быть и думая доставить ходъ своей монетѣ на Боспорѣ, прибавили монограмму царя Ε къ именамъ своихъ царей, т. е. сдѣлали совершенно тоже, что было только что указанно (стр. 70) на близкихъ по времени монетахъ Гераклеи и Калхедона.

Итакъ, изъ сказаннаго всего вѣроятнѣе заключить, что сокращенія титуловъ и именъ на монетахъ заимствованы Боспоромъ съ одновременныхъ, но нѣсколько болѣе раннихъ оракійскихъ монетъ, что и становится новымъ указаніемъ связи между этими двумя странами, о которой будетъ здѣсь умѣстно сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Какая-то связь, довольно близкая, Боспора съ Оракіей такъ очевидна, что указывалась всѣми писавшими объ этихъ временахъ, но въ чемъ именно она состояла не было высказано ничего опредѣленнаго. Уже и родоначальникъ династіи Спартокидовъ, по своему имени родомъ Оракіецъ, но это событіе слишкомъ давнее (433 г. до Р. Х.), чтобы могло имѣть значеніе еще и въ концѣ I в. до Р. Х.[3]). Относительнаго этого послѣдняго времени Рауль-Рошетъ дѣлалъ предположеніе о завоеваніи боспорскаго царства Оракійцами[4]), но эту гипотезу никто не рѣшился поддержать и затѣмъ приходилось въ объясненіе связи, указывать такіе несущественные факты, какъ пребываніе воиновъ Оракійцевъ на Боспорѣ (гдѣ ихъ не было?), да и это опредѣ-

---

[1]) *Діонъ*, LV, 30.

[2]) Письмо Овидія къ Котису (*lib.* II, *ep.* 9), наслѣднику Рименалка I, хотя и не точно датировано, но писано по времени весьма близко къ 1 и 5 письмамъ, которыя, по своимъ историческимъ указаніямъ, относятся оба къ 10 году. Оно говоритъ о Котисѣ, какъ о царѣ уже вполнѣ опредѣлившемся, а не только что вступившемъ на престолъ.

[3]) *Brandis*, *Bosporus*, *Real-Encycl. v. Wissowa*, V *Hlb.*, 758; *Latyschev*, *Inscript.*, II, XVIII.

[4]) *Raoul-Rochette*, *Ant. gr. du Bosph. Cim.*, 141—143.

лялось лишь надписями II—III в. по Р. Х.[1]). Теперь можно съ увѣренностью видѣть ѳракійцевъ солдатъ на Боспорѣ и гораздо ранѣе, въ I вѣкѣ; возможно, что тамъ было цѣлое ихъ поселеніе при Аспургѣ[2]), но все-же едва-ли допустимо предположить, что именно это обстоятельство на столько повліяло на царствовавшій въ Боспорѣ домъ, считавшій себя высоко происходящимъ, чтобы онъ принялъ солдатскія ѳракійскія имена, а сходство именъ во Ѳракіи и на Боспорѣ всего болѣе примѣтно и всѣми указываемо; къ тому-же, эти имена не просто ѳракійскія, а именно тѣ самыя, которыя тамъ носили въ ту пору лица царствующаго дома. Это обстоятельство и можно признать имѣющимъ дѣйствительно большое и не совсѣмъ обыкновенное значеніе связи, если не обѣихъ странъ, то все-же властвующихъ въ нихъ родовъ[3]). И во Ѳракіи и на Боспорѣ извѣстны Рискупориды, Котисы и Риметалки, но обративъ вниманіе на время появленія этихъ именъ въ обѣихъ странахъ ясно будетъ, что заимствовалъ Боспоръ. Во Ѳракіи эти имена извѣстны между тамошними царями давно, съ IV в. до Р. Х., на Боспорѣ они появляются всего съ начала I в. по Р. Х., т. е. именно съ того самого времени, къ которому неизбѣжно приходимъ, какъ только займемся разсмотрѣніемъ какого-бы то ни было, даже мелочнаго, вопроса касающагося монетъ съ сокращеннымъ указаніемъ имени и титула, царей Ε, Ϻ, Ρ и другихъ.

Прежде всего съ ѳракійскимъ именемъ извѣстенъ на Боспорѣ молодой царь Аспургъ-Рискупоридъ I, царствовавшій съ 311 г. п. э. (14 по Р. Х.) или нѣсколько ранѣе; писавшій на монетахъ ΒΑΡ. Затѣмъ находимъ Котиса I, сокращеніе имени и титула котораго, не возбуждающее никакого сомнѣнія, оказывается начиная съ золотого 342 г. п. э (45 по Р. Х.). Имя Риметалка встрѣчается впервые на золотомъ 428 г. (131 по Р. Х.). Удивительнымъ кажется столь позднее появленіе этихъ именъ на Боспорѣ, когда въ самой Ѳракіи послѣдними годами царствованій были: Рискупорида III—19, Котиса V—16 и Риметалка III—46 годъ по Р. Х. Аспургъ на Боспорѣ, назвавшійся Рискупоридомъ уже будучи царемъ, но ранѣе 14-го года, имѣлъ въ ту пору соименнаго царя во Ѳракіи—Рискупорида III, еще не враждовавшаго съ Котисомъ V. Боспорскій Котисъ I, сынъ Аспурга, не имѣлъ иного, мѣстнаго имени, онъ родился, приблизительно, около 30 года[4]), и его ѳракійскаго соименника можно видѣть въ лицѣ, не послѣдняго царя Котиса V, а его третьяго сына, бывшаго старше боспорскаго лѣтъ на десять, совоспитанника и сотоварища Гая Калигулы, при дворѣ императора Тиверія, вмѣстѣ съ братьями (Риметалкомъ и Полемономъ)

---

[1]) *Бурачковъ, Общій кат., стр.* 293.

[2]) *Ростовцевъ, Эпигр. находки, Изв. Имп. Арх. Комис.*, в. 10, 15—16.

[3]) Въ томъ же смыслѣ заключалъ Бёкъ, *Corp. Inscr. Gr.*, II, 85, 104, 109.

[4]) В. В. Латышевъ полагалъ, что въ 49 году (*Тацитъ*, XII, 15) Котису могло быть около 20 лѣтъ (*Latyschev, Inscr.*, II, XLI).

При раздачѣ имъ всѣмъ престоловъ Гаемъ, этотъ Котисъ получилъ на свою долю царство Малой Арменіи. Что же касается Риметалка боспорскаго то подобныхъ объясненій уже нельзя подыскать. Царствовалъ онъ двадцать два года и вступилъ на престолъ, судя по его изображенію, едва ли старше сорока лѣтъ, въ такомъ случаѣ его рожденіе прійдется около 90 г. по Р. Х., а тогда уже близъ полувѣка, не только съ этимъ именемъ, но и никакихъ царей не было во Ѳракіи [1]). Въ чью же честь могло появиться имя Риметалка на Боспорѣ? Отвѣтить и на это можно лишь гадательнымъ предположеніемъ. Этотъ Риметалкъ боспорскій, преемникъ Котиса II, но его отецъ неизвѣстенъ, возможно, что онъ происходилъ изъ того же рода, но по другой линіи и что его дѣдъ, родившійся около Р. Х., былъ названъ Риметалкомъ въ честь современнаго ему ѳракійскаго царя, перваго съ этимъ именемъ. Тогда изчезнетъ странная аномалія: заимствованіе именъ двухъ малозначащихъ лицъ ѳракійскаго царскаго дома и опущеніе имени наиболѣе виднаго и извѣстнаго межъ ними, современника Пиѳодориды, игравшей столь большую роль именно во всемъ этомъ на Боспорѣ, и также какъ и эта царица сторонника Римлянъ.

Все сказанное виднѣе будетъ изображенное въ табличкѣ:

	Ѳракія	Боспоръ	
	Посл. годъ	Вст. на пр.	Рожд.
Рискупоридъ	19 п. Р. Х.	14 п. Р. Х.	10 до Р. Х.
Котисъ ц. М. Арм. .	47 „ „ „	45 „ „ „	30 по „ „
Риметалкъ	46 „ „ „	131 „ „ „	90 „ „ „

Но отъ ѳракійскихъ царей заимствованы не только имена или пріемъ монетныхъ сокращеній титуловъ и именъ. Извѣстно, что цари Боспора къ своимъ именамъ присоединяли также и имена Тиверія-Юлія. До сихъ поръ первый съ такимъ именемъ извѣстенъ Котисъ I, царствовавшій между 45—68 годами [2]); начало его царствованія относится ко времени Клавдія, слѣдовательно онъ неимѣлъ никакого повода назваться самъ Тиверіемъ-Юліемъ и эти имена имъ, очевидно, унаслѣдованы отъ отца Аспурга; къ послѣднему прямое приложеніе такихъ именъ неизвѣстно, но по надписи Рискупорида II видно, что его отецъ, назывался Юліемъ...; къ сожалѣнію въ надписи пропускъ, а потому она и не рѣшаетъ недоумѣніе [3]) Однако, вышеприведенными (стр. 51) нумизматическими данными доказано, что Рискупоридъ II

---

[1]) Въ 46 году Ѳракія обращена въ римскую провинцію, послѣ убійства женою послѣдняго царя, Риметалка III. (*Mommsen, Reges Thraciae, etc., Ephem. epigr.*, II, 258—259).

[2]) *Latyschev, Inscript. etc*, IV, № 204. Въ этой надписи даже и годъ поставленъ — 354, т. е. 57 по Р. Х.

[3]) *Latyshev, Inscript.*, II, № 355.

братъ Котиса I и что его отцомъ былъ тотъ же Аспургъ-Рискупоридъ I, стало быть надпись называетъ Юліемъ... именно Аспурга. Но есть и еще надпись, которую, послѣ всего здѣсь приведеннаго, кажется возможнымъ счесть принадлежащей Котису I, а не второму или третьему [1]); въ этой же надписи отецъ царя, названъ Тиверіемъ-Юліемъ. Надо думать, что Аспургъ назвался и Тиверіемъ, а это онъ могъ сдѣлать лишь при Тиверіи и не иначе, какъ съ его позволенія. Если вспомнить, что въ его время впервые на золотѣ (311 г. н. э.) имѣется сокращеніе титула и имени боспорскаго царя, то естественно допустить, что имя Тиверія онъ принялъ въ благодарность за разрѣшеніе чеканить на золотѣ сокращеніе своего имени и титула, а такъ какъ царемъ онъ ужъ былъ въ концѣ правленія Августа, какъ то доказываетъ мѣдная монета, рис. 16 и ея поясненіе (стр. 43), то имя Юлія онъ принялъ можетъ быть еще при Августѣ, вѣроятно за признаніе правъ на боспорскій престолъ. Какъ бы то ни было, но и въ этомъ боспорскій царь подражалъ Риметалку I ѳракійскому, который съ позволенія Августа, принялъ имена Гая-Юлія [2]). Все это указываетъ на какую-то связь между дозволеніемъ чекана монеты и принятіемъ Аспургомъ ѳракійскаго имени, такъ какъ онъ обозначалъ на монетѣ послѣднее, а не свое родовое, сохранявшееся имъ въ надписяхъ. У послѣдующихъ царей извѣстны только ѳракійскія имена, стало быть они ихъ получили при рожденіи и иныхъ мѣстныхъ именъ не имѣли, но Аспургъ подъ этимъ именемъ извѣстенъ и послѣ смерти, на нѣсколькихъ надписяхъ, являясь какъ бы основателемъ династіи, лишь на монетахъ онъ носитъ сокращенно написанное имя Рискупорида.

Заимствованія боспорскимъ царскимъ домомъ ѳракійскихъ царскихъ же именъ и время этого, изъ всего вышесказаннаго, очевидны, но причина такого рѣдкаго дѣла не выяснена. Единственное объясненіе кажется возможнымъ искать въ значеніи и вліяніи Ѳеодориды, этого несомнѣнно срединнаго лица всего путаннаго и неизвѣстнаго, хотя бы въ видѣ однихъ годовъ съ именами, времени отъ Динаміи до Миѳрадата II, отъ 281 по 336 г. н. э. (17 до Р. Х., по 39 по Р. Х.), т. е. во весь промежутомъ между золотыми, принадлежность которыхъ точно извѣстна. На протяженіи этихъ пятидесяти пяти лѣтъ лишь въ одномъ 313 году надпись съ годовымъ числомъ даетъ имя царя Аспурга [3]), соотвѣтственное сокращенію ΒΑΡ на золотыхъ, читаемому, какъ титулъ и имя царя Рискупорида I. Все остальное за это время заключается въ датированныхъ золотыхъ и мѣди съ монограммами, о которыхъ выше говорено подробно, и въ которыхъ лишь на

[1]) *Latysh., op. c.*, IV, № 203.
[2]) *Cary, Histoire des rois de Thrace*. 66.
[3]) *Latyschev, Inscr*, II, № 364.

мѣди послѣднихъ лѣтъ можно опредѣлить имена. Къ этому-же періоду, приблизительно, относятся еще нѣсколько именъ и событій неопредѣляемыхъ точно по времени. Въ числѣ этихъ именъ извѣстно и имя царицы Пиѳодориды. Оно какъ нельзя болѣе знакомо занимавшимся судьбами Боспора, и объ этой царицѣ, какъ о весьма видной и замѣчательной женщинѣ, временъ Октавія Августа, уже издавна дѣлались спеціальныя изслѣдованія; наиболѣе полныя даны Моммсеномъ, ниже повторялись и дополнялись многими, а у насъ были развиты въ нѣсколькихъ статьяхъ, весьма полно, А. В. Орѣшниковымъ. Къ сожалѣнію, эти изслѣдованія, указавшія многое относительно происхожденія и родства Пиѳодориды, ничего не прибавили къ очень мало извѣстному ея значенію на Боспорѣ [1]).

Незная точно подробностей событій за указываемые полвѣка можно, однако, утверждать, что Боспоръ во все это время оставался подвластнымъ Риму; уже одни изображенія Римлянъ съ обѣихъ сторонъ тогдашнихъ золотыхъ это доказываютъ, да и надписи льстиво поминаютъ все тѣхъ-же Римлянъ. Статеръ Динаміи съ ея изображеніемъ чеканенъ въ 17 году до Р. Х. (281 п. э.), какъ самовластной царицей, послѣ смерти ея перваго мужа Асандра, а уже въ 15 году паремъ на Боспорѣ былъ Полемонъ I, поставленный М. В. Агриппой [2]). Этотъ Полемонъ, сынъ ритора Зенона въ Лаодикеѣ, былъ человѣкъ весьма угодный Римлянамъ и вполнѣ имъ преданный [3]); уже М. Антоній тріумвиръ далъ ему, сначала за заслуги отца, а потомъ и его личныя, одно за другимъ три царства: Киликію въ 39 г., Понтъ въ 36 г. и Малую Арменію въ 33 г. до Р. Х. Смѣлый, рѣшительный воинъ, умѣлый правитель, хорошо справлявшійся съ своими обширными царствами и ихъ разноплеменными народами, онъ былъ настолько замѣчательной личностью, что его именемъ долгое время послѣ называли одно изъ царствъ (Pontus Polemoniacus). Онъ проявилъ немало и дипломатическаго искусства, такъ какъ усердно и честно помогая М. Антонію до конца, сумѣлъ затѣмъ во время угодить и Октавію, отъ котораго получилъ утвержденіе данныхъ ему царствъ, потомъ лестный титулъ друга и союзника Рима, въ 26 г., а наконецъ и чет-

---

[1]) О Пиѳодоридѣ былъ написанъ цѣлый трактатъ еще въ 1732 году (*Souciet, L'Hist. chronol. de Pythodoris*), возбудившій и тогда полемику. Писали немало и послѣ. Новѣйшія: *Mommsen, De titulo reginae Pythod. Smirn.. Ephem. epigr.*, V, I, 1872; *Rayet et Thomas, Milet et le golphe Latm.*, 1877, I, 81—101, (очень полная исторія Пиѳодориды и всей ея семьи); *Оршниковъ. Пиѳодорида и ея родъ въ Понт. цар., въ Изв. Таврич. Уч. Ком.*, т. 34, 1892 г. (наиболѣе полное изслѣдованіе).

[2]) Діонъ К. (LIV, 24), описывая замѣшательства послѣ смерти Асандра, называетъ Динамію владѣющей царствомъ своего мужа Асандра. *Latyschev, Inscript., etc.*, IV, № 201, 91; *Waddington, Fastes des prov. asiat.*, 91; *Brandis, Bosporos, Real-Enc. v. P. Wis.*, 779. *Voigtius, Quo anno Agrippa exped. Bosp. fec.*, 134; *Его-же, De Asandro Bospori rege*, 65.

[3]) *Страбонъ, Геогр.*, XII, 8, 16.

вертое царство, Боспоръ, не только сохранивъ ранѣе полученныя, но и усиливъ свое значеніе. Рѣдкая по блеску и значительности карьера человѣка родившагося сыномъ частнаго лица и такъ какъ она не измѣнила Полемону, не смотря на всяческую перемѣну условій и вершителей судебъ міра, то несомнѣнно, что и онъ самъ былъ не заурядной личностью.

Въ придачу къ Боспорскому царству (не однѣ розы были и въ его судьбѣ), Полемону дали въ жены пожилую царицу Динамію, внуку Миѳрадата VI Евпатора, за что послѣдняя усердно славила Августа и Ливію [1]). Умерла она послѣ того очень скоро и уже далеко не молодому Полемону (ему было тогда около пятидесяти лѣтъ), тѣже Римляне сосватали внучку М. Антонія тріумвира, на этотъ разъ, какъ-бы въ возмѣщеніе перваго брака, молодую (не болѣе двадцати лѣтъ) Пиѳодориду, партію изъ лучшихъ тогдашняго офиціальнаго міра, родственницу, по единокровнымъ сестрамъ ея матери, дому Августа. Эти чисто политическіе браки, особенно послѣдній, служатъ показателемъ огромнаго вліянія Римлянъ на Боспорѣ и большого значенія Полемона I [2]). Время брака Полемона I съ Пиѳодоридой неизвѣстно, можно сказать только, что онъ былъ заключенъ не менѣе чѣмъ лѣтъ за пять до смерти Полемона I, потому что его вдова оста-

[1]) *Latyschev, Inscript., etc.*, II, № 354, IV, № 201, 420.

[2]) *Mommsen, De titul. reg. Pyth., Ephem. epigr.*, I, 271—274. Здѣсь приведены всѣ источники служебнаго формуляра Полемона I и именно по нимъ едва-ли возможно признавать вліяніе Пиѳодориды очень виднымъ, а самого Полемона считать ничего не значащимъ. Вѣроятность родственнаго значенія Пиѳодориды не только не можетъ перевѣсить, но даже и сравниться съ несомнѣнностью блестящей жизни Полемона I. Трудно думать, чтобы Понтійскимъ царствомъ супруги владѣли такъ, что оно имѣло болѣе отношенія къ Пиѳодоридѣ, чѣмъ къ Полемону или что весь блескъ рода (Зенонидовъ) и сама царская власть у нихъ исходили отъ Антоніи, матери Пиѳодориды. (*Mommsen*, ор. I, 271). Довольно вспомнить, что получивъ ранѣе Киликію, даже царемъ Понта и Малой Арменіи, а потомъ другомъ и союзникомъ Рима, Полемонъ былъ сдѣланъ, когда Пиѳодориды не было еще на свѣтѣ или она была совсѣмъ маленькой дѣвочкой, о бракѣ которой еще не могли и помышлять; даже и Боспоръ получилъ Полемонъ безъ малѣйшаго участія вліянія Пиѳодориды, ибо давъ ему Боспоръ его женили на Динаміи, а не на Пиѳодоридѣ. Описывая замыслы и дѣйствія М. Антонія въ Азіи, въ началѣ тридцатыхъ годовъ до Р. Х., указывая образованіе имъ вассальныхъ царствъ и ихъ владѣній, говорили: „Полемонъ, новый царь Понта, женатый на внучкѣ Антонія, Пиѳодорѣ", но тогда послѣдняя и не родилась (*Моммсенъ, Римск. Ист.*, V, 352). Наконецъ, надо и то сказать, что самое происхожденіе Пиѳодориды, какъ внучки М. Антонія, не можетъ считаться несомнѣннымъ. По всему этому вѣроятнѣе, что Пиѳодориду, выдавая замужъ, пристраивали къ значительному человѣку, а не къ ней Полемона. Пиѳодорида это сознавала, а потому полагаю, что и эру на своихъ монетахъ, чеканенныхъ въ Понтѣ, обозначала временамъ начала тамъ правленія Зенонидовъ, т. е. назначеніемъ туда царемъ Полемона I въ 37—36 году до Р. Х. Когда давали престолъ ея внуку Полемону II, въ 38 году по Р. Х., то и тутъ вспомнили не ее (*Діонъ Кас.*, LIX, 12), а Полемона I, хотя онъ и умеръ почти за полвѣка до того, а Пиѳодорида не задолго была жива и правила Понтомъ еще и въ 27 году, судя по ея монетамъ.

лась послѣ него съ тремя дѣтьми. Но и время смерти Полемона I ничѣмъ не опредѣляется. Предполагаютъ, что первый изъ разсматриваемыхъ здѣсь золотыхъ 289 г. п. э. (9 до Р. Х.) чеканенъ уже послѣ его смерти; это возможно и было-бы вѣроятно, если-бы чеканъ этихъ золотыхъ можно было приписывать только какимъ-либо царямъ, но далѣе будетъ показана возможность независимости этого чекана отъ боспорскихъ властителей и слѣдовательно его могли начать еще и при жизни Полемона I. Все-же, пока, слѣдуетъ признавать наиболѣе вѣроятнымъ годомъ смерти Полемона I именно 289 г. п. э. или очень немногимъ ранѣе [1]); она могла послѣдовать позже этого года, но не ранѣе, развѣ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Полемонъ I погибъ въ междуусобной распрѣ на самомъ Боспорѣ, но ни изъ чего нельзя усмотрѣть, чтобы все это замѣшательство имѣло какое-бы то ни было общее значеніе. Никто изъ Римлянъ объ этомъ событіи не обмолвился ни однимъ словомъ, да и повода къ тому явно не было въ виду совершеннаго преклоненія Боспора передъ римской волей. Не смотря на такое состояніе дѣлъ обыкновенно все таки полагаютъ, что послѣ смерти Полемона I боспорское царство вновь досталось потомкамъ Ахеменидовъ, а столь вліятельная и многозначившая Пиѳодорида съ дѣтьми исчезли съ Боспора; такое предположеніе кажется весьма мало вѣроятнымъ. Все извѣстное о жизни Полемона I и Пиѳодориды на Боспорѣ ограничивается немногими словами Страбона, который нѣсколько двусмысленно говоритъ, что Полемонъ погибъ между Аспургіанами, а Пиѳодорида наслѣдовала его власть, но не указываетъ гдѣ и когда именно [2]). Наслѣдованіе Пиѳодориды опредѣлено вообще, но почему-то считается относящимся только къ Понту. Основаніемъ такому утвержденію служитъ описаніе тѣмъ-же Страбономъ владѣній Пиѳодориды, между которыми Боспоръ не значится, но это описаніе, сдѣланное совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, относится къ 17—18 гг. по Р. Х. и не можетъ служить показателемъ того, что дѣлалось на Боспорѣ четвертью вѣка ранѣе [3]). Самого Полемона I

---

[1]) *Brandis*, *Bosporos*, *Real-Enc*, *v. Wissowa*, 779 - 780, относитъ смерть Полемона I къ 18 г. (или около того) по Р. Х., т. е. ко времени послѣ смерти Августа, что упрощаетъ пониманіе многаго, но должно быть признано совершенно невозможнымъ. Въ такомъ случаѣ, пришлось бы считать, что Полемонъ I прожилъ болѣе восьмидесяти лѣтъ и кромѣ того, уже и въ 14 году по Р. Х. на Боспорѣ царемъ былъ Аспургъ, что извѣстно съ безусловной точностью, а ранѣе его надобно найти нѣсколько лѣтъ для царей Ε и ΑΥ: наконецъ точно извѣстно, что въ 17 г. умеръ и Архелай, царь Каппадокіи, второй мужъ Пиѳодориды. Понятно, что бракъ ея съ Полемономъ возможно отнести къ 12—8 г. до Р. Х., какъ дѣлаетъ г. Брандисъ по Моммсену (*Ephem. epigr.*, I, 272), при такомъ предположеніи года смерти Полемона I; пока, этотъ бракъ приходится считать бывшимъ непозже 14-го года до Р. Х.

[2]) *Страбонъ*, *Географія*, XII, 3, 29. Это мѣсто понималось и такъ, что Пиѳодорида наслѣдовала власть среди Аспургіянъ и такъ, что среди нихъ погибъ Полемонъ; вѣрно послѣднее.

[3]) *Страбонъ*, *Географія*, XI, 2, 18; XII, 3, 29, 30, 37.

силой водворили Римляне на Боспорѣ, понятно въ видахъ своихъ выгодъ; и придавали этому такое значеніе, что устроителемъ тогдашнихъ боспорскихъ дѣлъ былъ первый по вліянію и значенію въ римскомъ мірѣ, послѣ Августа,—М. В. Агриппа; въ честь его и Кесаря тогда даже переименовали второй по значенію городъ боспорскаго царства (Фанагорію), назвавъ его — Агриппія-Кесарея. Какъ-же послѣ этого допустить, что дѣти и жена Полемона I, значившая, будто-бы болѣе своего мужа, родственница Августа, могли быть оттуда выброшены, и сдѣлано это въ пользу враждебнаго Риму рода Ахеменидовъ; вслѣдъ затѣмъ тамъ-же появляется золотая монета и чеканится совершенно какъ римская. Но и помимо родственныхъ отношеній, уступить, помириться съ мѣстнымъ самоуправствомъ, оставить смерть Полемона I не только безнаказанной, но и поощренной, вовсе не въ обычаѣ Римлянъ; едва-ли подобное могло быть. Что такое сомнѣніе вѣроятно, что права Пиѳодориды и ея дѣтей на Боспоръ не были забыты и они всѣ не такъ просто исчезли оттуда, всего лучше и несомнѣннѣе видно изъ назначенія Полемона II, внука Полемона I, царемъ всего дѣдовскаго наслѣдія и даже такъ, что захваченный ранѣе другимъ (Миѳридатомъ II) боспорскій престолъ, оставленный за послѣднимъ по необходимости, Полемону II возмѣстили частью Киликіи, ясно тѣмъ указывая, что въ наслѣдіи послѣ Полемона I и Пиѳодориды числился и Боспоръ[1]). Тогдашнее положеніе на Боспорѣ можетъ представляться иначе, чѣмъ то обыкновенно принимается.

Пиѳодорида осталась послѣ смерти мужа съ тремя дѣтьми, изъ нихъ кажется старшею была Антонія-Трифена, впослѣдствіи вышедшая замужъ за Котиса V, царя Ѳракіи. Она не могла родиться ранѣе 13-го года до Р. Х. и слѣдовательно едва-ли выходила замужъ ранѣе 3-го года по Р. Х. Съ другой стороны, всего вѣроятнѣе, что это случилось еще при жизни отца Котиса V, Риметалка I, т. е. не позднѣе 6—7 года, такъ какъ надо думать, что именно приверженность и близость Риметалка I и Пиѳодориды къ Римлянамъ были поводомъ къ скрѣпленію связи между этими царскими родами узами брака дѣтей царствующихъ лицъ, конечно, не безъ согласія и одобренія Августа. Только это обстоятельство и можно счесть примѣтной связью Боспора съ Ѳракіей, связью настолько значительной, что она дала поводъ потомкамъ одного изъ боспорскихъ царствующихъ домовъ ввести у себя послѣ того и имена ѳракійскія. Понятно, что если-бы Пиѳодорида исчезла съ Боспора вслѣдъ за смертью перваго мужа, Полемона I, то и дочь свою она выдавала-бы во Ѳракію замужъ не съ Боспора, а изъ Понта: тогда это обстоятельство ни коимъ образомъ не могло-бы отозваться на Боспорѣ, а сыну Антоніи-Трифены, внуку Пиѳодориды, Полемону II, не могли-бы считать въ наслѣдіи послѣ

[1]) *Діонъ Кассій*, LIX, 12, IX, 8.

дѣда и Боспоръ. Стало быть этотъ бракъ есть показатель не только связи Боспора съ Ѳракіей, но и непремѣннаго присутствія и владѣнія Пиѳодориды на Боспорѣ, не менѣе чѣмъ до времени заключенія этого брака, т. е. до 3—7 года по Р. Х. Все это объясненіе не измѣнится если смерть Полемона I считать позднѣе, допуская что онъ былъ еще въ живыхъ во время заключенія этого брака.

Сама Пиѳодорида должна была имѣть значительное вліяніе на управленіе краемъ, такъ какъ это была женщина очень умная и дѣятельная, о ней весьма лестно отзывается Страбонъ[1]). Нельзя опредѣлить съ кѣмъ именно ей пришлось считаться на Боспорѣ. Кто тамъ оставался въ ту пору изъ потомковъ царствовавшихъ родовъ неизвѣстно, хотя-бы съ нѣкоторой достовѣрностью. Царей Ε и ⋀, вслѣдъ за ними Аспурга-Рискупорида I (царя Ρ), царицу ΗΡ и Миѳридата II, по времени, можно считать бывшими съ соприкосновеніи, родствѣ или свойствѣ съ Пиѳодоридой, но взаимныя отношенія этихъ лицъ остаются не разгаданными. Кажется не будетъ особымъ преувеличеніемъ сказать, что эти отношенія были основаны на сплошной интригѣ и если не на постоянно открытой враждѣ, то только благодаря надзору и вліянію Римлянъ. Такая характеристика положенія дѣлъ вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній.

Трагедія послѣдняго года жизни Миѳрадата VI Евпатора, кончившаяся его смертью, открыла собой вѣковой періодъ, почти непрерывной борьбы за власть на Боспорѣ. Потомки Миѳрадата и мѣстнаго царя Асандра, пришельцы, Полемонъ и Пиѳодорида, истинные, но какъ-бы въ сторонѣ стоящіе владыки страны—Римляне, все это спутывалось въ такомъ клубкѣ родства и союзовъ, измѣнъ и убійствъ, войнъ и возстаній, что можно примѣтить лишь смутныя очертанія, а для возможнаго пониманія цѣлаго приходится ставить разныя догадки. Начало этого періода – время Фарнака и Асандра; послѣдній эпизодъ борьбы—время Миѳридата II и Котиса I; и то и другое, хотя и далеко не полно, но все-же могутъ опереться на свидѣтельства древнихъ. Вся середина періода зиждется исключительно на данныхъ нумизматики и эпиграфики, которыя хотя и очень медленно, но все болѣе и болѣе уясняютъ положеніе дѣлъ; на возможныхъ выводахъ изъ этихъ данныхъ и слѣдуетъ остановиться, такъ какъ они представляются иначе, чѣмъ принято думать.

Въ этомъ вѣковомъ періодѣ казался всего яснѣе конецъ, но именно его пониманіе и можетъ подлежать измѣненію, а въ зависимости отъ этого и всѣ болѣе раннія событія разсматриваемаго времени, поэтому приходится начать объясненія съ конца. Здѣсь нумизматическіе матеріалы, увеличивая наши свѣдѣнія съ одной стороны, съ другой уменьшаютъ ихъ, такъ какъ доказываютъ невѣрность нѣко-

[1]) *Страбонъ, Географія*, XII, 3, 29.

торыхъ дошедшихъ до насъ свидѣтельствъ древнихъ. Таковыми становятся извѣстія о борьбѣ Миѳридата II съ Римлянами и ихъ ставленникомъ Котисомъ I. Излишне повторять общепринятыя подробности этихъ событій; въ существѣ онѣ состоятъ въ томъ, что Миѳридатъ II, получившій, будто-бы отъ Клавдія, въ 41 году [1]), боспорскій престолъ, послалъ въ Римъ своего брата Котиса для мнимаго скрѣпленія дружбы съ Римлянами, но Котисъ, выдавшій тайные замыслы Миѳридата II, былъ поставленъ царемъ на его мѣсто, а Миѳридатъ II, послѣ разныхъ случайностей борьбы, попалъ въ плѣнъ и былъ отправленъ въ Римъ [2]). Все это отнесено Тацитомъ къ 49 году и несмотря на столь крупный авторитетъ, въ основѣ своей несомнѣнно ошибочно. Уже и въ 39 году, ранѣе Клавдія, Миѳридатъ II былъ царемъ, чему видимо Римляне не препятствовали, (золотой 336 г., рис. 10), а Котисъ I сталъ таковымъ-же не позже 45 года (золотой 342 г., рис. 72). Допустимо, что Тацитъ отнесъ событія нѣсколькихъ лѣтъ къ послѣднему году захвата Римлянами *„бродячаго царя“*, Миѳридата II, но все-же прійдется признать, что Котисъ былъ въ Римѣ посломъ, въ весьма трудныхъ условіяхъ, ранѣе 45 года; тамъ, посвященный въ замыслы Миѳридата II, онъ умудрился заслужить довѣріе Римлянъ, поведя весьма сложную интригу противъ Миѳридата II и наконецъ замѣстилъ его. Что все это продѣлалъ пятнадцатилѣтній юноша, къ тому-же „неопытный въ дѣлахъ“, что и понятно въ эти годы, прибавлю красивый, но простоватый (вспомнимъ его царствованіе и его портреты, рис. 30, 34), по истинѣ невѣроятно; невозможно допустить, чтобы Миѳридатъ II довѣрился такому юнцу и далъ-бы ему столь важное порученіе. Быть-же ему братомъ Миѳридата II и вовсе не приходится. Противъ такого утвержденія высказался еще Бурачковъ [3]), и мнѣ кажется, что внимательное разсмотрѣніе нумизматическаго матеріала неизбѣжно вызоветъ у всякаго такое заключеніе. Миѳридатъ II почиталъ себя „потомкомъ великаго Ахемена“, очень этимъ превозносился и очевидно имѣлъ на то право (это признаютъ и Тацитъ и Діонъ), а между тѣмъ, никто на Боспорѣ ни ранѣе, ни послѣ, не только не похваляется такимъ родословіемъ, но и не вспоминаетъ о немъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось упоминать о происхожденіи; однако, нѣтъ сомнѣнія, что этимъ не преминули-бы похвастать, если-бы имѣли на то право и прежде всѣхъ Котисъ I и Рискупоридъ II, будь они братьями Миѳридату II, дѣтьми одного отца; однако, они зовутъ себя Аспургговичами, самъ-же Аспургъ указываетъ свое происхожденіе отъ Асандра, а не отъ Ахеменидовъ. Если Миѳридатъ II братъ Котиса I, то значитъ онъ сынъ

---

[1]) *Діонъ Кассій*, LX, 8.

[2]) *Тацитъ, Анналы*, XII, 15; *Петръ Патрицій, Исторія*, § 2, стр. 122, *Corp. Script. Hist. Byz., ed Nieb.* Подробно изложено у В. В. Латышева: *Inscript.*, II, XLI и ΠΟΝΤΙΚΑ, 108—109.

[3]) *Бурачковъ, Нѣск. замѣч. о мед. Асп.*, 8; *Его-же, Общ. кат., стр.* 246.

Аспурга-Рискупорида I и царицы НР, но Котису I во время смерти Аспурга, какъ показано выше (стр. 68) было лѣтъ десять, не болѣе, а Миѳридату II, судя по его изображеніямъ, тогда-же, около сорока; и онъ и его жена Гепепира глядятъ старше, не только братьевъ, но и мнимыхъ отца и матери, достаточно сравнить ихъ изображенія. Еще прямѣе такому братству Котиса съ Миѳридатомъ противорѣчатъ подписи на мраморахъ и монетахъ [1]). Аспургъ-Рискупоридъ, его несомнѣнные сыновья, Котисъ I и Рискупоридъ II, принимаютъ и носятъ ѳракійскія имена, и кромѣ того они-же, а за ними и всѣ цари на Боспорѣ, къ своему имени обязательно прибавляютъ имя Тиверія-Юлія; ни того, ни другого не дѣлаетъ только и единственно одинъ Миѳридатъ II, очевидно потому что вовсе не принадлежитъ къ царскому дому введшему эти имена въ добавокъ или взамѣнъ къ своимъ, т. е. къ дому Асандра-Аспурга. Вступая на престолъ, Миѳридатъ II съ перваго-же года чеканитъ совершенно самостоятельную монету, какъ полновластный царь по роду, а не по пожалованію, что не могло статься съ позволенія Римлянъ и чего никто не дерзалъ, сдѣлать ни до него, ни сейчасъ-же послѣ, хотя это и были его мнимые отецъ Аспургъ и братья, Котисъ I и Рискупоридъ II. Всего этого совершенно достаточно, чтобы никоимъ образомъ не счесть, что Миѳридатъ II и Котисъ I были братьями. Вся ихъ борьба, политическими интригами и силой оружія, была враждой не родныхъ братьевъ, а послѣднимъ эпизодомъ вѣковой борьбы за власть Ахеменидовичей, Зеноновичей и Асандровичей. Одолѣли послѣдніе. Отсюда получается и иное объясненіе болѣе раннихъ событій.

Я думаю, что Асандръ, повидимому и ранѣе завладѣнія боспорскимъ престоломъ имѣвшій какія-то на него притязанія, закрѣпилъ ихъ бракомъ съ Динаміей, а такъ какъ ему тогда было шестьдесятъ пять лѣтъ, то совершенно невѣроятно, чтобы онъ много ранѣе не имѣлъ уже жены и отъ нея дѣтей [2]). Съ другой стороны, столь поздній бракъ позволяетъ думать, что у него отъ Динаміи не было вовсе дѣтей, по причинѣ большой разницы въ возрастѣ супруговъ. Эта физіологическая вѣроятность становится совершенно достовѣрной, если обратить вниманіе на все извѣстное о Динаміи. Какія-то права на боспорскій престолъ за нею признавали всѣ, такъ что по смерти Асандра она становится самовластной царицей (ея золотой 281 г.). Чтобы узаконить свою авантюру, на ней спѣшитъ жениться Скрибоній, дѣйствующій, однако, хотя и ложно, именемъ Римлянъ; Полемонъ I,

---

[1]) Надписи Миѳридата II и Котиса I, для сравненія именъ: *Latyschew*, *Inscript.*, II, № 400 (конечно, Миѳридата II); *Его-же*, *Inscript.*, IV, № 203–204.

[2]) Такому предположенію только что нашлось и подтвержденіе. Нѣкая Гликарія супруга Асандра провела воду изъ родника. Надпись объ этомъ и доводы того, что рѣчь идетъ объ Асандрѣ, впослѣдствіи архонтѣ и царѣ: *Шкорпилъ и Ростовцевъ*, *Эпиграмма изъ Эль-Тегеня*, отд. отт. изъ *Изв. Арх. Ком.*

дѣйствительно поставленный послѣдними, дѣлаетъ тоже и, конечно его бракъ на пятидесятилѣтней женщинѣ есть дѣло политики, а не чувствъ. Какъ за свое избавленіе отъ Скрибонія, такъ и за устройство ея судьбы съ Полемономъ, Динамія усердно благодаритъ Августа и Ливію. Все это доказываетъ, что права Динаміи были не особенно велики и едва-ли по одному отцу Фарнаку, вѣрнѣе, что она ихъ получила и по мужу Асандру. Существованіе дѣтей у нея нигдѣ не указывается, но если-бы они были, то во всѣхъ этихъ передрягахъ не могли-бы оставаться никѣмъ не замѣченными и при нихъ не былобы погони за рукою Динаміи, которая не стала-бы носительницей царскихъ правъ, только бездѣтность дѣлала ее таковою. Вотъ почему Римляне, бывшіе долгіе годы въ добрыхъ отношеніяхъ съ Асандромъ, никого не обижая, не устраняя его прямыхъ наслѣдниковъ, которыхъ и не было, могли, устраивая судьбу Динаміи, поставить на Боспорѣ царемъ Полемона I, давая тѣмъ какъ-бы защитника и помощника старой, бездѣтной царицѣ, на которой обязали Полемона жениться. Отсюда слѣдуетъ, что Аспургъ-Рискупоридъ I, называемый въ надписи происходящимъ отъ Асандра[1]), конечно, не сынъ его, что совершенно невозможно, а внукъ или скорѣе даже правнукъ (Асандръ родился около 110 г. до Р. Х., Аспургъ около 10—5 г.), да и происходитъ онъ не отъ Динаміи, а отъ какой-то другой жены Асандра[2]). Такое происхожденіе дѣтей Асандра, родившихся ранѣе, чѣмъ онъ сталъ царемъ, вполнѣ объясняетъ почему никто изъ нихъ ему не наслѣдовалъ прямо и когда, наконецъ, послѣ долгаго ряда лѣтъ (около тридцати) Аспургъ добился престола, то онъ сталъ почитаться основателемъ царскаго дома; вотъ почему въ его честь и въ память принятаго имъ имени Рискупорида такъ много (около семи) послѣдующихъ боспорскихъ царей, до послѣдняго включительно, назывались этимъ именемъ. Такимъ образомъ, Аспургъ-Рискупоридъ I, его жена, царица HP, и дѣти, Котисъ I и Рискупоридъ II, составили начало дома Асандровичей-Аспурговичей, потомъ столь долго властвовавшаго на Боспорѣ. Даже допуская, что у Асандра были дѣти и отъ Динаміи нѣтъ основанія считать ихъ Ахеменидами ибо это было только по женской линіи. Во всякомъ случаѣ, потомки Асандра хвалились происхожденіемъ отъ него, а не отъ его жены, кто-бы она ни была.

Итакъ родъ Асандра вовсе не Ахемениды, но со смертью Динаміи не исчезли съ Боспора потомки послѣднихъ, что видно по Миридату II, ближайшее родство, котораго совершенно неизвѣстно. Выше доказано, что онъ не могъ происходить отъ Асандра съ Динаміей, да и такое происхожденіе по женской линіи едва-ли дало-бы ему много

---

[1]) *Латышевъ. ПONTIKA*, 109. *Его-же, Inscript.*, II, № 36.

[2]) Какъ теперь оказывается, вѣроятно, отъ Гликаріи.

правъ считаться потомкомъ Ахемена; такихъ потомковъ Миѳрадата VI Евпатора должно было быть очень много. Приходится думать, что на Боспорѣ кромѣ Динаміи были какіе-нибудь болѣе близкіе и прямые потомки Миѳрадата VI или Фарнака, отъ которыхъ и велъ свой родъ Миѳридатъ II. Быть можетъ онъ происходилъ отъ Миѳридата Пергамскаго, но, конечно, не могъ быть его сыномъ, какъ обмолвился Бурачковъ [1]), а былъ внукомъ или даже правнукомъ; это происхожденіе мнѣ кажется вѣроятнымъ и имъ можно объяснить снисходительность Римлянъ къ захвату престола потомкомъ царя назначеннаго самимъ Ю. Кесарѣмъ. Однако, также возможно, что онъ былъ внукомъ Дарія, сына Миѳрадата Евпатора, взятаго въ Римъ; это укажетъ мыслимость его сношеній съ Клавдіемъ, и благоволѣніе къ нему послѣдняго, какъ только онъ сталъ кесаремъ. Какъ-бы то ни было, но естественно предположить, что сама Динамія, а по ней и ея второй мужъ Полемонъ I, были ближе къ потомкамъ Миѳрадата VI, чѣмъ Асандра, съ которыми, что столь-же естественно, они находились во враждѣ, вѣроятно затаенной, прикрываемой до времени личиной отношеній свойства. Этимъ положеніемъ вещей объясняются и козни Полемона I, разгаданныя Аспургіанами, защитниками Асандровичей, и то что смерть Полемона I была явно дѣломъ случайнымъ, на почвѣ какихъ-то личныхъ счетовъ, но не поднимала общаго вопроса владычества Римлянъ и ихъ ставленниковъ на Боспорѣ. Такъ на это посмотрѣли и Римляне: они не прибѣгли къ какимъ-либо мѣрамъ укрощенія и подавленія, а ихъ любимица Пиѳодорида послѣ мужа наслѣдовала власть вездѣ, въ томъ числѣ и прежде всего на Боспорѣ; тамъ она была, тамъ и осталась. Возможно, что ея дѣтямъ дали опекуна Римлянина, какъ это вскорѣ послѣ того было сдѣлано для ея внуковъ ѳракійскихъ царевичей, вслѣдъ за смертью ихъ отца Котиса V [2]); указаніемъ на это является чеканъ золотой монеты, какъ то пояснится далѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ на Боспорѣ, вѣроятно, оставался римскій гарнизонъ или по римски организованная мѣстная милиція; черезъ полвѣка римскія войска и ихъ военачальники принимали самое видное участіе въ междуусобныхъ распряхъ боспорскихъ царей при Клавдіи [3]).

Выше приведенные доводы даютъ основаніе считать, что именно въ эту пору появилась на Боспорѣ и монета царей Ε и ⋀, а стало быть и самые цари. Предполагалось, что эти цари были изъ рода Ахеменидовъ, но ничѣмъ такое предположеніе не доказуется. Выше (стр. 23—25, 27—28) уже говорено, что типы монетъ этихъ царей не даютъ права сдѣлать такое заключеніе, а боспорская эра на одновременномъ

---

[1]) *Бурачковъ Общій Кат*, 246. Миѳридатъ Пергамской убитъ въ 47 г. до Р. Х., а Миѳридатъ II казненъ въ 68 г. по Р. Х.

[2]) *Тацитъ, Анналы*, III, 38.

[3]) *Тацитъ, Анналы*, XII, 15—17; *Ростовцевъ, Римск. гарниз. на Таир. полуостр*, 3, 6; *Его-же, Изв. Арх. Ком., вып.* 10, *стр.* 15.

золотѣ, приводимая какъ доказательство участія здѣсь рода Ахеменидовъ, также ничего не говоритъ, такъ какъ эта эра тогда стала на Боспорѣ вполнѣ привычной, своей, а вовсе не была принадлежностью только одного опредѣленнаго царскаго рода. Нѣсколькими годами позже, съ Рискупорида I, на боспорскомъ престолѣ водворилась династія Асандра-Аспурга, но эра осталась неизмѣнно таже хотя самъ Асандръ ея и не употреблялъ. Однако, происхожденіе царей Ε и ϒ отъ Ахеменидовъ возможно, хотя также возможно, что они были изъ рода Асандра. Во всякомъ случаѣ можно думать, что власть на Боспорѣ, территоріально или въ смыслѣ ея полноты, была раздѣлена между Пиѳодоридой и этими царями.

Конечно, наибольшее значеніе имѣла Пиѳодорида, и, судя потому что на Боспорѣ все было тихо въ эту пору, можно думать, что она, направляемая Римлянами, сумѣла примирить всѣ интересы и стала въ добрыя отношенія съ своими соправителями и свойственниками, загладивъ всѣ недоразумѣнія, со смертью мужа включительно. Правя Боспоромъ, она не забывала и Понта, такъ что въ эту пору въ особенности могли проникать на Боспоръ, съ разными посланцами, каппадокійскія монеты; тѣмъ-же путемъ заносились и соображенія о политическомъ бракѣ Пиѳодориды съ ея сосѣдомъ въ Понтѣ, старымъ царемъ Архелаемъ. Выйдя за него замужъ, Пиѳодорида переселилась къ нему на житье, какъ удостовѣряетъ Страбонъ [1]); понятно, что одновременно съ этимъ она покинула и личное управленіе на Боспорѣ. Къ сожалѣнію, время заключенія этого брака неизвѣстно. Кёне опредѣленно говоритъ, что это случилось черезъ шесть—семь лѣтъ послѣ смерти Полемона I, т. е. значитъ около 2—3 года до Р. Х., если считать смерть Полемона въ 9 г. до Р. Х.; такъ именно и показалъ Бурачковъ [2]). Но дѣло въ томъ, что Кёне смерть Полемона относитъ къ 1 г. до Р. Х. и въ такомъ случаѣ изъ его словъ получается, что бракъ Пиѳодориды съ Архелаемъ былъ въ 5—6 г. по Р. Х. [3]). Это показаніе довольно сходно съ приведенными выше соображеніями, подтверждая ихъ, но бѣда въ томъ, что сообщеніе Кёне о времени этого брака ни на чемъ не основано, даже ни на какихъ-либо соображеніяхъ. Во всякомъ случаѣ Пиѳодорида вышла замужъ за Архелая послѣ того какъ выдала свою дочь за царя Ѳракіи. Было высказано предположеніе. что бракъ Пиѳодориды съ Архелаемъ, соеди-

---

[1]) *Страбонъ, Географія*, XII, 3, 29.

[2]) *Кёне, Музей кн. Кочубея*, II, 177; *Бурачковъ, Общій кат., стр.* 192 (хронол. таблица).

[3]) Кёне, (*Муз. Коч.*, 174), по Эккелю (*Doctr. num.*, II, 369—370), относитъ смерть Полемена къ 1 г. до Р. Х., потому что надпись изъ Киме. упоминаетъ его имя, а эту надпись нельзя счесть новѣе этого года (*Böckh., Corp. Inscr.*, II. № 3524). Оказалось, что въ этой надписи указывается совсѣмъ другой Полемонъ, изъ той-же Лаодикеи (*Sallet, Beiträge, etc*, 35—36, 61; *Waddington, Sur la chron. des rois du Pont*, 438—9, *Rev. numism*, 1866) и потому всѣ эти соображенія не подтверждаются.

нившій слишкомъ много земель Малой Азіи въ однѣхъ рукахъ, показался опаснымъ Тиверію и повелъ къ гибели Архелая въ 17 году [1]), но это соображеніе едва-ли вѣроятно, потому что причина гнѣва Тиверія на Архелая совсѣмъ не та; она точно и согласно указана Тацитомъ и Діономъ, такъ что предполагать что-либо нѣтъ и надобности [2]). Къ тому-же такая догадка сомнительна и потому, что Пиѳодорида выходила за Архелая еще при Августѣ, конечно, не иначе какъ съ его одобренія. Значитъ можно лишь полагать, что замужество съ Архелаемъ и оставленіе Пиѳодоридой боспорскаго престола находятся въ причинной связи, хотя и нельзя сказать, что было слѣдствіемъ чего. Во всякомъ случаѣ, судъ надъ Архелаемъ и его гибель показываютъ, что вліяніе и значеніе Пиѳодориды въ эту пору были не велики и не могли спасти ея мужа. Впрочемъ сама она и у Тиверія не находилась на дурномъ счету и видимо не была въ опалѣ послѣ смерти второго мужа, такъ какъ осталась царицей въ Понтѣ, а на второй годъ по смерти Архелая и присоединенія Каппадокіи къ римской имперіи, ея младшій сынъ, Зенонъ былъ сдѣланъ царемъ Вел. Арменіи.

Однако, соображеніе о возможной подозрительности Римлянъ вѣроятно тѣмъ болѣе, что вліяніе Пиѳодориды стало чувствоваться и во Ѳракіи, при посредствѣ ея дочери; все это можетъ быть настолько повліяло на Пиѳодориду, или это ей было поставлено въ обязательство, что она сочла удобнымъ, выходя замужъ за Архелая, оставить Боспоръ добровольно, уступивъ свою въ немъ власть кому-либо изъ потомковъ Асандра, вѣроятно самому Аспургу, что и послужило причиной особенно добрыхъ отношеній къ Пиѳодоридѣ боспорской царской семьи, принявшей ради нея и ея родства ѳракійскія имена въ свой родъ.

Къ такому предположенію приводитъ обсужденіе всего вышеизложеннаго, но оно заключаетъ въ себѣ указаніе добрыхъ и благожелательныхъ отношеній между Пиѳодоридой и родомъ Асандра, защищаемомъ Аспургіанами, убившими Полемона I, мужа Пиѳодориды. Странность такого положенія видится потому, что намъ совсѣмъ неизвѣстны ни взаимныя отношенія Пиѳодориды съ Полемономъ (могли быть и не хороши), ни степень участія рода Асандра въ враждебныхъ дѣйствіяхъ Аспургіанъ (могли стоять въ сторонѣ), ни смыслъ и истинный характеръ этой вражды, ни мѣра политической необходимости для Пиѳодориды примириться, уйти съ Боспора, ни отношеніе ко всему этому Римлянъ, что было самымъ важнымъ. Такимъ образомъ, нѣтъ какихъ-либо основаній видѣть въ этомъ предположеніи внутреннее противорѣчіе существа вещей.

---

[1]) *Rayet et Thomas, Milet etc.*, 92.

[2]) *Тацитъ, Анналы*, II, 42; *Діонъ Кас.*, XLVII, 17.

Перебравшись въ Понтъ и Каппадокію, около 7—10 года, Пиѳодорида, вѣроятно, уступила Боспоръ условно, не отказалась вовсе отъ него и не переставала слѣдить за его участью и помогать ему въ чемъ могла. Такое положеніе сохранило за Пиѳодоридой право на престолъ впослѣдствіи ею переданное второму внуку (первый имѣлъ и свое царство по отцу—Ѳракію). Съ другой стороны это даетъ возможность предположить, что именно ея вліяніе помогло выхлопотать у Тиверія позволеніе Аспургу-Рискупориду I обозначать сокращеніе своего титула и имени не только на мѣди, но и на золотѣ съ 311 г. п. э. (15 по Р. Х.). Участіе въ правленіи она принимала и имѣла значеніе даже и во Ѳракіи, гдѣ сама ранѣе не имѣла никакихъ правъ, но гдѣ слѣдила за судьбой своихъ внуковъ. Изъ надписи 21 года по Р. Х., найденной въ развалинахъ Визіи, видно, что Пиѳодорида была тогда во Ѳракіи. Эта надпись, благодарственная божеству, поставлена какимъ-то крупнымъ чиновникомъ Гаемъ Юліемъ Прокломъ, за спасеніе Риметалка и Пиѳодориды во время войны съ Килолетами (ѳракійское племя). По мнѣнію Моммсена, основанному на Кизикскомъ декретѣ, дѣти Котиса V, внуки Пиѳодориды, Риметалкъ, Полемонъ и Котисъ, были въ ту пору при дворѣ Тиверія, какъ сотоварищи Гая Калигулы [1]), а потому Риметалкъ упоминаемый въ этой надписи есть сынъ Рискупорида III, ему и наслѣдовавшій въ сѣверной части Ѳракіи, благодаря тому, что противился замысламъ своего отца убившаго Котиса V [2]). Въ такомъ случаѣ можно думать, что этотъ Риметалкъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ дѣтьми Котиса V, своими двоюродными племянниками и ихъ бабушкой Пиѳодоридой, но все-же это не объяснитъ зачѣмъ была сама Пиѳодорида во Ѳракіи въ отсутствіе своихъ внуковъ. Однако, кизикская надпись не опредѣляетъ точно времени пребыванія при дворѣ Тиверія дѣтей Котиса V, а потому возможно думать, что Риметалкъ надписи Г. Ю. Прокла былъ самъ старшій внукъ Пиѳодориды, который вмѣстѣ съ братьями въ то время, могъ находиться не въ Римѣ, а во Ѳракіи, какъ малолѣтній, подъ опекой Требоніана Руфа [3]); къ нему съ братьями и пріѣзжала бабушка, что совершенно естественно и понятно. По крайней мѣрѣ, немного ранѣе, около 18-го года, Страбонъ писалъ, что старшій изъ дѣтей Котиса V правилъ Ѳракіей, и въ полномъ съ нимъ согласіи, нѣсколько позже надписи, въ 23-мъ году, Тацитъ указываетъ, что и тогда Ѳракіей управляли Риметалкъ (сынъ Рискупорида III) и дѣти Котиса [4]). Можно думать, что Пиѳодорида, не испугавшись военныхъ обстоятельствъ, пріѣзжала во Ѳракію защищать не только достояніе своихъ внуковъ, но и ихъ самихъ, а такъ какъ ихъ мать, Антонія—Трифена,

---

[1]) *Mommsen*, *Reges Thracie etc.*, *Ephem. epigraph.*, II, 256.
[2]) *Тацитъ*, *Анналы*, II, 67.
[3]) Такъ думаютъ г.г. *Rayet et Thomas*, *Milet*, *etc.* 95.
[4]) *Тацитъ*, *Анналы*, III, 31, 38, IV, 5.

была въ живыхъ, то указаніе не ее, а Пиѳодориды показываетъ большее значеніе и вліяніе послѣдней. Въ сотоварищи Гая, мнѣ кажется, ѳракійскіе царевичи попали гораздо позже, вѣроятно послѣ смерти своей бабки Пиѳодориды, послѣдовавшей вскорѣ послѣ 28-го года, когда старшему изъ нихъ, достигавшему совершеннолѣтія, приходилось предоставить въ личное управленіе южную часть Ѳракіи, а среднему, Полемону, послѣ бабки, Понтъ. Вѣроятно, всего этого не желали Римляне и привлеченіе царевичей въ сотоварищи Гаю являлось въ такомъ случаѣ благовиднымъ предлогомъ для удаленія ихъ изъ Ѳракіи и Понта. Иначе нечѣмъ объяснить почему только Калигула далъ имъ всѣмъ престолы и даже старшему Ѳракію и зачѣмъ это понадобилось для послѣдняго, когда онъ уже давно достигъ совершеннолѣтія и еще съ дѣтства признавался ея царемъ. Ясно, что назначеніе царствъ въ этомъ случаѣ было скорѣе позволеніемъ управлять ими и не только выраженіемъ пріязни Гая къ своимъ сотоварищамъ и наградой имъ, но и какъ-бы возстановленіемъ справедливости нарушенной Тиверіемъ, чѣмъ Гай не прочь былъ похвалиться[1]).

---

[1]) Были даны: Ринеталку (III)—южная Ѳракія; Полемону (II) –наслѣдіе его дѣда (Пиѳодориды тогда безъ сомнѣнія уже давно не было въ живыхъ); Котису—Малая Армена; (*Діонъ Кас.*, LIX, 12; доля Полемона здѣсь названа царствомъ его отцовъ, но онъ самъ, по ошибкѣ, названъ сыномъ Полемона I, а не внукомъ).

Этихъ трехъ братьевъ въ эту пору часто считаютъ дѣтьми, напр. Ваддингтонъ (*Sur la chron. des rois du Pont*, 117, II *série*) полагаетъ (объ этомъ говорено выше, стр. 55), что Полемону тогда было не болѣе пятнадцати лѣтъ, но такой мальчикъ не могъ попасть въ сверстники и совоспитанники двадцатипятилѣтнему Калигулѣ. Дѣло стоитъ иначе и хотя точные года рожденій братьевъ неизвѣстны, но обративъ вниманіе на физическую возможность (ихъ отецъ убитъ въ 16 году) можно, приблизительно, полагать, что въ 38 году старшему Ринеталку, было около двадцати восеми лѣтъ, среднему, Полемону, около двадцати пяти, и младшему Котису, около двадцати трехъ. Понятно, что въ такомъ случаѣ они и по годамъ были сверстниками Гая, которому тогда было двадцать пять лѣтъ.

Время ихъ назначенія царями указывается различно, между 37 и 39 годами. Болѣе точное опредѣленіе этого времени имѣетъ значеніе во многихъ случаяхъ, почему представлю по этому вопросу нѣкоторыя соображенія. Историческихъ свидѣтельствъ не имѣется; Діонъ, говорящій объ этомъ назначеніи престоловъ (LIX. 17) точнаго времени не даетъ; полагаютъ, что онъ это событіе относитъ къ 39 году, но говоритъ о немъ послѣ упоминанія о смерти Ю. Друзиллы, случившейся въ концѣ іюля 38 года (*Waddington, Fastes. des prov. asiatiques*, 123); значитъ можно думать, что это назначеніе послѣдовало еще и въ 38 году. Выводы основанные на монетахъ Полемона II будутъ надежнѣе, хотя и здѣсь получаются нѣкоторыя разногласія требующія поясненій. Всѣ разсужденія по этимъ монетамъ въ данномъ вопросѣ основаны на сходствѣ изображеній, а выше говорено (стр. 54—55 и 56) до какой степени въ этихъ монетахъ мало придавали значенія сходству. Однако, не трудно примѣтить, что не гонясь за сходствомъ все же съ перемѣной правящаго лица мѣняли изображеніе, чего и достаточно въ настоящемъ случаѣ.

Корпусъ монетъ Малой Азіи, недавно начавшій издаваться (*Babelon et Reinach, Rec. génér. des mon. gr. d'Asie*, 22—25)—даетъ сводку, хотя не полную, монетъ Полемона II въ томъ числѣ съ годами его царствованія и изображеніями римскихъ кесарей и ихъ близкихъ. Идя по времени, прежде всего представляется драхма 3-го года, съ изображеніемъ Калигулы. но авторы сомнѣваются въ точности года прочтеннаго на единст-

Дальнѣйшее теченіе дѣлъ на Боспорѣ расмотрѣно во всѣхъ сомнительныхъ частяхъ выше, а потому напомню сдѣланные выводы вкратцѣ. Оставшись одинъ на Боспорѣ, послѣ Пиѳодориды и царей Ε и Ϻ, Аспургъ-Рискуноридъ I сумѣлъ продержаться довольно долго и стать родоначальникомъ династіи. Умеръ онъ не старымъ въ концѣ лѣта 38-го года (334 г. п. э.), какъ показано здѣсь въ примѣчаніи, оставивъ двоихъ сыновей, за малолѣтствомъ которыхъ правительницей стала его жена, царица ΗΡ. Такая слабость представителей царствующей династіи Асандра-Аспурга и растерянность въ ту пору самихъ

вѣномъ извѣстномъ экземплярѣ и г. Рейнакъ думаетъ, что число этого года, повидимому, должно читаться какъ 23, а стало быть въ портретѣ императора прійдется видѣть Нерона, (*Reinach, Quelques ères pontiques*, 145 — 147; *Hist. par les mon.* У Бурачкова, табл. XXV, № 56, показанъ иной варіантъ драхмы Полемона съ 3-мъ годомъ, но и здѣсь непремѣнно ошибка, такъ какъ буквы, хотя и полустерты, но читаются довольно ясно, какъ ΚΓ (23, въ поправкахъ каталога Бурачкова эта цифра, по опискѣ показана какъ ΚΙ— т. е. явно невозможной); изображеніе кесаря здѣсь тоже довольно сходно съ Нерономъ и вовсе не похоже на Калигулу. Изображеніе Полемона II мальчикомъ, на этой мнимой монетѣ 3-го года совершенно такое же какъ и на монетѣ 23-го года (см. *Sibirsky Catal. des méd. du Bosp.*, *pl.* XI, № 19). Монеты Полемона II обыкновенны и однако между ними до сихъ поръ не встрѣчались съ годами ранѣе 12-го, что трудно объяснить однимъ нахожденіемъ ихъ; можетъ быть ранѣе чеканились тѣ монеты Полемона и Антоніи-Трифены, его матери, на которыхъ нѣтъ указанія на года правленія, а можетъ быть Полемону ранѣе и вовсе не разрѣшали чеканить монету. Эти соображенія также говорятъ противъ монеты съ 3-мъ годомъ, но допуская таковую и зная, что Гай умеръ 24-го января 41 г., третій годъ правленія Полемона II не могъ начаться позже 24-го января 39 года; понятно, что онъ не могъ начинаться и ранѣе начала правленія Калигулы, т. е. 16-го марта 37 года. Если принять во вниманіе, что годъ всякой новой эры считался съ начала обычнаго гражданскаго года, хотя бы событіе давшее поводъ къ введенію новой эры случилось и въ концѣ года (*Hill, A handbook of greek and roman coins*, 202—203), то по драхмѣ 3-го года слѣдуетъ, что счетъ годовъ правленія Полемона могъ начинаться съ осени 36, 37 или 38 годовъ, полагая осенью начало гражданскаго года, т. е. вопросъ этой монетой не выясняется.

Помимо этой сомнительной монеты, извѣстны и другія драхмы Полемона, могущія служить въ настоящемъ случаѣ. Изъ нихъ, на сколько пока извѣстно, наиболѣе раннія имѣютъ изображенія Клавдія и Агриппины раздѣльно. Первыя ничего сказать не могутъ, вторыя, не могли чеканиться ранѣе брака — Агриппины съ Клавдіемъ, 1-го января 49-го года, но позже могли и значитъ опредѣленности нѣтъ и здѣсь. Однако, я думаю можно безъ ошибки сказать, что помѣщеніе изображеній на монетѣ такой льстивый знакъ почтенія, который спѣшили примѣнить, какъ только къ тому представлялся случай, т. е. въ первый же годъ событія; слѣдующій примѣръ будетъ въ этомъ смыслѣ особенно доказателенъ. Если такъ, то очевидно что 12-й годъ правленія Полемона начинался съ осени 48 года, а значитъ его первый годъ съ осени 37-го. Выше (стр. 55) уже замѣчено, что на всѣхъ монетахъ Полемона на мѣстѣ Агриппины слѣдовало-бы видѣть изображеніе Антоніи-Трифены, его матери, такъ что и эта монета для опредѣленія начала правленія сомнительна.

Въ слѣдующемъ, 13-мъ году правленія, извѣстны драхмы съ изображеніями Клавдія и мальчика Нерона, представленнаго вмѣстѣ съ Клавдіемъ на одномъ оборотѣ монеты, явно тѣмъ указывая на только что сдѣланное усыновленіе Нерона. Таковое произошло въ началѣ 50-го года и слѣдовательно, примѣняя тоже разсужденіе, что и для Агриппины получится счетъ начала правленія Полемона и здѣсь съ осени 37-го года. Поспѣшность

Римлянъ, дали поводъ повести интригу при дворѣ Калигулы въ пользу Зенонидовъ, изъ коихъ Полемонъ II и получилъ назначеніе на престолъ Понта и Боспора. Послѣдній, впрочемъ, ему пришлось числить за собой только номинально; онъ ничѣмъ тамъ не владѣлъ и даже туда не добрался, а потому и никакихъ слѣдовъ тамъ не оставилъ. Гораздо опаснѣе дому Асандра-Аспурга оказался потомокъ третьяго царствовавшаго рода Ахеменидовъ, скорый на руку и рѣшительный, устранившій царицу HP и ся дѣтей и захватившій престолъ безъ римскаго позволенія. Миѳридатъ II явился совершено самостоятельнымъ

съ которой изображенъ сынъ Агриппины, усыновленный Клавдіемъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, даютъ поводъ предположить, что именно возвышеніе Агриппины имѣло какое либо особое значеніе для Полемона. Можетъ быть благодаря Агриппинѣ ему разрѣшили чеканъ монеты, на которой онъ и поспѣшилъ представить близкихъ къ этому событію лицъ. Полемонъ, въ бытность сотоварищемъ юности Калигулы, вѣроятно, былъ въ хорошихъ и, быть можетъ, даже близкихъ отношеніяхъ съ сестрой послѣдняго Агриппиной, а потому и воспользовался ея возвышеніемъ.

Въ 17 году правленія Полемона биты драхмы съ изображеніями, и Клавдія, и Нерона (раздѣльно), изъ чего должно заключить, что эти драхмы послѣдняго года жизни Клавдія, умершаго 13-го октября 54 года, и перваго года правленія Нерона. Въ такомъ случаѣ 17-ый годъ правленія Полемона начинался съ осени 54 года, а первый годъ, по такимъ же какъ выше расчетамъ, долженъ былъ начинаться съ осени 38-го года. По такимъ драхмамъ уже опредѣляли эру Полемона II. Г. Имгофъ-Блюммеръ (*Zur Münzk. d. Pontos*, *Zeitschr. f. Num*, XX; 268—9) указалъ ея начало въ 37-мъ году, но это ариѳметическая обмолвка; г. Рейнакъ (*Quelques ères Pont.*, 147) правильно сосчиталъ 38-ой. Однако этотъ подсчетъ противорѣчитъ, какъ вышеприведеннымъ примѣрамъ, такъ и дальнѣйшимъ, тоже основаннымъ на монетахъ Полемона II. Очевидно, что здѣсь необходимы толкованія и поправки. Во первыхъ можно бы думать, что драхмы 17-го года, съ изображеніемъ Нерона, чеканены еще при жизни Клавдія въ послѣдній его годъ, до осени 54 года, изъ особой угодливости къ Агриппинѣ и тогда начало правленія будетъ, какъ и выше, съ осени 37-го года. Вѣроятнѣе иное объясненіе. Понтійская эра начинала годъ съ осени, считая такъ и приходится въ настоящемъ примѣрѣ первый годъ начинать съ осени 38-го года, (351 г. и. э.), иначе правленіе Клавдія и Нерона не попадутъ на ея одинъ годъ, но чего именно держался Полемонъ II неизвѣстно. Близкія и старинныя связи Понта съ Каппадокіей, прямое и недавнее пребываніе тамъ Миѳодориды, царицы Понта и бабки Полемона II, позволяютъ думать, что у нихъ и начало года было каппадокійское; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что почему-то никто изъ нихъ не хотѣлъ употреблять эру Понта. Миѳодорида обозначала эру своего мужа Полемона I (37—36 г. до Р. Х.), которому была обязана царствомъ въ Понтѣ; Полемонъ II писалъ года своего правленія, а не какой-либо эры, тоже по каппадокійскому давнему и постоянному обычаю. Впрочемъ, эра Понта была въ немъ принадлежностью Ахеменидовъ, а не страны. Принимая въ соображеніе, что каппадокійскій годъ начинался съ 12-го декабря (*Daremb. et Saglio*, *Calendrier*, 832; *Belley*, *Mém. sur. Pythod.*, 78), драхмы 17-го года съ изображеніемъ Нерона, какъ императора, могли чеканиться послѣ смерти Клавдія, съ конца октября до начала декабря 54-го года, и все таки еще были того же года, который начинался съ декабря 53-го года и былъ 17-мъ Полемона II; отсюда слѣдуетъ, что и по этимъ драхмамъ, первый годъ правленія Полемона начинался въ 37-мъ году, но не съ осени, а съ декабря, съ зимы.

Отъ 18-го года извѣстна драхма съ изображеніемъ Британника, умершаго 18-го февраля 55 года, слѣдовательно этотъ годъ правленія начинался не позднѣе конца 54-го года (и здѣсь также первый годъ значенія Британника сказался на монетѣ), а въ такомъ

правителемъ и былъ вскорости признанъ Римлянами, возмѣстившими Полемону въ Киликіи недополученную имъ власть на Боспорѣ. Но, нашлись защитники и у дѣтей Аспурга; они не примирились съ совершившимся, сумѣли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ возбудить подозрительность Римлянъ и съ ихъ помощью востановили въ лицѣ Котиса I, и уже окончательно, родъ Асандра-Аспурга на Боспорѣ. Котису I наслѣдовалъ его братъ Рискупоридъ II, въ половинѣ правленія котораго кончился періодъ прикровеннаго чекана монетъ, разсмотрѣный здѣсь.

Далѣе въ длинной вереницѣ боспорскихъ царей, были-ли они подлинные или названные, до конца царства въ IV вѣкѣ по Р. Х., всѣ считали себя одного и того-же рода Асандра-Аспурга, съ нѣкоторой лишь примѣсью чужеземныхъ властителей, да и то въ самомъ концѣ.

случаѣ первый годъ Полемона долженъ начинаться опять таки съ конца 37-го года. Съ изображеніемъ Британника показываютъ и 19-ый годъ (*Babelon et Reinach, Rec. génér.*, 25), но это несомнѣнная ошибка. хотя и не могу указать въ чемъ именно, не видѣвъ подлинной монеты. Чтобы этотъ годъ не вышелъ за предѣлы жизни Британника, первый годъ Полемона приходилось бы считать съ конца 36-го года, что противорѣчитъ всему изложенному. Остальные извѣстные годы монетъ Полемона II не даютъ возможности сдѣлать какое-либо заключеніе

Итакъ, изъ всего сказаннаго видно, что по всѣмъ монетамъ начало счета правленія Полемона II относится къ зимѣ 37-го. Значитъ и его назначеніе послѣдовало въ теченіе 38-го (334 г. н э.). Это заключеніе совершенно точно соотвѣтствуетъ выше указаной перемѣнѣ правленія на Боспорѣ; царю при которомъ на золотѣ изображали ΒΑΡ наслѣдовала царица писавшая ΒΡ и по золотымъ (имѣются 334 г. обоихъ) мы видимъ, что это случилось позже октября 334 (37-го) и ранѣе октября 335 года (38-го по Р. Х.). Понятно, что Гай всего скорѣе долженъ бы былъ выразить щедрость и милость къ своимъ сотоварищамъ, если дѣло было только въ этомъ, назначивъ имъ царства въ самомъ началѣ своего правленія, весной 37-го года, но тогда Боспоръ былъ еще занятъ давно тамъ правившимъ царемъ Р (искупоридомъ); какъ только получилось извѣстіе о его смерти, послѣдовавшей позже конца 37-го года и ранѣе осени 38-го года, Гай отдалъ Понтъ и Боспоръ, какъ дѣдовское наслѣдіе, Полемону II. Сопоставляя порядокъ показаній Діона о смерти Друзиллы и назначеніи престоловъ съ сказаннымъ выше, можно время смерти Аспурга-Рискупорида I опредѣлить точнѣе, между іюлемъ и сентябремъ 334-го, 38-го года. Дѣдовскимъ это наслѣдіе выходитъ только по матери, да и то исключая старшаго брата, такъ что въ существѣ Полемонъ получилъ престолъ главнымъ образомъ благодаря своей близости къ Гаю и дворцовой интригѣ. Боспоръ, однако, оказался занятымъ на мѣстѣ прямыми наслѣдниками, царицей НР съ сыновьями, и Полемонъ имъ не владѣлъ, и даже никогда тамъ не былъ, а лишь получилъ за него нѣкоторое возмѣщеніе въ Киликіи, да и то впослѣдствіи.

О томъ-же вопросѣ, времени назначенія царствъ ераклійскимъ царевичамъ, вышеуказаннымъ, также говорятъ: *Sallet, Beiträge z. geschichte d. Könige d. Cim. Bosp.*, 73 и далѣе; *Mommsen, Reges Thraciae etc, Ephem. epigr.*, II, 259: *Оръшниковъ, Пиводорида и ея родъ*, 16, отд. отт. *Извѣст. Тавр. Уч. Архивн. Коммисс.*, № 34.

Такимъ образомъ, отъ второй династіи Ахеменидовъ, установленной Кёне [1]), для всего длиннаго періода въ три съ половиной вѣка, остается лишь одинъ случайно правившій Миѳридатъ II. Опредѣленіе Кёне основывалось единственно на утвержденіи братства Миѳридата II съ Котисомъ I, находимаго въ показаніяхъ Тацита о событіяхъ на Боспорѣ во время Клавдія; изъ этихъ показаній всѣ точно опредѣлившіяся иными памятниками оказались ошибочными, таково-же и утвержденіе упомянутаго братства. Цѣлая серія нумизматическихъ и эпиграфическихъ памятниковъ согласно утверждаетъ непричастность боспорскихъ властителей этого времени къ Ахеменидамъ и для послѣднихъ истинно неимовѣрно и недопустимо было-бы принятіе варварскихъ фракійскихъ именъ въ ихъ знаменитый родъ; столь-же мало возможности и въ томъ, что члены этого славнѣйшаго рода забыли свое происхожденіе и стали вести родословіе отъ Геракла и Евмолпа, какъ-то дѣлали боспорскіе цари [2]). Объясненіе Моммсеномъ этого послѣдняго обстоятельства, состоящее въ томъ, что властители Боспора не смотря на свое ахеменидское родословіе считали себя греческими князьями и вели свое происхожденіе въ греческомъ духѣ, есть догадка, но не доказательство [3]). Все теченіе вещей, соотношеніе лицъ и ихъ дѣяній, принимаютъ точный и во всемъ согласуемый видъ, лишь только мы забудемъ обмолвку Тацита и родъ боспорскихъ царей будемъ вести не отъ Ахеменидовъ, а отъ Асандра-Аспурга, Рискупорида I, тожь.

Отъ 377 (80/81) года извѣстенъ золотой съ полной подписью титула и имени Рискупорида II, вокругъ его изображенія на лиц. сторонѣ монеты. Съ этой поры все золото на Боспорѣ становится совершенно нормальнаго вида и значенія, а поэтому выходитъ изъ намѣченныхъ предѣловъ статьи. На этомъ золотомъ 377 года, на оборотѣ, дано превосходное изображеніе Домиціана (рис. 87), а такъ какъ его правленіе началось лишь 13-го сентября этого же года (834 Рима, 81 по Р. Х.), то до конца боспорскаго года оставалось не болѣе двухъ недѣль и однако, на Боспорѣ не только успѣли узнать о перемѣнѣ императора, но и вычеканили золотой съ изображеніемъ новаго. Это хорошій образчикъ быстроты, съ которой распространялись тогда важныя государственныя новости и чеканилась монета. Узнать о перемѣнѣ Боспорцы успѣли, но едва ли вѣроятно, чтобы Домиціанъ тутъ жи вспомнилъ о нихъ и далъ имъ позволеніе чеканить золотые съ полною подписью царя; приходится думать, что разрѣшеніе на это было дано еще Титомъ, что рѣшится точно, когда будутъ найдены золотые выбитые въ его правленіе, изъ коихъ ни одинъ еще неизвѣстенъ (могутъ быть 375, 376 и 377 годовъ). Впрочемъ, возможно пред-

---

[1]) *Кёне, Муз. Кочубея*, II, 153, 208.
[2]) *Latyschev, Inscr.* II. № 41.
[3]) *Моммсенъ, Римская Истор.*, V, 284.

положить, что на Боспорѣ рѣшились и безъ позволенія бить совершенную монету, воспользовавшись не опредѣленностью положенія въ дни перемѣны императора.

Разсмотрѣніе сокращеній и монограммъ, возможнаго заимствованія и въ особенности переноса ѳракійскихъ именъ въ одинъ изъ царствовавшихъ домовъ на Боспорѣ, увлекли меня въ сторону отъ чисто монетнаго вопроса и привели къ указанію соотношеній разныхъ стоявшихъ у власти лицъ и въ особенности значенія и дѣятельности Пиѳодориды. Извиненіемъ можетъ послужить то, что ея жизнь тѣсно связана съ царями Ε, ϒ и Ρ и лицами чеканившими золотые второй группы, и что всякое будущее открытіе, уясняющее какую либо сторону жизни Пиѳодориды будетъ несомнѣнно содѣйствовать рѣшенію вопроса объ этихъ лицахъ, такъ какъ эти объ историческія загадки однородны по времени, мѣсту и взаимной связи.

Сдѣланныя выше описанія монетъ даютъ о нихъ достаточное представленіе, но не совсѣмъ полное особенно для золота, у котораго слѣдуетъ еще выяснить нѣкоторыя стороны, внѣшнія и внутреннія. Изъ числа первыхъ еще не упомянуто о диферентахъ, а есть и таковые. О ихъ значеніи, какъ на золотѣ такъ и на мѣди всего римскаго времени на Боспорѣ, а въ томъ числѣ и разсматриваемыхъ здѣсь монетъ, дано мною подробное изслѣдованіе, повторять которое излишне [1]). Должно лишь указать, что буквенные диференты на мѣди всѣ оказались имѣющими численное значеніе цѣнности, а въ томъ числѣ также и на монетахъ царей Ε и ϒ, у которыхъ эта цѣнность дана халками, а въ послѣдующихъ монетахъ асами и ихъ долями. Сравненіе всѣхъ этихъ обозначеній привело къ тому же выводу, что и данный выше, на основѣ многихъ иныхъ соображеній: монеты этихъ неизвѣстныхъ царей чеканились послѣ Асандра, въ переходное время до Аспурга-Рискупорида I, т. е. соотвѣтствующее золоту второй группы.

Внутренніе признаки для золота второй и третьей группъ имѣютъ большое значеніе, о нихъ должно указать слѣдующее. По виду все это золото очень хорошаго качества и его проба, конечно, весьма высока, ни малѣйшей разницы въ этомъ смыслѣ нельзя примѣтить въ этихъ золотыхъ на всемъ протяженіи ихъ чекана, отъ 9-го до Р. Х., по 80 по Р. Х. Разумѣется, что здѣсь одна наглядность не можетъ рѣшить вопроса, а химическихъ анализовъ до сихъ поръ не дѣлалось для этого времени, да и вообще въ сколько нибудь замѣтномъ и послѣдовательномъ размѣрѣ. Такая работа подробно и тщательно произведенная, была бы въ особенности желательна и важна именно для Боспора, гдѣ медленная, но продолжительная, постепенная порча золотой монеты, на протяженіи вѣковъ, приведшая отъ великолѣпнаго

---

[1]) *Диференты на боспорскихъ царскихъ монетахъ римскаго времени. Нумизматич. Сборникъ* т. I.

золота къ скверной мѣди, лежала въ основѣ государственнаго управленія, по примѣру, впрочемъ, Римлянъ [1]).

Наиболѣе существенное свойство монеты, ея вѣсъ. Для разсматриваемыхъ группъ онъ будетъ нагляднѣе, если вспомнить вѣса золота издавна чеканеннаго на Боспорѣ. Здѣсь съ половины IV вѣка чеканилось городское золото по эгинской системѣ, средн. вѣсомъ 9,096 гр., девятиобольные номиналы; вслѣдъ затѣмъ, въ концѣ того же вѣка, перешли на аттическую систему, по которой чеканили городское, а вскорѣ и царское золото, статеры аѳинской системы. По этой послѣдней системѣ вначалѣ вѣсъ статера былъ въ 8,51 гр., но постепенно его стали понижать, какъ и вездѣ [2]); во II вѣкѣ эти статеры были около 8,30 гр., (судя приблизительно, по малому числу статер. Перисадовъ), а Миѳрадатъ Евпаторъ давалъ имъ 8,35 гр. Фарнак понизил вес до ~~(не на Боспорѣ, конечно, но и для него) всего~~ 8,14 гр., но далѣе пониженіе не пошло ~~Фарнакъ удержалъ точно тотъ же вѣсъ~~ и даже въ первую половину правленія

---

[1]) Давно предполагалъ заняться такимъ изслѣдованіемъ, все для него подготовивъ: извѣстный профессоръ химіи обѣщалъ свое содѣйствіе; владѣлецъ крупнѣйшей коллекціи предоставлялъ монеты; мнѣ принадлежащія, разумѣется, были на той же чредѣ. Болѣзнь выбила меня изъ колеи и едвали удастся исполнить задуманное, но полагаю небезполезнымъ кратко указать выработанный планъ изслѣдованія; можетъ быть кто либо его выполнитъ.

Изъ всѣхъ боспорскихъ, царскихъ золотыхъ или выдаваемыхъ за таковые, полагалось отобрать по одному, а если можно то и болѣе, на каждое пятилѣтіе. Всѣ отобранные монеты подвергаются подробнѣйшему изслѣдованію въ такомъ порядкѣ: 1) Тщательно взвѣшиваются, съ точностью до десятыхъ миллиграмма (четырехъ десятичныхъ цифръ); 2) Опредѣляется удѣльный вѣсъ монеты; 3) По немъ, теоретически, вычисляется содержаніе золота и серебра; 4) Тщательно, нѣсколько разъ, опредѣляется содержаніе золота по способу пробирнаго камня, какъ въ готовыхъ золотыхъ вещахъ; 5) Отрѣзывается кусочекъ монеты въ самомъ незамѣтномъ и неважномъ мѣстѣ, вѣсомъ около полуграмма и подвергается точному химическому анализу. Кромѣ того, нѣкоторыя изъ отобранныхъ монетъ подвергаются вырѣзыванію частей изъ разныхъ мѣстъ кружка и каждой изъ такихъ частей дѣлается химическій анализъ. Остающіяся части этихъ монетъ также подвергаются химическому анализу, чѣмъ и опредѣляется составныя части даннаго кружка монеты, цѣликомъ и въ его отдѣльныхъ мѣстахъ.

Изъ всего этого можно получить самые разнообразные и важные выводы, не только для изслѣдуемой серіи, но и вообще; напр. сравненіе между собой выводовъ изъ §§ 2. 4 и 5 дастъ возможность опредѣлять составъ монетъ безъ малѣйшей ихъ порчи, способами §§ 2, 3 и 4, вводя въ нихъ поправки неизбѣжныхъ и крупныхъ погрѣшностей, сообразно съ § 5, особенно его послѣдними анализами.

Такое изслѣдованіе, не только въ точности опредѣлитъ дѣйствительный смыслъ и значеніе боспорскаго золота, что можетъ быть и не стоитъ такой работы, но и дастъ нумизматамъ легкіе способы для сужденія о всякой золотой монетѣ древнихъ, не прибѣгая къ сложнымъ пріемамъ портящимъ ее. Лишь послѣ такихъ работъ пріобрѣтетъ надлежащее значеніе наиболѣе существенная сторона монеты—ея вѣсъ. Для задуманной работы не можетъ быть лучше боспорской серіи, столь непрерывно-обильной въ теченіи трехъ-четырехъ вѣковъ, постепенно мѣняющей составъ металла въ самыхъ широкихъ предѣлахъ и обозначенной точнымъ годомъ.

[2]) *Относит. стоим. монетн. мет. на Босп.*, 33, 51 (отд. отт.); *Нумизм. Сборн.* т. I.

Асандра его соблюдали въ точности (изъ 10 экз.). Затѣмъ, мы видимъ у Асандра и Динаміи сразу значительно пониженный вѣсъ, до 8,03 гр. (изъ 27 экземпл.); это началось между 36 — 33 годами до Р. Х., и, по смыслу всего политическаго положенія вещей, очевидно, было сдѣлано подъ вліяніемъ Рима, въ сферу котораго вошелъ Боспоръ; такимъ образомъ, уже тогда была введена на Боспорѣ римская система и мѣстные золотые вынуждены были равняться по римскимъ авреусамъ [1]); съ этихъ поръ ихъ не должно называть статерами. Черезъ нѣсколько лѣтъ (7—8) послѣ Асандра начался чеканъ разсматриваемаго здѣсь золота второй группы; его вѣсъ, слѣдуя за Римомъ, оказывается еще ниже, а именно; съ 9 до Р. Х. по 14 по Р. Х. (289 — 311 п. эры), время правленія Августа и неизвѣстныхъ монограммъ на Боспорѣ, средній вѣсъ 7,91 гр. [2]); въ 14 — 39 (311 — 336), правленіе Тиверія, Рискупорида I и царицы HP, ср. вѣсъ 7,92 [3]); въ 39 — 41. (336 — 338), правленіе Калигулы и Миѳридата II, ср.. вѣсъ 7,88 [4]); въ 45 — 68 (342 — 368), правл. Клавдія — Нерона, и Котиса I, ср. вѣсъ 7,88 [5]); въ 68 — 77 (365 — 374), правл. Веспасіана и Рискупорида II, до начала чекана золота съ полнымъ именемъ и титуломъ, ср. вѣсъ 7,88 [6]). Средній вѣсъ всѣхъ вмѣстѣ будетъ 7,90, изъ 120 штукъ. Нельзя не примѣтить, что въ частости, по разнымъ правителямъ, этотъ чеканъ строго тщателенъ, его во вторую половину понизили въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, да и то скорѣе въ предѣлахъ небольшихъ ошибокъ современнаго расчета, зависящихъ отъ недостаточнаго числа извѣстныхъ экземпляровъ. Терпимость вѣса въ немъ менѣе 0,02.

---

[1]) Золото чеканенное въ Римѣ сенатомъ въ тоже время, послѣ смерти Ю. Кесаря и до 15-го года до Р. Х., даетъ строго тотъ же вѣсъ, 8,03 гр.; изъ 31 экз., 1 отброш. (*Mommsen, op. c.*, III. 21 примѣч).

[2]) 8,02 (Тер.); 7,99 (ВК.); 7,98 (Э.); 7,97 (Тер.) 7,96 (М.); 7,95 (М.); 7,95 (Э.); 7,95 (*Бр.*); 7,94 (ВК.); 7,93 (Э.); 7,92 (ВК.); 7.92 (ВК.); 7,92 (ВК.); 7,90 (Б.); 7,90 (Б.); 7,89 (У.); 7,89 (ВК.); 7,88 (ВК.); 7,85 (*П.*); 7,82 (К.); 7,80 (*Бр.*); 7,80 (М.); *7,53 (ВК.); *7,30 (К.); *7,27 (ВК.); *7,25 (Э.). Изъ 26 штукъ 4, отмѣченныя звѣздочкой отброшены за маловѣсность.

[3]) 8,02 (Э.); 8,00 (Тер.); 8,00 (К.); 8,00 (*МН.*); 7,98 (ВК.); 7,98 (ВК.); 7,98 (ВК.); 7,97 (Тер.); 7,97 (ВК.); 7,97 (ВК.); 7.96 (Б.); 7,96 (*Бр.*); 7,95 (Э.); 7,95 (ВК.); 7,94 (*Бр.*); 7,94 (*Бр.*) 7,94 (М.); 7,93 (*Бр.*); 7,93 (Тер.); 7,92 (Б.); 7,92 (ВК.); 7,92 (ВК.); 7,91 (*П.*); 7,91 (ВК.); 7,90 (Э.); 7,90 (Тер.); 7,90 (К.); 7.90 (М.); 7.90 (Тер.); 7,89 (ВК.); 7,89 (Э.); 7,88 (*Бр.*); 7,88 (*Бр.*); 7,88 (Э.); 7,87 (Э.); 7,86 (ВК.); 7,86 (Э.); 7,85 (Э.); 7,83 (ВК.); 7,80 (*Мн.*); 7,76 (*Бр*); *7,56 (Од.); *6,80 (*П.*); *6,71 (ВК). Изъ 44 штукъ, 3 отброшены.

[4]) 7,92 (ВК); 7,86 (ВК.); 7,86 (Тер.). Всего 3 штуки.

[5]) 7,96 (ВК.); 7,95 (У.); 7,95 (*В.*); 7,94 (ВК.); 7,94 (Э.); 7,94 (ВК.); 7,92 (*П.*); 7,92 (ВК.); 7,92 (*Бр.*); 7,92 (*Мн.*); 7,92 (Б.); 7,91 (ВК.); 7,91 (*Бр.*); 7,90 (*П.*); 7,90 (*П*); 7,89 (*Бр.*); 7,89 (*Бр.*); 7.89 (Э.); 7,88 (Э.); 7,88 (*Брл.*); 7,88 (Э.); 7.83 (*Бр.*); 7.87 (Э.); 7,86 (У.); 7,86 (ВК.); 7,86 (*Брл*); 7,85 (*Бр.*); 7,85 (*Пр.*); 7,85 (*Г.*); 7,85 (*Г.*); 7.85 (*Г.*); 7,84 (Тер.); 7,84 (Б.); 7,83 (ВК.); 7,82 (*Брл.*); 7,81 (Тер.); 7,80 (*Мн.*); 7,80 (Тер.); 7,79 (*Ф.*); 7,75 (КУ.) *7,03 (ВК.). Изъ 41 шт. 1 отбр.

[6]) 7,92 (ВК.); 7,88 (ВК.); 7,88 (М.); 7,88 (*П.*); 7,86 (ВК.); 7,85 (*Брл.*). Всего 6 шт. Объясненіе сокращеній въ началѣ описанія монетъ въ приложеніи.

Для надлежащаго представленія объ этомъ чеканѣ необходимо сравнить это золото съ современнымъ ему римскимъ. Здѣсь, однако, представилось, къ моему удивленію, не мало трудностей. Оказалось, что вопросъ о римскомъ золотѣ первыхъ императорскихъ временъ еще далекъ отъ точности и въ западной наукѣ; довольно сказать, что вѣсъ римскаго фунта, основа монетныхъ сужденій, главнымъ образомъ опредѣляется монетами, а вѣсовое значеніе послѣднихъ, ихъ отношеніе къ фунту, монетная стопа, устанавливается въ доляхъ того же фунта, безъ иныхъ твердыхъ основаній; этотъ ложный кругъ, какъ-бы не замѣчается. Подробно изслѣдовать этотъ вопросъ возможно лишь долгимъ осмотромъ и провѣркой всѣхъ большихъ собраній римскихъ монетъ, а это не по силамъ простому любителю и, конечно, должно быть сдѣлано на западѣ. Впрочемъ, возможныя ошибки не могутъ быть велики, а потому рѣшаюсь взять для сравненія средніе выводы давно данные В. Кэйпо[1]). Для наглядности все представляется въ сравнительной таблицѣ:

Римъ.		Боспоръ.	
Послѣ Ю. Кес. . . .	8,03	Асандръ, 2-я пол. ц. .	8,03
Августъ	7,79	Неизвѣст. моногр. . .	7,91
Тиверій	7,76	Рискупоридъ I . . .	7,92
Калигула	7,70	Миѳридатъ II	7,87
Клавдій	7,70		
Неронъ, начало . . .	7,63	Котисъ I	7,88
„ конецъ . .	7,25		
Веспасіанъ	7,30	Рискупоридъ II . . .	7,88

Глядя на эту таблицу мы видимъ съ несомнѣнностью, что начиная съ золота Асандра во вторую половину его правленія всѣ эти боспорскіе золотые, не что иное. какъ тѣже римскіе авреусы, съ тою лишь существенною разницей, что на Боспорѣ они чеканены безупречно. Въ теченіе восьмидесяти пяти лѣтъ, они точно одинаково выдерживаютъ ту монетную стопу, которая легально должна была быть въ Римѣ, но никогда его императорами не выполнялась. Такая монетная добросовѣстность тѣмъ примѣчательнѣе, что проявлялась подъ прямымъ вліяніемъ и показомъ такихъ убѣжденныхъ, исконныхъ фальшивомонетчиковъ, какъ Римляне, въ тоже самое время, изъ правленія въ правленіе, понижавшихъ вѣсъ своего золота. Невольно приходится задаться вопросомъ откуда взялась такая щепетильная, упорная стойкость на Боспорѣ и какъ тамъ могли выдержать чеканъ столь невыгодной монеты.

Первый вопросъ, по возможности, выяснится ниже, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ смысла всего этого чекана, а на второй можно пред-

---

[1]) *Vasquez Queipo. Essai sur les syst. metr., Tables*, 426 и далѣе.

ставить лишь соображенія. Уже и самые первые изъ этихъ боспорскихъ авреусовъ съ монограммами чеканены процента на полтора тяжеле римскихъ Августа; такой лажъ еще незначителенъ и дѣлался по общему правилу Римлянъ, позволять чеканить провинціальную монету не иначе, какъ сохраняя преимущество для римской [1]). Въ концѣ же этого почти вѣкового періода, передъ тѣмъ какъ боспорскіе цари начали писать свое полное имя съ титуломъ на золотѣ, оно было тяжеле римскаго уже на 8%, а эта величина весьма примѣтная и едва ли выносимая торговлею безъ противодѣйствія. Такой лажъ могли терпѣть, мнѣ кажется, только потому что это золото обращалось совсѣмъ въ иныхъ странахъ, куда римское не проникало и гдѣ слѣдовательно не было ни повода, ни возможности выбирать лучшую монету изъ обращенія. Не приводилось слышать, чтобы вокругъ Боспора, да и вообще въ Таврідѣ, находили авреусы первыхъ кесарей, и даже ихъ серебро, а тѣмъ болѣе мѣдь, также встрѣчаются крайне рѣдко. Очевидно, что политическое завладѣніе Римомъ странъ вокругъ Чернаго моря, не повлекло ихъ скораго торговаго проникновенія за его сѣверные берега и господства тамъ въ монетномъ смыслѣ; такимъ образомъ, вначалѣ, великолѣпное боспорское золото свободно распространялось въ Скиѳіи, на сѣверныхъ берегахъ Понта и въ предгорьяхъ Кавказа, не имѣя соперника.

Вышеописаннымъ подробно представлены, съ возможнымъ выясненіемъ сомнѣній, всѣ стороны монетнаго чекана на Боспорѣ, за то время, когда его монеты опредѣлялись постановкою монограммъ, безъ имени властителя. Теперь можно представить и общіе выводы, давъ объясненія существа этого чекана. Вспоминая все сказаное, монету этого почти вѣкового времени, можно представить въ таблицѣ, выражающей постепенное измѣненія ея главныхъ чертъ:

Золото.		Мѣдь.	
9 до Р. Х. — 13 по Р. Х.			
Изображ. . . .	Римляне	боги	Всякіе номиналы; счетъ халками.
Имя	сокращено	сокращено	
Титулъ . . .	никакого	сокращевъ	
14 — 38 по Р. Х.			
Изображ. . . .	Римляне	боги, Римл., царь на оборотѣ	Малые номин.; счетъ асами.
Имя	сокращено	сокращено	
Титулъ . . .	царск. сокращ.	царск. сокращ.	

[1]) Это хорошо указано, напр. *Lenormat*, *op. c.* II, 106 — 109.

38 — 45 по Р. Х.

Изображ. . .	Римляне	боги, царь на лиц. ст.	Малые номин.; счетъ асами.
Имя	царя полн.	царя полн.	
Титулъ . . .	царск. полн.	царск. полн.	

45 — 80 по Р. Х.

Изображ. . .	Римляне	боги, Римл., царь.	Всякіе номиналы; счетъ ассами
Имя	сокращено	сокр , косв. полн.	
Титулъ . . .	царск. сокращ.	царск. сокращ., косв. полн.	

80 — по кон. царства.

Изображ. . .	царь на лиц. Римл. на обор.	боги, царь, на лиц. сторонѣ	Всякіе номиналы; счетъ ассами
Имя	царя полн.	царя полн.	
Титулъ . . .	царск. полн.	царск. полн.	

Эта таблица представляетъ всѣ особенности чекана монетъ на Боспорѣ за данное время. Мы знаемъ, что до 17 года (Динамія) до Р. Х. монета была самостоятельной по виду на Боспорѣ и вновь стало таковою же, кромѣ добавочнаго изображ. императора, послѣ 80 г. по Р. Х.; въ промежуткѣ же этихъ временъ ясно видно, что чеканъ монеты стѣстенъ: имя и титулъ прикровенны; изображенія вездѣ Римлянъ и только по немного, осторожно выдвигаются мѣстные цари и то на мѣди. Причина такого положенія вещей ясна и несомнѣнна, ею было въ общемъ владычество Рима, а въ частности монетное право присвоенное римскимъ императорамъ съ 15 г. до Р. Х. Обыкновенно полагаютъ, что въ римско-императорское время Боспоръ представлялъ какое то исключеніе въ чеканѣ монеты, нигдѣ болѣе неизвѣстное; таковое дѣйствительно было, но не какъ продолженіе стараго мѣстнаго монетнаго права, а какъ новое явленіе, долго образовывавшееся и получившееся послѣ длиннаго ряда стараній и усилій, въ первое же время императорскій законъ неуклонно распространялся и на Боспоръ.

Въ первомъ отдѣлѣ таблицы золото, описанное выше во второй группѣ, совершенно римское; его изображенія, вѣсъ, даже мелочныя подробности чекана, довольно характерныя, были римскія. Напр., на лиц. стор. Августъ изображенъ простоволосымъ; какъ то обычно у Римлянъ на всѣхъ металлахъ. На боспорской же мѣди, императоры изображаются всегда въ вѣнкахъ и нельзя допустить чтобы мѣстные власти осмѣлились иначе изобразить императора на золотѣ; даже монетчики Миерадата II, явно шедшаго противъ Римлянъ и чеканившаго золото съ своимъ полнымъ

нменемъ, не рѣшились изобразить Калигулу или Клавдія безъ вѣнка. Еще любопытнѣе, что вокругъ изображеній, на обѣихъ сторонахъ этихъ золотыхъ монетъ, сдѣланъ линейный ободокъ, а не точки. Такая техника до той поры не вѣдома на Боспорѣ, но совершенно тоже мы видимъ на римскиьъ авреусахъ и денаріяхъ Октавіана, битыхъ послѣ 42 г. до Р. Х.[1]). На боспорской царской мѣди биты точки; на статерахъ Миѳридата II, имѣвшихъ свойство явно царскаго золота, также биты вокругъ точки. а не ободокъ; къ точкамъ же и вернулись, лишь только боспорскіе цари получили право показывать свое имя на золотѣ (собственно нѣсколькими годами ранѣе, съ 374 п. э., 77 по Р. Х., но еще и въ 370 г. вокругъ ободокъ). Нельзя не видѣть, что этой мелочи придавали извѣстное значеніе. Даже диференты на этомъ золотѣ извѣстны только въ видѣ точки; межъ ними вовсе нѣтъ столь обычныхъ впослѣдствіи атрибутовъ боспорскихъ царей, палицы и трезубца.

Итакъ въ этихъ боспорскихъ золотыхъ не римское только счетъ годами понтійской эры, да монограмы, но къ счету понт. эрой населеніе такъ привыкло, за время господства Ахеменидовъ, что его приходилось удерживать при всякихъ перемѣнахъ, что мы и видимъ у всѣхъ Асандровичей, до конца царства, а монограммы заключаютъ въ себѣ какія то невѣдомыя имена безъ титула и ничто не мѣшаетъ читать въ нихъ греческія или латинскія. Изъ сказаннаго, всего естественнѣе видѣть въ этой монетѣ римскую вполнѣ, а въ монограммахъ золота второй группы имена чиновниковъ поставленныхъ и на то уполномоченныхъ Августомъ. Устроить гдѣ бы то ни было монетную мастерскую было правомъ императора[2]).. Возможно что тѣже чиновники были и опекунами мѣстныхъ властителей, оставшихся послѣ Полемона I безъ сильной поддержки, такихъ какъ Пиѳодорида или малолѣтніе наслѣдники разныхъ царствовавшихъ родовъ. Въ близкой царской семьѣ опекуны Римляне извѣстны у дѣтей Котиса V, около 16-го г. по Р. Х.[3]). Правда, что для Боспора на то нѣтъ прямыхъ указаній, но это предположеніе совершенно возможно и всѣмъ положеніемъ вещей само напрашивается.

Такая гипотеза мнѣ кажется всего проще и легче объясняетъ всѣ недоразумѣнія историческія и нумизматическія. Въ зависимости отъ назначенія римскихъ чиновниковъ, будутъ понятны столь частыя и странныя перемѣны монограммъ, второй группы; трудно объяснимыя смѣнами мѣстныхъ властителей и еще менѣе фантазерствомъ одного изъ нихъ, балующагося придумываніемъ для себя самыхъ разнородныхъ монограммъ, не имѣющихъ одна съ другой ничего общаго и никакого намека на имя и титулъ властителя не заключающихъ.

---

[1]) *Babelon, Mon. de la républ. Rom.*, II, *Julia*, № 103, 112, 114, 119, 120, 152 и многіе другія, особ. денаріи, здѣсь обозн. только авреусы.

[2]) *Mommsen, op. c.*, III, 13.

[3]) *Тацитъ. Анналы*, III, 33.

Не менѣе понятнымъ будетъ, почему ни на одномъ золотомъ этого времени нѣтъ вѣнка на изображеніи императора; невозможное для мѣстнаго монетчика это было обычнымъ дѣломъ для Римлянина; въ Римѣ такихъ случаевъ такъ много, что достаточно хотя бы бѣгло просмотрѣть сочиненія Когена и Бабелона, по монетамъ римской республики и начала имперіи, гдѣ очень часто показаны изображенія первыхъ императоровъ безъ вѣнка.

Эта же гипотеза легко и очевидно объясняетъ существенное недоумѣніе, почему золото Боспора выше вѣсомъ римскаго и почему оно упорно сохраняло этотъ первоначальный вѣсъ не смотря на пониженіе вѣса золотыхъ въ самомъ Римѣ; понятно, что римскіе чиновники, имѣя извѣстный приказъ, не дерзали отъ него отступать, хотя это и дѣлалось въ Римѣ самими императорами. Что въ этомъ отношеніи на Боспорѣ была въ разсматриваемое время чуждая странѣ власть видно изъ того, что напр., Асандръ, послѣдній царь до монетнаго закона 15-го года, почти независимый, выравнялъ свое золото съ римскимъ, но не дѣлалъ его тяжеловѣснѣе, золотые же разсматриваемыхъ здѣсь группъ съ самаго начала на $1^1/_2\%$ тяжеле. Мало того, лишь только кончилась монетная опека и около 377 г. (80 по Р. Х.) Рискупориду II разрѣшили чеканить золото, какъ свою монету, съ съ своимъ именемъ, онъ сейчасъ убавилъ и ея вѣсъ; конечно, не рѣзко сразу, а именно съ 7,88, во вторую половину его царствованія авреусы понизились до 7,83, но на томъ не остановились; у Савромата I они были въ 7,79, у Котиса II — 7,76, у Риметалка — 7,75; далѣе хотя и неособенно понижается вѣсъ, но за то вводится пониженіе пробы золота, начавшееся и ранѣе, судя по виду, кажется съ Савромата I, хотя и въ малой мѣрѣ [1]).

---

[1]) Невозможно допустить, чтобы вѣсовое значеніе разсматриваемаго боспорскаго золота относилось къ вѣсу какой либо невѣдомой единицы, а не римскаго фунта; въ такомъ случаѣ, по большому количеству и прекрасной сохранности этого превосходнаго золота, столь долго и тщательно, однообразно чеканеннаго, можно опредѣлить и вѣсъ римскаго фунта, съ бо́льшимъ вѣроятіемъ, чѣмъ то сдѣлано до сихъ поръ. Въ настоящее время вѣсъ римскаго фунта принимается въ 327,42 грамма (*Hültsh, Gr. und röm. Metrol.*, 155–161). но нѣкоторые его считаютъ и въ 325 гр., только. Предполагаютъ также, что монетная стопа римскихъ золотыхъ при Августѣ была по 42 на фунтъ; въ такомъ случаѣ эти золотые должны вѣсить въ среднемъ $\frac{327.42}{42} = 7{,}79$ гр., что и оказалось, какъ показано выше (стр. 95), по среднему вѣсу взятому изъ данныхъ В. Кэйпо. Однако, при подробномъ разсмотрѣніи путей принятыхъ для вывода этихъ величинъ выходитъ, что эта монетная стопа (42 на фунтъ) установлена въ наукѣ гадательно, да и не опредѣлено вовсе относится ли она къ закону или къ его исполненію, повидимому къ первому, такъ что утеря металла при производствѣ монеты и монетная пошлина, вовсе не принимались въ соображеніе. Средній вѣсъ боспорскаго золотого, неизмѣнный почти въ теченіе вѣка, оказался въ 7,90 гр., т. е. больше вѣса золотыхъ Августа. Отсюда слѣдуетъ, что на Боспорѣ или вѣсъ римскаго фунта или монетная стопа считались иными, чѣмъ то принято.

Наконецъ, этимъ путемъ также легко объясняется почему чеканъ золота, не дозволенный римскимъ любимцамъ, Полемону I и Пиѳодоридѣ, оказался возможнымъ вслѣдъ за ними, при какихъ то невѣдомыхъ владыкахъ. Онъ былъ въ ихъ время, но не ими производился. Допустивъ эту гипотезу получимъ, что тогда и на Боспорѣ общій принципъ чекана монеты въ имперіи не былъ нарушенъ и мѣстнымъ владыкамъ тамъ, какъ и сенату въ Римѣ, оставленъ чеканъ только мѣди. Въ первое время эта мѣдь, извѣстная намъ какъ битая царями Ε и ⋀, была предоставлена ихъ усмотрѣнію, только безъ права помѣщать свое изображеніе и полное имя, но вскорѣ сократили и это право, введя римскій счетъ цѣны и позволивъ чеканить не свыше полуасовъ, зато разрѣшали изображеніе на нихъ царя. Въ тоже время, вѣроятно въ возмѣщеніе, позволили и на золотѣ указывать монограммой имя царя, быть можетъ давъ и какое либо участіе въ выгодахъ чекана на этомъ металлѣ боспорскимъ царямъ.

Нарушеніе римскаго права чекана Миѳридатомъ II, слишкомъ поспѣшившимъ, было кратковременной случайностью; послѣ него опять все вошло въ норму, такъ что когда во время Котиса I вздумалъ Неронъ въ Римѣ отнять у сената право чекана мѣди, то тоже самое въ точности сдѣлали и на Боспорѣ, на золотѣ и на мѣди, а это мыслимо только при существованіи на Боспорѣ римскихъ чиновниковъ, наблюдающихъ за чеканомъ монеты; какъ видимъ, и это обстоятель-

---

По боспорскимъ даннымъ, полагая вѣрной стопу (42 на фунтъ), римскій фунтъ оказывается вѣсомъ въ $7{,}99 \times 42 = 331{,}8$ гр.; а полагая вѣрнымъ общепринятый вѣсъ римскаго фунта, боспорская монетная стопа будетъ въ $\frac{327.42}{7{,}90} = 41{,}392$. Такъ какъ невѣроятно, чтобы задавались для монетной стопы такой сложно-дробной величиной, устанавливая на Боспорѣ особый законъ, то надобно признать, что она была и на Боспорѣ въ 42 золотого на фунтъ, а слѣдовательно счесть невѣрнымъ принятое опредѣленіе вѣса римскаго фунта. Таковой, по боспорскому золоту выходитъ 331,8 гр. и если принять въ соображеніе, что боспорскіе золотые, хотя и очень хорошей сохранности, но все-же нѣсколько стерлись, то можно счесть, что римскій фунтъ вѣсилъ въ круглыхъ цифрахъ 332 грамма, и даже, быть можетъ. 333 гр. почти, если признать, что и на Боспорѣ покрывали, хотя издержки производства. Такимъ образомъ, по боспорскимъ монетнымъ даннымъ этотъ фунтъ оказывается тяжеле, чѣмъ по римскимъ около 1,5%. Такая разница вѣса объясняется тѣмъ, что стопа по 42 на фунтъ была опредѣлена закономъ для всей имперіи и ее исполненіе строго требовалось на Боспорѣ въ дѣйствительной монетѣ; въ Римѣ же своя рука была владыка и легальную стопу на монетныхъ дворахъ увеличивали, на покрытіе расходовъ производства и полученіе отъ него все возраставшей прибыли. Уже при Августѣ чеканили по 42½ золотого. а при Неронѣ дошли до 45 на фунтъ и болѣе. Такимъ путемъ эти строгіе законники въ точности соблюдали законъ пріобрѣтая и выгоду не малую.

Выводъ изъ сказаннаго тотъ, что вѣсъ римскаго фунта слѣдуетъ считать бо́льшимъ, чѣмъ то полагаютъ и не менѣе, чѣмъ въ 332 – 333 гр., потому что боспорскія данныя и должны быть и дѣйствительно оказываются болѣе надежными для его опредѣленія, чѣмъ римскія. Здѣсь мы знаемъ почти вѣковой, точно однообразный, тщательнѣйшій чеканъ золотой монеты, отъ котораго до насъ дошли сто двадцать штукъ превосходной сохранности — ничего и близко похожаго не было указано въ рядахъ самой римской монеты.

ство подтверждаетъ представляемую гипотезу. Наконецъ, при Титѣ чеканъ и золота и мѣди на Боспорѣ былъ освобожденъ отъ вліянія Рима, и только тогда его продолжали боспорскіе цари, какъ самостоятельные владыки, съ единственною обязанностью, чисто почетнаго характера, помѣщать на золотѣ изображеніе римскаго императора, и то, впрочемъ, на оборотѣ.

Вотъ какъ долго, около девяноста лѣтъ, осторожно, систематично, однообразно проводится одна и таже идея — добиться возстановленія отнятаго права свободнаго чекана монеты, монетной регаліи; съ этою цѣлью мѣстные цари пускались на всякія уловки, показанныя выше, прибѣгали, конечно, къ всяческимъ просьбамъ и задабриваніямъ. И если трудно понять и допустить почему такой независимый царь, какъ Миѳрадатъ VI Евпаторъ, никогда не прятавшій своего имени и титула, скрылъ все это въ сокращеніи, при чемъ ни до него, ни сейчасъ послѣ ничего подобнаго не дѣлается, то все это станетъ совершенно естественнымъ, когда находится въ особыхъ историческихъ условіяхъ, въ видѣ постоянной системы, выработанной и проводимой подъ вліяніемъ неизбѣжныхъ обстоятельствъ. Именно такое положеніе и было на Боспорѣ въ разсматриваемъ время [1]).

Всѣмъ вышеизложеннымъ предполагалось выяснить положеніе монетнаго дѣла на Боспорѣ въ теченіе самаго запутаннаго и глухого времени, введя приписываемыя его владыкамъ монеты въ свои мѣста; будущія находки покажутъ пріемлемы ли высказанныя догадки. Объяснялось многое, но нѣкоторыя частности остались безъ указанія, къ важнѣйшимъ изъ такихъ принадлежатъ полныя имена царей Е и ^, чиновниковъ бившихъ золотые второй группы и царицы HP. Ничто теперь не даетъ даже и намека на рѣшеніе этихъ вопросовъ и ихъ надо ждать отъ будущихъ находокъ, но ими едва ли окажутся монеты, которыя, какъ то очевидно по смыслу всего, въ эту пору не могутъ быть съ полнымъ именемъ или не сокращеннымъ титуломъ, а стало быть такія находки не расширятъ нашихъ свѣдѣній въ этомъ напра-

[1]) Сходство географическихъ условій и политическихъ судебъ Боспора съ Херсонесомъ сказалось и въ большомъ подобіи ихъ монетнаго дѣла, на что часто обращалось вниманіе читателя; въ настоящемъ случаѣ можно это сдѣлать еще разъ. Въ Херсонесѣ извѣстно золото, къ сожалѣнію, чрезвычано рѣдкое. Въ своемъ существѣ оно есть повтореніе, даже не римскихъ авреусовъ, а именно боспорскихъ; ихъ вѣсъ, хотя и не опредѣляется точно изъ единичныхъ экземпляровъ, но все же явно больше римскаго и немногимъ менѣе боспорскаго (напр. 7,83 во время Котиса I), иначе это золото, конечно, не могло бы обращаться въ Таврикѣ На этихъ золотыхъ также ставится годъ своей эры; проба ихъ металла, повидимому, не хуже соотвѣтственной боспорской; надписи-же они имѣли совершенно самостоятельныя, безъ малѣйшаго указанія Римлянъ, чего въ Херсонисѣ не было даже на мѣди, такъ что тамъ невозможно предполагать римскихъ чиновниковъ и монета этого города въ эту пору представляетъ единственное исключеніе, изъ господствовавшаго тогда монетнаго права. Причины и возможность такого необычайнаго обстоятельства остаются безъ намека на объясненіе.

вленіи, но, конечно, въ нихъ мы можемъ надѣяться найти болѣе точныя указанія времени чекана мѣдныхъ серій царей Ε и ϻ. Гораздо большаго можно ожидать отъ находокъ надписей, часто бывающихъ на Боспорѣ датированными. Пока откроется какая либо монета или надпись, годная въ настоящемъ случаѣ, а это дѣло счастья, надо не упускать изъ вида, то что значительно чаще и легче добывается — разные клейма и перечеканки древнихъ монетъ; въ этихъ часто пренебрегаемыхъ признакахъ, съ помощью терпѣнія, можетъ найтись рѣшеніе многихъ вопросовъ, быть можетъ и настоящаго въ томъ числѣ; примѣры возможности таковыхъ рѣшеній приведены выше.

Еще менѣе обращаютъ вниманія на описаніе совмѣстности находокъ разныхъ монетъ и хотя этотъ признакъ не можетъ служить безусловнымъ опредѣлителемъ времени ихъ чекана, но все же можетъ дать такія указанія, которыя однообразіемъ повторяемости восполнятъ недостаточность опредѣленности. Въ видѣ примѣра укажу два случая, касающихся разсмотрѣннаго здѣсь чекана.

Сабатье описываетъ двѣ мѣдныя монеты, прекрасно сохранившіяся, имъ неузнанныя и даже слегка ошибочно описанныя, но очень его занявшія[1]). Это монеты Синопы, датированныя; одна времени Августа (9 г. до Р. Х.), другая Тиверія (15 г. по Р. Х.[2]). Сабатье къ описанію монетъ прибавляетъ, что по словамъ Бѣгичева (тогдашняго завѣдывающаго раскопками въ Керчи), онѣ были найдены совмѣстно съ прекрасной мѣдной монетой Евмела, т. е. царя Ε и, конечно, одновременное обращеніе всѣхъ этихъ монетъ весьма мало вѣроятно, если монету царя Ε отнести Миѳрадату Евпатору; разность времени между этими вмѣстѣ найденными монетами будетъ, въ такомъ случаѣ, около цѣлаго вѣка, а удержаніе мѣди столь долгое время въ обращеніи совсѣмъ не обычно.

Въ январѣ 1905 года, близъ Ялты, было найдено очень много монетъ (не кладъ), разбросанныхъ на небольшомъ пространствѣ, всего вѣроятнѣе въ видѣ долговременнаго скопленія приношеній какому либо мѣстному святилищу[3]). Болѣе тысячи изъ найденныхъ здѣсь монетъ можно было опредѣлить: большинство принадлежало времени съ конца II по конецъ III вѣковъ по Р. Х. (римскія, боспорскія царскія и херсонесскія, времени элейѳеріи). Между ними попадались, но единичными экземплярами, и болѣе раннія, начала II и даже I вѣка,

[1]) *Sabatier*, *Souv. de Kertsch*, 1859, 21 — 22.

[2]) *Babelon* et *Reinach*, *Rec.*, *génér.* 198, № 85; вторая неиздана.

[3]) Подробности объ этой находкѣ въ № 366 протоколовъ Од. Об. за 1905 годъ. *Зап. Общ.* т. XXVII.

въ томъ числѣ нашлось по одной штукѣ царей Ε и Рискупорида I. Эта находка тоже была бы очень доказательна, если бы въ ней же не оказалась одна монета Амиса (Егида и Ника) времени Миѳрадата и двѣ Пантикапея (Панъ и Грифонъ), еще болѣе раннія. Понятно, что и монета царя Ε могла быть такою же запоздавшею случайностью, хотя всего вѣроятнѣе, что она брошена, по времени, близко къ монетѣ царя Рискупорида I, а слѣдовательно тогда же и чеканена.

Однородность нѣсколькихъ подобныхъ находокъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе.

А. Бертье-Делагардъ.

Ялта, 1910 г., Августъ.

На стр. 207 тома (93 оттисковъ) строки 13—15 сверху нужно читать такъ: ...а Миѳрадатъ Евпаторъ давалъ имъ 8,35 гр. Фарнакъ понизилъ вѣсъ до 8,14 гр., но далѣе пониженіе не пошло и даже въ первую половину правленія....

Описаніе изображеній монетъ.

Для болѣе точнаго представленія о монетахъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, прилагается ихъ нумизматическое описаніе, соотвѣтственное рисункамъ и подъ тѣми же номерами. Большая часть описываемыхъ монетъ была уже издана, но разбросанно, и потому сравненіе ихъ между собою, часто указываемое здѣсь въ текстѣ, было-бы очень затруднительно, тѣмъ болѣе, что немногія изображены фототипіей, а для нѣкоторыхъ издаваемыхъ впервые, насколько я знаю, что и отмѣчено, это было бы и невозможно.

Описанія сдѣланы обычнымъ порядкомъ, возможно кратко. Порядокъ расположенія монетъ на рисункахъ таковъ, чтобы рядомъ приходились сравниваемыя. Подъ описаніями показаны: металлъ обычными знаками; за нимъ первыя цифры обозначаютъ діаметръ въ миллиметрахъ; слѣдующія даютъ вѣсъ въ граммахъ; послѣдняго я не могъ сдѣлать для нѣкоторыхъ, бывшихъ у меня только въ слѣпкахъ. Тутъ же показано и мѣстонахожденіе монетъ буквами, обозначающими:

Б ..... Бурачковъ, колл. въ Историч. Музеѣ.
Брл... Берлинъ, Королевск. Муз.
Бр.... Британскій музей.
ВК.... Собр. В. Кн. Александра Михаиловича.
В ..... Вѣна, Импер. Музей.
Г..... Гота.
Мн.... Мюнхенъ Королевскій Музей.
М..... Мое собраніе.
О..... Одесск. Общества Музей.
П..... Парижъ, Національная Библ.
Пр.... Прове, собр. въ Москвѣ.
Тер... Собраніе И. А. Терлецкаго.
Ф..... Собр. мон. св. Флоріона.
Э ..... Эрмитажъ.

1. Голова Зевса въ вѣнкѣ, вправо.
Орелъ на молніи три четверти влѣво, голова вправо; внизу ΑΜΑΣΤΡΕ.
Æ; 26; Од.

2. Голова Геракла, съ бородой, въ діадемѣ, вправо.
Палица впрямь съ наброшенной на нее шкурой; по сторонамъ бокомъ ΠΑΝΤΙΚΑ / ΠΑΙΤΩΝ.
Æ; 18; 3,58; М.

3. Голова Зевса въ вѣнкѣ, вправо.
Орелъ на молніи, тричетверти влѣво, голова вправо; внизу ΑΜΑΣΤΡΕΩ, слѣва вверху монограмма № 38
Æ; 23; Од.

4. (*Оборотъ монеты*). Треножникъ, съ прислоненнымъ къ нему ѳирсомъ, по сторонамъ ΓΟΡ ΓΙΠ / ΠΕ ΩΝ, слѣва моногр. № 28, справа № 24.
Æ; 23; 10,37; М.

5. (*Оборотъ монеты*). Точно тоже, но моногр. одна, справа, № 24.
Æ; 20; 8,35; М.

6. Голова юнаго Геракла вправо, въ львиной шкурѣ.
Палица впрямь съ наброшенной на нее шкурой; по сторонамъ ΑΜ ΑΣΤΡ, справа сверху моногр. № 38.
Æ; 20; Од.

7. Бюстъ Котиса IV ѳракійскаго въ діадемѣ безъ бороды, вправо; вверху вокругъ ΒΑΣΙΛΕΥΣ (ΚΟ)ΤΥΣ.
Ника идущая влѣво, правой протягиваетъ вѣнокъ, въ лѣвой пальмовая вѣтвь; кругомъ ΒΑΣΙΛΕΩΣ (ΡΑ)ΙΣΚΟΥΠΟΡΕΩ(Σ).
Æ; 19; Од.

8. Царь Риметалкъ I (?) въ доспѣхахъ и хламидѣ, съ непокрытой головой, стоящій впрямь, правой изъ канеара дѣлаетъ возліяніе на жертвенникъ, въ лѣвой высокій жезлъ; справа маленькій

Эротъ приготовляется увѣнчать царя; подъ Эротомъ, какъ подставка, монограмма № 10.

Статуя Тихе на подножьи, у нее на головѣ стѣнной вѣнецъ, въ правой чаша, въ лѣвой рогъ изобилія; слѣва внизу жертвенникъ съ огнемъ, у ногъ статуи; по сторонамъ бокомъ ΗΡΑΚΛΕ ΩΤΑΝ.

Æ; 18; Од.

9. Гераклъ, припавъ на одно колѣно душитъ льва, въ полѣ слѣва лукъ въ налучьѣ, справа палица съ шкурой; внизу подъ чертой моногр. № 10.

Статуя Паллады на подножьи, у нея на головѣ шлемъ, въ правой патера, въ лѣвой щитъ и копье; по сторонамъ бокомъ ΗΡΑΚΛ(Ε) ΩΤΑΝ.

Æ; 18; Од. [1]).

10. Бюсты, впереди Котиса V въ діадемѣ, а за нимъ его жены, Антоніи - Трифены, оба вправо; сверху внизъ, кругомъ... ΟΣ ΚΟΤΥΟΣ, справа внизу монограмма № 11; слѣва въ клеймѣ головной уборъ Изиды; точки кругомъ.

Скачущій на конѣ вправо Рискупоридъ Ш, въ доспѣхахъ съ поднятымъ копьемъ; справа, сверху внизъ, кругомъ ΒΑΣΙΛΕΩ (ΣΡ)ΗΣΚΟΥ Π ΟΡΙ.

Æ; 21; Од. *Не издана* [2]).

---

[1]) Описаніе монеты № 8 дано дважды у Міонне и оба раза невѣрно (*Mon. grecques* 11, 440, *Suppl.*, 56). Описываемая здѣсь хотя и хорошей сохранности, но грубаго чекана почему и это описаніе нѣсколько сомнительно. Монета изъ рѣдкихъ. № 9, того же мѣста и времени, описана *Wroth, Cat. of greek coins, Pontus etc.*, 144; еще ранѣе у *Sestini, Lettere et dissert.*, VII, 51, № 21; тамъ же подъ № 20, дважды, но невѣрно, дано описаніе и № 8-го; сдѣланное этимъ авторомъ объясненіе монограммы этихъ монетъ, какъ сокращенія имени города и царицы Амастріи, невѣроятно.

[2]) Монета № 10 приведена здѣсь изъ за ея необычайной монограммы, имѣющей видимое отношеніе къ царю Е (стр. 68 — 69 текста); но и сама по себѣ она имѣетъ значеніе, являясь новостью между ѳракійскими царскими. Такія монеты, царей Котиса и Рискупорида вмѣстѣ, очень рѣдки; до сихъ поръ онѣ были извѣстны въ двухъ сортахъ. Первый, самый любопытный, дается подъ № 7, для сравненія съ издаваемой впервые монетой № 10. Экземпляръ № 7, съ котораго сдѣланъ слѣпокъ нѣсколько стертъ и надписи его пополнены по описаніемъ такихъ же въ каталогахъ британскаго и берлинскаго музевъ, но для сравненія изображеній онъ достаточенъ. Второй сортъ, очень маленькая монетка, съ такимъ же бюстомъ Котиса и подписью ΒΑΣΙΕΥΣ ΚΟΤΥΣ, на оборотѣ трофей оружія и ΒΑΣ... ΥΠΟΡΙ...; указываю по экземпляру музея Од. Общ.; надписи не нашелъ съ чего пополнить, но очевидно, что онѣ точно тѣже, что и перваго сорта, да и изображеніе на лиц. сторонѣ точно такое же, а потому рисунка этой монеты, не привожу.

11. Бюстъ Геліоса вправо.

Солнце (звѣзда о восьми лучахъ), подъ нимъ полумѣсяцъ; слѣва ΒΑΕ; кругомъ точки.

Æ; 31; Э.

Еще Кари признавалъ въ этихъ монетахъ изображенія Котиса V (сына Риметалка I) и его дяди Рискупорида III (*Cary. Hist., des rois de Thrace*, 1752,,75). Затѣмъ новыя опредѣленія были таковы. Въ каталогѣ британскаго музея (*Head, The Tauric Chers., etc.*, 209) монета приписана тѣмъ же царямъ, но Котисъ названъ IV и сыномъ Рискупорида, а такъ какъ такого сочетанія именъ отца и сына во Ѳракіи въ царскомъ домѣ не извѣстно, то послѣднее показаніе простая описка, этотъ Котисъ былъ V-мъ и сыномъ Риметалка I. Тѣмъ же царямъ приписана монета и Имгофомъ (*Imhoof-Blumer, Porträtköpfe etc.*, 18) гдѣ тоже Котисъ названъ IV-мъ). Подробнѣе этотъ вопросъ разсмотрѣнъ Саллетомъ (*Beschreibung der Ant. Münz.*, I, 13, 334), который по стилю не находилъ возможнымъ относить эти монеты далѣе времени Августа и видѣлъ двѣ исторически извѣстныхъ пары лицъ подходящихъ къ нимъ: Котиса IV (сына Садалы II) съ его сыномъ Рискупоридомъ II, и вышеуказанныхъ двухъ, т. е. Котиса V (сына Риметалка I), съ Рискупоридомъ III, его дядею. Саллетъ склонялся болѣе къ первымъ двумъ, не сходясь въ этомъ съ вышеуказанными учеными.

Монета № 10 выясняетъ этотъ вопросъ. На ней изображеніе Котиса совершенно не похоже на Котиса монеты № 7, и такъ какъ новый Котисъ изображенъ вмѣстѣ съ женой, въ подобіе очень обыкновенныхъ монетъ Риметалка I, (нельзя видѣть во второй головѣ лиц. стороны монеты № 10 изображеніе Рискупорида III, представленнаго на оборотѣ, да оно и слишкомъ молодо для послѣдняго, имѣвшаго тогда около пятидесяти-шестидесяти лѣтъ), то и можно утверждать, что эта монета бита его сыномъ Котисомъ V, а стало быть на № 7, гдѣ совершенно иное изображеніе царя съ этимъ именемъ, представленъ Котисъ IV. Имя послѣдняго упомянуто на его монетахъ въ именительномъ, а Рискупорида въ родительномъ и потому можно думать, что эти монеты биты вскорѣ послѣ смерти Котиса IV, отъ имени его малолѣтняго сына Рискупорида II, опекунами послѣдняго; на лиц. сторонѣ, какъ и слѣдуетъ, изображ. отецъ; въ такомъ случаѣ время этихъ монетъ опредѣлится между 16 и 11 годами до Р. Х. Изображеніе Котиса IV соотвѣтствуетъ послѣднимъ годамъ его жизни, когда ему было 35 — 40 лѣтъ.

На монетѣ № 10 видится совсѣмъ иное сочетаніе; имена и титулы обоихъ царей, которымъ послѣ смерти Риметалка I была подѣлена Ѳракія, писаны въ родительномъ и стало быть можно эту монету почитать какъ бы ихъ общей, битой для обоихъ частей Ѳракіи. Значитъ, она чеканена ранѣе ихъ ссоры, т. е. еще при Августѣ, приблизительно между 7 и 14 годами по Р. Х. Изображеніе на лиц. сторонѣ монеты царя съ царицей сообразны съ тѣмъ, что о нихъ извѣстно. Самъ Котисъ V, мягкій, добрый, ученый, всѣми восхваляемый, его изображеніе не было извѣстно. Жена его Антонія-Трифена, дочь Полемона I и Пифодориды, представляется весьма энергической и дѣятельной женщиной, пошедшей въ мать и успѣшно отстаивавшей въ Римѣ передъ Тиверіемъ права своихъ дѣтей. Ея изображенія извѣстны на монетахъ Понта, битыхъ позже, лѣтъ на двадцать вмѣстѣ съ ея сыномъ Полемономъ II или безъ него; видимое на настоящей монетѣ довольно схоже, принявъ въ соображеніе разность времени и мѣста чекана. Грубый и жестокій царь Рискупоридъ III (его имя написано нѣсколько иначе, чѣмъ Рискупорида II) которому досталась горная и дикая часть Ѳракіи, также изображенъ соотвѣтственно тому, что о немъ извѣстно, а именно въ видѣ скачущаго всадника съ копьемъ.

Клеймо — головной уборъ Изиды — свидѣтельствуетъ о распространеніи культа египетскихъ божествъ, что извѣстно и по инымъ источникамъ. О значеніи монограммы № 11 говорено выше стр. 70.

Итакъ, оказываются монеты битыя обѣими парами Котиса съ Рискупоридомъ, а догадка Саллета для первой пары правильна.

12. Голова Геракла въ діадемѣ, съ бородой, вправо.
Палица впрямь, съ наброшенной на нее шкурой, справа лукъ въ колчанѣ, слѣва ΒΑΕ; вокругъ вѣнокъ, снаружи и внутри котораго кругомъ точки.
Æ; 33; 33,90; М.

13. (*Лиц. сторона*). Голова юнаго Геракла въ львиной шкурѣ, вправо.
Æ; 29; 16,13; Од. *Тетрадрахма Одисса.*

14. (*Лиц. сторона*). Голова Миѳрадата VI Евпатора въ діадемѣ, вправо.
Æ; 33; 16,51; М. *Тетрадр. чеканена Архелаемъ.*

15. (*Лиц. сторона*). Голова юнаго Геракла въ львиной шкурѣ, вправо.
Æ; 29; 16,20; Од. *Тетрадрахма Одисса.*

16. Голова Арея съ бородой, въ шлемѣ, вправо; кругомъ точки.
Трофей изъ оружія; слѣва ΒΑΡ, справа Ϛ; кругомъ точки.
Æ; 19; ВК.

17. Бюстъ Геліоса въ лучевомъ вѣнцѣ, вправо; кругомъ точки.
Солнце (звѣзда о шести лучахъ), подъ нимъ полумѣсяцъ; внизу ΒΑΛ; справа |: кругомъ точки.
Æ; 25; ВК.

18. Голова Геракла съ бородой, вправо; кругомъ точки.
Дерево, вокругъ котораго обвилась змѣя; справа $\frac{\text{ΒΑ}}{\Lambda}$, слѣва Δ;
Æ; 19; Б.

19. Голова Арея съ бородой, въ шлемѣ, вправо; по сторонамъ ΒΑ—Λ.
Трофей изъ оружія; справа Ϛ, кругомъ точки.
Æ; 19; ВК.

20. Бюстъ Сераписа, влѣво; кругомъ точки.
Рогъ изобилія; слѣва A; кругомъ точки.
Æ; 13; Б.

21. Бюстъ Гермеса въ петазѣ, вправо; кругомъ точки.
Крылатый кадуцей впрямь; слѣва Z; кругомъ точки.
Æ; 22; 4,57; М.

22. Бюстъ Гермеса (?) вправо; кругомъ точки.
Крылатый кадуцей впрямь; слѣва B; кругомъ точки.
Æ; 15; 2,67; М. [1]).

23. Голова Тиверія въ вѣнкѣ, вправо; вокругъ TIBEPIOY KAI-ΣAPOΣ; кругомъ точки.
Голова царя Рискупорида I въ діадемѣ, безъ бороды, длинные волоса, вправо; слѣва монограмма № 14, справа IB (12); кругомъ точки.
Æ; 22; ВК.

24. Тоже все точно.
Тоже все, но монограмма № 9.
Æ; 20; ВК.

25. Тоже все точно.
Тоже все, но голова влѣво и монограмма № 10.
Æ; 20; ВК.

26. Тоже все точно,
Тоже все, но голова вправо; монограмма № 14.
Æ; 20; Од.

27. Голова Гая безъ вѣнка, вправо; вокругъ (ГА)IOYKAICAPOC ГЄРМАNIKOY; вокругъ точки.
Тоже все, но монограмма № 13.
Æ; 21; ВК.

---

[1]) Экземпляръ плохой сохранности; провѣрялъ его по нѣсколько лучшему, но тоже плоховатому, собранія г. Терлецкаго. На лиц. сторонѣ какъ бы слѣдъ буквы M и возможно, что монета аналогична № 19-му.

28. Тоже все, но вокругъ ΓAIOYKAICAPOCΓERMANIKOY.
Тоже все, но монограмма № 9.
Æ; 14; ВК.

29. Тоже все, но кругомъ (Г)AIOYKAICAPOCΓЄRMAN(IKOY).
Тоже все, но монограмма № 13.
Æ; 20; Од.

30. Голова Рискупорида I въ діадемѣ, вправо; справа B⍓P; кругомъ точки.
Голова Котиса I въ діадемѣ, вправо; справа B⍓K, надъ нею лукъ, внизу знакъ № 46; кругомъ точки.
Æ; 17; ВК.

31. Голова царицы HP, вправо; справо B⍓P кругомъ точки.
Голова Афродиты-Уранiи въ калаѳосѣ и покрывалѣ, вправо; слѣва (B⍓K), справа (Δ) [1].
Æ; 20; 5,12; М.

32. Голова Рискупорида I въ діадемѣ вправо; вокругъ (BACIΛ)-ЄѠCPHCKOYIIOPIΔOC; кругомъ точки.
Голова Афродиты-Уранiи, вправо, въ калаѳосѣ и покрывалѣ; слѣва моограмма № 16, справа KΔ (24); кругомъ точки.
Æ; 23; ВК.

33. Тоже все; вокругъ... HCKOYП...
Голова Ливiи (?), въ покрывалѣ и діадемѣ въ видѣ вѣнца, вправо; слѣва монограмма № 17, справа MH (48).
Æ; 26; 12,50; М. *Не издана* [2].

---

[1]) Плохой сохранности вообще, особенно оборотъ, дополненный по рис. стр. 57. Монета чрезвыч. рѣдка и это единственный мною видѣнный экз.

[2]) №№ 32 и 33 монеты Рискупорида II (стр. 50); послѣдній экземпляръ плохой сохранности; провѣрялъ его по другому, собранія г. Терлецкаго, тоже испорченному. Обозначеніе цѣнности MH (48), наиболѣе важное въ этой монетѣ, однако, несомнѣнно. Изображеніе лиц. стороны совершенно точно тоже, что на римскихъ монетахъ битыхъ въ 23 году съ подписью *Pietas*, въ которой видятъ портретъ Ливіи (*Cohen, Descr. des mon. imp.*, I, 106 - 107). Появленіе такого изображенія на Боспорѣ, при Рискупоридѣ II, (съ 68 — 93 по Р. Х.), возможно потому что онъ обязанъ былъ престоломъ Веспасіану, а Титъ (съ 79 — 81), сынъ послѣдняго, возобновилъ монеты Ливіи въ Римѣ. Если, счесть

34. Голова Британника вправо; по сторонамъ ΚΑΙϹΑΡΟϹ ΒΡΙ-ΤΑΝΝΙΚΟΥ; кругомъ точки.
Голова юнаго Котиса I въ діадемѣ, вправо, слѣва ΒΑΚ, справа Η.
Æ; 19; ВК.

35. Голова Октавія-Августа, влѣво; кругомъ линейный ободокъ.
Голова Агриппы вправо, безъ вѣнка; слѣва монограмма Ⱥ, (№ 31), внизу ΘΠΣ (289); кругомъ линейный ободокъ.
Æ; 19; 7,92; ВК.

36. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ϥΣ (290).
Æ; 18; 7,53; ВК.

37. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ΑϥΣ (291).
Æ; 18; 7,85; *П.*

38. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ΓϥΣ (293).
Æ; 18; 7,95; М. *Не издана.*

39. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ΔϥΣ (294).
Æ; 20; 7,99; ВК.

40. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ΘϥΣ (299) и справа точка.
Æ; 19; 7,95; *Бр.*

41. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу Τ (300) и подъ моногр. точка.
Æ; 19; 7,80; *Бр. Не издана.*

вѣрнымъ это объясненіе, то прійдется признать, что Рискупоридъ II еще и при Титѣ (по крайней мѣрѣ вначалѣ), не могъ и на мѣди, также какъ на золотѣ, писать свое полное имя и титулъ; слѣдовательна вся его мѣдь съ полнымъ именемъ бита послѣ такого же золота, т. е. 377 года, здѣсь № 87, или годами двумя ранѣе, не болѣе, въ которые золото еще неизвѣстно.

42. Тоже все точно.
Тоже все, но безъ точки и внизу ВТ (302).
A/; 19; 7,94; ВК.

43. Тоже все точно.
Тоже все, но справа точка и внизу ΔТ (304).
A/; 18; 7,90; Б.[1]).

44. Тоже все точно.
Тоже все, но слѣва монограмма ΚΝΕ (№ 32) безъ точки и внизу ЕТ (305).
A/; 19; 7,96; М.

45. Тоже все точно.
Тоже все, но двѣ точки, а по сторонамъ внизу ϚТ (306).
A/; 19; 7,92; ВК.

46. Тоже все точно.
Тоже все, но слѣва монограмма ΓΑΡ (№ 24) точекъ нѣтъ и внизу ZТ (307).
A/; 20; 7,92; ВК.

47. Тоже все точно.
Тоже все, но слѣва монограмма ΓΑ (№ 25), внизу ІТ (310).
A/; 19; 8,02; ВК.

48. Голова Тиверія вправо, безъ вѣнка; кругомъ линейный ободокъ.
Голова Агриппы, безъ вѣнка, вправо; слѣва монограмма ΒΑΡ (№ 8), внизу АІТ (311); кругомъ линейный ободокъ.
A/; 19; 6,71; ВК.

---

[1]) Вышепоказанныя монограммы, № 35 — 43, часто небрежно рѣзанныя и чеканенныя, иногда давали поводъ читать въ нихъ верхней буквѣ К, что почти усматривается напр. на № 41, слегка стертомъ; несомнѣнно, что вездѣ должно видѣть только М. Также и внутри буква Δ различали еще черты иныхъ буквъ, напр. на № 35 — 37, но это просто случайный сдвигъ металла, какъ видно изъ сравненія всѣхъ.

49. Тоже все точно.
Голова Друза младшаго безъ вѣнка, вправо; слѣва монограмма ВАР (№ 8), внизу ГІТ (313); кругомъ линейный ободокъ.
A/; 20; 8,00; *Мн.*

50. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ЕІТ (315).
A/; 18; 7,98; ВК.

51. Тоже все точно.
Тоже все, но справа точка, а внизу ҀІТ (316).
A/; 18; 7,96; Б.

52. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ZІТ (317).
A/; 19; 8,02; Э.

53. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу НІТ (318).
A/; 20; 7,95; Э.

54. Тоже все точно.
Тоже все, но безъ точки и внизу КТ (320) [1]).
A/; 19; 7,90; Тер. *Не издана.*

55. Тоже все точно, но иной типъ.
Голова сына Германика, безъ вѣнка, вправо; слѣва монограмма ВАР (№ 8), надъ ней точка, внизу АКТ (321); кругомъ линейный ободокъ.
A/; 19; 7,93; *Бр.*

56. Тоже все точно.
Тоже все, но безъ точки и внизу ГКТ (323).
A/; 19; 7,94; М. *Не издана.*

[1]) Очень грубой работы, но несомнѣнной подлинности.

57. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ΔKT (324).
A/; 20; 7,86; Э.

58. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу EKT (325).
A/; 19; 7,94; *Бр.*

59. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ϚKT (326).
A/; 19; 7,90; М.

60. Тоже все точно.
Тоже все, но слѣва точка, а внизу ZKT (327).
A/; 19; 7,89; ВК.

61. Тоже все точно.
Тоже все, но безъ точки, а внизу HKT (328).
A/; 20; 7,91; *П.*

62. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ΘKT (329).
A/; 20; 7,89; Э.

63. Тоже все точно.
Голова Гая безъ вѣнка, вправо; слѣва монограмма BAP, внизу ΛT (330); кругомъ линейный ободокъ.
A/; 19; 7,90; Тер. *Не издана.*

64. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу AΛT (331).
A/; 19; 7,76; *Бр.*

65. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу BΛT (332).
A/; 21; 7,95; ВК.

66. Тоже все точно.
Тоже, все но внизу ГАТ (333).
A/; 20; 7,83; ВК.

67. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ΔΑΤ (334).
A/; 20; 7,90; Э.

68. Тоже все точно.
Тоже все, но слѣва монограмма ⌂ (№ 15), а внизу ΔΑΤ (334).
A/; 20; 7,80; *Мн.*

69. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ЄΑΤ (335).
A/; 21; 7,56; Од.

70. Голова Гая (?) или Клавдія (?) въ вѣнкѣ, вправо; кругомъ точки.
Побѣда идущая влѣво, въ правой вѣнокъ, въ лѣвой вѣтвь; вокругъ B.....ΩCMIΘPIΔATOY; по сторонамъ въ полѣ Ϛ ΛΤ (336); кругомъ точки.
A/; 19; 7,86; ВК[1]).

71. Голова Клавдія въ вѣнкѣ, вправо; кругомъ точки.
Тоже все, но вокругъ ΒΑCIΛΕΩC ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ; по сторонамъ Η ΛΤ (338); кругомъ точки.
A/; 20; 7,92; ВК.

72. Голова Клавдія въ вѣнкѣ, вправо; кругомъ линейный ободокъ.
Голова Британника, безъ вѣнка, вправо; слѣва монограмма ⌂ (№ 18); внизу ΒΜΤ (342); кругомъ линейный ободокъ.
A/; 19; 7,85; *Бр.*

[1]) Вѣсъ другого, цѣлаго экземпляра; изображеніе лиц. стор. подробно объяснено на стр. 63.

73. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ЄMT (345).
Æ; 19; 7,82; *Брл.*

74. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ҀMT (346).
Æ; 20; 7,91; ВК.

75. Тоже все точно.
Бюстъ Нерона въ вѣнкѣ, вправо; слѣва моногр. ВДК (№ 18), внизу ӨMT (349); кругомъ линейный ободокъ.
Æ; 20; 7,88; *Бр.*

76. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу NT (350).
Æ; 20; 7,89; *Брл.*

77. Бюстъ Агриппины вправо, кругомъ линейный ободокъ.
Тоже все, но внизу BNT (352).
Æ; 20; 7,88; Э.

78. Голова Клавдія въ вѣнкѣ, вправо; кругомъ линейный ободокъ.
Тоже все, но внизу ГNT (353).
Æ; 20; 7,94; ВК.

79. Тоже все точно.
Тоже все, но слѣва точка, а внизу ΔNT (354).
Æ; 20; 7,89; *Бр.*

80. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ENT (355).
Æ; 20; 7,91; *Бр.*

81. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ЄNT (356).
A/; 20; 7,86; ВК.

82. Тоже все точно.
Тоже все, но голова, а не бюстъ Нерона и внизу ZNT (357).
A/: 21; 7,92; *П.*

83. Тоже все точно.
Тоже все, но слѣва монограмма № 44, подъ нею точка, а внизу ΘNT (359).
A/: 21; 7,96; ВК.

84. Голова Веспасіана въ вѣнкѣ, вправо; кругомъ линейный ободокъ.
Голова Тита, безъ вѣнка, вправо; слѣва моногр. ВА̂Ш (№ 16), внизу ΕΞΤ (365); кругомъ линейный ободокъ.
A/; 20; 7,92; ВК.

84′. Тоже все, но иной типъ.
Тоже все, но иной типъ, слѣва моногр. (№ 17) и внизу ΘΞΤ (369).
A/; 20; 7,88; ВК.

85. Тоже все точно.
Тоже все, но внизу ΟΤ (370).
A/; 20; 7,88; М. *Не издана*[1]).

86. Тоже все, но иной типъ и кругомъ точки.
Тоже все, но иной типъ и въ вѣнкѣ; слѣва моногр. ВА̂Ш (№ 16), внизу ΔΟΤ (374); кругомъ точки.
A/; 20; 7,86; ВК.

---

[1]) №№ 84′ и 85 точь въ точь одинаковы и даже лиц. сторона одного штампа, только годъ на оборотѣ иной, поэтому рисунокъ данъ только послѣдняго года, № 85, какъ не изданнаго.

87. Бюстъ Рискупорида II въ діадемѣ, съ бородой, вправо; вокругъ ΒΑϹΙΛΕѠϹ ΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙΔΟϹ; кругомъ точки.

Голова Домиціана въ вѣнкѣ, вправо, внизу ΖΟΤ (377); кругомъ точки.

Ⱶ/; 19; 7,87; ВК.

88. Тоже все, но вокругъ ΤΙΒΕΡΙΟϹΙΟΥΛΙΟϹ ΒΑϹΙΛΕΥϹΡΗϹΚΟΥΠΟΡΙϹ; кругомъ точки.

Тоже все, но внизу ΓΠΤ (383).

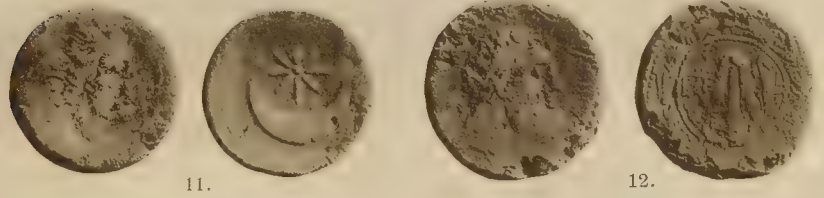
Ⱶ/; 19; 7,80; *П.*[1]).

[1]) Эта монета перваго извѣстнаго года, въ которомъ въ надписи къ имени царя прибавлены имена Тиверія Юлія; въ 382 г. (золотой котораго извѣстенъ) пишется такъ какъ и въ 377 г., на № 87, первомъ золотомъ съ полнымъ именемъ и титуломъ. Золотые 375 и 376 годовъ не извѣстны; возможно, что разрѣшеніе чеканить монету съ полной надписью на золотѣ было дано еще Титомъ.

1. 2. 3.

4. 5. 6. 7.

8. 9. 10.



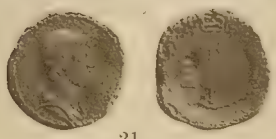
11. 12.

13. 14. 15. 16.

17. 18. 19.

ФОТ. П. ПАВЛОВА

20.

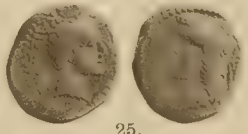


21.

22.

23.

24.



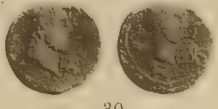
25.

26.

27.

28.

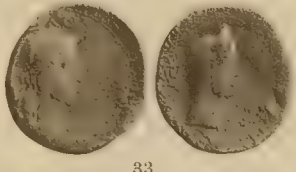
29.



30.

31.

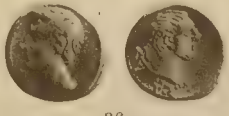
32.



33.

34.

35.



36.

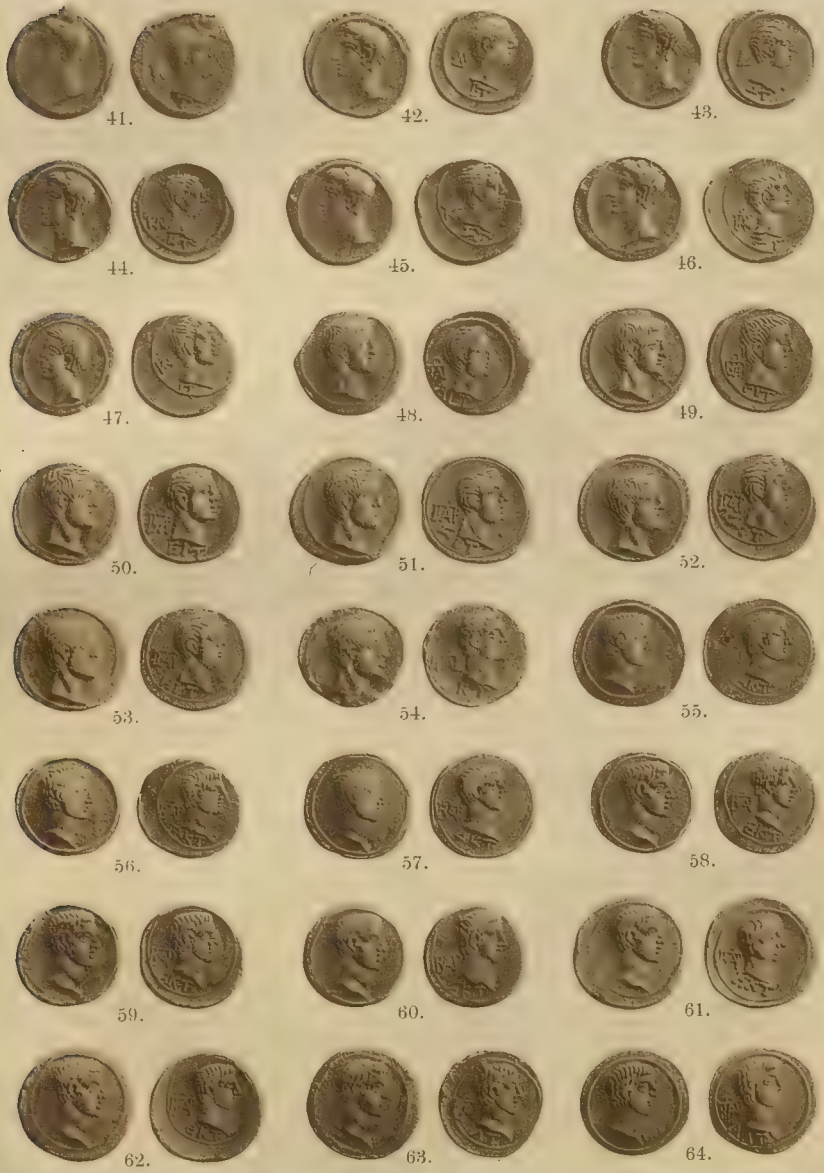
37.

38.

39.

40.

ФОТ. П. ПАВЛОВА



41. 42. 43.

44. 45. 46.

47. 48. 49.

50. 51. 52.

53. 54. 55.

56. 57. 58.

59. 60. 61.

62. 63. 64.

ФОТ. П. ПАВЛОВА.

65. 66. 67.

68. 69. 70.

71. 72. 73.

74. 75. 76.

77. 78. 79.

80. 81. 82.

83. 84. 85.

86. 87. 88.

ФОТ. П. ПАВЛОВА

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46

Основные моменты въ исторіи критско-микенскаго искусства*).

—

Въ виду того, что для датировки отдѣльныхъ ступеней развитія критско-микенской культуры огромное значеніе представляетъ египетская хронологія, я позволю себѣ привести здѣсь слѣдующую таблицу, которую проф. Страсбургскаго университета *Wilh. Spiegelberg* положилъ въ основу своихъ лекцій по исторіи египетскаго искусства (зимн. семестръ 1906/7 акад. года).

Эпохи египетской исторіи и искусства.

I. Доисторическое время.

II. Ранняя исторія Египта. Архаическое искусство. Ок. 3400 - 2900 до Р. Хр. Династіи I—III.

III. Древнее царство. Эпоха пирамидъ. Ок. 2900 -2500 до Р. Хр.

1. IV дин. Строители пирамидъ Хеопсъ, Хефренъ и Микеринъ. Начало развитія новаго стиля.

2. V дин. Расцвѣтъ новаго стиля. Центръ искусства—Мемфисъ.

Первый переходный періодъ. Дин. VI—XI. Ок. 2500—2000 до Р. Х. Распаденіе царства на округи.

IV. Среднее царство. Классическій стиль. XII дин. Ок. 2000–1800 до Р. Хр. Сенвозретъ или Узертсенъ и создатель лабиринта Аменемхетъ—Лабаресъ. Центръ искусства—Фаюмъ.

Второй переходный періодъ. Династіи XIII—XVII. Ок. 1800—1580 до Р. Хр. Господство Гиксовъ.

V. Новое царство. Ок. 1580—1100 до Р. Хр. Династіи XVIII—XX.

1. Возрожденіе классическаго стиля. Царь Тутмозисъ III и царица Гатшепсутъ. 1560—1470 до Р. Хр.

2. Эпоха расцвѣта. Свободный стиль: связь съ месопотамскимъ и микенскимъ искусствомъ. Аменофисы II и III. Тутмозисъ IV. Ок. 1470—1370 до Р. Хр.

3. Искусство царя—еретика Ихнатона. Возрожденіе свободнаго стиля. Ок. 1375—1350 до Р. Хр.

*) Настоящая статья написана въ 1910 году.

4. Реставрація. Горемгебъ. Сетъ I. Ок. 1313—1292 до Р. Хр.

5. Искусство Рамзессидовъ (Рамзесъ II). Импрессіонизмъ въ архитектурѣ. Ок. 1292—1100 до Р. Хр.

Третій переходный періодъ. Династіи XXI—XXV. Ок. 1100—663 до Р. Хр. Упадокъ искусства и начало архаизма подъ иноземнымъ владычествомъ ливійцевъ и эѳіоповъ.

(Культурный центръ во все время новаго царства—Ѳивы, за исключеніемъ царствованія Ихнатона, когда таковымъ центромъ является Эль-Амарна).

VI. Позднѣйшая эпоха исторіи Египта. Ок. 663—332 до Р. Хр.

1. Саитскій пер. XXVI дин. Псамметихъ, Амазисъ; архаизмъ и ренессансъ. Расцвѣтъ портретнаго искусства. Ок. 663—525 до Р. Хр.

2. Персидскій пер. Упадокъ искусства во время персидскаго господства (Геродотъ). Центръ искусства—Саисъ.

3. Послѣдній расцвѣтъ въ царствованіе послѣднихъ туземныхъ династій XXVIII—XXX. Приблизит. до 332 до Р. Хр. Центръ искусства—Филэ.

VII. Эллинистическая эпоха. Гибель и окостенѣніе египетскаго искусства. 332 до Р. Хр.—395 по Р. Хр.

1. Эпоха Птолемеевъ. 332—30 до Р. Хр.

2. Эпоха господства Римской имперіи: 30 до Р. Хр.—395 по Р. Хр. Центръ искусства и науки—Александрія.

Неоцѣнимыя услуги египетской хронологіи оказалъ въ новѣйшее время, какъ извѣстно, берл. проф. ***Ed. Meyer***. Срв. его Aegypt. Chronologie (Abh. Berl. Akad. 1904), Nachträge zur ägypt. Chronologie (Abh. Berl. Akad. 1907), Aegypten zur Zeit. d. Pyramidenbauer Lpz. 1908, Gesch. des Altertums I, 1909². Срв. также слѣд. работы: проф. ***C. F. Lehmann-Haupt***, Klio, Beiträge zur alten Geschichte 1908, 213 ff.; проф. ***Em. Peroutka***: Chronologický přehled kultury aegejské, Věstn. král. české učené společnosti 1908, VIII str. 1—36; ***D. Fimmen***: Zeit und Dauer d. kretisch-mykenischen Kultur 1909, и друг.

Обратимся теперь къ исторіи развитія интересующей насъ цивилизаціи[1]). Какъ извѣстно, принадлежащая бронзовому вѣку критско-микенская культура не представляетъ собою древнѣйшаго культурнаго явленія въ области Средиземнаго моря. Ей предшествовалъ долгій *каменный вѣкъ* (о немъ см. нынѣ *Peroutka*, Dějiny řecké I 1908, str. 81 nn.).

---

[1]) Сжатая, но яркая характеристика этой цивилизаціи дана на русскомъ языкѣ въ прекрасной книгѣ проф. *В. Бузескула*: «Введеніе въ исторію Греціи».

Неолитическіе слои, обнаруженные на Критѣ въ Кноссѣ и Фестѣ подъ дворцами (B. S. A VI, p. 6 foll., Rendiconti dei Lincei XVI 265sgg.), а также подлѣ Palaicastro (B. S. A. XI, 263 foll.), дали намъ любопытные образцы вазовой орнаментовки (J. H. S. 1903, 158 foll., A. Mosso, Mon. ant. XIX 1908 141 sgg.), еще не росписной, но состоящей лишь изъ желобковъ, пунктирныхъ линій, царапинъ и тому подобныхъ узоровъ на черной, гладкой или шероховатой, поверхности глины; отчасти узоры эти заполнены, впрочемъ, бѣлою краской (примѣры: J. H. S. 1903 pl. 4, fig. 6—31). Любопытно, что въ неолитическихъ слояхъ Феста, правда, сравнительно болѣе позднихъ, встрѣчается, наряду съ линейной орнаментовкой, уже и росписная керамика (примѣры: Mon. ant. 1908, tav. I 4—17).

Вопросъ о продолжительности неолитической культуры на Критѣ рѣшается различными учеными различно. Такъ, *Arth. Evans* (B. S. A. X 25) полагаетъ, что въ Кноссѣ она охватывала 6 — 8 тысячелѣтій, тогда какъ *Vollgraff* (Rh. M. 1908, 319 f.) ограничиваетъ ее 1300 л. (Срв. *Peroutka*, Dejiny recké I, 1908, str. 51).

Древнѣйшія поселенія каменнаго вѣка открыты и въ Сѣверной Греціи, въ Димини и Сескло подлѣ Воло. Имъ посвящена цѣнная монографія греч. ученаго *Цунды* (Τσούντας): Αἱ προϊστορικαὶ ἀκροπόλεις Διμηνίου καὶ Σέσκλου 1908 (подробнѣе о ней — въ моей статьѣ о критско-микенской культурѣ, помѣщенной въ „Гермесѣ“ за 1909 г.). Керамическія находки обнаруживаютъ здѣсь, какъ и въ Фокидѣ и въ Беотіи (*Sotiriadis*, Ath. Mitt. 1905, 120 ff., 134 ff.; 1906 326 ff.; Ἐφ. ἀρχ. 1908 63 слѣд. *Bulle*, Orchomenos I, Abh. Münch. Ак. 1907, 17) большею частью цвѣтную роспись: въ Θессаліи — мотивы спирали, зигзаговъ, мэандра и шахматнаго узора въ разныхъ краскахъ, а въ Фокидѣ и Бэотіи — волнообразные, рѣшетчатые и другіе узоры, заполненные красной краской по бѣлой глиняной облицовкѣ.

Эти произведенія керамики оказываются сходными съ находками, сдѣланными въ другихъ частяхъ Европы: во Θракіи (R. archéol. 1901, 328 suiv., Bull. corresp. hellén. 1906, 359 suiv.), въ Сербіи и Босніи (*Hörnes*, Neolithische Keramik in Österreich, Jahrb. d. k. k. Zentralkomm. f. Kunst u. hist. Denkm. 1905, S. 7 ff.), въ Буковинѣ и Галиціи (ibid. 114 ff., *Kaindl*, Jahrb. f. Altertumsk. 1908 144 ff.), въ Южной Россіи (отчеты *В. Хвойка*, *Э. ф.-Штернъ*, Неолитическая культура на Югѣ Россіи М. 1905, *Burrows*, The Discoveries in Crete 1908[3], p. 184 foll.), въ Венгріи (*Hub. Schmidt*, Zeitschr. f. Ethnologie 1903, 438 ff., *Wosinsku*, Prähistor. Schanzwerk von Lengyel), въ Богеміи (*Hörnes*, op. cit. S. 72.), Македоніи (*H. Schmidt*, Z. f. Ethnol. 1905, 91 ff.), Румыніи (Z. f. Ethnol. 1904, 643, срв. *Hörnes*, Urg. d. bild. Kunst 210 ff.), быть можетъ, Испаніи (*Déchelette*, Essais sur la chronologie préhistorique de la Péninsule ibérique, R. archéol. XIII), Италіи (*P. Orsi*, Nuovi documenti della civiltà premicenea e micenea in Italia. Ausonia. Rivista della società italiana di archeologia e storia dell'arte I Roma 1907).

Чѣмъ объясняется это иногда поразительное сходство культурныхъ остатковъ, находимыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ восточной половинѣ Средиземнаго моря и въ центральной Европѣ? Въ наукѣ высказаны были двѣ противоположныя теоріи. Одна, поддерживаемая *Hub. Schmidt*'омъ (Z. f. Ethnol. 1903, 43 ff., 1904, 608 ff.; 1905 91 ff.) *M. Much*'омъ и проф. *Э. Р. фонъ-Штерномъ* (Неолитич. культура на Югѣ Россіи М. 1906), утверждаетъ, что старинная «домикенская» цивилизація надвигалась на Югъ изъ центральной Европы, оставляя повсюду на своемъ пути характерные слѣды; другая гипотеза, выдвинутая главн. обр. *Wosinsky*'мъ (Inkrustierte Keramik d. Stein-und Bronzezeit B. 1904), предполагаетъ обратное движеніе упомянутой цивилизаціи. Противъ перваго предположенія срв. *Peroutka*, Dejiny recké I 1908 str. 87 nn. Но, какъ-бы то ни было, указанные выше пункты бассейна Средиземнаго моря образуютъ самостоятельную сѣверную культурную область, стоящую въ связи съ неолитическими находками на Критѣ. Впрочемъ, недавно три англійскихъ археолога: *T. E. Peet*, *A. J. B. Wace* и *M. S. Thompson* въ статьѣ: The Connection of the Aegaean Civilisation with central Europe, помѣщенной въ Class. Review за 1908 г. XXII p. 233 foll., пытались опровергнуть мнѣніе о единствѣ занимающей насъ здѣсь культуры и о родствѣ «эгейской» цивилизаціи съ Средней Европой. Несмотря, однако, на высказываемыя сомнѣнія, мы должны признать, что домикенская неолитическая культура, каково-бы ни было ея происхожденіе, нѣкогда охватывала собою огромную территорію, передвигаясь въ предѣлахъ отъ Крита до Кіева, отъ Іортана на востокѣ М. Азіи до береговъ Испаніи.....

За каменнымъ вѣкомъ въ исторіи нашей культуры слѣдовалъ *вѣкъ бронзы*. (О немъ срв. нынѣ *Peroutka*, Dejiny recké I 1908, str. 91 nn.). Исторію бронзоваго вѣка на Критѣ *A. Evans* дѣлитъ на три главныя эпохи, которыя онъ называетъ Early, Middle и Late Minoan, причемъ внутри каждой изъ нихъ различаетъ еще по три[1]) періода (*Evans*, Essai de classification des époques de la civilisation Minoenne, L. Quarich 1906); эта схема принята была и другими изслѣдователями. Правда, *Dörpfeld* указывалъ на ея недостатки и предлагалъ свою классификацію (Ath. Mitt. 1905, 294 ff.), но въ интересахъ общей терминологіи долженъ былъ также присоединиться къ дѣленію *Evans'a* (Ath. Mitt. 1907, 602 f.). Въ послѣднее время появлялись попытки модификаціи эвансовой терминологіи, какъ напр. *Dawkins'a* Archaeol. in Greece, J. H. S. XXVII 1907, 184 и Ξανθουδίδης, Ἐφημ. ἀρχαιολ. 1906, 154.

Въ основу исторіи развитія культурныхъ ступеней на Критѣ кладется обыкновенно керамика, какъ наиболѣе яркое и типичное

[1]) Μίνως ἐννέωρος βασίλευε (Hom. Odyss. XIX, 178).

явленіе, отражающее всѣ стадіи эволюціи; самую послѣдовательность слоевъ удобнѣе всего наблюдать въ Кноссѣ.

Early Minoan (*Burrows*, The Discoveries in Crete 1908[3] 44 foll. *Peroutka* Dejiny recke I 1908, str. 55 nn.). Низшіе слои Кносса содержатъ въ себѣ первые металлическіе предметы въ видѣ короткихъ бронзовыхъ кинжаловъ, а также первые росписные сосуды (*Mackenzie*, J. H. S. 1903, 164 foll.). Гончарная печь, повидимому, была уже извѣстна въ этотъ періодъ, хотя всѣ сосуды сдѣланы отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга. Они распадаются, въ общемъ, на двѣ группы: вазы съ блестящей черной облицовкой, на которую нанесены широкія бѣлыя матовыя полосы, и вазы съ блестящими черными полосами по коричневому фону глины. Оба эти декоративныхъ принципа продолжаютъ свое существованіе другъ подлѣ друга и въ слѣдующіе періоды.—Слои Early Minoan II и III въ Кноссѣ обнаруживаютъ въ области керамики и другихъ мелкихъ археологическихъ находокъ тѣ-же особенности, что и находки въ Василики на востокѣ о—ва (Transactions of the Department of Archaeology, Pennsylvania University; Miss *Boyd Hawes*, Gournia, Vasiliki and other prehistoric sites on the Isthmus of Hieropetra 1908—American Exploration Society), равно какъ и большія купольныя гробницы въ Аріи Тріадѣ, неподалеку отъ Феста (Memorie del Reale Istituto Lombardo, Classe di lettere, scienze storiche e morali 1905, 235 sgg. tav. 8—11). Такимъ образомъ, всѣ эти памятники должны быть пріурочены къ двумъ упомянутымъ періодамъ ранней миносской эпохи. Въ керамикѣ, наряду съ прежними формами Early Minoan I, снова выступаютъ вдаленные и рѣзные орнаменты неолитической эпохи. На нѣкоторыхъ сосудахъ мы наблюдаемъ геометрическую орнаментовку уже въ полномъ ея расцвѣтѣ. Въ орнаментовкѣ третьяго древнеминосскаго періода становятся нерѣдкими уже кривыя линіи и спираль. На подобныхъ вазахъ можно различать и первые слѣды употребленія гончарнаго круга. Въ этихъ же слояхъ встрѣчаются уже нѣкоторыя каменныя печати цилиндрической, конической или грушевидной формы съ примитивными пиктографическими знаками. Но особенно характерными для конца эпохи Early Minoan являются небольшіе идольчики изъ мрамора, алебастра и стеатита (жировика).

Middle Minoan (*Burrows*, p. 52 foll. *Peroutka* str. 62 nn.). Съ наступленіемъ этой эпохи въ области керамики происходитъ рѣзкій поворотъ. Въ началѣ, правда, преобладаютъ еще декоративные мотивы предшествовавшей эпохи геометрическаго характера. Но рядомъ съ ними выступаютъ теперь и иные элементы росписи, свидѣтельствующіе о новой тенденціи, а именно—криволинейные узоры (J. H. S. 1906, 244). Въ этомъ процессѣ комбинаціи старыхъ и новыхъ элементовъ, геометрической традиціи и принципа кривыхъ линій, послѣдній представляетъ собою гораздо болѣе позднее наслоеніе, совершенно неизвѣстное въ неолитическую эпоху и наблюдавшееся до сихъ поръ

лишь въ періодѣ расцвѣта ранне-микенскаго искусства. На зарѣ періода Middle Minoan примѣненіе чисто-криволинейныхъ узоровъ, повидимому, становится уже традиціоннымъ, хотя и находится въ строгомъ подчиненіи у доминирующаго геометрическаго стиля (J. H. S. 1906, 245). „Мотыльковый" мотивъ (the „butterfly" motive) первой трети средне-миносской эпохи восходитъ къ заштрихованнымъ треугольникамъ, соединеннымъ попарно у вершины и столь характернымъ для предшествовавшаго времени (срв. B. S. A. X p. 199, fig. 2 d,i *Evans* B. S. A. IX 18 foll., 96 foll. и fig. 66). Въ декоративномъ отношеніи наиболѣе интереснымъ является изящный кувшинъ, воспроизведенный ниже (B. S. A. XI, pl. I), причемъ типичнымъ является принципъ концентрированія рисунка на плечахъ, въ то время какъ нижняя часть его окаймлена лишь горизонтальными полосами.

Зональная система декораціи, противоположная принципу вертикальныхъ полосъ и асиметрическому расположенію орнамента въ полихромный періодъ, является отнынѣ регулятивнымъ принципомъ

декораціи во всѣ послѣдующіе періоды миносскаго искусства и позднѣе, въ классическій вѣкъ исторіи Греціи (*D. Mackenzie*, The middle Minoan Pottery of Knossos, J. H. S. 1906, 252)[1]).—Въ этотъ періодъ слѣдуетъ

[1]) Позволяю себѣ привести ниже описаніе этой замѣчательной вазы, извлеченное изъ статей *Mackenzie* и *Evans'a*: This jug is essentially of the same type as those with the «butterfly» motive and their polychrome variants though considerably larger in size. The elaborate polychrome design is concentrated on the upper half and particularly on the shoulder of the vase. Just below the middle is a broad in madder-red bordered above and below by a narrow band in matt cream-white. Below this again half-way towards the base a very broad band is «reserved» in the pale buff ground of the clay.

отмѣтить первые робкіе проблески натурализма (примѣры J. H. S. 1906 pl. 9 fid. 3; B. S. A. IX 302, № 5a, J. H. S. 1901 79 fig I и друг.). Къ началу-же средне-миносской эпохи нужно отнести и найденныя въ Petsofà подлѣ Палеокастро фигуры (B. S. A. IX 366 foll, pl. 8—13). Къ настоящей статьѣ я прилагаю два изображенія подобныхъ вотивныхъ терракотъ изъ Petsofà женскаго и мужскаго типовъ (рис. I

Above and below the main design is a rather wide vermilion band. On the neck is a collar-band in madder-red bordered above and below by a narrow matt cream-white band. Above this, on neck and rim respectively, is repeated the vermilion band motive of the body of the vase. On the spout is a band in matt cream-white. The top of the handle has narrow oblique bands in matt cream-white, going up right, in imitation of a twisted bosket handle. On the shoulder as fundamental element in the main design is a zigzag series of double axe like figures with the contour in mádder-red bordered on either side by a narrow cream white band, and having the central field filled out with dots in matt cream-white which are reminiscent of the Neolithic whitd-filled punctuations. The continuous interval between the units in the zigzag series is filled out with a winding me-

и III), отчасти еще напоминающихъ намъ каменные идолы ранне-миносской эпохи. Эти фигуры изображаютъ собою, повидимому, не божества, но самихъ посвящавшихъ [1]).

Ко второму отдѣлу средне-миносской эпохи (*Burrows* 58 foll., 66 — 83, *Peroutka* str. 63 n.) относятся первые дворцы въ Кноссѣ и Фестѣ. Характерными для керамики Middle Minoan II являются слѣдующіе моменты: a) криволинейные мотивы доминируютъ надъ геометрическими; b) сочетанія цвѣтовъ въ ихъ отношеніи къ свѣтлому и темному фону обнаруживаютъ болѣе высокую стадію органическаго развитія, независимо отъ того, встрѣчаются-ли оба эти фона порознь или въ комбинаціяхъ; c) самыя комбинаціи эти достигаютъ нынѣ высшей ступени совершенства, что исторически соотвѣтствуетъ общему полихромному стилю этого періода, охотно чередующему свѣтлый фонъ съ темнымъ въ прекрасныхъ декоративныхъ системахъ стѣнной живописи и керамики (*D. Mackenzie*, The middle Minoan Pottery of Knossos, J. H. S. 1906, p. 254); и, наконецъ, d) системы красокъ въ свою очередь становятся богаче и разнообразнѣе въ смыслѣ объема или скалы тоновъ (ibid. p. 255).

Сюда относятся прекрасныя вазы стиля „Камаресъ“, названныя такъ по имени пещеры на горѣ Идѣ, гдѣ онѣ впервые и были найдены. Это—моментъ пышнаго расцвѣта полихромной вазовой живописи. Типичные примѣры изображены въ J. H. S. 1901 pl. VI, VII; J. H. S. 1903 pl. V — VII; J. H. S. 1996, pl. VIII; B. S. A. IX, pl. II, cf. p. 15 foll. fig. 4 — 6 B. S. A X; Mon. Ant. VI, tav. IX — XI; Mon. Ant. XIV tav. XXXIV—XXXV, XLII—XLIII и т. д. Я прилагаю къ настоящей статьѣ образецъ этого стиля (Рис. V) [2]).

---

anderband in vermilion. All one a purple-tinted lustrous black glaze slip on terracota-red clay with red and black rand-like particles in it, hand-made. Height 28 c, base diameter 10 c, shoulder diam. 22 c.

The kind of process of desintegration by which the stiff geometric or quasi-geometric motives of an earlier age were rendered fluent, and in turn induced the tendency to further fluency of curvilinear treatement in details, is well illustrated by this vase. The double axe-like figures look like imitations of metal or bone inlays, and of course the form and decorative arrangement of such inlays were largely independent of the rigid geometric tradition (I. H. S. 1906, 250—251). Срв. описаніе этого кувшина въ статьѣ *Arth. Evans'a*: The Palace of Knossos and its Dependencies, B. S. A. XI, p. 19.

[1]) The probability, also, that we have to do with the everyday costume, both of men and of women, suggests that the human figures represent not the deity, but the votaires (*Myres*, Excavations at Palaikastro II, B. S. A. IX, 380).

[2]) Привожу здѣсь описаніе изображенной въ текстѣ вазы: La decorazione semplice consiste sotto le anse di due curve bianche simili a due nostri puncti interrogativi che si oppongano le parti convesse; sotto il beccuccio e nella parte opposta del Vaso si ha una larga striscia bianca che forma una ellisse, tagliata per tutta la sua estensione da una linea rossa, e circondata esteriormente da un sorto di pennellata a guisa di foglie lanceolate. Entro l'ellisse sono cinque circoli bianchi, in nezzo ai quali cinque punti rossi. Выс. m. 0,092, діам. отверстія m. 0,07 (Monumenti antichi XIV, p. 697).

Итальянскій археологъ *Mariani* въ своей статьѣ: „Antichità cretesi“, помѣщенной въ Mon. Antichi за 1896 г. VI p. 154—347, подробно описываетъ произведенія стиля „Камаресъ“ и различаетъ, съ точки зрѣнія ихъ формы, два основныхъ типа: а) сферическія вазы съ широ-

кимъ отверстіемъ безъ горлышка, но съ двумя ручками; в) грушевидныя вазы съ горлышкомъ и одной ручкой (Mon. Ant. VI, p. 335). Декорацію сосудовъ *Mariani* раздѣляетъ на пластическую и роспись. Пластика состоитъ изъ мелкихъ рельефныхъ украшеній и распадается на два вида: системы протуберанцевъ и марморизацію. Гораздо богаче и разнообразнѣе декоративныя формы росписи, а именно: геометрическіе элементы, мотивы изъ растительнаго и животнаго царствъ и, наконецъ, человѣкъ [1]).

Изъ синтеза этихъ декоративныхъ элементовъ получаются иногда чрезвычайно сложныя орнаментовочныя системы. Общій принципъ, по словамъ *Mariani*, слѣдующій: ваза дѣлится вертикальными линіями

[1]) *Mariani* насчитываетъ слѣд. геометрическія формы: strisce semplici e parallele, linee ondulate o a tortiglione, fasci di linee disposte a zig-zag o intersecantesi in varî modi; rete; cerchi concentrici; semicerchi e forse anche cerchi radiati; spirale; croce a braccia espause, sia rette, sia curve. Particolarmente frequenti sono macchie o palline più o meno tonde, disposte in serie o geminate o aggruppate in cerchi ecc. (Mon. Antichi, VI, p. 336—съ пропусками).

на болѣе или менѣе обширныя зоны, которыя заполняются различными декоративными элементами: въ болѣе узкихъ частяхъ преобладаютъ геометрическіе узоры; болѣе широкія поля содержатъ въ себѣ натуралистическіе элементы, разбросанные безъ симметріи и боязни пустого пространства (horror vacui) свойственныхъ геометрическому стилю, но съ тою естественностью, которая такъ характерна для микенскаго искусства (Mon. Antichi VI p. 337).

Сюда относятся также прекрасныя фруктовыя вазы на высокихъ ножкахъ (такъ наз. fruit standes), одинъ образецъ которыхъ,—по выраженію *Dawkins'a* (B. S. A. IX 307—308), „one splendid complete example, a beatiful specimen of red and white Kamáres painting"—данъ въ B. S. A. IX p. 308, fig. 8.—Какъ показываютъ глиняныя имитаціи металлическихъ сосудовъ (B. S. A. VIII 120, fig. 70—71), металлическая техника была уже распространена. Продолжаютъ попадаться каменныя печати, теперь уже съ вполнѣ развитыми пиктографическими знаками. Къ концу этого періода въ Кноссѣ произошло глубокое и всеобщее разрушеніе.

Упадокъ полихромнаго стиля и постепенное возвращеніе къ простому монохромному рисунку по свѣтлому или темному фону является характерною тенденціей послѣдней трети среднеминосской эпохи (Middle Minoan III). Особенность прежняго полихромнаго стиля заключалась въ томъ, что всѣ краски разсматривались исключительно съ точки зрѣнія ихъ декоративнаго эффекта и гармоническаго отношенія другъ къ другу, совершенно независимо отъ ихъ значенія въ реальной дѣйствительности, въ природѣ (*Mackenzie*, J. H. S. 1906, 256—257). Но этотъ принципъ не отвѣчалъ натуралистическимъ тенденціямъ новой эпохи: художнику стало очевиднымъ, что скала красокъ, бывшая способной, благодаря гармоническимъ сочетаніямъ, создавать полихромные эффекты высокой красоты, сдѣлалась совершенно непригодной для воспроизведенія объектовъ и цвѣтовъ внѣшней природы (J. H. S. 1906, 258). И единственно правильнымъ разрѣшеніемъ этой проблемы тоновъ былъ родъ компромисса; такъ, водворяется обычай изображать натуралистическіе объекты или свѣтлыми цвѣтами по темному фону или же наоборотъ. Прекраснымъ примѣромъ этого новаго жанра является такъ называемая „lily-vase" B. S. A. X 7, изображеніе которой приложено ниже.

Натурализмомъ проникнуты декораціи большихъ пиѳосовъ этого періода (*Mosso*, The Palaces of Crete 1907, 125 fig. 55), композиціи геммъ, печатей и многочисленныхъ фаянсовыхъ издѣлій, летящихъ рыбъ (B. S. A. IX p. 70), козъ съ дѣтенышами (B. S. A. IX pl. III) и т. под. сценъ (нѣкоторыя изъ нихъ изображены ниже въ текстѣ), которыя пріурочиваются именно къ этому періоду[1]). Это—кульмина-

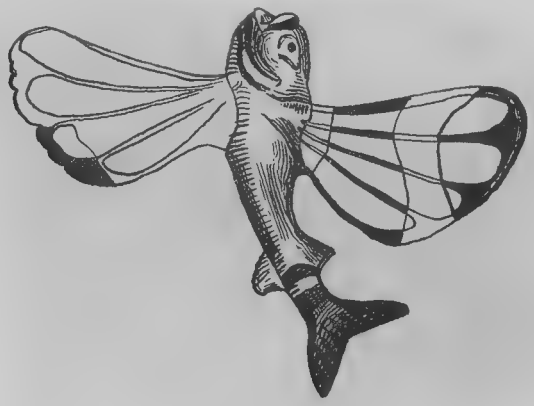
[1]) Привожу описаніе фаянсовой фигуры козы: The other class of animal reliefs exhibits a goat and young. The surface colour of the faïence is here a pale green with the same dark sepia markings. Although no perfect example of any single plaque was

ціонный пунктъ критской культуры вообще, моментъ наивысшаго напряженія миносскаго искусства. Къ концу періода появляются въ

большихъ складахъ дворцовъ таблички съ линейнымъ письмомъ, по Эвансовскому обозначенію – класса А.

preserved, the fact that there were remains of several from the same mould has mad it possible to complete practically the whole relief with absolute certainty. (Annual of the British School at Athens IX 1902/3 p. 72).

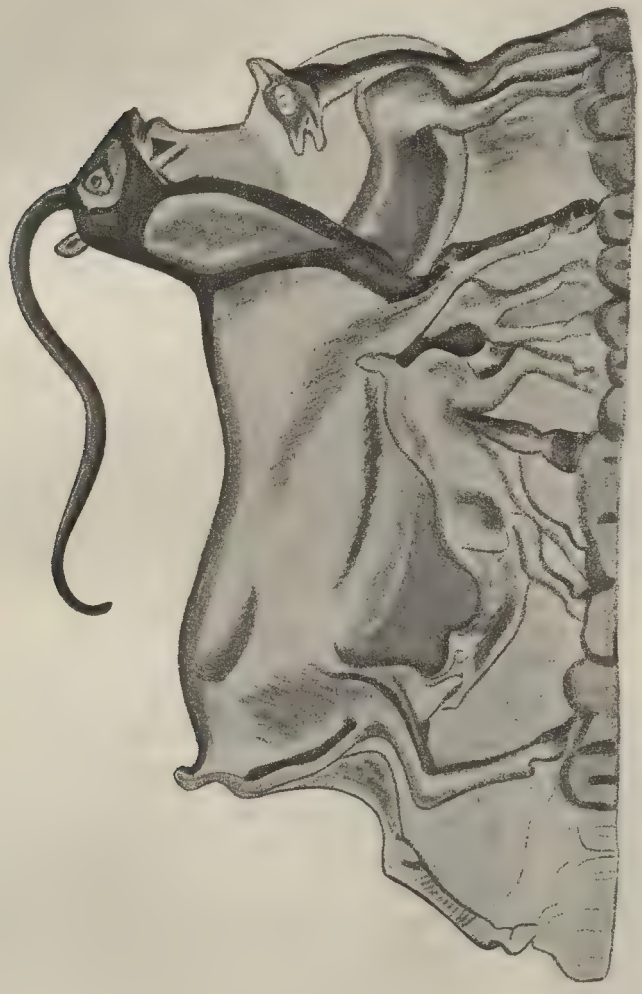
Late Minoan (*Burrows*, p. 84 foll. *Peroutka* str. 66 nn.). Къ началу этого періода относится новая постройка дворца въ Фестѣ, которая,



такимъ образомъ, моложе второго кносскаго дворца. Параллельныя находки вынуждаютъ насъ пріурочить къ этому же времени и дворцовое зданіе въ Агіи Тріадѣ. Здѣсь замѣчательными являются фрески весьма тонкаго рисунка и вполнѣ реальнаго жанра (пейзажъ, животныя, птицы; превосходно изображеніе кошки между ползучими растеніями; такъ и кажется, что кошка вотъ вотъ ринется на свою жертву (Mon. Ant. XIII, tav. 8). Что касается вазовой живописи, то въ этомъ отношеніи весь поздній миносскій періодъ характеризуется постепенной стилизаціей натуралистическихъ мотивовъ предыдущаго періода. Сосуды съ темнымъ фономъ исчезаютъ; на свѣтломъ, большею частью желтоватомъ фонѣ наносятся нынѣ орнаменты коричневой или черной алифой. Очень высоко стоитъ рельефное искусство: чудныя вазы изъ стеатита изъ Аг. Тріады, напр. съ сценой «праздника жатвы» (*Burrows*, Discoveries in Crete pl. 1, Dussaud, Les civilisations primitives 1910, fig. 1 и 32) или знаменитые кубки изъ Вафіо (Ἐφ. ἀρχ. 1879 πίν. 9) относятся къ этому времени. На печатяхъ теперь гл. обр. фантастическія сцены и изображенія.

Late Minoan II (*Peroutka* str. 68 n.)—періодъ пышнаго расцвѣта такъ наз. «дворцоваго стиля» (Burrows, chpt. vi), отличительной чертой котораго является условный рисунокъ по свѣтлому фону, возникшій изъ стилизаціи натурастическихъ мотивовъ. Къ стилизированнымъ изображеніямъ растеній и животныхъ (гл. обр. представителей морской флоры и фауны) присоединяются теперь, въ качествѣ новаго декоративнаго элемента, архитектоническіе мотивы. Орнаментъ покрываетъ почти всю внѣшнюю поверхность сосуда. Примѣры этого стиля:

J. H. S. 1903, 193, Archaeologia 1904 pl. 100, 101 и p. 548—549 Athen. Mitt. 1886. Taf. 3. Въ этомъ же «дворцовомъ» стилѣ работаетъ;



нынѣ и рельефное искусство, какъ показываетъ, напр., прекрасный пивосъ изъ Кносса (B. S. X. IX 139). Болѣе натуралистическими по духу остаются фрески этого періода: вспомнимъ замѣчательныя ми-

піатюрныя фрески придворныхъ дамъ въ стилѣ „Рококо“ (J. H. S. 1901 pl. V). Упомяну еще о большихъ складахъ табличекъ съ буквенными знаками класса B, о купольной гробницѣ въ Isopata (Archaeol. LIX 2 1905 p. 526—562), относящихся также къ этому времени.

На рубежѣ между Late Minoan II и III дворцы въ Кноссѣ и Фестѣ, повидимому, подверглись полному разрушенію. Развитіе керамическаго искусства продолжаетоя въ томъ же направленіи: натуралистическіе мотивы становятся почти неузнаваемыми подъ условною маской. Прежде довольно рѣдкая форма псевдоамфоры входить теперь почти во всеобщее употребленіе. Типичными некрополями этого періода являются отчасти Zafer Papura возлѣ Кносса и Liliana подлѣ Феста. Къ концу періода пріурочивается гробница въ Милатѣ (Archaeologia 1905, 391 foll.; Mon. Antichi XIV 627 sgg.; Archaeologia 1905, 483 foll.). Какъ въ вазовыхъ формахъ, такъ равно и въ орнаментовкѣ наблюдается постепенное вырожденіе искусства. Характерными для послѣдняго періода критской (=миносской) культуры являются многочисленные глиняные саркофаги, λάρνακες, и множество мелкихъ предметовъ ювелирнаго искусства, вещей изъ бронзы и слоновой кости и т. д.

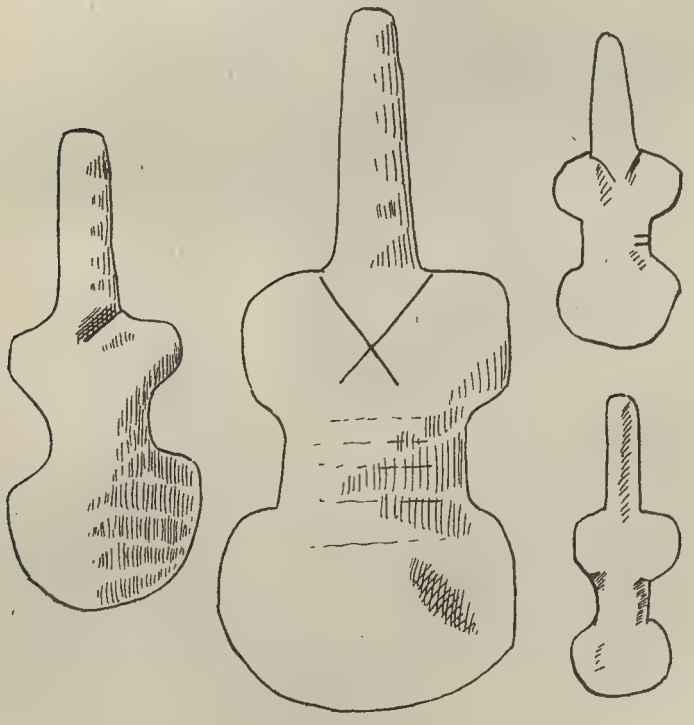
Могилы послѣдующей эпохи въ Кноссѣ свидѣтельствуютъ о глубокой перемѣнѣ въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ обитателей. Желѣзо вытѣсняетъ бронзу. Употребленіе фибулы становится всеобщимъ. Псевдоамфоры, правда дегенерировавшагося типа (de type dégénéré, по *Evans'y*), все еще очень распространены. Такимъ образомъ, смѣна бронзовой культуры желѣзною носитъ характеръ скорѣе постепенной эволюціи, нежели рѣзкаго, внезапнаго переворота.

— —

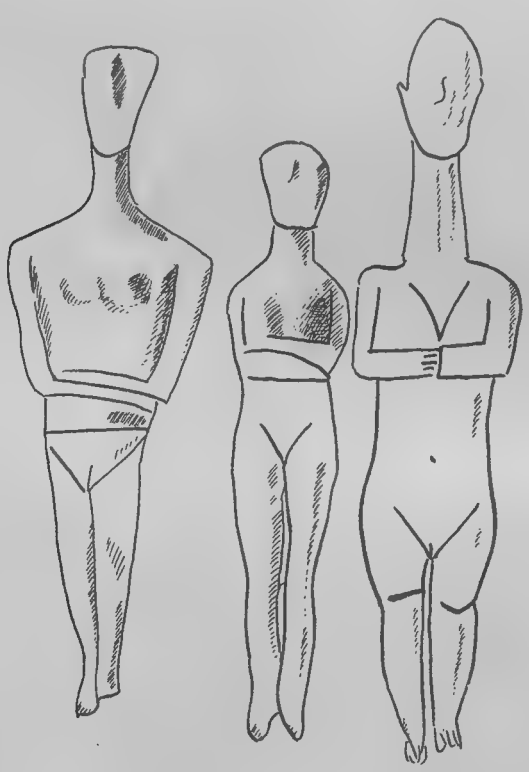
Кромѣ Крита, огромное значеніе для исторіи нашей культуры имѣютъ «троянскія» и «микенскія» древности на Гиссарлыкѣ въ М. Азіи. Здѣсь открыто 9 городовъ или послѣдовательныхъ поселеній. Отъ перваго города (Troja I) сохранились незначительные остатки стѣнъ и много каменныхъ орудій, между прочимъ изъ нефрита. Принадлежность этого слоя къ каменному вѣку все еще не установлена. *Götze*, Troja und Ilion s. 324 ff. высказывается за каменный вѣкъ, *Vollgraff* Bull. corresp. hellén. 1906, 40 слѣд.—за эпоху металла. Второй слой—„сгорѣвшій“ городъ, „Гомеровская Троя“ Шлимана—принадлежитъ бронзовому вѣку и сохранилъ ясные слѣды трехъ строительныхъ періодовъ Характерною для него является керамика: сосуды въ формѣ человѣческой или животной, „Schnabelkannen“ и „Kropfhalskannen“ и т. д. Слои III—V представляютъ изъ себя незначительныя поселенія въ родѣ деревушекъ. VI-ой городъ относится къ микенской эпохѣ и можетъ быть отожествляемъ съ гомеровскимъ Иліономъ. Это—большой акрополь, окруженный колоссальною каменной

стѣной съ тремя (*Robert*, Hermes 1907; по *Dörpfeld'y*—съ пятью) воротами. Микенскій импортъ продолжался и въ слѣдующій періодъ (Troja VII), образующій переходную эпоху, вплоть до греческой колонизаціи Троады. Съ прекращеніемъ Микенскаго вліянія въ керамикѣ, на нѣкоторое время выступаетъ впередъ иностранная Buckelkeramik рядомъ съ позднѣйшей Троянской Повидимому съ этого времени начинаетъ входить въ употребленіе и желѣзо. VIII и IX слои представляютъ собою уже историческія поселенія, греческій и римскій Иліонъ. О троянской культурѣ срв. нынѣ *Dussaud*, Les civilisations préhelléniques 1910, p. 97 suiv.

Съ Критомъ и Троей находятся въ тѣсной связи и древности Эгейскаго моря, особенно Кикладской группы, почему и вся цивилизація получила названіе островной или кикладской (Insel—oder Kykladenkultur). Характерными для нея являются обнаженныя мраморныя фигуры, въ большинствѣ случаевъ женскаго пола, болѣе примитивные идольчики изъ мрамора, по формѣ напоминающіе скрипку



(т. наз. Violinidole) и мраморныя вазы. Рядомъ съ ними попадаются и глиняные сосуды. Я прилагаю здѣсь нѣсколько образцовъ подобныхъ Violinidole, опубликованныхъ впервые *Цундой* въ Ἐφ. ἀρχ. 1898 πίν. 11. О Кикладской культурѣ срв. нынѣ *Dussaud* op. cit. p. 65—96.



Родственными съ культурой Кикладъ являются открытые на о. Кипрѣ некрополи (прежнія изслѣдованія *Ohnefalsch—Richter'a*, раскопки Брит. Музея подъ руководствомъ *Murray'я*, срв. нынѣ *Dussaud* op. cit. p. 128 suiv. *E. J. Forsdyke*, Minoan Pottery from Cyprus etc. J. H. S. XXXI, 1911; 110 foll.). Соединительное звено можно усматривать въ некрополѣ Іортана, въ Мизіи, въ долинѣ верхняго Канка. Керамика типа Aphidna, встрѣчающаяся и на Эгинѣ, въ Аргосѣ и т. д., образуетъ переходъ между островною культурою и микенскою какъ и находки на о-вѣ Θерѣ (*Hiller v. Gärtringen*). Наконецъ, три строительныхъ періода на о. Мелосѣ съ керамическими остатками даютъ намъ наглядную кар-

тину постепеннаго развитія кикладской культуры и перехода ея въ микенскую (ср. Excavations at Phylacopi by the Brit. School at Athens, 1904 и *Dussaud* op. cit p. 80 suiv.).

Параллельныя ступени развитія находимъ мы и на греческомъ материкѣ, напр. въ Орхоменѣ и Тиринѳѣ. Островной культурѣ соотвѣтствуетъ здѣсь 2-й слой Орхомена, характеризующійся своими эллиптическими жилыми постройками, ямами съ золою, глиняными вещами типа Urfirnis и т. д. Третій слой Орхомена съ прямоугольнымъ типомъ дома принадлежитъ, повидимому, къ ранней микенской культурѣ. Домикенскіе слои въ Тиринѳѣ, содержащіе въ себѣ и монохромныя вазы и сосуды съ матовою росписью, до публикаціи керамическихъ находокъ, не могутъ быть съ точностью квалифицированы. Древнѣйшіе изъ домикенскихъ, т. е. минійскихъ слоевъ восходятъ къ III тысячелѣтію до Р. Хр. (*Karo*. Arch. Anz. 1908, 126 f. Срв. о Микенахъ и Тиринѳѣ нынѣ *Dussaud* op. cit p. 108 suiv.).

Для *микенской* культуры, открывающейся намъ въ ея главныхъ центрахъ Микенахъ и Тиринѳѣ и затѣмъ во всей области Эгейскаго моря, мы не располагаемъ пока яркой, рельефной стратификаціей, которая рисовала-бы намъ періодъ развитія культуры. Все же на основаніи стилистическихъ признаковъ возможно установить три періода въ исторіи этой цивилизаціи: 1-й пер. характеризуется, гл. обр., микенскими шахтообразными могилами, открытыми еще Шлиманомъ и содержащими въ себѣ богатыя золотыя находки. Керамика распадается на два типа: 1) вазы съ матовой краской и 2) вазы покрытыя лаковой краской, Firnisfarbe. Первый болѣе древній типъ составляетъ непосредственное продолженіе группы Аѳидны и завершеніе кикладской керамики. Второй типъ дѣлится на три разновидности: α) первая изъ нихъ характеризуется матовою (бѣлою и красною) краскою поверхъ черной лаковой облицовки (Firnisüberzug); вторая β и третья γ разновидности характеризуются темною лаковою краской по свѣтлому фону, который на вазахъ β оказывается бѣловатой или желтоватой облицовкой, а на сосудахъ γ—гладкой желтой поверхностью самой глины. Мотивы орнамента заимствованы большею частью изъ внѣшней природы, но трактуются всегда болѣе или менѣе условно. Къ слѣдующему пер. микенской культуры относятся знаменитые дворцы въ Микенахъ и Тиринѳѣ и куполообразныя гробницы. Группа сосудовъ съ матовою росписью въ этотъ періодъ постепенно исчезаетъ. Въ декоративныхъ формахъ замѣчается тенденція стилизировать натуралистическіе сюжеты и концентрировать ихъ, при помощи линейныхъ мотивовъ, въ опредѣленной части сосуда. Эта характерная для средне-микенскаго періода керамика встрѣчается, кромѣ Микенъ, еще въ купольныхъ гробницахъ подлѣ

аргивскаго Герэона, Вафіо, Kakovatos-Pylos, Волo въ Θессаліи и т. д. Отличительными чертами керамики послѣдняго микенскаго пер. являются слѣдующія особенности: процессъ стилизаціи сосудовъ третьей разновидности (γ) съ условнымъ изображеніемъ растительнаго міра достигаетъ теперь наивысшаго напряженія. Появляется новая, 4-я разновидность (δ) сосудовъ съ матовою краской по желто-зеленоватому фону глины. Типичная псевдо-амфора становится доминирующей формой, рядомъ съ которой часто попадается и сферическая фляшка. Къ этому времени относятся высѣченныя въ скалѣ гробницы въ Навпліи, Спатѣ и Ялисѣ на Родосѣ, куполообразныя гробницы въ Микенахъ у Львиныхъ Воротъ, на о—вахъ Эгейскаго моря отъ Мелоса до Кипра, Троя VI и Милетъ. Это—эпоха наибольшей экстенсивности микенской культуры.

Съ наступленіемъ желѣзнаго вѣка она постепенно приходитъ въ упадокъ; на этомъ переходномъ стилѣ, образующемъ какъ-бы мостикъ между микенскимъ и древне-греческимъ временемъ я здѣсь останавливаться уже не буду...

На основаніи сравненія аналогичныхъ памятниковъ культуры на Критѣ и въ остальной Греціи оказывается возможнымъ опредѣлить совпадающіе по времени періоды *всей* культурной области. Такимъ образомъ устанавливается *относительная хронологія* критско-микен-

ской цивилизаціи. Но такъ какъ произведенія опредѣленныхъ періодовъ этой культуры встрѣчаются въ точно датируемыхъ слояхъ Египта, а съ другой стороны, точно датируемые египетскіе предметы попадаются среди остатковъ критско-микенской культуры, то является полная возможность установить и *абсолютную хронологію* этой загадочной новооткрытой цивилизаціи. На такихъ параллельныхъ рядахъ находокъ я не буду здѣсь останавливаться подробно: онѣ прекрасно анализированы въ книгѣ *Fimmen'a*: Zeit und Dauer d. kretisch-mykenischen Kultur 1909, S. 40—99. Укажу на наиболѣе важныя находки: картушу съ именемъ и титулами царя гиксовъ Chian'a, открытую въ Кноссѣ; изображенія хефтіевъ въ Θивахъ, столь напоминающія критскія; печать съ именемъ царицы Ти, супруги Аменофиса III, критскія вазы, найденныя Флайндерсомъ Петри въ Египтѣ въ Кахунѣ, предметы изъ Эль-Амарны и т. д.

Ниже я привожу составленную мною синхронистическую таблицу, наглядно иллюстрирующую общій ходъ развитія и хронологію критско-микенской культуры.

Евг. Кагаровъ.

Египетъ	Островъ Критъ: Палекастро	Островъ Критъ: Кноссъ	Островъ Критъ: Фестъ	Островъ Критъ: Остальные пункты	Греческіе острова	Греческій материкъ	Остальные пункты (М. Азія и т. д.)
E	a	r	l	y	M i	n o	a n
2900–2000 [illegible] IV–XI. Древнее Царство и [illegible]	[illegible] (B. S. A. IX p. 3[illegible])	Ранние слои. E. M. I: бѣл. орнаментъ на темномъ [illegible], на свѣтл. фонѣ, bucchero; E. M. II „[illegible]“; E. M. III — геометрич.		Гробницы Zakro (B. S. A. VII p. 144), H. Onouphrios, Vasiliki, Gournia, H. Triada	Ранняя культура Киклад. [illegible] о. Аморгос. Phylakopi I	Орхоменъ II. [illegible]	Троя II. [illegible] [illegible] некрополи о. Кипра
M	i	d	d	l e	M i	n o	a n
XII дин. 2000–1800. Среднее [illegible]. Въ Кахунѣ [illegible] вазы XII [illegible]. [illegible] XIII–XVI [illegible]. Господство [illegible] (2-й переходн. періодъ)	Class A“ from [illegible] and [illegible] deposits B. S. A. IX. p. [illegible]03. Class B“ from [illegible] (B. S. A. IX, p. 304). (Мало фрагментовъ.)	1-й дворецъ и періодъ основанія 2-го дворца [illegible] B. S. A. IX p. 21 [illegible] p. 1.	1-ый дворецъ. [illegible] [illegible]	Полисъ [illegible] Zakro, некрополь [illegible], Petsofa и др. Isopata, о. въ [illegible] на сѣв. [illegible] о. Крита	I Phylakopi I. Позднѣйшая культура Киклад. II Phylakopi II. Товары стиля „[illegible]“. III	Афидна, Эгина, Аргосъ. Нѣкоторые шахтовыя гробницы и дворцы Тиринеа и Микенъ. Акрополь въ Аѳинахъ	Троя VI
L	a	t	e	M i	n o	a	n
Новое Царство (дин. XVIII–XX). Возрожденіе [illegible] стиля 1580–1470. Эпоха расцвѣта [illegible] 1470–[illegible]. [illegible] до 1250. Реставрація до 1292. Искусство Рамзес[illegible] [illegible] въ архитект[illegible]. [illegible] 1100 до Р. Х.	B. S. A. IX p. 28. Мелкія находки [illegible]. Періодъ *a* / Періодъ *b* (B. S. A. [illegible])	2-ой дворецъ. Palace style (до разрушенія 2-го дворца) въ рельефахъ натура[illegible] [illegible]. Періодъ реоккупаціи. [illegible] (Perouka) (капелла [illegible])	2-ой дворецъ (до разрушенія 2-го дворца)	Zakro B. S. A. VII, J. H. S. XXIII p. 248. Дворецъ въ H. Triada. Zakro J. H. S. XXIII p. 254. Zafer Papura и H. Triada (саркофаг.). Могилы въ Kalyvia подлѣ Феста не [illegible]	I Phylakopi II. II Phylakopi III („Second or Early [illegible] period“). III „Period of the widest diffusion of Mycenaean pottery“ (по Evans'у)	Микены I: шахтовыя гробницы. Микены II. [illegible] Вафіо и т. д.	Кипръ и др. Троя VI и VII. Малеть, Кипръ, [illegible]
[illegible]		[illegible] геометрическаго [illegible]					

Изъ матеріаловъ для исторіи одесскихъ просвѣтительныхъ учрежденій.

Публичная библіотека.

Жизнь Одессы съ первыхъ-же моментовъ послѣ основанія (27 мая 1794 г.) пошла путемъ необычнымъ не только для русскихъ городовъ, но даже и для многихъ западно-европейскихъ. Одесса сразу привлекла такіе энергичные элементы населенія, которые быстро освоились съ мѣстными условіями, поняли всю выгоду ихъ, а потому и признали подходящими для себя, оставшись здѣсь навсегда, позаботиться о томъ, чтобы устроить свою жизнь въ новомъ городѣ удовлетворяющей всѣмъ потребностямъ людей, имѣющихъ полный достатокъ, а потому и стремящихся къ выполненію требованій духовной культуры. Объясняется это, конечно, прежде всего тѣмъ, что въ Одессу ради выгодъ торговли въ первые же годы ея существованія прибыло очень много иностранцевъ, которые привезли сюда съ собой и широкіе взгляды на просвѣщеніе, а также и желаніе не лишать себя того, къ чему они привыкли у себя на родинѣ.

Понятнымъ поэтому дѣлается тотъ фактъ, что въ 1796 году уже въ Одессѣ ожидается такое распространеніе иностранныхъ и русскихъ книгъ, что здѣсь рѣшено учредить цензуру [1]). Очевидно,—одесское населеніе сразу проявило склонность къ чтенію и составленію библіотекъ. Это столь исключительное для населенія юнаго русскаго города стремленіе къ книгамъ должно быть признано въ высшей степени многознаменательнымъ и важнымъ по своимъ послѣдствіямъ.

Благодаря этому, въ Одессѣ начинаютъ возникать мѣста, гдѣ продаются книги. Иностранцы—французъ Рубо [2]) и швейцарецъ Колленъ

[1]) См. Указы Императрицы Екатерины II отъ 16 сентября и 22 октября 1796 г. (Полное собраніе законовъ №№ 17.058 и 17.523). Ср. у Скальковскаго, Первое 30-тилѣтіе исторіи Одессы (Од. 1837) стр. 51. По указу 16 сентября цензура должна состоять изъ одного духовнаго и двухъ свѣтскихъ лицъ, по указу 22 октября въ нее входили—духовное лицо по назначенію Синода, одного ученаго по избранію Московскаго университета или Академіи наукъ и одного гражданскаго чиновника по назначенію герольдіи.

[2]) О томъ, что Рубо былъ старѣйшимъ книгопродавцемъ въ Одессѣ см. «Одесскій Вѣстникъ» 1856 г. № 113. Другія указанія о книжной торговлѣ въ Одессѣ взяты изъ принадлежащей Одесской публичной библіотекѣ рукописи о начальныхъ годахъ Одессы. Рукопись эта представляетъ трудъ А. А. Скальковскаго. Онъ излагаетъ исторію Одессы за 60 лѣтъ.

продаютъ иностранныя книги, а русскій купецъ Ширяевъ, торговавшій посудой, хомутами и проч., признаетъ и книгу за предметъ, который выгодно держать въ своей лавкѣ, а потому выписываетъ для продажи изъ Москвы и произведенія русской словесности.

При такого рода благопріятномъ положеніи дѣла распространенія книгъ въ Одессѣ рано начали возникать и общедоступныя библіотеки, о чемъ свидѣтельствуетъ графъ Рошешуаръ, состоявшій съ 1805 по 1812 г. при герцогѣ де-Ришелье, оказавшемъ, какъ извѣстно, въ должности градоначальника большія услуги просвѣщенію Одессы. Рошешуаръ, исполняя свои обязанности, не переставалъ заботиться и о своемъ собственномъ образованіи, что ему нетрудно было выполнить, пользуясь „городской библіотекой“ [1]).

Такого рода распространеніе въ Одессѣ стремленія къ книгѣ и къ чтенію не ослабѣвало; оно несомнѣнно становилось явленіемъ обычнымъ, захватывающимъ всѣ круги образованной Одессы [2]). Въ виду этого нисколько не можетъ и не должно удивлять насъ то обстоятельство, что Одесса къ началу двадцатыхъ годовъ представляла изъ себя такого рода центръ, что въ немъ можно было и пристраститься къ чтенію, а при желаніи заняться и составленіемъ библіотеки; вотъ почему со временемъ пребыванія въ Одессѣ Пушкина (въ 1823—1824 г.) между прочимъ связываютъ довольно солидное пополненіе его огромной впослѣдствіи библіотеки. Поэтъ, вообще много читавшій во время своего пребыванія на югѣ и въ Одессѣ, легко доставалъ здѣсь нужныя книги и могъ ихъ по вкусамъ своимъ подбирать [3]).

Развитію просвѣщенія, проявившагося въ Одессѣ съ особой интенсивностью въ двадцатыхъ годахъ, конечно, значительно способ-

---

[1]) Вотъ подлинныя слова объ этомъ Рошешуара: «La ville d'Odessa, munie d'une magnifique bibliothèque, me fournit les livres nécessaires, et dans mes moments de loisir j'étudiais les littératures française, anglaise, italienne, allemande et russe. . .». (Souvenirs sur la révolution. L'empire et la restauration par le général comte de Rochechouart, Paris 1889, стр. 86). Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой городской библіотекѣ въ Одессѣ въ періодъ 1805—1812 г. мнѣ собрать не удалось. Рошешуаръ завѣдывалъ первымъ одесскимъ общественнымъ собраніемъ («casino»); можетъ быть, эта библіотека и состояла при немъ. Основаніе этого „casino“ связано съ именемъ ком. сов. Рено, который раньше былъ въ Одессѣ французскимъ консуломъ. Рено купилъ одно изъ первыхъ хорошо сооруженныхъ въ Одессѣ зданій, принадлежавшее до 1803 г. князю Гр. Сем. Волконскому (о зданіи этомъ упоминаетъ Сумароковъ въ своей книгѣ—„Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи“ М. 1800 г., стр. 212) и передѣлалъ его для нуждъ клуба.

[2]) А. А. Скальковскій, говоря объ образованіи въ Одессѣ сразу нѣсколькихъ клубовъ въ 1822 году, замѣчаетъ, что при каждомъ изъ нихъ имѣлось въ виду учредить „кабинетъ для чтенія“.

[3]) А. И. Кирпичниковъ, Очерки по исторіи новой русской литературы, 2 изд. (Москва, 1903) стр. 462, 463. Ср. В. А. Яковлева, «Значеніе нашего края въ жизни и дѣятельности Пушкина (Од., 1887). Весьма любопытныя данныя о количествѣ и характерѣ пріобрѣтенныхъ Пушкинымъ на югѣ книгъ см. въ описаніи библіотеки его, сдѣланномъ Б. Модзалевскимъ въ в. IX—X изд. «Пушкинъ и его современники» (Спб. 1910).

ствовало какъ учрежденіе высшаго учебнаго заведенія—Ришельевскаго лицея (въ 1817 году)[1]), такъ и начало періодической прессы, которая возникаетъ въ 1820 году въ видѣ французской газеты—„Messager de la Russie méridionalle, ou feuille commerciale, publiée avec l'autorisation du gouvernement". Само собой понятно, что и лицей, и газета были вызваны потребностью одесскаго общества, которое стремилось къ культурной жизни; стремленія эти находили такое быстрое осуществленіе, что Одесса все болѣе и болѣе становилась въ благопріятныя условія для дальнѣйшаго образовательнаго развитія. Лицей процвѣталъ съ каждымъ годомъ, онъ обратился въ разсадникъ просвѣщенныхъ дѣятелей, которые распространяли и уваженіе къ книгѣ, и развивали любовь къ чтенію въ одесскомъ обществѣ. Не замерла на первыхъ робкихъ шагахъ и одесская пресса; публика начала привыкать къ чтенію «своей мѣстной газеты», и Одесса послѣ нѣсколькихъ колебаній въ газетномъ дѣлѣ[2]) уже съ 5 января 1827 г. имѣетъ солидное изданіе—«Одесскій Вѣстникъ», который пытается освѣщать и разсматривать нужды цѣлаго края.

Этому предпринятому по строго обдуманной программѣ[3]) изданію, суждено было сыграть вообще въ культурной жизни Одессы большую роль, въ частности же съ нимъ связано и возникновеніе въ Одессѣ публичной библіотеки.

Во главѣ по изданію „Одесскаго Вѣстника" сталъ кружокъ лицъ изъ тѣхъ высоко просвѣщенныхъ дѣятелей, которыхъ вокругъ себя группировалъ тогдашній новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ. Кружокъ этотъ состоялъ изъ такихъ лицъ, какъ поэтъ Туманскій, археологи Бларамбергъ и Стемпковскій, натуралисты

---

[1]) Въ Одессѣ уже въ самые ранніе годы ея существованія начали появляться учебныя заведенія: до 1803 г. въ ней образовался частный пансіонъ де-Вольсея, а въ 1804 г. основана была Коммерческая гимназія. Лицей выросъ изъ этихъ учебныхъ заведеній. Подробнѣе см. Южный Сборникъ 1859 г., №№ 2 и 3, статья Скальковскаго „Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ".

[2]) О началѣ періодическихъ изданій въ Одессѣ см. «Одесскій Вѣстникъ» за 1828 г. № 14 и журналъ «Югъ» (изд. В. А. Яковлева) за 1882 г. № 1—«Печать въ Новороссіи». Редакторомъ газеты „Messager" былъ Даваллонъ; издавалась она съ 1 апрѣля 1820 г. по октябрь 1823 г. Полнаго комплекта этого любопытнаго для исторіи Одессы изданія, насколько мнѣ извѣстно, - нѣтъ ни въ одной библіотекѣ. Въ Одесской публичной библіотекѣ имѣются только два №№ его за 1821 г. (79 и 83). О возникновеніи этой газеты и о судьбѣ ея см. статью Н. О. Лернера—„Первая одесская газета" (Зап. Имп. Од. Общ. Исторіи и Древн., т. XXIII). Въ 1823 г. вм. „Messager" начала выходить газета „Journal d'Odessa du courrier commercial de la Nouvelle Russie", которая уже и была впослѣдствіи преобразована въ „Одесскій Вѣстникъ".

[3]) О возникновеніи этого изданія, а также о программѣ его см. ст. А. Скальковскаго —„О періодическихъ изданіяхъ въ Одессѣ» — въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" за 1858 г. № 2, см. и В. А. Яковлева о. с.

Десметъ, Стевенъ и Морозовъ, Логиновъ и др.[1]). Они сотрудничали въ Вѣстникѣ, редакторами котораго состояли А. И. Левшинъ [2]) и баронъ Брунновъ [3]). Всѣ эти лица работали съ любовью и преданностью дѣлу, которое они считали дѣломъ первѣйшей важности для просвѣщенія не только Одессы, но и цѣлаго края. Благодаря этому, „Одесскій Вѣстникъ“ завоевывалъ все большія и большія симпатіи, а потому быстро сталъ давать и матеріальныя выгоды. Но просвѣщенные руководители его не желали пользоваться ими, они считали деньги, которыя доставлялись газетой, принадлежащими не имъ, а обществу. Въ виду этого

---

[1]) Всѣ члены этого кружка по многимъ отзывамъ были люди отлично образованные и искренно преданные своимъ обязанностямъ. Во время Воронцова въ Одессѣ проживали привлеченные имъ-же къ службѣ еще Безакъ, поэтъ В. Г. Тепляковъ, Бахметевъ и др. Ср. Воспоминанія М. П. Щербинина („Русск. Архивъ“ 1876 г., кн. III, стр. 286).

[2]) Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ—одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей первой половины XIX в. род. въ 1799 г. По окончаніи курса въ Харьковск. университетѣ поступилъ въ департаментъ сельскаго хозяйства, потомъ при гр. Воронцовѣ въ Одессѣ былъ чиновникомъ, а въ 1831—37 гг. занималъ постъ одесскаго градоначальника. Въ 1857—1859 г. былъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и игралъ видную роль въ дѣлѣ подготовки освобожденія крестьянъ, о чемъ даетъ очень интересныя свѣдѣнія въ своихъ запискахъ—„Достопамятныя минуты въ моей жизни“ («Руск. Архивъ» 1885 г. № 8 стр. 475 и дальше). Послѣдніе годы своей жизни былъ членомъ государственнаго совѣта. Левшинымъ написано нѣсколько очень цѣнныхъ работъ: „Историческое и статистическое обозрѣніе уральскихъ козаковъ“ (Спб. 1823); „Письма изъ Малороссіи“ (Харьковъ); „Прогулка русскаго въ Помпеи“ (Спб. 1843). О дѣятельности Левшина см. книгу—„А. И. Левшинъ, на память юбилея его“ (Спб. 1868). Умеръ Левшинъ въ 1879 году. Левшинъ по отзывамъ современниковъ. его знавшихъ, былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся. Вигель („Записки“ М., изд. 1892 г., ч. VI, стр. 91) такъ пишетъ о знакомствѣ своемъ съ нимъ въ указываемый періодъ: „А. И. Левшинъ—человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. У него были и познанія, и способности, и трудолюбіе вмѣстѣ съ врожденною ко всѣмъ привѣтливостью, которая, равной будучи и со старшими, не могла имѣть ни малѣйшаго вида подлости, сверхъ того, довольно замѣтное честолюбіе,—однимъ словомъ,—всѣ средства къ возвышенію. Мнѣ едва-ли случалось встрѣчать человѣка болѣе его благоразумнаго въ поступкахъ». — Левшинъ, ставъ Одесскимъ градоначальникомъ — (съ 25 февраля 1831 г.), не переставалъ интересоваться литературными вопросами; такъ изъ письма его къ В. Г. Теплякову (см. „Русск. Старина“ 1896 г., апрѣль, стр. 191) видно, что онъ очень заботится о судьбѣ „Одесскаго альманаха“, для котораго самъ написалъ статьи: „Воспоминанія о Говардѣ“ и „Женева и кантонъ женевскій“ (обѣ въ «Одесскомъ альманахѣ» на 1831 г.). Насколько А. И. Левшинъ пользовался любовью одесскаго населенія, видно изъ праздника, устроеннаго населеніемъ Одессы 19 апрѣля 1835 г. въ его честь, когда онъ уѣзжалъ въ отпускъ. Праздникъ отличался задушевностью привѣтовъ отъѣзжающему и искренними пожеланіями возвращенія. (См. „Одесскій Вѣстникъ“ 1835 г., № 33). Здѣсь приведены и стихи, въ которыхъ авторъ благодаритъ Левшина и др. за заботы объ Одессѣ.

[3]) Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ за 1858 г. № 2 стр. 7 объ этомъ сотрудникѣ Левшина сказано: „нынѣ посолъ въ Пруссіи, а прежде въ Англіи“. На основаніи этого мы должны признать упоминаемаго въ сотрудничествѣ съ Левшинымъ барона Бруннова—барономъ Филиппомъ Ивановичемъ Брунновымъ, который родился въ 1799 г. и послѣ службы при гр. Воронцовѣ былъ причисленъ къ гр. Нессельроде, а въ 1839 г. началъ свою дипломатическую карьеру и занималъ послѣдовательно посты пословъ въ Штутгардтѣ, Лондонѣ и Берлинѣ. Умеръ онъ въ 1875 г., будучи произведенъ въ графское достоинство (грамота за смертью Ф. И. государемъ подписана не была). Ср. «Др. и нов. Россія» 1879 г., № 3

самымъ подходящимъ казалось имъ употребить скопившуюся за первые же два года изданія солидную сумму на дѣло просвѣщенія Одессы. Зародившаяся мысль не осталась безъ выполненія, и въ февралѣ 1829 г. Левшинъ подалъ ген.-губ. графу М. С. Воронцову приводимую ниже докладную записку [1]).

„Одесса во многихъ отношеніяхъ стоитъ на ряду съ просвѣщеннѣйшими городами Европы. Степень образованности значительной части ея жителей, непосредственныя и скорыя сношенія ея со всею почти Европою; число и разнообразіе учебныхъ заведеній, въ ней существующихъ; музей, изданіе журнала; Общества: Сельскаго хозяйства, Благотворенія и Тюремное — служитъ тому доказательствомъ; но выгоды сіи не препятствуютъ замѣчать недостатокъ, ощущаемый жителями здѣшними и особенно пріѣзжающими сюда путешественниками въ книгахъ для чтенія.

Я употребилъ бы во зло снисходительное вниманіе Вашего Сіятельства и даже оскорбилъ бы особу Вашу, естлибъ сталъ доказывать предъ Вами пользу учрежденія въ Одессѣ публичной библіотеки. Оставляя доказательства сіи для тѣхъ, кои имѣютъ въ оныхъ нужду, я прошу Васъ только удостоить воззрѣніемъ предположенія, мною представляемыя для достиженія сей полезной цѣли. За возможность исполненія оныхъ ручаются мѣстныя обстоятельства Одессы, желаніе жителей ея, и быстрый ходъ, коимъ городъ сей не престаетъ идти къ усовершенствованію, подъ покровомъ благотворнаго и просвѣщеннаго Правительства.

Благодаря попеченіямъ Вашего Сіятельства, здѣсь уже третій годъ издается Вѣстникъ, болѣе всего посвященный распространенію въ Россіи и въ Европѣ справедливыхъ познаній о Новороссійскомъ краѣ. Главные сотрудники онаго донынѣ не имѣли и не желаютъ имѣть другого возмездія, кромѣ пріятной возможности содѣйствовать Начальству въ исполненіи благихъ его намѣреній; печатаніе Вѣстника производится въ городской типографіи съ самыми маловажными издержками. Обстоятельства сіи позволили намъ составить капиталъ до 30.000, изъ коихъ до 10 тысячъ употреблено на улучшеніе типографіи, а 20 тыс. слишкомъ ожидаютъ назначенія и остаются никому не принадлежащими. Пріобрѣтенныя литературными трудами могутъ ли деньги сіи лучше быть употреблены какъ не на распространеніе просвѣщенія? Употребленіе таковое будетъ возвращеніемъ долга въ тотъ источникъ, изъ коего онъ нравственно заимствованъ. Если мысль сія заслуживаетъ одобренія Вашего Сіятельства, то позвольте употребить теперь же 15.000 рублей на покупку книгъ, кои составятъ основаніе (fonds) здѣшней городской библіотеки. Деньги, кои за симъ отчисле-

[1]) См. дѣло изъ архива бывшаго новороссійскаго и бессарабскаго генералъ губернатора: - „О заведеніи въ Одессѣ городской библіотеки". Записка эта до сихъ поръ полностью издаваема не была; привожу ее безъ всякихъ измѣненій.

ніемъ останутся въ кассѣ Вѣстника, будутъ весьма достаточны для нуждъ сего изданія. Что касается до библіотеки общественной, то для первоначальнаго устроенія оной сверхъ 15.000 рублей денегъ можно прибѣгнуть къ добровольнымъ пожертвованіямъ. Полагать должно, что частныя приношенія деньгами и книгами доставятъ значительныя средства къ достиженію желанной цѣли. Предварительные отзывы многихъ жителей здѣшнихъ внушаютъ мнѣ сію увѣренность. Щедрость и любовь къ просвѣщенію Вашего Сіятельства послужатъ первымъ примѣромъ. Подражая оному, и я буду покорнѣйше просить Общество городское принять отъ меня приношеніе, состоящее изъ собранія сочиненій древнихъ историковъ и географовъ, писавшихъ о здѣшнемъ краѣ и нѣкоторыхъ другихъ книгъ.

На первоначальное устроеніе шкаповъ, столовъ и вообще всѣхъ необходимыхъ для библіотеки мебелей будетъ достаточно единовременное назначеніе 5.000 рублей, кои Ваше Сіятельство, по силѣ узаконеній, сможете приказать отпустить изъ городскихъ доходовъ.

Средства сіи весьма достаточны для первоначальнаго заведенія библіотеки, но оныя не обезпечиваютъ существованія оной въ должномъ видѣ на будущее время, Доколѣ изданіе Вѣстника остается въ настоящемъ положеніи, доколѣ надзирать и трудиться надъ нимъ будутъ тѣже лица, кои нынѣ онымъ занимаются, доходы его могутъ быть первымъ и весьма сильнымъ способомъ къ ежегодному обогащенію библіотеки здѣшней. Но изданіе газеты нашей не можетъ всегда оставаться въ настоящемъ видѣ. Весьма вѣроятно, что будущіе редакторы пожелаютъ воспользоваться доходами Вѣстника или вполнѣ, или большею частію. Упрочить существованіе городской библіотеки весьма легко, испросивъ у высшаго Правительства позволеніе ежегодно отпускать изъ доходовъ города Одессы 3.500 рублей съ тѣмъ, чтобы 1.500 руб. были назначены въ жалованье библіотекарю, а 2.000 рублей на покупку книгъ, картъ и прочіе расходы библіотеки.

Примѣчаніе. На наемъ помѣщенія и отопленіе онаго нѣтъ нужды употреблять особой суммы, ибо библіотека городская легко можетъ быть помѣщена въ домѣ, вновь отстроенномъ для городскихъ присутственныхъ мѣстъ, вмѣстѣ съ принадлежащимъ городу музеемъ. Въ тѣхъ же комнатахъ можетъ храниться и библіотека Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи съ разными ея собраніями. Такимъ образомъ, будутъ соединены въ одно мѣсто три общественныхъ заведенія, за коими надзоръ можетъ быть порученъ одному и тому же лицу“ [1]).

Записка эта была одобрена графомъ Воронцовымъ, который и обратился 11 марта 1829 г. къ министру внутреннихъ дѣлъ гр. А. А.

---

[1]) Подъ запиской этой, кромѣ подписи Левшина, имѣется помѣта: «*Одесса, февраля дня—1829 г.*».

Закревскому съ представленіемъ по вопросу, возбужденному Левшинымъ; подчеркивая необходимость въ Одессѣ общественной библіотеки, гр. Воронцовъ просилъ исходатайствовать соотвѣтствующее разрѣшеніе на ея учрежденіе [1]). Возбужденное гр. Воронцовымъ официальное ходатайство было встрѣчено благосклонно, о чемъ, конечно, и было получено въ Одессѣ свѣдѣніе, такъ какъ уже въ іюлѣ 1829 г. иниціаторы основанія въ Одессѣ библіотеки сочли возможнымъ довести до свѣдѣнія публики объ ея предстоящемъ открытіи, при чемъ дѣлается и предложеніе жертвовать книги. „Имена всѣхъ жертвователей и количество ихъ приношеній", говорится въ газетной замѣткѣ [2]), „будутъ объявляемы чрезъ „Одесскій Вѣстникъ". Помѣщеніе для одесской библіотеки отведено начальствомъ на Новомъ бульварѣ, въ домѣ, приготовленномъ для городскихъ присутственныхъ мѣстъ. Содержаніе и умноженіе оной на будущее время, составленіе правилъ, на которыхъ она будетъ *безденежно* открыта для всѣхъ, желающихъ пользоваться оною и опредѣленіе библіотекаря принимаетъ на себя Главное Начальство Новороссійскаго края. Первоначальное устройство сего заведенія ввѣрено Коллежскому Совѣтнику Левшину. . .". Это извѣщеніе не осталось безрезультатнымъ, и въ предположенную къ открытію въ Одессѣ библіотеку стали поступать книжныя пожертвованія не только отъ одесскихъ гражданъ, но и отъ иногородныхъ жителей [3]).

Надежды и ожиданія одесситовъ относительно библіотеки не остались тщетными. Ходатайство графа Воронцова увѣнчалось успѣхомъ. 13 сентября 1829 г. Государь Николай Павловичъ въ Петергофѣ далъ слѣдующій указъ:

---

[1]) Представленіе гр. Воронцова см. въ томъ-же дѣлѣ.

[2]) «Одесск. Вѣстникъ» 1829 г. № 47 (12 іюля).

[3]) См. напр. замѣтку въ «Одесск. Вѣстн.» за 1829 г. № 60 (27 іюля) о пожертвованіи Ертовымъ (изъ Петербурга) собственныхъ сочиненій (Всеобщая исторія и др.). Въ настоящее время въ библіотекѣ имѣется слѣдующія сочиненія Ертова: 1) Всеобщая исторія древнихъ просвѣщенныхъ народовъ (Спб. 1824—1825 г.—5 частей), 2) Продолженіе всеобщей исторіи (Спб. 1826—1828, 4 части), 3) Мысли о происхожденіи и образованіи міровъ (Спб. 1820 г. 3 части) и 4) Мелкія сочиненія. Иванъ Даниловичъ Ертовъ, являющійся однимъ изъ первыхъ жертвователей своихъ изданій нашей библіотекѣ,—происходилъ изъ купеческой среды и былъ писателемъ-самоучкой (1777—1830); занимался естественными науками, астрономіей, исторіей и т. п. (О немъ см. у Венгерова, Источники словаря русскихъ писателей т. II). А. А. Скальковскій въ статьѣ своей «Одесса за 40 лѣтъ назадъ», отмѣчая открытіе Одесской публичной библіотеки и свидѣтельствуя о томъ, что въ библіотеку съ самаго начала ея возникновенія стали стекаться подарки,—говоритъ: «Замѣчательный подарокъ сдѣланъ былъ извѣстнымъ генераломъ Сабанѣевымъ, который доблестную жизнь свою оканчивалъ въ Одессѣ и даже построилъ домъ среди развалинъ бывшихъ Суворовскихъ казармъ, у самой военной балки... Посланный за пожертвованными имъ книгами едва помѣстилъ ихъ на двѣ огромныя повозки; гр Воронцовъ въ память знаменитаго русскаго генерала и его полезнаго подарка назвалъ мостъ, основанный тогда близъ его дома чрезъ военный оврагъ, Сабанѣевскимъ» (Труды Одесскаго Статистическаго Комитета, в. IV (Одесса 1870), стр. 64).

Господину Новороссійскому и Бессарабскому Генералъ Губернатору.

По представленію вашему о учрежденіи въ Одессѣ Городской Публичной Библіотеки, Я дозволяю употреблять изъ доходовъ города Одессы ежегодно: на содержаніе сей библіотеки и пополненіе оной вновь выходящими книгами, картами и прочее по двѣ тысячи рублей и на жалованье библіотекарю оной по тысячѣ пяти сотъ рублей.

НИКОЛАЙ.

Указъ этотъ [1]) полученъ былъ въ Одессѣ къ началу октября, такъ какъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ отъ 5 октября объ этомъ уже было доведено до свѣдѣнія публики, а 9 октября графъ Воронцовъ, препровождая одесскому градоначальнику [2]) копію Высочайшаго указа, предлагаетъ привести его въ исполненіе. Вмѣстѣ съ этимъ графъ Воронцовъ извѣстилъ градоначальника о томъ, что въ библіотекари имъ избранъ и назначенъ состоящій при градоначальникѣ коллежскій ассесоръ Спада, тогда же „начавшій заниматься своею новою должностью [3])“. Одновременно съ этимъ о назначеніи былъ увѣдомленъ и Спада. Ему предложено было—„немедленно заняться предварительнымъ устройствомъ библіотеки, объ открытіи которой и о правилахъ, на коихъ должна она существовать, должно быть особое наставленіе“.

Такимъ образомъ, въ началѣ октября 1829 г. произошло учрежденіе въ Одессѣ публичной библіотеки.

Въ исторіи возникновенія въ Россіи публичныхъ библіотекъ учрежденіе Одесской библіотеки въ 1829 г. должно быть признано фактомъ, въ высшей степени ясно указывающимъ на исключительное по своей вдумчивости отношеніе А. И. Левшина и его кружка къ культурнымъ запросамъ русскаго общества. Дѣло въ томъ, что въ указанное время въ Россіи существовали лишь библіотеки правительственныя, принадлежащія различнымъ учрежденіямъ или вѣдомствамъ (напр. библіотека Академіи Наукъ, Императорская публичная библіотека, у насъ на югѣ—Севастопольская морская офицерская библіотека), публичныхъ-же библіотекъ, учрежденныхъ обществами, да еще въ провинціи—не было. Вопросъ о такихъ библіотекахъ въ Россіи былъ поднятъ графомъ Н. С. Мордвиновымъ (президентомъ Вольно-

---

[1]) Въ указанномъ выше дѣлѣ архива находится копія его, по которой онъ здѣсь и печатается. Гдѣ находится подлинникъ, мнѣ опредѣлить не удалось.

[2]) Этотъ постъ тогда занималъ ген.-м. А. В. Богдановскій.

[3]) См. указонное выше дѣло. Здѣсь же находимъ и предложеніе Воронцова Спадѣ о назначеніи.

Алексѣй Иракліевичъ
ЛЕВШИНЪ

(Съ литографіи, принадлежащей Одесской публичной библіотекѣ).

Граф. завед. Новакъ и Побуда, О

экономическаго общества) лишь въ 1830 г.; имъ былъ выработанъ планъ учрежденія библіотекъ, которое, какъ онъ выражался, „разовьетъ духъ общественности, откроетъ большой сбытъ для хорошихъ сочиненій по части наукъ и промышленности и будетъ эпохой народныхъ улучшеній". Предложеніе это, выдвигавшее вопросъ о публичныхъ библіотекахъ для всей Россіи, *несомнѣнно* вызвано было у Мордвинова примѣромъ Одессы, на библіотеку которой онъ и ссылается въ своемъ извѣстномъ пйсьмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ А. А. Закревскому (23 апрѣля 1830 г.). Съ именемъ графа Мордвинова обыкновенно и связываютъ оживленіе русскаго общества въ дѣлѣ устройства библіотекъ, такъ какъ исключительно послѣ 1830 г. во многихъ провинціальныхъ городахъ начинаютъ возникать онѣ. Забвеніе въ ходѣ исторіи этого вопроса имени иниціатора Одесской публичной библіотеки А. И. Левшина должно быть признано актомъ большой несправедливости. Мы должны съ чувствомъ гордости утверждать, что именно имъ положено въ Россіи начало учрежденію публичныхъ общественныхъ библіотекъ [1]).

Однако объ открытіи библіотеки для публики въ это время не могло быть и рѣчи, такъ какъ тогда въ Одессѣ появилась чума, и всѣ существовавшія общественныя учрежденія временно были закрыты [2]). Слѣдовательно и Левшину, который, какъ мы видѣли, собиралъ уже книги, и Спадѣ, приступавшему къ своей библіотекарской работѣ, оставалось приводить все въ порядокъ и подготовлять для предстоящаго открытія. Удобнымъ для этого временемъ признано было лишь начало 1830 года.

Въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" [3]) 26 марта 1830 года была помѣщена слѣдующая замѣтка: „Съ истиннымъ удовольствіемъ взялись мы извѣстить гг. подписчиковъ кабинета для чтенія журналовъ, что оный будетъ открытъ въ понедѣльникъ 31 марта, въ 10 час. утра—въ комнатахъ публичной библіотеки, на бульварѣ [4]). Хотя выписываемые для сего заведенія журналы и газеты еще не всѣ получены, однакоже многія періодическія изданія какъ русскія, такъ французскія и нѣмецкія уже открыты для подписчиковъ Чрезъ нѣсколько дней будетъ

[1]) О гр. Н. С. Мордвиновѣ см. изслѣдованіе В. С. Иконникова (Спбургъ 1873). Здѣсь на стр 494 напечатано указанное выше письмо Мордвинова къ Закревскому. Въ письмѣ своемъ Мордвиновъ говоритъ: „только въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и *Одессѣ*— заведены публичныя библіотеки", „могли-бы составляться подобно тому, *какъ сіе заведено въ Одессѣ*".—Мордвиновъ не сомнѣвается, что въ русскія публичныя библіотеки будутъ поступать пожертвованія,—*„какъ это доказано уже примѣромъ Одесской библіотеки"*. Историки библіотечнаго дѣла въ Россіи обыкновенно не отмѣчаютъ въ этомъ отношеніи заслуги А. И. Левшина (Срв. напр. Л. Б. Хавкиной, Библіотеки, ихъ организація и техника (Спб. 1904); здѣсь о Левшинѣ нѣтъ ни слова, хотя историческая справка о Мордвиновѣ и сдѣлана).

[2]) См. объ этомъ „Одесск. Вѣстн." 1829 г. за октябрь и ноябрь.

[3]) № 26.

[4]) Въ городскомъ домѣ, гдѣ нынѣ съѣздъ мировыхъ судей и др. учрежденія.

открыта и публичная библіотека". Дѣйствительно, послѣ этого извѣщенія скоро, а именно 15 апрѣля [1]),—открылась библіотека. Это важное событіе было отмѣчено слѣдующимъ образомъ въ газетѣ [2]):

„Одесскимъ жителямъ безъ сомнѣнія пріятно будетъ узнать, что наша городская библіотека получаетъ непрестанно новыя прирощенія и что теперь, судя по недавности ея основанія, она уже значительно велика. Нашимъ читателямъ извѣстно, что не болѣе года тому назадъ, какъ Правительство возымѣло мысль учредить сіе заведеніе; что сумма, потребная къ исполненію подобнаго предпріятія, столь полезнаго и достойнаго просвѣщеннѣйшихъ націй, заключалась единственно въ 15.000 руб., взятыхъ изъ доходовъ редакціи „Одесскаго Вѣстника"; что карантинныя предосторожности, коимъ подверженъ былъ нашъ городъ, заставили отложить на нѣсколько мѣсяцевъ покупку книгъ и устройство зданія, назначеннаго для библіотеки, такъ что сіе заведеніе не могло быть открыто прежде 15 апрѣля текущаго года. Въ настоящее время находится уже въ ономъ до 5.000 книгъ на разныхъ европейскихъ языкахъ; въ томъ числѣ около 1.000 томовъ русскихъ книгъ, купленныхъ по распоряженію начальства въ С.-Петербургѣ: между сими послѣдними находятся всѣ сочиненія отечественныхъ классиковъ и многихъ другихъ книгъ, особенно уважаемыхъ. Такое пріобрѣтеніе тѣмъ болѣе имѣетъ цѣны для Одессы, что до сихъ поръ въ нашемъ городѣ не было ни одного примѣчательнаго собранія русскихъ книгъ ни въ публичныхъ заведеніяхъ, ни между частными лицами.

Въ заключеніе скажемъ, что комнаты, гдѣ помѣщена публичная библіотека, весьма хороши, красиво убраны и заслуживаютъ общее одобреніе всѣхъ посѣтителей".

Устроенная такимъ образомъ библіотека должна была функціонировать по слѣдующему „уставу" [3]), т. е. по такимъ правиламъ:

1) Библіотека будетъ открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Часы для чтенія назначаются слѣдующіе: съ 1-го апрѣля по 1-е сентября: по понедѣльникамъ, средамъ, четвергамъ и пятницамъ отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ пополудни; по вторникамъ и субботамъ отъ 5-ти до 8-ми часовъ вечера. Съ 1-го сентября по 1-е апрѣля ежедневно отъ 9-ти часовъ утра до 2-хъ пополудни.

2) Всякій порядочно одѣтый человѣкъ имѣетъ право входить въ библіотеку безъ всякой платы и читать въ оной книги въ назначенные часы, не вписывая и даже не объявляя своего имени.

[1]) 5 апрѣля 1830 г. въ «Од. Вѣстн.» было напечатано: «Комнаты, назначенныя для публичной, библіотеки приготовлены, и заведеніе сіе будетъ открыто 15 апрѣля».

[2]) «Одесск. Вѣстникъ» 1830 г. № 41 (отъ 21 марта).

[3]) См. «Уставъ Одесской публичной библіотеки» въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» 5 апр. 1830 г. № 28.

3) Всякій желающій заниматься чтеніемъ въ публичной библіотекѣ, при входѣ, обращается къ библіотекарю и требуетъ отъ него желаемой книги; но самъ ни до чего не прикасается.

4) При выходѣ изъ библіотеки, никто и ни подъ какимъ видомъ не можетъ уносить съ собою книгъ, полученныхъ для чтенія; но непремѣнно обязанъ возвратить оныя библіотекарю.

5) Катологъ всѣхъ книгъ, въ библіотекѣ имѣющихся, будетъ всегда находится на главномъ столѣ.

6) Желающіе дѣлать выписки найдутъ въ библіотекѣ перья и чернило, но всякій долженъ приносить свою бумагу.

7) Молчаніе и благопристойность суть необходимыя условія, на коихъ позволяется посѣщать библіотеку и оставаться въ ней для чтенія книгъ.

8) Если кто выйдетъ изъ границъ благопристойности, или будетъ слишкомъ громко говорить и шумѣть въ библіотекѣ въ часы, опредѣленные для чтенія, тому библіотекарь имѣетъ право напомнить о сдѣланномъ имъ отступленіи отъ правилъ, и, если два таковыхъ замѣчанія останутся безуспѣшными, то библіотекарь требуетъ пособія начальства.

9) Всякій можетъ входить въ библіотеку и оставаться въ оной съ шляпой на головѣ и зимой въ шинели, или другой теплой одеждѣ; но никто не будетъ впущенъ съ собакою, трубкою или сигарою.

10) Возлѣ залы, въ коей расположена публичная библіотека, находится кабинетъ для чтенія журналовъ. Въ сей послѣдній, какъ заведеніе, по подпискѣ составленное, никто, кромѣ подписчиковъ, входить не долженъ".

Относительно порядка расходованія опредѣленныхъ на содержаніе библіотеки денегъ 3.500 руб. въ годъ изъ доходовъ города—10 марта 1830 г. генералъ-губернаторомъ были сдѣланы соотвѣтствующія указанія[1]) градоначальнику.

Ему предлагалось неукоснительно слѣдить за тѣмъ, чтобы городъ аккуратно отпускалъ назначенную на библіотеку сумму, которая за вычетомъ 1.500 руб.—на жалованье библіотекарю должна была быть распредѣлена такъ: 300 руб. ежегодно—на жалованье сторожу, 500 руб. на отопленіе, а 1.200 руб.—на покупку книгъ, „коимъ предварительно библіотекарь долженъ составлять каталогъ и представлять начальству на утвержденіе". Деньги, назначенныя на покупку книгъ, не могли быть „отчуждаемы ни на какой другой предметъ", отчеты-же о всѣхъ расходахъ должны были быть представляемы градоначальнику.

---

[1]) Предложеніе градоначальника, № 11143, см. тоже «дѣло».

Все вышеизложенное знакомитъ насъ съ обстоятельствами, при которыхъ основалась и открылась наша библіотека, а также даетъ намъ возможность заключать и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ей предстояло выполнять свое назначеніе.

Учреждена она была правительствомъ по предложенію группы лицъ, которыя изыскали на ея обзаведеніе извѣстную сумму денегъ; эти лица принадлежали къ мѣстной интеллигенціи, представители которой вообще проявляли заботы о новой библіотекѣ; такъ извѣстный въ Одессѣ литераторъ М. П. Розберъ 5-го декабря 1830 года писалъ Пушкину, что въ Одессѣ готовится изданіе литературнаго альманаха—„въ пользу здѣшней публичной библіотеки“; Розбергъ проситъ у Пушкина стиховъ [1]) для этого альманаха. Обезпеченіе-же библіотеки ежегоднымъ ассигнованіемъ опредѣленной суммы возложено было на городъ, который однако этимъ и долженъ былъ ограничить свое участіе въ жизни *городской* публичной библіотеки.

Библіотекарь былъ назначенъ отъ правительства, наблюденіе за правильностью хода всего дѣла, а также за покупкой книгъ возложено на градоначальника, которому предстояло предписывать городу и библіотекѣ свои распоряженія. Такимъ образомъ, библіотека съ самаго начала своего существованія по характеру своему являлась учрежденіемъ, находящимся подъ контролемъ и въ вѣдѣніи правительства.—Возникновеніе такого рода учрежденія на городскія средства не должно быть признано явленіемъ для того времени ненормальнымъ. Дѣло въ томъ, что по тогдашнему „Уставу о городскомъ хозяйствѣ“—городская дума не пользовалась и тѣнью самостоятельности и независимости даже въ своей спеціальной сферѣ—городскихъ доходовъ и расходовъ. Администрація указывала лишь статьи, на которыя нужно было отпускать средства, а стоявшая тогда во главѣ Одессы „шестигласная дума“ обыкновенно и не желала даже задаваться вопросомъ, какъ расходуются ея деньги [2]).—Вотъ почему со стороны города не было проявлено никакого интереса къ вопросу о возникно-

---

[1]) Соч. Пушкина; Переписка; изд. Сытова, т. II, стр. 198. Въ своемъ письмѣ (5-го декабря 1830 г.) М. П. Розбергъ проситъ Пушкина прислать какіе-нибудь стихи, напримѣръ, отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина“. Отвѣтъ Пушкина неизвѣстенъ. (Ср. Н. О. Лернера, Труды и дни Пушкина, изд. 2, Спб. 1910 г., стр. 229). Въ Одессѣ дѣйствительно вышелъ Альманахъ на 1831 годъ подъ редакціей П. Т. Морозова и М. П. Розберга, но въ немъ нѣтъ ничего принадлежащаго перу Пушкина. не сдѣлано также указаніе, что онъ изданъ въ пользу библіотеки. Михаилъ Петровичъ Розбергъ по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ состоялъ въ штатѣ чиновниковъ гр. Воронцова; въ Одессѣ онъ занимался литературными работами и преподавалъ въ Ришельевскомъ лицеѣ словесность. Въ 1835 г. Розбергъ переѣхалъ въ Дерптъ, гдѣ сталъ вскорѣ профессоромъ университета по каѳедрѣ русской словесности. (О Розбергѣ см. „Русск. Старина“ 1896 г. апрѣль, стр. 192, въ статьѣ А. Ѳ. Шидловскаго—„Изъ бумагъ В. Г. Теплякова“).

[2]) См. «Исторія одесскаго городского общественнаго управленія» въ книгѣ «Одесса 1794—1894», стр. 81 и др.

вении въ Одессѣ библіотеки. Неудивительно поэтому, что вплоть до 1865 года, когда библіотека перешла всецѣло въ вѣдѣніе города, мы въ городскомъ архивѣ находимъ лишь очень скудные и случайные матеріалы о библіотекѣ [1]).

Спада, на долю котораго выпало открыть Одесскую публичную библіотеку и дать соотвѣтствующее направленіе ея дѣятельности, въ должности библіотекаря оставался до начала 1842 года, т. е. 12 лѣтъ. Можно было-бы ожидать, что за этотъ довольно продолжительный періодъ времени библіотека болѣе или менѣе организуется и точно опредѣлитъ кругъ своихъ функцій. На самомъ дѣлѣ этого не было. По крайней мѣрѣ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи очень скудныя матеріалы [2]) не даютъ возможности характеризовать дѣятельность Спады, какъ дѣятельность человѣка, понявшаго свою роль, умѣвшаго взяться за живое дѣло, а потому и принесшаго пользу молодому одесскому просвѣтительному учрежденію.

Антонъ Францовичъ (Анатолій-Францискъ) Спада родился въ Ливорно, но время рожденія его точно неизвѣстно [3]). Онъ былъ подданнымъ Великаго герцогства Тосканскаго и, находясь при испанскомъ посланникѣ въ Швеціи домашнимъ секретаремъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1801 г. прибылъ оттуда въ качествѣ учителя словесныхъ наукъ въ Петербургъ, гдѣ занимался между прочимъ и составленіемъ различныхъ трудовъ по исторіи и литературѣ, предполагая издать—„Историко-біографическій словарь замѣчательныхъ мужей Россіи“. Вѣроятно, благодаря этимъ литературнымъ занятіямъ, Спада въ концѣ 1812 года былъ назначенъ почетнымъ библіотекаремъ [4]) Императорской публичной библіотеки.—

---

[1]) Мнѣ извѣстны только два дѣла слѣд. содержанія: 1) отъ 16 декабря 1829 г.—объ уплатѣ согласно предписанію ген.-губ. 1944 р. за изготовленные (помимо думы) шкапы для библіотеки и 2) отъ 30 января 1830 г.—объ отводѣ согласно предписанію градоначальника квартиры библіотекарю Спадѣ въ городскомъ домѣ, гдѣ помѣщалась и библіотека.

[2]) Въ архивѣ библіотеки отъ времени дѣятельности Спады сохранилось одно очень тощее дѣло, заключающее въ себѣ бумаги лишь за г.г.—1831—1834, 1839—1842. За г.г.—1835—1838 какихъ либо бумагъ нѣтъ.

[3]) Въ «Архивѣ Раевскихъ» (Спб. 1909), т. II, стр. 312 сказано, что онъ родился въ 1779 году.

[4]) Должности почетныхъ библіотекарей по тогдашнему положенію объ Имп. публичной библіотекѣ предоставлялись лицамъ, «которыя пожелаютъ досуги свои посвятить въ пользу библіотеки и раздѣлять труды и обязанности чиновниковъ библіотеки». Почетные библіотекари, имѣя возможность свободно работать въ библіотекѣ надъ составленіемъ своихъ трудовъ, служебныхъ обязанностей никакихъ не несли и жалованья не получали. Спада въ числѣ служащихъ библіотеки въ указанной должности отмѣченъ въ «Отчетѣ Имп. пуб. библіотеки» за 1808, 1809, 1811, 1812 г. стр. 57 й названъ—„бывшимъ австрійскимъ подданнымъ, принявшимъ потомъ присягу на вѣчное подданство Россіи“. По нѣкоторымъ указаніямъ Спада былъ португальскимъ евреемъ, мальчикомъ попалъ во

Пользуясь сокровищами этой библіотеки, Спада работалъ въ Петербургѣ до 1819 г., когда переѣхалъ въ Одессу. Здѣсь онъ также занимался преподаваніемъ французскаго языка, а въ началѣ 1829 г. поступилъ въ штатъ канцеляріи одесскаго градоначальника для иностранной переписки. Въ этомъ-же году, какъ мы видѣли, онъ былъ назначенъ на должность библіотекаря нашей библіотеки [1]).

Само собой понятно, что мы можемъ назначеніе Спады библіотекаремъ нашей библіотеки объяснять именно его прежней причастностью къ Императорской публичной библіотекѣ, а также его литературными трудами. Должность эту онъ, какъ выражается въ названномъ некрологѣ Мурзакевичъ, выполнялъ „сколько преклонныя лѣта дозволяли", т. е. въ высшей степени небрежно, неаккуратно и неусердно. Въ періодъ управленія Спадой—„библіотека почти постоянно была закрыта", пишетъ тотъ-же Мурзакевичъ въ своей автобіографіи [2]), и, дѣйствительно, за весь періодъ до 1842 г. мы не находимъ никакихъ указаній (даже въ дѣлахъ библіотеки), какъ посѣщалась публикой библіотека, что въ ней читали, чѣмъ занимались. Руководства Спады въ пополненіи библіотеки изъ имѣющихся у насъ матеріаловъ—невидно; нѣтъ данныхъ опредѣлить, на покупку какихъ книгъ тратились имъ отпускавшіяся городомъ суммы. Сохранившіеся въ указанномъ дѣлѣ библіотеки счета (въ очень ограниченномъ числѣ) указываютъ, что имъ нѣсколько разъ были пріобрѣтены небольшія партіи книгъ на иностранныхъ языкахъ (главн. образомъ итальянскомъ и французскомъ)—по литературѣ и исторіи.—Все это пріобрѣталось безъ вся-

---

Францію, былъ монахомъ Капуцинскаго ордена, а по уничтоженіи во время революціи всѣхъ монастырей, сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ и въ 1801 г. явился эмигрантомъ въ Россію (ср. А. Ѳ. Шидловскаго, изъ бумагъ В. Г. Теплякова—въ „Русск. Старинѣ" за 1896 г. мартъ, стр. 670). По указанію Б. Л. Модзалевскаго („Архивъ Раевскихъ", т. II, стр. 312) Спада въ 1814 году былъ назначенъ цензоромъ Петербургскаго цензурнаго комитета. М. П. Щербининъ (одинъ изъ секретарей гр. Воронцова) въ своихъ воспоминаніяхъ („Русск. Архивъ" 1876 г., III кн., стр. 228), относясь къ Спадѣ очень иронически, замѣчаетъ: „національность Спады оставалась для всѣхъ неизвѣстною".

[1]) Свѣдѣнія о Спадѣ заимствованы главнымъ образомъ изъ некролога о немъ, написаннаго Мурзакевичемъ, который, какъ мы увидимъ ниже, не безъ основаній относился довольно отрицательно къ Спадѣ. Некрологъ этотъ напечатанъ въ I т.—„Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей"—стр. 591—Спадой написаны слѣд. сочиненія: „Recueil de sentences, maximes et beaux—vers" St.-Pburg 1811; „Morceaux choisis de ChateauBriand" S.-Pburg 1812,—„Ephémérides russes politiques, littéraires, historiques, nécrologiques", t. I—IV—S.-Pburg 1816, „Précis historique et chronologique des événemens militaires de la campagne contre les Turcs jusqu'à la prise de Varna en 1828", „Sur le sicles, et sur les poids et mesures de anciens Hebreux" Од. 1840 и др.—Характеристику Спады (очень нелестную и недающую данныхъ для оцѣнки его ученыхъ достоинствъ) см. у Вигеля (Записки, ч. VII, стр. 190 и др.). Въ архивѣ библіотеки хранится нѣсколько тетрадокъ различныхъ выписокъ, которыя дѣлалъ Спада для своихъ работъ и переплетенная тетрадь, озаглавленная: „Dictionnaire des Hérésies par A. Spada. S.-Pburg 1819"; это готовый къ печати трудъ.

[2]) Спб. 1889 г. стр. 160.

кой системы и безъ соблюденія равномѣрности въ полнотѣ отдѣловъ. Въ дѣлѣ пріобрѣтенія русскихъ книгъ, которыя особенно нужны были новой библіотекѣ, Спада совершенно не принималъ участія; онъ былъ мало знакомъ не только съ русской литературой, но даже съ русскимъ языкомъ, а потому, конечно, и не былъ въ состояніи разобраться въ томъ, какія русскія книги слѣдовало-бы пріобрѣтать.— Поэтому, какъ мы видимъ изъ имѣющихся у насъ библіотечныхъ дѣлъ, въ библіотеку русскія книги поступали лишь случайно. Левшинъ, который съ 1831 года занималъ должность одесскаго градоначальника, а потому имѣлъ еще больше возможности, чѣмъ прежде, интересоваться дѣлами библіотеки, понималъ необходимость пополненія ея русскими книгами, чему и старался всячески содѣйствовать. Въ виду этого онъ препровождалъ въ библіотеку каждую книгу, которая попадала въ его канцелярію. Такъ, напр. въ 1834 году была передана Левшинымъ изъ канцеляріи цѣлая партія книгъ (36 названій), среди которыхъ находились: систематическій сводъ законовъ Россійской Имперіи, собраніе законовъ и другія офиціальныя изданія. — Находя однако такого рода передачи книгъ мало содѣйствующими обогащенію библіотеки и видя неумѣніе Спады разобраться въ русскихъ книгахъ, Левшинъ неоднократно *самъ* выписывалъ книги отъ петербургскихъ книгопродавцевъ; напр. въ 1833 году (въ іюнѣ) Левшинъ передалъ въ библіотеку транспортъ такихъ выписанныхъ имъ (на сумму 190 руб. 50 коп.) русскихъ книгъ, среди которыхъ были сказанія князя Курбскаго, Путешествіе Беллинсгаузена, Путешествіе въ Китай Добеля, Жизнь Наполеона (14 частей), Невскій Альманахъ и др. Левшинъ не ограничивалъ только этимъ своей заботы о пополненіи библіотеки; въ 1834 г. онъ сдѣлалъ въ высшей степени важное распоряженіе о томъ, чтобы городская типографія представляла въ библіотеку по два экземпляра всякой книги и всякаго объявленія въ ней печатаемыхъ; библіотекарю предлагалось слѣдить за исполненіемъ этого распоряженія. Этой мѣрой Левшина должно было быть положено начало разрѣшенія вопроса объ обязательной доставкѣ библіотекѣ выходящихъ въ Одессѣ книгъ, но съ теченіемъ времени, при увеличеніи числа типографій въ Одессѣ, вопросъ этотъ совершенно заглохъ, и дѣло собиранія въ библіотекѣ одесскихъ изданій не организовалось путемъ обязательной доставки ихъ типографіями, какъ того хотѣлъ Левшинъ.

Пожертвованія книгъ въ указанный періодъ (при Спадѣ) въ библіотеку поступали; среди этихъ пожертвованій выдѣляется и должно быть отмѣчено пожертвованіе книгъ, которыя оставилъ библіотекѣ по духовному завѣщанію керченскій градоначальникъ д. с. с. И. А. Стемпковскій († 6-го декабря 1832 г.) —Стемпковскій принадлежалъ къ числу очень просвѣщенныхъ дѣятелей; съ момента переѣзда своего въ Одессу въ 1808 году онъ работалъ на пользу края, стараясь изучать его исторію, его древности. Склонность его къ

археологіи особенно развилась, когда онъ Воронцовымъ былъ (въ 1828 г.) назначенъ градоначальникомъ въ Керчь, гдѣ онъ занимался собираніемъ монетъ и др. древностей. Будучи однимъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ „Одесскаго Вѣстника", онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя участвовали и въ основаніи библіотеки путемъ пожертвованія доходовъ, вырученныхъ отъ изданія „Вѣстника". Отсюда его любовь къ библіотекѣ и желаніе способствовать ея обогащенію пожертвованіемъ своего цѣннаго собранія книгъ [1]).—Собраніе это, состоявшее изъ 400 съ лишнимъ названій сочиненій по археологіи (преимущественно юга Россіи) и по всеобщей исторіи, явилось цѣннымъ вкладомъ въ нашу библіотеку, такъ какъ было систематически подобрано и могло соотвѣтствовать занятіямъ тѣхъ, кто въ Одесской библіотекѣ желалъ-бы изучать прошлое нашего края.

Каталогизація книгъ, которой занимался самъ Спада, заключалась въ томъ, что каждое названіе, поступавшее въ библіотеку, вписывалось въ спеціальную книгу, раздѣленную на части, изъ которыхъ каждая отведена была для особаго отдѣла.

Въ архивѣ библіотеки сохранился такой, составленный Спадой, каталогъ. Онъ озаглавленъ такъ —„Catalogue général des livres de la Bibliothèque publique d'Odessa, fondée le 9 octobre 1829" и представляетъ переплетенную, прошнурованную книгу въ 374 листа; скрѣплена она подписью градоначальника Левшина, т. е. значитъ выдана Спадѣ не ранѣе 1831 года, такъ какъ Левшинъ лишь съ этого времени занималъ названную должность въ Одессѣ.

Вѣроятно, Левшинъ, видя, что библіотека не имѣетъ каталога, предложилъ его составить, и Спада исполнилъ это лишь послѣ 1831 г. Отдѣловъ въ этомъ каталогѣ отмѣчено 22; озаглавлены они такъ:

1) Théologie; 2) Histoire; 3) Ouvrages en latin; 4) Commerce et Finances; 5) Théâtre, poésies; 6) Jurisprudence, politique; 7) Art militaire, guerre, stratégie; 8) Mécanique, industrie; 9) Littérature, belles-lettres; 10) Romans, contes, nouvelles; 11) Beaux-arts, antiquités; 12) Mathématiques, astronomie; 13) Polygraphie, oeuvres complètes; 14) Dictionnaires, encyclopédies; 15) Mémoires, lettres; 16) Vies et biographies; 17) Histoire naturelle générale et particulière; 18) Géographie, voyages; 19) Médecine, chirurgie; 20) Physique, chimie; 21) Melanges; 22) Journaux politiques, scientifiques et littéraires.

---

[1]) Некрологъ Ивана Алексѣевича Стемпковскаго (род. въ 1789 г.), написанный А. Ашикомъ, напечатанъ въ „Запискахъ Одесск. Общ. Ист. и Древностей" т. V стр. 907. Здѣсь перечислены (стр. 910) и всѣ статьи, помѣщенныя Стемпковскимъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" и въ др. изданіяхъ. О выдающихся качествахъ Стемпковскаго, какъ человѣка и государственнаго дѣятеля. см. въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за 1833 г. №№ 6 и 7 (здѣсь и рѣчь, сказанная надъ его могилой Корейшею); смерть Стемпковскаго, какъ крупная потеря для русской науки, отмѣчена и въ «Московскомъ Телеграфѣ» за 1834 г., № 1, стр. 192.

Каталогъ этотъ заключалъ въ себѣ, вѣроятно, не всѣ книги, находившіяся тогда въ библіотекѣ, такъ какъ въ немъ совершенно не записаны русскія книги, которыхъ, какъ мы знаемъ, въ ней было нѣкоторое число; въ немъ изъ русскихъ изданій отмѣчены лишь журналы.

Знакомясь съ составомъ отдѣловъ по этому каталогу, приходится констатировать въ высшей степени несистематическій подборъ книгъ, изъ которыхъ, очевидно, очень многія попали въ библіотеку совершенно случайно; при этомъ однако нужно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ заключаются въ высшей степени цѣнныя книги. Такъ напр. въ *третьемъ* отдѣлѣ мы находимъ рядъ греческихъ и латинскихъ авторовъ въ изданіяхъ XVI в. (Strabo, Rerum geographicarum libri XVII, excudebat Eustathius Vignon, Genevae 1587, Claudii Ptolemaei Alexandrini,—Geographicae enarrationis libri octo, Lugduni 1535), XVII в. (H. Grotius, Historia Gottorum, Amstelodami 1655), а кромѣ того, рядъ классиковъ въ изданіяхъ „par N. Lemaire, F. Didot“ и др. Изъ другихъ отдѣловъ можно также указать рядъ весьма рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ: Biblia Sacra, vulgatae editionis, Lugduni 1663, Buffon,—Oeuvres complètes, Paris 1830, нѣсколько энциклопедій и словарей въ изд. XVIII в. (французскихъ и нѣмецкихъ) и проч.

Рядомъ-же съ такими книгами приходится отмѣчать мелкія брошюры или отдѣльные только томы различныхъ трудовъ.

Такое разнообразіе состава книгъ должно быть, конечно, объяснено тѣмъ, что библіотека съ первыхъ-же моментовъ своего существованія стала пополняться книжными пожертвованіями различныхъ лицъ, которыя свои подарки библіотекѣ дѣлали, конечно, безъ всякой системы или выбора.

Въ Одессѣ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго года, проживалъ рядъ очень образованныхъ семействъ, которыя въ виду отсутствія общедоступныхъ библіотекъ пріобрѣтали книги для собственнаго пользованія, т. е. составляли свои библіотеки; когда открылась публичная библіотека, то въ нее и начали изъ такихъ частныхъ библіотекъ поступать пожертвованія. Примѣръ этого далъ самъ гр. М. С. Воронцовъ, отдѣлившій для публичной библіотеки много цѣнныхъ изданій изъ собственной библіотеки (въ имѣніи Мошны); ему сейчасъ-же послѣдовалъ рядъ лицъ,—такъ библіотекѣ цѣлыя партіи книгъ или отдѣльныя книги пожертвовали—графиня Е. А. Ланжеронъ, П. Я. Шиповская, Гординскіе, Нарышкинъ, Спада, Камоэнъ, Полевой, Понціо, Понсетъ, баронъ Искуль, баронъ Перейлицеръ-Франкъ, Марини, князь Суворовъ, Щербининъ, Бутеневъ, Рубо, Сотниковъ, Должиковъ, Гротъ, Тепляковъ, Минчіаки, Рази, Маюровъ, князь Голицынъ и мн. другіе [1]).

---

[1]) Имена этихъ жертвователей приводитъ Мурзакевичъ въ своей статьѣ „Одесская городская публичная библіотека, ея основаніе и успѣхи“ (напечатана въ „Новороссійскомъ Календарѣ“ за 1849 г.), но, къ сожалѣнію, ничего не сообщаетъ намъ объ этихъ лицахъ; не дѣлаетъ этого и М. Ф. де-Рибасъ, который въ своей рѣчи 15 апрѣля 1880 г.—

Книги вписывались въ соотвѣтственные отдѣлы, которые названій на русскомъ языкѣ не имѣютъ, по мѣрѣ поступленія, а потому и не расположены по алфавиту. Заглавія немногихъ русскихъ книгъ, бывшихъ въ библіотекѣ, переводились Спадой на французскій языкъ и вписывались съ отмѣткой [1]), что книга русская, напр.—„Записки Одесскаго Общества сельскаго хозяйства"—отмѣчены такъ:—„Journal de la société agronomique d'Odessa, en russe", „Московскій Вѣстникъ" — записанъ: Journal littéraire de Moscou, en russe...; встрѣчаются записи въ родѣ: „Journal périodique en russe nommé отечественны записки"... (л. 353). „L'invalide Russe, en langue Russe..." „L'Abeille du Nord, en langue russe", „Journal de St.-Petersbourg", dit „Уставъ", „Одесскій Вѣстникъ" обычно записанъ во многихъ мѣстахъ—„Journal d'Odessa", en russe и т. п.

За время дѣятельности Спады, какъ мы уже видѣли, не было составлено ни одного отчета о библіотекѣ; мы имѣемъ лишь одну вѣдомость „О состояніи библіотеки за 1842 г.". Изъ вѣдомости этой мы и можемъ извлечь нѣкоторыя цифровыя данныя. Къ 1 января 1843 г. библіотека имѣла 2964 названія въ 8758 томахъ на сумму 16550 руб.; книги эти распредѣлялись на группы такимъ образомъ:

«Краткій историческій обзоръ дѣятельности Одесской городской публичной библіотеки» (Одесса 1880) также перечисляетъ этихъ жертвователей. Въ настоящее время для насъ болѣе или менѣе опредѣленное значеніе могутъ имѣть лишь нѣкоторыя изъ этихъ именъ (Ланжеронъ, Нарышкинъ (Л. А. родственникъ Воронцова), Щербининъ (М. П. секретарь Воронцова), Рубо (книгопродавецъ), Тепляковъ (поэтъ), Камоэнъ (В. С.—докторъ одесскій), К. А. Суворовъ (при Воронцовѣ былъ адъютантомъ). Упомянутая выше мошнянская библіотека графа М. С. Воронцова находилась въ мѣстечкѣ Мошнахъ (Кіевской губ., Черкасскаго уѣзда), гдѣ у Воронцова былъ построенъ великолѣпный дворецъ съ картинной галлереей и библіотекой. (Объ этомъ имѣніи Воронцова см. статью М. Грабовскаго—«Ogrody w Ukrainie» въ виленскомъ журналѣ «Athenaeum» за 1842 г., откуда были сдѣланы извлеченія въ «Одесск. Вѣстникѣ» за 1844 г., № 80). Гр. Воронцовъ былъ большой любитель и цѣнитель книгъ, рукописей и проч. и коллекціонировалъ ихъ въ различныхъ домахъ своихъ, такъ у него была великолѣпная библіотека въ одесскомъ домѣ (нынѣ она находится въ Новороссійскомъ университетѣ). Воронцовъ очень дорожилъ своими книжными сокровищами и заботился объ ихъ сохраненіи отъ всякихъ случайностей; это ясно видно, напр., изъ письма его изъ Тифлиса къ Н. Н. Мурзакевичу отъ 1 февраля 1854 г.; въ письмѣ этомъ онъ проситъ Мурзакевича принять участіе (въ виду возможности бомбардировки Одессы) въ упаковкѣ и въ отправкѣ особо цѣнныхъ книгъ и рукописей изъ Одесской библіотеки *въ м. Мошны*, гдѣ все это должно быть въ полной безопасности. (Письмо это напечатано въ «Русскомъ Архивѣ» за 1876 г., т. III, стр. 369). Въ первоначальномъ составѣ книгъ нашей библіотеки было очень много пожертвованныхъ и А. И. Левшинымъ, о просвѣтительной дѣятельности котораго въ дополненіе къ указаніямъ, сдѣланнымъ выше, нужно еще имѣть въ виду и статью П. Семенова Тянъ-Шанскаго—„Начало освобожденія крестьянъ" въ „Вѣстникѣ Европы" 1911 г., № 2; здѣсь даются цѣнныя свѣдѣнія о работѣ Левшина въ Петербургѣ въ качествѣ товарища Министра Внутр. Дѣлъ.

[1]) Отмѣтка эта дѣлалась однако не всегда, а потому многія русскія изданія при просмотрѣ каталога можно принять за книги французскія, напр.: «La gazette du Sénat de S-t Petersbourg»; въ другомъ мѣстѣ рядомъ съ этимъ заглавіемъ прибавлено «en russe».

На французскомъ языкѣ . .	6256	томовъ	
„ русскомъ. . . „ . .	1810	„	
„ итальянскомъ. „ . .	161	„	
„ англійскомъ. . „ . .	36	„	
„ нѣмецкомъ . . „ . .	263	„	

сверхъ того, въ библіотекѣ было 116 названій, составляющихъ 267 томовъ на латинскомъ языкѣ на сумму 534 руб., и еще пять рукописей на китайскомъ языкѣ, за которыя заплачено было 100 р. Если мы вспомнимъ, что къ моменту открытія библіотека имѣла около 5000 томовъ, то окажется, что за 12-ти лѣтній періодъ управленія библіотекой Спады поступило всего около 4000 томовъ; должно же было быть ассигновано городомъ за это время на покупку книгъ около 15.000 руб.[1]). Принимая во вниманіе, что библіотека за этотъ періодъ получала и книжныя пожертвованія, мы должны заключить, что эти деньги не особенно послужили библіотекѣ на пользу и не въ достаточной мѣрѣ способствовали ея обогащенію книгами. Въ виду этого приходится признать дѣятельность Спады непринесшей пользы Одесской публичной библіотекѣ въ самый важный періодъ ея жизни, въ періодъ формировки ея и организаціи.

Все вышеизложенное и должно оправдать тотъ весьма отрицательный отзывъ о дѣятельности Спады въ должности библіотекаря, который сдѣланъ Мурзакевичемъ [2]). «Прекрасное помѣщеніе [3]) въ домѣ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, говоритъ онъ, вмѣщало въ себѣ шкапы, расположенные только по двумъ стѣнамъ одной изъ трехъ комнатъ библіотеки. Въ шкапахъ рѣденько были размѣщены книги, преимущественно французскія и др.; русскихъ почти и не было примѣтно. Не было славянской Библіи, ни Новаго Завѣта; зато имѣлся Алкоранъ магометовъ; не было ни одного русскаго классика, кромѣ изъѣденной молью Исторіи государства россійскаго Карамзина... Хищническая рука Спады получаемыя на содержаніе библіотеки деньги тратила смѣло на подарки оперным пѣвицамъ...; библіотека почти постоянно была закрыта..., зимой не отапливалась...»

---

[1]) Счетъ, конечно, тогда велся на ассигнаціи.

[2]) Автобіографія, стр. 159, 160.

[3]) Помѣщеніе библіотеки въ указанномъ домѣ съ похвалой отмѣчается и Н. Т. Морозовымъ (сочиненія, Москва 1883, стр. 418). П. Т. Морозовъ былъ при Воронцовѣ чиновникомъ; онъ вмѣстѣ съ М. П. Розбергомъ издавалъ „Одесскій Альманахъ“. Его перу принадлежитъ нѣсколько сочиненій по исторіи Одессы: „Историческій взглядъ на Одессу“, „Праздники Рождества и Новый годъ въ Одессѣ“ и проч. О Морозовѣ (1808 – 1881 гг.) см. „Востокъ“ 1881 г., № 113 и 114 и „Историч. Вѣстн.“ 1884 г., № 12. Также о помѣщеніи библіотеки отзывается и Крашевскій въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ объ Одессѣ (Wspomnienia Odessy, Jedyssanu i Budżaku (Wilno 1845), t. II, стр. 110). Извѣстный путешественникъ Kohl, посѣтившій Одессу въ 1840 году, познакомился съ библіотекой нашей и такъ съ похвалой говоритъ о ея помѣщеніи: „Indess ist ihr Lokal doch so freundlich, das ich alle Morgen in ihrem hübschen Salon gern ein Paar Ständchen der Lecture pflegte....“ (Reisen in Südrussland, Dresden u. Leipzig 1841, I, 78).

„Гр. Воронцовъ“, замѣчаетъ Мурзакевичъ, „зналъ, что въ библіотекѣ дѣлалъ Спада“, но „жалѣлъ старика, да и не зналъ, куда его дѣвать“ [1]).

Умеръ Спада 26 апрѣля 1843 года; „Одесскій Вѣстникъ“ смерть его отмѣтилъ, какъ потерю для общества, „которое онъ умѣлъ одушевлять живымъ и всегда занимательнымъ разговоромъ своимъ, исполненнымъ множества любопытныхъ воспоминаній“ [2]).

Послѣ смерти Спады для занятія мѣста библіотекаря явилось много кандидатовъ, среди которыхъ были, напр., такіе, какъ издатель „Московскаго Дамскаго Вѣстника“, извѣстный въ свое время писатель князь П. И. Шаликовъ[3]), но гр. Воронцовъ, отклонивъ всѣ такія исканія, предоставилъ это мѣсто профессору Ришельевскаго лицея Николаю Никифоровичу Мурзакевичу.

Н. Н. Мурзакевичъ (род. 21 апрѣля 1806 г. въ Смоленскѣ) въ 1828 году окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по этико-политическому отдѣленію философскаго факультета. Въ 1830 году онъ пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ сразу, какъ человѣкъ, обладавшій образованіемъ, занялъ выдающееся положеніе и былъ приглашенъ (въ 1832 г.) въ Ришельевскій лицей въ качествѣ надзирателя. Онъ не удовлетворился этимъ скромнымъ званіемъ, но продолжалъ заниматься наукой; результатомъ этихъ работъ было то, что онъ получилъ степень магистра философіи (въ Московскомъ университетѣ) и въ 1837 году уже былъ профессоромъ Ришельевскаго лицея по каѳедрѣ россійской исторіи и статистики.

Извѣстность его, какъ образованнаго человѣка, способнаго работать въ различныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ [4]) росла и послу-

---

[1]) Несмотря однако на такое мнѣніе о Спадѣ и объ его работѣ въ библіотекѣ, Воронцовъ призналъ возможнымъ дважды свидѣтельствовать предъ государемъ объ отлично усердной службѣ Спады, какъ библіотекаря, и онъ получилъ дважды денежную награду: въ 1836 г.—1500 р. изъ казенныхъ денегъ (см. объ этомъ „Одесск. Вѣсти.“ 1836 г. № 96) и въ 1841 г.—857 р. 14 к. изъ городскихъ доходовъ (см. „Од. В.“ 1841 г. № 97).

[2]) „Одесскій Вѣстникъ“ 1843 г. № 35.

[3]) См. Автобіографію Мурзакевича, стр. 159.

[4]) Мурзакевичъ усердно работалъ въ Одесскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства; онъ былъ однимъ изъ иниціаторовъ основанія въ Одессѣ въ 1839 году Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Біографическій очеркъ Мурзакевича написанъ кн. В. Д. Дабижей («Русская Старина» 1886 г.; вмѣстѣ съ автобіографіей Мурзакевича очеркъ этотъ въ 1889 г. въ С.-Петербургѣ изданъ отдѣльно). Въ 1869 г. въ Одессѣ издана была «Библіографическая Замѣтка», представляющая перечень трудовъ Мурзакевича съ указаніемъ его ученыхъ заслугъ. До назначенія на должность библіотекаря Мурзакевичъ уже состоялъ секретаремъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839 г.), дѣйствительнымъ членомъ Общества Императорскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ въ Москвѣ (1836 г.), Академіи Tiberini въ Римѣ (1837 г.), Императорскаго общ. сельск. хозяйства южной Россіи въ Одессѣ (1838 г.), Академіи gli Arcadi въ Римѣ (1838 г.), Общества литературы и,

жила основаніемъ того, что онъ явился и для Воронцова, и для всего одесскаго общества желательнымъ кандидатомъ на должность библіотекаря Одесской публичной библіотеки.

Въ должность библіотекаря Мурзакевичъ вступилъ въ началѣ мая 1843 года[1]). Намъ знакомо уже то положеніе, въ которомъ была библіотека при Спадѣ.

Дальнѣйшій ходъ дѣятельности библіотеки требовалъ, чтобы она была провѣрена, правильно разобрана, каталогизирована, необходимо также было выяснить, какъ были израсходованы деньги, отпускав-

---

искусствъ въ Митавѣ (1837 г.), статистическаго отдѣленія при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ (1838 г.).—Мурзакевичъ во время своего пребыванія въ Московскомъ университетѣ очень близко сошелся съ М. М. Кирьяковымъ, сыномъ премьеръ-маіора М. Кирьякова, бывшаго съ 1795 года начальникомъ Хаджибейской (переименованной въ Одесскую) таможни и много сдѣлавшаго для торговаго процвѣтанія Одессы (см. у А. Скальковскаго—„Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы", стр. 44, 105). По настояніямъ этого М. М. Кирьякова, съ которымъ и по окончаніи университета сохранялъ добрыя отношенія, Мурзакевичъ и переѣхалъ въ Одессу, гдѣ радушно былъ принятъ всей семьей Кирьяковыхъ и, благодаря ея вліянію, получилъ первоначально мѣсто въ Одесской таможнѣ. М. М. Кирьяковъ, находясь на службѣ въ канцеляріи Воронцова, очень усиленно занимался историческими и экономическими вопросами края, собиралъ книги по исторіи юга и проч. Онъ былъ однимъ изъ членовъ-основателей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Памяти М. М. Кирьякова Мурзакевичъ посвятилъ некрологъ въ I т. «Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей». Напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ" за 1876 г. въ кн. III. „Письма свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова къ Н. Н. Мурзакевичу" даютъ очень цѣнный матеріалъ для выясненія научныхъ работъ Мурзакевича въ періодъ съ 1842 года; изъ нихъ видно, какъ Мурзакевичъ занимался изысканіями въ богатой библіотекѣ Воронцова, который этому оказывалъ содѣйствіе и выражалъ свое сочувствіе.

[1]) Офиціальное утвержденіе Мурзакевича въ этой должности послѣдовало въ ноябрѣ 1843 г., о чемъ военный губернаторъ извѣстилъ его 17 декабря 1843 г. предложеніемъ № 18044; въ этомъ предложеніи сообщено, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія согласился на назначеніе Мурзакевича библіотекаремъ и завѣдывающимъ городскимъ музеемъ древностей «съ тѣмъ однако, чтобы занятія по этому мѣсту не отвлекали отъ обязанностей по настоящей должности профессора». Упомянутый здѣсь Одесскій городской музей древностей открытъ Воронцовымъ (по мысли Стемпковскаго) 9 августа 1825 года съ Высочайшаго соизволенія. Сначала директоромъ его былъ И. П. Бларамбергъ, завѣдывавшій и керченскимъ музеемъ, а послѣ этотъ музей съ открытіемъ публичной библіотеки былъ помѣщенъ при ней и переданъ въ завѣдываніе библіотекаря. Спада и для него не сдѣлалъ ничего полезнаго: онъ раздавалъ монеты изъ музея своимъ знакомымъ и не заботился сокровища его дѣлать доступными публикѣ. Мурзакевичъ еще въ 1841 г., т. е. при жизни Спады издалъ по порученію Воронцова его описаніе: «Descriptio Musei publici Odessani» (Odessae 1841), а съ момента вступленія на службу въ библіотеку сталъ и завѣдывать имъ. Краткія и бѣглыя замѣтки объ Одесскомъ городскомъ музеѣ см. у Юргевича—«Историческій очеркъ 50-лѣтія Имп. Одесск. Общ. Ист. и Древн.» (Одесса 1889), стр. 41, Автобіографію Мурзакевича, стр. 150.—Музей этотъ несомнѣнно слился съ музеемъ названнаго Общества, но я не могу отыскать слѣдовъ того, какъ и когда это произошло. Свѣдѣнія для ознакомленія съ характеромъ предметовъ, находившихся въ Одесскомъ городскомъ музеѣ даютъ Коль и Крашевскій въ указанныхъ выше сочиненіяхъ, при чемъ послѣдній перечисляетъ рядъ очень интересныхъ вещей которыя ему въ музеѣ были показаны (цѣльныя амфоры, ручки отъ нихъ и проч.).

шіяся на библіотеку съ ея основанія.—Въ виду этого одновременно съ назначеніемъ Мурзакевича была въ помощь ему образована изъ чиновниковъ генералъ-губернаторской канцеляріи комиссія, которая должна была провѣрить имущество библіотеки. Работа оказалась настолько сложной, что библіотеку пришлось закрыть до самого почти конца [1]) 1843 года.

Первымъ дѣломъ Мурзакевича (комиссія дѣйствовала подъ его руководствомъ) было заняться выдѣленіемъ разрозненныхъ сочиненій и различнаго накопившагося въ библіотекѣ хлама (отдѣльн. №№ газетъ, объявленія, проспекты и проч.), а также дублетовъ.

Результатомъ работы этой комиссіи было слѣдующее. Въ библіотекѣ оказалось 2789 названій книгъ въ полномъ объемѣ числа ихъ томовъ и соотвѣтствующей сохранности—въ 5062 томахъ, а 3696 томовъ именно и представляли изъ себя дублеты и всякій книжный хламъ, въ томъ числѣ и разрозненныя изданія, которыя рѣшено было пополнять, хламъ исключить [2]), а дублетами предположено было мѣняться съ другими учрежденіями и лицами [3]).

Признанныя-же желательными для сохраненія въ библіотекѣ 2789 названій были внесены въ особый „Каталогъ книгамъ Одесской городской публичной библіотеки, принятымъ комиссіею послѣ смерти библіотекаря оной, надворнаго совѣтника Спады". Каталогъ этотъ, помѣченный 15 сентября 1843 года и подписанный Мурзакевичемъ, чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ К. Н. Смольяниновымъ [4]) и чиновникомъ канцеляріи военнаго губернатора Лоровичемъ, хранится въ архивѣ библіотеки и можетъ дать довольно ясное представленіе о составѣ библіотеки въ разсматриваемый моментъ. Пользуясь имъ, привожу по отмѣченнымъ въ немъ отдѣламъ число названій книгъ:

I—Богословіе—89, II—Философія—109, Правовѣдѣніе—171, IV—Политика, торговля, статистика—289, V—Исторія—564, VI—Географія, путешествія—323, VII — Математика—121, VIII—Естествознаніе — 86, IX—Медицина—167, X—Сельское хозяйство—144, XI—Технологія—21,

---

[1]) Открыта вновь была библіотека въ августѣ мѣсяцѣ.

[2]) Хламъ этотъ, вѣроятно, совершенно былъ никуда негоденъ; по крайней мѣрѣ Мурзакевичъ, какъ видно изъ его донесенія отъ 10 января 1844 г. Военному губернатору Одессы, не считалъ возможнымъ за всю его массу выручить при продажѣ болѣе *десяти рублей*. (Дѣло библіотеки за 1844 г., л. 1). Несмотря однако на такую низкую стоимость, хламъ этотъ исключенъ не былъ и очень долго числился въ библіотекѣ среди ея книжнаго имущества.

[3]) Одинъ изъ первыхъ крупныхъ обмѣновъ дублетовъ библіотеки былъ совершенъ на дублеты Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. См. объ этомъ «Одесскій Вѣстникъ» за 1844 г., № 15.

[4]) Константинъ Николаевичъ Смольяниновъ написалъ „Исторію Одессы" (изд. въ 1872 г., въ Одессѣ); умеръ онъ въ 1872 г. Его сотрудникъ по этой комиссіи В. Лоровичъ принадлежалъ къ очень образованной въ Одессѣ семьѣ; ему принадлежатъ слѣд. работы: „Самоучитель итальянскаго языка" (Од. 1847), „Курсъ итальянскаго яз." (Од. 1858) и др.

XII—Изящныя искусства—41, XIII—Языкознаніе вообще—149, XIV—Изящная литература—61, XV—Литература—547, XVI—Періодическія изданія—76.

Всѣ книги въ этомъ каталогѣ записаны на томъ языкѣ, на которомъ онѣ изданы; переводовъ русскихъ заглавій на французскій языкъ, какъ то было въ каталогѣ Спады, здѣсь, конечно, нѣтъ. Изъ неразобранныхъ при Спадѣ книгъ сюда внесены и русскія, которыхъ впрочемъ не особенно много, но среди которыхъ встрѣчаются довольно цѣнныя изданія. Здѣсь мы, напр., находимъ—Ариѳметику Магницкаго (Москва 1703), Опытъ Россійской библіографіи Сопикова (Спб. 1813—1821), Путешествіе Имп. Екатерины II въ полуденный край Россіи (Спб. 1786), Журналы или дневныя записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства (Спб. 1770), Обозрѣніе Россійской Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи Сергѣя Плещеева (Спб. 1787), рядъ петровскихъ изданій (регламенты) и проч.). Въ общемъ однако подборъ книгъ не можетъ быть названъ достаточнымъ даже для исключительно необходимыхъ занятій по особо главнѣйшимъ научнымъ вопросамъ; въ ней можно было по этому каталогу имѣть лишь нѣкоторыя справочныя изданія и кое-что для чтенія (напр. въ отдѣлахъ исторіи и литературы). — Отсюда понятно, что посѣтители съ болѣе или менѣе серіозными запросами библіотекой не могли быть довольны. Такъ посѣтившій библіотеку въ 1841 году Kohl называетъ ее „весьма незначительной и малой“ („höchst unbedeutend und klein“) и мало посѣщаемой[1]), Крашевскій, бывшій въ Одессѣ уже тогда, когда въ библіотеку вступилъ Мурзакевичъ, т. е. въ 1843 году (въ іюлѣ мѣс.),—говоритъ, что она Мурзакевичемъ принята отъ Спады „въ полномъ безпорядкѣ“, называетъ ее „бѣдной“ („uboga“) и выражаетъ надежду, что Мурзакевичъ приложитъ всѣ свои труды для ея улучшенія и обогащенія[2]).

Мурзакевичъ, вступая въ управленіе библіотекой, все это самъ зналъ и ясно представлялъ себѣ предстоящую работу.

Обративъ вниманіе на скудость книгъ въ библіотекѣ, онъ принялъ для себя за правило пріобрѣтать ихъ по опредѣленному плану,—обогащать библіотеку систематическимъ подборомъ книгъ по научнымъ отраслямъ. Въ виду этого онъ составлялъ списки, въ которыхъ отмѣчались книги; просматривая эти списки, мы должны отмѣтить, что въ нихъ вносились очень серіозныя и солидныя сочиненія. Сначала въ этихъ спискахъ находятся лишь русскія книги, а потомъ Мурзакевичъ въ нихъ вноситъ и иностранныя. Въ хранящихся въ дѣлахъ библіотеки отчетахъ, которые съ 1843 года началъ составлять Мурзакевичъ, мы находимъ уже точныя указанія относительно еже-

[1]) Kohl, Reisen in Südrussland... I, 78.
[2]) Wspomnienia Odessy.... Kraszewskiego, t. II, 110.

годно купленныхъ[1]) книгъ, при чемъ всегда отмѣчается, сколько книгъ поступило въ какой отдѣлъ.

Другимъ источникомъ пополненія библіотеки были книжныя пожертвованія; пожертвованія эти со времени вступленія въ библіотеку Мурзакевича приняли болѣе систематическій характеръ, такъ какъ онъ ввелъ въ практику ходатайства предъ различными учеными учрежденіями и обществами о безплатной высылкѣ въ библіотеку ихъ изданій. Просьбы эти большей частью исполнялись; это, конечно, значительно обогащало библіотеку и способствовало тому, что въ нее стали чаще и обильнѣе поступать и пожертвованія отъ частныхъ лицъ.

Такъ за періодъ управленія Мурзакевичемъ библіотека вступила[2]) въ сношенія съ слѣдующими учрежденіями, изъ которыхъ почти всѣ и до сихъ поръ высылаютъ ей свои изданія: Императорская Академія наукъ, Императорское Вольно-экономическое общество, Министерства—Народнаго просвѣщенія, Внутреннихъ дѣлъ, Путей сообщенія, Государственныхъ имуществъ, Московское Общество исторіи и древностей и др.—Кн. Воронцовъ продолжалъ жертвовать библіотекѣ періодически цѣлыя коллекціи книгъ изъ своей собственной весьма богатой библіотеки,—напр. въ 1845 г. онъ пожертвовалъ сразу 368 книгъ, среди которыхъ было много цѣнныхъ сочиненій. Въ числѣ жертвователей за указанный періодъ выдѣляется также пожертвованіе наслѣдниковъ профессора Дегурова; ими было передано въ библіотеку 300 книгъ и брошюръ (всѣ по содержанію очень цѣнныя)[3]).

---

[1]) Въ цѣляхъ болѣе основательнаго и серіознаго подбора научныхъ сочиненій Мурзакевичъ при покупкѣ книгъ пользовался совѣтами спеціалистовъ; такъ въ 1846 году библіотека, благодаря помощи извѣстнаго археолога Ашика (о немъ см. ниже), пріобрѣла цѣнный подборъ книгъ по исторіи съ вспомогат. науками (на различныхъ языкахъ). Объ этомъ см. „дѣла“ библіотеки за гг. 1846, л. 90 и 1847, л. 9, л. 23.

[2]) Ходатайства предъ различными учрежденіями о присылкѣ изданій возбуждаемы были согласно докладной запискѣ Мурзакевича, поданной Воронцову въ 1844 году. (См. „дѣло“ за 1844 г., л. 67).

[3]) Списокъ ихъ см. „дѣло“ библіотеки за 1849 г., л. 41. Объ этомъ пожертвованіи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за 1849 г., № 89. Среди этого пожертвованія выдѣляются цѣнныя коллекціи нѣкоторыхъ журналовъ. напр.—„Revue encyclopédique“ 1819—1830 г., „Journal des connaissances utiles“ 1831—1840 г. и др.—А. А. Дегуровъ (родился въ 1765 году) въ 1806 году былъ профессоромъ Харьковскаго университета, а съ 1817 по 1836 г.—петербургскаго; будучи проф. Харьковскаго университета, онъ въ 1812 году былъ командированъ въ Одессу для устройства здѣсь учебнаго дѣла. Выйдя въ 1836 году въ отставку, Дегуровъ переселился въ Одессу, гдѣ въ 1849 году и скончался. Объ его отношеніи къ Одессѣ см. «Одесскій Вѣстникъ» 1849 г., № 41, ст. К—на, а также „Труды Одесскаго Статистическаго Комитета“, в. II, стр. 93 и слѣд. (въ статьѣ А. А. Скальковскаго—„Матеріалы для общественнаго образованія въ Одессѣ“). Дегуровъ еще при жизни ходатайствовалъ о покупкѣ для Одесской публичной библіотеки всѣхъ его книгъ (3.000 названій), но Мурзакевичъ отклонилъ это, такъ какъ среди нихъ было много дублетовъ для этой библіотеки. Книги эти были куплены для тифлисской библіотеки (см. Мурзакевичъ, Автобіографія, стр. 184).

Заслуживаетъ вниманія быть отмѣченнымъ тотъ фактъ, что съ 1846 года въ библіотеку начинаютъ поступать пожертвованія А. Тройницкаго[1]), бывшаго тогда редакторомъ «Одесскаго Вѣстника»; онъ ежегодно передавалъ библіотекѣ журналы и газеты, поступавшіе въ редакцію. Библіотека въ настоящее время въ числѣ жертвователей своихъ считаетъ сына его сенатора Г. А. Тройницкаго.

Мѣстныя изданія, т. е. изданія, печатавшіяся въ одесскихъ типографіяхъ, доставлялись въ библіотеку довольно исправно; распоряженіе объ обязательной доставкѣ ихъ въ библіотеку по ходатайству Мурзакевича было подтверждено въ 1847 г.[2]).—Эта мѣра, содѣйствовавшая пополненію библіотеки изданіями, весьма цѣнными и важными для изученія юга,—подала Мурзакевичу мысль возбудить вопросъ о доставленіи въ библіотеку и кавказскихъ изданій[3]). Ходатайство это имѣло успѣхъ, и библіотека наша въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ получала отъ цензурнаго комитета изданія, выходящія на Кавказѣ, что весьма способствовало ея пополненію многими цѣнными книгами[4]).

Принимая мѣры къ пріобрѣтенію книгъ текущихъ изданій, такъ сказать, новыхъ, Мурзакевичъ не оставлялъ безъ вниманія также и вопроса о пополненіи библіотеки изданіями старыми, какъ онъ выражался «рѣдкими», желая этимъ содѣйствовать такой постановкѣ отдѣловъ, чтобы ими можно было пользоваться и при научныхъ работахъ,—преимущественно по вопросамъ юга Россіи.

Съ этой цѣлью въ 1844 году Мурзакевичъ возбудилъ вопросъ о желательности пріобрѣтать для библіотеки книги, изданныя въ разныхъ городахъ Новороссійскаго края въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

«Для одесской публичной библіотеки», писалъ Мурзакевичъ[5]), какъ центральной въ Новороссійскомъ краѣ, такія изданія имѣть необходимо». Въ виду этого имъ была предпринята поѣздка въ разные

---

[1]) Александръ Григорьевичъ Тройницкій, сынъ майора, убитаго въ 1812 г.,—родился въ 1807 г.; воспитаніе получилъ въ Ришельевскомъ лицеѣ, въ которомъ и былъ потомъ преподавателемъ; съ 1832 г. онъ былъ инспекторомъ института благородныхъ дѣвицъ. Въ 1833 году былъ назначенъ главнымъ редакторомъ „Одесскаго Вѣстника“, который былъ имъ поставленъ на положеніе серіознаго органа. Среди одесскаго образованнаго общества занималъ выдающееся мѣсто по своей культурной и энергичной работѣ. Въ 1857 году переселился на службу въ Министерство Внутр. Дѣлъ въ Петербургъ, гдѣ въ званіи члена Государственнаго Совѣта и скончался въ 1871 г. Его некрологъ, написанный Мурзакевичемъ, напечатанъ въ IX т. „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ (стр. 369).

[2]) См. „дѣло“ библіотеки за этотъ годъ, л. 57; это распоряженіе военнаго губернатора Одессы требовало строгаго наблюденія за аккуратнымъ доставленіемъ одесскихъ изданій въ библіотеку.

[3]) См. „дѣло“ библіотеки за 1845 г., л. 54.

[4]) Съ упраздненіемъ цензурныхъ комитетовъ библіотека получаетъ лишь кавказскія періодическія изданія; высылка книгъ къ сожалѣнію прекращена.

[5]) „Дѣло“ библіотеки 1844 г., л. 51.

города Новороссійскаго края, въ которыхъ онъ могъ отыскать такого рода книги. Благодаря такой мѣрѣ, библіотека наша и имѣетъ нынѣ довольно приличный подборъ изданій Екатерининскаго времени.—Дѣлу пополненія библіотеки старыми изданіями помогла и сдѣланная Мурзакевичемъ въ 1851 году покупка дублетовъ Императорской публичной библіотеки; для болѣе основательнаго выбора книгъ Мурзакевичъ самъ ѣздилъ въ Петербургъ [1]). Отмѣчу здѣсь нѣкоторыя изъ книгъ поступившихъ этимъ путемъ изъ Императорской публичной библіотеки: Egnatii—De exemplis virorum Venetiae, Venetiis 1554, B Georgievicz—De Turcarum moribus—1598, Herberstain—Rerum Moscovitarum commentarii,—Antverpiae 1557, Machiavelli—Historia Florentina, Lugduni 1645, Kadlubkonis—Historia Polonica, Dobromili 1612, Historiae regni Boiemiae, 1552, Sansovino, Venezia citta nobilissima, Venezia 1581, Maurogeni,—Historia Veneta, Venetiis 1623, Starovolscii—Monumenta Sarmatarum, Cracoviae 1655, H. Grotii—Chronicon Hollandiae,—Lugduni 1617 и др.

Благодаря всѣмъ указаннымъ мѣрамъ Мурзакевича, библіотека пріобрѣла также цѣлый рядъ и такихъ очень цѣнныхъ и рѣдкихъ изданій: Острожская библія [2]), ісправникъ за ерei (Romae 1635), Абагаръ [3]), Новый Завѣтъ Сапунова (Букурещъ 1828), Часословъ (Дубъсари 1794), Исторія разныхъ славянскихъ народовъ Раича (Віена 1794), Кириакодроміонъ, еп. Софронія (Рымникъ 1806), Краткая метода взаимнаго обученія для солдатъ (крѣпость Мобежъ 1817) и др.

Всѣ эти свѣдѣнія, почерпаемыя нами изъ архива библіотеки [4]) свидѣтельствуютъ о томъ, что дѣло пополненія библіотеки при Мурзакевичѣ было поставлено въ достаточной степени благопріятно. Исправно составлявшіеся Мурзакевичемъ отчеты указываютъ на постепенный равномѣрный ростъ всѣхъ отдѣловъ библіотеки, которая къ 1 января 1852 г. уже имѣла 12022 тома [5]).

---

[1]) Объ этой покупкѣ см. «дѣла» библіотеки за 1850 г., л. 47 и за 1851 г., л. 36. Здѣсь и списокъ купленныхъ книгъ.

[2]) За довольно хорошій экземпляръ ея Мурзакевичъ заплатилъ въ 1846 году 40 руб.; деньги эти были пожертвованы одесскимъ городскимъ головою И. Новиковымъ (см. Мурзакевича въ „Новорос. Календ." на 1849 г. стр. 406.

[3]) Этотъ экземпляръ Абагара до сихъ поръ является всего *четвертымъ* экземпляромъ, зарегистрованнымъ библіографами. Ср. ст. М. Г. Попруженко „Абагаръ" въ X т. „Изв. Отд. русск. яз. и слов.". О значеніи „Нов. Зав." Сапунова и Кириакодроміона см. М. Г. Попруженко „Очерки по исторіи возрожденія болгарскаго народа" въ Ж. М. Нар. Просв. 1902 и 1906 г.

[4]) За періодъ управленія библіотекой Мурзакевичемъ переписка ея велась въ должномъ порядкѣ, она и сохранилась въ «дѣлахъ» по годамъ.

[5]) Къ 1 января 1843 г. въ библіотекѣ было 8758, значитъ за время управленія Мурзакевича библіотека пріобрѣла 3264 тома. Для выясненія постепенности роста библіотеки интересно указаніе Ф. Ляликова, что въ 1848 г. Одесская публичная библіотека имѣла 10492 тома (см. Историческій и статистическій взглядъ на успѣхи образованія въ Новороссійскомъ краѣ. (Од. 1848), стр. 13).

Труды Мурзакевича на пользу библіотеки должны быть признаны очень продуктивными. Благодаря имъ, библіотека наша въ указанное время занимала уже очень замѣтное мѣсто среди другихъ провинціальныхъ библіотекъ, а въ Одессѣ она являлась учрежденіемъ, выдающимся по своему образовательному значенію; его считали необходимымъ посѣщать всѣ интеллигентныя одесситы, а пріѣзжіе—обязательно обозрѣвали.

Такъ напр. побывавшій въ 1846 году въ Одессѣ М. П. Погодинъ былъ въ нашей библіотекѣ; это посѣщеніе онъ слѣдующимъ образомъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «Одесская публичная библіотека умножается болѣе и болѣе, преимущественно книгами, картами и рисунками, относящимися къ здѣшнему краю. Я увидѣлъ огромный, отличный атласъ Чернаго моря со всѣми устьями, гаванями и берегами: Европейское изданіе, даже и потому, что оно неизвѣстно въ Россіи! По стѣнамъ красуются изображенія трехъ знаменитыхъ правителей Одессы: Ришелье, Ланжерона и Воронцова»[1]).

При такомъ своемъ состояніи библіотека должна была все болѣе и болѣе привлекать читателей, число которыхъ за время Мурзакевича простиралось до 3000 человѣкъ въ годъ[2]); контингентъ посѣтителей библіотеки состоялъ по указаніямъ отчетовъ—изъ профессоровъ лицея, учителей гимназіи, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, студентовъ лицея, гимназистовъ, семинаристовъ, духовныхъ лицъ.

Чтобы показать ростъ числа посѣтителей, приведу изъ отчетовъ указанія по годамъ: въ 1844 году—2305, въ 1845—2415, въ 1846—2669, въ 1847—3091, въ 1848—2954, въ 1849—2474, въ 1850—2380, въ 1851—3159. Эти цифры при населеніи Одессы, доходившемъ въ 50-хъ годахъ до 90 тысячъ, должны быть признаны достаточно солидными, если принимать во вниманіе тогдашній несомнѣнно низкій уровень грамотности населенія, большая часть котораго ни въ какихъ библіотекахъ, конечно, не нуждалась.—Такъ какъ число посѣтителей библіотеки находится въ зависимости отъ количества часовъ, которые функціонируетъ библіотека, то приведу указаніе о времени открытія библіотеки въ 50-хъ годахъ: библіотека обыкновенно была открыта (кромѣ праздниковъ)—въ понедѣльникъ, вторникъ, среду и пятницу—отъ 10 часовъ утра до 2-хъ час. пополудни, а по четвергамъ и субботамъ съ 2-хъ часовъ до 7 вечера лѣтомъ (а зимой до 5 часовъ). Открытіе библіотеки ежедневно на 4 час. въ среднемъ не можетъ быть признано очень широкимъ функціонированіемъ. Относительно количества посѣтителей библіотеки во время Спады мы свѣдѣній не имѣемъ, имѣемъ лишь указаніе относительно 1843 года, въ которомъ было всего 400 посѣтителей[3]), а потому увеличеніе числа читателей съ 1844 г.

[1]) Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII. (Спб. 1894), стр. 439. Погодинъ видѣлъ, вѣроятно, атласъ Е. Манганари, изд. въ Николаевѣ въ 1841 г.

[2]) См. „дѣло“ библіотеки за 1851 годъ, л. 41.

[3]) См. „дѣло“ библіотеки за 1850 г., л. 39.

(съ начала дѣятельности Мурзакевича) должно быть признано весьма значительнымъ и характернымъ. Въ виду этого роста числа посѣтителей библіотеки Мурзакевичъ въ 1850 г. возбудилъ ходатайство объ увеличеніи штата служащихъ въ библіотекѣ; это ходатайство было уважено, и съ 1851 года въ библіотекѣ была учреждена должность помощника библіотекаря; первымъ занимавшимъ ее былъ коллежскій секретарь Рацулъ съ жалованіемъ 150 руб. въ годъ. Раньше Рацулъ служилъ въ канцеляріи Ришельевскаго лицея.

Въ библіотеку читатели привлекаемы, конечно, были возможностью найти въ ней матеріалъ для научныхъ работъ, но были безъ сомнѣнія и такіе одесситы, которымъ строго научныя сочиненія были и не въ полной мѣрѣ доступны. Такого рода публика должна была искать книгъ не спеціальныхъ, требующихъ для пониманія особой подготовки, а общедоступныхъ; такая потребность въ 1850 году была констатирована одесскимъ градоначальникомъ А. И. Казначеевымъ, который, отмѣчая въ письмѣ къ Мурзакевичу высокое значеніе библіотеки въ смыслѣ полноты спеціальными сочиненіями, выражаетъ пожеланіе, чтобы библіотека наравнѣ съ такими сочиненіями пріобрѣтала и *популярныя* сочиненія *преимущественно* на русскомъ языкѣ [1]). Чтобы уяснить мысль Казначеева, привожу выписку изъ его письма къ Мурзакевичу: „Для меня пріятно будетъ, если Вы начнете по мѣрѣ возможности пріобрѣтать для публичной библіотеки сочиненія популярныя, издаваемыя по разнымъ отраслямъ наукъ, какъ на иностранныхъ языкахъ, такъ и преимущественно на русскомъ; каковы напримѣръ: „Популярная анатомія“ Пирогова, „Публичныя лекціи объ астрономіи“ Зеленаго, „Исторія литературы“ Шлегеля, „Технологія“ гр. Канкрина и т. п. А чтобы доставить посѣтителямъ библіотеки болѣе возможности слѣдить за ходомъ наукъ и литературы вообще, желательно-бы выписывать для библіотеки, кромѣ спеціальныхъ періодическихъ изданій, и журналы болѣе разнороднаго содержанія, пользующіеся вниманіемъ отечественной публики, какъ-то „Современникъ“, „Библіотеку для чтенія“, „Revue Brittanique“. Изъ этого видно, что Казначеевъ хотѣлъ, чтобы въ библіотекѣ были хорошія общедоступно изложенныя научныя сочиненія, а не книги для легкаго чтенія, доступностью кото-

[1]) „Дѣло“ библіотеки за 1850 г.. л. 12. Градоначальникъ, какъ мы видѣли, вѣдалъ всѣ дѣла библіотеки и считался ея попечителемъ, въ качествѣ котораго могъ, конечно, входить и въ разсмотрѣніе вопроса о пополненіи библіотеки. Александръ Ивановичъ Казначеевъ въ чинѣ тайнаго совѣтника былъ Одесскимъ градоначальникомъ съ 1848 по 1854 г.—Въ теченіе всей своей многообразной и долголѣтней дѣятельности Казначеевъ пользовался за свой просвѣщенный трудъ общими симпатіями; онъ между прочимъ способствовалъ Айвазовскому въ дѣлѣ художественнаго образованія. Казначеевъ родился въ 1788 г., умеръ въ званіи сенатора въ 1880 г. О Казначеевѣ, какъ объ одномъ изъ близкихъ друзей Н. Н. Раевскаго, Б. Л. Модзалевскій въ „Архивѣ Раевскихъ“, т. II, стр. 230—232 даетъ цѣнныя свѣдѣнія съ указаніемъ его переписки и проч.

раго вовсе не хотѣли и тогда привлекать въ библіотеку публику. Въ ней очевидно хотѣли видѣть учрежденіе для научныхъ занятій.

Къ числу необходимыхъ условій, обезпечивающихъ широкое и правильное функціонированіе библіотеки, относится и доступный для публики каталогъ. Мурзакевичъ не могъ этого не понимать и въ своихъ заботахъ о библіотекѣ не забывалъ и вопроса объ изданіи каталога. Поднялъ этотъ вопросъ онъ еще въ 1846 г., но лишь въ 1848 году получилъ необходимое разрѣшеніе на безплатное печатаніе этого труда въ городской типографіи; тогда-же Мурзакевичъ приступилъ къ этому дѣлу, сдавъ въ типографію существовавшіе писанные каталоги, но довести до конца изданіе ему не удалось. Были лишь отпечатаны отдѣлы:—богословіе, законовѣдѣніе, философія, политика и исторія[1]). Въ какомъ количествѣ были отпечатаны каталоги этихъ отдѣловъ, и какъ они распространялись въ публикѣ,—объ этомъ свѣдѣній въ настоящее время нѣтъ; въ библіотекѣ хранится лишь одинъ (неполный) его экземпляръ, который Мурзакевичъ передалъ въ библіотеку въ 1870 году, какъ библіографическую рѣдкость[2]). — Заглавія книгъ въ этомъ каталогѣ отмѣчены подробно; если встрѣчается книга особенно рѣдкая, то это указано въ особомъ примѣчаніи, также указываются карты и рисунки въ книгѣ, ея авторъ, неназванный въ заглавіи и проч. Въ каждомъ отдѣлѣ нумерація книгъ особая.

Всѣ изложенныя выше данныя свидѣтельствуютъ, что наша библіотека во время управленія ею Мурзакевичемъ имѣла всѣ задатки для дальнѣйшаго процвѣтанія и развитія. Этимъ и объясняется, что мѣстная администрація начала тогда-же озабочиваться вопросомъ о спеціальномъ зданіи для нея. Въ дѣлахъ библіотеки мы находимъ указаніе, что въ 1851 году городскимъ архитекторомъ Деллаква былъ составленъ проектъ на сооруженіе зданія для библіотеки, но судьба этого проекта неизвѣстна[3]).

Зданіе это предположено было соорудить въ Дерибасовскомъ саду (городскомъ); въ немъ хотѣли помѣстить, кромѣ библіотеки, также городской музей и общество сельскаго хозяйства[4]).

Въ 1852 году дѣятельность Мурзакевича по библіотекѣ въ значительной степени сократилась; онъ въ этомъ году особенно усиленно

---

[1]) О трудностяхъ, съ которыми было сопряжено печатаніе каталога см. „дѣло“ библіотеки за 1848 г., л. 18. Городская типографія, заваленная работой, очень медлила съ каталогомъ.

[2]) См. «Вѣдомости Одесскаго Городского Общественнаго Управленія» за 1871 г., № 13, (стр. 189).

[3]) См. „дѣло“ библіотеки за 1851 г.; на л. 6 находится запросъ градоначальника Казначеева Мурзакевичу по поводу пригодности этого проекта, посланнаго въ библіотеку, а на л. 8 отвѣтъ Мурзакевича,—что онъ этого проекта не получалъ.

[4]) См. А. Скальковскаго, О нынѣшнемъ состояніи садоводства въ Новороссійскомъ краѣ (Спб. 1852), стр. 9.

работалъ въ должности профессора лицея, въ которомъ ему предстояло играть первую роль, такъ какъ 17 декабря 1852 г. онъ назначенъ его управляющимъ, а 2 февраля 1853 г. утвержденъ въ должности его директора [1]),

Съ конца 1852 г. Мурзакевичъ уже фактически и не состоялъ библіотекаремъ нашей библіотеки, а лишь числился въ этой должности, библіотекой же завѣдывалъ Ашикъ, который съ 1-го мая 1853 г. былъ утвержденъ въ должности библіотекаря вмѣсто Мурзакевича.

Н. Н. Мурзакевичъ умеръ въ 1883 году (16 октября) въ Одессѣ; до самой смерти онъ не покидалъ нашего города, живя въ которомъ и по выходѣ въ отставку изъ лицея (въ 1857 г.) онъ энергично работалъ на пользу Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, которое въ 1875 году избрало его своимъ вице-президентомъ. Въ этой должности онъ оставался до смерти [2]).

Выборъ Ашика въ замѣстителѣ Мурзакевичу по должности библіотекаря сдѣланъ былъ Воронцовымъ, который, очевидно, хотѣлъ, чтобы во главѣ библіотеки всегда находился человѣкъ, болѣе или менѣе причастный къ наукѣ.

Антонъ Балтазаровичъ Ашикъ (сербъ) родился въ Рагузѣ въ 1802 году и по переселеніи въ 1812 г. семьи его, занимавшейся торговлей, въ Одессу—всю свою дѣятельность провелъ у насъ на югѣ, сначала въ торговой конторѣ, послѣ (съ 1817 г.) въ канцеляріи Ланжерона, а съ 1822 г. въ Керчи, гдѣ и сблизился съ бывшимъ въ то время керченскимъ градоначальникомъ И. А. Стемпковскимъ [3]). — Подъ вліяніемъ и руководствомъ этого любителя и знатока археологіи Ашикъ и самъ сталъ заниматься древностями нашего юга. Онъ быстро пріобрѣлъ возможный по тому времени авторитетъ въ наукѣ и, благодаря этому, въ 1833 году былъ назначенъ директоромъ Керченскаго музея. Усердно занимаясь любимымъ предметомъ и, совершивъ въ 1841,

---

[1]) Михневичъ, Сорокалѣтіе Ришельевскаго лицея (Од. 1857), стр. 63.

[2]) Некрологъ Мурзакевича (краткій) см. въ „Историческ. Вѣстникъ“ за 1883 г., кн. 12, стр. 646. Языковъ въ „Обзорѣ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей“, в. III, стр. 59, в. IV, стр. 11, в. V, стр. 10 („Ист. Вѣстн. 1886—1888) далъ перечень (съ пропусками) трудовъ Мурзакевича. Замѣтку о погребеніи Мурзакевича см. „Одесск. Вѣстн.“ 18 октября 1883 г. (№ 229). Для характеристики Мурзаковича и его дѣятельности очень большой интересъ представляетъ разновременно опубликованная его переписка съ архіепископомъ Иннокентіемъ, гр. Воронцовымъ, М. Погодинымъ, Я. И. Бередниковымъ и др.

[3]) Въ Керчь онъ пріѣхалъ для службы въ управленіи, организованномъ генуэзцемъ Рафаелемъ Скасси для производства мѣновой торговли съ горцами; по уничтоженіи этого управленія въ 1839 году Ашикъ былъ назначенъ на Кавказъ, а въ 1830 г. вернулся снова въ Керчь. О дѣятельности Скасси см. у Вигеля („Записки“ VII, стр. 156), а также „Архивъ Раевскихъ“, т. III, стр. 355.

1842, 1845 годахъ долговременныя поѣздки съ научной цѣлью въ Италію и Австрію, Ашикъ къ началу 50-хъ годовъ былъ уже извѣстенъ, какъ авторъ нѣсколькихъ крупныхъ изслѣдованій: „Керченскія древности“ (Одесса 1845 in folio), „Воспорское царство“ (Одесса 1848 г. въ 3 книгахъ), „Часы досуга“ (о керченскихъ древностяхъ)—(Одесса 1851), „De la découverte de deux statues antiques à Kertch“ (Odessa 1851). — Когда онъ переѣхалъ въ 1852 году въ Одессу, гдѣ состоялъ въ штатѣ Новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора,—то его научный авторитетъ и подготовка не могли не способствовать тому, что на постъ библіотекаря нашей библіотеки онъ явился желательнымъ и подходящимъ кандидатомъ.

Вступивъ въ исполненіе обязанностей библіотекаря [1]), Ашикъ, не долженъ былъ уже выяснять характеръ своей дѣятельности. Задачи библіотеки были установлены, направленіе ея въ смыслѣ необходимости все болѣе и болѣе пополняться книгами по всякимъ наукамъ—опредѣлено, и Ашикъ долженъ былъ все это продолжать.—Онъ съ первыхъ-же моментовъ и принимаетъ мѣры къ возможно широкому привлеченію книжныхъ пожертвованій въ библіотеку, и мы въ дѣлахъ ея находимъ много копій писемъ, отправленныхъ Ашикомъ къ различнымъ частнымъ лицамъ [2]) и въ цѣлый рядъ учрежденій съ просьбой о высылкѣ книгъ.

---

[1]) Соединявшаяся до сихъ поръ (со времени Спады) съ должностью библіотекаря должность директора Одесскаго городского музея,—съ момента вступленія въ библіотеку Ашика была сдѣлана самостоятельной. Городской музей былъ признанъ отдѣльнымъ учрежденіемъ; завѣдываніе имъ оставлено въ рукахъ Мурзакевича, который объ этомъ просилъ кн. Воронцова Это видно изъ письма И. Ѳ. Золотарева (начальникъ канцеллріи Воронцова) къ Мурзакевичу: «Князь М. С. изволилъ поручить мнѣ увѣдомить Васъ, что онъ совершенно согласенъ на то, чтобы Вы при полученіи назначенія директоромъ лицея продолжали завѣдывать Одесскимъ городскимъ музеемъ и пользовались присвоеннымъ сей должности содержаніемъ. Ашику князь представляетъ пока только одну библіотеку». (Письмо это напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1876 г., III, 369).

[2]) Съ такими просьбами Ашикъ обращался не только къ русскимъ ученымъ, но и къ нѣкоторымъ заграничнымъ. Такъ, напр., въ 1854 г. (см. „дѣло“ за этотъ годъ, л. 31) В. Ганка на такое приглашеніе выслалъ въ библіотеку всѣ свои труды.—Откликались на призывъ Ашика и нѣкоторые русскіе книгопродавцы; напр. Глазуновъ (въ Петербургѣ) въ 1854 г. подарилъ библіотекѣ 270 книгъ (см. „дѣло“ 54, л. 117, 124). Привожу здѣсь полностью отвѣтное письмо В. Ганки, такъ какъ оно представляетъ историко-литературный интересъ: „Почтеннѣйшей дирекціи Одесской городской публичной библіотеки. Съ большимъ удовольствіемъ имѣю честь заспокоить желаніе дирекціи отъ 5 ноября 1853 г., № 100. Съ XVI вѣка посылаю самый лучшій тогдашній словарь латинско-чешскій славнаго въ литературѣ нашей Даніила Адама, которому въ послѣдствіи пожаловано дворянство именемъ Велеславина; все другое есть новое и по большей части собственнаго моего изданія, и потому покорнѣйше прошу принять это благосклонно и милостиво. Нашъ народъ невеликъ и потому литература его бѣдна, изданія скудны и маленьки. И мы fuerамus Pergama quondam! первое между славянами въ письменности. Было и у насъ православіе крещенія св. Меѳодія и Ремскій кодексъ это свидѣтельствуетъ, да я получилъ надняхъ изъ одного нашего города (Градца) отрывокъ Евангелія по недѣлямъ на

Благодаря этому, кругъ учрежденій, высылавшихъ книги библіотекѣ раньше, увеличивается и расширяется [1]). Высылаютъ ей свои изданія—всѣ университеты, ученые комитеты при различныхъ министерствахъ, Имп. публичная библіотека, Географическое и др. общества, Собственная Его Императорскаго Величества канцелярія (выславшая „Полное собраніе законовъ“) и др. учрежденія.—О всѣхъ поступившихъ пожертвованіяхъ Ашикъ обязательно сообщалъ въ газетахъ [2]), и этотъ пріемъ весьма благотворно дѣйствовалъ на публику, которая, встрѣчая въ газетахъ извѣстія о библіотекѣ, все болѣе и болѣе обращала на нее вниманіе.

Въ цѣляхъ-же, конечно, привлеченія большаго числа жертвователей Ашикъ завелъ при библіотекѣ особую книгу для записи именъ тѣхъ, кто дарилъ библіотекѣ книги. Эта книга въ читальномъ залѣ хранилась на видномъ мѣстѣ и была доступна каждому для разсмотрѣнія [3]).

Заботясь объ увеличеніи книжныхъ поступленій, Ашикъ не могъ оставить вопроса и о расширеніи помѣщенія библіотеки, которая посѣщалась все въ большемъ количествѣ читателей (въ 1853 году ихъ было—3523). Вотъ какъ онъ по этому поводу говорилъ въ отчетѣ за 1853 г. „Библіотека помѣщается въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, на бульварѣ, и заключается въ передней и въ одной читальной залѣ, въ которой иногда собирается столько посѣтителей, что съ трудомъ можно размѣстить ихъ. Входъ въ библіотеку, по общей лѣстницѣ присутственныхъ мѣстъ, особенно зимою, весьма нечистъ. Число книгъ увеличивается до того, что въ буквальномъ смыслѣ библіотека завалена книгами: тѣснота эта вредна для самихъ книгъ и вредна тѣмъ болѣе,

---

пергаминѣ, который судя по орѳографіи относится поближе къ псалтырю митроп. Евгенія, считающемуся древнѣе Остромирова Евангелія. Вѣроятно остатокъ разоренной Сазавской обители. Жаль, что уцѣлѣло только полтора листка въ четвертую долю. Въ нашей часописи будетъ изданъ. Къ статьи о часописи: невозможно-ли въ обмѣнъ получать за нее какое-либо повременное изданіе? Она выходитъ квартально подъ заглавіемъ časopis českeho Mus. по 15 листахъ книжка. Прага 13/25 генваря 1854. Вячеславъ Ганка“.

[1]) Въ цѣляхъ пополненія библіотеки по возможности всѣми русскими книгами, Ашикъ ходатайствовалъ предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія (въ февралѣ 1854) объ обязательномъ доставленіи въ Одесскую библіотеку наравнѣ съ Императорской публичной библіотекой—всѣхъ выходящихъ въ Россіи въ свѣтъ изданій, но ходатайство это Министромъ отклонено, такъ какъ оно было-бы обременительнымъ для авторовъ и издателей (см. „дѣло“ за 1854 г., л. 56 и 137).

[2]) См. напр. „Одесскій Вѣстникъ“ за 1853 г, № 4, № 9 (о высылкѣ Свода законовъ) и др.—Публикованіе въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ именъ жертвователей книгъ въ библіотеку согласно ходатайству Ашика (29 декабря 1853 г., № 155) было для редакціи сдѣлано обязательнымъ по распоряженію Одесскаго градоначальника Казначеева (13-го января 1854 г., № 677).

[3]) „Дѣло“ за 1853 г., л. 211. Въ библіотеку изрѣдка на покупку книгъ поступали и денежныя пожертвованія, такъ напр. извѣстный одесскій подрядчикъ Д. К. Волоховъ въ 1854 г. для этой цѣли пожертвовалъ 50 р. („дѣло“ за 1854 г., л. 12). Такого рода пожертвованія были очень важны, такъ какъ библіотека по прежнему въ годъ получала на книги всего лишь 300 р. серебромъ.

что невозможно водворить въ библіотекѣ требуемый порядокъ“ [1]). Ашика это очень безпокоило, такъ какъ онъ постоянно наблюдалъ происходящую отъ такого положенія порчу книгъ.

Въ виду этого Ашикъ считалъ весьма желательнымъ, чтобы спеціально для библіотеки было построено вполнѣ приспособленное зданіе, въ которомъ функціи ея могли-бы должнымъ образомъ расширяться и направляться соотвѣтствующимъ путемъ.

Это желаніе Ашика вполнѣ понятно, такъ какъ онъ еще яснѣе, чѣмъ его предшественники, сознавалъ, что одесской библіотекѣ обязательно суждено было играть роль центральнаго для всего Новороссійскаго края книгохранилища. Онъ наблюдалъ факты, которые и заставили его говорить слѣдующее: „Библіотека одесская признается центральной Новороссійскаго края, и въ самомъ дѣлѣ можетъ гордиться этимъ званіемъ потому, что въ теченіе прошедшаго года мнѣ случалось довольно часто выдавать книги для справокъ и для выписокъ многимъ иногороднымъ спеціалистамъ ученымъ, которые единственно съ ученою цѣлью прибывали въ Одессу, чтобы воспользоваться нашимъ книгохранилищемъ“ [2]).

Въ тѣхъ-же цѣляхъ упорядоченія пользованія библіотекой Ашикъ признавалъ необходимымъ и изданіе каталога, который онъ считалъ — „душой библіотеки“ [3]). Ходатайство объ его изданіи онъ поднималъ дважды, но и ему это дѣло не удалось такъ же, какъ и Мурзакевичу, который, какъ мы видѣли, даже началъ печатаніе.

Средствъ спеціально на печатаніе каталога Ашику отпущено не было, а городская типографія въ то время была такъ обременена работой, что не могла взяться за его изданіе [4]).

Изъ-за недостатка-же средствъ не удалось Ашику добиться и того, чтобы библіотека была открыта ежедневно съ утра до вечера [5]); онъ это вполнѣ основательно считалъ весьма важнымъ [6]) въ интересахъ публики, но просилъ увеличить штатъ, который могъ-бы исполнять требованія посѣтителей. Ходатайство объ этомъ Ашикъ возбуждалъ въ январѣ 1854 г.; онъ просилъ: 1) Объ опредѣленіи второго помощника библіотекаря съ жалованіемъ по 300 руб. сер., и о прибавкѣ первому помощнику къ получаемымъ 150 руб. еще 150 руб. сер.; 2) Объ опредѣленіи одного канцелярскаго чиновника съ жало-

---

[1]) „Дѣло“ библіотеки за 1853 г., л. 222.

[2]) ibid.

[3]) „Дѣло“ библіотеки за 1853 г., л. 217. Ашикъ такъ объ этомъ писалъ: „Порядокъ есть душа службы, а хорошій каталогъ есть душа всякой библіотеки. У насъ, хотя и есть каталоги, но они неполны и должны быть совершенно передѣланы и напечатаны... Библіотека существуетъ съ 1830 г., книги пріобрѣтаются ежегодно, а потому составленіе и изданіе каталога не слѣдовало-бы откладывать далѣе“.

[4]) „Дѣло“ за 1854 г., л. 113.

[5]) Она при немъ была открываема по-старому. См. выше стр. 27.

[6]) „Дѣло“ библіотеки за 1853 г., л.л. 54, 55.

ваньемъ въ 150 руб. сер. въ годъ; 3) О прибавкѣ къ получаемымъ библіотекаремъ 428 руб. 57 коп. сер. еще 172 руб. Градоначальникъ Казначеевъ сообщилъ Ашику, что согласно донесенію Городской думы ходатайства эти за полнымъ отсутствіемъ средствъ удовлетворены быть не могутъ.

Всѣ эти довольно энергичныя дѣйствія Ашика на пользу ввѣренной ему библіотеки заслуживаютъ полнаго вниманія; очень можетъ быть, что ему многое удалось-бы съ теченіемъ времени провести и въ жизнь, но его служба въ библіотекѣ продолжалась недолго, такъ какъ 26 мая 1854 года онъ скончался [1]).

Такимъ образомъ, библіотека наша заканчивала 25-лѣтіе своего существованія. Въ теченіе всего этого времени лицами, которымъ она была ввѣрена, преслѣдовалась довольно усердно цѣль—сдѣлать ее научнымъ книгохранилищемъ; это отмѣчалось всѣми библіотекарями, которые усердно пополняютъ ее научными изданіями. Въ библіотеку повидимому обыкновенно и обращались за всякаго рода научными справками; указаній на чтеніе произведеній словесности русской и иностранной и на чтеніе газетъ мы не имѣемъ. Несомнѣнно однако въ такого рода чтеніи потребность у одесситовъ того времени была, а потому интересно знать, какъ она могла быть удовлетворяема помимо публичной библіотеки лицами, которыя не нуждались въ спеціально научныхъ работахъ. Отвѣтомъ на это могутъ служить указанія на одновременное существованіе въ Одессѣ мѣстъ, гдѣ можно было находить такого рода чтеніе.

Уже въ 1833 году одесскій нотаріусъ Сотниковъ учредилъ справочную контору (на Почтовой улицѣ, въ домѣ Реторицкаго), въ которую „каждый могъ приходить читать, когда ему заблагоразсудится (съ 9 час. утра до 6 час. вечера), — газеты русскія и иностранныя, прейсъ-куранты и журналы, получаемые симъ заведеніемъ", за это полагалась плата въ 10 коп. Контора эта получала: — „Телеграфъ", „Телескопъ", „Сѣверную Пчелу", „Купецъ—Коммерческую Газету", „Инвалидъ съ литературными прибавленіями" [2]).

Примѣръ Сотникова нашелъ подражателей; такъ въ 1834 году при книжномъ магазинѣ Золотова и Картамышева былъ учрежденъ уже настоящій кабинетъ для чтенія, который выписывалъ до 20 періодическихъ изданій и „въ непродолжительномъ времени еще имѣлъ въ виду получать множество". Успѣхъ кабинета былъ большой: онъ въ первый мѣсяцъ насчитывалъ уже болѣе 50 абонентовъ [3]). Дѣло это посте-

---

[1]) Некрологъ его см. въ „Запискахъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей", т. V, стр. 915; замѣтка о погребеніи Ашика помѣщена въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" за 1854 г., № 58.

[2]) См. „Одесскій Вѣстникъ" за 1833 г., № 23.

[3]) См. „Одесскій Вѣстникъ" за 1834 г., № 38 (стр. 152).

пенно развивалось, и уже въ 1845 году мы въ Одессѣ видимъ библіотеку для чтенія; ее открылъ (съ сохраненіемъ указаннаго выше кабинета) тотъ-же Золотовъ въ компаніи съ Тотти (по Дерибасовской ул. въ д. Фраполи). Современный посѣтитель такъ описываетъ ее: „чистая, свѣтлая, просторная комната, отдѣланная со вкусомъ, обрамлена съ трехъ сторонъ отъ потолка до полу шкафами, наполненными книгами. Здѣсь мы нашли всѣ такъ называемыя классическія (т. е. лучшія) русскія сочиненія: Карамзина, Жуковскаго, Фонвизина, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова и проч.; всѣ литературныя новости 1844 и 1845 г.; многія книги, о выходѣ которыхъ мы едва успѣли узнать изъ послѣднихъ книжекъ русскихъ журналовъ, уже лежали на столѣ“ [1]).

Такимъ образомъ, одесское общество имѣло возможность безъ особыхъ затрудненій находить матеріалъ для „легкаго“ чтенія, а также пользоваться газетами для справокъ. Въ виду этого публичная библіотека и могла стремиться исключительно къ преслѣдованію научныхъ интересовъ, полагая всѣ силы свои на то, чтобы стать научнымъ книгохранилищемъ. За первую четверть вѣка своего существованія она въ этомъ значительно успѣла, и развитіе ея въ такомъ отношеніи шло-бы успѣшно, если-бы функціонированіе ея въ это время не нарушилось длиннымъ перерывомъ.

Въ жизни Одессы 1854 годъ, какъ извѣстно, ознаменованъ весьма печальнымъ событіемъ; 10 апрѣля этого года она подверглась со стороны союзническаго флота бомбардировкѣ. Этого въ Одессѣ никто не ожидалъ, а потому, повидимому, особыхъ какихъ-либо мѣръ по охранѣ общественныхъ учрежденій въ это время принято не было. Въ городѣ, по сообщеніямъ современника, все шло своимъ порядкомъ, и господствовало обычное спокойствіе; концерты, прогулки, собранія въ клубахъ продолжались по-старому [2]), такъ какъ никто даже мысли не допускалъ, что Одесса, какъ мирный торговый городъ, подвергнется нападенію враговъ. Въ виду всего этого, очевидно, и для охраны нашей библіотеки не было принято какихъ-либо особыхъ мѣръ; она, повидимому, даже въ самые моменты бомбардированія была открыта для публики. Это мы должны думать потому, что какихъ-либо свѣдѣній по данному вопросу мы нигдѣ не находимъ. Повидимому, мѣры охраны и не хотѣли принимать, не желая пугать напрасно населеніе; кн. Воронцовъ, напр., въ письмѣ своемъ отъ 1 февраля 1854 г. Н. Н. Мурзакевичу, поручая ему принять участіе къ упаковкѣ драгоцѣнностей его библіотеки для отправки на сохраненіе въ Мошны пишетъ: „За-

---

[1]) См. „Одесскій Вѣстникъ“ за 1845 г., № 59.—Владѣлецъ этой библіотеки Золотовъ былъ преподавателемъ Ришельевскаго лицея (Автобіографія Мурзакевича, стр. 70).

[2]) К. Зеленецкій, Записки о бомбардированіи Одессы (Од. 1855), стр. 10.

тѣмъ мнѣ остается еще просить Васъ не говорить объ этомъ предметѣ никому, потому что эта самая обыкновенная вещь,—при нынѣшнемъ тревожномъ состояніи Одессы, можетъ дать поводъ къ какимъ-либо толкамъ и заключеніямъ. Вы сами видите, что мы ничего не вывозимъ изъ дому, кромѣ бумагъ“ [1]).

Когда-же бомбардировка стала совершившимся фактомъ, и военныя дѣйствія въ Крыму не прекращались, вѣроятно, признано было, что для функціонированія библіотеки время не подходитъ, а потому воспользовались смертью Ашика и рѣшили библіотеку временно закрыть.

1-го іюня 1854 г., т. е. чрезъ нѣсколько дней послѣ смерти Ашика, библіотека по распоряженію одесскаго градоначальника была запечатана, а временное управленіе ею было поручено надворному совѣтнику Антону Михайловичу Арпѣ [2]). Арпѣ однако не даны были полномочія библіотекаря; онъ явился лишь временнымъ наблюдателемъ за запечатанной библіотекой и обязанъ былъ сохранять почтовые пакеты и тюки съ книгами. Онъ исключительно этимъ и ограничивался, не задаваясь никакими цѣлями относительно внутреннихъ распорядковъ библіотеки, даже не принимая ее въ качествѣ отвѣтственнаго лица [3]).

Въ виду этого отношеніе Арпы къ библіотекѣ должно признать случайнымъ и совершенно несказавшимся такъ или иначе на ея развитіи или дѣятельности.—Такого рода завѣдываніе Арпы библіотекой продолжалось весь 1854 и часть 1855 (въ теченіе всего этого времени библіотека не открывалась), а 6 іюня 1855 г. послѣдовало назначеніе (по избранію генералъ-губернатора графа А. Г. Строганова) на должность библіотекаря находившагося въ отставкѣ коллежскаго ассесора Николая Ивановича Керстича [4]).

Заставъ библіотеку закрытой для публики, Керстичъ не могъ даже и подымать вопросъ объ ея открытіи, такъ какъ прежде всего

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1876 г., III, 371.

[2]) Какихъ-либо опредѣленныхъ свѣдѣній, которыя указывали-бы, почему именно Арпа получилъ порученіе управлять библіотекой, я не отыскалъ. Извѣстно лишь, что Арпа былъ врачемъ и состоялъ на службѣ въ Одесскомъ центральномъ карантинѣ въ качествѣ главнаго медицинскаго чиновника (см. „Новороссійскій Календарь“ на 1853—1854 г.г.). Мурзакевичъ (Автобіографія, стр. 226) называетъ Арпу мальтійцемъ и говоритъ, что онъ былъ зятемъ Ашика, съ которымъ онъ одно время работалъ въ Керчи. Сохранившіяся въ дѣлахъ библіотеки немногія бумаги, составленныя Арпой, не свидѣтельствуютъ ни объ его образованіи, ни объ умѣніи хорошо владѣть русскимъ языкомъ Въ 1850 г. Арпа служилъ въ Керченскомъ карантинѣ. („Новор. Кал.“ на 1850 г.),

[3]) См. „дѣло“ библіотеки за 1855 г.—рапортъ Арпы одесскому военному губернатору. Арпа однако очень домогался получить мѣсто библіотекаря; это видно изъ его рапортовъ градоначальнику (см. напр. рапортъ отъ 7 іюня 1854 г.).

[4]) О Н. И. Керстичѣ мнѣ не удалось отыскать какія-либо свѣдѣнія. Въ „Новороссійскомъ Календарѣ“ на 1855 г. (стр. 345) Н. И. Керстичъ отмѣченъ въ числѣ членовъ состоявшаго подъ предсѣдательствомъ графа М. Д. Толстого комитета для призрѣнія неимущихъ жителей Одессы.

ему нужно было позаботиться объ ея принятіи по каталогамъ и о приведеніи ея въ порядокъ.

Библіотека, какъ видно изъ дѣлъ ея, не была провѣрена послѣ смерти Ашика, который и отъ Мурзакевича ее не особенно внимательно принялъ.—Въ виду этого Керстичъ съ разрѣшенія одесскаго военнаго губернатора [1]) принималъ библіотеку въ присутствіи Мурзакевича не по каталогамъ, которые были въ безпорядкѣ,—а непосредственно по книгамъ; этимъ Керстичъ имѣлъ въ виду достигнуть также и приведенія библіотеки въ извѣстность. Безъ этой работы составъ ея все оставался-бы плохо извѣстнымъ и самому библіотекарю, и публикѣ [2]).

Нельзя сомнѣваться, что эта работа была-бы весьма продуктивной и цѣлесообразной, но она должна была пріостановиться.

Дѣло въ томъ, что въ концѣ августа 1855 г.,—послѣ разгромленія и взятія Севастополя,—въ Одессѣ стали циркулировать слухи, что непріятельскій флотъ снова намѣренъ посѣтить Одессу [3]). Въ виду этого былъ образованъ „предохранительный комитетъ противъ покушенія непріятеля на Одессу";—комитетъ этотъ между прочимъ мѣрами опредѣлилъ: „рѣдкія и драгоцѣнныя сочиненія и рукописи—закупорить въ ящики и передать ихъ на храненіе въ канцелярію одесскаго военнаго губернатора для вывоза изъ города въ случаѣ опасности вмѣстѣ съ дѣлами оной". Увѣдомляя Керстича объ этомъ, одесскій военный губернаторъ [4]) предложилъ ему немедленно исполнить указанное постановленіе предохранительнаго комитета. Керстичъ отобралъ 72 названія [5]) въ 137 томахъ и „закупоривъ ихъ въ бумагу и цыновку, обсыпавъ ихъ персидскимъ порошкомъ и упаковавъ въ ящикъ на подобіе сундука, обитый желѣзомъ—съ замкомъ,—передалъ на храненіе въ канцелярію

---

[1]) Предложеніе отъ 4 сентября 1855 г., № 14044.

[2]) „Дѣло" за 1855 г.—докладъ Керстича отъ 15 августа на имя Одесскаго военнаго губернатора.

[3]) Эти опасенія оправдались, и въ концѣ сентября 1855 года предъ Одессой дѣйствительно появился непріятельскій флотъ въ составѣ 90 вымпеловъ. Бомбардировки Одессы на этотъ разъ произведено не было. Объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Одессы см. у Н. И. Ленца, Бомбардированіе Одессы (Од. 1905), стр. 82.

[4]) Секретное предложеніе отъ 31 августа 1855 г., № 740. О дѣйствіяхъ этого предохранительнаго комитета по охранѣ одесскихъ архивовъ, библіотекъ и проч. см. ст. А. Е. Егорова—„Изъ дѣлъ архива Одесскаго цензурнаго комитета"—„Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей", т. XXVIII. Изъ дѣлъ библіотеки видно, что названный здѣсь комитетъ для принятія мѣръ на случай покушенія непріятеля на Одессу дѣйствовалъ уже въ мартѣ 1855 г. 30 марта комитетомъ этимъ постановлено было для безопасности задѣлать камнемъ окна и двери въ библіотекѣ и увезти изъ нея лишь рѣдкія и драгоцѣнныя сочиненія. Объ этомъ Арпа былъ увѣдомленъ 30-го марта, но ничего въ этомъ направленіи не сдѣлалъ. Въ августѣ вопросъ объ этомъ былъ возобновленъ.

[5]) Изъ описи этихъ книгъ, хранящейся въ дѣлахъ библіотеки, видно, что къ числу рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ сочиненій отнесены были напр. такія: Острожская Библія, Кириакодромионъ (Софр. Врачанскаго), Facies rerum Sarmaticarum 1725—1793 г.г. Calepinus (septem linguarum) 1509, Чудеса Пресвятыя Богородицы, Будинъ 1817 г. и др.

военнаго губернатора подъ расписку экзекутора".—Но означенная мѣра для охраны библіотечнаго имущества была признана недостаточной, и военный губернаторъ отъ 12 октября 1855 г. сдѣлалъ слѣдующее предложеніе библіотекарю: „Признавая необходимымъ, по настоящимъ обстоятельствамъ, перевезти—книги, журналы и *все вообще имущество* Одесской публичной библіотеки изъ теперешняго помѣщенія ея въ домъ маіора Соловьева, что на „Водяной балкѣ" [1]), въ указанное Вамъ помѣщеніе, предлагаю Вашему Высокоблагородію распорядиться о немедленномъ перевозѣ сказаннаго имущества публичной библіотеки на подводахъ одесскихъ арестантскихъ ротъ, о назначеніи которыхъ я вмѣстѣ съ симъ предписалъ командующему ротами".— Предложеніе это и было выполнено Керстичемъ въ теченіе 6 дней. Само собой понятно, что, принимая во вниманіе все происходившее въ данное время въ Одессѣ и имѣя въ виду вывозъ библіотеки за городъ, нельзя и ожидать даже проявленія какихъ-либо функцій ея. И въ городѣ, и въ самой библіотекѣ были заняты вопросами иными: нужно было изыскивать средства для сохраненія имущества на случай возможнаго вторженія непріятеля. Въ виду этого до конца 1855 г. мы почти не встрѣчаемъ указаній ни о поступленіи пожертвованій книжныхъ [2]), ни о покупкѣ книгъ. Керстичъ однако не прекратилъ внутреннихъ работъ въ библіотекѣ. Въ началѣ 1856 года онъ закончилъ пріемку библіотеки при участіи Мурзакевича и библіотекаря лицея Шишковскаго [3]).

Результатъ этой пріемки былъ весьма печальный. Книги оказались въ полномъ безпорядкѣ; записей (инвентарей) никакихъ въ библіотекѣ не имѣлось, каталоговъ никакихъ не было; не особенно систематическое пополненіе библіотеки въ продолженіе 25 лѣтъ и ея перевозка въ тюкахъ на „Водяную балку" сказались весьма опредѣленно накопленіемъ массы неполныхъ изданій и дублетовъ, а также утратой цѣлаго ряда книгъ, полнымъ нарушеніемъ какого-либо порядка въ ихъ размѣщеніи и уничтоженіемъ очень многихъ переплетовъ.

Все это и побудило Керстича представить генералъ-губернатору о библіотекѣ особый докладъ. Въ докладѣ этомъ онъ весьма печально смотритъ на положеніе библіотеки и настаиваетъ на необходимости

---

[1]) „Водяная балка"—часть предмѣстья Одессы—Молдаванки (гдѣ нынѣ заводъ Енни (до Дальницкой ул.).

[2]) За это время не прекращались однако поступленія отъ различныхъ учрежденій, высылавшихъ и прежде свои изданія (университеты, министерства); изъ частныхъ пожертвованій нужно отмѣтить даръ Іосифа Николаевича Малышевича (магистръ богословія въ Наводницѣ, Гродненской губ.), который нѣсколько разъ присылалъ цѣнныя книги, напр. Machiavelli, Princeps (Hanoviae 1595), Chronicon arctoae partis Germaniae (1587) и др. См. „дѣла" библіотеки за 1854 и 1855 гг.

[3]) Виталій Матвѣевичъ Шишковскій на службѣ въ Ришельевскомъ лицеѣ въ качествѣ библіотекаря состоялъ съ 1850 г., съ открытіемъ университета онъ 1 мая 1865 г. сталъ университетскимъ библіотекаремъ; въ этой должности онъ оставался до 1895 года.

немедленныхъ реформъ въ различныхъ ея областяхъ, а главное—на необходимости изданія каталоговъ, а также и установленія вообще правильнаго ихъ веденія. По мнѣнію Керстича затраты, которыя всѣмъ этимъ будутъ вызваны, окупятся тѣми удобствами, которыя принесутъ населенію при пользованіи имъ публичной библіотекой [1]).

Мы не имѣемъ свѣдѣній, даны-ли были Керстичу средства въ томъ размѣрѣ, въ которомъ онъ желалъ на предполагаемыя работы по приведенію библіотеки въ порядокъ, но главнѣйшія изъ этихъ работъ имъ были произведены.

Работы эти онъ началъ немедленно по возвращеніи библіотеки въ городъ съ „Водяной балки“ [2]). Было приступлено къ составленію каталоговъ вмѣстѣ съ классификаціей всѣхъ книгъ, къ переплету и къ разстановкѣ ихъ по отдѣламъ, а также и къ изготовленію новой мебели, такъ какъ оказалось, что въ помѣщеніи библіотеки не было уже ни пригодныхъ шкаповъ, ни столовъ. На эти работы [3]) употреблено было очень продолжительное время—(до февраля 1858 года), такъ какъ приходилось, судя по отчетамъ за 1856—1857 г.г., возстановлять и систему расположенія книгъ, и заводить ихъ регистраціи, т. е. поступать такъ, какъ поступаютъ при организаціи новой библіотеки изъ массы сваленныхъ въ кучу книгъ.—По окончаніи всѣхъ этихъ работъ возможно было опредѣлить и точное число книгъ: къ 1 января 1859 года по отчету Керстича за 1858 годъ на лицо состояло 6985 названій въ 17947 томахъ стоимостью въ 11386 руб. 12 коп.

Это количество книгъ по отдѣламъ распредѣлялось такъ:

	Назв.	Том.
По богословію	380	543
„ правовѣдѣнію	465	913
„ философіи	275	535

[1]) Докладъ этотъ находится въ „дѣлѣ“ библіотеки за 1856 г.; онъ между прочимъ содержитъ критику мнѣнія Мурзакевича, который послѣ совмѣстныхъ работъ съ Керстичемъ по повѣркѣ библіотеки высказалъ, что библіотека находится далеко не въ „ужасномъ положеніи“. Мурзакевичъ старался оправдать многіе недостатки въ состояніи библіотеки распорядками, въ ней заведенными Ашикомъ, который, какъ замѣчаетъ Мурзакевичъ, ужасно любилъ переставлять книги съ мѣста на мѣсто, при чемъ многіе отдѣлы имъ разложены были по столамъ и тамъ постоянно оставались, что не могло способствовать ихъ сохраненію. Плохое состояніе каталоговъ Мурзакевичъ объяснялъ тѣмъ, что „Ашикъ и его родственникъ Арпа, распоряжавшійся нѣкоторое время библіотекой,—обновленіемъ каталоговъ не занимались“.

[2]) Разрѣшеніе возвратить библіотеку въ городъ послѣдовало въ апрѣлѣ 1856 года („Дѣло“ библіотеки за 1856 г., предложеніе одесскаго военнаго губернатора отъ 17 апрѣля 1856 г.). Перевозка въ городъ состоялась 15 сентября 1856 г.

[3]) Заняты имп были—самъ Керстичъ при одномъ помощникѣ—сначала Рацулѣ, а послѣ Шаповаловѣ.—О ходѣ работъ доводилось до свѣдѣнія публики; напр. въ „Одесск. Вѣстникѣ“ за 1857 г., № 10 сказано: „начальство библіотеки приняло всѣ мѣры къ скорѣйшему приведенію библіотеки въ порядокъ, по окончаніи сего библіотека будетъ немедленно открыта“.

	Назв.	Том.
По географіи	750	1334
„ исторіи	1293	2690
„ естеств. ист.	225	596
„ врачебн. книги.	364	491
„ математикѣ	206	286
„ механич. иск.	341	451
„ свободн. художс.	100	168
„ слав. искусств.	1063	1977
„ языкознанію	270	337
„ филологіи	182	357
Період. изд.	202	4173
Рукописи	13	13
Дублетовъ	670	2659

Открытіе библіотеки послѣ указаннаго перерыва послѣдовало 20 февраля 1858 г.; объ этомъ столь долго ожидаемомъ возобновленіи дѣятельности единственнаго общедоступнаго въ Одессѣ книгохранилища одесское общество было извѣщено чрезъ „Одесскій Вѣстникъ“ и путемъ разсылки 500 особыхъ объявленій „на болѣе употребительныхъ въ Одессѣ—русскомъ, французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ и греческомъ языкахъ; составлены были[1]) и изданы на тѣхъ-же языкахъ и правила для посѣтителей библіотеки“. Въ день открытія библіотеки 20 февраля 1858 г. въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ (№ 20) напечатана была слѣдующая замѣтка: „Одесская городская публичная библіотека открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Входъ въ библіотеку предоставляется всѣмъ пристойно одѣтымъ лицамъ обоего пола, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ. Чтеніе книгъ и періодическихъ изданій—безплатно. Одесская библіотека находится въ домѣ городскихъ присутственныхъ мѣстъ на Приморскомъ бульварѣ. Всякое добровольное приношеніе въ пользу библіотеки будетъ принято съ особенною благодарностью. Имена жертвователей, съ ихъ согласія, будутъ опубликованы въ одесскихъ журналахъ“.

Публика одесская очевидно терпѣла много невыгодъ вслѣдствіе продолжительнаго бездѣйствія библіотеки, такъ какъ съ 20 февраля она стала очень усиленно посѣщаться читателями, которыхъ до 1 января 1859 года было 5009 чел. По поводу этой цифры Керстичъ въ своемъ отчетѣ говоритъ: „Одесская библіотека, не заключая въ себѣ почти ничего особенно рѣдкаго, не можетъ привлечь посѣтителей изъ одного любопытства, поэтому посѣщавшіе библіотеку всѣ болѣе или менѣе занимались чтеніемъ; цифра посѣтителей (5009)—цифра огромная, осо-

[1]) См. отчетъ за 1858 г. Къ сожалѣнію, ни одного экземпляра этого объявленія и правилъ въ дѣлахъ библіотеки не сохранилось.

бенно если принять во вниманіе, что библіотека была открыта всего лишь 227 читальныхъ дней»[1]).—Затребовано по 1 января 1859 г. было 6515 томовъ книгъ и періодическихъ изданій. Вниманіе публики къ библіотекѣ сказалось также и въ томъ, что сейчасъ-же послѣ ея открытія многіе одесскіе граждане стали дѣлать книжныя пожертвованія; до 1 января 1859 г. она въ даръ получила 1483 тома. Въ отчетѣ за 1858 г. Керстичъ говоритъ: „Библіотека можетъ похвалиться, что 1858 годъ былъ для нея весьма благопріятнымъ. Добровольныя приношенія превзошли всякія ожиданія; поступившіе 1483 тома пожертвованій (549 названій) приблизительно должны быть оцѣниваемы въ сумму 973 р. 70 к.“. Изъ приложеннаго списка жертвователей мы видимъ, что въ этомъ первомъ по возобновленіи библіотеки году ей щедро высылали книги очень многія учрежденія, напр. дерптскій университетъ (свои дублеты), виленская археографическая комиссія и др.; изъ частныхъ лицъ нужно отмѣтить тайнаго совѣтника И. Д. Делянова (тогда служилъ въ Императорской публичной библіотекѣ), вдову тайн. совѣтника Марини и др.

Положивъ не мало труда на приведеніе библіотеки въ порядокъ, Керстичъ сталъ употреблять всѣ силы къ тому, чтобы ввѣренное ему учрежденіе, служа на пользу одесской публикѣ, обогащалось и развивалось. Нужно думать, что труды его не проходили безслѣдно, такъ какъ публика все болѣе и болѣе стала обращать вниманіе на библіотеку, о чемъ свидѣтельствуютъ и нѣкоторыя заявленія въ мѣстной прессѣ. Такъ въ № 53 „Одесскаго Вѣстника“ за 1858 годъ была напечатана статья С. Рогали—„Одесская публичная библіотека“, въ которой авторъ между прочимъ говоритъ слѣдующее: „Мы, русскіе, знаемъ всѣ закоулки въ Парижѣ и Лондонѣ и не обращаемъ вниманія на учрежденія нашего отечества, которыя часто приносятъ огромную пользу; къ такимъ учрежденіямъ принадлежитъ Одесская публичная библіотека... При входѣ въ библіотеку насъ поражаетъ чистота и порядокъ, за которыми строго наблюдаетъ нынѣшній библіотекарь“. „Что было-бы, спрашиваетъ авторъ, съ нашимъ бѣднымъ трудолюби-

[1]) Невыгодно сказалось, конечно, на числѣ посѣтителей и то, что библіотека была открыта лишь съ 11 час. утра до 4 час. вечера. Публикой считалось весьма неудобнымъ то обстоятельство, что библіотека не функціонировала позже 4 часовъ, когда служащіе освобождались отъ своей работы. Объ этомъ было высказано въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ за 1858 г., № 133, по поводу предполагавшагося учрежденія въ Одессѣ кабинета для чтенія. Авторъ этой статьи говоритъ: „Большинство одесской публики состоитъ изъ людей коммерческихъ или служащихъ, занятыхъ, если не весь день, то по крайней мѣрѣ въ предобѣденное время. Между тѣмъ библіотека бываетъ открыта только отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ послѣ обѣда—время, когда большинство неотрывно бываетъ занято“. Предположенный къ открытію кабинетъ для чтенія долженъ былъ въ виду сказаннаго функціонировать отъ 4½ зимой, а лѣтомъ отъ 6 ч. до 10 послѣ обѣда. Кабинетъ этотъ предполагала открыть группа лицъ, при чемъ „благонамѣренные блюстители одесской Талмудъ-Торы гг. И. Шапиро и С. Гуровичъ предложили для помѣщенія его классныя залы этого заведенія“. Плата за чтеніе назначалась по 25 к. въ мѣсяцъ.

вымъ юношествомъ, если-бы публичная библіотека не открывала для него радушно своихъ дверей и полокъ?". Дальше перечисляются журналы и газеты, которые выписываются библіотекой, и указывается на то, что библіотека по мѣрѣ средствъ пріобрѣтаетъ лучшія научныя изданія.

„Въ настоящемъ году, замѣчаетъ авторъ, библіотека получаетъ слѣдующіе журналы: 1) „Высочайшіе приказы по гражданскому вѣдомству", 2) „Приказы главноначальствующаго путей сообщенія", 3) „Русскій Инвалидъ", 4) „С.-Петербургскія Вѣдомости", 5) „Одесскій Вѣстникъ", 6) „Journal d'Odessa", 7) „Записки Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи", 8) „Морской сборникъ", 9) „Артиллерійскій журналъ", 10) „Военно-Медицинскій журналъ", 11) „Московскую Медицинскую Газету", 12) „Русскій Вѣстникъ", 13) „Журналъ для акціонеровъ", 14) „Общезанимательный Вѣстникъ", 15) „Ученыя записки Казанскаго университета", 16) „Сельское благоустройство", 17) „Экономическій указатель", 18) „Le Nord", 19) „Unterhaltungsblatt", 20) „Земледѣльческую Газету". Эти журналы, а также и еще около 20 перечисленныхъ въ статьѣ С. Рогали, являются достаточнымъ свидѣтельствомъ того серіознаго матеріала, который въ библіотекѣ могъ быть находимъ при пользованіи періодическими изданіями въ ней. Очевидно, такое направленіе въ пополненіи библіотеки было уже установившимся.

Дѣйствительно, изъ отчетовъ Керстича видно, что онъ стремится возможно шире пріобрѣтать серіозныя книги.

Такого рода пополненіе библіотеки несомнѣнно соотвѣтствовало тому подъему, который рѣзко обнаружился въ нашей жизни послѣ Крымской войны. Сознаніе необходимости учиться, пріобрѣтать знанія не могло не проявиться и въ Одесской публикѣ, которая библіотеку стала посѣщать изъ года въ годъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Такъ въ 1859 году было посѣтителей—6065, въ 1860 г.—6689, въ 1861 г.—6735, въ 1862 г.—7619, въ 1863 г.—9232. Довольно замѣтно увеличивалось и число книгъ въ библіотекѣ: за время Керстича оно достигло 28607 томовъ.—Обогащеніе библіотеки шло, благодаря книжнымъ пожертвованіямъ, которыя Керстичъ усердно привлекалъ путемъ сношеній съ различными учеными учрежденіями, обществами и частными лицами о безплатной высылкѣ книгъ[1]).

Благодаря такимъ его трудамъ, кругъ лицъ и учрежденій, высылавшихъ книги въ библіотеку, все болѣе и болѣе расширяется.

[1]) Свѣдѣнія о поступившихъ въ библіотеку книжныхъ пожертвованіяхъ два раза въ годъ вмѣстѣ съ другими свѣдѣніями о ней печатались въ „Одесскомъ Вѣстникѣ" (см. напр. за 1859 г. № 26, 78, за 1860 г. №№ 15, 89, за 1864 № 31 и др.). Въ цѣляхъ распространенія свѣдѣній о библіотекѣ Керстичъ предполагалъ періодически помѣщать замѣтки о ней и въ столичныхъ газетахъ, но дѣло это не устроилось.

Въ числѣ жертвователей мы встрѣчаемъ имена цѣлаго ряда русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ, университетовъ, духовныхъ академій, Смитсоніанскаго института (въ Вашингтонѣ), министровъ и т. п. Дѣла библіотеки хранятъ массу черновыхъ обращеній къ различнымъ лицамъ о высылкѣ библіотекѣ безплатно книгъ въ виду скудости ея бюджета. Вообще скудость бюджета сказывалась на библіотекѣ постоянно, и Керстичъ постоянно изыскивалъ источники для увеличенія средствъ. Какъ на весьма интересную его попытку въ этомъ отношеніи должно указать на его обращеніе въ 1858 г. къ херсонскому дворянству.

Въ обстоятельной запискѣ „о настоящемъ положеніи Одесской городской публичной библіотеки и о средствахъ, необходимыхъ для ея улучшенія"—Керстичъ детально выясняетъ то значеніе, которое библіотека должна имѣть для цѣлаго края, но при этомъ настаиваетъ на необходимости многихъ въ ней измѣненій (увеличеніе штата для установленія болѣе продолжительнаго числа часовъ открытія библіотеки для публики, болѣе широкая выписка книгъ и т. п.); для проведенія ихъ въ жизнь по мнѣнію Керстича къ существующему бюджету слѣдовало-бы добавить ежегодно еще 3 тысячи рублей. Эта сумма по мнѣнію Керстича дала-бы возможность въ полной мѣрѣ реформировать библіотеку, которая „въ Одессѣ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо необходима".

„Прибавки этой, говоритъ Керстичъ, г. Одесса не въ состояніи дѣлать въ виду уменьшенія доходовъ съ уничтоженіемъ порто-франко. Поэтому библіотека льститъ себя пріятною надеждою, что дворянство и вообще просвѣщенные дѣльцы Херсонской губерніи обратятъ милостивое вниманіе на положеніе единственной въ губерніи Одесской публичной библіотеки и, дабы дать ей для общей пользы прочное основаніе, согласятся дѣлать ежегодный взносъ, если не по $^1/_4$, то хоть по $^1/_8$ копейки съ десятины земли. Этотъ взносъ ни для кого не можетъ быть обременительнымъ, а между тѣмъ будетъ служить истиннымъ благодѣяніемъ для народнаго образованія, въ особенности недостаточнаго класса жителей города и всего Новороссійскаго края". Этотъ проектъ[1]) успѣха не имѣлъ; дворянство не откликнулось, и библіотека, не получивъ желанной прибавки, продолжала скудно существовать на малыя средства изъ городской кассы.

Всѣ эти данныя могутъ позволить намъ съ полнымъ правомъ сдѣлать заключеніе, что труды Керстича на пользу библіотеки были значительны и энергичны. Онъ способствовалъ ея упорядоченію и въ достаточной мѣрѣ улучшилъ дѣло ея пополненія и обогащенія.

---

[1]) Записка Керстичемъ была передана губернскому и всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства Херсонской губ. Она находится въ дѣлѣ библіотеки за 1858 г. Губернскимъ предводителемъ тогда былъ шт.-рот. Е. А. Касиновъ, а одесскимъ — рот. А. А. Свѣчинъ (см. „Новороссійскій Календарь" на 1858 г., стр. 271).

Увеличивавшееся съ каждымъ годомъ число посѣтителей библіотеки дѣлало до неоспоримой наглядности яснымъ, что помѣщеніе библіотеки совершенно недостаточно. Если это обстоятельство обращало на себя вниманіе въ прежніе годы, то теперь въ виду указанныхъ выше чиселъ читателей и книгъ вопросъ о тѣснотѣ сталъ до крайности острымъ и важнымъ. Керстичъ очень усиленно объ этомъ доносилъ градоначальнику, и, повидимому, его представленія по этому дѣлу не оставались безъ результатовъ. Объ этомъ мы можемъ судить по тому обстоятельству, что въ 1860 г. снова возникла мысль о соединеніи библіотеки и музея Общества Исторіи и Древностей въ одномъ зданіи, для котораго былъ даже составленъ планъ. По этому плану предполагалось построить двухъ-этажное зданіе, начиная отъ Городской думы параллельно къ площади Театральной или Англійскаго (нынѣ Одесскаго) клуба по прямой линіи до Ланжероновскаго спуска, расширивъ теперешнюю площадь уничтоженіемъ существующаго остраго треугольника [1]). Но проектъ этотъ осуществленъ не былъ, и библіотека снова осталась ютиться въ прежнемъ тѣсномъ помѣщеніи, терпя неудобства, о чемъ Керстичъ продолжалъ докладывать по начальству [2]).

При Керстичѣ библіотека вообще стала пріобрѣтать извѣстность, и къ ней обращаются за справками даже и иногородные. Какъ на примѣръ такого обращенія къ библіотекѣ, какъ къ богатому книгохранилищу, слѣдуетъ указать на слѣдующее.—Библіотека національнаго университета въ Яссахъ, получивъ свѣдѣнія, что въ Одесской публичной библіотекѣ находится чрезвычайно рѣдкое изданіе — „Histoire des troubles de Moldavie“—(Paris 1620),—обратилась въ 1861 году къ Керстичу съ просьбой прислать ей точную копію этой книги [3]); съ своей стороны Ясская библіотека предлагала доставлять въ Одессу выписки и копіи со славянскихъ документовъ, которые хранятся въ Яссахъ. Керстичъ, не находя въ своемъ распоряженіи средствъ для снятія копіи съ указанной книги, просилъ у одесскаго градоначальника разрѣшенія выслать ее въ Яссы для временнаго пользованія. Разрѣшеніе было дано, и книга была выслана.

[1]) Эти свѣдѣнія взяты мной изъ доклада товарища одесскаго городского головы О. О. Чижевича; онъ былъ въ 1882 г. представленъ въ Думу по вопросу о сооруженіи зданія для библіотеки на средства Г. Г. Маразли (объ этомъ см. ниже). О. О. Чижевичъ говоритъ, что планъ предположеннаго къ постройкѣ въ 1860 г. зданія хранится въ архивѣ Общества Исторіи и Древн., но я его тамъ не нашелъ. (Городской архивъ, дѣло по Отд. народн. образованія № 9—1882 г., л. 20).

[2]) См. напр. „дѣло“ библіотеки за 1861 г.

[3]) Въ „дѣлѣ“ библіотеки за 1861 г. хранится письмо съ такимъ бланкомъ „Principautés-Unies Moldavie et Valachie. Bibliothèque de l'université nationale à Iassi. Correspondance. 1861 Mars 23, № 122“; оно подписано—„*Bogdanu Petritcheu-Hajdau Prof.*“, который проситъ выслать съ указанной книги—„une exacte copie, avec la pagination originale, pour être conservée dans la Bibliothèque de l'université“.

Изъ хранящейся въ дѣлахъ библіотеки по этому поводу переписки видно, что Керстичъ искренно хотѣлъ оказать услугу ясскимъ ученымъ, такъ какъ думалъ, что, благодаря этому, онъ вступитъ въ сношенія съ учрежденіемъ и лицами, которыя могутъ принести пользу одесской библіотекѣ. Въ своемъ письмѣ въ ясскій университетъ онъ говоритъ, что рѣшилъ послать книгу, а не копію съ нея потому, что хочетъ въ полной мѣрѣ содѣйствовать *„благородной любознательности“* администраціи національнаго университета въ Яссахъ, отъ котораго „одесская публичная библіотека пріймет съ особенной благодарностью все, что онъ сочтетъ возможнымъ пожертвовать ей“. Довѣріе, оказанное Керстичемъ библіотекѣ ясскаго университета, было обмануто.

Много послѣ этого пришлось Керстичу писать по поводу обратнаго возвращенія этой книги и въ библіотеку университета въ Яссы, и въ Россійское Императорское консульство княжества Молдавіи [1]), пока наконецъ въ 1867 году былъ отъ послѣдняго полученъ отвѣтъ, что въ библіотекѣ Ясскаго университета нѣтъ никакихъ слѣдовъ относительно доставленія ему книги изъ Одессы. Такъ печально для нашей библіотеки окончилась попытка ея библіотекаря быть любезнымъ по отношенію къ иностранному просвѣтительному учрежденію.

Такимъ образомъ, мы въ общемъ можемъ заключить, что библіотека къ половинѣ 60 годовъ, т. е. къ одному изъ лучшихъ моментовъ русской жизни—въ значительной мѣрѣ, наконецъ, стала на ноги, но нельзя сказать, чтобы она вполнѣ удовлетворяла публику.

Объясняется это именно общимъ подъемомъ настроенія русскаго общества въ то время; возникшіе запросы просвѣтительнаго характера и крѣпнувшее стремленіе къ образованію сказались въ потребности имѣть хорошую книгу въ доступномъ пользованіи. Отсюда и измѣнившійся взглядъ на функціи библіотеки. Что въ прежнее время считалось въ ея дѣятельности достаточнымъ для нуждъ публики, что признавалось въ ней хорошимъ, когда въ библіотекѣ одесской не скоплялось большое количество посѣтителей, желавшихъ учиться, стремящихся безъ потери времени использовать ее въ цѣляхъ просвѣщенія,—то съ измѣненіемъ общественнаго построенія, съ пробужденіемъ въ публикѣ иныхъ интересовъ, съ выступленіемъ на жизненное поприще новыхъ элементовъ—сразу оказалось не на должной высотѣ. Публика пожелала, чтобы библіотека служила ей въ полной мѣрѣ, чтобы она была особо внимательно пополнявшимся книгохранилищемъ, соотвѣтствующимъ запросамъ населенія такого города,какъ Одесса, въ которомъ тогда было уже до 120.000 населенія.

Это видно изъ нѣкоторыхъ газетныхъ замѣтокъ о библіотекѣ. Такъ, напр., въ 230 № „Одесскаго Вѣстника“ за 1864 г. нѣкто И. П—а помѣстилъ довольно обширную статью, въ которой какъ на

---

[1]) См. напр. отношеніе Керстича въ консульствѣ отъ 27 января 1864 г., № 2.

недостатки библіотеки, вредные для публики,—указываетъ на слѣдующее: 1) библіотека закрыта въ праздники, 2) библіотека открыта по буднямъ лишь отъ 11 часовъ до 4, 3) библіотека закрывается съ 20 декабря по 20 января для провѣрки, 4) библіотека гораздо больше должна пополняться, такъ какъ бюджетъ ея (1339 руб. 28 коп. с.) очень недостаточенъ; на основаніи всего этого авторъ признаетъ, что одесская библіотека не можетъ удовлетворить запросовъ читающей публики нашего города.

„Кромѣ того, говоритъ авторъ, одно изъ важныхъ неудобствъ для библіотеки заключается и въ томъ, что она помѣщается въ зданіи на краю города. Положимъ, это самая лучшая часть города, но изъ этого и слѣдуетъ, что жительствующіе тамъ могутъ изъ своихъ собственныхъ средствъ доставлять себѣ всевозможные книги и журналы, если для нихъ чтеніе составляетъ потребность. Почему-бы казенное зданіе, въ которомъ помѣщается теперь библіотека, не отдать въ наемъ, а на эти деньги не нанять для нея помѣщеніе какъ можно ближе къ центру города?“ Авторъ, указавъ все это, настаиваетъ на необходимости сдѣлать библіотеку возможно доступнѣе для массы населенія Одессы, а не отдѣльныхъ ея лицъ.

Такое мнѣніе было очевидно не единственнымъ, такъ какъ въ 249 № „Одесскаго Вѣстника“ за 1864 же годъ было помѣщено письмо А. Казимірова, который всецѣло къ высказаннымъ выше замѣчаніямъ присоединяется въ очень энергичной формѣ.

Подобнаго рода указанія, а также и вообще требованія времени не могли не обратить на библіотеку прежде всего вниманія того учрежденія, на средства котораго Одесская публичная библіотека была и основана администраціей, и ею-же содержалось, т. е.—Одесской Городской думы, до сихъ поръ не принимавшей ни малѣйшаго участія въ судьбѣ библіотеки и лишь выдававшей ей деньги безъ справокъ, какъ и куда расходуются эти деньги.

И дѣйствительно, Одесская Городская дума, наконецъ, вспомнила о своей библіотекѣ и обратила на нее вниманіе.

Новыя общественныя настроенія должны были сказаться и на городскомъ управленіи. Въ самомъ концѣ пятидесятыхъ годовъ (1858—59) для очень многихъ общественныхъ дѣятелей въ полной мѣрѣ было ясно, что „главный недостатокъ хозяйственнаго управленія Одессы было отсутствіе живого участія въ немъ жителей города“. Это сознавалъ и тогдашній Новороссійскій генералъ-губернаторъ графъ Строгановъ, который, рѣшивъ, что „шестигласная“ дума для Одессы потеряла всякій смыслъ,—озаботился выработкой „положенія“ для Общественнаго управленія Одессы. Работа надъ составленіемъ этого „положенія“, какъ извѣстно, утвержденнаго 30 апрѣля 1863 г., шла въ Одессѣ; къ ней были привлечены многіе одесскіе граждане,

въ ней заинтересовано было все одесское населеніе, а потому въ Одессѣ совершенно иначе стали смотрѣть на различныя отрасли хозяйства, и Городская дума признала, наконецъ, себя, въ правѣ интересоваться тѣми учрежденіями, которыя содержались на городскія средства; отсюда естественно и желаніе расходовать эти средства съ большой пользой для дѣла [1]).

По отношенію къ публичной библіотекѣ это измѣнившееся направленіе во взглядахъ по городскому хозяйству сказалось въ полной мѣрѣ лишь съ введеніемъ въ дѣйствіе этого новаго „положенія", т. е. съ января мѣс. 1864 г., но и въ переходное время, когда старый законъ еще существовалъ, новыя вѣянія уже чувствовались и обозначали уже новыя отношенія. Вслѣдствіе всего этого въ началѣ 1863 г. при разсмотрѣніи на этотъ годъ городской смѣты въ Городской думѣ возникъ вопросъ о необходимости расширить помѣщеніе библіотеки, такъ какъ число посѣтителей ея въ это время было уже таково, что занимаемыхъ ею комнатъ не хватало для нихъ. Бывшій городскимъ головой А. Н. Пашковъ вошелъ вообще въ обсужденіе вопроса о библіотекѣ и представилъ по этому поводу докладъ въ Думу. Это былъ первый докладъ, подымавшій въ Городской думѣ вопросъ о нашей библіотекѣ въ виду ясно сознанной комитетомъ, разсматривавшимъ смѣту, необходимости позаботиться объ этомъ „усиленно посѣщаемомъ гражданами Одессы учрежденіи".

Пашковъ также констатируетъ фактъ, что библіотека привлекаетъ большое количество посѣтителей, а потому потребность въ ней въ населеніи несомнѣнна; онъ признаетъ весьма желательнымъ принять всѣ мѣры къ тому, чтобы библіотека развилась и расширилась, но, считая для этого отпускаемыя городомъ средства недостаточными (1191 р. 43 к. сер.), не можетъ указать новыхъ источниковъ для увеличенія ихъ изъ суммъ города.

„Уяснивъ всю неудовлетворительность настоящаго положенія публичной библіотеки, въ то-же время считаю нужнымъ указать на средства къ устраненію всѣхъ неудобствъ и возможность матеріальнаго улучшенія этого полезнаго учрежденія, заключающіяся въ слѣдующемъ:

1) Одесскую городскую библіотеку соединить съ библіотекой Новороссійскаго университета, обладающей 12000 томовъ,—съ наименованіемъ ея—„*Университетско-городскою публичною библіотекою*".

2) Всю сумму, отпускаемую нынѣ на библіотеку, передать въ распоряженіе университета, предоставивъ ему право въ назначеніи библіотекаря и помощниковъ по своему усмотрѣнію.

3) Библіотека должна быть открыта для желающихъ съ 9 часовъ утра до 10 час. вечера во всякое время года.

---

[1]) О выработкѣ для Одессы „положенія" 1863 года и о сущности его см. въ юбилейномъ изданіи „Одесса 1794—1894 г.", стр. 85 и слѣд.

„Если учебное начальство согласится на предлагаемую реформу, то при такомъ преобразованіи во 1-хъ увеличатся матеріальныя средства соединяемыхъ библіотекъ, и образуется по внутреннему содержанію одно изъ лучшихъ подобныхъ учрежденій въ отечествѣ, и во 2-хъ городская библіотека, утрачивая прежній свой характеръ офиціальнаго учрежденія, получитъ настоящее назначеніе и будетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ“ [1]). Такъ писалъ въ своемъ докладѣ думѣ Пашковъ. Дума этотъ проектъ представила градоначальнику (барону Веліо); градоначальникъ чрезъ попечителя округа передалъ его на разсмотрѣніе въ Ришельевскій лицей, который тогда былъ занятъ подготовительными трудами по выработкѣ положенія объ университетѣ въ Одессѣ. Въ лицеѣ была образована комиссія изъ профессоровъ Байкова, Власьева и Орбинскаго для разсмотрѣнія даннаго вопроса о библіотекѣ. Комиссія признавала желательнымъ и возможнымъ съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями принять предложеніе Городской думы, такъ какъ находила, что библіотека университета можетъ съ выгодой для себя использовать ассигнуемыя городомъ на библіотеку деньги [2]). Но попечитель учебнаго округа (Арцимовичъ) далъ слѣдующее свое заключеніе на представленіе совѣта лицея по данному вопросу: „вопросъ о соединеніи городской библіотеки съ университетскою по самой сущности предложенія г. Пашкова относится къ совѣту университета, а не лицея, отзывъ котораго можетъ быть принятъ только въ соображеніе, а потому онъ полагалъ-бы отложить окончательное рѣшеніе этого вопроса до открытія университета“. На этомъ вопросъ остановился и больше возбуждаемъ не былъ.

Эта первая попытка со стороны представителей города войти въ положеніе городской библіотеки и серіозно позаботиться о положеніи ея не можетъ быть, конечно, признана вполнѣ раціональной даже по одной своей идеѣ, по существу сводившейся къ тому, что городъ въ случаѣ ея выполненія совершенно избавлялся отъ непосредственнаго участія въ судьбахъ библіотеки, ограничиваясь лишь матеріальной помощью ей. Однако заслуживаетъ быть отмѣченнымъ самый фактъ обращенія городомъ вниманія на библіотеку, въ жизни которой очевидно наступалъ новый періодъ перехода въ *городскую* не по одному лишь имени.

Дѣйствительно, при разсмотрѣніи городской росписи на 1865 годъ Одесская Городская общая дума опредѣлила „обратить вниманіе на городскую библіотеку, составляющую одно изъ полезнѣйшихъ городскихъ учрежденій“ и съ этой цѣлью поручила Распорядительной думѣ:

---

[1]) Архивъ городской—«Дѣло исполнительнаго стола Одесской Городской думы — О соединеніи городской публичной библіотеки съ библіотекой Новороссійскаго университета» (1863 г., № 30), л. 6.

[2]) Архивъ Императорскаго Новороссійскаго университета (по правленію Ришельевскаго лицея)—«Дѣло о соединеніи библіотеки городской и университетской» (1863 г., № 150).

1) Принявъ библіотеку въ свое распоряженіе, войти въ ближайшія соображенія ея нуждъ [1]), и

2) По соглашенію съ библіотекаремъ назначить дни, въ которые библіотека была-бы открыта для читающей публики и вечеромъ съ 4 до 10, для чего и прибавлено Общею думою 665 руб. 71 коп. на содержаніе библіотеки [2]).

На этомъ основаніи Распорядительная дума поручила членамъ своимъ Савичу [3]) и Рашковичу принять въ вѣдѣніе Распорядительной думы городскую публичную библіотеку.

Помянутые члены въ докладѣ своемъ отъ 23-го ноября 1865 года сообщили Думѣ, что они по соглашенію и соображенію съ библіотекаремъ, узнавъ существенныя нужды библіотеки и принявъ ее въ вѣдѣніе Распорядительной думы, передали вновь въ завѣдываніе по передаточному акту библіотекарю Н. И. Керстичу. Савичъ и Рашковичъ при этомъ доставили особую записку, которая напечатана въ № 146 „Вѣдомостей Одесскаго городского общественнаго управленія“ за 1865 годъ и которая заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о состояніи библіотеки, о предположеніяхъ къ улучшенію состоянія ея и о необходимыхъ для того средствахъ.

Записка эта представляетъ первый за все время существованія библіотеки документъ, въ которомъ ясно и опредѣленно формулируются задачи, нужды и положеніе библіотеки, о запросахъ которой до этого времени заявляли лишь библіотекари, но которой, кромѣ нихъ, фактически никто не интересовался.

Охарактеризовавъ помѣщеніе библіотеки (въ домѣ городскихъ присутственныхъ мѣстъ, на бульварѣ), заключающееся въ небольшой прихожей, большомъ залѣ и одной маленькой комнатѣ, признавъ

---

[1]) Вопросъ о судьбѣ библіотеки поднимался еще въ 1864 г. въ засѣданіи думы 30 марта по предложенію гласнаго графа Строганова. Въ журналѣ этого засѣданія сказано: „По статьѣ 10-й, о содержаніи городской библіотеки, гласнымъ графомъ Строгановымъ была высказана мысль о необходимости сохранить городскую библіотеку попрежнему, въ видѣ отдѣльнаго самостоятельнаго учрежденія. Общая дума, раздѣляя такое мнѣніе постановила: оставивъ расходъ на содержаніе городской библіотеки въ томъ размѣрѣ, какъ было, поручить Распорядительной думѣ заявить, что Общая дума не желаетъ передать въ другое вѣдомство библіотеку, *принадлежащую* городу и составленную изъ пожертвованій, сдѣланныхъ именно для городской библіотеки“. Этимъ, повидимому, *новая* дума хотѣла осудить не вполнѣ удачный проектъ своей предшественницы о передачѣ библіотеки университету.

[2]) См. приговоръ Одесской Городской общей думы отъ 9 іюня 1865 года; ср. «Вѣдомости Одесскаго Городского общественнаго управленія» за 1866 г., № 123.

[3]) Н. И. Савичъ (род. въ 1808 г.), двоюродный братъ извѣстнаго академика-математика А. Н. Савича, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ одесскихъ общественныхъ дѣятелей и игралъ видную роль въ интеллигентныхъ кругахъ Одессы. Онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Шевченко, Костомаровымъ, Кулишемъ, Гулакомъ и состоялъ членомъ Общества Кирилла и Меѳодія. Умеръ Н. И. Савичъ 22 марта 1892 г. О немъ см. «Одесскій Вѣстникъ» за 1892 г., № 135; см. также о немъ статью Л. М. въ «Кіевской Старинѣ» за 1904 г., № 2.

его грязнымъ и требующимъ капитальнаго ремонта во всѣхъ частяхъ („печи очень стары", „плохо грѣютъ") и, отмѣтивъ недостаточное число книжныхъ шкаповъ („прочныхъ и совершенно исправныхъ"), вслѣдствіе чего „книги разложены въ два ряда, фоліанты помѣщены сверху на шкапахъ",—составители записки переходятъ къ разбору другихъ (внутреннихъ) сторонъ библіотеки. Всѣхъ книгъ въ библіотекѣ оказалось 26840 т. (переплетенныхъ меньше половины); книги записаны по предметамъ въ 13 общихъ и 8 дополнительныхъ каталогахъ. „Означенное количество книгъ составилось большею частью изъ пожертвованій, а потому всѣ отдѣлы неполны и особенно отдѣлы философіи, географіи, естественной исторіи, математики и изящныхъ искусствъ; недостатокъ въ книгахъ иностранныхъ сочиненій всего болѣе замѣчателенъ".

На содержаніе библіотеки отпускалось ежегодно по 1150 р., а съ половины 1862 г. по 1334 р. 29 к. Сумма эта, увеличивавшаяся временами отъ выручки за продажу дублетовъ, распредѣлялась по 7-ми-лѣтней сложности, слѣд. образомъ: на жалованье служащимъ 730 р. 10 к.[1]) на книги—250 р. 60 к., на переплетъ 81 р. 45 к., на отопленіе—131 р. 38 к., на поправку мебели, покупку канцелярскихъ припасовъ и другіе мелкіе расходы—58 р. 72 к. Книгъ покупалось въ годъ 101 томъ.—Послѣ этихъ замѣчаній въ запискѣ приводится рядъ предположеній объ улучшеніи дѣятельности библіотеки. Въ числѣ этихъ предположеній часть направлена къ внѣшнему улучшенію библіотеки (ремонтъ помѣщенія и т. п.), а часть къ улучшенію и расширенію пользованія библіотекой: открывать библіотеку до 10 час. вечера, назначить приличную сумму на пріобрѣтеніе книгъ и на выписку періодическихъ изданій, усилить штатъ служащихъ и т. п. Таково было заключеніе о библіотекѣ представителей одесскаго общества, которое входило съ этого времени въ непосредственное соприкосновеніе съ учрежденіемъ, назначеннымъ служить населенію Одессы. Оно не могло остаться безъ вліянія и воздѣйствія.

Дѣйствительно, Распорядительная дума, заслушавъ записку Савича и Рашковича, въ виду того, что предположеніе ихъ о прибавкѣ помѣщенія библіотеки не могло осуществиться, потому что въ занимаемомъ ею домѣ не оказалось свободныхъ комнатъ,—нашла нужнымъ поручить члену своему Анискевичу войти вновь въ соглашеніе съ библіотекаремъ объ условіяхъ удобнѣйшаго выполненія приговора Общей думы о библіотекѣ и ея приспособленія въ отношеніи помѣщенія.

На это Анискевичъ въ августѣ 1865 года представилъ докладъ, что главнымъ основаніемъ къ принятію мѣръ для улучшенія положенія библіотеки должна служить „подробная и вполнѣ основательная" за-

[1]) Библіотекарю 428 р. 57 к.

писка Савича и Рашковича, которой необходимо дать ходъ. Принимая все это во вниманіе, Распорядительная дума рѣшила, увеличивъ бюджетъ библіотеки до 5.000 р. въ годъ (вмѣсто 3.000) съ 1 января 1867 г., произвести необходимый ремонтъ въ помѣщеніи, увеличить число стульевъ и шкаповъ, а также устроить въ помѣщеніи библіотеки газовое освѣщеніе, чтобы тѣмъ дать возможность открыть въ библіотекѣ вечернія занятія (до 10 час. вечера), въ виду которыхъ пополнить и штатъ служащихъ (вторымъ помощникомъ и вторымъ служителемъ).

Означенныя мѣры Распорядительная дума опредѣлила привести въ исполненіе съ тѣмъ, чтобы библіотекарь назначался Общей думой.

Намѣченныя и отчасти немедленно же осуществленныя мѣропріятія принявшей въ свое вѣдѣніе библіотеку Городской думы не могли не сказаться на оживленіи дѣятельности библіотеки. Это ясно замѣтно на числѣ посѣтителей, бывшихъ въ библіотекѣ въ 1867 г.: съ 11565 въ 1866 г. оно увеличилось до 15828 [1]). Открытіе библіотеки по вечерамъ способствовало привлеченію въ библіотеку серіознаго элемента читателей, которые будучи днемъ заняты служебными обязанностями, стали отдавать свои вечерніе досуги работамъ въ библіотекѣ. Это видно изъ того, что число потребованныхъ въ 1867 году книгъ по научнымъ отдѣламъ увеличилось; напр., по исторіи было спрошено до 1500 названій, по географіи свыше 500, по языкознанію до 500, при общемъ количествѣ затребованныхъ книгъ въ 20256 названіяхъ [2]).

Все это указываетъ, что предпринятыя Думой реформы должны были-бы уже въ ближайшемъ будущемъ дать весьма благопріятные результаты, но для этого прежде всего требовалась особая интенсивность труда со стороны администраціи библіотеки. Керстичъ-же въ это время началъ часто болѣть и не могъ болѣе или менѣе усиленно работать въ библіотекѣ. Это состояніе здоровья Керстича вызывало, напр., у него необходимость часто закрывать библіотеку (особенно, если его ближайшій помощникъ отсутствовалъ).

Такъ 4 іюня 1868 г. онъ сдѣлалъ сообщеніе Городской Распорядительной думѣ, что въ виду болѣзни его помощника И. П. Шаповалова имъ закрыта библіотека для публики.

Такого рода перерывы въ дѣятельности библіотеки, когда она была въ вѣдѣніи администраціи, практиковались очень часто, Город-

---

[1]) Въ отчетѣ такъ говорится о посѣтителяхъ библіотеки въ 1867 г: „Всѣхъ посѣтителей, занимавшихся въ 1867 г. чтеніемъ и выписками было 15828, въ томъ числѣ лицъ женскаго пола 84, военнаго сухопутнаго и морскаго вѣдомства 564; гражданскихъ чиновниковъ 939, дворянъ и помѣщиковъ 2272; духовнаго вѣдомства 1385, ученаго и учебнаго вѣдомствъ 6745, медицинскаго вѣдомства 138, художниковъ, архитекторовъ, инженеровъ-технологевъ, механиковъ, телеграфистовъ, садовниковъ, управителей, актеровъ и проч. 158, иностранцевъ 305; почетныхъ гражданъ и купцовъ 1768, мѣщанъ и крестьянъ 1470".

[2]) Въ городскомъ архивѣ хранится „Дѣло исполнительнаго стола Одесской распорядительной думы о принятіи въ вѣдѣніе города публичной библіотеки" (по описи № 1177); здѣсь находятся всѣ использованные мной по данному вопросу документы.

ская-же распорядительная дума стала смотрѣть на это совершенно иначе и весьма опредѣленно высказалась по этому поводу 5-го іюня 1868 г., предложивъ Керстичу не считать болѣзнь помощника библіотекаря непреодолимымъ препятствіемъ для функціонированія библіотеки, „въ услугахъ которой публика нуждается постоянно“ [1]).

Керстичъ созналъ, что онъ не въ состояніи продолжать службу при новыхъ требованіяхъ, и 12 августа 1868 года подалъ въ Распорядительную думу заявленіе объ увольненіи его отъ должности библіотекаря по совершенно разстроенному здоровью; 16-го августа онъ былъ уволенъ, а исправленіе должности библіотекаря было временно возложено на помощника библіотекаря И. П. Шаповалова. Чтобы ускорить пріемку библіотеки отъ Керстича, городскимъ головой въ сентябрѣ 1868 г. для участія въ этомъ дѣлѣ былъ приглашенъ М. Ф. де-Рибасъ[2]).

Временная работа М. Ф. де-Рибаса въ библіотекѣ скоро перешла въ постоянную службу, такъ какъ въ январѣ 1869 г онъ былъ постановленіемъ Городской распорядительной думы назначенъ библіотекаремъ.

Михаилъ Феликсовичъ де-Рибасъ, сынъ премьеръ-маіора русской арміи и племянникъ основателя Одессы адмирала Іосифа де-Рибаса,— родился 15 марта 1808 г. Проживъ довольно долгое время за-границей (главнымъ образомъ въ Италіи), возвратился въ Одессу, гдѣ съ 1854 г. по 1868 г. издавалъ „Journal d'Odessa“. Съ 1856 г. состоялъ въ вѣдомствѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ съ назначеніемъ находиться при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ. Въ 1866 г., какъ владѣвшій нѣсколькими иностранными языками, поступилъ въ Одесскій комитетъ иностранной цензуры [3]) и отсюда перешелъ на должность библіотекаря. Назначеніе его состоялось 10 января 1869 года.

Ко времени назначенія М. Ф. де-Рибаса библіотекаремъ взгляды на библіотеку представителей города, окончательно уже рѣшившихъ

---

[1]) «Дѣло» библіотеки за 1868 годъ. Городскимъ головою былъ тогда Н. А. Новосельскій, которымъ и подписана указанная бумага.

[2]) См. „дѣло“ библіотеки за 1868 г., предложеніе городского головы Н. А. Новосельскаго отъ 23 сентября 1868 г. за № 260.

[3]) М. Ф. де-Рибасъ помимо журнальной работы во французской газетѣ, которую самъ издавалъ, работалъ также и въ другихъ одесскихъ изданіяхъ; такъ онъ принималъ близкое участіе въ редактированіи газеты „Правда“ (выходила въ Одессѣ въ 1877 – 1880 г.г.), въ которой помѣщались имъ статьи по различнымъ вопросамъ. Въ XI т. „Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ имъ напечатаны „Письма адмирала І. де-Рибаса правителю канцеляріи Потемкина для доклада его свѣтлости“. М. Ф. де-Рибасъ скончался 74 лѣтъ отъ роду 3 апрѣля 1882 г. О немъ см. некрологъ въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ за 1882 г., № 72, а также у Языкова, Обзоръ жизни и трудовъ русск. писат. за 1882 г., стр. 21.

фактически стать хозяевами ея,—все болѣе и болѣе выяснялись и дѣлались болѣе и болѣе серіозными.

Какъ на обобщеніе этихъ взглядовъ должно указать на докладъ о библіотекѣ гласнаго А. С. Великанова [1]), который сдѣланъ былъ въ Общей думѣ въ засѣданіи 3-го октября 1868 года.

Охарактеризовавъ то положеніе, въ которомъ библіотека до того времени находилась, а также отмѣтивъ, что въ дѣятельности библіотеки въ прежнее время отсутствовало прочно установившееся направленіе, Великановъ проводилъ мысль, что Одесская публичная библіотека должна служить даровымъ пособіемъ и средствомъ *исключительно* только для тѣхъ, кто серіозно занимается работами по какой-нибудь отрасли науки или дѣлами, требующими иногда болѣе или менѣе обширныхъ справокъ и выписокъ изъ книгъ. „Одесская публичная библіотека не должна быть публичною даровою читальнею для препровожденія празднаго времени, но должна быть хранилищемъ ученыхъ и технологическихъ сочиненій и достопримѣчательныхъ мѣстныхъ предметовъ, которые могутъ служить даровымъ пособіемъ всѣмъ изучающимъ городъ, Новороссійскій край, какую-либо отрасль науки, или имѣющимъ надобности въ справкахъ и выпискахъ изъ книгъ". На основаніи такихъ соображеній Великановъ [2]) и рекомендовалъ большую осмотрительность при пріобрѣтеніи книгъ. „Легкія литературныя произведенія, журналы и газеты" по его мнѣнію не должны имѣть мѣста въ библіотекѣ; даже при принятіи книгъ, приносимыхъ въ даръ библіотекѣ, онъ желалъ разборчивости. „Книги, неудовлетворяющія цѣлямъ библіотеки, должны быть предоставляемы въ распоряженіе дарителя". Накопляемое такимъ путемъ книжное имущество должно быть содержимо въ полномъ порядкѣ, для удобнаго-же пользованія книгами должны вестись правильные каталоги. Высказывая все это, Великановъ настаиваетъ на необходимости прежде всего очистить библіотеку отъ накопившагося въ ней хлама, удалить изъ нея несеріозныя сочиненія и проч.

---

[1]) Александръ Семеновичъ Великановъ, одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей Одессы шестидесятыхъ годовъ, род. въ 1818 г. Образованіе получилъ въ Ришельевскомъ лицеѣ. Въ 1850-хъ годахъ имъ была основана въ Одессѣ образцовая библіотека, которая имѣла большое количество рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ; библіотека вызвала большія затраты, но была закрыта вслѣдствіе отсутствія сочувствія публики. Видя потребность населенія имѣть театръ (послѣ пожара городского), Великановъ устроилъ въ Одессѣ „Русскій театръ", дѣло у него не пошло и стоило ему потери почти всего состоянія. Въ 1870-хъ годахъ онъ покинулъ общественную дѣятельность и занялся ученолитературными трудами. Ему принадлежатъ работы—1) „Зарницы Руси за скифскимъ горизонтомъ розысканій о ея началѣ" (Од. 1877), 2) „Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русь-славянскаго народа" (Од. 1878) и др. Умеръ въ 1886 г. Некрологъ его см. въ „Одесскомъ Листкѣ" за 1886 г., № 76. О немъ см. еще у Венгерова, „Критика-біограф. словарь", т. V, стр. 229.

[2]) Докладъ Великанова см. въ журналѣ засѣданія думы № 64 (3 октября 1868 г.).

Вообще городъ, вступивъ въ непосредственное завѣдываніе библіотекой, опредѣленно выразилъ намѣреніе поставить библіотеку на возможную высоту и дать ей такое положеніе, чтобы она могла съ наибольшей пользой функціонировать; это, напримѣръ, видно изъ неизмѣнно отрицательнаго отношенія городского головы къ очень частымъ попыткамъ временно завѣдывавшаго библіотекою Шаповалова—закрывать библіотеку на нѣсколько дней подъ различными предлогами; это ему было запрещено. М. Ф. де-Рибасъ, какъ библіотекарь, съ полной готовностью всегда шелъ на встрѣчу городу въ этомъ отношеніи; онъ прежде всего принялъ мѣры къ окончательному приведенію въ порядокъ все еще остававшихся безъ полной системы книжныхъ коллекцій библіотеки. На это у него ушло много времени, такъ какъ ему приходилось работать одному (помощникъ выдавалъ книги публикѣ), но зато онъ хорошо ознакомился съ составомъ библіотеки и ея порядками. На основаніи собраннаго во время такой работы матеріала М. Ф. де-Рибасъ и составилъ въ 1874 году докладъ городскому головѣ о нуждахъ ввѣренной ему библіотеки. Въ этомъ докладѣ онъ настойчиво указывалъ, что подборъ библіотечныхъ книгъ не можетъ быть признанъ серіознымъ и научнымъ; „библіотека переполнена хламомъ“, говоритъ онъ и признаетъ нужнымъ этотъ хламъ очистить. Послѣ такой чистки по мнѣнію М. Ф. де-Рибаса слѣдовало бы приступить къ систематическому пополненію библіотеки и къ составленію хорошихъ каталоговъ, безъ которыхъ она не можетъ правильно функціонировать. Въ докладѣ выражено также пожеланіе, чтобы библіотека получила удобное, обширное и постоянное помѣщеніе, такъ какъ временное ея помѣщеніе въ домѣ Великанова и неудобно, и тѣсно [1]).

Пробужденіе у городскихъ дѣятелей интереса къ публичной библіотекѣ—было однимъ изъ симптомовъ пробужденія у нихъ вообще интереса къ дѣлу народнаго образованія. Функціонировавшая уже на новыхъ началахъ Дума при разсмотрѣніи смѣты на 1874 годъ отнеслась съ особымъ вниманіемъ къ ассигнованію суммъ на дѣло народнаго образованія и опредѣлила образовать для завѣдыванія въ Одессѣ дѣломъ народнаго образованія особую комиссію, на которую было рѣшено возложить и завѣдываніе публичной библіотекой [2]).

Комиссію эту рѣшено было составить изъ семи членовъ; она и должна была завѣдывать хозяйственной частью город. народн. училищъ,

---

[1]) Сюда (въ 1873 г.) библіотека временно была переведена изъ городского дома на бульварѣ, гдѣ она была съ открытія,—по случаю предположеній о перестройкѣ этого дома. Домъ Великанова находился на Гречесской улицѣ рядомъ съ „Русскимъ театромъ“ (нынѣ сгорѣвшимъ). Тамъ, гдѣ была библіотека, нынѣ Театральная гостиница. Въ этотъ домъ библіотека была переведена съ ноября 1873 г., для этого она была закрыта съ 10 ноября по 1 января 1874 г. (См. отчетъ библіотеки за 1873 г., въ „дѣлѣ“ за 1874 г.). Въ годъ городъ платилъ за насмъ помѣщенія здѣсь 2300 р.

[2]) См. журналы засѣданія думы 7 іюня, 19 іюня 1874 г. (№№ 47, 50).

а также управлять сиротскимъ домомъ, публичной библіотекой и др. однородными учрежденіями. Въ комиссію эту въ засѣданіяхъ 23 и 25 октября 1874 г. избраны слѣдующіе гласные (см. протоколъ указан. засѣданій): А. И. Богдановскій (профессоръ), Сунди, баронъ А. Ѳ. Стуартъ, Перельманъ, Янопуло, Крапивинъ и Кіевскій. Члену этой комиссіи барону Александру Ѳедоровичу Стуарту[1]) было ввѣрено непосредственное управленіе публичной библіотекой. Комиссія эта немедленно по избраніи вступила въ исполненіе своихъ обязанностей; она вошла въ самыя близкія сношенія съ библіотекаремъ, стала внимательно относиться ко всѣмъ его основаннымъ на опытѣ и знаніи дѣла заявленіямъ и не оставляла безъ разсмотрѣнія его ходатайствъ. О результатахъ этой дружной и совмѣстной работы представителей города и библіотекаря М. Ф. де-Рибаса мы можемъ судить по изданному за 1875 годъ отчету библіотеки.

„Желая поставить библіотеку въ положеніе, болѣе соотвѣтствующее потребностямъ читающей публики, комиссія, говорится въ этомъ отчетѣ (стр. 5),—по докладу завѣдывающаго библіотекой, рѣшила перевести ее въ постоянное, болѣе просторное и удобное помѣщеніе, сдѣлавъ ее вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе доступной для читателей, открытіемъ библіотеки и въ вечерніе, удобнѣйшіе для большинства читателей, часы. Одновременно начато общее переустройство библіотеки, при чемъ, по пересмотрѣ всѣхъ существующихъ книгъ, разрозненныя изданія должны были быть по возможности пополнены; многія остающіяся до сихъ поръ безъ переплетовъ книги снабжены ими, а тѣ довольно многочисленныя сочиненія, которыя по характеру своему не соотвѣтствуютъ образовательнымъ цѣлямъ этого учрежденія, какъ напр., находившіеся въ библіотекѣ переводные и русскіе романы второстепеннаго достоинства вовсе исключены изъ состава библіотеки“.

Согласно этой программѣ дѣйствій библіотека въ концѣ 1874 года изъ временнаго помѣщенія въ д. Великанова переведена во вновь нанятое—въ домѣ Попудова на Соборной площади, при чемъ Городская управа заключила съ арендаторомъ этого дома контрактъ по 1800 р. въ годъ[2]). По перенесеніи библіотеки въ это помѣщеніе завѣдующимъ библіотекой М. Ф. де-Рибасомъ было приступлено къ составленію

---

[1]) Баронъ А. Ѳ. Стуартъ, магистръ естественныхъ наукъ, въ настоящее время одинъ изъ выдающихся и просвѣщенныхъ дѣятелей въ Бессарабіи. Еще до избранія указанной комиссіи онъ энергично настаивалъ на значительномъ увеличеніи бюджета библіотеки и объ избраніи для завѣдыванія библіотекой изъ числа гласныхъ попечителя, который являлся-бы блюстителемъ ея интересовъ предъ городомъ. (См. журналъ Думы 1874 г., № 50). Благодаря порученію завѣдывать библіотекой, баронъ Стуартъ становится попечителемъ библіотеки, на должность котораго съ этого времени Дума стала выбирать какого-либо гласнаго или кого-либо изъ компетентныхъ лицъ.

[2]) Наемъ по контракту былъ заключенъ на $11^1/_2$ лѣтъ. Библіотека сюда была переведена въ концѣ 1874 г.

новаго каталога—алфавитнаго и систематическаго [1]). Новое помѣщеніе было удобно примѣнено для библіотеки, благодаря устройству подходящей мебели, а проведеніе газа въ читальный залъ—дало возможность открывать библіотеку и въ вечерніе часы.

„Всѣ эти удобства, замѣчаютъ составители названнаго отчета (стр. 9), привлекли сразу въ библіотеку значительное число читателей". Однако составъ этихъ читателей не былъ таковъ, какой соотвѣтствовалъ-бы желанію комиссіи, стремившейся сдѣлать изъ библіотеки мѣсто для ученыхъ занятій. „Библіотеку стало посѣщать много лицъ, исключительно для прочтенія послѣднихъ номеровъ мѣстныхъ и столичныхъ газетъ, листковъ, афишъ и торговыхъ объявленій". Такого рода читатели нарушали интересы лицъ, желающихъ серіозно работать въ библіотекѣ, а потому комиссіей были приняты слѣдующія мѣры для уменьшенія „праздныхъ" посѣтителей:

1) Изъять вовсе изъ обращенія тѣ книги, которыя по характеру своему не соотвѣтствуютъ образовательнымъ цѣлямъ библіотеки;

2) прекратить выдачу для чтенія трехъ послѣднихъ №№ ежедневныхъ политическихъ газетъ и

3) романы, повѣсти, стихотворенія и др. беллетристическія сочиненія, а также книги для легкаго чтенія выдавать лишь по усмотрѣнію, въ каждомъ данномъ случаѣ, библіотекаря.

Такого рода мѣропріятія ясно указываютъ на стремленіе тогдашняго управленія библіотеки дать ей, наконецъ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ характеръ и значеніе мѣста для научныхъ занятій, о желательности чего высказывалась и Городская дума. При этомъ однако нужно отмѣтить, что къ этому времени еще не установился на нашу библіотеку взглядъ, какъ на книгохранилище, которое должно накоплять книги всякаго содержанія и характера въ цѣляхъ имѣть возможность и ихъ въ случаѣ надобности предоставлять для научной разработки; это видно изъ того, что при произведенномъ въ 1875 году пересмотрѣ состава книгъ библіотеки „съ разрѣшенія комиссіи изъято 659 томовъ изъ словеснаго ея отдѣла"; книги эти признаны были по содержанію своему несоотвѣтствующими назначенію библіотеки, и большую часть ихъ *рѣшено было продать* [2]).

Стремленіе привести библіотеку въ порядокъ дало въ результатѣ то, что къ 1 января 1876 года удалось точно опредѣлить наличное

---

[1]) Въ указанномъ отчетѣ (стр. 26) точно устанавливаются требованія, по которымъ должны записываться книги въ инвентари, въ систематическіе каталоги и на карточки. Прежніе каталоги, составленные въ библіотекѣ въ 1857 г., признаны неудовлетворяющими требованіямъ библіотечнаго дѣла. Веденіемъ каталога были заняты младшіе помощники библіотекаря С. М. де-Рибасъ (нынѣ сотрудникъ „Одесскаго Листка", авторъ очерковъ—„Старая Одесса") и Э. А. Вандоро.

[2]) Тотъ-же отчетъ стр. 21.

количество книгъ библіотеки: къ этому сроку ихъ оказалось на лицо 13298 названій въ 37912 томахъ на сумму 32020 р. 35½ коп.[1]).

Въ томъ-же 1875 году упорядочено дѣло пополненія библіотеки новыми книгами, при чемъ рѣшено обращать „особое вниманіе на пріобрѣтеніе источниковъ и фундаментальныхъ сочиненій по правовѣдѣнію вообще и русскому праву, исторіи и статистикѣ въ частности". Главное-же вниманіе обращено было на устройство слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Городское благоустройство, 2) Novorossica и 3) Народное образованіе.

Все это способствовало основательному упорядоченію нашей библіотеки, почему она и начинаетъ неизмѣнно систематически обогащаться новыми книгами, которыя теперь не теряются, какъ прежде, въ массѣ ненужнаго хлама, но являются дѣйствительнымъ пополненіемъ ея; она также постоянно привлекаетъ все больше и больше посѣтителей. Такъ уже въ 1880 году, когда исполнилось 50 лѣтъ со дня ея основанія она имѣла 15700 названій въ 42484 томахъ на сумму въ 13687 рублей; количество-же посѣтителей ежегодно возрастая дошло къ указанному моменту до 30000 въ годъ[2]).

Такое довольно уже богатое книжное имущество и столь значительное число посѣтителей не находили въ это время себѣ соотвѣтствія въ наемномъ, не вполнѣ подходящемъ помѣщеніи библіотеки. Настоятельно выдвигался вопросъ о сооруженіи спеціальнаго зданія, которое библіотека могла-бы считать своимъ, и изъ котораго ей-бы не предстояло переходить въ другое. На празднованіи пятидесятилѣтняго юбилея библіотекарь М. Ф. де-Рибасъ вполнѣ справедливо на-

---

[1]) Въ 1875 году въ библіотеку поступили книги покойнаго генерала Инзова (93 названія въ 162 тома) и бывшаго библіотекаря Спады—(1061 названій въ 2401 т.). Эти книги были переданы библіотекѣ, какъ выморочное имущество.

[2]) Отчеты по библіотекѣ въ періодъ 1876 года по 1886 г. не печатались. 50-лѣтіе библіотеки праздновалось 15 апрѣля 1880; въ этотъ день библіотекаремъ М. Ф. де-Рибасомъ была сказана рѣчь, которая издана подъ заглавіемъ: „Краткій историческій обзоръ дѣятельности Одесской городской публичной библіотеки, рѣчь, читанная 15 апрѣля 1880 г. по случаю исполнившагося 50-лѣтія существованія библіотеки (1830—1880) библіотекаремъ М. Ф. де-Рибасомъ. (Одесса 1880). Характеризуя развитіе библіотеки въ послѣдніе года предъ 50-лѣтіемъ М. Ф. де-Рибасъ говоритъ слѣдующее (стр. 11): „Считаю своимъ долгомъ внести въ лѣтописи библіотеки и тѣ, къ сожалѣнію немногія, имена еще живущихъ лицъ, которыя, сохраняя память о библіотекѣ, шлютъ ей по временамъ весьма цѣнные дары. Между ними первое мѣсто занимаютъ имена: Ихъ Свѣтлостей кн. Елисаветы Ксаверьевны и сына ея кн. Семена Михайловича Воронцовыхъ, графа А. Г. Строганова, графа М. Д. Толстого, Г. Г. Маразли, Васаля и, въ послѣднее время, господъ Ланга, Низгурицера и въ особенности барона А. Ѳ. Стуарта, бывшаго попечителя библіотеки. Библіотека изъявляетъ свою благодарность и Павлу Александровичу Зеленому, который, по примѣру прежняго редактора „Одесск. Вѣсти." А. Г. Тройницкаго, жертвуетъ библіотекѣ газеты, получаемыя редакціей для изданія „Вѣстника". Въ писанныхъ отчетахъ библіотеки за указанный періодъ точно отмѣчены книги, которыя пожертвованы ей какъ этими лицами, такъ и многими учрежденіями, которыя непрерывно высылали ей свои изданія. Въ этотъ періодъ въ библіотеку ежегодно между прочими учрежденіями передавалъ въ даръ партіи журналовъ

звалъ ее „кочующей“, а сокровища ея „долго уже просящими самостоятельнаго, болѣе соотвѣтствующаго ихъ богатству и значенію помѣщенія“. Этотъ важный для библіотеки вопросъ и получилъ начало разрѣшенія при библіотекарѣ М. Ф. де-Рибасѣ. Въ 1882 году, именно въ годъ его смерти († 3 апрѣля), тогдашній одесскій городской голова Григорій Григорьевичъ Маразли рѣшилъ на мѣстѣ, принадлежащемъ Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей (на Биржевой площади, около зданія Городской думы), построить на свои средства домъ съ тѣмъ, чтобы въ немъ были помѣщены публичная библіотека и музей этого Общества.

Дѣйств. чл. **М. Попруженко.**

Англійскій (нынѣ Одесскій) клубъ. На празднованіи 50-лѣтняго юбилея библіотеки присутствовали, какъ сказано въ визитаціонной книгѣ библіотеки, слѣд. лица: городской голова Г. Г. Маразли, члены управы: О. О. Чижевичъ, Н. В. Волькоборскій, Р. А. Хари, вице-президентъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Н. Н. Мурзакевичъ и изъ публики человѣкъ около 15. Мурзакевичъ въ качествѣ стараго дѣятеля на пользу библіотеки сказалъ рѣчь (она напечатана у М. Ф. де-Рибаса, стр. 13), въ которой желалъ, чтобы библіотека была вмѣстилещемъ книгъ для образованія ума и сердца посѣтителей и чтобы она усиленно охранялась отъ порчи и отъ пожара. На праздникѣ этомъ присутствующимъ для обозрѣнія были представлены нѣкоторыя книжныя рѣдкости библіотеки. Для пополненія библіографіи о библіотекѣ укажу брошюру: „Habent sua fata libelli. Les vicissitudes d' une bibliothèque. Par Constantin Samsonov“ (Odessa, 1875).

Изъ матеріаловъ по исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Южной Россіи.

Сообщаемыя ниже „мнѣнія“ губернатора Слободско-Украинской губерніи Евдокима Алексѣевича Щербинина (1765—1775) и Малороссійскаго генералъ-губернатора графа Петра Александровича Румянцова извлечены нами изъ числа бумагъ Екатерининской Законодательной Коммиссіи 1767 года, хранящихся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта среди дѣлъ бывшаго II-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи[1]). „Мнѣнія“ эти находятся здѣсь въ копіи, подписанной самимъ Е. Щербининымъ[2]). Это показываетъ, что записки эти попали въ это собраніе бумагъ Коммиссіи 1767 года потому, что ихъ представилъ туда самъ Щербининъ, который былъ, какъ извѣстно, выбранъ въ Коммиссію депутатомъ отъ дворянъ Псковскаго уѣзда[3]). Онъ сообщилъ въ Коммиссію записки эти, можно думать, какъ матеріалъ для сужденія по вопросу о переходахъ крестьянъ въ Южной Россіи, вопросу, чрезвычайно важному для этой области и какъ разъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка поставленному правитель-

---

[1]) Связка 223/2.

[2]) Скрѣплено по страницамъ: «читалъ протоколистъ Максимъ Павловъ».

[3]) См. списокъ депутатамъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1861, XII, приложеніе, стр. 22. Щербининъ явился въ Коммиссію не къ началу ея дѣятельности, а уже во время второго мѣсяца ея занятій (7 сентября). Объясненіе этой задержки см. въ его донесеніи въ Коммиссію отъ 8 мая 1767 года изъ Харькова. „Понеже нынѣ, пишетъ онъ, немалою одержимъ я болѣзнію, естлиже могу и свободу получить, то необходимо потребно мнѣ будучи опредѣленнымъ въ Слободской губерніи съ властью губернаторскою напередъ отъѣзду по той депутатской должности въ Москву сочиняемыя на сію губернію къ закону пополненія самому окончить, зачѣмъ чрезъ нѣсколькое еще время отсель ѣхать мнѣ никакъ невозможно; а въ разсужденіи, прибавляетъ онъ, не будетъ-ли иногда до пріѣзду моего въ помянутой о сочиненіи проекта Новаго Уложенія Коммиссіи надобности во ономъ, присланномъ ко мнѣ наказѣ къ какому либо сочиненію, то съ означеннаго полномочія и съ наказу присемъ представляю на первой случай во объявленную Коммиссію копію, прося о выслушаніи онаго въ свое время, естли самъ въ указной срокъ въ ту Коммиссію пріѣхать непоспѣшу“; въ Москву сможетъ поѣхать онъ послѣ того, какъ получитъ „свободу“ отъ своей болѣзни и „по окончаніи здѣшнихъ къ закону пополненій“. (Архивъ Государственнаго Совѣта, бумаги Екатерининской Законодательной Коммиссіи, связка 110/2).

ственною властью на ближайшую очередь[1]). Въ Коммиссіи 1767 года, какъ извѣстно, вопросъ этотъ и былъ отчасти обсуждаемъ[2]).

Но не для Законодательной Коммиссіи были составлены Евдокимомъ Щербининымъ эти его „мнѣнія". Какъ показываетъ приписка въ концѣ перваго изъ сообщаемыхъ „мнѣній", записка эта была представлена въ декабрѣ 1765 года Малороссійскому генералъ-губернатору графу П. А. Румянцову. Ему, несомнѣнно, представлено было и второе „мнѣніе", такъ какъ въ немъ не разъ встрѣчаются ссылки и указанія на первое „мнѣніе", а главное, эта вторая записка есть только рядъ замѣчаній или примѣчаній, объясненій и соображеній въ отвѣтъ на „мнѣніе" по тому-же вопросу самаго Румянцова, относящееся, конечно, такъ-же къ 1765 году.

Это „мнѣніе" гр. Румянцова, насколько намъ извѣстно, нигдѣ еще неизданное, можетъ являться существеннымъ дополненіемъ къ характеристикѣ его воззрѣній и плановъ по вопросу о крестьянскихъ переходахъ въ Малой Россіи. Нѣтъ данныхъ сказать, было-ли это „мнѣніе" Румянцова направлено для того, чтобы ввести въ дѣйствіе развитыя въ немъ положенія. Намъ извѣстно лишь одно отраженіе этого „мнѣнія". Оказывается, что нѣкоторыя части этой записки Малороссійскаго генералъ-губернатора повторены—съ небольшими измѣненіями—въ 18 пунктѣ наказа, составленнаго въ Малороссійской Коллегіи (президентомъ которой былъ самъ гр. П. Румянцовъ) для депутата въ Екатерининскую Законодательную Коммиссію[3]). Повторены именно отрывки: отъ словъ: „сіе ли бы все по мнѣнію моему..." до словъ: „...въ свою прямую цену"; отъ словъ: „безъ нижеписанныхъ причинъ...", до словъ: „...на каторгу отсылать"; отъ словъ: „разсматриваніе и рѣшеніе..." до словъ: „...слѣдовать и рѣшить"[4]). Такимъ образомъ, почти весь указанный 18 пунктъ наказа Малороссійской Коллегіи взятъ изъ печатаемой нами записки Румянцова и передаетъ его личное воззрѣніе на вопросъ о крестьянскихъ переходахъ, воззрѣніе, очевидно принятое общимъ совѣщаніемъ Коллегіи. Участіе гр. Румянцова въ составленіи названнаго наказа, должно отмѣтить, не ограничивалось только этой одной главою его. Весь наказъ Малороссійской Коллегіи составленъ по плану и указаніямъ

---

[1]) См. работу *В. Мякотина.* Прикрѣпленіе крестьянъ въ Лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. „Русское Богатство, 1894, IV.

[2]) Краткій обзоръ высказанныхъ въ Коммиссіи взглядовъ и сужденій—см. у *Мякотина* въ только что названной статьѣ, стр. 137 и слѣд., у *В. Семевскаго* въ его извѣстномъ трудѣ: Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, СПБ., 1888, т. I, стр. 153 и слѣд.

[3]) Депутатомъ былъ избранъ Димитрій Натальинъ.

[4]) Наказъ см. въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XLIII, стр. 234—5. Это „наставленіе" депутату отъ Малороссійской коллегіи было раньше дважды напечатано—въ „Отечественныхъ Запискахъ" изд. *П. Свиньина*, 1830 г., мартъ и апрѣль (№№ 119 и 120) и въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей при Москов. Унив.", 1858, III.

Румянцова. Этотъ планъ заключается въ извѣстной его „Запискѣ о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ, о исправленіи которыхъ въ Малороссійской Коллегіи трактовать должно“ [1]). Сравненіе „Записки“ и наказа ясно обнаруживаетъ, что въ „Запискѣ“ намѣчены вопросы, а въ наказѣ даны на нихъ тѣ или иные отвѣты [2]). При этомъ въ наказѣ почти дословно повторяются тѣ части каждаго пункта „Записки“ гр. Румянцова, гдѣ онъ ставитъ вопросъ, т. е. даетъ указанія о положеніи той или иной стороны жизни или государственнаго уклада Малороссіи. Вмѣсто-же вторыхъ половинъ этихъ пунктовъ, начинающихся обычно у Румянцова словами: „надлежитъ разсуждать“ или „трактовать“, приводятся уже отвѣты Коллегіи. Наказъ Коллегіи, такимъ образомъ, цѣликомъ основанъ на планѣ, предложенномъ ей ея президентомъ; сохранены большею частью тѣ-же заголовки отдѣльныхъ главъ и ихъ порядокъ, послѣдовательность [3]).

---

[1]) „Записка“ эта издана дважды: въ видѣ прибавленія къ книжкѣ *Аскоченко*, Малороссія въ 1767 году, Кіевъ, 1864 г. и у *профессора Владимірскаго-Буданова* въ его сообщеніи: Акты по управленію Малороссіей графа П. А. Румянцова за 1767 годъ. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, т. V, отд. III, стр. 100 — 111, Кіевъ, 1891.

[2]) На связь наказа Малороссійской Коллегіи и „Записки“ графа Румянцова указывалъ еще *В. Мякотинъ*, отмѣчая, что Малороссійская Коллегія, „создавая эту инструкцію (=наказъ), руководилась взглядами и указаніями гр. Румянцова, которые она иногда дословно и вносила въ свои пункты“. Прикрѣпленіе крестьянъ въ Лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ. „Русское Богатство“, 1894, IV, стр. 141, прим. 1.

[3]) Это отношеніе „Записки“ и наказа Коллегіи даетъ, между прочимъ, указанія для разъясненія того, скажемъ, недоумѣнія, какое высказываетъ по поводу даты „Записки“ гр. Румянцова *М. Слабченко* въ недавней своей работѣ: „Малороссійскій полкъ въ административномъ отношеніи“, Одесса, 1909, стр. 21, прим. 1. Дѣло въ томъ, что „Записка“ въ изданіи *Аскоченко* датирована 25 іюля 1765 года, у *проф. Владимірскаго-Буданова* — 25 іюля 1767 года. *М. Слабченко* считаетъ необходимымъ отвергнуть одну изъ этихъ датъ, именно дату *проф. Владимірскаго-Буданова*, какъ „безъ сомнѣнія невѣрную“. На самомъ же дѣлѣ эта дата *безусловно правильна*. Прежде всего дата эта, можно положительно говорить, относиться не къ самой „Запискѣ“, а къ препроводительной бумагѣ, или какъ называетъ *Слабченко* — введенію, которое у *Буданова* напечатано передъ „Запиской“. Въ этой препроводительной бумагѣ указывается, что „Записка“ направляется въ Коллегію, какъ матеріалъ для составленія наказа въ Коммиссію 1767 года. Изъ этого ясно, почему въ заглавіи „Записки“ говорится о Коллегіи, а не Коммиссіи, что такъ удивляетъ *М. Слабченко*. Такимъ образомъ, дата *проф. Владимірскаго-Буданова* является совершенно несомнѣнной. Если сомнѣваться въ одной изъ указанныхъ двухъ датъ, то скорѣе слѣдовало-бы отнестись отрицательно къ датѣ *Аскоченко*. По крайней мѣрѣ, названная препроводительная бумага гр. Румянцова оставляетъ впечатлѣніе, какъ будто бы „Записка“ составлена именно въ цѣляхъ дать Малороссійской Коллегіи планъ или матеріалъ для составленія наказа. Хотя возможно, конечно, что гр. Румянцовъ воспользовался и старою своею запискою, составленною еще въ 1765 году, и тогда и дата *Аскоченко* можетъ быть принята, какъ правильная, что, однако, нисколько не колеблетъ вѣрности даты *проф. Владимірскаго-Буданова*. Возможно, замѣтимъ, нѣкоторое удивленіе по поводу того, что наказъ Малороссійской Коллегіи былъ такъ быстро составленъ: „Записка“ гр. Румянцова препровождена въ Коллегію 25 іюля 1767 года, а наказъ уже подписана 3 августа; а между тѣмъ намъ извѣстно, какъ много времени было посвящено

„Мнѣнія“ Е. Щербинина касаются, главнымъ образомъ, положенія вопроса о крестьянскихъ переходахъ въ Слободско-Украинской губерніи, во главѣ управленія которой стоялъ Щербининъ, въ сущности, главный участникъ образованія названной губерніи изъ территоріи прежде существовавшихъ Слободскихъ казачьихъ полковъ[1]). Эта реформа 1765 года сильно отразилась на крестьянскихъ переходахъ въ Слободской Украинѣ, такъ какъ подобное передвиженіе населенія было прекращено и, такимъ образомъ, состоялось прикрѣпленіе къ землѣ сельскаго крестьянскаго населенія этой области[2]).—Записки Щербинина пріобрѣтаютъ естественный интересъ, касаясь нѣкоторыхъ сторонъ положенія этого дѣла въ мѣстности, еще преобразуемой, еще переходящей къ новымъ условіямъ жизни.

на составленіе наказовъ въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, какъ, напримѣръ въ Св. Синодѣ (см. статью *Е. Прилежаева* въ Христ. Чтеніи, 1877, XI—XII, *Сергѣевича* предисловіе къ XLIII тому Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества), въ Адмиралтейской Коллегіи (о наказѣ отъ этой Коллегіи нами готовится къ печати сообщеніе), въ конференціи Академіи Наукъ (см. Протоколы засѣданій конференціи, т. II, СПБ. 1899, по указателю). Но въ ходѣ этого дѣла въ послѣднемъ изъ названныхъ учрежденій можно указать одно обстоятельство, которое можетъ, кажется, выяснить и указанный случай въ Малороссійской Коллегіи. Начиная съ середины апрѣля члены конференціи Академіи Наукъ представляли свои проекты и замѣчанія для наказа; переработка ихъ, пересмотръ и т. п. работы были закончены къ іюлю 1767 года, когда (4-го) былъ подписанъ членами конференціи окончательный текстъ наказа. Но директоръ Академіи гр. Вл. Орловъ не подписалъ представленнаго ему наказа, а передалъ въ Академію свой собственный проектъ (17 августа), который конференція полностію и приняла вмѣсто своего прежняго, — и уже 24 августа онъ былъ подписанъ ея членами. Можетъ быть и въ Малороссійской Коллегіи „Записка“ гр. Румянцова была лишь послѣднимъ шагомъ въ дѣлѣ составленія наказа; члены ея, конечно, не въ концѣ же іюля только взялись за работу эту, но должны были начать ее значительно раньше; къ сожалѣнію, объ этихъ занятіяхъ Коллегіи намъ ничего неизвѣстно.

[1]) *И. Срезневскій*, Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины. Харьковъ, 1883 (напис. 1839 г.); *Д. Багалѣй*, Исторія г. Харькова за 250 лѣтъ его существованія, т. I, Харьковъ, 1905, стр. 95 и слѣд.

[2]) *Срезневскій*, стр. 23; *Багалѣй*, стр. 96—97; *Семевскій*, Крестьянскій вопросъ. СПБ. 1888, т. I, стр. 227; *Лаппо-Данилевскій*, Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи. (Сборникъ „Крестьянскій строй“, СПБ., 1905, I, 127).

I.

МНЕНіЕ

лейбъ-гвардіи примеръ маіора и кавалера Щербинина о переходахъ владелческихъ черкасъ.

По имянному указу 1738 году сентября 25-го дня[1]) велѣно во всехъ губерніяхъ провинціяхъ городахъ и впротчихъ местахъ отгубернскихъ и воеводскихъ канцеляреи публиковать чтобъ беглыхъ козаковъ ипосполитыхъ людей такожъ буде имеются и малороссіицы всехъ сженами издетми испожитки великороссійские владелцы за кѣмъ оные живутъ и кто ихъ принималъ вывезли напрежнія ихъ жилища на своихъ подводахъ и своимъ коштомъ иотдали тамошнимъ командирамъ неотложно вкрайней скорости подопасениемъ занеисполненіе жестокаго штрафа вчемъ исамимъ губернаторамъ ивоеводамъ ипротчимъ управителямъ прилежное стараніе итрудъ прилагать дабы оные всемерно безвсякого отлагателства все сысканы иотприемщиковъ на ихъ подводахъ икоште напрежнія ихъ жилища отвезены и тамошнимъ командирамъ отданы были инивкоторои бы губерніи провинціяхъ иуездахъ ивдругихъ местахъ истакихъ беглыхъ ниодного человека утаено иоставлено быть немогло авпредь какъ оныхъ такъ идругихъ беглыхъ всякого званія людей никтобъ отнюдь нинамалое время подвеликимъ штрафомъ непринимали игде когда какой беглой явится тѣхъ имая тогожъ времени приводить вгороды ипоступать сними поуказамъ.

Давпрошломъ 1763 году декабря 10 дня изданнымъ вовсенародное известіе указомъ[2]) при которомъ напечатаны предписанія доперехадовъ малороссійскаго народа принадлежащія сиихъ малороссійскихъ правъ вкниги статута находящихся повелено дабы спубликованія того указа малороссійской посполитой народъ напоселеніи вземледелстве работѣ или услуженіи находящіеся пребывалъ по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно безвсякой высылки ибезмалейшаго утесненія ползуясь свободнымъ сместа наместо переходомъ наточномъ инепременнымъ основаніи правъ малороссійскихъ встатуте изображенныхъ вследствіе коихъ того народа людей безписменнаго отпуска одному отдругова владелца отнюдь непринимать равноже ивдаче повеленныхъ отпусковъ неудерживать подштрафомъ положеннымъ втехъ

---

[1]) Именного указа 25 сентября 1738 года въ Полн. Собр Законовъ нѣтъ; но по содержанію и изложенію приводимый у Щербинина указъ почти совершенно совпадаетъ съ напечатаннымъ въ Полн. Собр. Законовъ, т. X, № 7588 сообщеніемъ изъ Кабинета въ Сенатъ отъ 29 мая 1738 года.

[2]) П. С. З., XVI, 11987; въ этомъ указѣ приведены относящіеся къ дѣлу выписки изъ Статута, въ томъ числѣ и тѣ, которыя указываются въ дальнѣйшемъ изложеніи Щербинина.

правахъ и сіе чинить какъ всамой Малороссіи такъ и вовремя ихъ перехода ввеликороссію такъже ивРоссіи когда они захотятъ отпомещика къ другому переитить.

Но малороссійской посполитой народъ анаипаче живущіе вбелогородской воронежской казанской астраханской ивслободской украинской губерніяхъ ивдонскихъ станицахъ вовладелческихъ маетностяхъ подданные черкасы позастарелому внихъ обичаю чрезъ всю жизнь немогутъ нигде порядочно основать домостроителство непреселяясь безпрестанно изодного места надругое самохотно подвергаютца непременному нещетству препровождая время единственно вовсегдашнемъ строеніи себѣ хижинъ нарочно для прочности ипокою вовся неудобныхъ дабы темъ безжалостнее можно іхъ паки вскорости оставить для чево иникакого бережения неимеютъ лесамъ инасамую малейшую надобность безразборно истребляютъ лутчіе дерева неразсуждая сколь долгова котрощению времени требуетъ опустошеніе лесовъ и коликой нужде чрезъ то подвергнутся могутъ потомки ихъ.

Оной переходъ нетолко изупотребляющихъ ево ввергаетъ внеизбѣжную скудость имущественныхъ людей и раззоряетъ помещиковъ и великой приноситъ ущербъ доходамъ Ея Императорскому величеству разоряетъ помещиковъ потому что многіи черкасы выживъ лготные годы иопустошивъ помещичьи леса уходятъ таино незаплатя помещику и казне подлежащихъ податей итакъ помещикъ заихъ уходомъ нетокмо лишается должныхъ запрожитокъ наего грунте прибытковъ ноеще подверженъ и казне платить чтоже доущербу Ея Императорскаго величества доходовъ касается то изъвестно сколь многое число черкасъ шетается всамое то время когда отпомещиковъ окаличестве душъ подаются сентябрские ведомости акакъ всѣ таковые шетающіеся всеконечно немогутъ быть никемъ показаны въ ведомостяхъ то будучи прописными впредидущіи годъ иникакова неплатятъ дохода казне следственно многіе отсего народа посправедливости названы быть могутъ разорителми самихъ себя не благодарными вразсужденіи господъ своихъ ивиновъниками ущербу доходовъ государственныхъ.

Попритчине всегдашнихъ переходовъ некоторые отцы будучи несостоятелными пропитать себя и фамиліи оставляютъ детей своихъ безвсякого призрѣнія такъ что сіи бедные дети попадаютъ внещастье игоресть свойственные сиротамъ при живыхъ отцахъ ачрезъ то идети побуждаемые тоюжъ кпереходамъ склонностью дотехъ только поръ сотцами и матерми своими живутъ пока приидутъ втакой возврастъ что могутъ распознать путь ккакому либо месту послеже родителей своихъ отглубокой старости припедшихъ вбезсилие промыслить себе пристойное содержание покидаютъ всамое то время когда нужна ихъ помощь асами бродятъ поразнымъ местамъ такимъ образомъ многіе всеи странѣ старые и малые обоего пола неимеютъ пропитания дневнаго хотяже добърота обытаемыхъ симъ народомъ земель, подаетъ

способъ приобресть доволное отупотребленія ее пропитаніе нопотаковымъ переходамъ оныя земли болшою частию остаются непахатными отчего сія страна скудна есть потребными кпропитанию человѣческому произращениями столко что хлебу цена иногда гораздо болѣе возвышается вразсужденіи техъ местъ где земля коудобрению своему многотрудного требуетъ прилежания.

Того ради согласуя благоволенію высочайшихъ предковъ Ея Императорскаго величества исостоявшемуся въ 1763-мъ году Ея Императорскаго величества указу мое мненіе такое означеннои малороссійской народъ содержать приихъ волностяхъ ідозволить иметь свободные сместа наместо переходы наоснованіи правъ малороссійскихъ наблюдая притомъ следующие.

1. Оной переходъ сместа наместо живущимъ вбелогородской воронежской казанской астраханской ислободской украинской губерніяхъ и донскихъ станицахъ черкасамъ когда они ево пожелаютъ занедостаткомъ къ безнужному пребыванію земель и угодей или заотягощеніемъ неумеренными владелческими доходами ипротчими утесненіями то свободно иметь чрезъ каждые соопробаціи сего пятьлетъ то есть цитая напримеръ 1766-го году генваря отъ 1-го числа дозволеніе кпереходу чинить впредбудущемъ 1771-го году а после 1771-го дозволивать въ 1776 году ивпредь потомуже исчислению годовъ впереходе поступать точно втехъ дозволяемыхъ кпереходу годехъ объявленнымъ черкасамъ симъ переходомъ ползоватся толко вмаие и въ июне м^цахъ вдругоеже время отнюдь непереходить потому что многіе могутъ быть прописными когда дозволить переходъ ивтакое время какъ подаются окаличестве душъ впредъ идущей годъ сентябрские ведомости чрезъ пятилетнеежъ время живучи наодномъ месте могутъ те черкасы побуждены быть кдомостроителству ихлебопашеству.

2. Вчеркаскихъ поселенияхъ многие суть бродяги неимеющие усебя нидомовъ ниселеней которые отлучаясь отсвоихъ жилищъ вовсю жизнь шетаются поразнымъ местамъ ипрепровождаютъ дни впянстве итунеядстве всехъ таковыхъ тягостныхъ обществу ленивцовъ помещики иприкащики должны принудить кпоселению ипосъступать сними какъ повелеваетъ встатуте роздела 12 артикула 24 пунктъ 6, ежелижъ между ими найдутся толь скудны что ипоселится будутъ невсостояніи таковымъ велеть сыскивать себѣ хозяевъ для чего дать имъ спубъликованія осемъ указа сроку натры м^ца вкоторые всѣ должны расположитца основателными жилищами или наняться задоговорные цены воуслуженія ноитаковымъ отхозяевъ своихъ отходить иначе недозволивать какъ согласно свышеписаннымъ положениемъ чрезъ пять летъ вназначенные года и м^цы чего наблюдать вслободской украинской губерніи воеводамъ и комисарамъ идругимъ началникамъ авовладелческихъ маетностяхъ помещикамъ иприкащикамъ.

3. Все оные черкасы никогда отнюдь недолжны чинить тайныхъ уходовъ изсвоихъ жилищъ новооные назначиваемые имъ кпереходу

годы должны требовать отпуску упомещиковъ или ихъ прикащиковъ заблаговременно то есть недопуская домаия июня м^цовъ вкоторые имъ переходить позволено и ежелитогда оные черкасы стребованиемъ отъпуска явятся станутъ упомещиковъ авнебытность уприкащиковъ ихъ то неудерживая нимало отпускать совсемъ имениемъ взыскавъ напередъ снихъ подлежащие вказну Ея Императорскаго величества окладныя денги идавъ для свободного прохода билетъ вкоемъ означить 1-е число идущихъ обоего пола поимянамъ, 2-е место куда идетъ, 3-е что взысканы снихъ сполна надлежащіе вказну окладныя денги инакоторои имянно годъ, 4-е что введомостяхъ вканцелярию подаваемыхъ показаны будутъ вубыли вышедшими внаписанное точно вбилете место аокроме вышеназначенного времени помещики иприкащики іхъ таковыхъ билетовъ подданныхъ черкасамъ давать необязаны.

4. Кто помещики иприкащики желающему вповеленные годы и м^цы итить требуемаго отпуска безвсякой причины дать непохотятъ втакомъ случае долженъ тотъ черкасъ обявить втой канцеляріи вкоторой платежемъ казенныхъ доходовъ приписанъ аоная безпродолжения времени обязана отъ такового помещика или прикащика взявъ надлежащѣи билетъ отдать просителю или сама дать какъ встатуте раздела 12-го артикула 24-го въ 2-м пункте напечатано осведомясь напередъ заплатилъли онъ подлежащіе снего казенные подати и помещичей чеишъ авштрафѣ занедачу повеленного отпуска взыскивать стого помещика или прикащика закаждую душу подва рубли изсихъ денегъ одинъ рубль взять вказну Ея Імператорскаго величества а другой отдать просителю запотеряніе времени приобявленіи онедаче билета.

5. Понеже кпереходамъ имеютъ охоту болшою частію нехотящіе никакова раденія прилагать одомостроителстве того ради коудержанию таковыхъ определять ввышеписанныхъ великороссійскихъ ислободской губерніяхъ идонскихъ станицахъ вказну Ея Императорскаго величества зборъ скаждой мужеска полу души подвагцати копеекъ и наименовавъ сеи зборъ перехожимъ помещикамъ иприкащикамъ взыскивать припереходе поданныхъ изево слободы надругое место кновому владелцу для чего и въ билетахъ приотпуске даваемыхъ помещики и прикащики должны показывать именно сколикого числа душъ перехожіе денги напрежнемъ жилище взяты вканцеляріюжъ те денги представлять приподаче ведомостей оприбыли иубыли где записывать ихъ особенно ипопрошествіи года сколко того перехожего сбора вприходе будетъ исподлежащихъ местъ отканцеляріи давать знать вслободскую украинскую губернскую канцелярию.

6. Приходящихъ збилетами безсумнения принимать авведомостяхъ оприбыли иубыли подаваемыхъ вканцелярию означивать что онъ пришелъ стаковата места внаписанное точно вбилете поселеніе естлижъ паче чаяния впротивность сего установления кто изоныхъ находящихся вповселенияхъ иухозяевъ воуслуженіи черкасъ уидутъ неимея усебя билета стаковыхъ преслушниковъ сушедшихъ недождавъ

урочнаго пятилетняго времени взыскивать техъ местъ куда оные ушедшие придутъ владелцамъ или прикащикамъ вштрафъ порублю сдуши иприподаче ведомостей оприбыли иубыли отдавать вканцелярію асверхъ того всякого безбилетного спрашивать опрежнемъ жилище ивведомостяхъ подаваемыхъ обявлять точно то место откуда пришелъ следуя втомъ статута роздела 12-го артикула 24-го третьему пункту аистехъ канцелярей выписавъ изведомостей беглымъ реестры поуездамъ отсылать техъ уездовъ скоторыхъ беглецы будутъ вканцеляріи дабы всякой тамошней владелецъ могъ беглыхъ своихъ сыскать почему естли отпрежнего владелца откоего ушелъ сысканъ нановомъ месте иоттоль требовался напрежнее жилище будутъ то ево ушедшаго тому требующему отдавать безотговорокъ стемъ чтобъ онъ выживъ те года коихъ попятилетнему положению недоживъя ушолъ исверхъ того еще пять же летъ акои черкасы ивнастоящіе кпереходу годы уходить будутъ безбилетовъже то истаковыхъ преслушъниковъ взыскивать штрафа порублю здуши ивозвращать самихъ ихъ напрежнее жилище противъ вышеписанного дабы еще выжилъ пять летъ потому что имея позволение втакое время просить упомещика или вслучае безвинного имъ удержания отканцеляреи билета невзявъ оного ушолъ безкоторого билета легко можетъ быть прописнымъ государственныхъ податей будежъ помещики или прикащики иатаманы введомостяхъ техъ безъ билетныхъ непокажутъ ичрезъ то надлежащие вказну подушные ипереходные денги сныхъ взысканы небудутъ стаковыхъ утаевающихъ брать вказну Ея Императорскаго величества штрафа закаждую мужеска полу душу попяти рублевъ аестли кто изнихъ запълотить будетъ невсостояніи то зато всходство состоявшейся слободской губерніи инструкціи 3-го оштрафе заутайку душъ пункта увладелцовъ отбирать вказну изихъ имения априкащиковъ и атамановъ естли помещики занихъ незапълотятъ отсылать напоселение внерчинскъ.

7. Помещики заушедшихъ вказну окладные денги поподаннымъ годовымъ ведомостямъ безизятія платить должны асушедшихъ посыску имеютъ право получить какъ всвоемъ собственномъ такъ ивзаплате заныхъ вказну окладныхъ денегъ такожъ ивозвратить напрежнее ксебе жилище доурочныхъ повышеписанному летъ для того единственно что подданнои неполуча отпомещика или отканцеляріи билета уходъ учинилъ.

8. Естлижъ кто исчеркасъ ималороссіянъ захочетъ скакимъ владелцомъ насколкобто нибыло летъ воуслужение себя указнымъ порятькомъ контрактовать оное отдать наихъ волю нотолкобъ сіе происходило сихъ черкасъ ималоросіянъ доброволного желания анепринудително абуде кто изъ доброволно контрактовавшихся невживъ написанного вконтракте времени безпозволения господина своего отнего отоидетъ втакомъ случае обоныхъ поступать вовсемъ такъ какъ узаконено обеглыхъ помещичьихъ кърестянехъ нопритомъ контрактованіи наблюдать того чтобъ окончание срочного времени вконтрактахъ

заключаемо было вте годы имесяцы вкоторые выше сего переходить позволяется итогда повижитіи настоящаго по контракту сроку отпущать оныхъ контрактовавшихся сбилетами наоснованіи 3-го пункта взапрещенныежъ годы имъ неотходить исіе и разумеется овладелческихъ черкасахъ еликоже принадлежитъ довоисковыхъ обывателей желающихъ себя воуслуженіе кому контрактовать то онымъ контрактовъ втомъ далее пяти летъ незаключать аикто напять лѣтъ контрактование чинитъ поданнымъ исподлежащихъ местъ указнымъ пашпортамъ естлижъ кто захочетъ укого более пяти летъ быть воуслуженіи оное имъ позволяется токмо повзятьи новыхъ пашпортовъ исзаключениемъ другихъ контрактовъ напятьже летъ или менѣе.

9. Оные все въ белогородской воронежской астраханской казанской и слободской украинской губернияхъ вовладелческихъ маетностяхъ живущіе черкасы платятъ положенную подать скоторой состоящая сума употребляется на содержание новоучреждающихся слободскихъ полковъ военныхъ людей идля того кроме предписанныхъ губерней вдругие места яко то вмалороссію иновороссійскую губерніи идонские станицы переходъ запрещается подъ взысканиемъ штрафа закаждую душу какъ забеглыхъ положено акакъ иныне кпереходу вдонские станицы изслободской губерніи некоторые черкасы поползновение имеютъ то для сего несоблаговоленоль будетъ положить тамо всехъ черкасъ врублевой окладъ;

10. всемъ состоящимъ помещикамъ плотежемъ окладныхъ сихъ подданныхъ черкасъ денегъ подведомствомъ слободской украинской губернскои канцеляріи желающимъ вновь селить слободы черкаские прежде просить оуказе вслободской украинской губерніи авподаваемыхъ прошенияхъ писать имяно какое название будеть имѣть поселяемая слобода въ коликомъ числе дворовъ инакакой земле безуказуже отнюдь неселится подштрафомъ изображеннымъ вуказе 732-го году вкоемъ таковые безуказные селеніи велено точно отписывать на Ея Імператорское величество іобономъ поселеніи просить толко впозволяемые кпереходу года аежели кто вдругие непозволяемые года поселение черкасъ учинитъ таковое отписывать вказну;

11. въ вышеписанныхъ губернияхъ ипротчихъ местахъ где была перепись наистрожайше запрещается чтобъ помещики принаселеніи новыхъ слободъ недавали лготы более года ібо не радивихъ ничто столко нилстить кпереходу какъ обещаніе лготы намногие годы;

12. вслободской украинской губерніи всемъ воисковымъ обывателямъ наоснованіи преждесостоявшихся многихъ указовъ переходъ сместа наместо безпозволения отканцеляреи ипобегъ наикрепчаише за прещается поднеупустителнымъ сприемъщиковъ идержателей взысканиемъ какъ забеглыхъ положенного вуказе 749 года марта 30 дня штрафа идля того вкаждомъ месте неимеющихъ билетовъ достоверно спрашивать небѣглыель изслободскихъ воисковыхъ обывателей ибуде являтся беглые таковыхъ отсылать отместа доместа подкарауломъ

вслободскую губернскую ипровинціалные канцеляріи где имъ замного запрещенныи указомъ побегъ чинить наказаніе естлиже являтся сфалшивымъ отпускомъ или утаять что оные слободские войсковые обыватели апосле изобличены будутъ таковымъ наказаніе усугублять асверхъ тоѣо взыскивать все те денги сколко они будучи впобеги вовладелческихъ маетностяхъ недоплатили противъ окладу положенного нажителей воисковыхъ слободской губерніи.

(Подпись собственноручная) Евдокимъ Щербининъ.

Подано вглухове Его сіятелству господину генералъ-аншефу малороссійскому генералъ-губернатору іразныхъ ординовъ ковалеру графу Петру Александровичу Румянцову.

Декабря 13 дня
1765 году.

II.

МНЕНІЕ

Его Сіятелства господина генерала аншефа Малой Россіи генерала губернатора и ковалера графа Петра Александровича Румянцова освободномъ переходе малоросіянъ.

Напротивъ сего отъопределеннаго вслободскую украинскую губернію свластію губернаторскою лейбгварди примеръ маіора иковалера Щербинина ізясняется ивоособливое разсмотреніе сьстороны здешнеи губерніи предъставляется ниже слѣдующее.

Настоящей безполезной малоросіянъ переходъ несвободной носвоеволствомъ іединственною иглавною всякому хозяиству исемеиству вредящеи ивкореняющихся оттехъ неописанныхъ ибезпримерныхъ леностямъ инераденіямъ притчиной сочтенъ быть можеть потому переменить непременно оной инадобно однакоже многихъ ради государственныхъ резоновъ иползы отнюдь невовсе пересекать носредствами нижеписанными исеи переходъ зделать нетолко вреднымъ нополезнымъ можно иприохотить темъ самимъ народъ кхозяйству ираченію одомостроителстве иземледелству осостояніиже сего народа сколь известно есть:

1-е что народъ исамопростой вМалои Россіи отвремени гетмана Богдана Хмелницкова всегда свободной былъ доказывается многими пунктами ево хмелницкова ипоследующихъ понемъ гетмановъ.

2-е что имяннымъ указомъ 742-го году августа 18 состоявшимся[1]) генерално ибезразличія зделанъ онъ свободнымъ ібезъвсякихъ притомъ мероположеніи откуда прямое своеволство распустная инерадивая жизнь своеначало прямо ивзяла:

3-е что достатута то онъ хотя иповсемъ матеріямъ инымъ апосеи особливо яко посамодержавному обладателству здесь вземле ипосвойствамъ здешнѣй такъ называемой шляхты нирыцаръства и поселянъ струдностію инаводится будучи понатуре состоянія своего вовсе для инаго государствова (sic) ишляхетства ипосполитства зделанъ пункты постановленные внемъ аособо припоследнемъ указе публикованные делаютъ симъ поселянамъ иболше отвращенія отпрямого хозяиства потомучто выживъ десятъ лѣтъ тратятъ онесвою свободу вечно: натурално онъ никогда ихъ выживать нѣгдѣ иненамеревается следственно онъ іоутре прямонепечется:

сіежебы все помненію моему исправиломъ (sic) однимъ толко темъ чтобы причинимой ныне ревизіи: где описать домы и грунта ибезтого велено: единожды уже навсегда утвердить домъ и грунта напримеръ подномеромъ или знакомъ такимъ лежащимъ всегда шляхетству поддругимъ всегда казачеству или воисковымъ подтретимъ мещанские

Невозможно сказать чтобъ сіе изобретеніе небыло полезное когда все доми ігрунта по ихъ званіямъ будучи расписаны приимуть на себя все то чего служба иподати отнарода требуютъ навсегдашнее время такъ что впредъ вкакіе руки сіи грунты идомы нипереидутъ то и окладъ сними пребывать имеетъ неразделно: основать сіе изобърѣтеніе

[1]) Въ Полн. Собр. Законовъ нѣтъ именного указа отъ 18 августа 1742 года, но вопроса о свободномъ переходѣ касается указъ отъ 18 января 1742 года (П. С. З., 8600).

подчетвертымъ пашенныхъ поселянъ оградивъ сіе инеудобнарушасмыми правилами набудущіе времена такъ итакимъ образомъ чтобы привсехъ скупляхъ (кои запрещать помногимъ резонамъ непредъвидится ползы даиодного сего ради неудобно что фамилія умножившаяся вчисле людей безприбавки насвое содержаніе надобного проживать неможетъ натурално иприходитъ чрезъ то внищету аумаляющейся влюдяхъ всякой ізлишекъ втягость обращается) всегда уже сіи дворы игрунта посвоимъ званіямъ закембы икогда оные нибыли должны службы дань и повинность отбывать ту вкакомъ окладе те положены будутъ нонасилственное отнятіе тогда домовъ игрунтовъ ивладелцамъ самымъ иусвоихъ крестьянъ вовсе пресечъ иподлишениемъ всего права натаковыя владенія ащебы кто всемъ нарушилъ сіе установление должно нокакъ при таковомъ установлени примечанія свои нужно делать навсе могущія быть токмо обстоятельства вредящіе симъ полезнымъ государству инароду мероположеніямъ то надлежить. 1-е инадомы священниковъ икрилошанъ оное обратить ипостановить такъ чтобы домы священнические икрилошанскіе аще возможно былибы всегда церковные иныжебы они позваніямъ своимъ допроизводства бывшихъ оставались непременно аотпостою токмо уволнены доколе оне обытаемы священниками. 2-е чтобы настепяхъ или ізлишнихъ земляхъ владелцы такъже бездозволенія отправителства отнюдь ненаселяли подпотеряніемъ всехъ техъ земель и людей а и втомъ случае когда неиностранными аскъликантемъ способнее признавается что оно принадлежитъ дотакого дела которое еще приемлетъ свое начало вновь, но что дослободской губерніи принадлежитъ то я вразсмотреніе представить нахожу что воной служба иподати имеютъ уже свое особливое основаніе, повысочайшему Ея Императорскаго величества соизволенію войсковымъ сея губерніи обывателямъ все те привилегіи которыми они сначала своего поселенія ползовались осъставлены безнарушенія. Крепосные изаимочные іхъ земли ивъсякия угодья повелено заними утвердить для чего иособливой пригуберніи учрежденъ вотчинной депортаментъ. Служба сдешъняго народа учреждена особая насодержаніе которой положенъ окладъ скаждой души подевяносту попяти копеекъ которой уже ідеиствительно собираетца итако осемъ деле яко уже установленномъ ивысочайше конфиръмованномъ мне , кновому разъсужденію приступать невозможно аинако сему учрежденію можно приключить растройку івплатежѣ установленныхъ податѣй замѣшателство іостановку. Разве ксему соглашенію неокажетсяль какого средстъва тогда когда вотчинной депорътаментъ дела свои окончитъ ивздешней губерніи земли разърежуютца иповеленнымъ порядкомъ закаждымъ утвердятся інеимѣющія грунтовъ сищутъ себе земли іудоволствуются. чего ради имнитца что сътороны слободской губерніи осъставить надлежить на своемъ основаніи идопредбудущихъ времянъ, еликоже принадлежитъ дозапрещенія чтобъ владелцы надикихъ и напустихъ іли хотябъ инасобственныхъ своихъ земляхъ бездозволенія

ными отдругихъ такие земли івпашни обращены были то снервого досмотра немедленно окладывать данью. 3-е такъ называемыхъ подсуседковъ иогородниковъ подъ видомъ жительство обще схозяевами или наихъ дворахъ безгрунтовъ имевьиногда всевыгоды на своихъ жилищахъ иоставя ихъ плотежа сетокмо ради набродятъ иделаютъ толко корысть владелцу свобождая себя явно всехъ и всякаго звания обще народныхъ повинностей надлежитъ потомужъ освидетелствовать иописавъ обложить особо аще онъ подлинно былли огородникъ или работникъ попрепорціи ноколь бы скоро онъ пашенную землю іхозяйство прямое где началъ немедленно ивокладъ поселянъ пашенныхъ выписать сими средсътвами узнаетъ всякой свое точно натурално и радеть о немъ будеть апаче когда узнаютъ что вкакой домъ или накакой-бы грунтъ кто ниперешолъ толко трудъ впереходе івобстроике лишнеи наидеть адани ислужбы нигде неизбежить ибезплатѣжа нигде ничего не получить ибо всякая черта земли тогда будеть удостоенная всвою ипрямую цену.

Притчины же каковыхъ ради всякой пашеннои иогородникъ изодного места вдругое переитить делается свободнымъ описаны ниже.

1-е когда неоседлой или пришлецъ приищетъ вмалой Россіи или где инде вземляхъ самодержавного государства россійского деисътвително для себя оседлость 1-е чрезъ покупку - двора земли, 2-е чрезъ женитбу полезную 3-е чрезъ майстерство вгороде наконечно іотнюдь безписменного уволненія іотпуску отправителствъ слободъ населили отомъ долго учрежденія многими уже указами подтверждено ктоже впредъ осемъ населеніи ипросить будеть то дозъволять неинако какъ натакомъ основаніи какъ во мненіи моемъ опереходе малороссіянъ въ 10-мъ и 11-мъ пунктахъ изяснено. За украинскою линіею таковые селеніи іовсе запретить дабы симъ способомъ выманивая людей неплатежныхъ селенеи натакіе места которые могутъ подать поводъ прокрадатся вне імперіи неприключить государственнымъ інтересамъ явного повреждения. Такъ называемыхъ подсоседковъ иогородниковъ, которыебъ понеименію усебя собственныхъ грунтовъ живя вхозяискихъ дворахъ свобождали себя явно отвсехъ народныхъ повинностей по слободской губерніи неимеется новсе таковые неимеющіе грунтовъ иособственныхъ своихъ домовъ равно какъ инастоящіе хозяева переписаны икупно снимижъ вокладъ положены которой иплотятъ попропорціи своего состоянія окладываемы будучи ежегодно определенными ктому окладчики которыхъ обыватели сами между собою выбираютъ.

О сихъ притчинахъ поелику они состоянію слободской губерніи непрепятствуютъ ія согласенъ токмобъ таковые желающіе переходить надругіе места искать наукъ іхудожествъ или воинской и гражданской службы делали то воопредѣленное кпереходу время какъ вомненіи моемъ представлено аневсегда дабы тѣмъ всобраніи сказокъ ивплатеже подушныхъ денегъ немогли приключить помешателства иказенной доимки абродягъ всеконечно

отмогистратовъ камисаровъ ивладелцовъ бесчего нивоседлость ни вженитьбу ни вмайстерствы отнюдь непринимать нопоступать стакими какъ ободягахъ предписано.

2-е когда неоседлоиже возчувстъвуетъ всебе способность иискатьбы похотѣлъ наукъ ишколъ;

3-е когда вслужбу імператорскую пожелаетъ ввоенную или гражданскую.

4-е женщины апаче девицы токмо аще замужествомъ обязаться пожелаютъ инакоже зависятъ оне отродителей своихъ иближънихъ кровныхъ.

5-е несносныхъ іжестокихъ побой или паче мученія (где ево жизнь издоровье вопасности бы были) ради вкакихъ случаяхъ особливо урядъ ибесплотежа положенного заотъпускъ дать пашпортъ долженъ апротивъ сему поступившей поусъмотренію сверхъ того особо штрафованъ быть затоликимъ же милосердьемъ ащебы где явилось что безнижеписанныхъ притчинъ отпуска невзявъ ево инетребовавъ ізгородовъ селъ идеревень уходили іли противъ поданства присяги ідолжности заграницы бежать вознамеревались таковыхъ икоторыя точно написанныхъ всехъ притчинъ непокажутъ атолко изодного лехкомислія вотягощеніе народное тоучинить везде какъ въ имперіи такъ ивне оной сыскивать надлежить всеми мерами ізатаковое зло придругихъ телесныхъ наказанияхъ наивсегда свободы лишать ивечно вотдаленныя места напоселеніи аиногда инакаторгу отсылать,

притчиныже которыхъ ради удержанъ иотказанъ быть долженъ побегъ.

принудить къзаведенію хозяиства такимъ обърazомъ какъ отменя вовторомъ пунктѣ моего мненія ізображено. Почему кажется ичисло оныхъ время отвремени умалится можетъ: чтожъ касается доштрафованія затаинои ибезбилетовъ отпомещиковъ или бездозволенія отъ правителствъ уходъ тодля внутренныхъ беглецовъ кажетца доволно наказанія когда онъ закаждую душу заплотить рубль исверхъ того упомещика станетъ заживать нетолко все то время которое онъ впобеге прожилъ ноисверхъ того целые пять летъ безотпуску ахто вне імперіи побегъ учинить стеми поступать посостоявшимся отомъ указомъ:

Наконецъ ксвободному пашенныхъ людей изъ одного надругое место переходу занепоследнюю причину служить можеть и то когда упомещика пахатной земли ипротчихъ нужныхъ кпропитанію угодей отчего все человѣческое содержаніе зависить недостаточно (вкоторомъ случае требующему отпуску для переходу втакое место где онъ для себя безнужное пропитаніе наити надѣется натурално отъказать невозможно нооднако сіе чинить сподлинаго свидѣтелства отправителствъ:

1-е когда бы отпускъ ищущей болшое преступленіе зделалъ или неблагодарность иобиду неводнихъ словахъ ноделомъ владелцу иего фамиліи показалъ.

2-е когда бы ремеслу некоему накоштъ владелческои выученъ кто былъ итѣхъ летъ кои подоговору ему отслуживать надлежало невыслужилъ или издержанные нанего денги заплотить противился или бы ихъ неимелъ.

3-е когдабы ищущей уволненія свое место землю иугодьи непродалъ (что однакоже учинить ссогласія владелческого долженъ добы владелецъ таковаже иданника иработника надежного какой отходящей былъ получилъ) ипохотѣлъбы паче оставя праздно таино скрытся но сіе разумеетца токмо ободныхъ хозяйствахъ,

4-е когда ищущей свободы надлежащаго івсвое время вгосударственную казну ивладелцу подлежащую дань іли работизну неотбывалъ:

подлинно что невсякой подданной ксвоему владелцу столко усерденъ ревностенъ иподобострастной дабы немогъ иногда зделать какова преступленія неблагодарности иобиды однако для избежанія втакомъ случае собоихъ сторонъ затрудненей кажется небезъполезнобъ было естлибы сіи приключеніи некоторымъ образомъ ізяснены инаобе стороны ограничены были:

таковыхъ ипо моему мненію докелѣже іздержанной коштъ сполна внатуре іли отслугою невозвратится отъпускать неследуетъ кчему согласуетъ губернаторской инструкціи слободъской губерніи пунктъ 6-й [1]).

Ксоглашенію сего пункта създешнимъ состояніемъ надобно что здешніе владелцы, аособливо те кои свои деревни имеютъ въ великороссійскихъ уездахъ разделили прежде свои земли между подданныхъ такимъ образомъ дабы каждой свое участіе зналъ ипочиталъ оное за свое собственное нокакъ здешніе земли сколко ізвестно болшою частію утверждаютца назаимкахъ следственно иповреждены (sic) еще всякимъ спорамъ то імнится что такова разделенія дотехъ поръ зделать невозможно пока то высочайше конфирмаціямъ каждого владелца земли отмежуются инастоящимъ образомъ закаждымъ утвердятся,

[1]) Шестой пунктъ инструкціи (П. С. З., XVII, 12430, 6 іюля 1765 года)—„о малолѣтныхъ сиротахъ“. Согласно этому пункту сироты отдаются желающимъ взять ихъ для пропитанія – до 20-лѣтняго возраста; „а ежели кто мастерству обучитъ, то и до 30 лѣтъ изъ пищи и платья и изъ платежа за нихъ въ казну окладныхъ денегъ“.

5-е когда бы слуги ислужанки угосподъ времяни постановленного втомъ городе иуезде или подоговору еще невыслужили.

6-е насію дань иработизну надлежитъ применяяся погосударственнымъ доходамъ ивладелцамъ назначить точно дабы народъ отягощенъ небылъ ізлишними.

по обоимъ симъ матеріямъ яковсемъ согласенъ ізсылаюсь сверхъ того на 8 пунктъ поданаго отменя мнєнія:

Я равнымъ образомъ занемалонужное щитаю дабы вовсехъ провинціяхъ назначены были владелцамъ точные доходы инакоже при всехъ вышеписанныхъ обстоятелствахъ могутъ они подданныхъ своихъ излишними пода(т)ми іработами всегда отяготить;

вдешнихъ местахъ повведеннымъ изстари обыкновенію сіи доходы разделяются надва сорта: по одному подданные своимъ владелцамъ работаютъ вкаждую неделю сизбы подва дни разумеется подсимъ имянемъ мужеска и женска полу работника соисключеніемъ однихъ престарелыхъ ималолетныхъ аудругихъ исего менши то есть выходитъ изизбы дважды внеделю одинъ работникъ мужеска полу аженщины работаютъ токмо влетнее время при собраніи споля хлеба исена зимоюжъ мущины вдругіе работы инеупотребляются какъ токмо квоске дровъ исена икмолотьбе хлеба аженщины прядутъ ито весма неболшое число; надругомъ плотятъ они вгодъ помещикамъ такъ называемый ченчъ или годовую дань денгами аименно отъ избы пополтине слошади подватцати копеекъ спари воловъ оттритцати идопятидесяти копеекъ авіныхъ местахъ берутъ іотпротчего скота якото совецъ исвиней такожъ ииздомашныхъ всякихъ птицъ ипчелъ десятую долю внатуре или денгами однако исеи платѣжъ невовсехъ местахъ равенъ носмотря попреимуществу техъ выгодъ которыми владелческіе селеніи ізобылуютъ

водномъ месте болши авдругомъ менши вышеписанного:

Ітакъ кажется что оуравненіи сихъ доходовъ наздешніе места ныне другихъ мероположеніи ипредприять невозможно какъ токмо довремяни оставить каждое селеніе притакомъ платеже доходовъ и работахъ каковы где изстари введени учиня притомъ генералное подтвержденіе дабы владелцы подданныхъ своихъ излишними податми иработами сверхъ того что где стариннымъ обычаемъ введено впредъ доразсмотренія отнюдь неотягощали подпотеряніемъ техъ ихъ людей разве естли случится что увладелца вдеревняхъ сего сверхъ прежняго прибавлятся иногда прикупкою и другими случаи новіе для подданныхъ выгоди втакомъ случае владелецъ имеетъ волю попрепорціи прибавочныхъ выгодъ идоходы свои прибавить подоговору собывателми ачтобъ иправителствамъ где какіе упомещиковъ состояли доходы іработы было известно для того владелцамъ или ихъ прикащикамъ иатаманамъ приподаваемыхъ скаскахъ обявить засвоими руками обстоятелные ведомости исчегобъ темъ правительствамъ вслучае произъшедшихъ иногда жалобъ оприбавочныхъ работахъ іподатяхъ можно было нате іхъ споры давать бездалныхъ затрудненіи резолюціи ібо иныне уже оказываются прозбы что некоторые владелцы поодному тому что подданнымъ ихъ безбилетовъ ходить запрещено налагаютъ нанихъ некоторые противъ прежняго вченче ивработахъ излишности: іхотя удержаніе въ единомесномъ пребывани всеконечно какъ государству такъ и обывателямъ полезнее однако

Отходящіе повинны зауволненіе платить точно имянно толко

1-е совсего іменія движимого вчембы оное нибыло десять процентовъ іеще сверхъ того замущину десять за женщину пять рублевъ ктоже ничего движимого неимеетъ платять толко выше установленные замущину десять заженщину пять рублевъ 2-е дети отходящихъ вомладенчестве суще уволнены быть должны сродителми безплотежа авозвростные то есть мужеска полу пятнатъцати аженского четырнатцати летъ платить должны такъ какъ иродители ихъ.

Отначалства ивладелцовъ навремя уволненные вдругіе места должны ежегодно ихъ началству ивладелцамъ осебе знать давать иденги ежегодно или привзятьи пашпорта платить имянно мущина адинъ рубль женщина іли девка пятьдесятъ копеекъ авпротивномъ случае иестли они сего неисполнять иотначалства ивъладелцовъ требованы ипозваны будутъ то оныхъ отвсюду выдавать икакъ беглыхъ івечно свою свободу утратившихъ уже щитать адержавшіе ихъ посуду что доведетца платить ісверхъ того занесохраненіе высочаишихъ указовъ штрафованы быть должны:

разсматриваніе ирешеніе таковыхъ делъ надлижить когда сіе до государственныхъ подъданныхъ надлежать будутъ особому правленію препоручено которое бы принестемъ оному быть надлежить чтобъ владелецъ выдя запрещеніе впереходе восползовался наложеніемъ излишества вработахъ ідоходахъ своихъ чимъ необходимо принудилбы подданнаго своего кпобегу следователно икпреступленію указа:

Когда кто страха ради смертнаго принужденъ таковыхъ симъ платѣжемъ отягощать никакой притчины непредвидится аипротчимъ небудетли сіе стягостію передается наразсмотреніе потому что они вдешнихъ местахъ всю свою экономію заводятъ сами отсебя неполучая ната отпомещиковъ ничего: однако для отвращенія отвсехъ легкомысленныхъ кпереходамъ предпріятей разве неположитбы платѣжъ противъ вышеписанного вполы тоесть сработника мужеска пола попяти сженска подва сполтиною ипритомъ сдвижимого десятую часть нозавсемъ темъ мнится что изсей одному владелцу приходящей прибыли следовалобъ некоторую часть ивказну обратить какъ согласно ссею матеріею ивомненіи моемъ въ 5 пункте упомянулъ что ипредаю наразсмотреніе:

томъ наблюдало сего удержанія точную силу аввладенияхъ приватныхъ посредственнымъ правлениямъ иканцеляріямъ когдажебы дело самого владелца касалось то земскимъ судомъ имеютъ все сіи потомъ ипосостоявшимся досего вземле конституциямъ іли установлениямъ сколь они симъ мероположеніямъ непротивны когда оботпуске крестьянъ илюдеи случатся жалобы оные генерально ибезоколичъностей следовать ирешить.

Чтоже доказаковъ то оные кромѣ реестровыхъ іли действително вслужбѣ состоящихъ амещани всегенерално могуть всегда івсюду разумея внутри государства існадлежащими пашпортами наукъ ради службы іпромисловъ безпрепятственно ходить исвои грунта ідомы продавать іми такъ располагать какъ імъ токмо удобно безнарушенія однакоже сего устава вразсужденіи различия іоклада домовъ ігрунтовъ ачтодо побеговъ принадлежить иотлученіи безпашпортовъ стеми поступать какъ генерално овсехъ малороссіянехъ написано но сего ради мнится быть заполезно инеобходимо надобно чтобы даны службу иработизну коль возможно примечая однакоже наразличныя преимущества одной провинціи предъ другой навсей украине согласить.

въ здешнихъ местахъ казачей службы людямъ кои ныне переименованы казенными войсковыми обывателми переходъ сместа наместо вовсе запрещенъ почему инаго инеостается какъ толко единственно отомъ старатся дабы сіе самимъ действомъ везде исполняемо было итаковыхъ беглыхъ воисковыхъ обывателей нетокмо вмалой Россіи иновороссійской губерніи ноивнутре жилищъ слободской губерніи иныгде отнюдь никто ни подкакимъ видомъ нажитье инапоселеніе непринимать подтакимъ штрафомъ каковъ всостоявшихся отомъ указехъ предписалъ: апосему ипродажа грунтовъ домовъ и земель іхъ нетолко постороннымъ ноитутошнымъ владелцамъ старшине игусарскихъ полковъ афицерамъ идругимъ нижнимъ служителямъ довремяны должны оставатся подзапрещеніемже напродажужъ земель ияприступаю нетолко между одними войсковыми обывателми которые подати плотятъ ради тѣхъ резоновъ кои приемлются вразсужденіи умножающихся ихъ фамилей идругихъ натурално случающихся аиногда инепредвиденныхъ необходимостей и то та-

кимъ образомъ чтобъ продавецъ нетакъ свое недвижимое продавалъ закладывалъ іли вуплату долговъ отдавалъ дабы уже ісътого именія далнейшаго его пропитанія ничего унего неоставалось апритомъбы сія продажа зависела иотразсмотрения правителства например ' одинъ умножившейся его фамиліи имеетъ нужду для содержанія онои идля платежа занея податей распронить (sic) домъ приумножить хлебапашества другой имеетъ столкожъ какъ и первой понестоль великолюдную фамилію: онъ понесчасливому притомъ приключенію впадши вдолгъ заплатить чемъ другимъ неимеетъ какъ токмо продажею или закладомъ имеющагось унего недвижимого которое первой икупить унего хощетъ оба приходить должны кправителству аправителство разсматриваетъ сіе дело обстоятѣлно инашедъ что должникъ кредитора своего удоволствовать невсостояніи оставляетъ ему изгрунта его такую часть дабы онъ вовсе безпропитанія остатся немогъ адосталное дозволяетъ продать либо наурочные годы заложить стемъ однако дабы спродаваемимъ или закладываемымъ именіемъ некоторая часть иподатѣй попропорціи грунтовъ натогожъ купца или пріемщика изокладу обращалась дотехъ поръ пока прежней заклатчикъ приидетъ всостояніе изаплатя долгъ именіе свое купно спрежнимъ окладомъ возметъ ксебѣ обратно:

для такихъ иподобныхъ сему нужныхъ инеобходимыхъ случаевъ кажется хотябъ запрещеніе разрешить нотокмо свеликою осторожностію ивсегда сведома идоволного разсмотренія того правителства

гдебъ сей продаже быть случилось ибо сеи пунктъ такой есть важности окоторомъ можно сказать что онъ вовсемъ здешнемъ основаніи почти первое занимаетъ место: легко доказать что вовсе прошедшіе времена вздешнихъ местахъ умаленію жителей болшою частію своботствовала (sic) свобода покоторой каждой могъ безвсякой нужды ноотодного легкомислія все свое недвижимое продать иперешедъ вдругое свободное место столкожъ паки земли занять ипаки оную продать такъ что иной втрехъ или четырехъ местахъ такие земли занималъ ипродавалъ аниводномъ ужится немогъ: неможно сказать чтобъ сеи пунктъ небылъ ивмалой Россіи некоторымъ образомъ возчувствованъ ибо въ 724-мъ году уже было запрещеніе онепродаже грунтовъ исчего небезосновання заключить можно что сія свободность тамошнему обществу всеконечно некоторой наносили вредъ: впротчемъ ради наукъ художества промисловъ услуженія ипротчихъ нуждъ всякой войсковой обыватель можетъ всегда ивсюду внутре государства ходить безпрепятственно получая отправителства наурочное время пашпорты сплатежемъ положенныхъ поуказу пошлинъ аестли надалное время то исобязателствомъ оттехъ кто занихъ вовремя долговремяннои ихъ отлучки указные подати платить будуть: еликоже принадлежить додругихъ вашему сіятелству отменя поднесенныхъ идоздешней губерніи особливо касающихся пунктовъ окоторыхъ здесь неупоминается яко то опозволеніи владелческимъ черкасамъ иказеннымъ обывателямъ пожеланіямъ іхъ контрактоватса ккому воуслуженіе

иозапрещеніи переходу изслободской губерніи вМалороссію давноворосійскую губернію ідонскіе станицы то обономъ предаю паки наразсмотреніе вашего сіятелства: Евдокимъ Щербининъ (собственноручно).

Членъ-сотр. **А. В. Флоровскій.**

Изъ матеріаловъ для исторіи армянъ на югѣ Россіи.

I.

Армяно-григоріанскіе архіереи Новороссіи и Бессарабіи.

—

Подъ такимъ заглавіемъ помѣщена статья покойнаго архіепископа Гавріила въ IX томѣ „Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ (изд. 1875 г.)[1]), гдѣ приводится списокъ армяно-григоріанскихъ архіереевъ Новороссіи и Бессарабіи съ начала XIX столѣтія вплоть до современной автору эпохи. Къ сожалѣнію, статья эта не отличается полной правдоподобностью, въ виду вкравшихся въ нее нѣкоторыхъ неточностей, подчасъ весьма значительныхъ. Такъ, во 1-хъ, въ пунктахъ 2 и 3, въ числѣ архіереевъ Бессарабіи, указываются архіепископы Іоаннесъ и Ефремъ (впослѣдствіи католикосъ), которые ничего общаго съ Бессарабіей не имѣли, а состояли начальниками Астраханской епархіи, сосѣдней съ Бессарабскою, и, во 2-хъ, въ пунктахъ 3 и 4 указываются *католикосы* Ефремъ и Нерсесъ. Правда, и Ефремъ и Нерсесъ состояли въ санѣ католикоса: первый въ 1810—1831 гг., а второй въ 1846—1857 гг., но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать той истины, что въ бытность указанныхъ архипастырей на епархіальной каѳедрѣ они могли имѣть санъ лишь *архіерейскій*, но не *католикосскій*.

Въ виду изложенныхъ недостатковъ статьи архіепископа Гавріила, въ виду того также обстоятельства, что списокъ архіереевъ въ этой статьѣ доведенъ до 1871 года, и, слѣдовательно, списокъ архіереевъ послѣ указаннаго времени остается неизвѣстнымъ въ печати, принимая также во вниманіе отсутствіе какихъ-либо иныхъ монографій болѣе поздняго, чѣмъ статья архіепископа Гавріила, происхожденія, мы, благодаря тѣмъ или инымъ имѣющимся у насъ даннымъ, рѣшаемся восполнить замѣченные пробѣлы и, такимъ образомъ, представить въ печати полную хронографическую исторію Нахичевано-Бессарабской (Кишиневской) армяно-григоріанской епархіи съ пол-

---

[1]) См. отд. II, стр. 315—316.

нымъ спискомъ ея начальниковъ или управляющихъ за вѣковой періодъ времени, именно со времени присоединенія Бессарабіи—1812 г. вплоть до нашихъ дней. Источники, которыми мы пользуемся при настоящей работѣ, суть: 1) указанная выше статья архіепископа Гавріила, 2) свѣдѣнія, присланныя намъ изъ Кишиневской консисторіи [1]), и 3) лично имѣющіяся у насъ данныя.

Исторія армянской епархіи въ Бессарабіи не сложна. Въ эпоху турецкаго господства въ Бессарабіи, послѣдняя вмѣстѣ съ Молдавіей, Валахіей и пр. мѣстами составляла особую епархію. Параллельно съ этимъ, всѣ армянскія колоніи Россійской имперіи составляли другую епархію, начальникомъ которой состоялъ до 1800 г. маститый іерархъ армянской церкви знаменитый архіепископъ (избранный въ католикосы, но не успѣвшій помазаться) Іосифъ князь Аргутинскій. Во время присоединенія Бессарабіи къ Россіи (1812 г.) епархіальными начальниками состояли: въ Бессарабіи — архіепископъ Грѝкоръ Закарянъ, а въ Россіи—архіепископъ Ованнесъ Нерсисянъ. Въ это приблизительно время обширная Россійская армянская епархія была разбита на двѣ части: одна, именно Нахичевань, Новороссія, Крымъ и весь юго-западъ и западъ Европейской Россіи, отошла къ Бессарабской епархіи, и, такимъ образомъ, образовалась новая епархія *Нахичевано-Бессарабская* съ каѳедрой въ Кишиневѣ; другая-же часть, именно вся юго-восточная и восточная часть Европейской Россіи, Сибирь и Средне-Азіатскія владѣнія, образовала другую епархію—*Астраханскую* съ каѳедрой въ Астрахани. Дѣйствующее русское законодательство такъ опредѣляетъ предѣлы Нахичевано-Бессарабской епархіи: „къ епархіи Нахичеванской и Бессарабской принадлежатъ Армяно-Грегоріанскія церкви, находящіяся въ городахъ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской и Бессарабской, а также Ростовскомъ и Таганрогскомъ округахъ области войска Донскаго“ [2]). Къ этой-же епархіи отнесены армянскія церкви всѣхъ прочихъ мѣстностей западной половины Европейской Россіи. „Мѣстопребываніе начальника и Консисторіи сей епархіи въ городѣ Кишиневѣ“ [3]).

Со времени присоединенія Бессарабіи къ Россіи въ Новороссіи и Бессарабіи состояли слѣдующіе армянскіе епархіальные начальники и управляющіе.

1. *Архіепископъ Грѝкоръ Закарянъ*, состоялъ епархіальнымъ начальникомъ съ 1806 по 1827 годъ, вплоть до смерти въ г. Сочавѣ (въ Буковинѣ); погребенъ въ монастырѣ Хаджкадаръ во имя. Пресвятой Богородицы.

---

[1]) Въ этомъ мы всецѣло обязаны любезности епархіальнаго начальника архіепископа Персеса, за что Его Высокопреосвященству выражаемъ сыновнюю благодарность,

[2]) Ст. 1163 Уст. дух. дѣлъ иностр. вѣроисп. ч. I, т. XI Св. Зак., изд. 1896 г.

[3]) Ibid.

Послѣ его смерти епархіей временно завѣдывалъ архіепископъ Ованнесъ Нерсисянъ (Гарнакерянъ), начальникъ Астраханской епархіи.

2. *Архіепископъ Нерсесъ Шахазизянъ-Камсараканъ*, состоялъ епархіальнымъ начальникомъ съ 1828 по 1845 годъ. Въ 1843 году избранъ въ католикосы всѣхъ армянъ и въ 1846 году помазанъ на патріаршество подъ именемъ Нерсеса V. Владыка Нерсесъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Нерсеса Аштаракскаго (происходитъ изъ сел. Аштаракъ, Эриванской губ.), одинъ изъ самыхъ популярнѣйшихъ и любимыхъ народомъ патріарховъ армянской церкви. Имъ основана въ Тифлисѣ армянская духовная семинарія, прозванная Нерсисянъ, которая сыграла въ свое время крупную просвѣтительную роль, какъ средоточіе умственныхъ и нравственныхъ теченій армянской жизни. Скончался Нерсесъ V въ Тифлисѣ въ 1857 году и погребенъ въ Эчміадзинѣ.

Съ отъѣздомъ владыки Нерсеса въ Эчміадзинъ епархія временно управлялась членами консисторіи.

3. *Архіепископъ Матевосъ Вехапетянъ*, состоялъ епархіальнымъ начальникомъ съ 1847 по 1857 годъ, вплоть до перемѣщенія на Астраханскую каѳедру. Скончался въ 1866 году въ Астрахани, гдѣ и погребенъ.

4. *Архимандритъ Гавріилъ Айвазовскій*, состоялъ управляющимъ епархіею, по Высочайшему назначенію, съ 1857 по 1866 годъ; братъ знаменитаго художника—мариниста И. Айвазовскаго; одинъ изъ самыхъ почтеннѣйшихъ и даровитыхъ іерарховъ армянской церкви; выходецъ изъ конгрегаціи мхитаристовъ въ Венеціи (монастыря св. Лазаря); основатель знаменитой у армянъ Халибовской (фамилія жертвователя) гимназіи въ Ѳеодосіи. Впослѣдствіи, въ санѣ епископа членъ Эчміадзинскаго синода и ректоръ духовной академіи, затѣмъ архіепископъ и начальникъ Грузино-Имеретинской епархіи. Скончался въ Тифлисѣ и погребенъ въ оградѣ Тифлискаго каѳедральнаго Ванкскаго собора.

5. *Архіепископъ Еліазаръ Теръ-Карапетянъ*, состоялъ управляющимъ епархіею, по Высочайшему назначенію, съ 1865 по 1867 годъ. Скончался и погребенъ въ Эчміадзинѣ.

Послѣ него епархіею временно управлялъ архимандритъ Григоръ Степанносянъ.

6. *Архіепископъ Геворкъ Теръ-Мкртчянъ*, состоялъ епархіальнымъ начальникомъ съ 1868 по 1871 годъ. Скончался и погребенъ въ Кишиневѣ, на паперти каѳедральной церкви.

Послѣ его смерти, въ періодъ времени отъ 1871 по 1877 годъ, епархія не имѣла своего начальника. За это время епархіею временно управляли послѣдовательно архимандриты Геворкъ князь Абамеликъ и Саркисъ Теръ-Каспарянъ.

7. *Архимандритъ Степаносъ Мхитарянъ*, состоялъ управляющимъ епархіею, по Высочайшему назначенію, съ 1877 по 1879 годъ.

8. *Архіепископъ Макарій Теръ-Петросянъ*, состоялъ епархіальнымъ начальникомъ (и членомъ Эчміадзинскаго синода) съ 1878 по 1885 годъ. Избранъ вторымъ кандидатомъ въ католикосы всѣхъ армянъ и утвержденъ въ санѣ католикоса „по волѣ духовенства"; помазанъ на патріаршество въ 1885 году подъ именемъ Макарія I. Скончался въ 1891 году и погребенъ въ Эчміадзинѣ.

Съ отъѣздомъ владыки Макарія въ Эчміадзинъ епархія временно управлялась членами консисторіи.

9. *Архіепископъ Григоръ Сагинянъ*, состоялъ епархіальнымъ начальникомъ съ 1887 по 1889 годъ. Скончался и погребенъ въ Кишиневѣ, въ оградѣ каѳедральной церкви.

Послѣ него епархіею временно управлялъ архимандритъ Амазаспъ Амазаспянъ, нынѣ проживающій въ Эчміадзинѣ.

10. *Епископъ Григоръ Агапирянъ*, состоялъ управляющимъ епархіею, по Высочайшему назначенію, съ 1891 по 1894 годъ. Впослѣдствіи членъ Эчміадзинскаго синода. Скончался и погребенъ въ Эчміадзинѣ.

11. *Архимандритъ Іусикъ Мовсисянъ*, состоялъ управляющимъ епархіею, по Высочайшему назначенію, съ 1894 по 1897 годъ. Впослѣдствіи членъ Эчміадзинскаго синода; въ санѣ епископа и архіепископа управляющій Эриванской епархіею. Въ настоящее время состоитъ членомъ Эчміадзинскаго синода (вторично) и редакторомъ патріаршаго оффиціальнаго органа „Араратъ".

12. *Архіепископъ Нерсесъ Худавердянъ*, нынѣшній начальникъ епархіи. Состоялъ управляющимъ Эриванской епархіею до 1899 года, когда былъ перемѣщенъ на Кишиневскую каѳедру.

II.

Камень съ армянской надписью въ Будакѣ.

Настоятель Аккерманской армяно-григоріанской церкви священникъ о. Іеремія Априлянъ лѣтомъ прошлаго 1910 года, при посѣщеніи своемъ Будака, мѣстечка въ Бессарабіи, замѣтилъ въ имѣніи одного изъ мѣстныхъ садовладѣльцевъ (нѣмца) камень съ армянской надписью, относящеюся къ XVIII столѣтію.

По словамъ о. Іереміи, камень этотъ изъ бѣлаго мрамора, представляя собой нѣчто кубъ съ ребромъ, равнымъ приблизительно аршину. На верхнемъ основаніи камня замѣчаются всевозможнѣйшія разрисовки, а на двухъ боковыхъ, другъ другу противоположныхъ, сторонахъ—однородныя надписи заглавными армянскими буквами.

По сообщенію того-же о. Іереміи, одна изъ надписей гласитъ слѣдующее (въ русской транскрипціи)[1]):

„Айс э тапан Ѣангъстян К'илици тирацу Мелк'они дустър Ег'исабэт'и, вор п'охецав т'ъвин 1214 априли 7 ин".

Въ переводѣ:

„Здѣсь могила упокоенія дочери Килійскаго дьячка Мелкона, Елисаветы, которая почила 7-го апрѣля 1214 года", т. е., по христіанскому лѣтосчисленію, 1765 года[2]).

Съ противоположной стороны вырѣзана точно такая-же надпись, только съ замѣной: слова „дустър" (дочь) чрезъ „ворди" (сынъ) и женскаго имени чрезъ мужское.

Комментаріи:

I. Въ надписи встрѣчается прилагательное К'илици (Килійскій), которое, понятно, происходитъ отъ названія города *Килія*, нынѣ заштатнаго, лежащаго при такъ-называемомъ Килійскомъ рукавѣ Дуная, на границѣ Измаильскаго и Аккерманскаго уѣздовъ, Бессарабской губерніи. „Килія" ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отождествлена съ названіемъ области въ Малой Азіи „Киликія", гдѣ нѣкогда у армянъ было свое особое царство (Киликійское), и гдѣ по сіе время существуетъ одинъ изъ пяти армянскихъ патріаршихъ престоловъ, именно престолъ католикоса Киликіи (резиденція въ Сисѣ). По замѣчанію архимандрита Минаса Бжишкянца, „названіе *Килія* это сокращеніе отъ *Ахилла*, который странствовалъ въ этихъ краяхъ"[3]).

II. Въ надписи мы находимъ упоминаніе „Килійскаго дьячка", въ чемъ, по нашему мнѣнію, и заключается вся цѣнность разбираемой надписи. Дѣло въ томъ, что „Килійскаго дьячка" не могло оказаться, если бы въ Киліи не было армянской церкви. Отсюда заключеніе, что въ городѣ Киліи нѣкогда, хотя бы въ упоминаемое въ надписи время (1765 г.), существовала армянская церковь съ приходомъ. И дѣйствительно, „при турецкомъ владычествѣ Килія была заселена *армянами*[4]), евреями и молдаванами, но по присоединеніи къ Россіи, большинство населенія состояло изъ великороссовъ и малороссовъ"[5]). Армяно-католическій архимандритъ о. Минасъ Бжишкянцъ, посѣтившій въ началѣ прошлаго столѣтія Килію, указываетъ, что „прежде здѣсь[6]) было много

---

[1]) За неимѣніемъ въ Одессѣ армянскаго шрифта мы, къ сожалѣнію, лишены возможности воспроизвести надпись въ подлинномъ видѣ.

[2]) Для перевода года армянской эры въ годъ христіанскій необходимо прибавить къ первому 551.

[3]) Понтъ, 243 (по цит. М. Бжишкянца. См. его „Путешествіе въ Польшу и другія, мѣста, населенныя гайканцами, происходящими отъ потомковъ города Ани", на арм. яз. Венеція, 1830, § 372. стр. 216).

[4]) Курсивъ нашъ.

[5]) Сборникъ «Бессарабія», подъ ред. Крушевана, Москва, 1903 г., стр. 237.

[6]) Т. е. въ Киліи.

армянъ, и имѣли они церковь во имя Богородицы, однако многіе перешли въ Григоріополь“ [1]), который, какъ извѣстно, построенъ въ 1792 году выходцами изъ Аккермана, „Измаила, *Килiи* [2]) и Каушана“ [3]). Мало того, въ православномъ соборѣ въ Килiи до сего времени сохранилось нѣсколько армянскихъ надписей, высѣченныхъ на каменныхъ плитахъ, подъ разными годами (XVII—XVIII вв.), о которыхъ упоминаютъ арх. Г. Айвазовскій [4]) и Х. Кучукъ-Іоаннесовъ [5]). Послѣ сказаннаго не можетъ быть уже сомнѣнія о существованіи въ Килiи армянской церкви, которая, по всей вѣроятности, была упразднена по запустѣніи въ ней армянскаго населенія, перешедшаго на поселеніе въ дѣтище Екатерины Великой—городъ Григоріополь. Такимъ образомъ, ясно, что Килійская армянская церковь должна была быть упразднена не ранѣе 1792 года.

III.

Одесская армянская церковь.

Армяно-католическій архимандритъ о. Минасъ Бжшкянцъ, посѣтившій Одессу въ началѣ прошлаго столѣтія, такъ описываетъ мѣстныхъ армянъ:

„Армяне живутъ на южной сторонѣ города, которыхъ около 30-ти семействъ и болѣе, переселившихся изъ Григоріополя; но не имѣютъ отдѣльной церкви, и богослуженіе совершаютъ въ домахъ“ [6]).

Изъ приведеннаго свидѣтельства ясно, что въ началѣ XIX столѣтія въ Одессѣ армянской церкви и подавно не было; она—дѣло болѣе поздняго времени.

Любопытную справку по этому поводу мы находимъ въ одномъ „письмѣ въ редакцію“, помѣщенномъ въ армянской газетѣ „Мшакъ“ покойнымъ настоятелемъ нынѣшней армянской церкви въ Одессѣ протоіереемъ Хорасанджіанцемъ, слѣдующаго содержанія:

[1]) М. Бжшкянцъ. Путешествіе..., § 372, стр. 216.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Х. Кучукъ-Іоаннесовъ. Армянскія надписи въ г. Григоріополѣ, Херсонской губерніи. См. „Древности Восточныя“, т. II. в. 1, Москва, 1896 г., стр. 120.

[4]) См. Арх. Г. Айвазовскій. Армянскія надписи, находящіяся на югѣ Россіи, въ „Запискахъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, т. VI (изд. 1867 г.), стр. 526–527.

[5]) См. Х. Кучукъ-Іоаннесовъ. Старинныя армянскія надписи и старинныя рукописи въ предѣлахъ юго-западной Руси и въ Крыму, въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. II, в. III. Москва, 1903 г., стр. 60.

[6]) См. М. Бжшкянцъ. «Путешествіе въ Польшу и другія мѣста, населенныя гайканцами, происходящими отъ потомковъ города Ани», на арм. яз., Венеція, 1830, § 379, стр. 223–224.

„Нынѣшняя церковь прежде была молитвеннымъ домомъ, который, постепенно увеличиваясь, въ особенности съ пожертвованіемъ майоромъ Нацваловымъ въ 1880 г. 8000 рублей, принялъ тотъ видъ, который теперь имѣетъ“ [1]).

Церковь посвящена св. Григорію, Просвѣтителю Арменіи, и находится въ вѣдѣніи начальника Нахичевано-Бессарабской (Кишиневской) армяно-григоріанской епархіи.

Надъ западнымъ входомъ въ церковь, совнутри, имѣется слѣдующая надпись (приводимъ въ русской транскрипціи):

„Огнаканут'ямб Астц'о каруцав зангакатунъс Отэсайи с(урб) Лусаворич екег'ецвуйс հайоц ардямбк' геразнив հайазгн майор Т'омайи Нацваловянци հами Тяръп 1884 ев հазгакан 1333“.

Въ переводѣ:

„Съ Божіею помощью сооружена колокольня Одесской армянской св. Просвѣтителя церкви на средства благороднѣйшаго армянина—майора Ѳомы Нацваловянца. Лѣта отъ Р. Х. 1884 и національнаго 1333“.

У юго-восточнаго угла храма снаружи, у порога дверей, ведущихъ въ ризницу церкви, имѣется надгробный камень съ армянской надписью [2]), „найденный, по словамъ мѣстнаго священника о. Григорія [3]), при рытіи основанія какъ-то стараго дома, владѣлецъ котораго строилъ новый“ [4]). Надпись на камнѣ сдѣлана на боковомъ основаніи, которое, къ сожалѣнію, не сохранилось въ цѣлости, ибо камень отбитъ вдоль этого основанія. Въ уцѣлѣвшей единой (первой) строкѣ надписи читается слѣдующее (въ русской транскрипціи):

„Айс э тапан հангъстян Тарпзонци Хазанджи“...

Въ переводѣ:

„Здѣсь могила упокоенія Тарпзонскаго [5]) Хазанджи...“ [6]).

Со дня основанія Одесская армянская церковь имѣла слѣдующихъ священниковъ-настоятелей:

1. *Протоіерей Ованнесъ Татсизянъ* — скончался въ августѣ 1908 года.

2. *Протоіерей Григорій Хорасанджіанцъ*—скончался въ ноябрѣ 1910 года.

Послѣ него временно завѣдывалъ церковью и приходомъ священникъ о. Кешишьянъ, настоятель армянской церкви въ Старомъ-Крыму.

---

[1]) Газ. «Мшакъ», 1910 г., № 26.

[2]) Надпись приводится у Х. Кучукъ-Іоаннесова. См. его Старинныя армянскія надписи и старинныя рукописи въ предѣлахъ юго-западной Руси и въ Крыму, въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. II, в. III, Москва, 1903, стр, 63.

[3]) Нынѣ покойнаго.

[4]) Ibid.

[5]) Очевидно, Трапезундскаго.

[6]) Срв. ibid.

3. *Священникъ Григорій Чубарянъ*—избранъ приходскимъ собраніемъ и утвержденъ епархіальнымъ начальствомъ и общей администраціей въ настоящемъ 1911 году.

Ктиторомъ церкви въ продолженіе болѣе 25 лѣтъ состоитъ С. Асвадуровъ (Аствацатрянъ).

При церкви имѣется одноклассная церковно-приходская школа и попечительство о бѣдныхъ армянахъ—прихожанахъ.

IV.

Изъ рукописей библіотеки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

1.

Прошенія армянъ В. С. Попову.

Тайный Совѣтникъ Василій Степановичъ Поповъ, состоявшій при дѣлахъ Императрицы Екатерины II-ой, игралъ не маловажную роль въ исторіи армянъ юга Россіи. Стоя близко у дѣлъ Великой Русской Монархини, всегда относившейся къ армянамъ съ особою и исключительною любовью и отзывчивостью, Василій Степановичъ неразъ являлся посредникомъ по армянскимъ дѣламъ предъ Ея Императорскимъ Величествомъ. Въ этомъ воочію убѣждаютъ насъ тѣ многочисленныя документальныя данныя, которыя сохранились до нашихъ дней. Особенно ярко отношеніе В. С. Попова къ армянамъ проглядывается въ одномъ изъ писемъ Екатеринославскаго губернатора В. В. Коховскаго, на имя Василія Степановича, слѣдующаго содержанія: „Приказаніе Вашего Превосходительства относительно сбереженія армянъ исполню я въ точной силѣ. Я не оставлю ничего къ оказанію имъ всѣхъ нужныхъ пособій и къ удовлетворенію ихъ желаній соотвѣтственно государственной пользѣ. Смѣю просить, дабы изволили быть объ нихъ спокойны. По прибытіи моемъ въ тотъ край, принесутъ они Вамъ благодарность, за попеченіе объ нихъ Вашего Превосходительства“ [1]). Кромѣ того, доброжелательное отношеніе В. С. Попова къ армянамъ проглядывается и въ тѣхъ двухъ документахъ, копіи съ которыхъ хранятся среди рукописей библіотеки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, въ сборникѣ in folio П. 29. 63 л. 310—312 v. [2])

---

[1]) Письма Екатеринославскаго губернатора Василія Васильевича Коховскаго, см. „Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, т. XII (изд. 1881 г.), стр. 340.

[2]) См. А. Рыстенко. Рукописи, принадлежащія библіотекѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, вып. I, Одесса, 1910, стр. 42.

Документы эти — два прошенія поданныя армянами, жителями Нахичевани-на-Дону, состоящему при дѣлахъ Ея Величества Екатерины II, тайному совѣтнику В. С. Попову. Первый изъ документовъ носитъ характеръ „прошенія“ въ собственномъ смыслѣ, гдѣ Нахичеванскіе армяне, указывая на нужды свои, ходатайствуютъ объ удовлетвореніи ихъ. Второй-же документъ имѣетъ характеръ „адреса“, въ которомъ тѣ-же армяне выражаютъ В. С. Попову благодарность за его заботы и покровительство по отношенію къ нимъ, армянамъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ высказываютъ увѣренность въ заступничествѣ его предъ Высочайшей Властью за армянъ.

Приводимъ оба документа въ точной копіи съ рукописи съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей языка, стиля и орѳографіи.

А.

Ваше Превосходительство, М. Г. Василій Степеновичъ! Стенящій подъ игомъ бѣдности, Нахичеванскаго общества народъ, непрерывно возвѣщая чувствованія свои сердечнаго соболѣзнованія, о зависящемъ на немъ за продвольствіе и снабдѣніе бѣдныхъ казенномъ долгѣ, не преставалъ простирать прозьбы свои и виновному всего здѣланнаго намъ добра, покойному Свѣтлѣйшему Князю [1]) подносимыя ему преосвященнымъ Іосифомъ Архіепископомъ Гайканскимъ [2]), который по онымъ у Его Свѣтлости чрезъ чтыре года съ депутатами нашими какъ Вашему Превосходительству не безъизвѣстно ходатайствовалъ, сей благодѣтель человѣчества по гласу жалостнаго бѣдныхъ сѣтованія подавалъ намъ любезныя увѣренія, исходившіе изъ его устъ, доставить подвигами своими отъ Всевысочайшія Монаршія [3]) десницы, и тѣмъ вливалъ во всѣ сердца не сумнѣнную надежду но когда свѣтельникъ жизни его уґасъ, то и остались мы въ мрачномъ обиталищѣ скорби нашей, въ коей находимъ нынѣ единымъ утѣшеніемъ, человѣколюбивое ваше сердце, пламенѣющее къ благоденствію народному, и горячему о благѣ его попеченію, по которому изволили обѣщать намъ милостиво предстательствовать и о исходатайствованіи по тѣмъ нашимъ прозьбамъ милостивѣйшей резолюціи, коей мы еще и по нынѣ не удостоясь имѣть, предваряемъ. Къ Ея Величеству прозьбу нашу, для всеподданѣйшаго жъ поднесенія оной отправился упоминаемый Преосвященный Іосифъ Архіепископъ Гайканскій съ выбранными и уполномоченными отъ насъ депутатами Примеръ Маіоромъ и Кавалеромъ Аврамовымъ, и Карнетомъ Каракашемъ, прибѣгаю къ вамъ истинный благодѣтель человѣчества, съ нижайшею отъ лица всего общества прозьбою, возрите на ее милосердымъ окомъ и вос-

[1]) Говорится о Потемкинѣ.

[2]) Архіеп. Іосифъ (князь Аргутинскій) состоялъ начальникомъ всѣхъ армяно-григоріанскихъ церквей Россіи, съ титуломъ „Гайканскій“, т. е. „Армянскій“.

[3]) Т. е. Екатерины Великой.

приимите подвиги свои по которымъ бы сихъ нещастныхъ при сидящихъ во тьмѣ печали, нераздѣльной съ нищетою, озарилъ пресвѣтлый лучъ Монаршаго благоволенія о всемилостивѣйшемъ освобожденіи насъ отъ такова взысканія, еакожъ о изліяніи и по другимъ нашимъ въ той прозьбѣ значащимся нуждамъ матернихъ щедротъ, сіе Вашего Превосходительства благотвореніе воспламенилъ всѣхъ сердца во вѣки быть воздаяніемъ Вашей добродѣтели, пребывая за тѣмъ съ глубочайшею преданностью ихъ.

Б.

М. Г. Василій Степановичъ! Нахичеванское Общество наше увѣдомилось отъ депутата нашего Господина Примеръ Маіора и Кавалера Ивана Абрамова о милостивыхъ стараніяхъ Вашего Превосходительства по общественнымъ дѣламъ нашимъ всеобщую и всенижайшую приносимъ нашу благодарность за стараніи ваши. Но какъ нынѣ дѣла наши приходятъ къ окончанію и зависятъ только отъ представленія Вашимъ Превосходительствомъ Всеавгустѣйшей Монархини Премилосердной матери Нашей на разсмотрѣніе. А по сему всепокорнѣйше и просимъ подъ покровительствомъ вашимъ исходатайствованія во всѣмъ нашимъ прозьбамъ Милостиваго Ея Императорскаго Величества соизволенія. Которыя Милости ваши будутъ вѣчнымъ памятникомъ всѣму обществу нашему и должны будемъ приносить предъ алтаремъ благодаренія всевышнему о продолженіи Вашему Превосходительству многолѣтняго здравія. О облѣжащихъ же насъ нуждахъ не осмѣливаясь тутъ распространять препоручили мы особо Вашему Превосходительству представить Примеръ-Маіору и Кавалеру Абрамову отправленному симъ съ прошеніемъ нашимъ къ Ея Императорскому Величеству Всемилостивѣйшей Матери нашей представленія Котораго яко гласъ общій всего народа здѣшняго удостоить высокаго вашего вниманія и по онымъ ощастливить насъ милостивымъ своимъ заступленіемъ всеобще и всенижайше просимъ, повергая притомъ въ Милостивое покровительство и благоволеніе Вашего Превосходительства, неусыпные труды о благѣ общемъ сего штабъ офицера употребленныя имъ въ теченіи пятнадцатилѣтняго его надъ нами начальствованія, добрыя его распоряженія и усердное служеніе по истинѣ достойны возмездія, о которомъ все наше общество находитъ себя обязаннымъ простерть къ Вашему Превосходительству всенижайшее сіе прошеніе. Изъ дворянъ: Богданъ Лазаревъ, Стефанъ Чалохушевъ, Никита Петровъ, Мартынъ Ивановъ. Изъ гражданъ: Мануйла Мартыновъ, Карабетъ Иванесовъ, Данила Хочаевъ, Авакъ (фамилія неразборчива). Изъ купцовъ: Арютюнъ Поповъ, Каспаръ Маркаровъ, Хачиресъ Богосовъ, Ованесъ Кобетліевъ. Изъ мѣщанъ: Хачикъ Педросовъ, Хазаръ Деркишкаровъ, Хачиресъ Бедросовъ, Кирагосъ, Арютюновъ. Изъ цеховыхъ: Баби Парсеовъ, Степанъ Саркисовъ, Агу Аксентовъ, Магартычь Асвадуровъ. Іюля 26 дня 1793 года. Въ городѣ Нахичеванѣ.

2.

Дѣло о переселенцахъ армянахъ (1779 года).

Среди рукописей, принадлежащихъ библіотекѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, находятся три документа, вѣрнѣе выражаясь, копіи съ трехъ документовъ, касающихся переселенія армянъ въ 1779 году [1]), и заключенныхъ въ сборникъ „Архива крѣпости св. Димитрія Ростовскаго“ in folio II. 28. 62. № 61) л. 197—199 [2]). Документы эти, которые мы печатаемъ ниже, представляютъ собой отношенія Бахмутской провинціальной канцеляріи къ оберъ-коменданту крѣпости святаго Димитрія Ростовскаго относительно доставленныхъ чрезъ Екатеринославъ въ Бахмутъ, для дальнѣйшаго направленія въ крѣпость святаго Димитрія Ростовскаго на поселеніе, армянъ Екатеринославскихъ, Кефинскихъ и Карасу-базарскихъ: первыхъ—603, вторыхъ—651 и третьихъ—1892 души; всего 3146 человѣкъ.

Приводимъ самые рапорты [3]).

А [4]).

Высокородному и Превосходительному Господину Генералъ-Маіору и крѣпости Святаго Димитрія Ростовскаго Оберъ-Коменданту Семену Григорьевичу Гурьеву.

Бахмутской [5]) провинціальной канцеляріи

РАПОРТЪ.

Доставленные сюда изъ Екатеринослава слѣдующіе для поселенія, по желанію, въ крѣпость Святаго Димитрія Ростовскаго армяне, при епископѣ Азаріи и архимандритѣ Симеонѣ, всего мужскаго и женскаго полу шестьсотъ три души. . . . отправлены при семъ. . . .

№ 4044.
Октября 13 дня
1779 года.

Полковникъ
Секретарь
Подканцеляристъ
} (подписи).

---

[1]) См. А. Рыстенко. Рукописи, принадлежащія библіотекѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, вып. I, Одесса, 1910 г., стр. 39.

[2]) Ibid.

[3]) Многоточія означаютъ пропуски. Это тѣ мѣста, прочтеніе которыхъ, вслѣдствіе неразборчивости письма (вѣроятно, малограмотнаго писца), остался для насъ тщетнымъ. Замѣтимъ, что пріемъ, къ которому мы прибѣгаемъ въ данномъ случаѣ, нисколько не измѣняетъ смысла рапортовъ и ихъ содержанія.

[4]) Листъ 197.

[5]) Бахмутъ—гор. въ Екатеринославской губ.

В [1]).

Высокородному и Превосходительному Господину Генералъ-Маіору и крѣпости Святаго Димитрія Ростовскаго Оберъ-Коменданту Семену Григорьевичу Гурьеву.

Бахмутской провинціальной канцеляріи

РАПОРТЪ.

Доставленные сюда изъ Екатеринослава слѣдующіе для поселенія въ крѣпость Святаго Димитрія Ростовскаго Кефинскіе армяне, при начальникѣ Хасадурѣ Абрамовичѣ, всего мужскаго и женскаго полу шестьсотъ одна душа... отправлены при семъ; которыхъ Вашего Превосходительства сія провинціальная канцелярія проситъ, кому слѣдуетъ, приказать—принять и въ пріемѣ дать тому приставу [2]) квитанцію, для донесенія Азовской губернской...

Полковникъ
Капитанъ
Секретарь
Подканцеляристъ
(подписи).

№ 4072.
Октября 15 дня
1779 года.

С [3]).

Высокородному и Превосходительному Господину Генералъ-Маіору и крѣпости Святаго Димитрія Ростовскаго Оберъ-Коменданту Семену Григорьевичу Гурьеву.

Бахмутской провинціальной канцеляріи

РАПОРТЪ.

Доставленные сюда изъ Екатеринослава слѣдующіе для поселенія въ крѣпость Святаго Димитрія Ростовскаго Карасу-базарскіе армяне, при атаманѣ Мелексентѣ Бедросовѣ, всего мужскаго и женскаго полу тысяча восемьсотъ девяносто двѣ души... отправлены при семъ; которыхъ Вашего Превосходительства сія провинціальная канцелярія проситъ, кому слѣдуетъ, приказать—принять и въ пріемѣ дать тому приставу [4]) квитанцію, для донесенія Азовской губернской...

Полковникъ
Капитанъ
Секретарь
Подканцеляристъ
(подписи).

№ 4073.
Октября 15 дня
1779 года.

Л. Меликсетъ-Бековъ.

---

[1]) Листъ 199.
[2]) Приставъ—подпрапорщикъ Василій (фамилія неразборчива).
[3]) Листъ 198.
[4]) Приставъ капралъ Степанъ Михайловъ.

399 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

5 марта 1910 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Э. Р. фонъ-Штерна, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: Х. П. Ящуржинскій, А. В. Лонгиновъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, К. М. Милисавлевичъ, А. А. Павловскій, А. Я. Шпаковъ, П. Г. Меликовъ, С. Д. Пападимитріу, К. О. Лысаковскій, члены-сотрудники: Б. Э. фонъ-Штернъ, В. И. Василенко, М. С. Мончевскій, А. М. Гамовъ, Б. А. Бауэръ, Н. Д. Капетанаки.

Слушали:

1. Сообщеніе предсѣдателя, что Обществомъ было получено приглашеніе принять участіе въ чествованіи памяти графа А. С. Уварова по случаю исполненія 29 декабря прошлаго года 25-лѣтія со дня его смерти; въ отвѣтъ на это была послана слѣдующая телеграмма: „Москва,—Императорскому Археологическому Обществу. Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, свято чтя память незабвеннаго графа А. С. Уварова, какъ основателя научнаго изученія русской археологіи,—съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія присоединяется къ торжественнымъ поминкамъ по немъ. Предсѣдатель Совѣта профессоръ Штернъ, секретарь профессоръ Попруженко“.—9 января 1910 года, за № 26, Императорское Московское Археологическое Общество благодарило за это привѣтствіе.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

2. Сообщеніе о томъ, что 20 декабря прошлаго 1909 года Рязанской губернской ученой комиссіи была послана слѣдующая телеграмма по поводу 25-лѣтія комиссіи: „Рязань, Архивной комиссіи. Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей приноситъ комиссіи свои поздравленія съ юбилеемъ и шлетъ пожеланіе дальнѣйшаго процвѣтанія. Предсѣдатель Совѣта Штернъ, секретарь Попруженко“.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

3. Предложеніе Уральскаго Общества любителей естествовѣдѣнія принять участіе въ сборѣ пожертвованій для увѣковѣченія памяти

Великаго Князя Михаила Николаевича, подъ покровительствомъ котораго Общество состояло.

Постановили: предложить г.г. членамъ Общества подписной листъ, присланный Уральскимъ Обществомъ.

4. Просьба предсѣдателя „Comitato esecutivo per le feste commemorative del 1911 in Roma“ предоставить италіанскому консулу въ Одессѣ г. Е. Бонелли возможность исполнить слѣпки и снимки съ предметовъ музея для выставки въ Римѣ и сообщеніе Совѣта, что на эту просьбу отвѣчено, что г. Бонелли будетъ оказано всяческое содѣйствіе въ исполненіи ему порученнаго.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

5. Отношеніе попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, отъ 9-го февраля 1910 года, № 3819 о томъ, что въ казначействѣ открытъ кредитъ Обществу на сумму пятьсотъ рублей въ счетъ причитающагося Обществу годового пособія въ 4.500 руб. и сообщеніе Совѣта, что деньги эти (500 руб.) получены и записаны на приходъ.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

6. Ходатайство о высылкѣ изданій Общества: а) Археологическаго отдѣленія историческаго семинарія Императорскаго С.-Петербургскаго университета, университета въ Эрлангенѣ (Баварія) (съ предложеніемъ обмѣна), нѣмецкаго Археологическаго института въ Римѣ и Херсонскаго Археологическаго музея—съ заключеніемъ Совѣта о желательности выполнить эти просьбы.

Постановили: исполнить.

7. Просьба Ростовскаго на-Дону Общества исторіи, древностей и природы о высылкѣ отложенныхъ казначеемъ дублетовъ различныхъ изданій, въ обмѣнъ на которые препровождены: Кузнецова—Прошлое Ростова, Романченко—Итоги народнаго образованія въ Ростовѣ на-Дону, Крещановскаго—Историческій очеркъ Покровской церкви въ г. Ростовѣ на-Дону.

Постановили: дублеты выслать, а присланныя книги сдать въ библіотеку.

8. Докладъ почетнаго члена Э. Р. фонъ-Штерна—„Эллинистическія вазы въ Одесскомъ музеѣ“.

Постановили: благодарить докладчика, а докладъ напечатать въ „Запискахъ“.

9. Докладъ члена-сотрудника Ю. Ю. Марти„—Три христіанскія надгробія, пріобрѣтенныя для музея Мелекъ-Чесменскаго кургана въ 1908 и 1909 г.г.“.

Постановили: благодарить докладчика, а докладъ напечатать въ протоколѣ засѣданія.

10. Сообщеніе секретаря М. Г. Попруженко о томъ, что М. С. Илашкова поручила ему передать въ Общество коллекцію различныхъ

писемъ, дѣловыхъ бумагъ и проч.; бумаги эти достались ей отъ покойнаго секретаря Общества А. И. Маркевича.

Постановили: благодарить госпожу Илашкову, а документы сдать въ архивъ Общества.

11. Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ въ Общество предметахъ древности: *Куплены:* у А. Гаухмана—1) 3 молотка, кубокъ съ буквами, римская лампа, флаконъ и фрагменты за 20 руб. 2) сосудъ, лампа—голова, бронзовый сосудъ за 15 руб. 3) Головка, стекло, статуэтка, мегарскій сосудъ за 36 руб. 4) 3 сосуда за 50 руб. 5) Серебрян. риза за 25 руб. къ иконѣ № 6. 6) Терракотовая статуэтка и бусы за 40 руб. и 7) За 65 руб. стеклян. сосудъ, лампы, серьги, подвѣски, зеркала булавки, глин. сосуды, кувшинчики, бубенчики и проч. *Пожертвовано*: д. ч. Е. А. Шуманскимъ:—сосудъ (греческій кувшинъ) и д. чл. К. М. Милисавлевичемъ—двѣ бронзовыя медали въ память юбилейной выставки въ Прагѣ въ 1908 году, И. К. Глобенко—6 мѣдныхъ крестовъ, вице-президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ—17 гравюръ по исторіи юга Россіи.

Постановили: жертвователей благодарить, а предметы внести въ инвентарь.

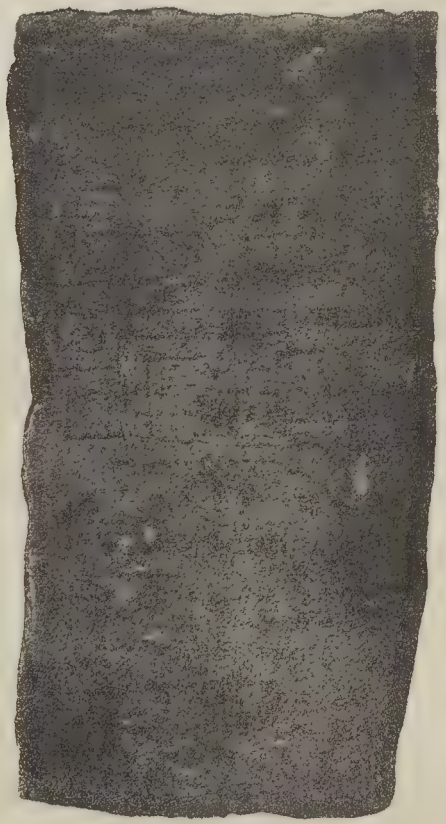
12. Сообщеніе секретаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: сдать въ библіотеку.

Три христіанскія надгробія, пріобрѣтенныя для Мелекъ-Чесменскаго кургана въ 1908 и 1909 г.

I.

Плита изъ мелкозернистаго известняка, прямоугольной формы, слегка суживающаяся и утончающаяся книзу, дл. 0,84 м.; шир. 0,41—0,40; толщ. 0,12—0,10.



Ἐνθά-

δε κα

τάκ(ει)τ(αι)

Θεοδ-

ότις.

На камнѣ глубоко вырѣзана крупными буквами (0,09—0,06 м.), окрашенными въ красную краску, пятистрочная христіанская надпись. Двѣ верхнія строки посединѣ прерываются крестомъ, вырѣзаннымъ, очевидно, раньше надписи и также окрашеннымъ въ красную краску (выс. 0,13; шир. 0,09).

Единственное украшеніе надгробія—крестъ—состоитъ изъ двухъ неравной величинъ перекладинъ съ раздвоеніемъ по концамъ перекрестій, исключая верхняго, являющагося трехконечнымъ. Отмѣтить слѣдуетъ необыкновенно высокое пересѣченіе продольной перекладины поперечной.

Величина буквъ не вездѣ одинакова: буквы нижнихъ строкъ замѣтно больше верхнихъ. Найбольшую высоту имѣетъ [5-ой строки и Т 3-ьей строки (0,09 м.); средняя высота буквъ 0,06; наименьшей высоты △ 0,04.

Стиль буквъ выдержанъ; всѣ линіи прямыя, буквы угловатыя.

Α—съ преломленнымъ среднимъ штрихомъ и выступомъ влѣво праваго штриха.

△ удлиненной формы съ выступающимъ правымъ штрихомъ.

Г прямоугольная, изъ 3-хъ черточекъ.

Е—прямоугольное, изъ 4-хъ черточекъ.

О и Н — почти квадратной формы.

Это тотъ стиль, который является характернымъ для большинства христіанскихъ надгробій Боспора.

Формула надгробной надписи Ἐνθάδε κατάκιτε съ приведеннымъ правописаніемъ общеупотребительна.

Что касается имени покойнаго Θεοδόσις, то оно, несомнѣнно, мужское, сокращенное изъ Θεοδόσιος. Примѣры подобнаго сокращенія именъ собственныхъ мы уже неоднократно встрѣчали въ боспорской христіанской эпиграфикѣ: Εὐτρόπις вм. Εὐτρόπιος. (Записки Одесск. Общ. XXII, 317 зас., стр. 59); Σωτήρις καὶ Συμβάνις (Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 3, 1902 г., стр. 49); Ἀρσάκις (Изв. Имп. Арх. Ком , вып. 10, 1904 г., стр. 86); см. также „Сборникъ греческихъ надписей христіанскихъ временъ“ В. Латышева, № 69: М(аур)ίκις.

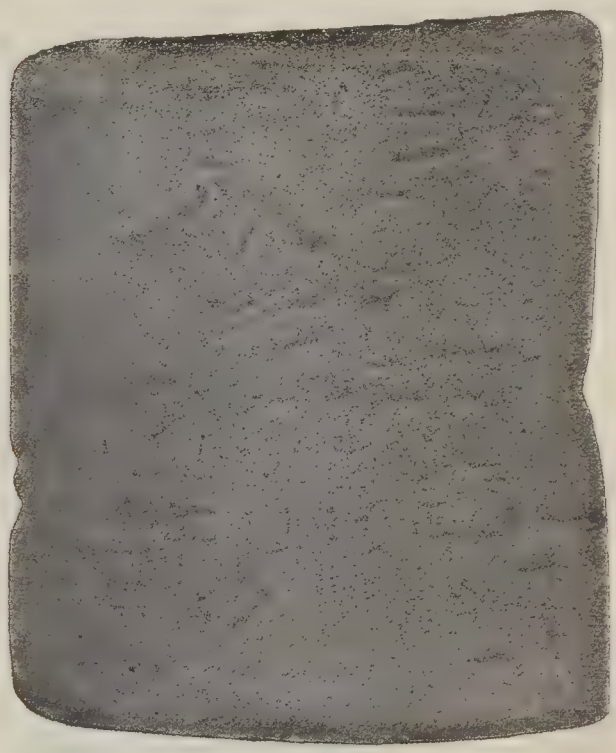
Имя Θεοδόσιος встрѣчалось уже въ надписяхъ боспорскихъ θіасотовъ (Insc. ant. o. s. P. E. Latyschev, v. II, № 403, № 49 и № 29в.).

Надгробіе куплено 27 декабря 1908 г. у торговца древностями І. Пекерева и найдено, по его словамъ, въ саду Франчески, недалеко отъ дачи К. Верле.

II.

Почти квадратная плита изъ мѣстнаго мелкозернистаго известняка, выс. 0,60 м.; шир. 0,53; толщ. 0,53; толщ. 0,13—0,12 м.

Въ лѣвомъ верхнемъ углу камня вырѣзанъ большой крестъ (выс. 0,31; дл. праваго перекрестья 0,06) безъ лѣваго перекрестья вслѣдствіе поврежденія края камня, окрашенный въ красную краску. Справа отъ креста и подъ нимъ надпись въ 6 строкъ, вырѣзанная крупными буквами, окрашенными также въ красную краску (0,08—0,06).



Ἐνθά
δε κ(εῖ)
τ(αι)ὁ δοῦ-
λος τοῦ
Θεοῦ Θεόδ̣
(ω)ρ(ος).

Кромѣ этой надписи, на верхнемъ обрѣзѣ камня есть еще другая изъ пяти крупныхъ буквъ, вырѣзанная, повидимому, тѣмъ-же рѣзчикомъ (выс. 0,08—0,07 м.). Надпись эта не подается разбору. Воспроизведеніе ея въ снимкѣ является очень затруднительнымъ.

Крестъ этого надгробія, къ сожалѣнію, не вполнѣ сохранившійся, гораздо пышнѣе и богаче простенькаго крестика на предыдущемъ памятникѣ. Поперечная полоса пересѣкаетъ здѣсь продольную посрединѣ, уравнивая такимъ образомъ перекрестья: верхнее и нижнее. Наверху продольная перекладина заканчивается раздвоеніемъ, а внизу треугольнымъ расширеніемъ, служащимъ какъ-бы подставкой кресту. Правое перекрестье поперечной полосы заканчивается обычнымъ расширеніемъ, раздвоеннымъ на концѣ. Ломаной линіи на концѣ перекрестья соотвѣтствуетъ въ другихъ случаяхъ при другой техникѣ письма, линія вогнутая. Таковы кресты извѣстной катакомбы 491 г., описанной Ю. Кулаковскимъ.

Высота буквъ главной надписи не вездѣ одинакова. Буквы двухъ верхнихъ строкъ значительно выше (0,08) нижнихъ буквъ (0,06—0,05). Только одно Ρ имѣетъ высоту 0,11 м.

Стиль письма тотъ-же, что и въ первой надписи: 1) Δ, Λ и Α съ выступомъ праваго штриха, 2) Ε, Π и Η — угловатой формы, 3) характерна для стиля надписи ломаная линія буквы Ρ.

Слѣдуетъ отмѣтить лигатуру Ο=ου, встрѣчающуюся 3 раза. Подобную лигатуру Ȏ съ круглымъ Ο даетъ другой христіанскій памятникъ, изданный В. Шкорпиломъ въ Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 10, стр. 87—88, № 103: Φῆλιξ Ἀριστοβόλου... Извѣстно, что лигатура 8 вмѣсто ου, впервые появляющаяся въ эпоху Септимія Севера и Каракаллы (Traité d'epigraphie grecque p. S. Reinach) встрѣчается все чаще и чаще начиная съ VI вѣка по Р. Х. въ эпоху византійскую. (Palaeographie von Fr. Blass).

Имя Θεόδωρος уже засвидѣтельствовано для мѣстной эпиграфики другимъ христіанскимъ памятникомъ, изданнымъ въ Зап. Одесск. Общ. XXII, 317 засѣданіе, 60 стр. Правописаніе Θεόδορ(ος) съ ο вмѣсто ω послѣ δ подтверждается какъ указанной надписью, такъ и № 91 „Сборника греческ. надп. христіанск. вр.“ В. Латышева, гдѣ приведено женское имя Θε(ο)δόρα.

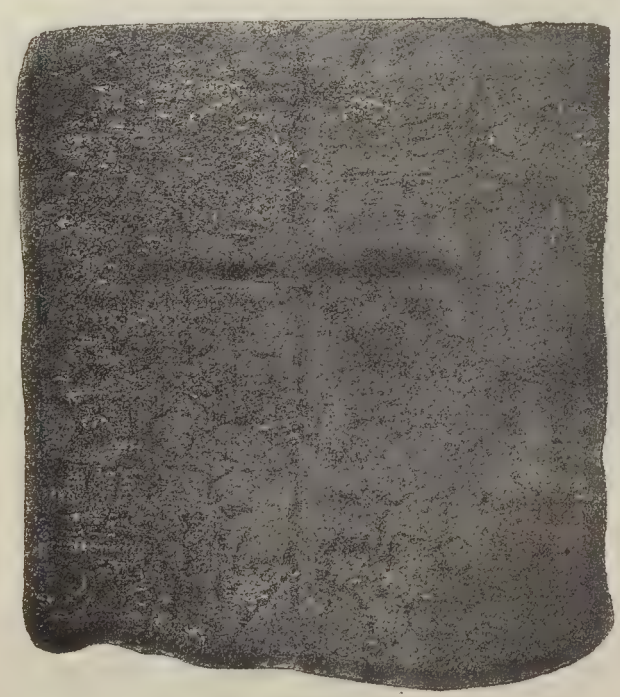
Значекъ ⸗ въ концѣ надписи обозначаетъ сокращеніе слова подобно знаку S въ словахъ ⸗KOMS, INΔS въ надписи императора Зенона и между прочимъ указываетъ, что разбираемую надпись слѣдуетъ отнести къ ранней византійской эпохѣ (см. Ποντικά В. Латышева, стр. 207).

Камень найденъ 3 мая 1909 г. въ саду Полтавскаго на Глинищѣ подлѣ дачи К. Верле и купленъ у торговца древностями І. Пекерева для Мелекъ-Чесменскаго кургана.

III.

Приближающаяся къ квадратной формѣ плита изъ дикарнаго камня, лицевая сторона которой тщательно обтесана, дл. 0,41 м. шир. 0,36, толщ. 0,07—0,075. Во всю длину камня глубокимъ желобомъ проходитъ продольная перекладина креста, снабженная по концамъ тонкими развѣтвленіями вправо и влѣво отъ главнаго ствола, соотвѣтствующими обычнымъ треугольнымъ расширеніямъ на другихъ крестахъ. Поперечная перекладина (0,21 м.), высоко пересѣкающая продольную, еще глубже вырѣзанная, снабжена по концамъ небольшими полосками, параллельными продольной полосѣ.

По обѣимъ сторонамъ креста, очевидно, высѣченнаго раньше надписи, идетъ надгробная эпитафія въ семь строкъ, открывающаяся небольшимъ крестикомъ.



+ Ἐνθάδε κα-
τάκ(ει)τ(αι) Φι-
λόξενος
υἱὸς Ἀγα-
πητοῦ τὴν
τέχνη(ν) γου
νάριος

Стиль буквъ (выс 0,03; ξ—0,045; φ—0,05) нѣсколько другой сравнительно съ первыми двумя надписями, замѣчается стремленіе окружить буквы, имѣющія въ другихъ надписяхъ угловатую форму, что, впрочемъ, не всегда удается рѣзчику въ виду твердости камня. Особенно замѣтно это на буквѣ *O*, имѣющей во многихъ случаяхъ видъ многоугольника, а не кружка. *E* имѣетъ въ большинствѣ случаевъ угловатую форму, но въ 6-й строкѣ приближается къ круглому Є; C имѣетъ форму скорѣе закругленную, чѣмъ угловатую, при чемъ верхній изгибъ сильно вытянутъ въ правую сторону; A въ двухъ случаяхъ имѣетъ вмѣсто ломанаго штриха линію почти дугообразную, идущую кверху отъ нижняго конца лѣваго штриха, въ остальныхъ случаяхъ обычную ф. Ⱥ; Λ и Δ часто являются съ характерными выступами праваго штриха.

Нельзя не признать, что многія буквы надписи близко подходятъ къ рукописному стилю.

Въ общемъ-же разница въ стилѣ буквъ по сравненію съ предыдущими надписями не такъ значительна, есть много и общаго, родственнаго.

Орѳографія надписи правильная, почти безупречная, если не считать утвердившагося стереотипнаго правописанія κατάκιτε и пропуска ν въ словѣ τέχνην. Имя Φιλόξενος встрѣчается на Боспорѣ и въ древнее и въ позднѣйшее время (см. Latyschev, Ins. a. o. s. P. E. IV. 400 Θ. и 212 B. Ἀγαπητός—имя позднѣйшее, христіанское (см. слов. Pape-Benseler).

Самое интересное въ подписи слово γουνάριος. „Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis"—Du-Cange даетъ слѣдующее объясненіе этому слову: gunnarum artifex, venditor, γοῦνα-же тамъ объясняется какъ vestis pellicia. Въ цитатахъ къ данному слову находимъ сопоставленіе γοῦνα съ διφθέρα (glossae MSS. ad Aristophanis Nubes). По словарю-же Passow'a διφθέρα: 1) снятая и выдѣланная кожа, 2) одежда изъ кожи, которую носили бѣдные горожане, а также поселяне.

Другое сопоставленіе у Isaacius Tzet. Σισύρα... ὅπερ καὶ γοῦναν καλοῦσι. По Passow'y ἡ σισύρα—ein diker, zottiger und ordinärer Rock, ein Pelz, Pelzrock, Flausrock, besonders von Ziegenfellen.

Слово это тѣмъ болѣе представляетъ интересъ, что оно и до сихъ поръ употребляется въ современныхъ языкахъ: ново-греческомъ, а также чешскомъ.

Найболѣе образованные мѣстные греки указываютъ на двоякое значеніе этого слова: 1) мѣхъ, 2) шуба.

Нѣсколько въ другомъ значеніи употребляется это слово въ чешскомъ яз., какъ видно изъ данныхъ, любезно сообщенныхъ мнѣ. В. В. Шкорпиломъ.

Houně, huně—шерстяной плащъ грубаго издѣлія. (Fr. Kott. Česko-nemecky slovník. Прага, 1878, I s. v.).

Huňa—плащъ, доходящій до колѣнъ. (Archiv pro lexikografii a dialektologii, т. 4, Прага, 1906 s. v.).

Huňa—сукно изъ длинной грубой шерсти (въ Моравіи). Fr. Bartoš. Dialekticky slovník moravsky. Прага, 1305 s. v.).

Въ заключеніе приводимъ мнѣніе спеціалиста по сравнительному языкознанію М. Фасмера, при любезномъ содѣйствіи М. Ростовцева прославшаго свой отзывъ по этому поводу.

„Слово γοῦνα теперь общеновогреческое. Въ словаряхъ обыкновенно указывается значеніе „шуба“, но на практикѣ я убѣдился, что это обозначаетъ просто мѣхъ или шкуру, которую носятъ греческіе пастухи даже лѣтомъ. Большое количество примѣровъ изъ византійскихъ текстовъ, а также географія слова въ новогреческихъ говорахъ имѣется у Gust. Meyer'a, Neugriech. Stud. III. Die latein. Lehnwörter des Neugr. (=Sitzber. Wien. Ak. Bd. 132, № 3) стр. 20. Къ этимъ примѣрамъ прибавлю очень важное свидѣтельство объ этомъ γ ο ῦ ν α въ современномъ цаконскомъ діалектѣ со знач. „шкура“ (см. Οἰκονόμος, Γραμματικὴ τῆς τζακωνικῆς διαλέκτου 66). G. Meyer c. l. это слово выводитъ изъ латинск. *gunna* „Pelz“ (средне-лат.), а латинское слово Valde, Et. W. d. latein. Sprache 278 и Thurneysen, Keltoromanieches, 64, выводятъ какъ заимствованіе изъ кельтскихъ языковъ. Славянское слово *гуня* „сорочка“, а не кельтское считаетъ источникомъ этого латинскаго и ср.-греческаго Погодинъ, (Слѣды корней-основъ въ славянск. языкахъ 232 сл.), а за нимъ я въ Byz. Zeitschr., XVI, 553 sg.

Теперь я считаю возможнымъ, что на Балканскомъ полуостровѣ встрѣтились два слова, кельтское черезъ латинско-греческое посредничество и—славянское, первоначально съ нимъ неродственное (см. Погодинъ, с. l.). Латинское заимствованіе для греческаго языка послѣ G. Meyer'a несомнѣнно.—Слово γουνάριος въ словаряхъ теперь не отмѣчено, но я на практикѣ убѣдился, что оно обще-новогреческое“.

Если доказано для греческаго латинское происхожденіе слова γοῦνα, то оно несомнѣнно занесено на Боспоръ греками, что легко могло произойти при тѣхъ оживленныхъ сношеніяхъ, которыя издавно существовали между Боспоромъ и противоположнымъ берегомъ Чернаго моря.

Изъ всего выпесказаннаго ясно, что слово это γοῦνα, въ данной мѣстности скорѣе всего могло имѣть, значеніе мѣховой одежды, а γουνάριος—изготовителя подобной одежды. Такого рода ремесленникъ (τὴν τέχνη(ν)) прежде всего, вѣроятно, обслуживалъ мѣстныя потребности въ теплой мѣховой одеждѣ. Цѣлый рядъ древнихъ авторовъ (Юстинъ, Сенека, Овидій, Вергилій) указываютъ, что скиѳы для защиты отъ жестокихъ морозовъ одѣваются въ звѣриныя шкуры. Обычай этотъ, очевидно, долженъ былъ сохраниться и въ позднѣйшія времена, къ которымъ относится разсматриваемая надпись.

Кромѣ того, извѣстно, что на такого рода одежду былъ спросъ въ Византіи, какъ видно изъ Chronicon Alexandrinum (VII в.), гдѣ упоминается βασιλικὴ γουναρίων. Историкъ Іорданъ-же сообщаетъ, что изъ Боспора шли въ столицу дорогіе мѣха, которые доставляли сюда сосѣдніе оногуры (см. Кулаковскій, Прошлое Тавриды).

Такимъ образомъ гунарій, удовлетворяя мѣстныя потребности, могъ служить посредствующимъ звеномъ въ торговыхъ сношеніяхъ между Византіей и Боспоромъ. Такого рода сношенія несомнѣнно особенно оживились въ періодъ возрожденія Боспора въ VI вѣкѣ, къ каковому времени относится скорѣе всего наша надпись. Характернымъ является и то обстоятельство, что гунарій носитъ чисто-греческое имя съ греческимъ отчествомъ. И это не только въ разсматриваемой надписи, но и въ большинствѣ христіанскихъ надгробій Боспора.

Такимъ образомъ, на-ряду съ варварскимъ туземнымъ населеніемъ, воспринявшимъ эллинскую культуру, на Боспорѣ въ VI в. былъ еще чисто-греческій элементъ, присутствіе котораго можно объяснить только постояннымъ притокомъ свѣжихъ силъ изъ Византіи.

Надгробіе найдено одновременно съ предыдущимъ памятникомъ 3 мая 1909 г. также въ саду Полтавскаго, примыкающемъ къ дачѣ К. Верле на Глинищѣ.

Куплено у І. Пекерева для Мелекъ-Чесменскаго кургана.

Ю. Марти.

400 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

12 апрѣля 1910 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Э. Р. фонъ-Штерна, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: П. А. Маврогордато, А. Я. Шпаковъ, К. М. Милисавлевичъ, А. Е. Егоровъ, А. В. Лонгиновъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, К. О. Лысаковскій, Б. М. Ляпуновъ, А. В. Рыстенко, члены-сотрудники: Н. Д. Капетанаки, М. С. Мончевскій, Б. Э. фонъ-Штернъ, Б. А. Бауэръ.

Слушали:

1. Денежный отчетъ (о приходѣ и расходѣ суммъ) Общества за 1909 годъ.

Постановили: по выслушаніи заключенія избранныхъ въ ревизіонную комиссію К. М. Милисавлевича, М. Ѳ. Шкадышека, К. О. Лысаковскаго — отчетъ утвердить.

2. Смѣту прихода и расхода сумъ Общества на 1910 г.

Постановили: утвердить и напечатать въ протоколѣ засѣданія.

3. Отчетъ о состояніи Мелекъ-Чесменскаго кургана за 1909 г.

Постановили: напечатать въ годовомъ отчетѣ Общества.

4. Отчетъ о состояніи Ѳеодосійскаго Музея древностей за 1909 г.

Постановили: напечатать въ годовомъ отчетѣ Общества. Художнику К. А. Богоевскому, сдѣлавшему пожертвованіе въ Ѳеодосійскій Музей (картины и рисунки видовъ остатковъ древнихъ сооруженій), выразить благодарность.

5. Отношеніе Императорской Археологической Комиссіи отъ 17-го марта 1910 г. за № 549 съ препровожденіемъ для коллекціи Музея Общества четырехъ венеціанскихъ червонцевъ XIV в. изъ числа 11 штукъ, найденныхъ въ 1908 г. въ г. Ѳеодосіи.

Постановили: червонцы сдать на храненіе въ Музей, а Комиссію благодарить.

6. Отношеніе Комиссіи образовательныхъ экскурсій по Россіи при М. О. Р. О. Т. отъ 23-го марта 1910 г., № 341 изъ Москвы съ просьбой увѣдомить Комиссію, можетъ ли быть разрѣшенъ безплатный осмотръ Музея Общества экскурсантамъ, которые будутъ участвовать въ организуемой Комиссіей образовательной поѣздкѣ въ іюнѣ—іюлѣ сего года.

Постановили: увѣдомить Комиссію, что экскурсантамъ будетъ предоставлена возможность безъ всякой платы осмотрѣть Музей Общества, при чемъ имъ будутъ даны необходимыя разъясненія.

7. Отношеніе Грузинскаго Общества Исторіи и этнографіи отъ 6-го марта 1910 г., № 56 съ просьбой въ обмѣнъ высылать изданія Одесскаго Общества; при отношеніи присланы—т. II изд. „Древности Грузинскія“ и т. I „Сборника Грузинскаго Общества Исторіи и этнографіи“.

Постановили: полученныя книги сдать въ библіотеку и сообщить Грузинскому Обществу, что ему будутъ высылаться „Записки“ съ 28 тома, который нынѣ печатается.

8. Письмо бывшаго сельскаго приходского учителя Квасницкаго изъ с. Сальника Подольской губ.—о высылкѣ изданій Общества.

Постановили: выслать протоколы засѣданій Общества.

9. Отношеніе директора частныхъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Варшавѣ отъ 25-го марта 1910 г. № 106 съ просьбой высылать въ библіотеку курсовъ изданія Общества.

Постановили: отложить впредь до пересмотра списка учрежденій, которымъ нынѣ высылаются изданія Общества.

10. Отношеніе Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній Комиссіи по изслѣдованію организаціи и дѣятельности учебныхъ музеевъ отъ 8-го ноября 1908 г. № 437 съ препровожденіемъ опросного листа о дѣятельности Музея Общества.

Постановили: сообщить, что Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей—спеціально ученое учрежденіе, а потому о дѣятельности его нельзя дать свѣдѣній по вопросамъ, которые имѣютъ въ виду исключительно школьные интересы.

11. Сообщеніе Совѣта о томъ, что д. ч. Общества П. А. Маврогордато, состоявшій въ теченіе 11 лѣтъ казначеемъ Общества, нынѣ въ виду своего отъѣзда изъ Одессы отказывается отъ этой должности.

Постановили: высоко цѣня дѣятельность и труды П. А. Маврогордато въ качествѣ казначея, выразить ему глубокую благодарность за его работу на пользу Общества.

12. Предложеніе Совѣта произвести выборы новаго казначея Общества, при чемъ Совѣтъ рекомендуетъ избрать на эту должность д. чл. Общества профессора А. Я. Шпакова.

Постановили: А. Я. Шпаковъ получилъ при баллотировкѣ всѣ шары бѣлые. Считать избраннымъ.

13. Предложеніе Совѣта баллотировать въ дѣйствительные члены мѣстнаго коллекціонера отставного полковника Николая Саввича Кушнера и члена-сотрудника Юлія Юльевича Марти, много потрудившагося на пользу мѣстной археологіи въ качествѣ завѣдующаго Мелекъ-Чесменскимъ курганомъ въ Керчи.

Постановили: оба избраны единогласно.

14. Сообщеніе хранителя Музея о вновь поступившихъ предметахъ древности: куплено:—лампочка съ рельефомъ (голова Медузы), 2 тарракотовыхъ фигуры (танцовщица и женская фигура)—очень хорошей работы; 1—тарракотовый левъ, 3 чернофигурныя лекиѳы очень хорошей работы и одинъ сосудъ въ формѣ трехъ соединенныхъ ракушекъ—отъ Эдлиса въ Ольвіи за 225 руб.; 1 каменный молотокъ и 4 серебряныхъ монеты отъ учителя Черничука (изъ Тульчина) за 7 р.; 2 сосуда турецкой эпохи изъ Аккермана (1 въ формѣ „утки", другой въ формѣ „башмака" (лампа)—за 10 рублей.

Постановили: сдать въ Музей и внести въ инвентарь.

15. Сообщеніе Секретаря о вновь поступившихъ книгахъ.

Постановили: внести въ каталогъ.

16. Предложеніе д. чл. Б. М. Ляпунова фотографировать принадлежащую Обществу славянскую рукопись евангельскихъ чтеній XII в., о которой онъ дѣлалъ докладъ Обществу.

Постановили: имѣть въ виду для исполненія въ текущемъ же году.

СМѢТА ОБЩЕСТВА

на 1910 годъ.

ПРИХОДЪ.

Статья	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб. К.
I	ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго пособія	1500
II	Процентовъ съ капитала Общества	193 80
III	Процентовъ по текущему счету Общества	27
IV	Отъ Русскаго Общества пароходства и торговли за аренду Судакской крѣпости	100
V	Членскихъ взносовъ	150
VI	За аренду Аккерманской крѣпости . . .	500
VII	Отъ продажи изданій Общества	6
VIII	За аренду Судакской крѣпости отъ крестьянъ . . .	[illegible]
IX	Доходъ отъ посѣтителей Музея за гардеробъ	[illegible]
	Итого. . .	6643 [illegible]

РАСХОДЪ.

Статья	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб. К.
	Жалованье письмоводителю . . .	300
	„ смотрителю музея	600
	„ его помощнику .	300
	„ разсыльному 1-му .	228
	„ „ 2-му	228 –
	„ швейцару .	228
I.	Наградныя служащимъ	185
II.	Отопленіе зданія музея . .	750
IV.	Печатаніе записокъ Общества . .	900
V.	Витрины и другія столярныя работы	300
VI.	Покупка древностей	1000
VII.	Изготовленіе таблицъ и клише .	300
VIII.	Клейка и реставрація древностей .	100
IX.	Почтовые и телеграфные расходы .	50
X.	Канцелярскіе и мелкіе расходы .	50
XI.	Хозяйственные расходы .	400
XII.	Экстренные расходы и командировки .	250
XIII.	Переплетъ книгъ .	60
XIV.	Покупка книгъ . .	100
XV.	Освѣщеніе зданій музея .	300
XVI.	Ремонтъ Судакской крѣпости .	500
XVII.	Остатокъ	114 80
	Итого. . .	6643 80

401 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

21 мая 1910 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Э. Р. фонъ-Штерна, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: Х. П. Ящуржинскій, А. Я. Шпаковъ, А. В. Лонгиновъ, К. М. Милисавлевичъ, Н. С. Кушнеръ, Е. А. Шуманскій. С. П. Шелухинъ, члены сотрудники: Н. Д. Капетанаки, Б. Э. фонъ-Штернъ, М. С. Мончевскій, В. И. Василенко.

Слушали:

1. Сообщеніе Совѣта о томъ, что виду исполненія 30 прошлаго апрѣля 25-лѣтія предсѣдательства въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой отъ имени Общества послано 50 руб. для образовываемаго при археологическихъ съѣздахъ фонда имени графини для выдачи изъ его %% поощрительныхъ премій начинающимъ русскимъ археологамъ; вмѣстѣ съ этимъ Совѣтъ опредѣлилъ повѣсить въ Музеѣ Общества портретъ графини, о чемъ и сказано въ посланномъ графинѣ (въ изящной папкѣ) адресѣ: „Ваше Сіятельство, глубокоуважаемая графиня Прасковья Сергѣевна! Сегодня исполняется 25 лѣтъ съ тѣхъ поръ, когда Императорское Московское Археологическое Общество избрало Васъ своимъ предсѣдателемъ. Еще при жизни незабвеннаго графа Алексѣя Сергѣевича Вы были его ближайшимъ сотрудникомъ, раздѣляя его интересы, труды и заботы,—будучи же призваны замѣстить его, Вы въ продолженіе четверти вѣка сдѣлали все, чтобы неутомимымъ трудомъ и достойной благоговѣнія энергіей осуществить славные планы предшественника своего.

Исключительная по своему значенію работа Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, организація археологическихъ съѣздовъ и изданіе ихъ трудовъ, Ваши изслѣдованія Кавказа, обнародованіе сочиненій покойнаго графа и описаніе его коллекцій, заботы Ваши о сохраненіи памятниковъ старины — всѣ эти звенья въ длинной цѣпи Вашей неутомимой и плодотворной дѣятельности заставляютъ семью русскихъ археологовъ съ глубокой благодарностью привѣтствовать Васъ въ день настоящаго Вашего юбилея. Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, присоединяясь къ

единодушному хору этихъ привѣтствій, шлетъ Вамъ, своему почетному члену,—наилучшія пожеланія силъ и здоровья для дальнѣйшей работы на благо русской археологіи и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣщаетъ Васъ о своемъ постановленіи украсить свой Музей себѣ къ великой чести и грядущимъ поколѣніямъ въ назиданіе—портретомъ Вашимъ".

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію, одобривъ постановленіе Совѣта по данному вопросу.

2. Предложеніе Московскаго Отдѣла Русскаго Военно-Историческаго Общества отъ 17 апрѣля 1910 г. № 38 объ обмѣнѣ изданіями.

Постановили: Высылать съ 28 тома „Записокъ".

3. Извлеченіе изъ доклада Общему собранію Общества Археологіи, Исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ отъ 20 сентября 1909 г. съ просьбой сообщить мнѣніе о желательности и возможности мѣстныхъ Археологическихъ съѣздовъ Волжско-Камскаго и Пріуральскаго.

Постановили: выразить сочувствіе идеѣ, сообщивъ, что съѣздъ желателенъ въ 1913 г.

4. Письмо преподавателя исторіи въ гимназіи Старополя-Губернскаго Сергѣя Васильевича Фарфоровскаго, который сообщаетъ о хищническихъ раскопкахъ въ Кубанской Области, и предложеніе Совѣта объ избраніи г. Фарфоровскаго членомъ-сотрудникомъ.

Постановили: представить копію письма въ Археологическую Комисію, кромѣ того просить Э. Р. фонъ-Штерна сдѣлать автору указанія, какъ вести раскопки. Г. Фарфоровскій въ члены сотрудники избранъ единогласно.

5. Письмо инженера В. С. Коропачинскаго (изъ Судака), въ которомъ авторъ, осмотрѣвъ по просьбѣ секретаря Судакскую крѣпость, сообщаетъ, что въ ней нынѣ же необходимо произвести рядъ ремонтныхъ работъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крѣпости замѣтны весьма существенныя порчи; а также сообщеніе Совѣта что г. Коропачинскому поручено подыскать подрядчика, который составилъ бы смѣту для производства этихъ работъ. Смѣта будетъ представлена въ Совѣтъ, и работы, въ случаѣ одобренія ея, будутъ произведены этимъ лѣтомъ съ тѣмъ, что уплата будетъ сдѣлана по ихъ окончаніи и одобреніи кѣмъ либо изъ членовъ Общества. Въ виду услуги оказанной г. Коропачинскимъ Совѣтъ предлагаетъ избрать г. Коропачинскаго членомъ сотрудникомъ.

Постановили: благодарить инженера В. С. Коропачинскаго за его помощь въ этомъ дѣлѣ, а рѣшеніе Совѣта по данному вопросу одобрить. Г. Коропачинскій избранъ членомъ сотрудникомъ единогласно.

6. Сообщеніе д. гл. М. Г. Попруженко о положеніи археологическихъ изслѣдованій у южныхъ славянъ. Въ сообщеніи этомъ былъ отмѣченъ рядъ изданій, которыя предприняты болгарскими и сербскими учеными для опубликованія результатовъ археологическихъ изслѣдованій, которыя ими въ послѣднее время ведутся очень усердно и

успѣшно. Нѣкоторыя изъ этихъ изданій, снабженныя весьма цѣнными снимками („Археологически извѣстия на народния музей въ София“ „Български художествени старини“, „Минало“ и др.), были представлены для обозрѣнія собранія. Въ заключеніе своего сообщенія г. Попруженко отмѣтилъ, что среди сербскихъ ученныхъ опредѣленно въ послѣднее время высказывается мнѣніе о необходимости совмѣстной подъ руководствомъ Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ работы учѣныхъ Балканскаго полуострова на поприщѣ изученія остатковъ старины (см. статью доктора М. Васича въ изданіи „Старинар“ за 1907 г.—„Сувремени задатак Руског Археолошког Института у Цариграду“).

Постановили: благодарить г. Попруженко за его сообщеніе.

7. Благодарность нѣмецкаго Археологическаго Иинститута въ Римѣ за присылку изданій Общества.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

8. Письмо графини Уваровой слѣдующаго содержанія: „Получивъ отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей въ день 25-лѣтія предсѣдательствованія моего въ Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ сердечное привѣтствіе, глубоко тронувшее меня, приношу Обществу выраженіе глубочайшей моей благодарности. Мысль о желаніи Общества украсить залъ засѣданій моимъ портретомъ меня глубоко конфузитъ, такъ какъ считаю себя недостойной подобной чести, что не мѣшаетъ мнѣ выразить Обществу мою сердечную признательность за столь лестное отношеніе къ моимъ слабымъ заслугамъ. Графиня Уварова“,

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

9. Благодарность Археологическаго комитета при С.-Петербургскомъ Университетѣ за присылку изданій.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

10. Благодарность Ю. Ю. Марти за избраніе въ дѣйствительные члены.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

11. Благодарность Ростовской-на-Дону Городской Управы за присылку образцовъ античной посуды для мѣстнаго музея.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

12. Предложеніе Псковскаго Церковнаго Историко-Археологическаго комитета обмѣниваться изданіями.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

13. Докладъ Э. Р. фонъ-Штерна о вновь поступившихъ въ музей предметахъ; куплены: 1) чернофигурный лекифъ, 1 краснолаковый кувшинъ, наверху бычачья голова, 1 мегарскій кубокъ, 1 бронзовая банка, 1 ручка бронзовая съ головкой, 1 бронзовая сицящая фигурка, 1 бронзовый сосудикъ, 1 бронзовый инструментъ, 1 бронзовый футляръ—за 100 р. 2) Отъ А. Гохмана 2 чернофигурныхъ сосуда древнеіоническаго типа и 13 броозовыхъ медицинскихъ инструментовъ—за 80 р. 3) Большая

бронзовая ваза о трехъ ручкахъ и амфора мѣстной работы—куплены у Шапиро изъ Ольвіи—за 80 руб. Получено отъ А. А. Бертье-Делагарда 3 рѣдкихъ гравюры, 2 античныхъ стекла изъ Херсонеса, синее стекло (изображена птица) изъ Соукъ-Су, 2 лампочки изъ Херсонеса, чернолаковый кувшинчикъ изъ Пантикопея, глиняный кружокъ изъ Пантикопея, кусокъ поливы въ видѣ круглаго камня, бронзовая палочка, 3 свинцовыя разновѣски, 4 амфорныя ручки съ штемпелями и 1 каменныя четыреугольныя плитки съ надписью Δαματρια Θεοφανειος Ἡρακλειου Γυνα изъ Херсонеса, столбикъ изъ мрамора съ тремя лицами Гекаты, 10 наконечниковъ стрѣлъ, 1 рѣзной камень, 1 оловянный букрарій и 2 бронзовыхъ подвѣска—изъ Ольвіи, 12 бронзовыхъ и 3 серебряныя античныя монеты, 1 римская мѣдная временъ Домиціана, 1 мѣдная рѣзная, 5 серебряныхъ, найденныхъ въ Балаклавѣ, 3 медали и образцы поддѣльныхъ серебряныхъ монетъ и золотыхъ вещей: ожерелье, серьги, кольцо, 1 византійская чаша, черепокъ изъ персидской керамики изъ Ѳеодосіи. 4) Куплено у N. N.: Тираская монета временъ Домиціана превосходной сохранности за 10 р. 5) Куплено у Императорской Археологической Комисіи: 1) терракотовая статуэтка, 1 бронзовая ручка съ головой медузы, 1 бронзовая статуэтка—изъ Аккермана. Пожертвовано д. гл. К. М. Милисавлевичемъ: 10 ольвійскихъ амфорныхъ ручекъ и д. гл. Е. А. Шуманскимъ—Тріодъ цвѣтная 1747 г. въ переплетѣ. Отъ Б. Харжевскаго, лектора Императорскаго Восточнаго Института, получено 90 китайскихъ монетъ отъ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго царствованія. (Расходы по пересылкѣ и т. д. около 43 руб. Общество взяло на себя).

Постановили: жертователей благодарить; вещи вписать въ инвентарь.

14. Сообщеніе Э. Р. фонъ-Штерномъ письма г. Карузо о его раскопкахъ въ Тираспольскомъ уѣздѣ:

«Въ мартѣ мѣсяцѣ сего года одна изъ 4-хъ могилъ, находящихся въ имѣніи моемъ, Ново-Вырна (оно-же Германово), Тираспольскаго уѣзда, Херсонской губ., была разрыта мною. Насыпь имѣетъ въ высоту надъ горизонтальной ея поверхностью—около 2 аршинъ; у основанія могила обведена каменною стѣною, толщиною около аршина, высотою до $^3/_4$ аршина. Камень нетесанъ, собранъ судя по его строенію въ рытвинахъ, водомоинахъ и легко крошится. Въ центрѣ могилы на глубинѣ $2^1/_2$ ар. найденъ оставъ лошади и рядомъ съ нимъ гробъ съ человѣческимъ оставомъ. Человѣкъ и лошадь лежали рядомъ, голова къ головѣ съ зап. по востокъ. При оставѣ лошади найдены пара стремянъ, пряжки и кольца отъ сбруи и какія-то украшенія (какъ-бы костяныя) отъ сѣдла. Во рту у лошади оказались удила. Истлѣвшее сѣдло (вѣроятно и чепракъ) оставили на приставшей къ нему землѣ какъ-бы слѣдъ (окрашеніе); въ одномъ мѣстѣ (величиною съ гривенникъ) земля была окрашена въ красный (суриковый) цвѣтъ. Голова

лошади показалась цѣликомъ, но когда хотѣли ее поднять,—разсыпалась на части. Весь костякъ, за исключеніемъ костей четырехъ ногъ, истлѣлъ совершенно.

Рядомъ съ лошадью показался человѣческій черепъ, раздавленный; при прикосновеніи кости крошились, и только зубы сохранились хорошо. Позвоночника, реберъ, тазовыхъ костей и костей рукъ нѣтъ; сохранились только кости бедра, голени и ступни. Руки не были сложены на груди, а лежали вдоль туловища, т. к. найдено кольцо (перстень) на мѣстѣ, гдѣ должна была лежать лѣвая рука. Съ лѣвой же стороны остава найдены три куска желѣза (остатки какого-нибудь оружія), въ ногахъ найдена костяная пластинка. Дубъ, изъ котораго сдѣланъ былъ гробъ, при прикосновеніи растирался въ порошокъ; боковыя стѣны гроба сдѣланы были изъ бревенъ толщиною болѣе 2-хъ вершковъ; нижняя часть гроба и верхняя не сохранились, а оставили только слѣдъ, едва замѣтный и то мѣстами. 4-го апрѣля 1910 года».

П о с т а н о в и л и: напечатать въ протоколѣ засѣданія. Г. Карузо выразить благодарность за докладъ, за фотографіи и за обѣщаніе передать находки Музею.

15. Сообщеніе предсѣдателя, что въ Одессѣ гоститъ въ настоящее время членъ Копенгагенской Академіи г. Кинкъ, который въ Музеѣ работаетъ надъ березанскими предметами; г. Кинкъ благодаритъ Общество за любезный пріемъ.

П о с т а н о в и л и: принять къ свѣдѣнію.

402 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

30 сентября 1910 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Э. Р. фонъ-Штерна, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. В. Лонгиновъ, А. А. Павловскій, П. Г. Меликовъ, Г. И. Танфильевъ, С. Д. Пападимитріу, Н. С. Кушнеръ, С. Г. Вилинскій, М. Ѳ. Шкадышекъ, А. П. Доброклонскій, члены-сотрудники: Б. Э. фонъ-Штернъ, Н. Д. Капстанаки, М. С. Мончевскій, Б. А. Бауэръ, В. И. Василенко. гости: проф. Б. В. Варнеке и студентъ Р. Рафаилъ.

Слушали:

1. Сообщеніе хранителя музея поч. члена Э. Р. фонъ-Штерна о поступившихъ въ музей со времени послѣдняго засѣданія предметахъ древности: А) *Куплены:*—1) у Ш. Гохмана одна статуэтка за 25 руб.; 2) у А. Гаухмана за 70 руб.—котелъ съ цѣпью и съ ложкой (черпакомъ) изъ глины, глиняная лампа, красное блюдо, 2 іоническихъ сосуда, альвастръ, бронзовый сосудъ, сосудъ изъ стекла, лампа металлическая; 3) у Е. Запорожскаго за 18 руб. 3 сосуда изъ глины (1 сосудъ средневѣковый); 4) у г-жи Джоржато за 14 руб. 45 коп.—монеты (1 золотая Юстиніана, 1 серебрян. временъ Петра, 1 серебрян. (20 коп. 1850 г.), 6 мѣдныхъ русскихъ (2 коп. 1840 г., 1 коп. 1798, 1810, 1840, 1864 и $^1/_2$ коп. 1899 г.; 5) у А. Гаухмана—за 3 руб.—ручка отъ бронзовой амфоры (фрагментъ статуэтки), бронзовый левъ (украшеніе неопредѣленнаго предмета), фрагментъ римскаго сосуда съ рельефной головой пана, маленькій глиняный сосудъ; 6) за 10 рублей—серебряныя украшенія: 2 браслета, три кольца, 2 ожерелья (кавказской работы, 7) за 125 руб. сосудъ съ зеленой поливой эллинистическаго періода (у Ш. Гохмана); 8) у Шапиро—рѣзной античный камень за 10 руб.; 9) за 5 рублей—фибула, 2 бронзовыя кольца и бронзовая коробочка; 10) у Божинова (изъ Болгаріи) 28 монетъ Мезіи и Ѳракіи за 15 рублей. Б) *Пожертвованы:*—1) г-жей Джоржато—деревянная рѣзная икона; 2) Ш. Гохманомъ — глиняный сосудъ грубой работы (найденъ въ Херсонской губ.); 3) Х. П. Ящуржинскимъ—5 ручекъ съ клеймами; 4) докторомъ П. М. Амброжевичемъ желѣзный якорь. Якорь

этотъ найденъ 9 августа 1910 года во время добыванія грязи въ Куяльницкомъ (Андреевскомъ) лиманѣ для лѣчебницы доктора П. А. Амброжевича. Во время работы якорь на глубинѣ 5 аршинъ на серединѣ лимана захватила грязечерпалка. Находка эта очень интересна для исторіи нашихъ лимановъ; по формѣ онъ происхожденія не греческаго; греческій якорь имѣлъ всегда два рукава, а здѣсь было четыре (одинъ утраченъ), а кромѣ того, для греческихъ судовъ онъ былъ-бы очень великъ. Его нужно отнести къ началу генуэзскаго плаванія по Черному морю, т. е къ XII в., когда лиманъ еще очевидно не былъ отдѣленъ отъ моря, и въ него могли для добыванія соли входить большія суда.

Постановили: всѣ предметы занести въ инвентарь, а жертвователей благодарить

2. Сообщенія предсѣдателя о томъ, что Совѣтомъ предлагается избрать въ д. члены профессора Б. В. Варнеке.

Постановили: считать проф. Б. В. Варнеке избраннымъ единогласно, такъ какъ при баллотировкѣ онъ получилъ отъ всѣхъ бѣлые шары.

3. Извѣщеніе Историко-филологическаго Общества при Харьковскомъ университетѣ о томъ, что 6 октября Общество устраиваетъ торжественное засѣданіе по случаю 30-лѣтія учено-педагогической дѣятельности проф. Д. И. Багалѣя.

Постановили: послать слѣдующую телеграмму: „Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, высоко цѣня труды профессора Дмитрія Ивановича Багалѣя по исторіи юга Россіи, сердечно привѣтствуетъ его по поводу 30-лѣтней учено-педагогической дѣятельности и желаетъ ему дальнѣйшаго плодотворнаго служенія русской наукѣ".

4. Ходатайство высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ о льготной высылкѣ въ библіотеку ихъ „Записокъ" Общества.

Постановили: предложить пріобрѣсти „Записки" по 1 руб. томъ, при чемъ сообщить, что проданы могутъ быть лишь томы, которые имѣются въ достаточномъ числѣ экземпляровъ.

5. Сообщеніе д. чл. С. Д. Пападимитріу „Мѣстоположеніе древней Одессы".

Древніе греческіе географы опредѣляютъ точно разстояніе Одессы отъ Березани (80 стадій=16 верстъ). До сихъ поръ однако нельзя точно указать, гдѣ именно лежалъ городъ Одесса, такъ какъ никто не напалъ еще на какіе-нибудь слѣды его. Докладчикъ полагаетъ, что мѣсто, гдѣ лежала Одесса, въ настоящее время не заселено, въ противномъ случаѣ кто-нибудь изъ жителей когда-либо имѣлъ-бы случай найти хоть какой-нибудь остатокъ древности, чѣмъ и былъ-бы данъ поводъ къ раскопкамъ.

Обративъ вниманіе на то, что говорятъ древніе источники объ Одессѣ, докладчикъ сообщилъ, что городъ этотъ древними называется то Ὀρδησ(σ)ος (Птоломей, Плиній), то Ὀδησσός (Арріанъ, Анонимный авторъ Перипла); по ихъ указаніямъ онъ находился около рѣки Аксіака (?), имѣлъ гавань (portus—Плиній) или просто бухту (ὅρμος—Арріанъ) и расположенъ былъ на разстояніи 80 стадій (=16 верстъ) отъ острова Березани, 160 стадій (=32 версты) отъ деревни Σκόπελοι и 250 стадій (=50 в.) отъ города Ἰστριανῶν λιμήν.

Относительно названія докладчикъ полагаетъ, что правильное названіе—Ὀρδησσός, Ὀδησσός-же есть названіе другого милетскаго города на Черномъ морѣ, но вдали отъ насъ, а именно около г. Варны въ Болгаріи. Въ литературѣ однако, часто и наша Одесса называется Ὀδησσός, и трудно сказать, есть-ли это ошибка переписчиковъ или

дѣйствительно и сосѣдній съ нами городъ впослѣдствіи получаетъ второе названіе. Совпаденіе названій двухъ различныхъ городовъ даетъ часто поводъ къ недоразумѣніямъ и путаницѣ; то что относится къ одному городу, приписывается другому. Такъ, напр., говорится, что наша древняя Одесса основана во время царствованія Мидійскаго царя Астіага (ок. 585 г. до Р. Хр.); по указанію докладчика это все относится къ другой Одессѣ (при Варнѣ). Время основанія нашей Одессы, слѣдовательно, неизвѣстно. У Страбона и Стефана Византійскаго нѣтъ никакого упоминанія о ней.

Обыкновенно принимаютъ, что Одесса лежала въ селѣ Карабушѣ, но академикъ Кэлеръ думалъ, что она лежала при Тилигульскомъ лиманѣ; онъ считалъ, что именно это мѣсто подходитъ къ тому указанію, которое даютъ древніе географы.

Получивъ отъ Общества командировку, докладчикъ лѣтомъ отправился осмотрѣть соотвѣтственную мѣстность. Осмотрѣвъ весь берегъ отъ Тилигульскаго лимана до мыса Аджіяска, онъ однако нигдѣ не видѣлъ какой-нибудь хотя мало-мальски защищенной бухты. Исходя-же изъ того положенія, что на нашихъ берегахъ произошли геологическія перемѣны и катастрофы, докладчикъ пришелъ къ заключенію, что единственное мѣсто, гдѣ можно искать древнюю греческую Одессу,—это такъ называемая Большая балка около Карабуша. Балка эта въ древности должна была быть соединенной съ моремъ, и такимъ образомъ она представляла удобную бухту, въ которой могли-бы помѣщаться и большіе корабли. Другая-же балка (Малая балка) около Карабуша не подходитъ для этого во-первыхъ потому, что она узка, а во-вторыхъ потому, что въ селѣ Карабушѣ никто еще не наталкивался на какіе-либо слѣды древней культуры. Докладчикъ здѣсь и намѣренъ былъ произвести пробныя раскопки, но неблагопріятная погода (сильные дожди) помѣшала ему привести въ исполненіе это намѣреніе. Что касается древняго свѣдѣнія о разстояніи отъ острова Березани, то докладчикъ думаетъ, что это мѣсто скорѣе всего ему соотвѣтствуетъ, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что древніе при измѣреніи разстоянія строго придерживались береговой линіи и принимали въ разсчетъ всякую извилину ея. Такъ и здѣсь получится 16 верстъ, если отъ Березани считать разстояніе прямо до материка, продолженіемъ котораго и является Березань, за тѣмъ расчитывая отъ этого пункта извилину Аджіаска до мыса Аджіаска и, наконецъ, отъ этого мыса до большой балки. Мимоходомъ докладчикъ коснулся и вопроса о мѣстоположеніи другихъ греческихъ селеній по нашимъ берегамъ и на основаніи опять данныхъ древнихъ географовъ предполагаетъ, что деревня Σκόπελοι лежала на половинѣ дороги между Дофиновкой и Чебанкой; городъ Ἰστριανῶν λιμήν, на правомъ (отъ моря) берегу Куяльницкаго лимана. Что касается другого города Ἰσιακῶν λιμήν, то изъ имѣющихся у насъ двухъ различныхъ разстояній (Арріана и Анонима) болѣе правильнымъ по мнѣнію докладчика нужно считать

сообщеніе Анонима; провѣривъ исчисленія разстояній обоихъ этихъ писателей, онъ дѣлаетъ выводъ, что городъ Ἰσιακῶν λιμήν лежалъ въ близости Люстдорфа, деревня-же Νιχώνιον—около Бугаза.

Постановили: благодарить докладчика

6. Сообщеніе секретаря о поступившихъ въ теченіе лѣта въ Общество книгахъ.

Постановили: сдать библіотекарю для внесенія въ каталогъ.

403 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

23 октября 1910 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Э. Р, фонъ-Штерна, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. А. Павловскій, А. Е. Егоровъ, С. Д. Пападимитріу, Б. В. Варнеке, А. И. Щербаковъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, К. М. Милисавлевичъ, С. П. Шелухинъ, С. Г. Вилинскій, К. О. Лысаковскій, члены-сотрудники: А. М. Гамовъ, Н. Д. Капетанаки, И. И. Василенко, Б. Э. фонъ-Штернъ; гость А. К. Лагутинскій.

Слушали:

1. Предложеніе г. вице-президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда поручить горному инженеру Іосифу Николаевичу Вноровскому быть хранителемъ крѣпости въ Судакѣ. Г. Вноровскій, живущій постоянно въ Судакѣ, изъявилъ на то свое согласіе.

Постановили: просить Іосифа Николаевича Вноровскаго, который послѣ произведенной баллотировки оказался единогласно избраннымъ въ дѣйствительные члены, принять на себя должность хранителя Судакской крѣпости.

2. Составленный Совѣтомъ Общества слѣдующій проектъ инструкціи хранителю Судакской крѣпости:

Мѣстность древней крѣпости въ Судакѣ (мѣстечко въ Таврической губерніи), въ предѣлахъ указываемыхъ планомъ, со всѣмъ, что тамъ имѣется, составляетъ собственность Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, которое, для ближайшаго завѣдыванія этимъ имуществомъ, избираетъ особаго хранителя, согласно §§ 31, 37 и 40 своего Устава, прося его руководствоваться слѣдующимъ:

1) Развалины Судакской древней крѣпости, со всей плановою мѣстностью, находятся въ завѣдываніи хранителя, являющагося по всѣмъ вопросамъ, связаннымъ съ этимъ завѣдываніемъ, представителемъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, за общимъ собраніемъ котораго остается и окончательное рѣшеніе всѣхъ вопросовъ.

2) Хранитель крѣпости заботится о сбереженіи развалинъ крѣпости и всякихъ остатковъ древности, принимая мѣры, могущія повести къ указанной цѣли, съ надлежащаго утвержденія собраніемъ Общества.

3) Съ помощью печатныхъ объявленій, расклеенныхъ во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ (почта, пароходныя агентства, гостиницы, меблированныя комнаты и т. п.) мѣстечка и колоніи, а также вывѣсокъ, поставленныхъ на наиболѣе видныхъ мѣстахъ самой крѣпости, онъ приглашаетъ посѣтителей сберегать столь рѣдкое общее достояніе, слѣдя за исполненіемъ этого и привлекая разрушителей къ законной отвѣтственности. Въ тѣхъ-же объявленіяхъ указывается опасность посѣщенія крѣпости, при чемъ Общество слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность.

4) Безусловно воспрещается кому-бы то ни было на мѣстности Общества производство какихъ-бы то ни-было работъ или раскопокъ, безъ особаго на то разрѣшенія Общества, за чѣмъ и слѣдитъ хранитель.

5) Хранитель осматриваетъ крѣпость и представляетъ Обществу о наиболѣе необходимыхъ исправленіяхъ не позже декабря мѣсяца каждаго года, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, чтобы это представленіе могло быть разсмотрѣно Обществомъ и внесено въ смѣту будущаго года.

6) Къ тому-же времени имъ представляется и общее предположеніе о какихъ-бы то ни было иныхъ расходахъ, желательныхъ для достиженія цѣлей Общества.

7) Расходы по §§ 5 и 6 составляютъ на каждый годъ смѣту по храненію древней крѣпости въ Судакѣ.

8) Получивъ отъ Общества утвержденіе смѣты или предположенія объ особыхъ исправленіяхъ и какихъ-либо иныхъ расходахъ, хранитель производитъ ихъ тѣмъ путемъ, который найдетъ наиболѣе выгоднымъ, избирая для производства работъ самое удобное время.

9) О всякихъ чрезвычайныхъ событіяхъ, напримѣръ особыхъ разрушеніяхъ или какихъ-либо находкахъ и т. под., хранитель увѣдомляетъ Общество съ представленіемъ своихъ соображеній.

10) Въ распоряженіи хранителя состоитъ сторожъ, которому онъ уплачиваетъ внесенное въ смѣту и ассигнуемое Обществомъ на этотъ предметъ жалованье.

11) Арендные договоры Общества съ Р. О. П. и Т. и съ нѣмецкой колоніей, копіи съ которыхъ имѣются у хранителя, исполняются имъ съ совершенной точностью, и онъ уже слѣдитъ за ихъ исполненіемъ сторонами, прекращая всякія нарушенія и увѣдомляя о таковыхъ Общество.

12) Всякаго рода находки древностей или иныя, дѣлаемыя на мѣстности, принадлежащей Обществу, сберегаются хранителемъ въ особомъ мѣстѣ (напр. въ притворѣ церкви), и о нихъ увѣдомляется

Общество (о мелочныхъ въ годовомъ отчетѣ, а о значительныхъ немедленно).

13) Кромѣ того, Общество проситъ хранителя узнавать о всякихъ находкахъ древностей и раскопкахъ, дѣлаемыхъ въ Судакѣ и его окрестностяхъ, стараясь пріобрѣсти малоцѣнныя, оплачивая изъ ремонтныхъ суммъ, а о дорогихъ увѣдомляя Общество.

14) За каждый истекшій годъ хранитель представляетъ краткій отчетъ не позже января мѣсяца, какъ объ израсходованныхъ имъ суммахъ, съ оправдательными документами, такъ и о всякихъ событіяхъ, могущихъ имѣть значеніе въ археологическомъ смыслѣ, напр. находкахъ, примѣрномъ числѣ и характерѣ посѣтителей, а также объ исполненіи арендаторами договорныхъ условій.

Постановили: инструкцію утвердить и препроводить ее для руководства хранителю Судакской крѣпости д. чл. І. Н. Вноровскому.

3. Предложеніе Совѣта Общества изготовить плакаты для постановки ихъ на видныхъ мѣстахъ Судакской крѣпости—съ слѣдующимъ текстомъ:

„Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, владѣющее крѣпостью въ Судакѣ, покорнѣйше проситъ посѣтителей охранять древнія развалины. Воспрещается что-либо ломать, сбрасывать камни, раскапывать. Виновные будутъ привлекаться къ отвѣтственности по закону.

Прогулки по крѣпости опасны; ихъ слѣдуетъ совершать подъ руководствомъ сторожа въ сухую, тихую и теплую погоду. Предупредивъ объ опасности, Общество слагаетъ съ себя отвѣтственность на случай какого-либо несчастія съ посѣтителями".

Постановили: плакаты изготовить (3 экземпляра) на желѣзныхъ листахъ въ размѣрѣ 2×1 аршинъ съ предложеннымъ Совѣтомъ текстомъ и препроводить ихъ г. Вноровскому для постановки ихъ по его усмотрѣнію въ крѣпости согласно 3 § Инструкціи.

4. Предложеніе Совѣта изготовить объявленія слѣдующаго содержанія:

„Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, въ собственности и владѣніи котораго находится древняя крѣпость Судакъ, обращается съ покорнѣйшей просьбой къ посѣтителямъ крѣпости беречь и охранять этотъ рѣдкій остатокъ старины, какъ общее всей Русской земли достояніе.

Въ крѣпости воспрещается что-либо ломать, сбрасывать камни, производить раскопки и какія-бы то ни было работы; виновные въ семъ будутъ привлекаться къ отвѣтственности по закону.

По дѣламъ, касающимся крѣпости, слѣдуетъ обращаться къ хранителю оной, г-ну уполномоченному Общества І. Н. Вноровскому.

Обращается особое вниманіе посѣтителей крѣпости на опасность прогулокъ въ въ ней какъ отъ разрушающихся частей древнихъ

построекъ, такъ и отъ условій трудно доступной, скалистой мѣстности; поэтому Общество настоятельно проситъ посѣщать крѣпость исключительно днемъ, въ хорошую, не дождливую и не морозную, безвѣтреную погоду, когда бываетъ менѣе опасности отъ падающихъ камней, а тропинки по скаламъ не такъ скользки и опасны; всего лучше осматривать крѣпость подъ руководствомъ сторожа, живущаго при церкви. Предупредивъ объ опасности, Общество снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность въ случаѣ несчастій съ посѣтителями".

Постановили: объявленія изготовить въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ и препроводить ихъ въ распоряженіе І. Н. Вноровскаго согласно § 3 Инструкціи.

5. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 6 октября 1910 г., за № 286 слѣдующаго содержанія: „До свѣдѣнія Общества дошло, что развалины генуэзской крѣпости въ г. Судакѣ находятся въ ужасномъ состояніи: въ чертѣ развалинъ постоянно находится скотъ, стѣны валятся, четыре или пять башенъ дали трещину и угрожаютъ паденіемъ. Въ виду того, что эти развалины находятся въ вѣдѣніи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Императорское Московское Археологическое Общество покорнѣйше проситъ принять мѣры къ поддержанію этого древняго памятника. Тов. предсѣдателя комиссіи по сохр. древн. пам. (подпись), секретарь комиссіи (подпись).

Постановили: сообщить Императорскому Московскому Археологическому Обществу въ отвѣтъ на это отношеніе слѣдующее:

По поводу отношенія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 6 октября 1910 г. за № 286 Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей имѣетъ честь сообщить слѣдующее. Въ 1880 году Судакская крѣпость назначена была для публичной продажи. Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей стоило большихъ усилій предотвратить это рѣшеніе и добиться того, чтобы крѣпость не была снесена и передана въ завѣдываніе Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей съ условіемъ, чтобы судакскіе колонисты могли пользоваться землею для устройства виноградниковъ и подъ выпасъ скота. Общество тогда же избрало хранителемъ крѣпости мѣстнаго помѣщика Романовскаго и наняло сторожа, но за неимѣніемъ средствъ, въ виду незначительной субсидіи, которую Общество получало въ то время отъ правительства, оно не могло ассигновать соотвѣтствующую сумму для ремонта. Послѣ смерти Романовскаго хранителемъ крѣпости избранъ былъ жившій постоянно въ Судакѣ тайный совѣтникъ И. П. Щелковъ; изъ переписки съ нимъ, хранящейся въ архивѣ Общества, видно, что Общество постоянно занято было вопросомъ о сохраненіи и поддержкѣ этого интереснаго памятника. Въ 90-хъ годахъ, благодаря щедрому пожертвованію почетнаго члена Общества, нынѣ вице-президента, А. Л. Бертье-Делагарда, свыше 1000 руб. употреблено было на ремонтъ часовни и

нѣкоторыхъ башенъ. Затѣмъ, когда Обществу удалось изъ эксплуатаціи прибрежной полосы извлечь нѣкоторые доходы, И. П. Щелкову ежегодно отпускались суммы на ремонтъ крѣпости,—о чемъ всѣ оправдательные документы имѣются въ дѣлахъ Общества. Послѣ смерти тайнаго совѣтника Щелкова, до избранія новаго хранителя, которое могло состояться въ виду отсутствія въ глухомъ Судакѣ подходящихъ лицъ лишь осенью этого года, Общество также не оставляло своими заботами Судака. Лѣтомъ прошлаго года туда командированъ былъ секретарь Общества проф. М Г. Попруженко, имъ совмѣстно съ инженеромъ-технологомъ были тщательно обслѣдованы развалины крѣпости и намѣченъ планъ постепеннаго ремонта ихъ. Наиболѣе необходимыя работы на сумму въ 300 рублей—были исполнены въ августѣ текущаго года; вице-президентъ Общества генералъ-инженеръ А. Л. Бертье-Делагардъ принялъ ихъ и нашелъ ихъ выполненными удовлетворительно. Для продолженія этихъ работъ въ смѣту 1911 г. снова вносится опредѣленная, довольно солидня сумма,—такъ какъ Общество и на будущее время рѣшило по мѣрѣ средствъ продолжать указанныя ремонтныя работы по выработанному инженеромъ плану. По тщательному изслѣдованію развалинъ объ особенной опасности, о которой говорится въ отношеніи Московскаго Археол. Общества, въ данный моментъ не можетъ быть и рѣчи. Въ слѣдующемъ году кончается контрактъ съ колонистами, и тогда будутъ приняты мѣры, чтобы выпасъ скота въ крѣпости прекратился.

Изъ этого изложенія фактическаго положенія дѣла явствуетъ, что Общество все время съ 1880 г. принимало и продолжаетъ принимать для сохраненія Судакской крѣпости всѣ мѣры, поэтому оно выражаетъ свое глубокое сожалѣніе и недоумѣніе по поводу того, что Им. Москов. Археол. Общество, не потрудившись навести справки о томъ, что сдѣлало и дѣлаетъ Одесское Общество въ данномъ направленіи, рѣшилось на основаніи непровѣренныхъ свѣдѣній обратиться въ Им. Одесское Общество Исторіи и Древностей съ настоящимъ отношеніемъ, по своему содержанію и по своей формѣ совершенно неумѣстнымъ".

6. Письмо магистра гражданскаго права А. А. Борзенко о томъ, что имъ для Одесскаго музея отъ Его Величества черногорскаго короля Николая I полученъ портретъ съ автографомъ.

Постановили: выразить Его Величеству черногорскому королю Николаю I чрезъ черногорскаго министра народнаго просвѣщенія Петра Георгіевича Вучковича благодарность за цѣнный для музея даръ, благодарить также и А. А. Борзенко за его заботы о пополненіи Одесскаго музея.

7. Отношеніе Московскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества о высылкѣ ему всѣхъ томовъ „Записокъ".

Постановили: отказать въ виду весьма малаго числа сохранившихся экземпляровъ томовъ „Записокъ“ до 28 тома, который выслать согласно состоявшемуся уже рѣшенію.

8. Предложеніе Церковно-Археологическаго отдѣла при Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія о высылкѣ „Чтеній въ Обществѣ любителей духовн. просвѣщенія“ въ обмѣнъ на „Записки“.

Постановили: предложеніе принять и высылать „Записки“ съ 28 тома.

9. Письмо профессора Харьковскаго университета Д. И. Багалѣя съ выраженіемъ Обществу благодарности за привѣтствіе по поводу 30-лѣтняго юбилея.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

10. Сообщеніе предсѣдателя о томъ, что согласно предложенію устроителей гигіенической выставки въ Дрезденѣ—имъ послано на эту выставку 30 фотографій съ различныхъ предметовъ, находящихся въ Одесскомъ музеѣ (древніе хирургическіе инструменты, туалетныя принадлежности античнаго міра, древніе сосуды для варки пищи и проч.). Фотографіи эти комитетомъ выставки приняты съ большимъ интересомъ.

Постановили: принять къ свѣдѣнію.

11. Сообщеніе поч. члена Э. Р. фонъ-Штерна о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ при посѣщеніи заграничныхъ музеевъ лѣтомъ 1910 года.

Начавъ съ германскаго музея въ Нюрнбергѣ и изложивъ исторію возникновенія и развитія его, докладчикъ далъ характеристику его коллекцій и указалъ положительныя и отрицательныя стороны такихъ громадныхъ собраній, какъ нюрнбергскія. Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ характеристикѣ Университетскаго музея въ Гейдельбергѣ, музея слѣпокъ и древностей въ Маннгеймѣ, римско-германскаго центральнаго музея въ Майнцѣ, академическаго музея и провинціальнаго музея въ Боннѣ и Валльрафъ—музея въ Кельнѣ; онъ остановился на самыхъ выдающихся предметахъ или группахъ предметовъ въ этихъ коллекціяхъ и подробно распространился о важности изученія этихъ музеевъ спеціально для археологовъ, занимающихся южно-русскими древностями. Тщательныя и систематическія раскопки на Рейнѣ дали возможность довольно точно установить даты для разныхъ предметовъ римскаго производства и римской культуры, которые встрѣчаются также при раскопкахъ на югѣ Россіи. При этомъ докладчикъ при анализѣ ряда предметовъ—н. п. цвѣтнаго стекла, керамическихъ издѣлій и т. д. указалъ, что мы здѣсь въ общемъ склонны эти предметы датировать слишкомъ раннимъ періодомъ, I и II вѣкомъ по Р. Х. между тѣмъ, какъ по точно установленнымъ даннымъ при раскопкахъ на Рейнѣ, они относятся къ III—IV вѣку по Р. Х. Происходитъ это оттого, что III/IV вѣкъ по Р. Х. считался у насъ временемъ уже почти полнаго упадка античной куль-

туры, а между тѣмъ раскопки на Западѣ доказываютъ, что это сужденіе было слишкомъ поспѣшно, и что, судя по совершенно аналогичнымъ находкамъ на Рейнѣ, надо допустить, что вліяніе римской культуры въ этотъ поздній періодъ было въ колоніяхъ на Сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря еще сильнѣе, чѣмъ обыкновенно принято думать.

Постановили: благодарить докладчика.

12. Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко объ осмотрѣнномъ имъ городскомъ музеѣ въ Вѣнѣ. Докладчикомъ былъ представленъ обзоръ предметовъ, находящихся въ этомъ музеѣ, назначенномъ для храненія предметовъ, спеціально относящихся къ исторіи Вѣны, при этомъ было указано вообще о задачахъ подобныхъ городскихъ музеевъ, о способахъ ихъ составленія и объ ихъ значеніи, которое должно заключаться именно въ сбереженіи для изученія въ будущемъ всего, что можетъ дать представленіе о текущей жизни городовъ. Устройство подобнаго рода музеевъ по мнѣнію докладчика весьма желательно и необходимо. Предметы обстановки текущей жизни такъ быстро теряются и исчезаютъ, что уже черезъ нѣсколько лѣтъ часто бываетъ очень трудно опредѣлить, какъ и чѣмъ проявилъ свою жизнь въ данномъ направленіи еще нестарый городъ. Примѣромъ можетъ служить и наша Одесса, многія эпохи которой не могутъ быть уже детально возстановлены историкомъ, такъ какъ никто въ свое время не подумалъ о сохраненіи отъ нихъ какихъ-либо памятниковъ. Въ настоящее время при развитіи фотографіи, при существованіи музеевъ, библіотекъ и архивовъ и русскія города, а въ томъ числѣ и Одесса—могутъ легко сохранить для будущаго историка много цѣннаго, интереснаго и поучительнаго.

Постановили: благодарить докладчика.

13. Предложеніе Совѣта объ избраніи Афуза-Османа Мурасова (въ Ѳеодосіи) членомъ-сотрудникомъ Общества въ виду той пользы, которую ему можетъ оказать г. Мурасовъ своимъ знаніемъ восточныхъ языковъ.

Постановили: считать избраннымъ единогласно, такъ какъ г. Мурасовъ получилъ отъ всѣхъ бѣлые шары.

14. Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ въ музей предметахъ.

Пріобрѣтено: 1) Изъ одной могилы скиѳскаго періода масса бляшекъ, которыми обшитъ былъ поясъ для защиты надбедренника отъ стрѣлъ. Совершенно аналогичная находка опубликована Стефани въ отчетѣ Комиссіи за 1877 г. Срв. также Боспорскія древности, таб. 27,4. Baumeister, стр. 2033, Alb. 2206. „Schuppenpanzer“.

2) Сосудъ эллинистическаго періода: шаровидный арибаллъ, бѣлая облицовка, на ней узоръ изъ усиковъ въ красной краскѣ.

3) 10 разныхъ камней и амулетовъ изъ ольвійскихъ могилъ.

4) Кусокъ мраморнаго пьедестала на одной сторонѣ надпись:

Ο ΔΗΜΟΣ
ΠΑΝΤΑΚΛΗΝ ΚΛΕΟΜΒΡΟΤΟΥ
ΤΟΝ ΕΥΕΡΓΕΤΗΝ ΗΡΑΚΑΕΙ.

Въ послѣднемъ словѣ по ошибкѣ поставлена буква А вмѣсто Λ.

Народъ [посвятилъ статую] благодѣтеля Пантакла, сына Клеомброта, Гераклу.

Этотъ Пантаклъ, судя по характеру письма, можетъ быть сынъ Клеомброта, который упоминается въ ольвійскихъ надписяхъ (Latyschev: J. o. s. P. E. I, 99 и 100) и о которомъ В. В. Латышевъ подробно трактовалъ въ комментаріи къ этимъ надписямъ.

Постановили: записать всѣ предметы въ инвентарь.

404 засѣданіе (годичное)

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14 ноября 1910 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Э. Р. фонъ-Штерна, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: протоіерей С. В. Петровскій, А. А. Павловскій, С. П. Шелухинъ, Б. В. Варнеке, К. М. Милисавлевичъ, А. В. Рыстенко, Б. М. Ляпуновъ, К. О. Лысаковскій, Е. А. Шуманскій, А. Е. Егоровъ, С. Д. Пападимитріу, А. Я. Шпаковъ; члены-сотрудники: Б. Э. фонъ-Штернъ, А. М. Гамовъ, Н. Д. Капетанаки, И. И. Василенко, М. С. Мончевскій; гость А. Л. Рыстенко.

Открывъ засѣданіе, предсѣдательствующій привѣтствовалъ Общество съ исполненіемъ 71 года его существованія и прочиталъ полученное имъ изъ Ялты слѣдующее письмо вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда:

„Нездоровье не позволяетъ мнѣ посѣтить Одессу и привѣтствовать высокоуважаемое Общество. Позвольте просить Васъ быть выразителемъ моихъ чувствъ.

Въ день 71-й годовщины Общества приношу ему глубочайшія поздравленія и наилучшія пожеланія. Да растетъ и процвѣтаетъ оно, на радость всѣмъ намъ!“

Изложивъ затѣмъ программу предстоящаго годичнаго засѣданія, предсѣдательствующій объяснилъ, почему чествованіе бывшаго вице-президента Н. И. Пирогова соединено съ празднованіемъ годовщины Общества. Въ виду значенія Н. И. Пирогова для Общества естественно было-бы посвятить его памяти 13 ноября, когда исполнилось 100 лѣтъ со дня рожденія, особое засѣданіе, но въ виду того, что медицинскій факультетъ Императорскаго Новороссійскаго университета въ своемъ собраніи, 4-го сего ноября состоявшемся, постановилъ чествовать 13 ноября столѣтнюю годовщину со дня рожденія Н. И. Пирогова торжественнымъ засѣданіемъ и пригласить участвовать въ означенномъ засѣданіи гг. членовъ всѣхъ ученыхъ обществъ, находящихся въ г. Одессѣ, рѣшено было перенести чествованіе Пирогова Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей на 14 ноября въ ожиданіи, что это древнѣйшее ученое Общество въ г. Одессѣ, будетъ приглашено на это торжество, и что члены Общества пожелаютъ

Пирогов

воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Но предположеніе это оказалось ошибочнымъ. Повидимому, медицинскій факультетъ, не признавъ, того Общества, въ которомъ въ свое время Пироговъ состоялъ вице-президентомъ, „ученымъ“, приглашенія ему не прислалъ; когда-же это странное обстоятельство выяснилось, было уже поздно перемѣнять принятое рѣшеніе. Вотъ почему чествованіе памяти Н. И. Пирогова не могло быть назначено на 13 ноября.

Послѣ этого Собраніе, почтивъ память своего вице-президента Н. И. Пирогова вставаніемъ, выслушало слѣдующія сообщенія:

1. Д. чл. М. Г. Попруженко „Памяти вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Н. И. Пирогова“.

2. Д. чл. протоіерея С. В. Петровскаго—„Н. И. Пироговъ въ Севастополѣ“.

3. Д. чл. Б. В. Варнеке—„По поводу древне-греческой вазы изъ собранія Императорскаго эрмитажа“.

П о с т а н о в и л и: докладчиковъ благодарить, а сообщенія ихъ напечатать въ протоколѣ настоящаго засѣданія.

Въ заключеніе засѣданія предсѣдателемъ были представлены вниманію собранія предметы, которые вновь поступили для музея:

1) Верхняя часть большого кратера римскаго періода съ рельефными украшеніями. 2) Терракотовая статуэтка играющаго на сирингѣ. 3) Лампочка христіанской эпохи съ рельефной надписью: ΦѠϹ†-ΥΦϹΗΙ-ΠΑϹΙΝ-ΚΑΛΗ. 4) Терракотовое изображеніе лежащей коровы. 5) Часть мраморнаго рельефа съ изображеніемъ юнаго всадника. 6) Лампочка на пьедесталѣ, покрытая поливой, эллинистической эпохи. Стеклянный сосудъ, шарообразный съ своеобразнымъ горломъ и маленькимъ соскомъ. 8) Капитель маленькой колонны.

Всѣ вещи изъ Ольвіи, кромѣ христіанской лампочки, найденной въ Херсонесѣ; куплены у Л. Гаухмана за 55 руб.

П о с т а н о в и л и: записать въ инвентарь.

Памяти вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Н. И. Пирогова.

Дорогое для всякаго русскаго имя Николая Ивановича Пирогова, почетно называемое среди самыхъ доблестныхъ именъ европейскихъ ученыхъ, гуманистовъ, педагоговъ и друзей человѣчества,—близко Одессѣ вообще, а въ частности нашему Обществу. Нашъ городъ имѣлъ счастье считать Пирогова среди своихъ гражданъ, наше Общество съ гордостью хранитъ его имя среди членовъ своихъ. Можемъ ли мы нынѣ не почтить его память?

Въ іюлѣ 1856 г., — значитъ, какъ только закончилась крымская война, — въ *„Морскомъ Сборникѣ“* появилась статья Пирогова: — *„Вопросы жизни“*. Пироговъ, имѣвшій много случаевъ наблюдать русскую жизнь въ Севастополѣ, видѣть всѣ ужасы ея, — захотѣлъ на вопросы, которые вызваны были ею у него, дать отвѣты. Статья эта произвела въ Россіи сильное впечатлѣніе, она встряхнула наше общество, заставивъ и его задуматься надъ вопросами жизни. Добролюбовъ такъ отзывался о статьѣ Пирогова: „Она поразила всѣхъ и свѣжестью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ, читавшіе статью его, были отъ нея въ восторгѣ, всѣ о ней говорили, разсуждали, дѣлали свои соображенія и выводы“. Все это произошло оттого, что Пироговъ подчеркнулъ самую жгучую сторону русской жизни: недостатки воспитанія русскаго юношества. Обратилъ на статью эту вниманіе и тогдашній министръ народнаго просвѣщенія—Норовъ, который счелъ весьма желательнымъ привлечь Пирогова къ активной работѣ въ дѣлѣ воспитанія русскаго юношества. Въ силу этого Пирогову и было предложено занять освободившійся тогда за выходомъ въ отставку Демидова—постъ попечителя Одесскаго Учебнаго округа. Предложеніе это было принято,

и 3 сент. 1856 г. былъ опубликованъ Высочайшій Указъ о назначеніи.—Въ октябрѣ того же года новый попечитель уже прибылъ въ Одессу.

Такимъ образомъ, нашей Одессѣ выпало на долю стать мѣстомъ, въ которомъ впервые на практикѣ должны были быть примѣнены теоретическіе взгляды Пирогова на воспитаніе.

Уже въ мартѣ 1857 г. Пироговъ обратился къ одесскому градоначальнику съ просьбой выдать ему подорожную, такъ какъ онъ отправляется для осмотра учебныхъ заведеній округа. Эта подорожная показываетъ, что объѣздъ свой Пироговъ, съ нѣкоторыми перерывами, совершалъ до 1 ноября 1857 года, при чемъ изъ отмѣтокъ на ней видно, что онъ посѣтилъ всякіе, даже незначительные, города округа и вездѣ останавливался для ознакомленія съ состояніемъ училищъ и постановкой учебнаго дѣла. Несомнѣнно, благодаря этому, у Пирогова накопилось много цѣннаго и важнаго матеріала, такъ какъ наступившую зиму 1857 года онъ посвящаетъ интенсивной кабинетной работѣ, результатомъ которой былъ рядъ статей, а также и циркуляровъ по округу. Съ одесскимъ періодомъ жизни Пирогова связываютъ слѣдующія его работы: „Нужно ли сѣчь дѣтей“, „Чего мы желаемъ?“, „Докладная записка о ходѣ просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ и о вопіющей необходимости преобразованія учебныхъ заведеній“, „О сердечномъ попеченіи“, „Одесская талмудъ-тора“ и др. По основнымъ мыслямъ и положеніямъ, а также по детальной разработкѣ ихъ и по матеріалу, въ нихъ заключающемуся,—всѣ эти работы имѣли громадное значеніе, а потому онѣ вполнѣ точно и ясно опредѣлили характеръ Пирогова, какъ педагога и руководителя учебнымъ дѣломъ. Онѣ вполнѣ укрѣпили его авторитетъ въ этомъ отношеніи.

Ознакомившись вообще съ положеніемъ народнаго просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ, Пироговъ пришелъ къ сознанію необходимости преобразовать существовавшій тогда въ Одессѣ Ришельевскій лицей въ университетъ. Эта мысль его очень занимала, и онъ усиленно заботился о приведеніи ея въ исполненіе. Въ цѣломъ рядѣ докладовъ онъ развивалъ ее и даже составилъ подробный проектъ обращенія лицея въ университетъ, при чемъ имъ была выработана и смѣта необходимыхъ расходовъ. Работая въ этомъ направленіи, Пироговъ былъ убѣжденъ въ близкомъ открытіи въ Одессѣ университета, а потому въ день празднованія новоселія Ришельевскаго лицея по поводу перехода его въ помѣщеніе, гдѣ нынѣ главное зданіе нашего университета, онъ въ своей рѣчи говорилъ, что «праздникъ нашего новоселія останавливаетъ невольно нашъ взглядъ на новомъ зданіи, заставляетъ думать, что не напрасно увеличено помѣщеніе для учащихся, кабинетовъ и лабораторій“.—Дѣлу учрежденія въ Одессѣ университета именно Пироговымъ было дано такое направленіе, съ котораго сойти уже было нельзя, и благопріятное рѣшеніе этого вопроса приближалось.

Заботами объ учебныхъ заведеніяхъ не ограничилась въ Одессѣ дѣятельность Пирогова въ качествѣ попечителя учебнаго округа; онъ въ силу своего основного принципа всюду, гдѣ можно, содѣйствовать тому, чтобы люди развивались, дѣлались добрѣе, лучше и просвѣщеннѣе,—въ силу своего лозунга — „ищи быть и будь человѣкомъ“,—пожелалъ дать всему одесскому обществу такой органъ, чрезъ который можно было бы широко проводить высокія и гуманныя идеи. Въ виду этого онъ обратилъ вниманіе на издававшійся тогда въ нашемъ городѣ „Одесскій Вѣстникъ“, который находился въ вѣдѣніи генералъ-губернатора, и достигъ того, что послѣдовало слѣдующее распоряженіе: „для доставленія лицею мощнаго органа дѣйствовать какъ на просвѣщеніе, такъ и на нравственную сторону всего народонаселенія края, по ходатайству попечителя издаваемая въ Одессѣ газета «Одесскій Вѣстникъ» съ 1 января 1858 г. передается лицею“. „Одесскій Вѣстникъ“ сразу преобразился, такъ какъ поставленные во главѣ его редакторами профессора Богдановскій и Георгіевскій являлись точными выразителями желаній Пирогова, который и самъ много писалъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ»; такъ здѣсь онъ въ первыхъ №№ за 1858 годъ напечаталъ свою статью—„О сердечномъ попеченіи“ (№ 62), отвѣтъ Journal'у d'Odessa о цензурѣ (№ 21) и пр. Старые одесситы хорошо, конечно, помнятъ, какого прекраснаго направленія въ смыслѣ служенія культурнымъ интересамъ края—держался „Одесскій Вѣстникъ“ въ шестидесятыхъ и даже еще дальнѣйшихъ годахъ. Такого рода направленіе для него стало традиціей, начало которой мы должны связывать съ именемъ Пирогова.

Работая въ такомъ направленіи на пользу нашего города и цѣлаго Новороссійскаго края, будучи по отзывамъ многихъ одесскихъ старожиловъ въ высшей степени доступнымъ, общительнымъ и отзывчивымъ, Пироговъ снискалъ себѣ въ Одессѣ общую любовь, а участіе его во всякомъ культурномъ дѣлѣ стало признаваться крайне желательнымъ въ виду той пользы, которую онъ могъ принести всюду своимъ опытомъ, своимъ знаніемъ, своей иниціативой.

Наше Общество, тогда еще не Императорское, а просто Одесское Общество Исторіи и Древностей, также не могло не имѣть желанія, чтобы и въ его трудахъ принялъ участіе Н. И. Пироговъ. Это оно и выразило въ своемъ засѣданіи 22 ноября 1856 года единогласнымъ постановленіемъ объ избраніи его своимъ дѣйствительнымъ членомъ; въ извѣщеніи, которое послано было Пирогову объ этомъ, сказано, что избранъ онъ—*„въ изъявленіе уваженія къ обширнымъ и общеполезнымъ ученымъ трудамъ, сопряженнымъ съ подвигами человѣколюбія“*.—Пироговъ принялъ это избраніе и сталъ, какъ то видно изъ протоколовъ, посѣщать засѣданія Общества, которое встрѣтило это съ большой признательностью и рѣшило избрать его своимъ вице-президентомъ. Избраніе состоялось 2 мая 1857 года. Съ этого времени Пи-

роговъ еще ближе начинаетъ интересоваться Обществомъ, всѣ засѣданія котораго уже проходятъ или подъ его предсѣдательствомъ или въ его присутствіи, если предсѣдательствовалъ тогдашній президентъ графъ А. Г. Строгоновъ.

Чуткій и отзывчивый на всѣ культурные запросы, Пироговъ оцѣнилъ задачи и значеніе нашего Общества; онъ созналъ, что главная его задача не въ описаніи и изданіи лишь архивныхъ документовъ, а въ изслѣдованіи „вещественныхъ свидѣтельствъ древней жизни нашего края"; но для этого нужно, чтобы Общество производило самостоятельные раскопки въ богатомъ историческими событіями краѣ. «Ученый свѣтъ отъ него (т. е. нашего Общества) преимущественно ожидаетъ раскрытія мѣстныхъ вещественныхъ свидѣтельствъ"; „указомъ 14 ноября 1859 года ему было предоставлено право производить раскопки на всѣхъ казенныхъ земляхъ Новороссіи, но это оставалось мертвой буквой". Высказывая все это, Пироговъ въ засѣданіи 22 февраля 1858 г. сдѣлалъ обстоятельное предложеніе Обществу—возбудить ходатайство о передачѣ ему той суммы, которая отпускалась по мысли Министра Двора Перовскаго на содержаніе Керченской Дирекціи для производства раскопокъ, которыхъ она не производила уже давно. Предложеніе это, встрѣченное сочувственно нашимъ Обществомъ (было постановлено войти съ соотвѣтствующимъ представленіемъ къ Министру Императорскаго Двора), найдено мной въ протоколѣ 101 засѣданія (22 февраля 1858 г.) и печатается здѣсь полностью; оно въ печати до сихъ поръ не появлялось, а между тѣмъ имѣетъ не малый интересъ и для исторіи нашего Общества.

Вотъ это предложеніе вице-президента Общества Н. И. Пирогова:

„Ни одна часть нашего обширнаго отечества не представляетъ такого богатства классическихъ воспоминаній, какъ Новороссія. Собирать ихъ и знакомить ученый миръ съ археологическими сокровищами края есть назначеніе Общества. Но къ сожалѣнію должно сказать, что средства, которыми Одесское Общество можетъ располагать для достиженія этой высокой научной цѣли, болѣе нежели ограничены. Оно, правда, получаетъ отъ Монаршихъ щедротъ 1428 руб. 57 коп., но за вычетомъ изъ нихъ 237 руб. на уплату долга заемному банку приходится 1191 руб. 57 коп. въ годъ (сумма эта нѣсколько возрастаетъ отъ платы за дипломы вновь избираемыхъ членовъ и отъ продажи издаваемыхъ Обществомъ сочиненій), но и выдача этой суммы, назначаемой для покрытія нужнѣйшихъ издержекъ (печатанія записокъ, поддержки общественнаго зданія, веденія необходимой переписки и пополненія библіотеки) пріостановлена на 3 года, именно въ настоящее время, самое удобное для археологическихъ изслѣдованій края, а между тѣмъ на самое существенное,

на ученыя экспедиціи, на раскопки, занимающія первое мѣсто въ археологическихъ изслѣдованіяхъ нашего края, Общество не могло до сихъ поръ употребить достаточной суммы. Естественно, что такая недостаточность средствъ должна была отразиться и на ученой дѣятельности Общества. По этой причинѣ оно до сихъ поръ не могло ни удовлетворить главныхъ потребностей науки, ни сдѣлаться истиннымъ, дѣятельнымъ ея представителемъ въ краѣ, передъ лицемъ всего ученаго сословія. Въ самомъ дѣлѣ, „Записки“ Общества составляются преимущественно изъ трудовъ, имѣющихъ предметомъ объясненіе и толкованіе древнихъ и средневѣковыхъ письменныхъ памятниковъ Исторіи и Древностей. Изслѣдованіями-же вещественныхъ свидѣтельствъ древней жизни нашего края, монетъ, произведеній искусства и т. п. Общество занимается только изрѣдка и лишь случайнымъ образомъ. Эти свидѣтельства скрыты подъ толстымъ слоемъ земли, и, чтобы поднять завѣсу, которою защитила ихъ рука времени, нужны раскопки, труды и издержки, для которыхъ члены Общества могутъ располагать только своими частными, по необходимости ограниченными средствами. Конечно, и разборъ письменныхъ памятниковъ здѣшней старины есть дѣло нелишенное заслуги, но оно составляетъ не главный и наименѣе важный предметъ назначенія Общества. Неизмѣримо большая часть письменныхъ памятниковъ края принадлежитъ классической древности и доступна всѣмъ ученымъ и безъ посредничества Общества; а отъ него ученый свѣтъ преимущественно ожидаетъ раскрытія мѣстныхъ вещественныхъ и наиболѣе наглядныхъ свидѣтельствъ; но до сихъ поръ ожиданіе это оставалось тщетнымъ. Указомъ 14 ноября 1839 г. Обществу предоставлено право производить раскопки на всѣхъ казенныхъ земляхъ Новороссіи съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, а на частныхъ съ согласія владѣльцевъ, но это до сихъ поръ не болѣе, какъ мертвая буква. Существенная важность раскопокъ для археологическихъ изслѣдованій была сознана Министромъ Двора графомъ Перовскимъ, когда онъ учредилъ въ Керчи особую Дирекцію для вскрытія тамошнихъ кургановъ. Эрмитажское собраніе древностей пріобрѣло посредствомъ дѣятельности этой Дирекціи много истинныхъ сокровищъ. Но для Одесскаго Общества Исторіи и обязаннаго по его назначенію, а слѣдовательно, имѣющаго болѣе другихъ права изслѣдовать памятники древностей на мѣстѣ и пользоваться ими для ученыхъ трудовъ, они были потеряны. То-же самое должно сказать о раскопкахъ, производившихся около Александровска. О результатахъ, состояв-

шихъ въ открытіи великолѣпныхъ скиѳскихъ могилъ и занимавшихъ весь ученый міръ, Одесское Общество не было даже извѣщено, какъ будто ни найденные предметы, ни мѣсто нахожденія ихъ до него нисколько не касались. Такъ какъ всѣ дѣйствія Дирекціи, учрежденной въ Крыму, и различныхъ экспедицій ограничивались только однѣми извѣстными мѣстностями, то всѣ изслѣдованія, сдѣланныя до сихъ поръ на югѣ Россіи, были обособлены другъ отъ друга, не приведены въ связь и систему, а потому не могли принести и половину той пользы, которую-бы доставили, если-бы сосредоточивались въ одномъ центрѣ, если-бы средства, назначенныя для изслѣдованія различныхъ мѣстностей, были поручены одному Обществу, и если-бы оно могло располагать всѣми средствами для приведенія въ извѣстность, по мѣрѣ надобности, замѣчательнѣйшихъ въ археологическомъ отношеніи пунктовъ Новороссійскаго края. Нельзя отрицать тѣхъ огромныхъ выгодъ, которыя-бы пріобрѣла наука, если-бы разрозненныя средства и отрывочныя изслѣдованія края были сосредоточены въ рукахъ одного Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Это сосредоточеніе могло-бы совершиться безъ всякаго ущерба для вѣдомствъ, доставляющихъ денежныя пособія на издержки, соединенныя съ изслѣдованіями. Памятники, добытые посредствомъ работъ, въ особенности изъ тѣхъ мѣстъ, которыя уже служили поприщемъ дѣятельности учрежденной графомъ Перовскимъ Дирекціи, могли-бы по-прежнему отсылаться въ Петербургъ и обогащать тамошнія коллекціи. Въ музеѣ Одесскаго Общества оставались-бы только дублеты. Но до отсылки въ Петербургъ найденныя вещи могли-бы быть доставляемы Обществу для разсмотрѣнія и для снимка копій и рисунковъ, которые такъ облегчаются средствами современной науки. Такимъ образомъ, и члены Одесскаго Общества, лучше другихъ ученыхъ знакомые съ мѣстной природою края и поэтому лучше приготовленные къ мѣстнымъ археологическимъ изысканіямъ, имѣли-бы возможность скорѣйшимъ и непосредственнымъ путемъ составлять картину старины нашего края и рѣшать научныя задачи. Для достиженія этой благой и общеполезной цѣли Общество могло-бы просить г. Министра, въ цѣляхъ усиленія его ученыхъ дѣйствій, сверхъ суммы, отпускаемой ежегодно въ пособіе Обществу, исходатайствовать у Всемилостивѣйшаго Монарха, Августѣйшаго Покровителя Общества, обращеніе въ Общество той суммы, которая до сихъ поръ отпускалась на Керченскую Дирекцію для производства раскопокъ въ Новороссіи, съ тѣмъ, чтобы его члены и эксперты были обязаны сами

участвовать въ мѣстныхъ экспедиціяхъ и розыскахъ, отправляя найденное по принадлежности въ столичные музеи и оставляя для Общества дублеты, съемки, рисунки и т. п.

Предстоящія въ нынѣшнемъ году земляныя работы въ Крыму и Екатеринославской губерніи дали-бы возможность Обществу при увеличенныхъ средствахъ воспользоваться такимъ случаемъ для обогащенія отечественной археологіи. Это предположеніе Общество должно считать еще тѣмъ болѣе своевременнымъ, что существующая въ Керчи Дирекція съ 1853 года пріостановила свои дѣйствія, и неизвѣстно, когда возстановитъ. Члены-же Одесскаго Общества, живущіе в разныхъ мѣстахъ Новороссіи, получивъ порученіе отъ Общества, могли-бы изслѣдовать указанныя имъ мѣста и въ одно и то-же время сдѣлать то, что старанія двухъ лицъ (Директора Керченскаго музея и его помощника) произведутъ въ дальнѣйшее время".

18-го іюля 1858 года состоялся приказъ о назначеніи Пирогова на постъ попечителя Кіевскаго учебнаго округа, а въ началѣ сентября онъ уже выѣхалъ къ новому мѣсту своего служенія. Это перемѣщеніе Пирогова послѣ столь непродолжительнаго служенія въ Одессѣ вызвано было различнаго рода столкновеніями его съ тогдашнимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Г. А. Строгоновымъ, который недолюбливалъ Пирогова за его независимый образъ дѣйствій и постоянную защиту учащихъ и учащихся. Отъ современныхъ Пирогову общественныхъ дѣятелей я слышалъ, что графъ Строгоновъ, когда Пироговъ былъ переведенъ въ Кіевъ изъ Одессы, сказалъ: „Пироговъ оправдалъ пословицу—„языкъ до Кіева доведетъ!" Одесса въ лицѣ представителей всѣхъ классовъ своего населенія съ грустью разставалась съ Пироговымъ, сердечно прощаясь на двухъ данныхъ ему обѣдахъ.– 23-го августа былъ данъ ему обѣдъ профессорами лицея, преподавателями существовавшихъ тогда въ Одессѣ двухъ гимназій и другихъ лицъ учебнаго вѣдомства; торжество было очень оживленнымъ и отличалось задушевностью; было сказано много рѣчей, изъ которыхъ особенно выдѣлялась по своей полнотѣ въ обрисовкѣ Пирогова рѣчь профессора Георгіевскаго. Другой обѣдъ былъ данъ 3-го сентября еврейскимъ Обществомъ Одессы, которое этимъ путемъ желало отблагодарить Пирогова за его заботы о просвѣщеніи евреевъ; сказанныя на этомъ торжествѣ рѣчи (напр. О. А. Рабиновичемъ) отмѣчали доступность Пирогова, его сердечность и доброту.

Отвѣчая на всѣ сказанныя ему привѣтствія, Пироговъ подчеркивалъ мысль, что „цѣль человѣчества состоитъ въ развитіи вну-

тренней его силы, къ которой оно должно стремиться общими силами, не стѣсняясь различіемъ племенъ и націй".

Такъ простился вице-президентъ нашего Общества Н. И. Пироговъ съ Одессой, которая должна съ гордостью помнить, что именно ей на долю выпало первой послужить этому великому человѣку ареной для примѣненія на практикѣ своихъ гуманныхъ идей о воспитаніи и просвѣщеніи человѣчества [1]).

Дѣйств. чл. **М. Г. Попруженко.**

[1]) Описаніе прощальныхъ обѣдовъ, данныхъ Пирогову въ Одессѣ, находится въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» за 1858 г., №№ 95, 99, 100. О пребываніи Пирогова въ Одессѣ фактическій матеріалъ см. «Воспоминанія» Доброва («Русск. Стар.» 1885 г.); С. Я. Штрайхъ «Вѣст. Вост.» 1901 г., № 8. Объ отношеніи Пирогова къ вопросу объ открытіи въ Одессѣ университета см. у А. И. Маркевича, 25-ти-лѣтіе Новороссійскаго университета. Послѣ того, какъ сообщеніе это было набрано, вышелъ въ свѣтъ т. I соч. Н. И. Пирогова въ изд. пироговскаго товарищества; въ томѣ этомъ С. Я. Штрайхомъ собраны всѣ сказанныя Пироговымъ въ Одессѣ рѣчи, и даны въ примѣчаніяхъ многія цѣнныя библіографическія и др. указанія объ его дѣятельности въ Одессѣ.

Н. И. Пироговъ въ Севастополѣ.

(Къ столѣтію со дня рожденія).

13-го ноября 1910 г. минуло 100 лѣтъ со дня рожденія знаменитаго „мирурга-мыслителя“, профессора Н. И. Пирогова.

Неоспоримо, имя Пирогова, какъ талантливаго ученаго, блестящаго профессора, клинициста-хирурга, создавшаго въ буквальномъ смыслѣ слова школу хирургіи въ Россіи,—имя изъ ряда вонъ выходящее, принадлежитъ всей Россіи. Въ переживаемые дни вся культурная Россія и несетъ долгъ „чествовать геній Пирогова, его неустанный научный трудъ, глубокій патріотизмъ и высокій подвигъ любви къ человѣчеству“, какъ то-же самое дѣлала она 24-го мая 1881 г.[1]). Но не менѣе справедливо и то, что многосторонняя, научная и практическая дѣятельность Пирогова существенными нитями связана съ нашимъ югомъ и съ Одессой въ частности. Въ 1847 г. онъ принималъ участіе въ Кавказской экспедиціи и впервые примѣнилъ на мѣстахъ сраженій въ широкихъ размѣрахъ анэстезированіе при поданіи хирургической помощи раненымъ. Годы 1854 и 1855 онъ провелъ въ Севастополѣ, какъ живой, энергичный участникъ его обороны, какъ безпристрастный анналистъ Крымской „кровавой трагедіи“. Въ 1857—1858 г.г. видимъ Н. И. Пирогова на высокомъ посту попечителя Одесскаго учебнаго округа, при чемъ, какъ педагогъ-миссіонеръ и администраторъ, онъ по духу и направленію своей дѣятельности является одною изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей среди русскихъ общественныхъ дѣятелей того времени. Одновременно съ этимъ Пироговъ занимаетъ кресло вице-президента въ Императорскомъ Одесскомъ Обществѣ Псторіи и Древностей. Даже послѣдніе мѣсяцы жизни ему суждено было провести на одесскихъ лиманахъ, хотя лѣченіе ваннами и не спасло отъ ползучей раковой язвы слизистой оболочки рта, которая унесла его въ могилу 23-го ноября 1881 г.

Конечно, я не пишу некрологъ Пирогова—поздно писать такую вещь, 29 лѣтъ спустя послѣ смерти; не задаюсь и цѣлью представить біографію этого замѣчательнаго человѣка во всѣхъ подробностяхъ.

---

[1]) Тихонравовъ. Сочиненія т. 3, ч. 2, стр. 241. М. 1898 г. Рѣчь на юбилеѣ Н. И. Пирогова.

Позволю себѣ лишь сдѣлать здѣсь,—какъ выразился когда-то въ аналогичномъ положеніи одинъ изъ членовъ нашего Общества [1]),—„скромныя и, быть можетъ, не напрасныя поминки“ о бывшемъ вице-президентѣ Общества, о лицѣ „съ именемъ и съ заслугами для человѣчества и науки“.

Начало Восточной войны 1854—1855 г.г. застаетъ Н. И. Пирогова въ Петербургѣ на каѳедрѣ госпитальной хирургіи, въ Императорской Медико-Хирургической Академіи, куда онъ перешелъ изъ Дерптскаго университета. Въ Академіи онъ работалъ уже 14-й годъ. Всѣ эти годы были временемъ полнаго разцвѣта его талантовъ, разнообразной научной и практической дѣятельности. Занимая каѳедру госпитальной хирургіи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ лекціи патологической и топографической анатоміи и завѣдывалъ огромной хирургическою клиникою. Какъ директоръ анатомическаго института, онъ руководилъ занятіями студентовъ и врачей и самъ съ увлеченіемъ разработывалъ громадный анатомическій матеріалъ, находившійся въ его распоряженіи. Въ институтѣ-же онъ занимался экспериментальной хирургіей, а помимо Академіи и обширной частной практики состоялъ консультантомъ большихъ столичныхъ больницъ: Обуховской, Маріи Магдалины, Петропавловской и Максимиліановской [2]). И вотъ, лишь только разнеслось по Россіи первое эхо союзныхъ пушекъ, громившихъ Севастополь, какъ въ умѣ Пирогова назрѣлъ и сложился планъ исключительнаго филантропическаго подвига. Онъ рѣшилъ оставить Медико-Хирургическую Академію, покончить съ практикой, покинуть на время жену и дѣтей и „употребить всѣ свои силы и познанія для пользы арміи на боевомъ полѣ“. По собственному его признанію, мотивы такого рѣшенія лежали въ глубинѣ его натуры и опирались на его философское міросозерцаніе. „Мы живемъ на землѣ не для себя только,—писалъ онъ 6-го декабря 1854 г.,—предъ нами разыгрывается великая драма, слѣдствія которой отзовутся, можетъ быть, чрезъ цѣлыя столѣтія; грѣшно, сложивъ руки, быть однимъ только празднымъ зрителемъ, кому Богъ далъ хоть какую-нибудь возможность участвовать въ ней... У кого не остыло еще сердце для высокаго и святого, нельзя смотрѣть на все, что дѣлается вокругъ... одностороннимъ эгоистическимъ взглядомъ... Ты, вѣрно, утѣшишься,—убѣждаетъ онъ жену,—подумавъ, что твой мужъ оставилъ тебя и дѣтей не понапрасну, а съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ не безъ пользы подвергается лишеніямъ и разлукѣ“... „Я говорилъ всѣмъ,—вспоминаетъ Пироговъ въ другомъ письмѣ (отъ 26-го января 1855 г.),—что ѣхать въ Севастополь, чтобы исправлять какую-либо должность, никогда не буду, какъ я-бы ни былъ убѣжденъ, что эта должность будетъ по мнѣ; а если

[1]) Кочубинскій. На память о прот. А. Г. Лебединцевѣ. Одесса 1889.

[2]) Малисъ. Н. И. Пироговъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1893, стр. 50.

мнѣ дадутъ ее, то считаю за низость и малодушіе отказываться. Чѣмъ-же я виноватъ и передъ кѣмъ, что у меня въ сердцѣ еще не заглохли всѣ порывы къ высокому и святому, что я не потерялъ еще силу воли... жертвовать счастьемъ“ [1]).

Что захватившее Пирогова идейное теченіе было не мимолетнымъ порывомъ а безповоротнымъ жизненнымъ переломомъ, подтверждается всѣмъ ходомъ ближайшихъ обстоятельствъ. Подавъ просьбу о назначеніи военно-полевымъ хирургомъ въ дѣйствующую армію, онъ рвался всей душой въ Крымъ, тогда какъ его прошеніе странствовало по разнымъ инстанціямъ. Администрація, отъ которой зависѣло рѣшеніе его дѣла, совсѣмъ не торопилась. И въ то время, какъ въ Севастополѣ раненые гибли тысячами, первый хирургъ во всей странѣ, европейская знаменитость, Пироговъ просилъ, какъ милостыни, чтобы его послали на театръ военныхъ дѣйствій. Онъ уже начиналъ отчаяваться въ успѣхѣ своего плана, но совершенно неожиданно наступилъ благопріятный оборотъ. Пироговъ получилъ приглашеніе къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

„Мнѣ пришлось явиться предъ ея высочествомъ,—писалъ впослѣдствіи Н. И. баронессѣ Раденъ,—въ ту незабвенную эпоху, когда каждое сердце въ Петербургѣ билось сильнѣе и тревожнѣе, ожидая результата битвы при Инкерманѣ. Къ большой моей радости она мнѣ тотчасъ объявила, что взяла на свою отвѣтственность разрѣшить мою просьбу. Тутъ она мнѣ объяснила ея гигантскій планъ-основать организованную женскую помощь больнымъ и раненымъ на полѣ битвы и предложила мнѣ самому избрать медицинскій персоналъ и взять управленіе всего дѣла“.

„Никогда болѣе не видалъ я великую княгиню въ такомъ тревожномъ состояніи духа, какъ въ этотъ день, въ эту для меня памятную аудіенцію. Со слезами на глазахъ и съ разгорѣвшимся лицомъ, она нѣсколько разъ вскакивала съ своего мѣста, какъ будто безсознательно, прохаживалась большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила громкимъ голосомъ:

— И зачѣмъ вы ранѣе не обратились ко мнѣ! Давно бы ужъ ваше желаніе быть полезнымъ на полѣ битвы было исполнено. И мой планъ тогда также давно бы уже состоялся... Ступайте же и какъ можно скорѣе приготовьтесь къ отъѣзду. Время терять не слѣдуетъ... На дняхъ, быть можетъ, опять произойдетъ большая битва. Прощайте... или нѣтъ... подождите... я еще что-то хочу вамъ сказать насчетъ организаціи моей общины... или нѣтъ... зайдите-ка лучше завтра ко мнѣ въ этотъ же часъ... До свиданія!“

---

[1]) Севастопольскія письма Н. И. Пирогова. Изд. Русск. Хирург Общества Пирогова, подъ редакціей Малиса. Спб. 1907, стр. 80, 101.

„Къ вечеру того же дня великая княгиня прислал амнѣ собственноручную записку, съ извѣстіемъ, что просьба моя принята, и что она приглашаетъ меня на вторую аудіенцію на другой день. Съ большимъ вниманіемъ выслушалъ я, какъ она желала устроить женскую службу—перевязочными пунктами и подвижными лазаретами“ [1]).

Оказалось, что Государь уже былъ освѣдомленъ о проектѣ, долго колебался принять его и только послѣ усиленныхъ настояній Елены Павловны рѣшилъ допустить подобный небывалый экспериментъ. Принимая предложеніе ея высочества, Пироговъ вынужденъ былъ признаться, что онъ „только разъ въ жизни и то лишь иоверхностно, въ свое пребываніе въ Парижѣ, посѣщая госпитали, видѣлъ тамъ женскую службу и болѣе по инстинкту, нежели по опыту убѣжденъ въ великомъ значеніи женскаго участія“. Съ другой стороны, онъ также a priori былъ убѣжденъ въ благотворномъ нравственномъ вліяніи сестеръ милосердія на ввѣренныхъ имъ раненыхъ и больныхъ, зналъ, что присущія женщинѣ мягкость и ловкость движеній, чистоплотность, аккуратность и исполнительность гарантируютъ существенную помощь сестеръ врачамъ вообще и хирургамъ особенно; наконецъ, ему представлялось вполнѣ вѣроятнымъ,—въ чемъ, какъ показалъ опытъ, онъ, дѣйствительно, и не ошибся [2]),—что нравственный контроль сестры милосердія, благедаря женскому такту, чувствительности и независимому отъ служебныхъ условій положенію гораздо дѣйствительнѣе можетъ повліять на отвратительныя злоупотребленія госпитальной администраціи, чѣмъ разнаго рода оффиціальныя ревизіи и комиссіи[3])

Быстро, по указанію и на средства ея высочества была организована „Крестовоздвиженская Община“. Великая Княгиня обратилась съ воззваніемъ къ патріотизму русскихъ женщинъ и собственной рукой въ госпитальной клиникѣ Пирогова наложила повязку на оперированнаго съ цѣлью доказать, что подобнаго рода помощь ближнему не можетъ имѣть ничего предосудительнаго. Изъ всѣхъ слоевъ общества явились желавшія самоотверженно принять на себя трудныя обязанности сестеръ, и въ октябрѣ 1854 г. отрядъ изъ десяти-одиннадцати врачей подъ начальствомъ Пирогова и первое отдѣленіе сестеръ съ главной начальницей всей общины, А. П. Стаховичъ, въ составѣ 28 лицъ, „были съимпровизированы“ [4]).

---

[1]) Сочиненія Н. И. Пирогова. Т. II. Спб. 1887. Стр. 502—503.

[2]) ... „Я защищалъ,—читаемъ въ Севастопольскихъ письмахъ,—мысль введенія сестеръ въ военныхъ госпиталяхъ противъ дурацкихъ нападеній старыхъ колпаковъ, и моя правда осуществилась на дѣлѣ“.

[3]) Дубровинъ. Исторія Крымской войны, т. 2, стр. 351.

[4]) Съ Пироговымъ были назначены къ отправленію изъ Петербурга одиннадцать медиковъ и приказано послать въ Крымъ шесть медиковъ изъ Тульчинскаго военнаго госпиталя, а также нѣсколько врачей изъ южной арміи. Тамъ-же, стр. 342.

Конечно, подъ давленіемъ „бѣдствій военнаго времени“ выборомъ лицъ нѣсколько спѣшили, но нельзя отрицать, что всѣ члены Общины были одушевлены „искреннимъ побужденіемъ теплой любви къ ближнему и твердымъ намѣреніемъ переносить всѣ трудности принимаемыхъ обязанностей“; а ходъ послѣдующихъ обстоятельствъ далъ профессорамъ Пирогову и Гюббенету право сказать, что даже „самыя простыя и необразованныя изъ сестеръ вели себя, какъ героини, работали подъ огнемъ, были контужены и ранены, вообще выдѣлились болѣе всѣхъ своимъ самоотверженіемъ и долготерпѣніемъ“ [1]).

Всеобщее сочувствіе сопровождало отрядъ по всему пути отъ Петербурга до Симферополя. „До Курска,—писала 15 января 1855 г. сестра Гамильтонъ,—мы ѣхали по шоссе, на почтовыхъ лошадяхъ. Во всѣхъ губернскихъ городахъ насъ встрѣчали съ честью, угощали чаемъ, обѣдомъ и ужиномъ... Отъ Курска шоссе кончилось, а отъ Харькова дорога была такъ худа, что невозможно было ѣхать на лошадяхъ. Грязь по колѣно; экипажи тяжелые; ѣхали на волахъ до самаго Симферополя, по 20 верстъ въ день, иногда менѣе, а иногда цѣлые сутки сидѣли въ степи, за неимѣніемъ воловъ. Нужды много потерпѣли въ дорогѣ, но слава Богу, все кончилось“ [2]).

Назначеніе Пирогова на мѣстахъ военныхъ дѣйствій, по опредѣленію проф. Гюббенета, состояло главнымъ образомъ въ томъ, чтобы устроить, какъ слѣдуетъ, хирургическую часть въ госпиталяхъ Крыма, сортировать и отдѣлять разнообразные случаи ранъ, высказать свое мнѣніе насчетъ важнѣйшихъ недостатковъ и несообразностей въ дѣлѣ призрѣнія больныхъ и своимъ авторитетомъ и дѣятельностью поднять и довести это дѣло до возможной степени совершенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ кругъ его обязанностей входила научная и наставническая дѣятельность по отношенію къ молодымъ врачамъ. Его опытности и дарованіямъ открывалось здѣсь широкое поле для введенія новыхъ цѣлесообразныхъ способовъ операцій, возможность уяснить значеніе многихъ явленій при леченіи ранъ, провести въ жизнь свои воззрѣнія на счетъ показаній къ операціи, хирургической терапіи и послѣдовательнаго лѣченія. Конечно, такой, вполнѣ опредѣленный и законченный взглядъ на назначеніе Пирогова въ Севастополѣ сложился не предъ его командировкой въ Крымъ, а впослѣдствіи, какъ результатъ, естественно вытекавшій изъ всей его разносторонней, кипучей дѣятельности. Въ октябрѣ же 1854 года Пирогову, отправлявшемуся въ Крымъ не столько въ качествѣ главнаго начальника медицинской части, сколько въ роли волонтера, или добровольца, если и предносилась цѣль, то не другая какая либо, какъ ознакомиться съ состояніемъ военныхъ госпиталей и, пользуясь своимъ громкимъ именемъ, сосредоточить въ рукахъ всю медицинскую часть, стать главнѣйшимъ ея руководителемъ.

[1]) Тамъ же, стр. 351.

[2]) Тамъ же, стр. 351, 352.

Здѣсь я отступлю нѣсколько въ сторону, чтобы воспроизвести картину санитарнаго состоянія нашихъ крымскихъ войскъ по осени 1854 г. Опредѣляя, въ чемъ армія терпѣла тогда существенную нужду, какова была организація медицинской помощи, гдѣ и какъ распредѣлялись раненые и больные, выясняя положеніе крымскихъ госпиталей, средствъ транспортированія раненыхъ и отношеніе къ послѣднимъ военнаго начальства,—такая картина составитъ, мнѣ кажется, тотъ натуральный фонъ, на которомъ всего лучше выступятъ затѣмъ колоссальная фигура Пирогова и образы его сотрудниковъ-врачей и сотрудницъ-сестеръ Крестовоздвиженской Общины.

„Съ наступленіемъ ненастной осенней погоды,—пишетъ Дубровинъ [1]),—быстрыя перемѣны температуры, при всей выдержанности и привычкѣ къ нимъ русскаго человѣка, не могли не оказать вліяніе на здоровье войскъ тѣмъ болѣе, что большая часть нижнихъ чиновъ, оставаясь подъ открытымъ небомъ и работая среди дождя, снѣга и суроваго вѣтра, износила платье и обувь. Недостатокъ теплой одежды вызвалъ распоряженіе, чтобы идущіе на службу брали полушубки у остающихся въ палаткахъ и казармахъ, но эта мѣра скоро оказалась неудобной". Чтобъ хоть какъ-нибудь обогрѣть солдатъ, разбирали на постройку бараковъ городскіе дома, но, конечно, и это существенной пользы не приносило. Императоръ Николай I неоднократно въ рескриптахъ и письмахъ Меньшикову настаивалъ, чтобы нижніе чины были снабжены теплой одеждой и полушубками [2]); до 30 тыс. полушубковъ было дѣйствительно доставлено съ разныхъ концовъ Россіи въ Берославъ, десятки тысячъ овчинъ были закуплены для арміи новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ,—но все это лежало и гнило по цейхгаузамъ и складамъ, не достигая Севастополя.

„Непомѣрное число больныхъ,—писалъ генералъ Врангель,—въ донскихъ полкахъ происходитъ отъ плохой и дурной обуви, въ настоящую ненастную погоду. Большая часть казаковъ ходятъ въ оборванныхъ лѣтнихъ штанахъ, въ худыхъ сапогахъ, въ безпорядочныхъ онучахъ". Солдаты для защиты отъ холода часто надѣвали подъ шинели мундиры, снимали платье съ убитыхъ товарищей и взамѣнъ надѣвали на нихъ свое обносившееся, одѣвались, во что только могли, и по формѣ одежды трудно было узнать, кто къ какой части войска принадлежитъ. Бѣлье некогда и негдѣ было мыть. Бань, необходимыхъ для чистоплотности, не существовало вовсе. Люди лѣпились въ блиндажахъ и землянкахъ, на голой землѣ и доскахъ. Платье изнашивалось, грязнилось, промокало до нитки и нечѣмъ было замѣнить его [3]).

---

[1]) Тамъ же, т. 2, стр. 337.

[2]) Рескрипты и письма Императора Николая I къ князю Меньшикову. Спб. 1908, стр. 38, 64, 68 и др.

[3]) Очеркъ санитарнаго состоянія Крымской арміи. М. 1872.

Недостатокъ теплой одежды и прочной обуви былъ, конечно, одной изъ причинъ, увеличивавшихъ число заболѣваній. Въ войскахъ держались холера, изнурительныя лихорадки, кровавый поносъ. Число больныхъ съ каждымъ днемъ быстро росло, и въ половинѣ ноября въ госпиталяхъ и лазаретахъ Крыма, по всеподданнѣйшимъ донесеніямъ главнокомандующаго, находилось свыше 650 офицеровъ и 27.000 человѣкъ нижнихъ чиновъ.

При полномъ отсутствіи правильно устроенныхъ госпиталей и медицинской помощи вся масса больныхъ была размѣщена сначала въ Севастополѣ, Симферополѣ и Бахчисараѣ, т. е. въ такихъ пунктахъ, гдѣ было весьма трудно отыскать для нихъ удобное помѣщеніе. Въ Севастополѣ не было мѣстъ вполнѣ безопасныхъ отъ выстрѣловъ; Симферополь, переполненный вслѣдствіе наплыва окрестныхъ жителей, представлялъ собой не городъ, а огромный лазаретъ; въ Бахчисараѣ для помѣщенія раненыхъ могъ быть пригоденъ по обширности только старый ханскій дворецъ, но онъ не имѣлъ печей. При такихъ условіяхъ положеніе больныхъ и раненыхъ оказывалось крайне плачевнымъ, и скоро госпитали въ Ѳеодосіи, Карасубазарѣ, Перекопѣ, Херсонѣ, Николаевѣ, Вознесенскѣ и Новой Одессѣ были переполнены больными. Подъ конецъ октября въ Симферополѣ тѣмъ не менѣе сосредоточивалось свыше 5.000 раненыхъ. За неимѣніемъ казенныхъ помѣщеній они были расположены въ частныхъ домахъ, что при отсутствіи достаточнаго числа врачей, крайне затрудняло уходъ. Когда потомъ очистили и обратили въ госпитали нѣсколько казенныхъ домовъ и учебныхъ заведеній, въ Симферополѣ оказалось до 45 отдѣльныхъ лазаретовъ, въ которыхъ хотя и могло размѣститься около 730 человѣкъ, но для пользованія ихъ не оказалось ни достаточнаго числа медиковъ, ни врачебныхъ средствъ. „Если-бы мои чиновники,— писалъ 23-го октября 1854 г. въ Петербургъ управляющій Симферопольской казенной палатой, В. Княжевичъ,—не присматривали и не помогали на общую складчину, то 406 человѣкъ больныхъ, помѣщавшіеся въ моемъ домѣ, остались-бы въ первые дни и безъ пищи, не говоря о другомъ. Три ночи лежали всѣ на полу, потомъ настояли мы, и дано 15, а сегодня уже 65 тюфяковъ. Одинъ и то больной фельдшеръ перевязываетъ со утра до ночи и успѣваетъ только одинъ разъ въ день. Старикъ докторъ изъ Севастополя пріѣзжаетъ не надолго, ибо медицинскихъ пособій у него нѣтъ никакихъ“.

Въ концѣ октября больныхъ въ Симферополѣ было такъ много, что не доставало силъ и возможности всѣмъ подать скорую помощь. Недостатокъ докторовъ былъ особенно ощутителенъ; начальство надъ ними было раздроблено и при отсутствіи въ арміи генералъ-штабъ-доктора никто не зналъ, гдѣ врачей искать. „Я хлопочу, — писалъ директору медицинскаго департамента докторъ Боссе,—чтобы начальство надъ врачами въ Крыму князь Меншиковъ поручилъ штабъ-доктору Шрейберу, но не худо имѣть на это предписаніе изъ Петер-

бурга". По другимъ свѣдѣніямъ на все число симферопольскихъ раненыхъ и больныхъ было только четыре доктора и самое скудное число госпитальныхъ вещей: тюфяковъ, подушекъ и кружекъ; лазаретной прислуги вовсе не существовало; попеченіе за больными, находившимися въ частныхъ домахъ лежало на городскихъ врачахъ; больные сплошь и рядомъ оставались и етолько безъ лѣкарствъ, такъ какъ, при существованіи въ городѣ одной аптеки, своевременная доставка лѣкарствъ въ 45 лазаретовъ оказывалась не мыслимой,—но и безъ пищи, безъ топлива [1]), безъ соломы для тюфяковъ, или лежали на тюфякахъ, „набитыхъ старой, полусгнившей соломой, пропитанной мочею и гноемъ" [3]).

Не лучше было и состояніе Ѳеодосійскаго военнаго госпиталя. „Сего ноября 5-го числа,—доносилъ главный его лѣкарь новороссійскому генералъ-губернатору,—поступила въ... госпиталь четвертая партія больныхъ, состоящая изъ 393 человѣкъ, въ томъ числѣ 375 раненыхъ. Во время пути при больныхъ не было ни медика, ни фельдшера и никакихъ перевязочныхъ вещей... Теперь всѣхъ больныхъ на лицо 1.588 человѣкъ. Госпиталь терпитъ крайній недостатокъ въ медикахъ и фельдшерахъ, а равно въ бѣльѣ, ветоши и бинтахъ... Пріобрѣсти ихъ здѣсь нѣтъ никакой возможности" [3]).

Въ Карасубазарѣ и Бахчисараѣ больные и раненые находились въ еще худшемъ положеніи. Удаленные версты за три отъ города, они помѣщались въ двухъ казарменныхъ домишкахъ. „Описать, что мы нашли здѣсь,—говоритъ Пироговъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перваго знакомства,—нельзя: горькая нужда, славянская беззаботность, медицинское невѣжество и татарская нечисть соединились вмѣстѣ въ баснословныхъ размѣрахъ... 350 больныхъ положены на нарахъ, одинъ возлѣ другого, безъ промежутковъ, безъ порядка, безъ разницы, съ нечистыми, вонючими ранами возлѣ чистыхъ, въ пространствѣ по благоусмотрительному человѣколюбію врача и смотрителя, герметически заперты при температурѣ слишкомъ 18 град., не перевязаны болѣе сутокъ, вѣроятно, также изъ человѣколюбія" [4]).

Если прибавить къ сказанному, что самъ главнокомандующій не только не встрѣчалъ никакого содѣйствія со стороны интендантскаго вѣдомства, но не могъ даже добиться до истинной цифры госпитальныхъ запасовъ; что Херсонская комиссія, на которую была возложена исключительная обязанность поставки госпитальныхъ вещей, не имѣя еще этихъ вещей у себя, уже доносила кн. Меншикову, будто онѣ отправлены по лазаретамъ; если вспомнить, что всѣ госпитали, не исключая и Севастопольскихъ, терпѣли крайнюю нужду въ бинтахъ,

---

[1]) Дубровинъ. Исторія Крымской войны. Т. 2, стр. 340–341, 343.
[2]) Малисъ. Севастопольскія письма Пирогова, стр. 86.
[3]) Дубровинъ. Тамъ же, стр. 347.
[4]) Малисъ. Севастопольскія письма Пирогова. Стр. 66, 67.

лѣкарствахъ, въ мочалѣ и даже лыкѣ для тюфяковъ, а „корпіей, которую въ то время щипала вся Россія, перевязывали англичанъ", оставивъ на долю русскаго солдата „только солому" [1]),—то можно составить нѣкоторое—приблизительное—представленіе о тѣхъ вопіющихъ злоупотребленіяхъ, о ненасытномъ хищничествѣ госпитальной администраціи, вообще о тѣхъ коренныхъ недостаткахъ, съ которыми была соединена тогдашняя военно-административная система [2]).

Но вотъ еще одна существенная деталь, такъ сказать, завершающая картину всѣхъ этихъ ужасовъ: эвакуація больныхъ и раненыхъ изъ Севастополя по Крымскимъ лазаретамъ. При полномъ несовершенствѣ путей сообщенія, при самыхъ примитивныхъ способахъ перевозки, здоровье раненыхъ страшно терпѣло во время транспортированія. Обычно, ряды телѣгъ и арбъ, нагруженныхъ защитниками Севастополя, по два и по четыре человѣка на телѣгу, двигались въ Бахчисарай, а оттуда въ Симферополь и Перекопъ. Тянулись по липкой, вязкой грязи, толкаясь по рытвинамъ, спускаясь съ горъ и поднимаясь на горы. Уже отъ одного этого самыя простыя раны портились, больные еще болѣе заболѣвали. Но перевозъ оказывался прямо адской пыткой, когда вспомнишь, что раненые ѣхали въ некрытыхъ татарскихъ арбахъ, безъ подстилки, безъ шубъ и тулуповъ, въ шинеляхъ, подъ которыми нерѣдко была только одна полусгнившая рубаха; что ночевать при семидневномъ переѣздѣ отъ Симферополя до Перекопа имъ приходилось въ чистомъ полѣ, на холодѣ и сырости, или — самое благопріятное — въ не топленыхъ татарскихъ избахъ, а продовольствіе отпускалось иногда разъ въ три дня и большинство транспортовъ оставалось въ пути безъ всякой медицинской помощи. Доставленные въ Симферополь и Перекопъ раненые часто оставались въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ тѣмъ же открытымъ небомъ, валяясь въ грязи и нечистотѣ, сваленные на нары лазаретовъ. Изъ Алешекъ ихъ отправляли, даже не смотря на холодную погоду, въ лодкахъ чрезъ Днѣпръ, верстъ за 17, до Херсона. „Вотъ,—говоритъ Пироговъ, — слѣдствіе безпечности и непредусмотрительности, когда ничего не заготовляли, шутили, не вѣрили, не приготовлялись"... „Если будетъ такъ продолжаться дальше, — замѣчаетъ онъ, — непремѣнно разовьется тифъ, или что нибудь хуже"... [3]). Къ сожалѣнію дальше продолжалось то же самое. 3 января 1854 г. Пироговъ писалъ: „... У насъ съ каждымъ днемъ транспорты дѣлаются все хуже и хуже... Я видѣлъ, какъ отправилось 700 больныхъ изъ Симферополя въ Перекопъ"... И далѣе воспроизводитъ уже извѣстную картину осенней эвакуаціи: „...безъ подстилокъ, безъ покрышекъ, въ шине-

[1]) Слова Н. И. Пирогова профессору Н. Коваловскому.

[2]) Надлеръ. 25-лѣтіе царствованія Имп. Александра II. Спб. 1885, стр. 5.

[3]) Севастопольскія письма, стр. 87, 83. Ср. Письма архіеп. Иннокентія къ гр. Протасову. (Петровскій. Одесскій Преображенскій нынѣ каѳедральный соборъ. Стр. 180).

ляхъ, надѣтыхъ на рубашки... въ путь на цѣлую недѣлю... ночуй подъ открытымъ небомъ"... въ январѣ, на снѣгу, на морозѣ...[1]).

12 ноября 1854 г. Пироговъ съ своими врачами пріѣхалъ въ Севастополь. Среди той ужасающей „изнанки" войны, которую мы только что видѣли, ему пришлось жить и дѣйствовать семь съ половиной мѣсяцевъ, по 1 іюня 1855 г. Затѣмъ истощенный болѣзнью, измученный нравственно, онъ вернулся къ семьѣ, въ Ораніенбаумъ. Окрѣпнувъ нѣсколько лѣтомъ, въ половинѣ сентября онъ снова явился въ Севастополь и на этотъ разъ, перенеся свою дѣятельность изъ занятаго союзниками Севастополя въ Симферополь, пробылъ въ Крыму до первыхъ чиселъ декабря 1855 г. Широкую дѣятельность Пирогова въ теченіе двухъ этихъ періодовъ, его взгляды на современныя событія и современныхъ дѣятелей, его отношенія къ сотрудникамъ и военной администраціи лучше всего рисуютъ „Севастопольскія его письма" къ женѣ, къ Зейдлицу и баронессѣ Раденъ[2]). Руководясь этими автобіографическими документами, дополняя ихъ данными изъ севастопольскихъ «Писемъ къ арх. Иннокентію" и „Дневника" прот. А. Г. Лебединцева, который былъ духовникомъ сестеръ „возглавляемой" Н. И. Пироговымъ, Крестовоздвиженской Общины[3]), сопоставляя указанія того и другого этихъ дѣятелей, участниковъ „Севастопольской трагедіи" съ „Воспоминаніями" Бакуниной[4]) и „Письмами о Крымской кампаніи" архіепископа Иннокентія Борисова къ оберъ-прокурору синода, графу Протасову[5]),—мы и воспроизведемъ севастопольскій подвигъ академика Пирогова, какъ онъ отлился въ трехъ главныхъ отношеніяхъ: въ дѣятельности медико-хирургической по Крымскимъ госпиталямъ и лазаретамъ, въ дѣятельности по благоустройству транспортированія раненыхъ и больныхъ и въ дѣятельности административной, въ качествѣ директора Крестовоздвиженской общины.

---

[1]) Севастопольскія письма Пирогова, стр. 94.

[2]) «Севастопольскія письма Пирогова» изд. 1899 и 1907 г.г. Первое изданіе А. А. Пироговой передаетъ оригиналъ частью въ сокращенной, частью въ искаженной формѣ и потому стоитъ гораздо ниже изданія 1907 г., принадлежащаго Русскому Хирургическому Обществу имени Н. И. Пирогова. Въ послѣднемъ изданіи помѣщены также „Севастопольское письмо" Пирогова къ проф. Зейдлицу и „Историческій обзоръ Крестовоздвиженской Общины", впервые напечатанный въ „Морскомъ Сборникѣ" за 1856 г. „Письмо Пирогова къ баронессѣ Э. Ф. Раденъ" имѣемъ въ 2 т. сочиненій Пирогова, Спб. 1887 г.

[3]) Письма прот. А. Г. Лебединцева къ Иннокентію, архіеп. Херсонскому и Таврическому. Изд. журнала «Кіевская Старина». Кіевъ 1896. Его-же «Изъ дневника священника въ осажденномъ Севастополѣ». Изд. «Русскій Архивъ» 1908, 3. Анализъ взаимоотношенія «Севастопольскихъ писемъ» Пирогова и «Писемъ» Лебединцева данъ проф. А. Кочубинскимъ въ его статьѣ «На память о прот. А. Г. Лебединцевѣ». Записки Одес. Общ. Ист. и Древн. 1900 г.

[4]) „Вѣстникъ Европы" 1898 г., кн. 3—4.

[5]) Прот. С. Петровскій. Одесскій Преображенскій соборъ. Одесса 1908 г., стр. 176—190.

Безотрадно было все, что встрѣтилъ Пироговъ по дорогѣ къ Севастополю но то, что онъ увидѣлъ, узналъ, проанализировалъ въ осажденномъ городѣ, легло на его душу, какъ мрачная, гнетущая туча. Горькимъ опытомъ провѣрилъ онъ тяжелую правду словъ Хомякова о Россіи, написанныхъ въ мартѣ 1854 г.:

. . . . . „Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна [1])".

Дѣйствительно, уже первое оффиціальное представленіе главнокомандующему показало Пирогову, какая непроницаемая тупость, безразличіе и безсердечіе по отношенію къ солдатамъ царили въ головахъ руководителей севастопольской обороны. „Холодный и не милосердный къ страждущимъ главнокомандующій только насмѣшливо улыбался, когда ему жаловались на ихъ нужды и лишенія и отвѣчалъ: „Прежде еще хуже бывало" [2]). Не просто двусмысленный, а прямо таки циничный намекъ Меншикова, брошенный по адресу сестеръ Крестовоздвиженской общины: „Будетъ ли-съ толкъ отъ нихъ? Чтобы не сдѣлать-съ послѣ еще 3-го, сифилитическаго отдѣленія въ госпиталѣ-съ"—ясно указалъ Пирогову, что поддержки и помощи въ предстоящей работѣ у него не найдешь, что впереди ждетъ борьба, стоятъ запущенность, ложь, клевета, всяческія придирки и злоба.

„Что же это такое?—спрашиваетъ себя Пироговъ, выйдя изъ жарко натопленной лачужки, аршина въ три въ длину и столько же въ ширину, гдѣ съ нимъ бесѣдовала, „сгорбившись, въ какомъ-то засаленномъ архалукѣ судьба Севастополя"... „Что это—пуфъ, или правда! Что значитъ это смиреніе, эта тихая, прерывистая рѣчь?... Главная квартира, тихая и безмолвная, какъ могила,— это уже, что ни говори, не по-русски, да и къ чему? Людямъ, у которыхъ жизнь на волоскѣ, скучать вредно. Беззаботность объ участи солдатъ, которыхъ онъ ругаетъ на пропалую, и явственное пренебреженіе ко всему, что грѣетъ и живитъ, не можетъ привлечь сердца. Возможно ли, чтобы главнокомандующій ни разу не пришелъ въ госпиталь къ солдатамъ, ни разу не сказалъ радушнаго слова тѣмъ, которые лѣзли на смерть... Онъ не можетъ, или не хочетъ сочувствовать солдатамъ,—онъ плохой Цезарь. Онъ хочетъ свои недостатки прикрыть мистическимъ молчаніемъ и притворнымъ спартанствомъ; но навряд ли многихъ надуетъ... То вѣрно, что солдаты не знаютъ своего полководца, полководецъ не заботится о солдатахъ" [3]).

---

[1]) Хомяковъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1900 г. Т. 4, стр. 255.
[2]) Письмо къ Зейдлицу. Малисъ. Стр. 187.
[3]) Севастопольскія письма. Малисъ. Стр. 71—75. Ср. Письма Иннокентія l. c. p. 188.

Однако, не смотря на первое гнетущее впечатлѣніе, Пироговъ энергично принялся за дѣло. „Съ его прибытіемъ въ Севастополь,—свидѣтельствуетъ князь Васильчиковъ,—все приняло по санитарной части видъ благоустройства и порядка“ [1]). Въ виду наступившаго затишья въ осадѣ онъ занялся разборкой раненыхъ подъ Инкерманомъ, лежавшихъ по севастопольскимъ госпиталямъ въ числѣ около 1.600 человѣкъ. Здѣсь онъ впервые сталъ примѣнять въ широкихъ размѣрахъ свою гипсовую повязку для поврежденныхъ конечностей, которыя можно было сохранить, не прибѣгая къ ампутаціи.

Вотъ какъ самъ онъ описываетъ свой рабочій день: „Въ 10 часовъ утра начинается перевязка и продолжается до 2 и 3 часовъ. Въ 3 часа сносятся тѣ раненые, которымъ необходимы операціи, въ одну длинную комнату, похожую на корридоръ, и тамъ на трехъ столахъ разомъ начинаются операціи по 10 и 12 въ день и продолжаются, пока стемнѣетъ, слѣдовательно, почти до 6 часовъ“ [2]).

Съ самаго начала осады главный перевязочный пунктъ былъ устроенъ на берегу залива, въ прекрасномъ по архитектурѣ и внутреннему убранству домѣ Севастопольскаго Дворянскаго Собранія. Просторные, изящно отдѣланные танцъ-залъ, буфетъ и билліардная комната были обращены въ операціонныя и перевязочныя, „на бильярдѣ—корпія и бинты; въ буфетѣ—фельдшера“ [3]).

„До этой минуты,—разсказываетъ Пироговъ,—мнѣ не случалось совсѣмъ быть въ столкновеніи съ оберъ-медиками; но когда я взялъ на себя попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ и о всѣхъ госпиталяхъ, сейчасъ-же начались разныя контры между мною и администраціей. Теперь никто не можетъ себѣ представить всю отвратительность и тупоуміе тогдашняго оффиціальнаго администрировавшаго медицинскаго персонала. Эти господа сразу смекнули, куда поведетъ учрежденный мною нравственный присмотръ и контроль административнаго попеченія надъ руководителями госпитальныхъ порядковъ... Они стали громко роптать на превышеніе власти съ моей стороны и только благодаря благосклонному вниманію генераловъ Сакена и Васильчикова я обязанъ тѣмъ, что не смотря на всѣ интриги, полученный успѣхъ оказался блестящимъ и для всѣхъ здравомыслящихъ людей неоспоримымъ“ [4]).

Въ Севастополѣ, какъ потомъ и въ Симферополѣ, Пироговъ первый выработалъ и примѣнилъ особую систему сортировки раненыхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они сотнями поступали на перевязочные пункты. До него на этихъ пунктахъ господствовалъ страшный

---

[1]) Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Т. 13, стр. 186.

[2]) Севастопольскія письма. Стр. 77.

[3]) Тамъ-же, стр. 99.

[4]) Письмо къ Раденъ. Сочиненія т. 2, стр, 511 -512. Ср. Письма Иннокентія Протасову l. c. Стр. 183, 186.

безпорядокъ и хаосъ. Система Пирогова состояла въ томъ, что раненые прежде всего дѣлились на четыре главныхъ категоріи. Первую группу составляли смертельно раненые, безнадежные, которые и поручались священнику и сестрамъ милосердія; этимъ страдальцамъ сестры старались доставлять послѣдній уходъ и предсмертныя утѣшенія. Во вторую категорію входили раненые, требующіе безотлагательной помощи тутъ-же, на перевязочномъ пунктѣ. Третья категорія обнимала собой тѣхъ, которые подлежали операціямъ на слѣдующій день, или позднѣе, а пока слѣдовательно должны были быть отправленными въ госпиталь. Наконецъ, четвертая категорія состояла изъ легко раненыхъ, которыхъ перевязывали и отправляли обратно въ части. Въ Симферополѣ, когда Пироговъ прибылъ сюда 26-го ноября, эта система была введена, однако, не безъ труда и осложненій. Прежде всего Пирогову пришлось осмотрѣть почти „всѣ углы“ частныхъ и общественныхъ домовъ удобныхъ для жизни, но не для госпитальнаго помѣщенія. Послѣ долгихъ поисковъ, лишь только хотѣли приступить къ переноскѣ раненыхъ изъ различныхъ, разсѣянныхъ по городу, отдѣленій, въ дома, намѣченные подъ лазареты, оказался полный недостатокъ транспортныхъ средствъ. Пироговъ вынужденъ былъ обратиться къ губернатору, графу Адлербергу, съ представленіемъ, что „городу угрожаетъ опасность общаго зараженія, если не будутъ приняты самыя дѣятельныя мѣры и если сами жители не будутъ тому содѣйствовать“ [1]). Когда, наконецъ, удалось устроить отдѣленіе, какъ слѣдуетъ, возникла совсѣмъ неожиданно новая трудность. „Вдругъ ночью,—разсказываетъ Пироговъ,—привезли новый транспортъ изъ Севастополя и Бахчисарая, и опять всѣ были сложены въ разныхъ отдѣленіяхъ; это отъ того происходило, что не устроили складочнаго мѣста для вновь прибывающихъ; о такъ называемыхъ, пріемныхъ покояхъ, при переполненіи нашихъ больницъ, не могло быть и рѣчи. Въ городѣ были большія конюшни, въ которыхъ больные, какъ свиньи, въ грязи валялись вмѣстѣ съ умершими. Я настаивалъ на томъ, чтобы этотъ склепъ превратили въ приличное складочное мѣсто, на что онъ оказался пригоденъ. Послѣ каждаго новаго транспорта больные складывались сперва туда, гдѣ ихъ сортировалъ дежурный врачъ и распредѣлялъ по разнымъ отдѣленіямъ. Но не нашли подходящаго мѣста, куда можно-бы перевезти больныхъ изъ этой ужасной трущобы. Стѣснялись объ этомъ извѣстить губернатора, который занималъ слишкомъ большое помѣщеніе, въ половинѣ котораго могли-бы устроить хорошій госпиталь. Такъ проходило время въ переговорахъ и обѣщаніяхъ. Я не могъ долѣе оставаться въ Симферополѣ; устроивъ необходимѣйшую, хирургическую помощь для раненыхъ и взявъ съ врачей честное слово, чтобы они по крайней мѣрѣ этихъ оперированныхъ оградили отъ смѣшенія съ гангренозными и заразными боль-

[1]) Дубровинъ. Исторія Крымской войны. Т. 2, стр. 345—346.

ными, я уѣхалъ; но, увы, все осталось по старому и тифъ свирѣпствовалъ безпрепятственно“ [1]).

Нѣсколько лучше почувствовали себя симферопольскіе раненые послѣ того, какъ ихъ разослали по меннонитскимъ селеніямъ и отдали на попеченіе государственныхъ крестьянъ Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ. Въ разные пункты такимъ способомъ было транспортировано около 2.100 человѣкъ и сверхъ того предполагалось перевезти до 7.000 въ разные пункты Таврической и Херсонской губерній.

„Я разъѣзжаю теперь,—писалъ Пироговъ 26-го января 1855 г. о своей клинической дѣятельности въ Севастополѣ,—по четыремъ госпиталямъ и перевязочнымъ пунктамъ; всякій день новые раненые; у меня мой отдѣльный дворъ, состоящій изъ 10 врачей и 20 сестеръ; все вокругъ меня въ дѣятельности. До 2 и 3 час. дня продолжается перевязка раненыхъ и операціи... На дняхъ велѣно готовить кровати для больныхъ. Мѣсто-то еще можно какъ-нибудь найти, но матрацовъ и бѣлья не хватитъ; больные лежатъ недѣли по три на одномъ и томъ-же грязномъ матрацѣ, и въ одной и той-же одеждѣ; все-таки, однако-же, теперь меньше грязи и нечистоты... Нѣтъ въ госпиталяхъ и хорошаго вина, хинной корки, кислотъ даже на случай, когда тифъ разовьется“ [2]). „Кровь, грязь и сукровица,—говоритъ Пироговъ въ мартовскомъ письмѣ къ Зейдлицу,—въ которыхъ я ежедневно вращаюсь, давно уже перестали дѣйствовать на меня, но вотъ что печалитъ: ...наши госпитали всѣ переполнены и помѣщаются въ старыхъ. полуразрушенныхъ, или казематированныхъ казармахъ, гдѣ весьма трудно очищать воздухъ; больнымъ не достаетъ бѣлья и тюфяковъ, а для набивки послѣднихъ нѣтъ ни сѣна, ни соломы. Такимъ образомъ, имѣется достаточно поводовъ опасаться развитія злокачественной эпидеміи подъ вліяніемъ предстоящихъ жаровъ. Къ этому надо прибавить еще господствующую эпидемическую болѣзненную конституцію, порождающую крымскія лихорадки и смрадныя испаренія, поднимающіяся изъ непріятельскаго лагеря. При всемъ томъ теперь въ нашихъ госпиталяхъ гораздо лучше, чѣмъ было въ ноябрѣ прошлаго года. О той грязи, о томъ несчастномъ положеніи, въ которомъ съ октября по декабрь валялись наши больные и раненые, невозможно себѣ представить тому, кто не видалъ этого собственными глазами... Въ ночь на 17 марта у насъ было 400 убитыхъ и 1.800 раненыхъ. Вся эта масса раненыхъ еще въ ту-же ночь и на другой день была размѣщена въ различныхъ амбулансахъ въ городѣ. И мы работали два дня, пока удалось почти всѣмъ доставить необходимую помощь. На мою долю досталось 600 раненыхъ. Посредствомъ особеннаго способа мнѣ удалось въ полтора дня справиться съ главнѣйшими хирургическими

[1]) Письмо къ Зейдлицу. Стр. 185—186.

[2]) Севастопольскія письма. Стр. 101, 102, 124.

пособіями. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ моемъ распоряженіи находятся 10 врачей; я ими управляю деспотически, но, смѣю думать, справедливо. Я распредѣляю обязанности этихъ врачей такимъ образомъ, что двое или трое изъ нихъ, по очереди мѣняясь съ другими, должны сортировать вновь прибывшихъ раненыхъ. Складочное мѣсто для этого необходимо. Тутъ сначала выдѣляются отчаянные и безнадежные случан..., и тотчасъ переходятъ къ раненымъ подающимъ надежду; ихъ приносятъ въ операціонную комнату, кладутъ на столъ, или на скамью, сперва хлороформируютъ, потомъ снимаютъ повязку и рѣшаютъ, можетъ-ли быть раненый членъ сохраненъ, или-же нужны ампутація или резекція. Если принесли много раненыхъ, то мы оперируемъ одновременно, на 3 или на 4 столахъ. . Три врача и пара солдатъ при операціяхъ—дѣйствующія лица. Одинъ слѣдитъ за пульсомъ во время хлороформированія, другой прижимаетъ артерію, третій оперируетъ; два или три солдата держатъ больного... Я съ часами въ рукахъ убѣдился, что можно окончить 10 большихъ ампутацій, даже съ помощью не очень опытныхъ рукъ, въ 1 часъ и 45 минутъ. Если-же одновременно оперировать на 3 столахъ, и съ 15 врачами. то въ 6 часовъ 15 мин. можно сдѣлать 90 ампутацій, и поэтому 100 ампутацій съ небольшимъ въ 7 час. времени“ [1]).

Въ продолженіе февраля были заложены и укрѣплены наши редуты: Селенгинскій, Камчатскій и Волынскій. Въ это время Пирогову приходилось жить и работать подъ пушечными выстрѣлами. Крыша его квартиры была пробита бомбой. Суровая и опасная обстановка не произвела, однако, отрицательнаго вліянія на расположеніе духа знаменитаго хирурга. Онъ былъ, напротивъ, тѣмъ болѣе расположенъ къ остротамъ и шуткамъ, чѣмъ кровавѣе и утомительнѣе становилась работа на перевязочныхъ пунктахъ. Съ 28 марта надвинулось второе бомбардированіе Севастополя. Пироговъ съ своими помощниками переѣхалъ на постоянное жительство въ Дворянское Собраніе и трудился здѣсь, не раздѣваясь, съ понедѣльника Свѣтлой недѣли по 22 апрѣля. „27 марта въ 5 час. утра мы были разбужены сильной канонадой“,—писалъ онъ женѣ. „Окна комнаты дрожали; по стѣнамъ дома какъ будто сотни кузнецовъ стучали молотами. Мы вскочили, наскоро одѣлись и узнали, что непріятель открылъ сильную бомбардировку со всѣхъ бастіоновъ. Наши отвѣчали; завязалась сильная канонада изъ 1.500 осадныхъ орудій; мы побѣжали стремглавъ на перевязочный пунктъ, и вскорѣ вся огромная зала начала наполняться ранеными... Съ этого дня бомбардированіе продолжалось днемъ и ночью до 6-го апрѣля... Считаютъ, что по сей день выпущено до 400 тысячъ снарядовъ... Въ теченіе этого времени у насъ считаютъ до 6.000 выбывшихъ изъ строя“ [1]). „И теперь еще буря не утихла“,—отмѣчаетъ онъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 176, 180—184.

[2]) Тамъ же, стр. 127. Бирюковъ. Л. Н. Толстой. Біографія. М. 1906. Т. I, стр. 242—244.

въ письмѣ отъ 22 апрѣля. „У насъ вдругъ привалило до 600 раненыхъ въ одну ночь, и мы сдѣлали въ теченіе 12 часовъ слишкомъ 70 ампутацій... Въ 9 дней у насъ выбыло изъ строя 9.000; съ 27 марта по 21 апрѣля однѣхъ ампутацій мы сдѣлали до 500“ [1]).

Чтобы представить себѣ полную картину дѣятельности медицинскаго персонала съ Н. И. Пироговымъ во главѣ въ періодъ этой болѣе, чѣмъ 10-дневной бомбардировки Севастополя, воспользуемся художественнымъ описаніемъ самого Пирогова, даннымъ въ „Историческомъ обзорѣ дѣйствій Крестовоздвиженской Общины“ [2]).

„Для всѣхъ очевидцевъ памятно будетъ,—пишетъ знаменитый хирургъ,—время, проведенное съ 28 марта по іюнь мѣсяцъ въ Дворянскомъ собраніи. Во все это время около входа въ собраніе, на улицѣ, гдѣ такъ не рѣдко падали ракеты, взрывая землю, и лопались бомбы, стояла всегда транспортная рота солдатъ подъ командой дѣятельнаго и распорядительнаго подпоручика Яни; койки и окровавленныя носилки были въ готовности принять раненыхъ; въ теченіе 9 днéй мартовской бомбардировки безпрестанно тянулись къ этому входу ряды носильщиковъ; вопли носимыхъ смѣшивались съ трескомъ бомбъ; кровавый слѣдъ указывалъ дорогу къ парадному входу собранія. Эти девять дней огромная танцевальная зала безпрестанно наполнялась и опоражнивалась; приносимые раненые складывались вмѣстѣ съ носилками, цѣлыми рядами, на паркетномъ полу, пропитанномъ на цѣлые полвершка запекшеюся кровью; стоны и крики страдальцевъ, послѣдніе вздохи умирающихъ, приказанія распоряжающихся—громко раздавались въ залѣ, Врачи, фельдшера и служители составляли группы, безпрестанно двигавшіяся между рядами раненыхъ, лежавшихъ съ оторванными и раздробленными членами, блѣдныхъ, какъ полотно, отъ потери крови и отъ сотрясеній, производимыхъ громадными снарядами; между солдатскими шинелями мелькали вездѣ бѣлые капюшоны сестеръ, разносившихъ вино и чай, помогавшихъ при перевязкѣ и отбиравшихъ на сохраненіе деньги и вещи страдальцевъ. Двери зала ежеминутно отворялись; вносили и выносили по командѣ: „на столъ“, „на койку“, „въ домъ Гущина“, „въ Инженерный“, „въ Николаевскую“. Въ боковой и довольно обширной комнатѣ, на трехъ столахъ, кровь лилась при производствѣ операцій; отнятые члены лежали грудами, сваленные въ ушатахъ; матросъ Пашкевичъ едва успѣвалъ слѣдовать приливу врачей, переходя отъ одного стола къ другому; съ неподвижнымъ лицомъ, молча, онъ исполнялъ въ точности данныя ему приказанія, зная, что неутомимой рукѣ его поручалась жизнь собратовъ... За столами стоялъ рядъ коекъ съ новыми ранеными, и служители

---

[1]) Севастопольскія письма Пирогова, стр. 130—131.

[2]) Малисъ. Тамъ-же, стр. 35—39. Срав. Толстой Л. Севастополь въ маѣ 1855 года. Сочиненія. Ч. 3, стр. 141—143. Москва 1877 г.

готовились переносить ихъ на столы для операцій; возлѣ порожнихъ коекъ стояли сестры, готовыя принять ампутированныхъ. Воздухъ комнаты, не смотря на безпрестанное провѣтриваніе, былъ наполненъ испареніями крови, хлороформа; часто примѣшивался и запахъ сѣры...

Ночью при свѣтѣ стеарина тѣ же самыя кровавыя сцены и не рѣдко еще въ большихъ размѣрахъ представлялись въ залѣ Дворянскаго собранія. Въ это тяжкое время безъ неутомимости врачей, безъ равностнаго содѣйствія сестеръ, безъ распорядительности начальниковъ транспортныхъ командъ не было бы никакой возможности подать безотлагательную помощь пострадавшимъ за отечество. Чтобы имѣть понятіе о всѣхъ трудностяхъ этого положенія, нужно себѣ живо представить темную южную ночь, ряды носильщиковъ при тускломъ свѣтѣ фонарей, направленныхъ къ входу Собранія и едва прокладывающихъ себѣ путь сквозь толпы раненыхъ пѣшеходовъ, сомкнувшихся въ дверяхъ его. Всѣ стремятся за помощью и на помощь, каждый хочетъ скораго пособія; раненый громко требуетъ перевязки или операціи, умирающій—послѣдняго отдыха, всѣ—облегченія страданій. Гдѣ можно было бы, безъ дѣятельныхъ и строгихъ мѣръ, безъ неусыпной дѣятельности, найти достаточно мѣста и рукъ для оказанія безотлагательной помощи".

Выше мы видѣли, какъ стояло дѣло транспортированія раненыхъ и больныхъ Крымской арміи по госпиталямъ Тавриды и сѣвернаго Черноморскаго побережья. Возмутительное отношеніе госпитальной и военно-медицинской администраціи къ этому дѣлу дало поводъ Пирогову обратиться еще въ ноябрѣ 1854 г. съ докладной запиской къ генералъ-губернатору, гр. Адлербергу о регулированіи эвакуаціи и о привлеченіи сосѣднихъ къ Крыму губерній къ дѣлу транспортированія раненыхъ. „Если подумаешь,—писалъ онъ изъ Симферополя 6 декабря,—что въ Севастополѣ англичане хоронятъ мертвыхъ, зарывая только на аршинъ, что кругомъ вездѣ гніютъ въ воздухѣ внутренности убитыхъ животныхъ, вездѣ кругомъ лежитъ падаль [1]), да если къ этому начнутся весной жары, то поймешь, что весь край будетъ въ опасности. Я это толковалъ Адлербергу и подалъ ему записку, но онъ только жаловался на недостатокъ транспортныхъ средствъ и говорилъ, что самъ не знаетъ, что начать" [2]). Въ половинѣ февраля 1855 г. произошла смѣна главнокомандующаго: мѣсто кн. Меншикова занялъ кн. Горчаковъ. Около того-же времени генералу Анненкову дана была власть распоряжаться въ губерніяхъ, Воронежской, Екатеринославской и Курской. Пироговъ окрылился надеждой, что „теперь дороги, транспорты, провіантировка и госпитали, наконецъ, существенно улуччатся" [3]) и подалъ кн. Горчакову новую докладную записку, въ кото-

[1]) Парал. Письмо Кавелина Погодину. Барсуковъ, т. 14, стр. 133.
[2]) Севастопольскія письма, стр. 83.
[3]) Тамъ-же, стр. 118.

рой доказывалъ, что мы „теперь такъ-же мало подготовлены принять и устроить большое число раненыхъ, какъ и въ началѣ осады, послѣ Инкерманскаго сраженія“. Для предупрежденія неустройствъ онъ предлагалъ двѣ главныя и, по его убѣжденію, единственныя мѣры: совершенное очищеніе отъ раненыхъ севастопольскихъ госпиталей чрезъ непрерывную транспортировку и устройство госпитальныхъ палатокъ на Сѣверной сторонѣ. Однако, и на этотъ разъ его старанія не имѣли успѣха. „Анненковъ,—по его словамъ,—кажется, не въ состояніи ничего сдѣлать, чтобы усилить транспортъ больныхъ и опорожнить отъ нихъ городъ, въ которомъ теперь скопилось до 7.000 и въ Симферополѣ 6.000“... Горчаковъ, Коцебу, Нахимовъ, короче всѣ, съ кѣмъ говорилъ, кого просилъ и убѣждалъ Пироговъ, любезно его выслушивали, соглашались съ его доводами и ничего не дѣлали. „Средствъ,—пишетъ онъ,—нѣтъ, палатокъ нѣтъ, лошадей и фуръ мало, куда везти больныхъ хорошо не знаютъ; всѣ ближайшіе госпитали уже переполнены и вездѣ безпорядокъ по прежнему. Генералъ-штабъ-докторъ только умѣетъ поддакивать да хвалить то, что худо... Врачи не смѣютъ пикнуть, гнутся и, предвидя грозу отъ разъясненія правды, молчатъ, скрываютъ и разыгрываютъ столба... Я зналъ уже прежде участь нашихъ раненыхъ, думалъ содѣйствовать къ улучшенію, теперь убѣдился, что при нашей распорядительности это дѣло—несбыточное; беззаботность славянская и непредусмотрительность—неискоренимы,—хоть колъ на головѣ теши... Никто ни съ мѣста, авось-ка вывезетъ какъ-нибудь. Послѣ все будетъ гладко и песочкомъ посыпано“[1]). Въ письмѣ къ Зейдлицу, составленномъ на одну недѣлю раньше, чѣмъ вылилась приведенная тирада, Пироговъ передаетъ свое настроеніе еще рельефнѣе: „Увы, все, что предлагалъ я Горчакову, все это пока еще находится только на бумагѣ. 7.000 больныхъ скучены въ Севастополѣ; 5.500 въ Симферополѣ, нѣсколько тысячъ размѣщены въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ. При этомъ нѣтъ правильной транспортировки и образовался совершенный застой, который теперь продолжается уже около 4 недѣль и съ каждымъ днемъ увеличивается... Генералъ-штабъ-докторъ Шрейберъ, хотя уже сѣдой и рябоватый, все видитъ въ розовомъ свѣтѣ; новый начальникъ арміи обремененъ занятіями и поэтому не въ состояніи обо всемъ думать; транспортировочныя средства еще не прибыли; госпитальныя палатки, если-бы даже мое предложеніе было принято, еще не изготовлены и не поставлены. Требованіе на хину и хининъ по дефектному каталогу еще въ декабрѣ отправлено въ Херсонъ и до сихъ поръ отвѣта нѣтъ. Медикаменты и деньги, которыя я, по милости великодушной великой княгини Елены Павловны, получилъ, съ каждымъ днемъ уменьшаются все болѣе и болѣе. Значительное сраженіе предстоитъ, вѣроятно, въ скоромъ времени; нечистыя, гангренозныя раны, тифозные больные съ каждымъ днемъ прибавляются —

[1]) Тамъ же, письмо отъ 25 марта, стр. 123—124, 138, 125,

вотъ наше врачебное положеніе въ Севастополѣ. Остается только надѣяться, какъ увѣряетъ докторъ Шрейберъ, что современемъ все будетъ лучше“ [1]).

„Значительное сраженіе“, котораго такъ опасался въ половинѣ марта Пироговъ, какъ мы уже видѣли, не замедлило разразиться въ концѣ марта—началѣ апрѣля. И вотъ какой ужасный моментъ пришлось пережить ему, какъ человѣку и какъ хирургу, по милости „безграничной небрежности военной администраціи“. „Пришла бомбардировка,—пишетъ онъ,—показался антоновъ огонь отъ скученія въ казармахъ, и давай спѣшить и дѣлать, какъ ни попало. 28-го апрѣля перевезли разомъ 400 на Сѣверную сторону, свалили въ солдатскія палатки, гдѣ едва сидѣть можно, свалили людей безъ рукъ, безъ ногъ, съ свѣжими ранами на землю, на одни скверные тюфячишки .. Когда ампутированныхъ перевезли и свалили, я сказалъ, что они при первой непогодѣ будутъ валяться въ грязи. Обѣщали, что этого не будетъ... Сегодня дождь цѣлый день. Что съ ними стало? Богъ знаетъ. Завтра поѣду на ту сторону, такъ увижу... Вѣрно лежатъ теперь, или лучше плаваютъ въ грязи, на своихъ матрацахъ... Пріѣхалъ и видѣлъ, что они лежатъ въ грязи, какъ свиньи, съ отрѣзанными ногами... Я таскался по колѣно въ грязи, нашелъ всѣхъ промокнувшими .. Разумѣется, сейчасъ-же доношу объ этомъ главнокомандующему, а тамъ злись на меня кто, какъ хочетъ... Дѣло съ ранеными въ палаткахъ кончилось тѣмъ, что туда пріѣхалъ, по моей жалобѣ, самъ Горчаковъ и распекъ генералъ-штабъ-доктора... такъ, что онъ на вопросъ, сколько больныхъ въ Симферополѣ, растерялся, отвѣтивъ на удачу: „Теперь очень уменьшилось, ваше сіятельство; было 800, а въ настоящее время 400“.—„Какъ, 400 въ сутки?“—„Въ недѣлю“... – „Однакожъ, это порядочно много“.—„Извините, ваше сіятельство, въ мѣсяцъ“.—„А, хорошо“,—сказалъ удовлетворенный князь, садясь на лошадь. Я посмотрѣлъ,—замѣчаетъ Пироговъ,—и пожалъ плечами. Низкая ложь, безъ стыда, чтобы загладить гнѣвъ начальника, уменьшаетъ разомъ на цѣлыя сотни въ глазахъ всѣхъ знающихъ и не знающихъ дѣло“ [2]).

Даже 21 годъ спустя послѣ этого инцидента, Пироговъ вспоминалъ его не иначе, какъ съ тѣмъ ледянымъ ужасомъ, который переполнилъ его душу при первомъ, непосредственномъ наблюденіи. „Можно себѣ представить, каково было съ отрѣзанными ногами лежать на землѣ, по три и по четыре вмѣстѣ... Все подъ ними и около нихъ было насквозь промочено; оставалось сухимъ только то мѣсто, на которомъ они лежали, не трогаясь, но при малѣйшемъ движеніи имъ приходилось попадать въ лужи, А когда кто-нибудь входилъ въ эти палатки-лазареты, то всѣ вопили о помощи, со всѣхъ сторонъ громко

---

[1]) Тамъ же. Стр. 189—190.

[2]) Тамъ же, стр. 133, 135—136, 139.

раздавались раздирающіе, пронзительные стоны, крики и зубовный скрежетъ и то особенное стучанье зубами, отъ котораго бьетъ дрожь. Врачи и сестры могли помогать не иначе, какъ стоя на колѣнахъ въ грязи. По 20 и болѣе ампутированныхъ умирало каждый день... и не многіе изъ нихъ пережили двѣ недѣли послѣ этой катострофы“ [1]).

Относительное, хотя на первыхъ порахъ и мало замѣтное улучшеніе въ постановкѣ транспортированія раненыхъ наступило позже, съ „началомъ второго акта Севастопольской трагедіи“, послѣ 28 августа, когда городъ былъ занятъ союзниками и все переселилось на Сѣверную сторону. Возвратившись въ это время изъ Петербурга, Пироговъ нашелъ въ Севастополѣ множество раненыхъ при штурмѣ Малахова Кургана. Одни изъ нихъ лежали кучами въ палаткахъ, на Сѣверной сторонѣ; другихъ приготовляли къ отсылкѣ въ Симферополь и Бахчисарай. Весь вопросъ попеченія о раненыхъ и больныхъ сводился теперь къ дальнѣйшему ихъ транспортированію внутрь Россіи изъ Симферополя, въ госпиталяхъ котораго скопилось до 13.000 чел. Въ городѣ не хватало мѣстъ, а въ лазаретахъ и госпиталяхъ царилъ такой неописуемый произволъ, что въ результатѣ послѣдовало Высочайшее назначеніе слѣдственной комиссіи. Сосредоточивъ свою дѣятельность съ половины сентября въ Симферополѣ, Пироговъ всѣми силами старался упорядочить госпитальный уходъ за больными и ихъ дальнѣйшій транспортъ. Въ Бельбекской долинѣ, гдѣ „больные лежали въ солдатскихъ палаткахъ и госпитальныхъ навѣсахъ на матрацахъ, постланныхъ на землѣ, не имѣя одѣялъ, безъ полушубковъ, я не зналъ,—говоритъ Пироговъ,—какъ поправить дѣло и пошелъ болѣе по инстинкту, нежели съ намѣреніемъ, заглянуть въ цейхгаузъ; къ моему удивленію я нашелъ тамъ еще нѣсколько сложенныхъ палатокъ и не развязанныхъ тюковъ. Оказалось, что было еще 400 одѣялъ, которыя добродѣтельное комиссаріатство госпиталя не распаковало, опасаясь излишней отчетности. Теперь почти всѣ больные прикрыты двойными палатками и всѣмъ розданы одѣяла“ [2]).

Осматривая ежедневно въ симферопольскихъ лазаретахъ отъ 800 до 1.000 больныхъ, Пироговъ въ то же время усиленно трудился надъ организаціей транспортовъ, писалъ Горчакову, бомбардировалъ главную квартиру докладными записками, добился того, что комитетъ купилъ на 12 тыс. руб. сер. рогожъ для прикрытія раненыхъ [3]). „Мы живемъ теперь, — писалъ онъ 14 октября, — не худо, занимаемся дѣльно; въ госпиталяхъ (все) идетъ прекрасно... Чтобы совершить большой транспортъ и при невыгодныхъ климатическихъ условіяхъ, я предложилъ сестрѣ Бакуниной принять на себя сопровожденіе и дирекцію онаго, вмѣстѣ съ попеченіемъ о транспортируемыхъ.

[1]) Письмо къ Раденъ. Сочиненія 2 т. стр. 515—516.
[2]) Севастопольскія письма стр. 148—149.
[3]) Тамъ же, стр. 154, 157, 159.

Я зналъ, что она, насколько возможно, сумѣетъ облегчить страдальцамъ ихъ горькую участь. Бакунина безотговорочно приняла мое предложеніе и съ полнымъ самопожертвованіемъ ѣздитъ съ транспортами до Перекопа. Въ большихъ сапогахъ и въ бараньемъ тулупѣ она тащилась пѣшкомъ по глубокой грязи и сопровождала мужицкія тѣлѣги, биткомъ набитыя больными и ранеными. Труды дороги, ночи въ аулахъ, постоянное наблюденіе за больными ей нипочемъ. Рѣдкій характеръ,—нельзя не уважать... Утѣшительно, что есть еще нравственная власть; надобно только умѣть ею распорядиться“ [1]).

Остановимся теперь на третьей существенной сторонѣ крымской дѣятельности Н. И. Пирогова—на его работахъ по благоустройству, управленію и руководству Крестовоздвиженской Общиной сестеръ попеченія о раненыхъ и больныхъ.

При раціональномъ міровоззрѣніи великой княгини Елены Павловны основаніе устроеннаго ею „Общества сестеръ“ не могло быть инымъ, какъ только раціональнымъ. „Главнымъ двигателемъ этого учрежденія было,—говоритъ Пироговъ, желаніе ея высочества принести практическую неоспоримую пользу отечеству“ [2]). Тѣмъ не менѣе сестры общины принесли не только техническую помощь, онѣ оказали нравственное вліяніе „на дирекцію всего госпитальнаго корпуса во время войны“. Въ октябрѣ 1854 г. Крестовоздвиженская община получила Высочайшее соизволеніе, а въ ноябрѣ того же года она находилась уж на театрѣ войны въ полной дѣятельности [3]).

„Когда по пріѣздѣ своемъ въ Севастополь,—пишетъ Пироговъ баронессѣ Раденъ,—я увидѣлъ, что медицинское пособіе и хожденіе за страдальцами нужнѣе въ лазаретахъ и баракахъ, чѣмъ на перевязочныхъ пунктахъ, то рѣшилъ всю пріѣхавшую общину занять дѣломъ въ Симферополѣ. Здѣсь я и оставилъ ихъ съ ихъ начальницей Стаховичъ и распредѣлилъ по разнымъ лазаретамъ [4]). Тамъ, въ Симферополѣ засталъ я въ это время нѣсколько тысячъ раненыхъ послѣ битвъ при Альмѣ, Инкерманѣ и послѣ первой бомбардировки. Не доставало ни умовъ, ни рукъ, чтобы хоть немного привести невообразимый хаосъ въ извѣстность и порядокъ“. Между тѣмъ въ городъ постоянно прибывали новые транспорты раненыхъ. Мѣстные и военные врачи предпочитали покойную и безконтрольную службу госпитальной на глазахъ начальства... „Но медики, мнѣ подчиненные, находили бо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 161. Письмо къ Раденъ. Сочиненія, т. 2, стр. 522.

[2]) Тамъ же, стр. 499. Кн. Д. А. Оболенскій. Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. «Русская Старина» 1909 г., кн. 3, стр. 518—519.

[3]) Парал. Севаст. письма Пирогова, стр. 79, 81: „Община сестеръ Елены Павловны принялась ревностно за дѣло... Онѣ день и ночь попеременно бываютъ въ госпиталяхъ, помогаютъ на перевязкѣ, бываютъ и на операціяхъ, раздаютъ больнымъ чай и вино и наблюдаютъ за служителями“ и проч.

[4]) Севастоп. письма Пирогова, стр. 81, 85, 90.

лѣе полезнымъ и для себя болѣе поучительнымъ дѣйствовать въ баракахъ сѣвернаго пункта. Эти бараки мы нашли то же переполненными и чуть-ли не зачумленными. Я зналъ, что, принявъ свое рѣшеніе насчетъ первой партіи сестеръ, поступаю не согласно съ воззрѣніями великой княгини, но, не смотря на то, взялъ на себя всю отвѣтственность и спокойно выжидалъ пріѣзда второй партіи сестеръ, которая и прибыла въ Севастополь послѣ Рождества 1854 года. Пріѣздъ ея совпалъ съ тѣмъ временемъ, когда осада стала еще ожесточеннѣе. Я тогда взялъ на себя попеченіе о главномъ перевязочномъ пунктѣ въ Севастополѣ и о всѣхъ лазаретахъ въ Николаевскихъ казармахъ и разныхъ домахъ города". На всѣ эти мѣста было назначено соотвѣтствующее число сестеръ и медиковъ; при чемъ за сестрами былъ удержанъ весь контроль въ госпиталяхъ. Онѣ вѣдали дѣла присмотра за ранеными, заботились о надлежащей доставкѣ имъ пищи и непремѣнно пищи хорошей, слѣдили за чистотой и смѣной бѣлья, за прачешными, за частой перемѣной соломы въ матрацахъ и требовали отъ госпитальной администраціи, чтобы она обязательно выдавала на раненыхъ все, что имъ положено. Конечно, ничего нѣтъ удивительнаго что подобный контроль былъ очень не по сердцу разнымъ чиновникамъ и оффиціальнымъ инспекторамъ [1]).

«Въ началѣ марта 1855 г.,—говоритъ Пироговъ,—первая партія сестеръ, потерпѣвшая тифозную эпидемію перешла въ Севастополь. Начальницу ея я встрѣтилъ еще не совсѣмъ оправившуюся отъ трехнедѣльнаго тифа, -въ слабости силъ тѣлесныхъ и духовныхъ [2]). Я опасался здѣсь болѣе всего столкновенія [3]) между такими двумя различными характерами, какъ Стаховичъ и начальница второго отряда—Бакунина, и потому уговорилъ первую помѣститься съ своей партіей на Сѣверной сторонѣ, въ Морскомъ госпиталѣ. Мартъ былъ изобиленъ боевыми подвигами... Въ это время въ Морскомъ госпиталѣ—раненые были отправлены туда—царствовала кутерьма. Въ полумракѣ отъ недостаточнаго освѣщенія медики работали въ темнотѣ и тѣснотѣ. Всѣ тутъ такъ долго и много трудились, что, наконецъ, всѣ утомились до-нельзя и совершенно стали и были неспособны оказывать помощь другимъ. Въ эту же ночь и въ два слѣдующіе дня перенесли отсюда почти половину раненыхъ на перевязочный пунктъ. Къ счастью я съ самого начала взялъ себѣ за правило распредѣлять медицинскую помощь въ строго опредѣленномъ порядкѣ, чего и достигалъ сортированіемъ и распредѣленіемъ раненыхъ на категоріи. И еще не меньшимъ счастьемъ было то, что нашъ перевязочный пунктъ къ этому

---

[1]) Тамъ же: письмо отъ 25 марта, стр. 124—126. Парал. Зейдлицу. Малисъ стр. 192—193. Лебединцевъ. Изъ дневника въ осажденномъ Севастополѣ, стр. 7, 9, 10, 12.

[2]) Парал. Севастопол. письма, стр. 96, 99, 101—102, 111, 116, 119—120, 124. Къ Зейдлицу, стр. 186. Лебединцевъ. Изъ дневника, стр. 14.

[3]) Тамъ же, стр. 102 и 129. Лебединцевъ. Тамъ же, стр. 27 28.

времени былъ отлично приготовленъ для принятія раненыхъ. Здѣсь въ Дворянскомъ собраніи я тотчасъ же раздѣлилъ своихъ медиковъ и сестеръ на четыре группы"... Этой мѣрой достигнуто было, что почти тотчасъ же прекратились случаи изнеможенія и обмороковъ у самихъ служащихъ и почти не стало смраднаго запаха въ залахъ. Медики и сестры при наплывѣ раненыхъ перестали безумно метаться и не кидались уже прежде всего къ тѣмъ, кто громче другихъ кричалъ и стоналъ". Такой порядокъ строго поддерживался не только до отъѣзда Пирогова въ Петербургъ (въ іюнѣ 1855 г.), но и впослѣдствіи, до конца кампаніи. Въ этотъ періодъ община была въ постоянномъ трудѣ по лазаретамъ и госпиталямъ [1]); кромѣ того сестры оказали, по свидѣтельству Пирогова очень цѣнную помощь въ слѣдующихъ исключительныхъ случаяхъ: во время ночныхъ атакъ онѣ работали на перевязочномъ пунктѣ въ Морскомъ госпиталѣ и въ баракахъ Сѣверной стороны; во время второго бомбардированія приняли и перевязали не одну тысячу тяжело раненыхъ; отъ 150 до 200 ампутацій и сложныхъ операцій пришлось въ это время медикамъ исполнять каждый день, имѣя ассистентами только сестеръ. Одновременно съ тѣмъ сестры ухаживали за ранеными, перенесшими операцію и умиравшими, которыми были переполнены всѣ севастопольскія казармы, лазареты и частные

[1]) Въ доказательство, что попеченіе сестеръ о раненыхъ, дѣйствительно, облегчало солдатъ, можно сослаться на слѣдующіе случаи. Тяжело раненый, очень безпокойный солдатъ послѣ операціи настоятельно просилъ, чтобы одна изъ сестеръ оставалась при его постели. На вопросъ почему онъ этого желаетъ, онъ отвѣчалъ: „Хоть, потолкайся, матушка, около меня, такъ мнѣ ужъ легче будетъ". Солдаты такъ высоко цѣнили заслуги сестеръ, такъ привыкали къ нимъ, что переводъ въ другую палату имѣлъ дурное вліяніе на нравственное состояніе больного и заставлялъ его просить о возвращеніи на прежнее мѣсто. Часто больные просили, чтобы съ переводомъ ихъ въ другое помѣщеніе, переводили и тѣхъ же самыхъ сестеръ милосердія. Разъ бомба, пробивъ крышу и потолокъ палаты, упала возлѣ раненаго и затѣмъ ушла въ землю. Случившаяся при этомъ старшая сестра указала больному на опасность, которой онъ подвергался.—„Матушка,—отвѣтилъ онъ,—бомба то ничего, а вотъ ты не отыми дорогой нашей сестрицы". Извѣстно, что послѣ кампаніи одна изъ сестеръ вернулась въ свое небольшое и заложенное имѣнье и къ удивленію своему узнала, что всѣ долги, лежавшіе на имѣньи, были уплачены за нѣсколько дней до ея возвращенія однимъ изъ раненыхъ офицеровъ, лежавшихъ въ палатѣ, ввѣренной ея попеченію

„Я самъ видѣлъ,—пишетъ одинъ изъ посѣтителей Севастопольскаго госпиталя,—какъ нѣжныя руки омывали и перевязывали отвратительныя раны. Я видѣлъ, какъ глаза, полные слезъ, заботливо слѣдили за послѣдними корчами умирающаго, я слышалъ, какъ солдаты благословляли своихъ благодѣтельницъ. Разскажу случай: это было ночью. Тяжело раненому солдату хочется заснуть, но не спится: и боль отъ раны, и жажда мучатъ, да еще... въ госпиталѣ—куда какъ умирать не хочется. Вотъ проходитъ по палатѣ сестра, которая въ эту ночь дежурила. Бѣдному солдату легче стало на душѣ, когда онъ увидѣлъ, что есть въ мірѣ существо, которое бдитъ надъ нимъ и... вырвались изъ солдатской души чудныя наивностью слова: „Барышня, пройдите еще разъ". Барышня исполнила желаніе солдата и, обойдя всѣхъ больныхъ, опять прошла мимо его. Въ это время солдатъ умиралъ: онъ умеръ съ улыбкой на устахъ". (Дубровинъ. Исторія Крымской войны т III, стр. 220—222).

дома; онѣ работали во время атакъ на отдаленныя траншеи, при взрывахъ минъ, участвовали въ транспортированіи раненыхъ, сопровождая партіи по 300, 400 и болѣе человѣкъ.

„Конечно,—сознается Пироговъ,—не все по тогдашнимъ обстоятельствамъ въ Крестовоздвиженской Общинѣ было удачно... Нѣкоторыя изъ сестеръ были безъ всякаго образованія. Одна... сконфузила себя поведеніемъ, хотя, казалось и была женщиной очень смышленой и дѣятельной. Другая... страдала отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. У двухъ сестеръ было подмѣчено стремленіе къ платонической взаимной любви. Одна довольно образованная отличалась невыносимымъ талантомъ къ смутьянству и сплетнямъ“ [1])... Наконецъ, ни для кого не было тайной, что начальница общины, возбуждавшая негодованіе какъ Пирогова, такъ и своей помощницы, Бакуниной, г-жа Стаховичъ, „имѣла пріемы крутого ротнаго командира, а не пріемы начальницы женщинъ благородныхъ и сознающихъ свои личныя достоинства“. Слышно было и о недовольствѣ сестеръ однимъ изъ духовниковъ-іеромонахомъ Веніаминомъ, который, по словамъ старшаго доктора (Пирогова), былъ „темный невѣжда, злой интриганъ и способный больше положить въ сестрахъ несогласіе, чѣмъ миръ и любовь“. Въ „Дневникѣ“ прот. А. Г. Лебединцева подъ 26 марта 1855 г. читаемъ слѣдующую замѣтку: ....„Смотря на сестеръ въ ихъ службѣ, нельзя и подозрѣвать, чтобы въ ихъ общинѣ былъ какой недостатокъ въ согласіи, или любви. Его можно замѣтить лишь изъ разговоровъ съ сестрами, кои хотятъ духовному отцу открыть свою печаль. Изъ этого источника стало мнѣ извѣстно, что званіе начальницы отдѣленія есть у нихъ предметъ тщеславія и для одной—предметъ искательства, что для сихъ начальницъ старшинство начальницы всей общины, Стаховичъ, не по душѣ; что младшія сестры не съ одинаковой охотой дежурятъ въ томъ или другомъ мѣстѣ... По крайней мѣрѣ я знаю, что одна сестра обижалась тѣмъ, что ей не хотѣли поручить дежурство на перевязочномъ пунктѣ“ [2]).

Въ апрѣлѣ 1855 г. скрытое недовольство персонала Крестовоздвиженской общины противъ начальницы Стаховичъ выразилось въ такихъ формахъ, что великая княгиня Елена Павловна поручила попеченіе объ общинѣ графу Сакену. „Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего,—писалъ духовникъ общины, прот. А. Г. Лебединцевъ 19-го мая архіепископу Иннокентію,—что Крестовоздвиженская община подверглась искушенію несогласія въ самой себѣ. Раздѣленіе общины на отдѣленія и отдѣльное пребываніе этихъ небольшихъ отрядовъ сестеръ утвердило въ начальницахъ отдѣленій, которыя суть не болѣе, какъ помощницы главной начальницы, мысль о самостоятельности ихъ.

---

[1]) Письмо къ бар. Раденъ. Сочиненія, т. 2. стр. 517—518.

[2]) Изъ дневника въ осажденномъ Севастополѣ, стр. 27—28.

Когда-же главная начальница стала входить въ распоряженіе самыми отдѣленіями и не умѣла скрыть преобладающаго въ ней чувства самовластія, то эти помощницы предпочли лучше сложить съ себя званіе начальницъ отдѣленій, чѣмъ видѣть распоряженія Стаховичъ надъ сестрами, ихъ смотрѣнію ввѣренными отъ великой княгини... Три рѣшились даже оставить общину. Все это уже знаетъ великая княгиня, но, по случаю отъѣзда Пирогова вручая попеченіе о Крестовоздвиженской общинѣ графу Сакену, надѣется, что духъ послушанія и любви, при его вліяніи, скоро опять утвердится въ ней“ [1]). Туже надежду ея высочество выразила и о. Арсенію въ письмѣ отъ имени гофмейстера Хрущова, которое извѣщало его о назначеніи духовникомъ общины... „Великая княгиня,—писалъ 5-го мая Хрущовъ,—желая, чтобы нравственныя и душевныя качества сестеръ вполнѣ соотвѣтствовали ихъ высокому призванію, поручаетъ вамъ духовное надъ ними попеченіе. Ея высочество остается увѣренною, что, содѣйствуя главной начальницѣ вашими назиданіями, совѣтами и, гдѣ нужно, строгими внушеніями, вы устраните въ скоромъ времени тѣ несогласія, которыя, къ сожалѣнію, стали проявляться въ общинѣ и что, при вашемъ добромъ вліяніи, духъ послушанія, самоотверженія и кротости снова укрѣпится между сестрами“ [2]).

Можно думать, что добрыя отношенія между начальницами и сестрами общины, необходимая для совмѣстной, дружной работы подчиненность однѣхъ другимъ и одушевленное стремленіе къ общей цѣли явились послѣ указанныхъ мѣропріятій великой княгини не вдругъ. „Вторженіемъ своимъ въ крѣпость на Сѣверной сторонѣ, - пишетъ Н. И. Пироговъ,—непріятель понудилъ общину сестеръ разбрестись съ мѣстъ, которыя онѣ тамъ занимали и (вслѣдствіе сего) ....несогласіе между Стаховичъ и Бакуниной дошло, какъ я это скоро замѣтилъ, до высшаго градуса“ [3])... „13-го сентября я былъ подъ Севастополемъ,—сообщалъ прот. Лебединцевъ архіеп. Иннокентію, чтобы явиться г-ну Пирогову, который хотѣлъ меня видѣть по дѣламъ общины. Ему и г-жѣ Хитрово великая княгиня поручила вникнуть въ состояніе общины и представить, что необходимо сдѣлать для ея улучшенія. Начальница Стаховичъ, которая, по словамъ Хитрово, всячески устраняла вліяніе на сестеръ духовника и доктора (Пирогова), была пристрастна, не-матерински жестка въ обращеніи и крайне несправедлива въ оцѣнкѣ трудовъ сестеръ“ [4]).

„Къ счастью почти въ одно время со мной, т. е. въ концѣ августа, по порученію великой княгини,—говоритъ въ своемъ письмѣ баронессѣ Раденъ Н. И. Пироговъ [5]),—прибыла изъ Одессы Хитрово, Я

---

[1]) Лебединцевъ. Письма къ арх. Иннокентію, стр. 117.
[2]) Петровскій. Къ 10-лѣтію смерти прот. А. Г. Лебединцева 1908 г., стр. 19—20.
[3]) Письмо къ Раденъ, стр. 517.
[4]) Письма, стр. 150, 156.
[5]) Письмо къ Раденъ, стр. 519; парал. Севастоп. письма, стр. 151.

ей изложилъ свои взгляды, просилъ смотрѣть на общину не просто какъ на одно собраніе сидѣлокъ, но видѣть въ ней будущую нравственную контроль нашей хромой госпитальной администраціи и съ этой цѣлью вникнуть въ внутреннія дѣла общины и въ характеръ лицъ, ее составляющихъ". Обсудивъ натянутыя отношенія и различные характеры Стаховичъ и Бакуниной, Хитрово взяла сторону послѣдней и вскорѣ по желанію великой княгини приняла главное управленіе общиной [1]). Подъ руководствомъ Пирогова, при участіи Хитрово, Бакуниной и, вновь прибывшей, Карцевой, еще до отъѣзда Стаховичъ, въ дѣлахъ общины наступилъ рѣзкій поворотъ къ лучшему, „Мы въ семь дней,—писалъ Пироговъ женѣ 6 октября,—такъ поставили запущенный госпиталь на ноги, что теперь его не узнаешь. Отдали смотрителя подъ слѣдствіе, завели контрольныя дежурства изъ сестеръ и обо всемъ всякій день Хитрово приходитъ мнѣ сообщать отчетъ" [2]). Послѣ же отъѣзда Стаховичъ „община пошла на ладъ, какъ нельзя лучше... Прошлое воскресенье, послѣ молебна,—пишетъ Пироговъ 28 октября,—я представилъ сестрамъ ихъ старѣйшую сестру—я предложилъ великой княгинѣ уничтожить чиновническое имя главной начальницы, а называть просто старѣйшей сестрой—и просилъ ихъ жить въ мирѣ и согласіи, увѣряя, что отнынѣ дѣла общины будутъ рѣшаться безъ лицепріятія и по полной справедливости старѣйшею вмѣстѣ съ духовнымъ пастыремъ (прот. А. Г. Лебединцевымъ) и съ другими старшими сестрами и мною, разумѣется, покуда я здѣсь,—коллегіально" [3]).

Съ фактическимъ вступленіемъ Хитрово и Бакуниной въ дирекцію общины тотчасъ же въ сестрахъ обнаружилось вліяніе совсѣмъ новаго духа. Водворились тишина, порядокъ и строго установленная дѣятельность. Попеченіе о больныхъ, надсмотръ и контроль госпитальной прислуги велись съ такой энергіей, что невольно повліяли на всѣхъ членовъ госпитальной администраціи и всѣ отношенія къ общинѣ существенно измѣнились. Съ этой поры никто уже не позволялъ себѣ неумѣстныхъ выраженій насчетъ контрольныхъ дѣйствій сестеръ и даже лица изъ высшаго военнаго круга не рѣшались, какъ бывало прежде, шутить надъ ними. „Я заботился,—вспоминаетъ Пироговъ,—насколько могъ, съ пользой распредѣлить сестеръ по разнымъ лазаретамъ. Присланныхъ же мнѣ покойной Императрицей „сердобольныхъ" я долженъ былъ по желанію великой княгини занять совершенно отдѣльно отъ Крестовоздвиженскихъ сестеръ... Это былъ лучшій періодъ существованія общины во всей ея исторіи, и я не знаю, пережила-ли она позднѣе такой чудный періодъ... И когда я теперь

---

[1]) Тамъ же, стр. 154, 156.

[2]) Тамъ же, стр. 158, 161—162.

[3]) Тамъ же, стр. 162—164.

вспоминаю, какъ обстоятельства того времени мало способствовали развитію только что устроеннаго Общества сестеръ и какъ плохо эти обстоятельства соотвѣтствовали выгодамъ этой организаціи, я чувствую, что въ самомъ дѣлѣ принужденъ восторгаться отъ тѣхъ добрыхъ результатовъ, которые дало это женское учрежденіе. Результаты эти во всякомъ случаѣ доказываютъ, что до сей поры мы совершенно игнорировали чудныя дарованія нашихъ женщинъ“ [1]).

Мы видѣли, какъ развернулись и кончились на глазахъ Н. И. Пирогова два первые акта кровавой Севастопольской трагедіи. Третій актъ ея, на который онъ намекаетъ въ первомъ своемъ письмѣ домой, по возвращеніи изъ Ораніенбаума, совершился цѣликомъ въ его душѣ. Начало этого акта, едва-ли, по внутреннимъ, нравственнымъ и умственнымъ терзаніямъ, не самаго тяжелаго можно прослѣдить въ Севастопольскихъ письмахъ Пирогова за мартъ и апрѣль 1855 г.; конецъ же его лежитъ въ томъ переломѣ жизни, научныхъ интересовъ и дѣятельности, которымъ завершилась для знаменитаго хирурга Севастопольская эпопея: академикъ-профессоръ по философскимъ умозрительнымъ основаніямъ уступилъ въ немъ мѣсто патріоту, педагогу-миссіонеру.

Источникъ душевной драмы Пирогова заключался въ полнѣйшемъ несоотвѣтствіи пережитой и всесторонне проанализированной имъ „изнанки войны“ съ его коренными убѣжденіями, взглядами на честь, долгъ, отвѣтственность предъ совѣстью и Богомъ. Привыкнувъ вдумываться въ самыя мелкія явленія, онъ, какъ глубокій анатомъ, созерцалъ, переживалъ, всячески продумывалъ всѣ самомалѣйшіе фазисы и детали проходившей на его глазахъ исторической драмы. И въ то время, какъ другихъ, стоявшихъ около него, поражали только огромныя, „вонючія раны, заражавшія воздухъ вредными для здоровья испареніями“,—его поражали другія, не менѣе огромныя, не менѣе заразительныя язвы нравственнаго организма русскаго общества. Вмѣсто крупныхъ дарованій, талантовъ онъ находилъ у стоящихъ въ челѣ дѣла лишь посредственность, умственное и нравственное убожество, односторонность и низость; подъ личиной патріотовъ онъ на каждомъ шагу открывалъ расчетливыхъ эгоистовъ, предпочтеніе личной пользы общественнымъ интересамъ; всюду искалъ онъ людей, а встрѣ-

---

[1]) Письмо къ бар. Раденъ. Сочиненія т. 2, стр. 521—523. Здѣсь нельзя не вспомнить строфы изъ стихотворенія графини Растопчиной, посвященнаго „Сестрамъ Крестовоздвиженткой Общины“ (Гр. Растопчина. Стихотворенія. Спб. 1857 г., стр. 393—395):

. . . . . „Какъ женщины, вы нѣжны, сердобольны,
Но храбрымъ мужествомъ съ героями равны;
Когда вашъ взоръ и духъ смущаются невольно,
Вы теплой вѣрою тотчасъ оживлены.
Больной и раненый,—все въ васъ благословляетъ,
Все въ васъ привѣтствуетъ улыбкой и мольбой,
И на рукахъ у васъ спокойно умираетъ
Нашъ воинъ-мученикъ подъ вашею слезой“. . . .

чалъ въ самыхъ лучшихъ случаяхъ далеко не безупречныхъ чиновниковъ. „Кто думаетъ,—пишетъ Пироговъ 25-го марта 1855 г.,—что я поѣхалъ въ Севастополь только для того, чтобы рѣзать руки и ноги, тотъ жестоко ошибается; этого добра я уже довольно передѣлалъ; я предоставилъ это другимъ, а самъ смотрѣлъ большее. И что-же увидѣлъ? Въ военномъ дѣлѣ, разумѣется, я не судья, и самъ лукавый ихъ разберетъ, что они дѣлаютъ и что думаютъ дѣлать,—да еще и думаютъ-ли—вопросъ. Одинъ другому завидуетъ, и другъ другу ногу подставляетъ... Но что всего хуже—это раздоры и интриги,—господствующія между нашими военноначальниками,—это я заключаю изъ разговоровъ съ адъютантами... Другъ друга упрекаютъ въ пристрастіи; видна также и нерѣшительность... Не надо быть большимъ стратегомъ, чтобы понимать, какія здѣсь дѣлаются глупости и пошлости и видѣть изъ какихъ ничтожныхъ людей состоятъ штабы; самые дѣльные изъ военныхъ не скрываютъ грубыя ошибки и безсмыслицу, господствующую въ военныхъ дѣйствіяхъ. А между тѣмъ, время-ли интриговать и разсуждать о томъ, за что тотъ или другой получилъ награду, возставать другъ противъ друга, когда нужно единодушіе,—а его нѣтъ, я это вижу ясно. Это-ли любовь къ родинѣ, это-ли настоящая воинская честь?! Сердце замираетъ, когда видишь предъ глазами, въ какихъ рукахъ судьба войны“ [1])... Мѣсяцъ спустя (29-го апрѣля) Пироговъ снова писалъ женѣ: „Доложи великой княгинѣ, что я не привыкъ дѣлать что-бы то ни было только для вида, а при такихъ обстоятельствахъ существеннаго ничего не сдѣлаешь... Страшитъ не работа, не труды,- -рады стараться,—а эти укоренившіяся преграды что-либо сдѣлать полезное, преграды, которыя растутъ, какъ головы гидры: одну отрубишь, другія выставятся“... „Ты знаешь,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ переписки,—я никогда не былъ оптимистомъ и потому, можетъ быть, и теперь вижу вещи хуже, нежели какъ онѣ въ самомъ дѣлѣ, но нельзя не вѣрить тому, что видишь и встрѣчаешь на каждомъ шагу: когда видишь предъ собою какой-то хаосъ мнѣній и взглядовъ; изъ него одно явствуетъ, что никто ничего не понимаетъ и всякій подставляетъ ногу другому... И если я принесъ пользу хоть какую-нибудь, то именно потому, что нахожусь въ независимомъ положеніи; но всякій разъ нахрапомъ, производя шумъ и брань, приноситъ эту пользу—не очень весело. Тутъ никто и не подумаетъ, что это дѣлается для общей пользы, безъ всякихъ другихъ видовъ; сейчасъ думаютъ, что это личности... Я добивался у правительства, чтобы оно обратило вниманіе на вопіющіе недостатки, а про меня разгласили, что я хочу быть главнокомандующимъ!.. У насъ нѣтъ другихъ причинъ, другихъ мотивовъ, кромѣ личныхъ. Это я зналъ и прежде, но теперь знаю еще тверже“ [2]).

---

[1]) Севастоп. письма, стр. 124, 125, 132, 142, 143.
[2]) Тамъ же, стр. 133, 138, 134, 140, 156.

Эти выдержки, какъ рефлекторъ освѣщаютъ всю душу Пирогова, изстрадавшуюся, измученную упорной борьбой во имя гуманности, чести и долга. Когда процессъ внутренняго самоболѣнія грозилъ разрѣшиться отчаяніемъ, крѣпкій духъ его, никогда не терявшій опоры въ глубокой вѣрѣ, дрогнулъ. Изъ истерзанной груди Пирогова, какъ вопль, вырвались слова: „Будетъ! Не хочу видѣть моими глазами безславія моей родины. Не хочу видѣть Севастополя взятымъ. Не хочу слышать, что его можно взять, когда вокругъ его и въ немъ стоитъ слишкомъ сто тысячъ войска,—уѣду, хоть и досадно... Можно-бы было жертвовать, если-бы шло все это впрокъ; а то, хоть изъ кожи лѣзь, все то-же... Хоть, охрипни, кричи, никто не слушаетъ... Куда-нибудь уѣхать въ глушь, не слышать и не видѣть ничего, теперь самое лучшее“ [1]).

Подводя итоги своей 7—8-мѣсячной работы и работы своихъ сотрудниковъ-врачей, онъ только лишній разъ убѣдился, что по совѣсти правъ. „Все имѣетъ свои предѣлы; если ужъ и одинъ главнокомандующій не вытерпѣлъ, а смѣнился, если полки смѣняются, то нужно и насъ смѣнить. Врачи, пріѣхавшіе со мной, поработали довольно. Они всѣ переболѣли; многіе на моихъ глазахъ перемерли; нельзя отъ нихъ и требовать, чтобы они не желали перемѣны. Сохраничевъ умеръ, Джульяни умеръ, Каде умиралъ, но какимъ-то уже чудомъ ожилъ, Петровъ лишился ногъ, Дмитріевъ отъ тифа сдѣлался меланхоликомъ, у всѣхъ былъ тифъ, я самъ прохворалъ четыре недѣли... Ея высочество обѣщаетъ врачамъ содержаніе, какое они пожелаютъ, лишь-бы остались; но пріѣхавшіе со мною говорятъ, что они пріѣхали не для денегъ... Меня здѣсь представилъ Сакенъ къ Аннѣ,—а мнѣ собственныя убѣжденія о достоинствѣ и спокойствіе духа дороже. Я люблю Россію, люблю честь родины, а не чины; это—врожденное; это изъ сердца не вырвешь... Знаю. что все это можно назвать одною непрактическою фантазіею, ...но я не виноватъ, что моя душа еще не состарѣлась [2]).

Возвратившись изъ Крыма въ декабрѣ 1855 г., послѣ 10-ти-мѣсячнаго пребыванія на театрѣ военныхъ дѣйствій, Пироговъ вскорѣ оставилъ каѳедру хирургіи въ Медико-Хирургической Академіи. Что онъ не „оставилъ и не измѣнилъ хирургіи“, это онъ блестяще доказалъ своими „Началами военно-полевой хирургіи“, классическимъ трудомъ, въ которомъ разсматривается организація помощи раненымъ, предлагается „система разсѣянія“ больныхъ въ пунктахъ, соприкосновенныхъ съ мѣстами битвъ и впервые проводится идея нейтрализаціи медицины во время войнъ [3]). Онъ доказалъ также свою связь съ хирургіей, откликнувшись немедленно на приглашеніе „Краснаго Кре-

[1]) Тамъ же, стр. 133, 136, 142.

[2]) Тамъ же, стр. 136, 134.

[3]) Сн. Кн. Д. А. Оболенскій. Мои воспоминанія о Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. «Русская Старина», 1909, кн. 3, стр. 517.

ста" посѣтить и осмотрѣть военно-санитарныя учрежденія въ франко-прусскую войну 1870 г. и на вторичное приглашеніе того же Общества осмотрѣть военно-лѣчебныя учрежденія русской арміи въ годы „освободительной" войны. Но масса тяжелыхъ, ужасныхъ и возмущавшихъ душу впечатлѣній, пережитыхъ Пироговымъ въ 10-ти-мѣсячное пребываніе въ Крыму, произвела радикальный поворотъ въ его духовной конституціи. Не вопросы хирургіи, не вопросы лѣченія ранъ, а вопросы лѣченія язвъ общественныхъ „вопросы жизни" заняли умъ Пирогова. Надъ разгадкой ихъ онъ задумывался уже въ долгіе мѣсяцы Севастопольской осады; они-же поднялись предъ нимъ и по возвращеніи съ войны. Въ чемъ крылась причина такъ рѣзко обнажившагося нравственнаго разложенія общества? Гдѣ корни всѣхъ этихъ безотрадныхъ сторонъ Крымской войны? Канъ помочь горю? И отвѣчая на вопросы такого порядка, Пироговъ сперва заговорилъ на страницахъ „Морского Сборника" о воспитаніи, а затѣмъ вскорѣ-же перемѣнилъ весь строй своей оффиціальной служебной дѣятельности, занявъ постъ попечителя учебнаго округа въ Одессѣ.

Участіемъ Пирогова въ Крымской войнѣ завершился пяріодъ его профессорской хирургической дѣятельности. Севастополь былъ послѣдней и самой блестящей страницей этого періода. И „если онъ не вышелъ изъ Севастополя тѣмъ колоссомъ геніальности, ума и самоотверженія, предъ правительствомъ и народомъ, какимъ въ дѣйствительности былъ" [1]),—то въ томъ не его вина,—это вина военно-медицинской администраціи того времени, которая не только не сочувствовала Пирогову, а напротивъ сильнѣйшимъ образомъ противодѣйствовала ему.

Какъ гражданинъ, какъ патріотъ, выше всего цѣнившій правду, любившій родину и ея честь, Пироговъ въ свое время имѣлъ мало себѣ равныхъ. Разсказываютъ, что однажды Императоръ Александръ II встрѣтилъ его у императрицы, и профессоръ, не стѣсняясь, высказалъ Государю правду объ ужасающемъ казнокрадствѣ, которое процвѣтало въ годы Крымской кампаніи. „Государь,—передаетъ современникъ,—не вѣрилъ, выходилъ изъ себя и говорилъ; *„Неправда, не можетъ быть!"* и возвышалъ голосъ. А Пироговъ, тоже возвысивъ голосъ, отвѣчалъ: *„Правда, Государь, когда я самъ это видѣлъ"*.—*„Это ужасно!"*— воскликнулъ, наконецъ, императоръ и едва удержался отъ слезъ" [2]).

Дѣйств. членъ И. О. Общества Ист. и Древн.

Протоіерей **С. Петровскій.**

14-го ноября
1910 г.

---

[1]) Генрици. Воспоминанія о Восточной войнѣ. «Русская Старина» 1878 г.

[2]) Корниловъ. Общественное движеніе при Александрѣ II. Стр. 90.

По поводу древне-греческой вазы изъ собранія Императорскаго Эрмитажа.

Среди собранія античныхъ вазъ Императорскаго Эрмитажа во многихъ отношеніяхъ представляетъ интересъ ваза, найденная къ западу отъ Этны въ Адерно, поступившая затѣмъ въ собраніе Конфарелли, откуда она перешла въ составъ археологическихъ коллекцій Императорской Академіи Наукъ, а затѣмъ Эрмитажа, гдѣ находится и нынѣ на нижней полкѣ 31-го шкафа. [1]).

Она издана на 44-ой страницѣ изданія Отто Бенндорфа: Griechische und Sicilische Vasen (III выпуска), описаніе дано тамъ-же на стр. 91—97 текста. Оно гласитъ въ дословномъ переводѣ слѣдующее: „середину занимаетъ высокая постройка, которая, подобно створчатымъ дверямъ, раздѣлена на четыреугольныя поля и украшена нѣсколькими рядами выпуклыхъ кружковъ; такія металлическія набивки были издавна въ ходу на дверяхъ. На одномъ изъ этихъ четыреугольныхъ полей находятся на близкомъ другъ отъ друга разстояніи два продолговатыхъ отверстія, напоминающія окна древнихъ каменныхъ зданій Помпей. Этими элементами при помощи краткости, обычной какъ разъ для передачи всевозможной обстановки, символически изображенъ жилой домъ, въ то время какъ его окрестности характеризованы какъ садъ чрезъ посредство травы, цвѣтовъ и далеко раскинувшейся виноградной лозы, отягченной гроздьями. Непосредственно передъ дверью этого дома, стало быть, на волѣ, лежитъ, растянувшись по землѣ Геракль со всѣми своими доспѣхами. Тэнія, обвивающая двѣ воткнутыя у него въ волосы вѣточки, и пьяное его состояніе, обнаруживающееся во всей безпомощности его положенія, показываютъ, что онъ шелъ съ пира и свалился передъ этой дверью, ликуя среди веселой ватаги своихъ спутниковъ. Таковыми являются двѣ менады въ длинныхъ одеждахъ, украшенныя плющемъ и вѣтвями пиніи [2]), съ дико

---

[1]) Инвентарный № ея 8883, въ собраніи вазъ Академіи Наукъ она носила № 18, какъ это мнѣ сообщилъ въ письмѣ Евг. М. Придикъ, которому я здѣсь выражаю свою признательность за любезное указаніе.

[2]) О значеніи пиніи въ культѣ Діониса см. *А. Н. Шварцъ*: по вопросу объ истолкованіи одного античнаго бюста изъ собранія гр. А. С. Уварова. Древности Московскаго Императорскаго Арх. Общ. XII 1888, стр. 19—21.

развивающимися волосами и находящіяся въ состояніи страстныхъ движеній, а также два юныхъ сатира, чуть ли не обремененныхъ торжественнымъ украшеніемъ изъ повязокъ. Менады съ необходимыми для ночной прогулки факелами совершаютъ оргіастическій танецъ, причемъ старшая изъ нихъ держитъ въ рукѣ двойную флейту, а младшая наигрываетъ на струнномъ инструментѣ, сатиры же несутъ на потребу своему герою ѣду и напитки. Одинъ спокойно идетъ съ длиннымъ тирсомъ и держитъ на спинѣ широкую корзину съ плодами и обильнымъ печеніемъ. Другой—въ веселыхъ прыжкахъ подноситъ на плечѣ кратеръ съ виномъ, держа въ правой рукѣ развивающуюся повязку. Шумливое поведеніе всей этой толпы привело все въ безпокойство: спугнутая птичка приготовилась съ земли упорхнуть въ высь, а внутри дома собираются дать рѣшительный отпоръ нарушившимъ покой гулякамъ. Наверху двери видна голова старухи, одѣтой въ хитонъ съ нарукавными застежками. Она съ насмѣшливымъ злорадствомъ льетъ на Геракла изъ гидріи воду [1]). Но, повидимому желательнаго успѣха это не имѣетъ: оба сатира вовсе ничего не замѣчаютъ, пустившіяся въ плясъ менады съ любопытствомъ наблюдаютъ эту сцену, освѣщая старуху своими факелами. Сама жертва, правда, возмущена, но въ то же самое время и совершенно безпомощна: Гераклъ кричитъ, сильно жестикулируетъ, пытается встать съ земли, но, къ прискорбію, не располагаетъ потребной для того силой".

Такимъ образомъ, по Бенндорфу выходитъ, что въ данномъ случаѣ Гераклъ изображенъ въ положеніи, схожемъ съ описаннымъ въ слѣдующей эпиграммѣ Павла Силентіарія (Anth. Palat. V. 281): χθιζά μοι Ἑρμώνασσα φιλακρήτους μετὰ κώμους στέμμασιν αὐλείας ἀμφιπλέκοντι θύρας ἐκ κολίκων ἐπέχευεν ὕδωρ. ἀμάθυνε δὲ χαίτην, ἣν μόλις ἐς τριστὴν πλέξαμεν ἀμφιλύκην. Ἐφλέχθην δ' ἔτι μᾶλλον ὑφ' ὕδατος, ἐκ γὰρ ἐκείνης λάθριον εἶχε κύλιξ πῦρ γλυκερῶν στομάτων.

Далѣе О. Бенндорфъ привлекаетъ къ сопоставленію пелику Туринскаго музея, гдѣ изображено пребываніе того же Геракла въ царствѣ Гесперидъ [2]). Но тамъ рисунокъ представляетъ существенныя отступленія и по составу дѣйствующихъ лицъ и по самой обстановкѣ. Вмѣсто сатировъ и менадъ тамъ появляется Гераклъ, на сценѣ находится алтарь, отсутствующій на вазѣ изъ Адерно, вмѣсто старухи находится молодая женщина; она не выглядываетъ поверху двери, какъ это принимаетъ О. Бенндорфъ для вазы изъ Адерно, а ее видно

---

[1]) Если принять во вниманіе отрывокъ Софокла (fr. 140N[2]) и замѣчанія по его поводу Альбрехта Дитериха (Pulcinella 113), то можно сильно усумниться на счетъ столь безвреднаго состава этой жидкости.

[2]) *E. Gehrhard.* Gesammelte Abhandlungen. Berlin 1866, стр. 64 сл. изображена въ приложенномъ атласѣ на таблицѣ 21 №№ 1—3; для нашей картины сходство представляетъ сцена, изданная подъ № 2. Странно, почему H. Heydemann не включилъ этой сцены въ свой каталогъ фліакографическихъ вазъ.

сквозь окно [1]), какъ на извѣстной вазѣ, относящейся къ любовной авантюрѣ Зевса съ Алкменой [2]).

Кромѣ того, для полученія большей аналогіи съ нашей вазой, нельзя согласиться съ толкователями Туринской пелики, полагающими, будто изображенный тутъ же сосудъ держитъ въ рукахъ Гермесъ; да это и невозможно, во первыхъ потому, что у посланника боговъ и безъ того два аттрибута, въ каждой рукѣ по одному, а во-вторыхъ, сосудъ находится на нѣкоторомъ разстояніи отъ Гермеса. Гораздо болѣе правдоподобно, что онъ летитъ изъ окна, откуда его бросила женщина. Какъ бы тамъ ни было, но во всякомъ случаѣ для интересующаго насъ по преимуществу изображенія двери на вазѣ изъ Адерно Туринская пелика не даетъ ровно ничего.

Сверхъ того, по свидѣтельству Бенндорфа, именно такой способъ изображенія дома посредствомъ двери мы находимъ на одной геммѣ, изданной Герхардомъ, [3]) и переизданной у самого Бенндорфа въ текстѣ къ объясненію вазы изъ Адерно. Но оба эти рисунка выполнены настолько суммарно, что основываться на нихъ было бы болѣе чѣмъ рискованно. Затѣмъ Бенндорфъ лично этой геммы не только не видалъ, но даже не знаетъ дѣйствительнаго мѣста ея нахожденія. Онъ ограничивается на этотъ счетъ словами: jetzt vermuhtlich in Berlin. Но въ іюнѣ 1909 г. изучая древности берлинскаго Altes Museum, я потратилъ не мало времени на розыски этой геммы при любезной помощи достопочтеннаго хранителя d-r'a Zahn'a, и въ итогѣ нашихъ совмѣстныхъ изысканій оказалось, что геммы этой въ Берлинѣ нѣтъ и не было, такъ что предположеніе Отто Бенндорфа оказалось напраснымъ. Это, вѣроятно, заставило и А. Фуртвенглера обойти ее полнымъ молчаніемъ въ своемъ фундаментальномъ изданіи античныхъ геммъ.

Если принять во вниманіе, какое значеніе имѣлъ Гераклъ въ ряду персонажей дорической народной комедіи и гиларотрагедіи [4]), то явится вполнѣ возможнымъ принять предположеніе, что и въ данномъ случаѣ ваза изъ Адерно представляетъ собою одну изъ излюбленныхъ сценъ этой отрасли античной драмы, причемъ ярко обозначенный ландшафтъ показываетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ третьимъ, по

---

[1]) Ср. Pollux IV 130 ἐν κωμῳδίᾳ ἀπὸ τῆς διστεγίας... γύναια καταβλέπει.

[2]) *F. Wieseler*. Theatergebäude und Denkmäler des Bühnenwesens. Göttingen 1851 табл. № 12 ср. ibid. № 11. *H. Heydemann*. Arch. Jahrbuch. I. 1886 Ib.

[3]) Archeologische Zeitung 1848 табл. XXII6 стр. 345.

[4]) *C. I. Grisar*. De Dorienisium comoedia quaestiones. Coloniae. 1828, 49, 50. *A. O. Fr. Lorenz*. Leben und Sschriften des Koers Epicharmos. Berlin 1864, 132—133, 189. *E. Völker*. Rhintonis fragmenta. Diss. Halensis 1887, 12 *A. Dieterich*. Pulcinella. Leipzig 1897, 64, 65. *H. Heydemann*. Die Phlyakendarstellungen auf bemalten Vasen. Archeol. Jahrbuch. I, 1886. 262, 266. 267. См. въ его каталогѣ вазъ NN: MN Rfpq. *A. Furtwängler*. Въ словарѣ Рошера S. V. Полосы 2191—2192. *G. E. Rizzo* издалъ въ Röm. Mitteilungen XV. 1900. 261—269 табл. 6. фліакійскую вазу съ изображеніемъ Геракла изъ пародіи на Алкесту Эврипида.

классификаціи Витрувія, видомъ скенографіи [1]) особенно пригоднымъ для представленій именно такого рода. При томъ составѣ персонажей, который данъ для разсматриваемой сцены, и отсутствіе масокъ у нихъ не можетъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы признать связь этого рисунка съ театромъ [2]).

Есть полное основаніе предполагать, что при исполненіи на сценѣ даже высшей формы античной драмы обстановка не воспроизводила окружающую среду въ исчерпывающей полнотѣ, какъ это мы видимъ на сценѣ нашихъ дней, а только намекала на нее нѣкоторыми наиболѣе характерными подробностями [3]) такъ что въ этомъ отношеніи античный театръ является предшественникомъ средневѣковаго съ его до крайней наивности упрощенными пріемами постановки. Это доказываютъ хотя бы кратеръ изъ Лентини [4]) гдѣ видно, что храмъ на сценѣ былъ изображенъ только посредствомъ 4 колоннъ и помѣщенными на уровнѣ ихъ капителей обѣтными приношеніями въ видѣ вѣнковъ и т. п., или знаменитая ваза изъ Апуліи, изображающая поѣздку больного Хирона на купанье, гдѣ угломъ крыши намѣчено все зданіе святилища [5]).

---

[1]) Vitruv. V. 8. 8. Genera autem sunt scaenarum tria: unum quod dicitur tragicum, alterum comicum, tertium satyricum; horum autem ornatus sunt inter se dissimili disparique ratione, quod tragicae deformantur columnis et fastigiis et signis reliquisque regalibus rebus, comicae autem aedificiorum privatorum et maenianorum habent speciem prospectusque fenestris dispositis imitatione communium aedificiorum rationibus, satyricae vero ornantur arboribus, speluncis, montibus, reliquisque agrestibis rebus in topiarii speciem deformatis. Ср. *W. Dörpfeld-Reisch.* Das griech. Theater. Athen. 1896, 167. *A. E. Haigh—A. W. Pickard.* The attic Theatre[2]. Oxford 1907, 182,

[2]) *H. Heydemann.* Ук. соч. 264 и 288 *Б. В. Варнеке.* Костюмъ актеровъ римской комедіи. Жур. Мин. Нар. Просв. 1910 № 3 стр. 132.

[3]) *H. O. Lorenz* въ предисловіи къ Mostellaria Плавта Berl. 1866, 11. *O. Ribbeck.* Römische Tragoedie 653. *H. Dähn.* Scenische Untersuchungen. Progr. des stadt. Gymnasium zu Danzig 1892. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій.* Wchsch. f. kl. Philol. 1897 № 12, 318. *O. Engelhardt.* Die Illustrationen der Terenz handschriften. Iena. 1905, 16. *I. Wageningen.* Scaenica Romana. Groningae 1907, 12. *A.E. Haigh—A. Picard.* Ук. соч. 184. Противоположнаго взгляда держался только *Fr. Wieseler* даже въ одной изъ послѣднихъ своихъ работъ: Scaenica (*Göttin. Nachrichten* 1890, 200—215), гдѣ онъ полагаетъ, что обстановка посредствомъ живописи точно воспроизводила рѣшительно все (напр. лѣсъ у Невія въ Gymnasticus. *Риббекъ.* CRF[3] fr6), такъ что для фантазіи зрителя ничего не было представлено. *E. Bethe* въ Prologomena zur Geschichte des Theaters im Altertum. Leipzig 1896, 125, 190 полагаетъ, что въ этомъ отношеніи къ 70-мъ годамъ пятаго вѣка наивныя требованія публики измѣнились и она стала требовать по мѣрѣ развитія своего художественнаго вкуса болѣе детальной инсценировки. Ср. его-же: Die hellenistischen Bühnen und ihre Decorationen. Arch. Jahrbuch. XV. 1900, 75. Еще съ большимъ основаніемъ можно предполагать дальнѣйшее движеніе въ этомъ направленіи въ эллинистическую эпоху въ виду особеннаго вниманія ея искусства къ передачѣ декоративнаго фона. См. Th. Schreiber. Die Wiener Brunnenreliefs aus Palazzo Grimani. Leip. 1888, 3, 16—18.

[4]) У *H. Heydemann.* Ук. соч. стр. 279 подъ буквой M. *Wieseler.* Denkmäler III 18. *E. Bethe.* Arch. Jahrbuch. XV. 1900, 68.

[5]) *Wieseler.* Denkmäler IX 13 *H. Heydemann.* X. Указ. соч. стр. 281—289.

Недавно Альбертъ Мюллеръ толкованіемъ одного текста Григорія Нисскаго (Ep. 9, 1039 сл.—46 Migne) доказалъ, что для представленій низшихъ формъ античной драмы, напр. пантомимовъ, единственной декораціей служилъ занавѣсъ. Все это позволяетъ съ тѣмъ большимъ правомъ принять такое упрощенное устройство обстановки для того рода драмъ, къ которому принадлежитъ сцена на вазѣ изъ Адерно. И это вполнѣ естественно, потому что театральная декорировка должна была покоиться на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыхъ держалась живопись того времени при изображеніи окружающей среды. Такое „сокращенное“ изображеніе среды доказывается безчисленнымъ множествомъ примѣровъ, изъ которыхъ здѣсь достаточно привести одинъ.

На вазѣ Британскаго музея (E 37 – 831) изображающей уводъ Брисеиды отъ Ахилла, палатка послѣдняго только намѣчена однимъ столбомъ съ опускающимся на него полотнищемъ, а дворецъ Агамемнона, куда ее приводятъ—двумя колоннами безъ всякой связи между собой [2]), при чемъ этотъ пріемъ удержался даже на стѣнной росписи Помпей [3]).

Возвращаясь послѣ этого къ вазѣ изъ Адерно, мы получаемъ стало быть возможность на счетъ изображеннаго по срединѣ ея сооруженія согласиться съ Отто Бенндорфомъ: это дѣйствительно символическая передача сценической обстановки. Но подробности его толкованія такъ же мало пріемлимы, какъ и объясненія Отто Яна, обсуждавшаго нашу вазу въ свой извѣстной статьѣ о драмѣ сатировъ [4]). На его взглядъ, Геракл лежитъ vor einem Hause, das durch eine grosse Doppelthür mit darüber sichtbaren Gebalk bezeichnet ist. Онъ сопоставляетъ съ этимъ стилизованное изображеніе дома на кампанской вазѣ, изданной у него же на таблицѣ второй (№ 1), относящейся также къ Гераклу, и кромѣ того, на аѳинской вазѣ съ изображеніемъ брачной процессіи [5]).

Но между двумя послѣдними рисунками и вазой Канфарелли изъ Адерно есть весьма существенное различіе. И на кампанской и на аѳин-

---

[1]) Decoration bei Pantomimus Aufführungen. *Philologus* 1908, 316—318.

[2]) *Hartwig.* Meisterschalen табл. XLI. текстъ стр. 427 сл. *C. Robert.* Bild und Lied. 96. Ср. вазу изъ Церэ со сценой убіенія Исмены Тидеемъ. *Welcker.* Antike Denkmäler V. taf. 14 стр. 253 слѣд. *Wiener Vorlegeblätter* VII, 1—2. *E. Wilisch.* Die Altkorinthische Thonindustrie. Leipzig. 1892, 72—74. Не рѣдко встрѣчаемъ мы здѣсь тотъ же самый пріемъ обозначенія черезъ одну только дверь цѣлаго зданія. Достаточно указать для примѣра на аттическія пиксиды Британскаго музея (*A. Furtwängler-Reichold.* Die griechische Vasenmalerei. 1-я серія табл. 57 № 1 и 3), гдѣ одною дверью изображенъ цѣлый θάλαμος (см. текстъ стр. 287 и 289).

[3]) *G. Rodenwald.* Die Komposition der Pom. Wandgemälden Berlin 1909, 132 ср. 133, 174. Этотъ же самый принципъ выдержанъ и на иллюстраціяхъ знаменитаго Вѣнскаго кодекса Genesis см. *W. Hartel—F. Wickhoff.* Die Wiener Genesis. Wien—Leipzig 1895 таблицы VII, XLIV.

[4]) Perseus, Heracles, Satyrn auf Vasenbildern und das Satyrdrama. *Philologus* XXVII, 1868, 19.

[5]) Издана между прочимъ у *Panofka* Bilder d. ant. Lebens. XI № 12.

ской вазѣ обѣ половины двери изображены такъ, что онѣ находятся на одной плоскости, какъ это и должно быть при запертой двухстворчатой двери. Между тѣмъ на вазѣ изъ Адерно ясно видно, что обѣ половинки стоятъ другъ къ другу подъ угломъ, охватывая стоящую за ними фигуру, напоминая поэтому не затворенную двухстворчатую дверь, а разставленныя ширмы, за которыми помѣстилась женщина обливающая Геракла. Второе весьма также существенное различіе состоитъ въ томъ, что на обѣихъ вазахъ, сопоставленныхъ съ нашей Отто Яномъ, высота двери или превышаетъ или равняется росту изображенныхъ тутъ же людей, между тѣмъ какъ на вазѣ изъ Адерно все сооруженіе значительно ниже роста стоящей за нимъ женщины, доходя ей до пояса, стоитъ же она не выше всѣхъ остальныхъ фигуръ картины: менадъ и сатировъ, а на одномъ со всѣми ими уровнѣ.

Точно также и на скифосѣ изъ Британскаго музея № 1490 [1]), гдѣ изображенъ итифаллическій актеръ, протягивающій руку женщинѣ, выглядывающей изъ-за половины пріотворенной двери, эта дверь превышаетъ ростъ обоихъ персонажей [2]).

Равнымъ образомъ значительно превышаетъ ростъ персонажей высота двери и на фліакійской вазѣ изъ Бари, изданной R. Kekule von Stradoniz [3]) и изображающей рожденіе Елены изъ яйца. Издатель датируетъ ее тѣмъ же самымъ временемъ, къ которому и Бенндорфъ относитъ нашу вазу изъ Адерно, т. е. ранней порой четвертаго вѣка [4]). Декорація изображена въ видѣ полурастворенной двери, между половинками которой,—изъ нихъ особенно выписана лѣвая, украшенная тремя полосами такихъ же накладокъ, что и на вазѣ изъ Адерно—высовывается Леда.

Наконецъ высота двери постоянно превышаетъ ростъ персонажей и на иллюстраціяхъ античныхъ рукописей, хотя бы Теренція [5]).

Такимъ образомъ сопоставленіе высоты этого сооруженія съ ростомъ находящейся за нимъ женщины мѣшаетъ принимать мнѣніе

---

[1]) *H. Heydemann.* Ук. соч. *d* стр. 293.

[2]) Ср. двери на стѣнной живописи изъ Киренъ. у *Fr. Wieseler.* Denkmäler XIII 2. На вазѣ Астея изъ Берлина ibid. IX 15. Болѣе точный рисунокъ теперь у *E. Bethe.* Arch. Jahrbuch. 1900 стр. 74. Объ отношеніи рисунковъ Астея къ фліакамъ см. *H. Winnefeld.* Asteas. Bonner Studien R. Kekulé gewidmet. Bonn. 1890, 165—175.

[3]) Die Geburt der Helena aus dem Ei. Sitzungsberichte d. Berliner Academie. 1908 № 32 табл. VIII.

[4]) Ук. соч. стр. 703.

[5]) На знаменитомъ codex Ambrosianus (см. *I. Wageningen.* Album Terentianum. Groningae 1907) дверь, замѣняющая все зданіе изображена то въ видѣ голой перекладины:— табл. 63, 66, 95, 97 (двѣ), 100, 132, 135, 140, 142, 143, то съ перекинутой черезъ нее драпировкой: табл. 28, 44, 69, 80, 105, 116, 126. Такое же разнообразіе въ изображеніи двери обнаруживаетъ и codex Parisinus 7899 (по изданію H. Omont), гдѣ простая перекладина дана на табл. 4, 5, 6, 21, 82, 89, 92, 99 и 148; перекладина съ накинутой драпировкой—табл. 12, 19, 25, 36, 58, 82, 84, 97, 100, 103, 109, 111, 114, 121, 129. Болѣе сложныя формы двери: табл. 14, 35, 41, 73, 85, полное подобіе зданія на табл. 24.

Бѣндорфа, будто въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ символическимъ изображеніемъ дома посредствомъ двухстворчатой двери. Затѣмъ, если бы это было такъ, и два отверстія на верхнемъ полѣ лѣвой створки представляли собой окна, то почему женщина не чрезъ эти окна поливаетъ Геракла, какъ мы это видимъ хотя бы на Туринской пеликѣ? Поэтому мнѣ кажется, что это сооруженіе представляетъ собой вовсе не дверь всего дома, а просто ширмы. Если мы припомнимъ одно мѣсто изъ Государства (VII, 514 B) Платона, почему-то оставленное безъ вниманія всѣми изслѣдователями сценическихъ древностей, гдѣ Платонъ говоритъ: μεταξὺ δὲ τοῦ πυρὸς καὶ τῶν δεσμοτῶν ἐπάνω ὁδὸν παρ' ἣν ἰδὲ τειχίον παρῳκοδομένον ὥσπερ τοῖς θαυματοποιοῖς πρὸ τῶν ἀνθρώπων πρόκειται τὰ παραφράγματα, ὑπὲρ ὧν τὰ θαύματα δεικνύασιν, то мы получимъ вполнѣ надежное доказательство того, что въ народномъ театрѣ древности такія ширмы были въ ходу. Штальбаумъ въ комментаріи къ этому мѣсту Платона объясняетъ: παραφράγματα sunt cancelli intra quos praestigiatores artem suam factitant [1]).

Да и дѣйствительно для бродящихъ актеровъ, какими были исполнители этихъ пьесъ [2]), такое портативное приспособленіе, какъ ширмы, должно было явиться настоящимъ кладомъ. Но сравнительно съ другими терминами античной сцены, отличающимися, по совершенно справедливому замѣчанію Роберта, [3]) большей неопредѣленностью, названіе παραφράγματα является достаточно яснымъ и показательнымъ. Но кромѣ этого прямого свидѣтельства Платона, получающаго на мой взглядъ, прекрасную иллюстрацію въ вазѣ изъ Адерно, у насъ есть еще одно косвенное доказательство въ пользу существованія въ народномъ театрѣ древности такихъ ширмъ. Извѣстно, что античный мимъ пышно расцвѣлъ въ Византіи, гдѣ сохранился въ неизмѣнной формѣ вплоть до 14-го вѣка [4]), а потомъ создалъ современный народный турецкій театръ Карагезъ, самое названіе котораго идетъ отъ греческаго Καράγιος, сред. лат. Caragius [5]).

Стоитъ взглянуть хотя бы на его изображеніе, чтобы увидать родство съ персонажами античной народной сцены, фаллъ которыхъ

---

[1]) У Аппіана bel. civ II 118 этотъ же очень рѣдкій терминъ видимъ въ примѣненіи къ римскому βουλευτήριον.

[2]) *H. Rheich.* Die ältesten berufsmässigen Darsteller des gr. italischen Mimus. Königsberg 1897, 15.

[3]) *C. Robert.* Рецензія на Prolegomena Э. Бете въ Göttingische Gelehre Anzeizen— 1891. 27

[4]) *I. S. Tunison.* Dramatic tradition of the dark ages. Chicago 1907, 265.

[5]) *Александръ Веселовскій.* Розысканія въ области рус. духовнаго стиха VII, 145—146. *H. Rheich.* Der Mimus I 616—693. *Iosef Horovitz.* Spuren griech. Mimen im Orient. Berlin 1905, 12. *I. S. Tunison* Ук. соч. 93, 98. *Fr. Marx.* у Pauly-Wissowa S. v. Atellanae fabulae, стр. 1916.

онъ замѣнилъ невинной шпагой, только носимой въ слишкомъ спеціальномъ направленіи [1]).

И вотъ представленія той разновидности турецкой народной драмы, которая называется Orta Ojnu, даются теперь прямо на открытомъ воздухѣ на сценѣ, устраиваемой на голой землѣ [2]). Веревка, или въ лучшемъ случаѣ цѣпь, огораживаетъ пространство въ 20×30 метровъ. Здѣсь ставятъ два предмета: 1) dükjan, которое должно обозначать лавку или вообще какое-нибудь крытое помѣщеніе и 2) jenidünia или ev. Оно образуетъ сразу и декораціи и кулисы и представляетъ собою ширму съ двумя створками въ видѣ полыхъ рамъ. Для каждаго спектакля ихъ нарочно заклеиваютъ бумагой, на которой рисуютъ деревья, кусты, двери, сообразно съ тѣмъ, что должна въ данномъ спектаклѣ изображать эта jenidünia: лѣсъ, жилой домъ, купальню, крѣпость и т. д. Иногда двѣ jenidünia составляютъ вмѣстѣ и онѣ образуютъ одно четыреугольное замкнутое зданіе. Kafes или мѣсто женщинъ на турецкой сценѣ всегда помѣщаютъ подлѣ jenidünia. У Куноша даны изображенія этого приспособленія и отдѣльно (стр. 31) и (на стр. 28) во время спектакля, когда сцена заполнена дѣйствующими лицами. Оба рисунка даютъ полную аналогію къ ширмамъ на вазѣ изъ Адерно́.

Если сюда прибавить ширмы нашего европейскаго Петрушки, то мы получимъ современныхъ потомковъ тѣхъ ширмъ античнаго народнаго театра, о которыхъ опредѣленно говоритъ Платонъ и которыя, на мой взглядъ, изображены и на интересующей насъ вазѣ Императорскаго Эрмитажа.

Дѣйств. членъ Общества **Б. Варнеке.**

---

[1]) См. рисунки у *I. Horovitz.* стр. 24. Переводы нѣсколькихъ пьесъ изъ репертуара Карагеза даны въ приложеніи къ статьѣ *Н. Мартиновича*: Турецкій театръ «Карагезъ». Живая Старина 1909, стр. 70—71, 94—105.

[2]) *Ignaz Kúnos.* Das Türkische Volksschauspiel Orta ojnu. Leipzig 1908, 29 сл. За указаніе этой очень рѣдкой книги приношу здѣсь глубокую благодарность своему уважаемому товарищу, проф. Н. Ѳ. Катанову.

405 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

17 декабря 1910 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Э. Р. фонъ-Штерна, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. Е. Егоровъ, Н. С. Кушнеръ, М. Ѳ. Шкадышекъ, К. М. Милисавлевичъ, А. Я. Шпаковъ, А. И. Лонгиновъ, А. А. Павловскій, Б. В. Варнеке, К. О. Лысаковскій, П. Г. Меликовъ, Е. А. Щуманскій, прот. С. В. Петровскій, С. Д. Пападимитріу, члены-сотрудники: А. М. Гамовъ, Б. Э. фонъ-Штернъ, М. С. Мончевскій, Н. Х. Капетанаки.

Слушали:

1. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 24 ноября 1910 г. № 311 слѣдующаго содержанія: «Императорское Московское Археологическое Общество, получивъ отношеніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей отъ 10 сего ноября за № 154, выражаетъ свою благодарность Одесскому Обществу за сообщеніе свѣдѣній о положеніи вопроса, касающагося сохраненія древней крѣпости въ Судакѣ. О печальномъ состояніи этого памятника было ему письменно сообщено лицомъ, осматривавшимъ его текущимъ лѣтомъ. Предсѣдатель Гр. Уварова».

Постановили: Принять къ свѣдѣнію (Ср. 5 ст. 403 протокола засѣданія отъ 23 октября 1910 г.).

2. Отношеніе земскаго начальника 3-го участка Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губ. отъ 1 ноября 1910 г. за № 2144 съ просьбой о присылкѣ дублетовъ предметовъ, находящихся въ музеѣ Общества,—для основаннаго въ Верх. Уфалейскомъ заводѣ музея отечествовѣдѣнія.

Постановили: Сообщить, что музей Одесскаго Общества не можетъ исполнить эту просьбу, такъ какъ дублеты предметовъ своихъ коллекцій онъ обыкновенно передаетъ лишь музеямъ городовъ Юга Россіи, такъ какъ именно для нихъ они могутъ представлять цѣнность и интересъ.

3. Отношеніе Уральскаго Общества любителей естествознанія въ г. Екатеринодарѣ отъ 21 ноября 1910 № 4900 съ просьбой выслать I т. Записокъ Имп. Од. Общ. Ист. и Др.

Постановили: Сообщить, что экземпляровъ I т. „Записокъ“ нѣтъ.

4. Благодарственныя письма за присылку XXVIII т. „Записокъ“ отъ слѣдующихъ лицъ и учрежденій: Архіепископа Херсонскаго и Одесскаго Димитрія, графа Д. А. Милютина, графа А. А. Бобринскаго, Д. И. Иловайскаго, А. В. Орѣшникова, Грузинскаго Общества Исторіи и Этнографіи въ Тифлисѣ, Оренбургской ученой архивной коммиссіи, Севастопольской офицерской библіотеки, библіотеки Петербургскаго университета, Псковскаго церковнаго историко-археологическаго комитета.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

5. Прошеніе члена Одесскаго аэро-клуба Сергѣя Уточкина о разрѣшеніи ему произвести спускъ въ крѣпость города Аккермана при перелетѣ на аэропланѣ изъ Одессы въ Аккерманъ и устроить публичные полеты на территоріи Аккерманской крѣпости.

Постановили: Сообщить, что спускъ и подъемы аэроплана могутъ быть произведены на площади предъ входомъ въ крѣпость (на гласисѣ), такъ какъ внутри крѣпости большое скопленіе народа признается нежелательнымъ.

6. Сообщеніе д. чл. Ю. Ю. Марти (доложено предсѣдателемъ): «Надгробная эпитафія Музы, жены Полистрата».

Постановили: Автора благодарить, а сообщеніе его напечатать въ протоколѣ засѣданія.

7. Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко—«Изъ матеріаловъ по исторіи возникновенія и развитія одесскихъ просвѣтительныхъ учрежденій».

Постановили: Докладчика благодарить, а докладъ напечатать въ Запискахъ Общества.

8. Предложеніе Совѣта объ избраніи въ члены-сотрудники Николая Николаевича Вусковича.

Постановили: Баллотировку произвести въ слѣдующемъ засѣданіи.

9. Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко: „Посвященное въ 1806 г. Одессѣ стихотвореніе“.

Постановили: Докладчика благодарить, а сообщенное стихотвореніе напечатать въ протоколѣ засѣданія.

10. Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ въ музей предметахъ.

Куплено: 1) у Т. Гохманна (за 200 руб.): шесть львиныхъ головъ бронзовыхъ (plaques), три большихъ и три меньшихъ, служившихъ украшеніемъ гроба, бронзовая лампочка съ птичьей головою, 1 стеклянный сосудъ—(всѣ вещи изъ одной могилы близъ Керчи).

2) у Шапиро (за 45 руб.): одна греческая ваза и 2 стекла (одно лиловаго цвѣта).

Постановили: Внести въ инвентарь.

Посвященное въ 1806 г. Одессѣ стихотвореніе.

Основанная въ 1794 г. Одесса съ первыхъ же лѣтъ своего существованія стала привлекать вниманіе своимъ удобнымъ положеніемъ и проч. Въ виду этого о ней очень рано начинаютъ въ нашу печать проникать полныя восторга свѣдѣнія и сообщенія. Мы, напр., знаемъ такой отзывъ о нашемъ городѣ въ книгѣ П. Сумарокова — „Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи“ (Москва, 1800); авторъ на стр. 212 говоритъ: „Уже былъ вечеръ, какъ я въѣхалъ въ Одессу, и при всемъ моемъ предварительномъ о немъ понятіи, явленіе возрожденнаго сего града привело меня въ чрезмѣрное удивленіе... Я проѣхалъ, оставляя въ лѣвой рукѣ синѣющееся море, мимо огромныхъ и освѣщенныхъ каменныхъ зданій, хорошихъ обывательскихъ строеній широкими правильными улицами...“ Такого рода отзывъ о нашей юной тогда Одессѣ вызвалъ у нѣкоторыхъ историковъ полное отрицаніе; такъ, проф. В. К. Надлеръ на 42 стр. своей работы—„Одесса въ первыя эпохи ея существованія“ (Одесса, 1893) по поводу даннаго отзыва Сумарокова замѣчаетъ: „Нелѣпыя бредни Сумарокова не заслуживаютъ даже серіознаго опроверженія...“ Не вдаваясь въ разборъ вопроса, насколько Сумароковъ, увлекшись въ своемъ изложеніи, погрѣшилъ противъ истины въ описаніи внѣшняго вида нашей Одессы, я считаю нелишнимъ отмѣтить одно очень мало извѣстное [1]) свидѣтельство объ Одессѣ, какъ о городѣ, который и въ раннюю эпоху своего существованія могъ увлекать путешественника и вызывать у него восторженные отзывы.

Извѣстный дѣятель русскаго просвѣщенія Иванъ Ивановичъ Мартыновъ въ 1806 году въ Петербургѣ сталъ выпускать (вмѣсто „Сѣвернаго Вѣстника“) періодическое изданіе (нынѣ библіографическая рѣдкость) подъ названіемъ „Лицей“; въ книгѣ первой т. IV этого выходившаго лишь одинъ годъ изданія помѣщено слѣдующее стихотвореніе:

---

[1]) Со времени своего появленія оно только одинъ разъ упомянуто въ мало распространенномъ изданіи «Вѣдомости Одесскаго Градоначальства» за 1901 г. № 79.

ОДЕССА.

Гдѣ степи лишь однѣ унылу мысль рождали
И странника гдѣ взоръ предѣла ихъ не зрѣлъ;
Гдѣ орды въ тишинѣ пустыни пробѣгали,
И никогда ручей подъ тѣнью не шумѣлъ;
Гдѣ солнце въ лѣтній день палящими лучами
Поблекшія поля зжигало и цвѣты;
Гдѣ серны лишь однѣ межъ дикими скалами
Скакали по буграмъ съ высотъ на высоты:
Тамъ нынѣ зданія огромныя явились,
Обиліе во всемъ и вкусъ и красота,
Народы разныхъ вѣръ и странъ тамъ водворились.
Гдѣ дикія мѣста, гдѣ дѣлась пустота?
Не давно гдѣ ладья рыбачья чуть плескалась
Свирѣпыхъ волнъ въ дали у тихихъ береговъ;
Гдѣ море бурями напрасно волновалось
И къ мореплаванію гдѣ не было слѣдовъ;
Презрѣвши нынѣ тамъ и бурю и пучину
Громады носятся на бѣлыхъ парусахъ;
Прекрасной городъ имъ вдругъ замѣнилъ пустыню
Въ пристанищѣ его; въ его уже стѣнахъ
Не страшны вѣтры имъ и бури всѣ и волны,
Какъ лѣсъ ихъ мачты тамъ спокойно вознеслись,
Избытокъ принося, избытка сами полны;
Плоды всемѣстно ихъ трудовъ тамъ разлились.
Торговля! ты душа дѣятельности міра,
Тобою съединены на свѣтѣ всѣ страны,
Природа безъ тебя былабъ пуста и сира,
Сокровища на вѣкъ въ землѣ погребены.
Да помощью твоей Одесса возрастаетъ;
Да будетъ такъ славна, какъ древній Карѳагенъ,
Другъ міра и людей того тебѣ желаетъ,
О естьлибъ не было кровавыхъ въ свѣтѣ сценъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

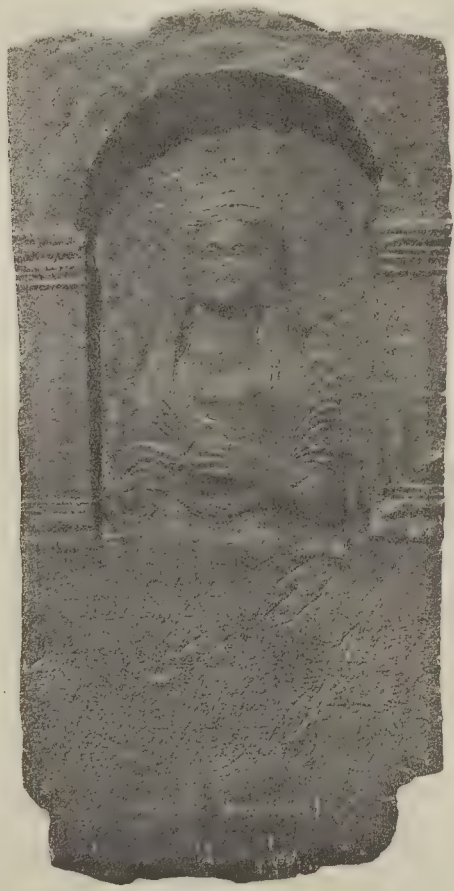
П. Ф. Б.

Кто былъ авторъ этого стихотворенія, воспѣвшаго нашу Одессу въ первые годы ея существованія,—мнѣ опредѣлить не удалось.

Сообщилъ д. чл. **М. Г. Попруженко.**

Надгробная эпитафія Музы, жены Полистрата.

Надгробная стела—высотой 0,86 м., шириной 0,41 м. и толщиной 0,15 м., съ отбитой еще въ древности верхней частью, представлявшей повидимому, архитектурный орнаментъ [1]).



[1]) Судя по двумъ выемкамъ на верхнемъ обрѣзѣ камня, орнаментъ состоялъ изъ трехъ частей: двухъ акротеріевъ боковыхъ и одного посрединѣ.

Подъ аркой, покоящейся на пилястрахъ, — поясное изображеніе женщины, одѣтой въ хитонъ съ поясомъ и гиматіонъ, наброшенный на голову. Крупные размѣры рельефа даютъ возможность ясно разсмотрѣть даже прическу покойной. Гладко зачесанные надъ лбомъ волосы съ проборомъ посерединѣ спускаются по бокамъ крупными локонами, закрывая уши. Правая рука опущена, лѣвая покоится на груди. Вся фигура изваяна очень тщательно; къ сожалѣнію, лицо нѣсколько испорчено.

Подъ рельефомъ на гладко обтесанной поверхности высѣчена по линейкамъ надпись въ 10 строкъ, въ общемъ хорошо сохранившаяся и только мѣстами пострадавшая отъ ударовъ заступа при раскопкахъ. Три первыя строки, заключающія въ себѣ имя погребенной и обычное «χαῖρε», высѣчены крупными буквами (0,02 м.), остальныя—болѣе мелкими (0,012 м.—0,01 м.), кромѣ Φ (0,02 и 0,015 м.).

Въ нижней части камня поверхность не обтесана, а углы срѣзаны для вставки камня въ постаментъ.

Надпись читается слѣдующимъ образомъ:

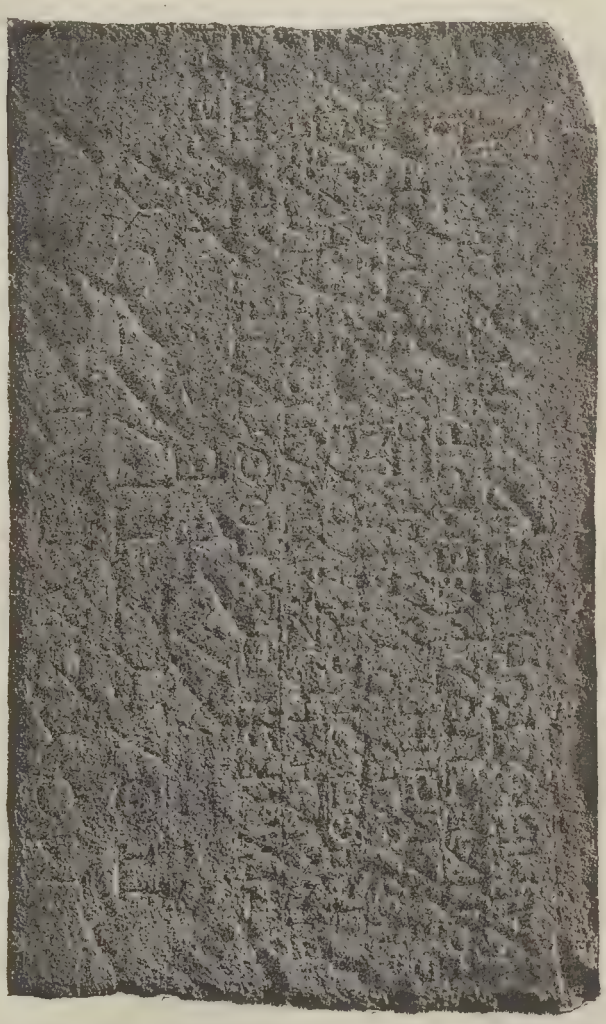
ΜΟΥΣΑΓΥΝΗ
ΠΟΛΥΣΤΡΑΤΟΥ
ΧΑΙΡΕ

ΚΑΘΗΜΑΙ
Η..ΕΓΛΥΚΩΝΟΣΕΓΩΟΥΓΑΤΗΡΠΑΡΑΤΩΔΕ
ΕΙΝΑΙΔΗΧΗΡΗΖΩΝΤΑΛΙΠΟΥΣΑΠΟΣΙΝ
ΟΥΠΑΡΘΕΝΟΝΟΥΚΑΛΟΧΟΝΜΕΚΑΤΗΓΑΓΕΒΑΣ
ΚΑΝΟΣΑΔΗΣΟΥΤΕΚΝΩΝΓΛΥΚΕΡΩΝΕΙΚΟΝΑ
ΘΗΣΑΜΕΝΗ..ΑΛΛΑΜΕΟΙΚΤΡΟΤΑΤΗΠΑΝ
ΤΩΝΑΠΕΝΟΣΦΙΣΕΜΟΙΡΑ ΤΟ
..ΑΙΜΕΚΣΤΟΡΓΗΣΒΙΟΤΟΥΕΙΣΖΟΦΟΝΗΓΑΓΕ

Μοῦσα γυνὴ
Πολυστράτου
χαῖρε

κάθημαι
Ἥ(γ)ε Γλύκωνος ἐγὼ θυγάτηρ παρὰ τῶ(ι)δε
εἰν Ἄιδη(ι) χήρη ζῶντα λιποῦσα πόσιν
οὐ παρθένον οὐκ ἄλοχόν με κατήγαγε βάσ|κανος Ἄ(ι)δης,
οὐ τέκνων γλυκερῶν εἰκόνα|θησαμένη(ν),
ἀλλά με οἰκτροτάτη πάντων ἀπενόσφισε Μοῖρα
καὶ μ' ἐκ στοργῆς βιότου εἰς ζόφον τὸ ἠγάγε

Передъ нами, очевидно, стихотворная эпитафія изъ трехъ элегическихъ двустишій въ семи строкахъ. Размѣщены стихи слѣдующимъ образомъ.



Текстъ надписи.

Неумѣстившіяся въ строку слова перваго стиха рѣзчикъ вырѣзалъ надъ строкой вправо.

Второй стихъ, какъ болѣе короткій, умѣстился цѣликомъ въ строку.

Въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ стихахъ слова переносятся съ одной строки на другую, при-чемъ одинъ стихъ отъ другого посреди строки отдѣляется небольшимъ промежуткомъ.

Оставивъ конецъ шестой строки неиспользованнымъ, рѣзчикъ вырѣзалъ послѣдній шестой стихъ въ седьмой строкѣ, помѣстивъ сверху въ концѣ строки слогъ, которому не хватило мѣста.

Такимъ образомъ, получилось семь строкъ, между тѣмъ какъ въ большинствѣ случаевъ стихъ совпадаетъ со строкой.

Подобное размѣщеніе стиховъ съ переносомъ ихъ находимъ въ одной боспорской эпитафіи (Latyschev: I. o. s. P. E. II. № 167).

Въ метрическомъ отношеніи не всѣ стихи безукоризненны.

Въ третьемъ стихѣ: οὐ παρθένον οὐκ ἄλοχον..... слогъ οὐ является какъ бы лишнимъ для гекзаметра. Но считать его ошибкой рѣзчика нѣтъ никакихъ основаній [1]).

Въ шестомъ стихѣ: καὶ μ'ἐκ στοργῆς βιότου.... второй слогъ въ виду трехъ слѣдующихъ согласныхъ по правиламъ просодіи долженъ быть дологъ, равнымъ образомъ и третій слогъ передъ liquida cum muta въ данномъ случаѣ, очевидно, правила эти не принимаются во вниманіе.

Смыслъ стихотворенія въ общемъ вполнѣ ясенъ. Отдѣльныя мѣста требуютъ поясненій.

1-ый стихъ: κάθημαι

Ἥ(γ)ε Γλύκωνος ἐγὼ θυγάτηρ παρὰ τῶ(ι)δε

Вслѣдствіе поврежденія при раскопкахъ вторая буква неясна, такъ что слово можно читать ἦγε или ἦδε. Вертикальная черточка послѣ Η указываетъ, что чтеніе ἦγε вѣрнѣе;

τῶ(ι)δε предполагаетъ существительное въ дат. падежѣ καθήμᾳ; но подобное сокращеніе καθήμᾳ изъ καθήματι грамматикой не подтверждается; значеніе также не вполнѣ подходящее: das Herabgelasseне. Поэтому въ словѣ **ΚΑΘΗΜΑΙ** слѣдуетъ признать обычную глагольную форму κάθημαι—сижу. Конструкція κάθημαι съ παρὰ τινι весьма употребительна. Самое вюраженіе „сижу, помѣщаюсь“ относится къ изображенію Музы. Въ „Epigrammata graeca“ Кайбеля № 1046, 48 есть подобное выраженіе: ἦσται ἄγαλμα. Все затрудненіе въ томъ, къ кому отнести παρὰ τῶδε.

---

[1]) Этотъ v. hypermeter можно сравнить съ гекзаметрами, носящими особое названіе προκέφαλοι съ кажущимся лишнимъ слогомъ въ началѣ стиха (Свѣдѣнія о нихъ любезно сообщены мнѣ В. В. Шкорпиломъ по книгѣ: Král, Řecká a římská metrika. Praha. 1905 I, стр. 90.

Напримѣръ: Od. 4,682 и Il. 5,349 ἦ εἰπέμεναι δμωῇσιν Ὀδυσσῆος θείοιο
ἦ οὐχ ἅλις ὅττι γυναῖκας ἀνάλκιδας ἠπεροπεύεις.

Но въ данномъ случаѣ синицезиса не можетъ быть.

Скорѣе всего къ отцу Музы Гликону, который, надо полагать, былъ погребенъ тутъ же рядомъ съ Музой [1]).

2-ой стихъ: Εἰν Ἄιδη(ι) χήρη ζῶντα λιποῦσα πόσιν.

Стихъ вполнѣ понятный. Отмѣтить слѣдуетъ іоническую форму χήρη вмѣсто χήρα.

3-ій стихъ: Οὐ παρθένον οὐκ ἄλοχόν με κατήγαγε
βάσκανος Ἄ(ι)δης

Выше мы указали, что нѣтъ достаточныхъ основаній отбросить лишній слогъ οὐ. Разсмотрѣніе же содержанія этого стиха убѣждаетъ насъ въ томъ, что отбросить это отрицаніе значитъ лишить стихъ его настоящаго смысла и поставить его въ противорѣчіе съ заголовкомъ стихотворенія, гдѣ Муза ясно названа супругой Полистрата и, стало быть, не есть дѣвица.

Ранняя смерть бездѣтной Музы даетъ возможность нашему поэту примѣнить къ ней игру словъ, „οχυμορον“, сопоставленіемъ понятій, взаимно исключающихъ другъ друга. Она не дѣвица и не супруга. Не дѣвица, ибо считается женой Полистрата; не жена, ибо умираетъ бездѣтной, какъ указано въ слѣдующемъ стихѣ: οὐ τέκνων γλυκερῶν . . .

Та-же мысль болѣе подробно развита въ одномъ надгробномъ стихотвореніи (Kaibel, Epigrammata graeca № 505):

Ὤλεο δὲ στυγερῶι θανάτωι προλιποῦσα
τοκῆα[ς],
Πωτάλα, ἐγγαστρὸς κυμοτόκοις ὀδύναις
οὔτε γυνὴ πάμπαν κεκλημένη, οὔτε τι
κούρη,
. . . . . .

Итакъ, согласно съ воззрѣніями грековъ на бракъ, заключавшійся: παίδων ἐπ' ἀρότῳ γνησίων, жена, бездѣтная или умирающая бездѣтной, не есть жена;

βάσκανος—завистливый, злой.—Эпитетъ Аида, встрѣчался уже въ одной боспорской эпитафіи (Latyschev: I. o. s. P. E. IV, № 391).

4-ый стихъ: οὐ τέκνων γλυκερῶν εἰκόνα θησαμένη(ν)

Стихъ этотъ поясняетъ слово οὐκ ἄλοχον. Жалобы на бездѣтность умирающихъ встрѣчаются въ надгробныхъ стихахъ (Ср. Kaibel, Epigrammata graeca № 208).

---

[1]) Гораздо проще и поэтому вѣрнѣе мнѣ кажется слѣдующее пониманіе словъ: я, Муза, помѣщаюсь рядомъ съ этимъ-то; т. е. ἄγαλμα или μνῆμα. *Э. фонъ-Штернъ.*

Относительно слова εἰκών замѣтимъ, что оно въ эпитафіяхъ чаще всего имѣетъ смыслъ статуи, рельефнаго изображенія, здѣсь же имѣетъ значеніе образа вообще;

θησαμένη(ν)—отъ глагола θεάομαι. Хотя аористъ отъ глагола θεάομαι-θηησάμην, но встрѣчаются и слитныя формы: θησαίατο (Odyss. 18, 191) и θησάμενος (Kaibel, Epigrammata graeca № 759, 2).

Причастная форма θησαμένη(ν) должна быть согласована съ με и ошибочно поставлена въ именительномъ падежѣ.

5-ый стихъ: ἀλλά με οἰκτροτάτη πάντων ἀπενόσφισε Μοῖρα

οἰκτρός—жалкій, достойный сожалѣнія—употребляется относительно лицъ и состояній.

Поэтому οἰκτροτάτη безъ исправленія отнесемъ къ Μοῖρα.

6-ой стихъ: Καὶ μ' ἐκ στοργῆς βιότου εἰς ζόφον ἠγάγετο

Стихъ представляетъ фигуру антитезу, столь излюбленную въ боспорской надгробной поэзіи.

Такимъ образомъ, переводъ стихотворенія можетъ быть приблизительно слѣдующій:

Вотъ я, дочь Гликона, рядомъ съ нимъ[1]) помѣщаюсь,
Въ царствѣ Аида вдова, мужа оставивъ въ живыхъ.
Внизъ меня свелъ не дѣвой и не женою Аидъ злой,
Образомъ милыхъ дѣтей не любовавшуюся.
Нѣтъ! Всего лишила меня преплачевная Мира
И во мракъ увела, радость жизни прервавъ.

Къ какому времени относится разсмотрѣнная эпитафія? Судя по стилю буквъ: A, E, Σ, Π, K, Φ, Z, O, а также по частому пропуску ι adscriptum, памятникъ относится приблизительно къ I или II вѣку по Р. Хр.

Имена Музы и Гликона общеупотребительны на Боспорѣ (см. Latyschev: I. o. s. P. E. II и IV). Имя Полистрата — новое (см. Pape's Wörterbuch der griech. Eig.).

Пріобрѣтено надгробіе для музея Мелекъ-Чесменскаго кургана 11 апрѣля 1910 г. отъ Ивана Злобина. Найденъ камень, по его словамъ, въ степи, недалеко отъ Золотаревской богадѣльни.

Д. чл. **Ю. Ю. Марти.**

[1]) Лучше: здѣсь. *Э. фонъ-Штернъ.*

406 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

31 января 1911 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта Э. Р. фонъ-Штерна, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. А. Павловскій, Б. В. Варнекс, Б. М. Ляпуновъ, П. Г. Меликовъ, К. О. Лысаковскій, протоіерей С. В. Петровскій, К. М. Милисавлевичъ, Н. С. Кушнеръ, Х. П. Ящуржинскій, Е. А. Шуманскій, М. Ѳ. Шкадышекъ, А. Е. Егоровъ, А. Я. Шпаковъ; С. П. Шелухинъ; члены-сотрудники: Б. Э. фонъ-Штернъ, А. М. Гамовъ, Н. Д. Капетанаки, М. С. Мончевскій, В. И. Василенко; гость—С. Н. Грищенко.

Слушали:

1. Предложеніе предсѣдателя въ виду окончанія срока службы Президента Общества члена Государственнаго Совѣта Х. Х. Роопа, который выразилъ мнѣніе, что президентомъ Общества должно быть лицо, проживающее въ районѣ дѣйствій Общества, произвести новые выборы, выразивъ глубокую и искреннюю благодарность Х. Х. Роопу за его многолѣтніе труды и заботы на пользу Общества.

Постановили: просить почетнаго члена Общества Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Михайловича принять на себя званіе Президента Общества. Съ просьбой къ Его Императорскому Высочеству объ этомъ обратиться съ слѣдующей телеграммой:

Петербургъ.

Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Михаиловичу.

Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, имѣющее честь считать въ теченіе многихъ лѣтъ Ваше Императорское Высочество въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ, въ засѣданіи 31-го января постановило почтительнѣйше просить Ваше Императорское Высочество не отказать осчастливить Общество принятіемъ на себя званія его Президента.

Совѣтъ Общества: Предсѣдатель заслуженный профессоръ фонъ-Штернъ, члены тайные совѣтники Лонгиновъ и Егоровъ, профессора Павловскій и Шпаковъ, секретарь профессоръ Попруженко.

2. Предложеніе предсѣдателя въ виду окончанія срока службы произвести выборы Вице-президента.

Постановили: просить А. Л. Бертье-Делагарда и впредь оставаться въ должности Вице-президента Общества, о чемъ обратиться къ А. Л. со слѣдующей телеграммой:

«Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей единогласно постановило въ засѣданіи 31-го января просить Ваше Превосходительство не отказать и впредь оставаться его Вице-президентомъ».

3. Предложеніе предсѣдателя произвести выборы новаго состава членовъ издательскаго комитета, въ виду окончанія срока, на который былъ избранъ прежній.

Постановили: считать избранными въ члены издательскаго комитета профессоровъ—Б. В. Варнеке, С. Г. Вилинскаго и С. Д. Пападимитріу.

4. Сообщеніе о томъ, что Совѣтъ Общества предлагаетъ въ виду предстоящаго отъѣзда изъ Одессы въ Галле почетнаго члена Общества проф. Э. Р. фонъ-Штерна, который въ качествѣ старшаго члена Совѣта несъ обязанности предсѣдателя Общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и былъ хранителемъ музея,—слѣдующимъ образомъ организовать дальнѣйшее веденіе дѣлъ Общества, а также и управленія музеемъ:

Предсѣдательствованіе и общее руководство дѣлами Общества просить принять на себя члена Совѣта проф. А. А. Павловскаго.

Предусмотрѣнную уставомъ Общества (§ 37) должность хранителя Одесскаго музея сдѣлать должностью платной, соединивъ съ нею и предусмотрѣнную (§ 37) должность письмоводителя, для чего въ смѣту Общества вносить по 600 рублей въ годъ.

На эту должность пригласить съ 1-го сентября 1911 г. находящагося нынѣ въ заграничной командировкѣ члена Общества Е. Г. Кагарова.

Постановили: означенныя предложенія Совѣта одобрить и организовать согласно съ нимъ дальнѣйшее теченіе дѣлъ Общества.

5) Отношеніе Ростовской-на-Дону городской управы, отъ 7-го января 1911 г., № 170, съ просьбой пополнить начатыя заведенной въ музеѣ Ростовскаго-на-Дону Общества Исторіи, Древностей и Природы коллекціи ольвійскихъ древностей присылкой имѣющихся у Общества дублетовъ различныхъ предметовъ древности.

Постановили: выслать имѣющіеся дублеты монетъ, а относительно другихъ предметовъ сообщить, что музей въ настоящее время дублетовъ ихъ, не внесенныхъ въ инвентарь, не имѣетъ, но въ случаѣ поступленія таковыхъ, вышлетъ Ростовскому музею.

6) Сообщеніе предсѣдателя о вновь поступившихъ въ Музей предметахъ:

Куплено: 2 красноглиняныхъ сосуда (флакона) римскаго времени, 1 ручка (съ частью блюда) въ видѣ головы львицы, тоже изъ

красной глины, римскаго періода—(очень хорошая работа); 1 фрагментъ большого кувшина изъ простой глины, съ ручкой въ видѣ стилизованнаго звѣря—всѣ предметы изъ Ольвіи; куплены у А. Гаухмана.

Постановили: внести въ инвентарь.

7. Сообщеніе поч. члена Э. Р. фонъ-Штерна—«Изъ жизни дѣтей въ греческихъ черноморскихъ колоніяхъ». Въ сообщеніи этомъ проф. Э. Р. фонъ-Штернъ на основаніи цѣлаго ряда найденныхъ въ дѣтскихъ могилахъ предметовъ охарактеризовалъ жизнь дѣтей въ греческихъ колоніяхъ на Черномъ морѣ. Докладчикомъ была нарисована картина кормленія маленькихъ дѣтей, ихъ обученія грамотѣ, а также изъ развлеченій при помощи различныхъ игрушекъ. Сообщеніе это предназначено къ помѣщенію нъ сборникѣ въ честь графа А. А. Бобринскаго.

Постановили: благодарить докладчика.

8. Сообщеніе д. чл. М. Г. Попруженко — «Изъ матеріаловъ по исторіи благоустройства Одессы».

Постановили: благодарить докладчика, а сообщенные матеріалы напечатать въ протоколѣ засѣданія.

9. Предложеніе предсѣдателя привѣтствовать графа А. А. Бобринскаго въ виду исполняющагося 2 февраля 25-ти-лѣтія его предсѣдательствованія въ Императорской Археологической комиссіи.

Постановили: привѣтствовать телеграммой отъ имени Общества.

Изъ матеріаловъ по исторіи благоустройства Одессы.

Что представляла изъ себя Одесса въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, благодаря отсутствію мостовыхъ, мы знаемъ изъ описанія[1]) Пушкина:

«А гдѣ—бишь мой разсказъ несвязный?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ,
Я-бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной -
И тутъ-бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять—шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ домы на аршинъ загрязнутъ,
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонутъ, вязнутъ,
И въ дрожкахъ волъ, рога склоня,
Смѣняетъ хилаго коня».

Такое состояніе одесскихъ улицъ не могло быть, конечно, долго терпимо, и Пушкину уже было извѣстно, что начались работы по мощенію ихъ:

Но ужъ дробитъ каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованной броней.

Лица, коимъ были ввѣрены управленіе Одессой и заботы о процвѣтаніи ея, хорошо понимали, что мощеніе улицъ одесскихъ должно вестись энергично и при томъ доброкачественнымъ матеріаломъ.

Вслѣдствіе этого они принимали мѣры къ тому, чтобы матеріалъ такой доставлялся въ Одессу легко и безъ особыхъ затратъ.

Воспроизводимые ниже (съ сохраненіемъ правописанія оригинала): 1) Обращеніе генералъ-губернатора гр. Палена къ одесскимъ купцамъ и 2) «Объявленіе» даютъ представленное о томъ, что предпринималось въ этомъ направленіи.

---

[1]) „Отрывки изъ путешествія Онѣгина".

УПРАВЛЕНІЕ
НОВОРОССІЙСКАГО и БЕССАРАБСКАГО
ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА.

Отдѣленіе 1-е.
Столъ
№ 10874.
Іюль 1831 года.

Милостивый Государь!

Заботясь о приведеніи въ надлежащее исполненіе общеполезныхъ предположеній Гг. Генералъ-Адъютанта Графа *Воронцова* и Генералъ-Лейтенанта *Красовскаго*, о мощеніи улицъ въ Одессѣ заграничнымъ камнемъ, я вновь приглашаю, какъ Россійскихъ, такъ и Иностранныхъ негоціантовъ и шкиперовъ, привозить сюда на судахъ своихъ вмѣсто баласта крѣпкій камень, годный для таковаго мощенія, на основаніи дополнительныхъ правилъ, при семъ включаемыхъ.

Вы, милостивый государь, сами знаете какія городъ терпитъ ежегодно неудобства отъ неимѣнія у насъ прочныхъ мостовыхъ, и какая значительная польза будетъ для самой коммерціи, если мы устроимъ оныя заграничнымъ крѣпкимъ камнемъ. Тогда шкиперъ безъ потери времени, будетъ получать грузъ на свои суда; здѣшніе купцы будутъ имѣть ту выгоду, что цѣны за провозъ пшеницы на гавань, кругомъ года будутъ одинаковы и даже ниже противъ цѣнъ нынѣ лѣтомъ существующихъ; а иностранные негоціанты ограничивъ всегда цѣны на покупку пшеницы по причинѣ убавленія расходовъ на доставку оной на гавань, будутъ конечно имѣть способы покупать въ Одессѣ пшеницу чрезъ своихъ корреспондентовъ гораздо для нихъ выгоднѣе, а потому и увеличать таковую покупку.

Самыя суда, кои будутъ возить сюда годный для мостовой камень вмѣсто баласта составляемаго изъ земли и песку, получать также большую выгоду, ибо въ первомъ случаѣ шкиперъ заплативъ въ Ливорно, или другомъ мѣстѣ отъ 100 до 300 талеровъ за камень, получаетъ здѣсь ту-же сумму, освобождается отъ подачи заявленій, ибо камень будетъ считаться какъ баластъ и имѣетъ всѣ пособія къ скорой выгрузкѣ онаго еще на рейдѣ во время восьмидневной обсерваціи; но въ послѣднемъ, шкиперъ издержавъ на песокъ и землю до 100 талеровъ и болѣе, теряетъ здѣсь деньги сіи безвозвратно, неполучаетъ никакихъ пособій и облегченій и обязывается возить на своихъ барказахъ баластъ за хутора Графа Ланжерона и Г. Куриса. Сверхъ того порто-

вое Начальство отнюдь не позволитъ выгружать таковый баластъ прежде окончанія 8-ми дневной обсерваціи.

Дабы промышленники въ загранничныхъ портахъ, узнавъ о значительномъ требованіи камня, не возвысили оному цѣну и не стѣснили тѣмъ шкиперовъ, желающихъ покупать камень, Начальство здѣшнее предположило чрезъ Гг. негоціантовъ сдѣлать нѣкоторый запасъ камня въ Ливорно, Тріестѣ, Генуѣ и другихъ мѣстахъ, дабы въ случаѣ невозможности достать камень по опредѣленной цѣнѣ, шкипера могли получать оный по той цѣнѣ изъ сдѣланнаго запаса. Въ слѣдствіе чего я прошу васъ М. Г. снестись съ тамошними коммерческими домами о приготовленіи камня, для чего вы можете получить впередъ безъ залоговъ отъ 5 до 10 т. руб. отъ Г. Одесскаго Градоначальника на основаніи постановленія объявленнаго въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1830 года.

Цѣна по которой Правительство соглашается принимать камень, означена въ прилагаемомъ объявленіи, но всякой изъ Гг. негоціантовъ по своему усмотрѣнію, можетъ сверхъ таковой пѣны предоставить корреспонденту своему заплатить отъ 10 до 15 процентовъ болѣе.

Само собою разумѣется, что привозимый сюда вмѣсто баласта камень, Гг. негоціанты не будутъ покупать для себя, но предоставляютъ оный собственно для города.

Такимъ образомъ изъяснивъ вамъ свои мысли въ разсужденіи общеполезнаго дѣла и зная благородное ваше соревнованіе къ выгодамъ здѣшней коммерціи и благу цѣлаго города, я покорно прошу васъ, принять ваше ближайшее участіе въ доставкѣ заграничнаго камня. Если вы кромѣ замѣчаній моихъ, основанныхъ на мѣстныхъ соображеніяхъ и на карантинныхъ постановленіяхъ, изыщите еще другіе способы къ безпрепятственному и скорому доставленію камня, я прошу васъ сообщить мнѣ оныя и я останусь вамъ за то душевно благодарнымъ.

Мнѣ весьма пріятно будетъ, успѣхи и содѣйствіе ваше въ настоящемъ предметѣ довести до свѣдѣнія высшаго Начальсва.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Милостивый Государь,

Вашимъ покорнымъ слугою *Графъ Паленъ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Отъ начальства Новороссійскаго края*).

Исправляющій должность Новороссійскаго и Бессарабскаго Генералъ-Губернатора, Тайный Совѣтникъ Графъ Паленъ, издавъ 6-го Іюля минувшаго 1831 года объявленіе служащее подтвержденіемъ предположеній своихъ предмѣстниковъ относительно мощенія улицъ въ городѣ Одессѣ и привоза сюда изъ-заграницы камня, — почелъ нужнымъ послѣ того доставить нѣкоторые новыя выгоды тѣмъ кто пожелалъ-бы привозить сюда камни для мостовыхъ; а именно:

1-е. За крѣпкій плитовой камень, годный для мощенія и имѣющій не менѣе 4-хъ вершковъ толщины будетъ платимо не отъ 17 до 18 рублей, какъ прежде предполагалось, но по 22 рубли за квадратную сажень, съ тѣмъ однако-же, что отнынѣ впредь выше сей цѣны ни кому и ни въ какомъ случаѣ выдаваемо не будетъ [2]).

2-е. Плиты имѣющіе толщины менѣе 4-хъ вершковъ какъ негодные для мостовой и удобные только для тротуаровъ въ коихъ менѣе предстоитъ надобности, будутъ принимаемы не выше какъ по 17 рублей за сажень, и если онѣ окажутся крѣпкими и совершенно годными для употребленія [3]).

3-е. Камень мѣлкій но по крѣпости своей годный для мостовой, будетъ принимаемъ съ платою за каждый кубическій сажень по 50 рублей [4]).

---

*) Оригиналъ этого объявленія напечатанъ на трехъ языкахъ на русскомъ, на греческомъ и на итальянскомъ.

[1]) По сему расчету за плитовой камень не тоньше 4-хъ вершковъ штука для мостовой, опредѣляется цѣна на иностранные мѣры слѣдующая: за квадратную сажень 22 руб. за квадратный метръ 4 р. 84 к., за одинъ Ливорнскій локоть 1 р. 79 к., за 1 Тріэстскій большой локоть или суконной 2 р. 21 к., за 1 Генуэзской бракчіи 1 р. 64 к., за 1 Англійскій футъ 44 к. А Россійская монета *рубль* находится въ слѣдующимъ нынѣ отношеніи къ иностраннымъ монетамъ: 4 р. 87 к., равняются Испанскому піастру; на Французскую монету рубль равняется 113 сантимамъ; въ Тріэстѣ 44 флорина даютъ за 100 руб. и проч.

[2]) По сему расчету за тонкіе плиты кои имѣютъ менѣе 4-хъ вершковъ толщины для тротуаровъ опредѣляется цѣна на иностранные мѣры слѣдующая: за 1 квадратную сажень 17 р., за 1 квадратный Англійскій футъ 34 к., за 1 квадратный метръ 3 р. 74 к., за 1 квадратный Ливорнскій локоть 1 р. 38 к., за 1 квадратный Тріэстскій локоть 1 р. 71 к., за 1 квадратный Генуэзскій бракчіи 1 р. 31 к.

[3]) По сему расчету за мѣлкій крѣпкій камень для мостовой опредѣляется цѣна на иностранные мѣры слѣдующая: за кубическую сажень 50 р., за кубическій Англійскій футъ 14 к., за 1 кубическій метръ 5 р. 17 к., за 1 кубическій Ливорнскій локоть 1 р. 16 к., за 1 кубическій Тріэстскій локоть 1 р. 56 к., за 1 кубическій Генуэзскій бракчій 1 руб. 2 коп.

4-е. Привозимый камень будетъ приниматься въ теченіи 8-ми дневнаго обсерваціоннаго термина безъ всякаго стѣсненія, равно и плата за оный производима будетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

5-е. Назначенный исключительно для сего особый чиновникъ будетъ всячески стараться о доставленіи шкиперамъ баркасовъ, о скорой выгрузкѣ и уплатѣ денегъ безъ малѣйшаго промедленія.

6-е. Кто желаетъ употреблять для сгрузки мѣлкаго камня изъ судовъ въ лодки, устроенные для сего деревянные жолоба, тотъ всегда можетъ ихъ требовать отъ Капитана надъ портомъ.

7-е. Шкиперъ отъ всѣхъ безпокойствъ въ сдачѣ камня освобождается; обязанность его состоитъ только въ томъ, чтобъ нагрузить баркасъ и доставить къ берегу, гдѣ выгрузка производится уже людьми отъ начальства приставленными. Для предупрежденія споровъ, шкипера привозящіе плиты будутъ вмѣстѣ съ ними оставлять въ баркасахъ при сдачѣ оныхъ марки съ показаніемъ числа погруженныхъ плитъ.

8-е. Преимущества сіи будутъ даны также и такому судну, которое привезетъ въ видѣ баласта крупной морской песокъ, или мелкіе галыши и притомъ не менѣе 2 сажень кубическихъ или 400 чеки камня годнаго для мостовой.

9-е. Шкипера обязываются по прежнему наблюдать, чтобы при выгрузкѣ камня или баласта на практическіе суда, не было между оными тряпокъ и другихъ вещей пріемлющихъ заразу. За симъ сверхъ того строго будутъ смотрѣть при нагрузкѣ гвардіоны, а при выгрузкѣ на пристани, особый карантинный чиновникъ.

10-е. Суда привозящіе камень для городской мостовой не подаютъ на оный объявленій въ таможню, ибо камень считается баластомъ.

11-е. Судна кои прибудутъ къ порту съ баластомъ мелкаго песку и земли, не будутъ имѣть позволенія выгружать оный прежде 8-ми дневнаго обсерваціоннаго термина, и обязаны отвозить оный на тѣ мѣста, которые будутъ показаны начальствомъ, въ какомъ-бы разстояніи они не находились отъ порта.

12-е. Во всѣхъ случаяхъ шкипера, которые будутъ доставлять камень, приглашаются адресоваться прямо къ чиновнику для сего назначенному, который будетъ находиться въ парлаторіи карантина.

13-е. Карантинное и портовое начальство доставять сему чиновнику всѣ способы къ точному исполненію возложенной на него обязанности, за чѣмъ строжайше будетъ смотрѣть Градоначальникъ.

14-е. Выгода судовъ, кои будутъ привозить сюда вмѣсто баласта, камень, очевидна: ибо деньги издержанные шкиперомъ на камень въ портѣ изъ котораго онъ отбылъ, возвращаются въ Одессѣ и сверхъ того судно сіе получаетъ здѣсь право выгружаться во время 8-ми дневной обсерваціи. Издержки-же на баластъ совершенно потеряны;

ибо за оный не только ничего не платится сдѣшнимъ начальствомъ, но еще и непозволяется выгружать онаго прежде 9-го дня по прибытіи къ порту; мѣста-же выгрузки для баласта отдалены отъ порта и въ назначеніи оныхъ происходятъ не рѣдко измѣненія, соотвѣтственныя мѣстнымъ обстоятельствамъ и степени карантинной опасности въ какой почитается судно.

15-е. Въ случаѣ-же медленнаго принятія камня, или не скорой уплаты денегъ, либо причиненія судамъ какихъ-нибудь другихъ затрудненій, шкипера могутъ съ своими жалобами обращаться къ Градоначальнику словесно, или письменно, безъ всякихъ формъ, и всякій можетъ писать на своемъ языкѣ; жалобы таковыя могутъ быть приносимы такъ-же чрезъ рекомендатаріусовъ, или чрезъ всякое другое лице.

С Р А В Н Е Н І Е М Ѣ Р Ъ

Русскія мѣры сажень	Англійскія футы	Французскія метры	Ливорнскій локоть	Тріэстскій большой локоть или суконной	Генуа
Линѣйныя мѣры.					
1 погонная сажень или 3 аршина равна.	7 футъ	2,13 метры	3,5	3,15	3,66 бракчіо
Квадратныя мѣры.					
1 квадратная сажень русская или 9 квадратныхъ арш. равна . .	□ футы 4,9	□ метры 4,54	□ локтей 12,25	□ больш. лок. 9,92	□ бракчіо 13,29
Кубическія мѣры.					
1 кубическая русская сажень или 27 кубическихъ арш. .	куб. футы 3,43	куб. метры 9,66	куб. локт. 42,87	куб. больш. локт. 31,25	куб. бракчіо 48,92

Исправляющій должность Новороссійскаго и Бессарабскаго
Генералъ-Губернатора Графъ *Паленъ*.

Одесса, 6-го Генваря 1832 года.

Сообщилъ дѣйств. чл. **М. Г. Попруженко.**

407 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

5 марта 1911 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, при секретарѣ М. Г. Попруженко, почетный членъ Э. Р. фонъ-Штернъ, дѣйствительные члены: А. В. Лонгиновъ, А. П. Доброклонскій, К. М. Милисавлевичъ, С. Д. Пападимитріу, А. А. Павловскій, К. О. Лысаковскій, А. Е. Егоровъ, А. Я. Шпаковъ, С. П. Шелухинъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, Г. И. Танфильевъ, П. Г. Меликовъ, Е. А. Шуманскій, Б. В. Варнеке, С. Г. Вилинскій, В. Н. Мочульскій, И. А. Линниченко, Б. М. Ляпуновъ; члены-сотрудники: А. М. Гамовъ, Н. Д. Капетанаки, Б. Э. фонъ-Штернъ и гости: Д. и С. Н. Грищенко.

Слушали:

1. Предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 8-го февраля 1911 г., № 4568 о томъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 26 день января сего года, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволивъ принять экземпляръ отчета за 1907—1909 годы и XXVIII тома „Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, ВЫСОЧАЙШЕ повелѣлъ **благодарить** отъ Имени ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА за означенное подношеніе.

Постановили: Внести въ протоколъ засѣданія.

2. Слѣдующую телеграмму, которой ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ благоугодно было 3 февраля сего года отвѣтить на просьбу Общества о принятіи на Себя званія его президента:

„Съ удовольствіемъ соглашаюсь принять званіе президента Общества.

АЛЕКСАНДРЪ“.

Постановили: Благодарить ЕГО ВЫСОЧЕСТВО за оказанное Обществу милостивое вниманіе.

3. Переходя къ слѣдующимъ дѣламъ, А. Л. Бертье-Делагардъ выразилъ Обществу благодарность за единогласное его избраніе 31 прошлаго января вице-президентомъ и на дальнѣйшее время при чемъ изъявилъ свою полную готовность и впредь служить Обществу.

Постановили: Благодарить А. Л. Бертье-Делагарда за его согласіе и впредь оставаться вице-президентомъ Общества.

4. Сообщеніе г. вице-президента о томъ, что почетный членъ Общества проф. Э. Р. фонъ-Штернъ, въ теченіе многихъ лѣтъ состоящій членомъ Совѣта Общества и хранителемъ музея, въ половинѣ

марта покидаетъ Одессу и переѣзжаетъ въ Галле (въ Германію), куда онъ приглашенъ профессоромъ древней исторіи. Совѣтъ Общества, обсудивъ вопросъ, какимъ образомъ достойно можетъ наше Общество выразить Э. Р. свою благодарность за его высокія заслуги предъ Обществомъ, постановилъ предложить Общему собранію слѣдующее:

1) Просить Э. Р. фонъ-Штерна оставаться членомъ Совѣта Общества и во время пребыванія своего внѣ Одессы,

2) помѣстить въ залѣ засѣданій Общества портретъ Э. Р. фонъ-Штерна,

3) XXX томъ „Записокъ“ Общества посвятить Э. Р. фонъ-Штерну и

4) привѣтствовать Э. Р. адресомъ отъ имени Общества.

Постановили: Предложеніе Совѣта принять и въ настоящемъ-же засѣданіи привѣтствовать Э. Р. фонъ-Штерна послѣ назначеннаго имъ сообщенія, къ которому онъ долженъ прибыть въ засѣданіе.

5. Слушали сообщеніе члена-сотрудника В. И. Василенко—„Раскопки въ с. Бѣлгородкѣ, Кіевской губ.“.

Постановили: Благодарить докладчика.

6. Сообщеніе хранителя музея о вновь поступившихъ въ музей предметахъ:

Покупка: 2 античныхъ стекла, 1 римская лампочка, 1 кувшинъ, 1 бронзовый предметъ украшенія, 1 серебряный кувшинъ изъ Ольвіи (35 р.) у Л. Гаухмана, 1 поддѣльная бронзовая табличка (5 р.) у г. Н. Н.

Пожертвованія: Отъ г. Киліуса: коллекція разныхъ русскихъ и западно-европейскихъ монетъ (свыше 150 экз.); отъ Константина Андреевича Спиліоти—разныя русскія монеты (12 штукъ); отъ г. Н. Н. монета Сигизмунда III; отъ А. Л. Бертье-Делагарда: три іудейскихъ монеты, найденныхъ въ Симферополѣ; 46 рѣзныхъ камней; планъ осады Хотина и гравюры—Суворова, Панина и четырехъ крымскихъ хановъ; отъ И. А. Линниченко: образцы фальшивыхъ монетъ 5 руб. достоинства; отъ Ф. К. Юргенсона: бронзовая монета импер. Трояна; отъ Х. П. Ящуржинскаго: 6 амфорныхъ ручекъ съ клеймами и донышко краснолаковаго блюдца со штемпелемъ $\frac{\Delta\Omega}{\text{POY}}$.

Постановили: Вписать въ инвентарь, а жертвователей благодарить.

7. Сообщеніе почетнаго члена Э. Р. фонъ-Штерна „О нѣкоторыхъ бронзахъ изъ музея Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“.

Послѣ этого доклада вице-президентъ, обратившись къ почетн. члену Э. Р. фонъ-Штерну, благодарилъ его за этотъ послѣдній предъ его отъѣздомъ за границу докладъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ имени Общества выразилъ ему искреннюю признательность за все, что онъ въ теченіе своей продолжительной работы сдѣлалъ какъ для Общества вообще, такъ для музея въ частности. Послѣ этого вице-прези-

дентъ сообщилъ Э. Р. приведенныя выше постановленія Общества, которыми оно желаетъ отмѣтить заслуги Э. Р., и предложилъ члену Совѣта проф. А. А. Павловскому прочитать приводимый ниже адресъ отъ Общества:

«Глубокоуважаемый и дорогой Эрнестъ Романовичъ! Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, разставаясь съ Вами послѣ 20-лѣтней работы Вашей въ Обществѣ, не можетъ не вспомнить того, что сдѣлано Вами на его пользу.

Вступивъ 5 апрѣля 1891 года, еще молодымъ ученымъ, въ дѣйствительные члены Общества, Вы приняли самое живое участіе въ выработкѣ новаго его устава въ цѣляхъ оживленія научной его дѣятельности и постановки на новыхъ началахъ замиравшаго было музея Общества. Съ 1895 по 1899 г. Вы, съ обычной Вамъ аккуратностью, несли трудъ казначея Общества, а съ 1896 г., по утвержденіи новаго устава, приняли на себя и скромную по этому уставу должность хранителя музея Общества и въ 1899 году были выбраны членомъ совѣта Общества, въ каковыхъ должностяхъ оставались безсмѣнно и до нынѣшняго дня. Скромная должность хранителя музея въ Вашемъ лицѣ нашла представителя, сумѣвшаго поставить нашъ музей въ число первыхъ провинціальныхъ музеевъ Россіи, если не первымъ. Въ скоромъ времени, при энергичномъ и щедромъ обогащеніи его пожертвованіями нашего вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, благодаря Вашимъ заботамъ о новыхъ пріобрѣтеніяхъ за счетъ Общества и о привлеченіи частныхъ пожертвованій, коллекціи музея настолько возросли, что для систематическаго размѣщенія ихъ уже не хватало стараго помѣщенія, и Вамъ принадлежитъ иниціатива возбужденія вопроса о возвращеніи Обществу всего зданія, стоящаго на мѣстѣ, принадлежащемъ Обществу, но въ большей своей половинѣ занятаго Городской публичной библіотекой. Благодаря Вашей энергіи, Вашему такту, послѣ ряда лѣтъ борьбы, наконецъ, въ 1909 году удалось Обществу получить отъ города все зданіе. Тогда за одно лѣто Вы съумѣли не только ремонтировать это зданіе и приспособить его къ нуждамъ музея, но и размѣстить въ немъ всѣ коллекціи музея въ строго научной системѣ и составить и издать ко дню открытія музея въ новомъ помѣщеніи „Краткій указатель музея“.

Съ каждымъ годомъ музей нашъ все болѣе и болѣе посѣщался публикою и учащимися, и этимъ послѣднимъ, если они являлись группами, и классами, Вы никогда не отказывали въ руководствѣ при обзорѣ его коллекцій, давая разъясненія съ обычной Вамъ научной компетентностью и педагогическимъ тактомъ. Эти посѣщенія сдѣлались въ Одессѣ любимой научной экскурсіей учащихся.

Отдавая массу времени накопленію сокровищъ музея, ихъ класификаціи и научной разработкѣ, Вы умѣли всегда строго отдѣлять подлинныя древности отъ самой тонкой фальсификаціи и въ этомъ дѣлѣ достигли такой тонкости, что сдѣлались грозой русскихъ фальсификаторовъ, и Ваша компетенція въ этомъ дѣлѣ была признана и Западной Европой. Общество никогда не забудетъ, что Вамъ первому удалось открыть одесскія поддѣлки и указать наиболѣе искуснаго автора ихъ въ лицѣ творца тіары Сайтаферна.

Въ издательской дѣятельности Общества, сильно ожившей съ 90-хъ годовъ, на Вашу долю выпадаетъ львиная часть. Съ 16-го тома Записокъ нѣтъ ни одного, въ которомъ не было-бы, хотя-бы одной, Вашей статьи, посвященной какому-нибудь памятнику музея. Кромѣ того, Вами изданы три выпуска „Музея Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“, посвященныхъ—первые два терракотамъ музея, третій — геодосійскимъ находкамъ нашего вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда, пожертвованнымъ въ музей; здѣсь Вами даны не только описанія памятниковъ, но въ послѣднемъ выпускѣ и выдающееся, изслѣдованіе по византійской керамикѣ.

За время появленія Вашихъ работъ въ „Запискахъ“ Общества, изданія Общества пріобрѣли извѣстность среди европейскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій, спѣшившихъ вступить съ нашимъ Обществомъ въ обмѣнъ изданіями. что сильно обогащало библіотеку Общества, открывая широкую возможность къ научной работѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вице-президентомъ Общества былъ избранъ нашъ почетный членъ А. Л. Бертье-Делагардъ, постоянно живущій въ Ялтѣ и въ Одессѣ бывающій только

отъ времени до времени, Вы постоянно предсѣдательствовали въ Совѣтѣ и Общихъ собраніяхъ Общества, при чемъ почти каждое такое собраніе было украшено Вашимъ научнымъ сообщеніемъ.

Отъ имени Общества Вы не разъ занимались изслѣдованіями вновь открываемыхъ памятниковъ, вели раскопки, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ въ Петренахъ, (Бѣлецкаго уѣзда Бессарабской губерніи), обогатили нашъ музей керамическими памятниками, пролившими яркій свѣтъ на мѣсто зарожденія арійской культуры неолитическаго періода и на пути ея распространенія на югъ. Наконецъ, Ваши раскопки на островѣ Березани, веденныя Вами въ послѣдніе годы на средства Императорской археологической комиссіи, также обогащали нашъ музей.

Работая надъ изученіемъ древностей Черноморскаго побережья классическаго періода, Вы пролили новый свѣтъ на исторію греческой колонизаціи, на путь распространенія арійской культуры въ Грецію.

Ваши неустанные, безкорыстные труды на пользу Общества не разъ уже находили себѣ справедливую оцѣнку Общества. 1909 году, по заключенію профессора Императорскаго Петербургскаго университета С. А. Жебелева, Общество присудило Вамъ премію имени А. Л. Бертье-Делагарда, ко дню же освященія новаго помѣщенія музея, выбрало Васъ своимъ почетнымъ членомъ.

Ваши выдающіяся научныя работы обратили на Васъ вниманіе и германскаго ученаго міра, и вотъ, уже второй разъ, университетъ въ Галле, имѣвшій всегда на каѳедрѣ древней исторіи лучшихъ представителей науки, останавливаетъ свой выборъ на Васъ, и на этотъ разъ, исполнивъ свой долгъ предъ родиной своей 26-лѣтней профессорской дѣятельностью, Вы не нашли возможнымъ отказаться отъ болѣе широкой арены для своихъ научныхъ занятій въ мѣстѣ, столь близкомъ къ крупнѣйшему научному центру Германіи, въ условіяхъ, наиболѣе благопріятствующихъ научной дѣятельности.

Мы принуждены разстаться съ Вами, но, полные благодарнаго чувства за Вашу дѣятельность на пользу нашего Общества, гордые тѣмъ, что эта дѣятельность дала Вамъ матеріалъ для Вашихъ научныхъ работъ, создавшихъ Вамъ европейское научное имя, мы считаемъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать Вамъ наше глубокое уваженіе и пожелать вамъ, чтобы и на новомъ мѣстѣ Вашей дѣятельности Вы встрѣтили такія-же хорошія, теплыя чувства, какія питали къ Вамъ всѣ члены „Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“. Мы не говоримъ Вамъ „прощайте“, но только „до свиданія“, вполнѣ увѣренные, что Вы не можете позабыть свое дѣтище, нашъ музей, и издали будете постоянно слѣдить за нимъ, навѣщая его и насъ въ вакаціонное время и обогащая наши изданія своими работами, какъ дѣлали это въ бытность въ Одессѣ“.

Адресъ этотъ, художественно исполненный, съ рисунками ряда открытыхъ и описанныхъ Э. Р. предметовъ древности и заключенный въ папку съ изображеніемъ на серебряной доскѣ вида музея, послѣ прочтенія, былъ врученъ Э. Р.

Въ отвѣтъ на этотъ адресъ Э. Р. сказалъ, что и онъ съ грустью разстается съ „Одесскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей“, работая въ которомъ, онъ всегда чувствовалъ себя въ сферѣ чистой, покойной и мирной науки, такъ какъ въ стѣны музея, гдѣ собраны свидѣтели былой культуры человѣчества, никогда не приникалъ шумъ внѣшнихъ событій, и ничто поэтому не нарушало трудовъ членовъ Общества на поприщѣ изученія культурныхъ событій прошлаго юга Россіи. Въ виду этого Э. Р. обѣщалъ по мѣрѣ возможности и впредь содѣйствовать тому, чтобы такого рода дѣятельность Общества продолжалась и въ будущемъ на благо русской наукѣ, на пользу Россіи.

408 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

30 апрѣля 1911 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. В. Никитскій, С. Г. Вилинскій, К. М. Милисавлевичъ, С. Д. Пападимитріу, Б. В. Варнеке, А. В. Лонгиновъ, А. Я. Шпаковъ, Е. А. Шуманскій, А. П. Доброклонскій, К. О. Лысаковскій, члены-сотрудники: А. М. Гамовъ, Б. Э. фонъ-Штернъ, Н. Д. Капетанаки.

Слушали:

1. Предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 16-го марта 1911 г. за № 9851 о томъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ въ 4-й день марта с. г. на принятіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЫСОЧЕСТВОМЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ МИХАИЛОВИЧЕМЪ званія Президента ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Постановили: внести въ протоколъ.

2. Денежный отчетъ казначея и заключеніе ревизіонной комиссіи (А. П. Доброклонскаго, Б. В. Варнеке и С. Г. Вилинскаго) о томъ, что отчетность Общества найдена въ полномъ порядкѣ.

Постановили: отчетъ напечатать и представить въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, а казначея А. Я. Шпакова благодарить за его труды.

3. Предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества командировать депутатовъ на XV Археологическій съѣздъ въ Новгородѣ (въ іюлѣ 1911 г.).

Постановили: сообщить, что обществомъ въ качествѣ депутатовъ командируются члены его—Б. Э. фонъ-Штернъ, А. А. Павловскій, М. Г. Попруженко, А. В. Лонгиновъ, Х. П. Ящуржинскій и В. И. Василенко.

4. Ходатайство Смоленской ученой Архивной комиссіи отъ 23 апрѣля 1911 г. № 363, о высылкѣ ей принадлежащей Обществу рукописи (или копіи съ нея) подъ названіемъ „Записка, изъясняющая

согласно требованію начальства о состояніи и положеніи г. Смоленска 1810 г. 10 сент., подписаную полиціймейстеромъ Д. Сверчковымъ".

Постановили: выслать копію за счетъ комиссіи.

5. Отношеніе инспектора Сенатскаго Архива отъ 31 марта с. г. за № 169 о томъ, что по распоряженію г. предсѣдателя особой комиссіи Обществу высланъ экземпляръ исторіи Правительствующаго Сената.

Постановили: благодарить за присылку этого цѣннаго изданія.

6. Отношеніе состоящей подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ выставки—„Ломоносовъ и Елизаветинское время" (отъ 12 марта с. г. № 676) о доставленіи списка тѣхъ предметовъ, принадлежащихъ Обществу, которые имѣютъ отношеніе къ задачамъ выставки.

Постановили: послать комиссіи указатель музея Общества съ просьбой отмѣтить соотвѣтствующіе предметы.

7. Отношеніе канцеляріи Государственной Думы отъ 7-го марта 1911 г. № 958 о томъ, что Общество включено въ число учрежденій, въ которыя будутъ высылаться всѣ изданія Государственной Думы за III созывъ ея.

Постановили: благодарить и просить выслать отчеты за I и II созывы.

8. Составленную казначеемъ смѣту приходовъ и расходовъ Общества на 1911 г.

Постановили: утвердить и напечатать въ протоколѣ засѣданія.

9. Сообщеніе дѣйствительнаго члена А. Я. Шпакова „Къ двухсотлѣтію учрежденія Правительствующаго Сената".

Постановили: докладчика благодарить, а докладъ напечатать въ „Запискахъ" Общества.

10. Предложеніе Совѣта произвести выборы новыхъ членовъ.

Постановили: послѣ произведенной баллотировки считать избранными—въ дѣйствительные члены: Ивана Семеновича Спаѳариса, доктора классической филологіи Михаила Ильича Мандеса и въ члены-сотрудники: Владиміра Эдуардовича Крусмана (приватъ-доцентъ университета), Ѳеодора Георгіевича Ѳеохариди, Николая Николаевича Вусковича (присяжный повѣренный), Антона Влсильевича Флоровскаго и Семена Лукича Аваліани.

СМѢТА

прихода и расхода суммъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

на 1911 годъ.

ПРИХОДЪ.

Статья	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб. К.
I	ВЫСОЧАЙШЕ дарованнаго пособія	1500
II	Процентовъ съ капитала Общества	2381 80
III	Процентовъ по текущему счету Общества	25
IV	Отъ Русскаго Общества пароходства и торговли за аренду Судакской крѣпости	900
V	Членскихъ взносовъ	50
VI	За аренду Аккерманской крѣпости	100
VII	Отъ продажи изданій Общества	80
VIII	Доходъ отъ посѣтителей Музея за гардеробъ	20
	Итого...	6456 80

РАСХОДЪ.

Статья	НАИМЕНОВАНІЕ СТАТЕЙ	Сумма Руб. К.
I	Жалованье письмоводителю	300
	„ смотрителю музея	1200
	„ его помощнику	300
	„ разсыльному 1-му	228
	„ „ 2-му	228
	„ швейцару	228
II	Квартирныя швейцару	100
III	Наградныя служащимъ	300
IV	Отопленіе зданія музея	750
V	Печатаніе записокъ Общества	1000
VI	Витрины и другія столярныя работы	200
VII	Покупка древностей	100
VIII	Изготовленіе таблицъ и клише	300
IX	Клейка и реставрація древностей	100
X	Почтовые и телеграфные расходы	50
XI	Канцелярскіе и мелкіе расходы	60
XII	Хозяйственные расходы	300
XIII	Экстренные расходы и командировки	200
XIV	Переплетъ книгъ	60
XV	Покупка книгъ	100
XVI	Освѣщеніе зданій музея	300
XVII	Ремонтъ Судакской крѣпости	400
XVIII	Сторожу при крѣпости въ Судакѣ	60
XIX	Страховка зданій музея	18 88
XX	Остатокъ	182 92
	Итого...	6456 80

409 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

25 мая 1911 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. В. Никитскій, А. В. Лонгиновъ, В. Н. Мочульскій, Б. В. Варнеке, А. П. Доброклонскій, Е. А. Шуманскій, А. Я. Шпаковъ, К. О. Лысаковскій, А. В. Рыстенко, А. М. Гамовъ, С. Г. Вилинскій, С. Д. Пападимитріу, И. С. Спафарисъ, Б. М. Ляпуновъ; члены-сотрудники: О. Ѳ. Павловская, Б. Э. фонъ-Штернъ, Н. Д. Капетанаки, Ѳ. Г. Ѳеохариди, А. В. Флоровскій; гость—Лагутинскій.

Слушали:

1. Докладъ д. чл. Я. А. Шпакова — „О жизни и трудахъ скончавшагося русскаго историка В. О. Ключевскаго".

Постановили: благодарить докладчика, а докладъ напечатать въ „Запискахъ" Общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ послать Совѣту Императорскаго Московскаго Университета и Московской Духовной Академіи, въ которыхъ покойный состоялъ профессоромъ, а также сыну его Б. В. Ключевскому—выраженіе искренняго сожалѣнія по поводу понесенной русской наукой утраты въ лицѣ В. О. Ключевскаго.

2. Сообщеніе д. чл. А. В. Никитскаго—„О публикаціяхъ раскопокъ въ Дельфахъ". Докладчикъ подробно на основаніи личныхъ работъ на мѣстѣ сообщилъ о томъ значеніи, которое должно имѣть изданіе находимыхъ въ Дельфахъ надписей, при условіи воспроизведенія ихъ строго научнымъ образомъ. Къ сожалѣнію, предпринятое французской школой изданіе не отвѣчаетъ этимъ требованіямъ и заставляетъ желать лучшихъ воспроизведеній многихъ надписей, такъ какъ очень часто онѣ и прочитаны, и реставрированы не вполнѣ точно.

Постановили: благодарить докладчика.

3. Отношеніе отъ 7 апрѣля 1911 г., № 1995 Высочайше утвержденной Комиссіи по постройкѣ памятника А. С. Пушкину въ Петербургѣ о присылкѣ на устраиваемую Комиссіей выставку предметовъ, касающихся исторіи жизни и творчества русскихъ писателей XIX в.

Постановили: сообщить, что Обществу принадлежитъ палка Пушкина, съ которой можетъ быть для выставки изготовлена фотографія.

4. Отношеніе Императорской Академіи Наукъ о высылкѣ въ Римъ ученому корреспонденту Академіи изданій Общества.

Постановили: выслать всѣ имѣющіяся въ достаточномъ числѣ экземпляровъ изданія.

5. Письмо Одесскаго городского головы отъ 5 мая, № 927 о сообщеніи свѣдѣній о принадлежащихъ Обществу боевыхъ трофеяхъ русскаго воинства, такъ какъ эти свѣдѣнія необходимы для Высочайше учрежденной Комиссіи по описанію такихъ памятниковъ.

Постановили: препроводить городскому головѣ указатель Музея.

410 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

9 сентября 1911 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, почетный членъ Э. Р. фонъ-Штернъ, дѣйствительные члены: С. Д. Пападимитріу, В. Н. Мочульскій, С. Г. Вилинскій, Б. В. Варнеке, А. Я. Шпаковъ, Г. И. Танфильевъ, П. Г. Меликовъ, Е. А. Шуманскій, А. П. Рыстенко, члены-сотрудники: С. А. Аваліани, А. М. Гамовъ, Н. Н. Вусковичъ, В. И. Василенко, Е. Г. Кагаровъ, гости — П. О. Подлипскій, Е П. Трифильевъ, А. И. Селенгинскій.

Слушали:

1. Предложеніе Императорской Археологической Комиссіи отъ 10 августа 1911 г. № 1401 дать заключеніе по содержанію отношенія Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 30 іюня 1911 г. въ виду возбужденнаго Бессарабскимъ Губернаторомъ вопроса о передачѣ въ вѣдѣніе города Аккерманской крѣпости, нынѣ (съ 1896 г.) находящейся въ вѣдѣніи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, и докладъ Совѣта Общества по этому дѣлу:

„Вопросъ, возбужденный Аккерманской Городской Управою о передачѣ въ ея вѣдѣніе Аккерманской крѣпости, не является новымъ для Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вскорѣ послѣ того, какъ крѣпостью стало завѣдывать Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, Аккерманскіе городскіе дѣятели, правильно оцѣнивая значеніе большой крѣпостной территоріи для города, стали дѣлать предложенія объ уступкѣ перваго двора крѣпости то для устройства ярмарки, то для сооруженія больницы, то для постройки школы. Вслѣдствіе отказовъ руководителей Общества идти навстрѣчу этимъ предложеніямъ отношенія между г. Аккерманомъ и Обществомъ стали довольно натянутыми и обострились еще болѣе, когда Общество вынуждено было выступить со своимъ энергичнымъ проте-

стомъ противъ города по поводу варварскаго уничтоженія античнаго могильника на гласисѣ крѣпости и прилегающей къ нему территоріи. Началось длинное дѣло (срв. протоколы засѣданій Общества 324 отъ 9 марта 1900 г. подъ п. X, 325 отъ 24 апрѣля 1900 г. п. XV, 327 отъ 21 сентября 1901 г. п. XII, 340 отъ 28 января 1902 г. п. XIX, 343, отъ 30 мая 1902 г. п. VIII), велись продолжительные переговоры, которые однако остались для дѣла безрезультатными. Тогда тактика представителей города Аккермана перемѣнилась: стали раздаваться нареканія и жалобы, что Общество не принимаетъ мѣръ для охраны крѣпости, что этотъ замѣчательный памятникъ все болѣе и болѣе разрушается; эти нареканія вылились теперь въ опредѣленное предложеніе передать крѣпость въ цѣляхъ ея сохраненія самому городу.

На самомъ дѣлѣ эти нареканія мало соотвѣтствуютъ истинѣ: Общество при пріемѣ крѣпости передало наблюденіе за нею мѣстному нотаріусу г. Штулькерцу (протоколъ 298 засѣданія отъ 28 сентября 1896 года), а послѣ его выѣзда изъ Аккермана г. инспектору городского училища Ѳ. М. Кречуну (протоколъ 327 засѣданія отъ 23 октября 1900 г.), который и до сихъ поръ ею завѣдуетъ. Оба эти лица, по указанію Общества, все время принимали мѣры охраны крѣпости: устроены были ворота, поселенъ былъ въ крѣпости сторожъ, задѣланъ былъ входъ въ минаретъ, чтобы спасти его отъ окончательнаго разрушенія карабкающимися наверхъ посѣтителями, производился неоднократно мелкій ремонтъ, (ср. п. зас. 340, отъ 28 января 1902 г. п. X и XI) и, наконецъ, когда просвѣщенными аккерманскими жителями разведенъ былъ костеръ подъ лафетомъ единственной оставшейся на стѣнахъ цитадели пушки, входъ въ крѣпость совершенно былъ запрещенъ и допускался лишь съ разрѣшенія г. полиціймейстера, а тѣхъ посѣтителей, которые со стороны лимана карабкались наверхъ безъ разрѣшенія, хоть нѣсколько сдерживали собаки, содержимыя арендаторомъ склада въ первомъ дворѣ крѣпости г. Лембергомъ. Мѣры къ охранѣ крѣпости отъ разрушительныхъ рукъ невѣжественной публики такимъ образомъ принимались и принимаются; къ крупнымъ-же ремонтамъ Общество пока приступить не могло: оно за послѣдніе годы получаетъ 100 руб. въ годъ отъ отдачи въ аренду нѣсколькихъ погребовъ въ первомъ дворѣ крѣпости, а такъ какъ на 100 руб. въ годъ никакихъ существенныхъ работъ предпринимать нельзя, стало копить эти деньги, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи болѣе крупную сумму для постепеннаго ремонта особенно пострадавшихъ частей крѣпостныхъ сооруженій. Но и такой суммы, конечно, недостаточно для приведенія въ порядокъ разрушенныхъ ея частей; какъ видно изъ доклада самаго компетентнаго судьи дѣла, вице-президента Общества инженеръ-генерала, А. Л. Бертье-Делагарда (протоколъ засѣданія 29 апрѣля 1899 года) на это требуется „много десятковъ тысячъ рублей“.

Какъ явствуетъ изъ акта передачи крѣпости въ завѣдываніе Общества (срв. протоколъ 298 засѣд. отъ 28 сентября 1896 года), она тогда находилась въ печальномъ состояніи; съ тѣхъ поръ рушилась одна стѣна со стороны лимана и половина одной изъ четырехъ башенъ цитадели; это однако неминуемо должно было произойти, такъ какъ озабоченный теперь сохраненіемъ крѣпости городъ Аккерманъ взорвалъ на берегу лимана всѣ каменныя плиты для своихъ строительныхъ цѣлей и тѣмъ лишилъ всѣ нижнія стѣны и башни цитадели ихъ естественной защиты отъ разрушительныхъ дѣйствій весеннихъ разливовъ лимана. Помочь этой бѣдѣ возможно, какъ уже указано въ докладѣ профессора Э. фонъ-Штерна, хранителя Одесскаго музея, (срв. протоколъ засѣданія № 352 отъ 29 мая 1903 г.) лишь устройствомъ очень дорого стоящихъ контръ-форсовъ, что исполнить не по средствамъ Обществу. *Другихъ существенныхъ измѣненій въ состояніи крѣпости, если сравнить описаніе ея, сдѣланное при актѣ передачи, съ нынѣшнимъ ея положеніемъ,—за время завѣдыванія крѣпостью Обществомъ не послѣдовало, и всѣ нареканія въ этомъ отношеніи могутъ быть документально опровергнуты.*

Совѣтъ на дняхъ еще командировалъ комиссію, состоящую изъ почетнаго члена члена Совѣта Э. фонъ-Штерна, дѣйств. члена секретаря М. Г. Попруженко и члена-сотрудника инженеръ-технолога В. С. Коропачинскаго, для осмотра крѣпости, и этой комиссіею тщательнымъ осмотромъ на мѣстѣ установлено, что, кромѣ обвала части облицовки турецкаго рва, послѣдовавшаго зимою этого года подъ вліяніемъ зимнихъ непогодъ, *рѣшительно никакихъ новыхъ поврежденій не существуетъ*, такъ что утвержденіе, будто „крѣпость за время завѣдыванія ею Императорскимъ Одесскимъ Обществомъ лишилась многихъ изъ тѣхъ сооруженій, которыя еще недавно украшали таковую“, не соотвѣтствуетъ истинѣ.

Свѣдѣнія о разрушеніи стѣнъ кладоискателями еще съ 1904 г. поступали въ Импер. Арх. Комиссію, и она командировала своего члена Б. В. Фармаковскаго для осмотра на мѣстѣ. Въ обстоятельномъ и цѣнномъ докладѣ г. Фармаковскаго (срв. протоколъ засѣданія 368 отъ 5 сентября 1905 г.) о новыхъ разрушеніяхъ ничего не упоминается, а совершенно справедливо указывается, что для сохраненія стѣнъ отъ разрушенія той охраны, которая существуетъ въ Аккерманѣ въ настоящее время, далеко недостаточно, и поэтому Имп. Арх. Комиссія вошла съ отношеніемъ въ Департаментъ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ которомъ предлагается принятіе ряда цѣлесообразныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи. Къ сожалѣнію Министерство, повидимому, не нашло возможнымъ осуществить эти мѣры, кромѣ мѣры подъ № 5, между тѣмъ какъ Общество могло болѣе или менѣе строго осуществить мѣру подъ № 2.

Какъ относится городъ Аккерманъ къ своей крѣпости, видно изъ донесенія профессора А. А. Кочубинскаго, почетнаго гражданина города

Аккермана, при актѣ передачи крѣпости Обществу; тамъ читаемъ: „Вообще крѣпость въ ея настоящемъ состояніи—болѣе или менѣе однѣ развалины, не исключая высокихъ башенъ, воспѣтыхъ Пушкинымъ. Всякій, кто, какъ хотѣлъ, такъ и разрушалъ ея многовѣковыя стѣны. Лучшая иллюстрація—огромная канава, сдѣланная городскимъ управленіемъ въ 70-хъ годахъ для спуска воды въ крѣпостной ровъ съ улицъ города, и тѣ домики, которыя прилѣплены къ самой стѣнѣ или облицовкѣ рва: вмѣсто оконъ продѣланы отверстія въ стѣнѣ, для спуска къ лиману разобрана стѣна“ и т. д; это видно дальше изъ указаннаго выше факта взрыванія скалъ у лимана, на которыя опиралась часть стѣны, видно, наконецъ, изъ недавняго уничтоженія древняго кладбища. Если теперь городъ обнаруживаетъ вдругъ просвѣщенный интересъ къ охранѣ крѣпости, то Совѣтъ Императорскаго Одесскаго Общества, конечно, это привѣтствуетъ съ особой радостью; однако послѣ горькихъ опытовъ прежнихъ лѣтъ возникаютъ новыя сомнѣнія въ безкорыстности этого интереса, и эти сомнѣнія усугубляются тѣмъ, что изъ предложенныхъ городомъ мѣръ для охраны явствуетъ, что городъ или себѣ не выяснилъ, въ чемъ цѣль и задача этой охраны или, зная это, старался громкими фразами давать Министерству несбыточныя обѣщанія. Ибо обѣщанныя городомъ мѣры или неосуществимы и ненужны, или при состояніи Аккерманской городской кассы прямо невыполнимы. Городъ обѣщаетъ: 1) „установить надлежащую охрану“. Желательно было-бы знать, въ чемъ будетъ состоять эта „надлежащая“ охрана, и будутъ ли городомъ приняты тѣ мѣры, на которыя указываетъ Императорская Археологич. Комиссія въ своемъ отношеніи, выше названномъ, какъ на минимумъ; 2) „поставить въ цитадели ворота наружныя и внутреннія“,—это настоящій пустякъ, стоящій около 100 рублей; Обществомъ ворота не поставлены потому, что имѣются ворота при входѣ въ крѣпость; разъ вообще входъ въ крѣпость закрытъ, то эти вторыя ворота являются совершенно лишними; 3) „поставить фонари для освѣщенія крѣпости“; изъ этого обѣщанія видно, что городъ намѣренъ идти на встрѣчу желанію жителей города и сдѣлать изъ крѣпости мѣсто вечернихъ гуляній, а между тѣмъ изъ названнаго выше отношенія Имп. Арх. Коммиссіи видно, что по вѣрному мнѣнію ея наиболѣе полная изоляція крѣпости отъ города одна изъ самыхъ существенныхъ задачъ ея охраны; 4) сдѣлать ремонтъ, «который дастъ возможность сохранить крѣпость въ ея нынѣшнемъ видѣ», а именно задѣлать стѣны цитадели, укрѣпить въ цитадели арки дверныя и оконныя и 5) принять мѣры къ предупрежденію разрушенія отдѣльныхъ частей крѣпости и сохранить въ цѣлости нѣкоторыя крѣпостныя башни. Эти два послѣднія обѣщанія особенно характерны: изъ нихъ видно, что городъ хорошо понимаетъ, что гордо обѣщанный ремонтъ, который, какъ сказано, стоитъ много десятковъ тысячъ рублей, ему не по силамъ, и поэтому въ цитадели намѣренъ укрѣпить дверныя и оконныя арки, а это не-

большая работа, такъ какъ эти арки цѣлы, и задѣлать стѣны, которыя тамъ трещинъ не имѣютъ, но ни словомъ не обмолвился о самомъ важномъ—о поддержаніи башенъ цитадели и о предупрежденіи паденія ихъ со стѣнъ,—т. е. объ устройствѣ необходимыхъ контрфорсовъ со стороны лимана; что касается крѣпости, то-есть сооруженій въ первомъ дворѣ, то городъ обѣщаетъ сохранить лишь отдѣльныя части и «нѣкоторыя» башни, должно быть тѣ, которыя, какъ осьми-угольная, находятся въ совершенно цѣломъ видѣ, а другія части и остальныя башни желаетъ, повидимому, обречь на гибель. Такимъ образомъ, городъ въ сущности ничего не обѣщаетъ, кромѣ незначительнаго ремонта, если анализировать его громкія фразы, и, конечно, и обѣщать не можетъ, потому что у него нѣтъ средствъ для капитальнаго ремонта, каковой необходимъ для дѣйствительнаго сохраненія крѣпости.

Поэтому Совѣтъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, принимая во вниманіе какъ прошлое отношеніе города къ крѣпости, такъ и считаясь съ неопредѣленностью и сбивчивостью сдѣланныхъ теперь имъ обѣщаній, полагалъ-бы чрезвычайно опаснымъ для сохраненія аккерманской крѣпости даже въ ея теперешнемъ видѣ возвращенія завѣдыванія ею городу; если же Министерство тѣмъ не менѣе на это рѣшится, то слѣдовало-бы раньше точно опредѣлить, какія работы по ремонту крѣпости и цитадели городъ беретъ на себя, какія мѣры охраны имъ должны быть приняты, и въ обезпеченіе дѣйствительнаго исполненія этихъ мѣръ и работъ необходимо потребовать отъ города внесенія довольно значительнаго денежнаго залога—не менѣе 15—20 тысячъ рублей. Но маленькій городокъ, который имѣетъ долгъ въ 160 тысячъ рублей, конечно, этого сдѣлать не въ состояніи, и, какъ командированная въ Аккерманъ комиссія на мѣстѣ выяснила, вовсе не намѣренъ тратить деньги на сохраненіе крѣпости, а напротивъ желаетъ извлечь пользу изъ ея территоріи. Уполномоченный Общества, состоящій въ то-же время гласнымъ Аккерманской думы, сообщилъ, что въ думѣ возбужденъ вопросъ о передачѣ крѣпости гласнымъ (бывшимъ писаремъ) Павловскимъ съ прямымъ указаніемъ на то, что слѣдуетъ сохранить лишь ворота и цитадель, а остальныя, особенно турецкаго времени, сооруженія и стѣны можно снести, камень продать и планировать для города большую площадь: при незначительныхъ затратахъ для ремонта „нѣкоторыхъ“ башенъ городъ отъ этихъ операцій получитъ-де хорошій доходъ. Этому соотвѣтствуетъ и формулировка предложенія города, въ которомъ и говорится о предупрежденіи разрушенія *„отдѣльныхъ“* частей крѣпости, а вовсе не всей, и о сохраненіи „нѣкоторыхъ“ крѣпостныхъ башенъ, а опять таки не всѣхъ. Показанія уполномоченнаго Общества вполнѣ подтверждены были однимъ учителемъ женской гимназіи, который сообщилъ комиссіи, что городъ разсчитываетъ на возможность сноса значительной части крѣпости, и который при этомъ прибавилъ, что передача крѣ-

пости городу повлечетъ за собою полную ея гибель. Насколько городское управленіе въ теперешнемъ своемъ составѣ заботится, несмотря на свои смѣлыя нареканія и громкія фразы, о сохраненіи крѣпости, явствуетъ и изъ того, что оно на дняхъ еще начало сваливать вынутую при замощеніи улицъ глину на непринадлежащій ему гласисъ крѣпости и перестало это дѣлать лишь послѣ энергичнаго протеста нашего уполномоченнаго.

Въ виду изложеннаго Совѣтъ на запросъ Министерства можетъ дать только заключеніе въ смыслѣ безусловнаго отклоненія ходатайства города Аккермана.

Постановили: сообщить Императорской Археологической комиссіи слѣдующее:

1. Свѣдѣнія, сообщенныя Бессарабскимъ губернаторомъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ (срв. копію отношенія Мин. Вн. Дѣлъ, Департамента Общихъ Дѣлъ, отдѣленіе V, столъ 2 отъ 20 іюня 1911 г. за № 19567), будто Обществомъ не принимаются мѣры къ поддержанію и охранѣ крѣпости, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

2. Утвержденіе, будто «благодаря этому» (т. е. отсутствію должнаго ремонта) крѣпость лишилась многихъ изъ тѣхъ сооруженій, которыя еще недавно украшали ее и увеличивали ея археологическую цѣнность, является совершенно голословнымъ, невѣрнымъ обвиненіемъ, какъ выяснено на мѣстѣ спеціально командированной въ Аккерманъ комиссіей, состоящей изъ почетнаго члена Общества Э. Р. фонъ-Штерна, д. ч. Общества проф. М. Г. Попруженко и члена-сотрудника инженеръ-технолога В. С. Коропачинскаго.

3. Обѣщанія Аккерманской думы установить въ случаѣ передачи ей крѣпости надлежащую охрану и произвести ремонтъ и мѣры, ею предлагаемыя, являются совершенно неопредѣленными, отчасти неосуществимыми или даже гибельными для этого памятника старины.

4. Въ виду всего этого и на основаніи подробнаго доклада въ засѣданіи Совѣта Общества (приведенъ выше), изъ котораго видно отношеніе города къ крѣпости какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, и цѣль, преслѣдуемая городомъ при возбужденіи ходатайства о передачѣ ему крѣпости, Совѣтъ Общества единогласно постановилъ считать таковую передачу несоотвѣтствующей задачамъ охраненія памятниковъ старины, а потому полагаетъ, что указанное ходатайство города Аккермана не должно быть удовлетворено.

Со своей стороны Общество имѣетъ честь присовокупить, что оно, скопивъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ нѣсколько сотенъ рублей отъ эксплоатаціи территоріи крѣпости, намѣрено (если крѣпость останется въ завѣдываніи Общества) весной будущаго года произвести, гдѣ это возможно, нѣкоторый ремонтъ въ цѣляхъ сохраненія крѣпости отъ дальнѣйшаго разрушенія со стороны Аккерманскаго населенія, а именно задѣлать входъ съ «Кавказа» (предмѣстье Аккермана) въ крѣпость и огородить входъ въ цитадель со стороны лимана.

2. Отношеніе Канцеляріи Государственной Думы отъ 14 іюня 1911 г. № 2274 о высылкѣ Обществу стенографическихъ отчетовъ засѣданій Думы перваго и второго созывовъ.

Постановили: благодарить Канцелярію Госуд. Думы.

3. Сообщеніе секретаря Общества, что Управленіе Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ Херсонской и Бессарабской губерніи препроводило Обществу 224 дѣла упраздненнаго нынѣ Попечительнаго Комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи.

Постановили: благодарить Управленіе, а дѣла сдать въ архивъ Общества.

4. Отношеніе Херсонской Городской Управы отъ 24 августа 1911 г. № 10183 съ выраженіемъ Обществу благодарности за присылку въ даръ Городскому Херсонскому Музею изданій Общества и съ препровожденіемъ экземпляра изданнаго И. И. Гошкевичемъ труда „Монеты и медали Херсонскаго Городского Музея".

Постановили: благодарить; книгу передать въ библіотеку Общества.

5. Сообщеніе хранителя музея о томъ, что въ музей Общества поступили слѣдующіе предметы: 1) Пожертвовано д. чл. Общества Е. А. Шуманскимъ:—форма для отливки античныхъ подвѣсокъ и 2) Куплены—3 античныхъ стекла и одна римская ваза (за 150 руб. у Гохмана) и 2 серебряныхъ креста (за 15 руб.).

Постановили: записать въ инвентарь.

6. Сообщеніе почет. члена Э. Р. фонъ-Штерна о вазахъ съ акварельной живописью. Докладчикомъ было указано, что въ Одесскомъ музеѣ находится очень много вазъ съ рисунками (въ краскахъ), изображающими различные мотивы религіозныхъ вѣрованій грековъ колоній, причемъ имъ было замѣчено, что изданіе описанія этихъ вазъ должно быть весьма цѣннымъ для науки.

7. Предложеніе Совѣта Общества избрать въ дѣйствительные члены Общества — профессора Евгенія Парѳентьевича Трифильева, хранителя музея приватъ-доцента Евгенія Георгіевича Кагарова и въ члены-сотрудники: привата-доцента Петра Михайловича Бицилли и Александра Ивановича Селенгинскаго.

Постановили: считать согласно баллотировкѣ всѣхъ избранными.

411 засѣданіе

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

20 октября 1911 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ члена Совѣта А. А. Павловскаго, при секретарѣ М. Г. Попруженко, дѣйствительные члены: А. Я. Шпаковъ, А. В. Лонгиновъ, А. Е. Егоровъ, Е. А. Шуманскій, Е. Г. Кагаровъ, М. Ѳ. Шкадышекъ, А. В. Рыстенко, К. М. Милисавлевичъ, Е. П. Трифильевъ, С. Д. Пападимитріу, И. С. Спафарисъ, члены-сотрудники: П. М. Бицилли, С. А. Аваліани, В. Э. Крусманъ, А. В. Флоровскій, А. М. Гамовъ, А. И. Селенгинскій.

Слушали:

1. Сообщеніе Совѣта о томъ, что 3 ноября текущаго года исполняется 40-лѣтіе ученой дѣятельности дѣйствительнаго члена Общеакадемика Ѳедора Ивановича Успенскаго, директора Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Постановили: высоко цѣня ученыя заслуги академика Ѳ. И. Успенскаго въ области изученія исторіи Византіи вообще, а въ частности его труды по изученію многихъ вопросовъ исторіи Россіи,— единогласно избрать его почетнымъ членомъ Общества и ко дню юбилея принести ему поздравленіе.

2. Отношеніе Императорской Археологической Комиссіи отъ 19 сентября 1911 г. № 1618 съ препровожденіемъ головки (изъ бронзы), отлитой по античной глиняной формѣ, найденной при раскопкахъ въ Ольвіи и изданной въ вып. 40 „Извѣстій Комиссіи“ и сообщеніе хранителя музея, что предметъ этотъ записанъ въ инвентарь музея № XIII/2.

Постановили: благодарить Комиссію.

3. Приглашеніе Императорской Академіи Наукъ принять участіе въ торжественномъ засѣданіи Академіи 8 ноября, по случаю двухсотлѣтія со дня рожденія М. В. Ломоносова.

Постановили: послать Академіи слѣдующую телеграмму: „Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей съ чувствомъ глубочайшаго почтенія присоединяется къ торжественному чествованію памяти великаго русскаго ученаго Ломоносова“.

4. Отношеніе Комиссіи по устройству Императорской Академіей наукъ выставки—„Ломоносовъ и Елизаветинское время“ (отъ 15-го октября 1911 г. № 3528) съ просьбой прислать для выставки рядъ принадлежащихъ Обществу предметовъ.

Постановили: сообщить, что съ предметовъ этихъ могутъ быть высланы лишь фотографіи, такъ какъ въ подлинникахъ предметовъ изъ своего музея Общество согласно неизмѣнному своему рѣшенію не высылаетъ.

5. Предложеніе Совѣта установить слѣдующій порядокъ для занятій рукописями, принадлежащими Обществу:—Занятія рукописями разрѣшаются предсѣдателемъ съ сообщеніемъ о томъ Совѣту, при чемъ лицу, желающему заниматься рукописями, сообщается, что извлекаемые изъ нихъ матеріалы должны быть предоставляться для напечатанія въ „Запискахъ“ Общества, отъ издательскаго комитета которыхъ зависитъ дать согласіе на помѣщеніе ихъ въ другомъ изданіи.

Постановили: одобрить.

6. Сообщеніе д. чл. Б. В. Варнеке—„О новой попыткѣ классификаціи терракотъ“.

Докладчикъ указалъ на тѣ затрудненія, которыя постоянно встрѣчаются при попыткахъ точно установить значеніе и назначеніе каждой терракоты въ отдѣльности. Гальскій ученый К. Робертъ въ сочиненіи Die Masken d. neueren attischen Komoedie для этой цѣли пользуется каталогомъ масокъ комедіи Юлія Поллукса. Но вопреки мнѣнію Роберта, этотъ каталогъ составленъ съ большимъ нарушеніемъ систематичности, и тамъ въ число персонажей „новой“ комедіи включено много персонажей „древней“ комедіи. Робертъ считаетъ за изображеніе персонажей „новой“ комедіи всѣ тѣ терракоты, прическа коихъ соотвѣтствуетъ описанію Поллукса. Но такъ какъ та-же самая прическа должна была имѣть примѣненіе и въ дѣйствительной жизни, то поэтому соотвѣтствіе Поллуксову описанію вовсе еще не устраняетъ сомнѣній на счетъ того, что представляетъ собой каждая терракота въ отдѣльности: жанръ или иллюстрацію комедіи.

Постановили: благодарить докладчика.

7. Слѣдующій докладъ члена-сотрудника А. И. Селенгинскаго:

По порученію Совѣта Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей я отправился въ с. Надушиту Сорокскаго уѣзда Бессарабской губерніи для осмотра находки крестьянина Давида Нико, о которой сообщилъ Обществу мѣстный земскій инструкторъ.

И дѣйствительно, я нашелъ у указаннаго крестьянина довольно большой известняковый камень (0,91 метр. высоты и 1,47 м. въ окружности), грубо обдѣланный въ формѣ истукана.

Верхняя часть его (0,36 м.) представляетъ оголенную голову взрослаго мужчины съ ясно обозначенными усами и небольшой бородой.

Слабо моделированнные глаза производятъ впечатлѣніе какъ-бы опущенныхъ вѣкъ и придаютъ всему лицу выраженіе мертваго спокойствія.

Нижняя часть камня (0,55 м.) отесана въ видѣ четырехграннаго столба (0,46×0,28 м.) въ родѣ Terminus'a древнихъ римлянъ.

О подобныхъ статуяхъ говоритъ гр. А. С. Уваровъ въ своей статьѣ о каменныхъ бабахъ (Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ въ 1869 г., томъ II, стр. 501—520), относя ихъ ко второй стадіи въ развитіи бабъ,—этихъ загадочныхъ стражей степныхъ кургановъ.

Описанная статуя найдена была крестьяниномъ Давидомъ Нико въ полѣ при вспашкѣ своей земли, приблизительно въ $2^1/_2$ верстахъ къ В. Ю. В. Ю. отъ с. Надушиты, недалеко отъ дороги, ведущей на Бѣльцы.

Вблизи мѣста находки, шагахъ въ 20 къ югу, возвышается курганъ, сильно расползшійся отъ вспашки и дождей (діаметръ 41,5 метр., высота около 10 метровъ).

Весьма вѣроятно, что статуя первоначально находилась на этомъ курганѣ, а затѣмъ была сброшена съ него.

Вдали виднѣется еще нѣсколько кургановъ.

И вся окружающая мѣстность представляетъ холмистую поверхность, словно всколыхнутую когда-то мощной бурей и такъ и застывшую въ широкихъ переливахъ своихъ волнъ—холмовъ; на гребняхъ ихъ кое-гдѣ поднялись всплески—курганы,—это послѣднее успокоеніе первыхъ кочевниковъ нашихъ степей.

П о с т а н о в и л и: принять къ свѣдѣнію и благодарить докладчика за его труды.

Изданія Общества:

1) Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4 (въ продажѣ нѣтъ).

2) Discriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum. *N. Mursakewicz.* Odessa, 1841, in 4 (въ продажѣ нѣтъ).

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева.* С.-Петербургъ, 1841, in 4.

4) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1844—1911, XXIX томовъ (до XV in 4 и съ XVI in 8) (въ продажѣ есть т. 2 ч. 2, т. 3 и съ 10 т.).

5) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества. Одесса, 1883 г. (въ продажѣ нѣтъ).

6) Указатель къ статьямъ, помѣщеннымъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 г.

7) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner.* Odessa, 1845, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

8) Исторія о козакахъ запорожскихъ, князя *Мышецкаго.* Одесса, 1851, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

9) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н Мурзакевича.* Одесса, 1861, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

10) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des mémoires par *Ph. Brunn.* Odessa, 1875, in 12 (въ продажѣ нѣтъ).

11) Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserlichen historisch-archäologischen Geselschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau.* Odessa, 1876, in 4.

12) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, *В. Юргевича.* Одесса, 1890, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

13) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *А. Бертье-Делагарда.* Одесса, 1888, in 8.

14) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго. Общества Исторіи и Древностей (1839 — 1889), составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

15) Каталогъ библіотеки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Одесса, 1893 г.

16) Указатель Ѳеодосійскаго музея древностей. Одесса, 1890, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

17) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ *В. А. Яковлевъ.* Одесса, 1892 г.

18) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, опис. А. А. Деревицкимъ, А. А. Павловскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Одесса, 1897—1898. Вып. III. Ѳеодосія и ея керамика. Изд. Э. Р. фонъ-Штерномъ, хранителемъ музея. Одесса, 1906 г. (в. I въ продажѣ нѣтъ).

19) Краткій указатель музея Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Изд. 3, Одесса, 1912 г.

20) Рукописи, принадлежащія библіотекѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, описалъ *А. В. Рыстенко.* В. I, Одесса, 1910 г.

Преміи, находящіяся въ распоряженіи ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи.

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества Димитрія Максимовича Княжевича, учрежденная въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елисаветой и Екатериной Княжевичъ.

II. Вторая, временная, премія, учрежденная Одесскою Городскою Думою приговоромъ отъ 13-го ноября 1889 г. по случаю имѣвшагося совершиться 14 ноября того-же года 50-лѣтія дѣятельности Императорскаго Одессаго Общества Исторіи и Древностей. Премія присуждается за лучшій печатный или рукописный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи, вышедшій въ теченіе послѣднихъ 5-ти лѣтъ.

Изданія Общества:

1) Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4 (въ продажѣ нѣтъ).

2) Discriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum *N. Mursakewicz.* Odessa, 1841, in 4 (въ продажѣ нѣтъ).

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева.* С.-Петербургъ, 1841, in 4.

4) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1844—1911, XXIX томовъ (до XV in 4 и съ XVI in 8) (въ продажѣ есть т. 2 ч. 2, т. 3 и съ 10 т.).

5) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества. Одесса, 1883 г. (въ продажѣ нѣтъ).

6) Указатель къ статьямъ, помѣщеннымъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 г.

7) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese. Von *Dr. Pinner.* Odessa, 1845, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

8) Исторія о козакахъ запорожскихъ, князя *Мышецкаго.* Одесса, 1851, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

9) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н Мурзакевича.* Одесса, 1861, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

10) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des mémoires par *Ph. Brunn.* Odessa, 1875, in 12 (въ продажѣ нѣтъ).

11) Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserlichen historisch-archäologischen Geselschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau.* Odessa, 1876, in 4.

12) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, *В. Юргевича.* Одесса, 1890, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

13) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *А. Вертье-Делагарда.* Одесса, 1888, in 8.

14) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1889), составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

15) Каталогъ библіотеки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1893 г.

16) Указатель Феодосійскаго музея древностей. Одесса, 1890, in 8 (въ продажѣ нѣтъ).

17) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ *В. А. Яковлевъ.* Одесса, 1892 г.

18) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, опис. А. А. Деревицкимъ, А. А. Павловскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Одесса, 1897—1898. Вып. III. Феодосія и ея керамика. Изд. Э. Р. фонъ-Штерномъ, хранителемъ музея. Одесса, 1906 г. (в. I въ продажѣ нѣтъ).

19) Краткій указатель музея Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Изд. 3, Одесса, 1912 г.

20) Рукописи, принадлежащія библіотекѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, описалъ *А. В. Рыстенко.* В. I, Одесса, 1910 г.

Преміи, находящіяся въ распоряженіи ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя премія, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи.

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества, Димитрія Максимовича Княжевича, учрежденная въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елисаветой и Екатериной Княжевичъ.

II. Вторая, временная, премія, учрежденная Одесскою Городскою Думою приговоромъ отъ 13-го ноября 1889 г. по случаю имѣвшагося совершиться 14 ноября того-же года 50-лѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Премія присуждается за лучшій печатный или рукописный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи, вышедшій въ теченіе послѣднихъ 5-ти лѣтъ.